

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА СИ-
БИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ
СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

Т. 1. Конец XVIII — середина 90-х годов XIX века

Ответственный редактор
кандидат искусствоведения В.Н. Волкова

НОВОСИБИРСК
2000

ББК 76.11
О-94
УДК 002.2

Редакционная коллегия "Очерков":

чл.-кор. РАН Л.М. ГОРЮШКИН (председатель), канд. пед. наук
Е.Б. АРТЕМЬЕВА, д-р филол. наук И.Е. БАРЕНБАУМ, канд. искусствоведения
В.Н. ВОЛКОВА, канд. ист. наук И.А. ГУЗНЕР, д-р техн. наук Б.С. ЕЛЕПОВ, д-р
ист. наук В.А. ЗВЕРЕВ, канд. ист. наук С.Н. ЛЮТОВ, д-р ист. наук
А.С. МЫЛЬНИКОВ, д-р ист. наук С.А. ПАЙЧАДЗЕ (зам. председателя), д-р ист.
наук А.Л. ПОСАДСКОВ, канд. ист. наук В.А. ЭРЛИХ (отв. секретарь).

Рецензенты:

С.В. Белов, д-р ист. наук
В.И. Матющенко, д-р ист. наук

О-94 **Очерки** истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. 1. Конец
XVIII — середина 90-х годов XIX века / Отв. ред. В.Н. Волкова. — Новоси-
бирск, 2000. — 316 с.

Издание является первым томом коллективного книговедческого исследования, посвященного развитию книжной культуры в азиатской части России с момента возникновения здесь местного книгопечатания до наших дней. Впервые в историко-книжной науке воссоздается целостная картина развития на территории Сибири и Дальнего Востока полиграфического производства, книгоиздания, книгораспространения, библиотечного дела, чтения и восприятия произведений печати, выявляется роль книги в социальной, экономической и культурной жизни региона. Всесторонний анализ развития местного книжного дела помогает более глубокому осмыслению историко-книжных традиций сибирских и дальневосточных народов.

Книга рассчитана на книговедов, историков культуры, преподавателей, аспирантов и студентов гуманитарных вузов, краеведов.

© Государственная публичная научно-техническая
библиотека Сибирского отделения Российской
академии наук (ГПНТБ СО РАН), 2000

ISBN 5-7692-0270-10 (т. 1)
ISBN 5-7692-0269-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Установление закономерностей возникновения и развития книжного дела в крупных географических и экономических районах, изучение фактов и событий, происходивших здесь в прошлом и имеющих место в настоящем времени, принадлежат к наиболее важным проблемам исследования эволюции мировой культуры. Книжные потоки, избыток или недостаток книг, потребность в книге в крупных регионах мира, к числу которых принадлежат Сибирь и Дальний Восток, — эти проблемы в различных частях земного шара уже многие годы привлекают внимание русских и зарубежных специалистов.

В Новосибирске учеными Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН) впервые в книговедческой практике предпринята попытка создать многотомную коллективную монографию, посвященную данной проблеме, — "Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока". Аналога у этой работы в нашей стране и за рубежом нет. Издание Российской национальной библиотеки "Книга в России", хотя и уделяет внимание событиям "на местах", но в силу своего характера не может дать достаточно подробной картины социального бытования книги в провинции. Выполнение этой задачи возможно только в рамках специального труда. К тому же хронологические рамки "Очерков" имеют больший временной охват, а работа наших коллег из города на Неве ограничивается периодом до 1917 г.

Рассмотрение в запланированных "Очерках" исторических событий на территории значительной части Евразии нуждается в некоторых предварительных замечаниях. Требуется, быть может, прежде всего уточнения понятие книжной культуры, комментарии к хронологическим и географическим рамкам работы и некоторые другие.

Термин "книжная культура" употребляется зачастую как условная дефиниция в силу того, что у специалистов существует далеко не единое мнение по поводу определения терминов "культура" и "книга". Авторы посчитали возможным использовать в данной монографии приводимое ниже толкование этого многогранного явления. Очевидно, что уровень книжной культуры в принципе обусловлен состоянием книжного дела, ибо книжное дело осуществляет и воплощает динамику взаимодействия произведений (письменных или печатных) с действительным или предполагаемым читателем. Современные исследователи под книжным делом понимают, как правило, систему, в рамках которой происходит создание, распространение и использование книги. Книга в "Очерках" рассматривается как важнейшее средство информации, распространения знаний, научных и политических идей.

Понятие "книга" употребляется авторами в широком его понимании, что уже имело место в монографических исследованиях¹. Оно включает все виды печатной продукции — книги (издания объемом более 48 страниц), брошюры (от 5 до 48 страниц), листовки (от 2 до 4 страниц), журналы, продолжающиеся издания. Учет малостраничных печатных материалов местного производства и малоти-

ражных самостоятельных оттисков статей важен при изучении провинциального книгоиздания XVIII—XIX вв. Именно с таких работ, как правило, начиналось книгопечатание в некоторых губернских, областных и окружных городах края. Игнорирование этих начальных шагов провинциальной типографической практики не только обедняет, но и искажает картину истории книги в регионе.

История местной периодики авторами "Очерков" затрагивается в работе лишь отчасти. Она достаточно широко освещалась в других исследованиях и представляет собой предмет самостоятельного изучения.

Исследование локальных систем создания, распространения и использования книжной продукции является важным звеном изучения региональных особенностей социально-культурного развития. Только на основе определения сути "книжного дела" и представляется возможным сформулировать дефиниции понятия "книжная культура". В данной связи изучение истории книгоиздания и книгораспространения позволяет утверждать, что под книжной культурой следует понимать уровень, достигнутый книжным делом в сочетании с исторически сложившимися традициями и реалиями в отношении народа к книге (и печати в целом) в конкретной стране (или регионе) на определенной ступени развития общества². По сути, книжная культура является показателем уровня технологического развития государства и свидетельствует об интеллектуальном потенциале населения, в том числе на отдельных территориях его проживания.

Приведенные формулировки нельзя считать безупречными, ибо невозможно отразить в дефинициях все стороны явления в его эволюции. Приходится констатировать, что при всем динамизме развития издательской практики и книгораспространения в Сибири и на Дальнем Востоке действовали и иные факторы, оказавшие существенное влияние на ситуацию. Так, крайне низким был здесь уровень грамотности русского населения: в отдельных сельских районах вплоть до 50-х гг., а в городах — включительно до 30-х гг. XX в. Естественно, это не позволяет говорить об активности читателей из всех социальных слоев. Отдельные группы жителей — крестьяне, например, до 1917 г. далеко не всегда положительно относились к распространению грамотности и образования в своей среде, а отсюда — незначительность роли книги для части населения. Мало читали тогда женщины, практически не читали представители коренных народов региона, чей уровень грамотности колебался, например, из-за смены алфавитов, вводимых то на латинизированной, то на русской графической основе. У старообрядцев, составлявших значительное число жителей края, существовала (и существует) своя книжность, свое отношение к светским и иным изданиям и т.д. и т.п.

Уровень развития книжной культуры в ту или иную эпоху в значительной мере определяется социально-экономическим состоянием общества на данном историческом отрезке времени. Но, рассматривая проблемы книжной культуры в Сибири и на Дальнем Востоке, авторы "Очерков" не считают необходимым напрямую и жестко связывать их лишь с политическими и экономическими (техническими, административными и т.д.) и иными конкретными предпосылками создания местных центров распространения книжной продукции и издательской системы, описание которых было типично для некоторых работ по истории книгоиздательской практики и книжной торговли нашей страны.

Сегодня история издания и распространения русской книги в огромном регионе за Уралом предстает перед нами, прежде всего, как одно из свидетельств освоения востока Евразии славянами и представителями других народов русского суперэтноса. "Великий людской поток, с перебоями хлещущий через Уральскую гряду и растекающийся по Сибири вплоть до Дальнего Востока"³,

образование и развитие городов, региональные проблемы — изучение всех этих вопросов считал обязательным для создания подлинной истории России Люсьен Февр. Подчеркнем, что социальное бытование книги в совокупности с иными факторами ярко и полно отражало сильную и самобытную жизнь на новых русских землях со всеми ее проявлениями — пионерными и бюрократическими, традиционными и революционными, деятельностью православной церкви, трудами земледельцев и военных, ученых и коммерсантов, строителей, промышленников и администраторов.

Анализ событий, имевших место в истории книжной культуры и книжного дела, предоставляет широкие возможности для воссоздания конкретных обстоятельств общественного бытия — без осуждения или реабилитации исторических деяний, но с целью "понять прошлое с помощью настоящего" и "настоящее с помощью прошлого"⁴. Изучение истории книги, как известно, позволяет выявить те грани исторического процесса, которые недостаточно полно могут быть представлены с помощью традиционных направлений исторических исследований.

Развитие сибирской и дальневосточной книжной культуры конца XVIII — начала XX в., а скорее всего и вплоть до середины XX столетия, приходилось на одну из фаз подъема русской пассионарности (термин Л.Н. Гумилева), непререваемого стремления к деятельности, направленной на осуществление масштабных целей отдельных личностей, этнических коллективов, государственных образований⁵. По мнению автора "Предисловия", именно этот подъем общественной жизни России, в промышленном отношении намного отстававшей от европейских держав и США, государства, где менее четверти всего населения было грамотным, позволил установить власть над одной шестой частью Земли, заявить о себе уже к концу XIX — началу XX в. как о крупнейшем очаге культуры и науки, занять достойное место в мире по производству книжной продукции, а затем превратиться в самую читающую страну мира. К концу существования Советского Союза, возникшего на месте Российской империи и у многих вызывающего ассоциации с ней, государством выпускалось почти 2 млрд экземпляров книг и брошюр ежегодно, издавалось около 14% мирового выпуска книжной продукции по числу названий и 20% по тиражам, тогда как население страны составляло лишь 7% от числа жителей нашей планеты.

Авторы "Очерков" учитывают, что книжная культура была тесно связана с характером государственного развития страны. Преобладающее стремление к централизации политической и интеллектуальной жизни, обусловленное спецификой отечественной истории, отражалось весьма существенно на процессах издания, распространения и использования книги. Однако достаточно очевидно проявились и географические закономерности развития культуры. По сути, в организации книжного дела России имело место взаимодействие тенденций централизации и децентрализации. На протяжении десятилетий повсеместно в стране росло число издательств, книготорговых предприятий, библиотек. Возникали новые подходы к организации книжного дела, менялся книжный репертуар. Книга и книжное дело все активнее воздействовали на умы и чувства новых поколений читателей, вступающих в общественную жизнь. Динамичные изменения в области книжной культуры происходили и на территории Сибири и Дальнего Востока. Основной предпосылкой данного процесса стало обустройство Зауралья русскими людьми.

В контексте нашего исследования весьма интересно высказывание видного ученого и офицера русской армии болгарина С.Н. Ванкова. В своей речи, посвященной 50-летию основания Хабаровска, он отмечал, что "стихийное русско-

славянское движение на восток Азии представляет как бы отраженную волну того могучего потока, который, устремившись с азиатского востока в былые времена на собиравшуюся молодую Русь, ударился и разбился о русскую землю... Отхлынув назад, этот поток, естественно, должен был увлечь за собой окрепшую Русь..."⁶. С.Н. Ванков и его единомышленники считали развитие культуры важнейшим достижением в освоении некогда пустынного и малозаселенного края и видели в культурном строительстве одну из основных задач на будущее⁷. Подобной точки зрения, но уже в совершенно иных исторических условиях, придерживался и И.А. Ильин⁸.

Исследование развития русской книжной культуры в Сибири и на Дальнем Востоке представляет сегодня актуальную и широкомасштабную социально-культурную проблему. Это развитие тесно связано с историей освоения отечественных земель и формированием русской диаспоры в сопредельных странах, по современной терминологии, странах ближнего и дальнего зарубежья.

Географические границы данного исследования истории провинциальной книги связаны с понятиями "Сибирь" и "Дальний Восток" — территориями, составляющими большую часть современной России и расположенными за Уральскими горами. За основу взяты существующие ныне границы названных регионов. Вместе с тем к исследованию привлечены отдельные факты, имевшие место до 1917 г. на территории Акмолинской и Семипалатинской областей, составлявших в прошлом Степной край, а ныне входящих в состав Казахстана. В конце XIX — начале XX в. они в культурном и экономическом отношении тяготели к центру сибирского региона — городу Омску, образуя неразрывную общность с его судьбой.

Начальные хронологические границы "Очерков истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока" отнесены авторами к концу XVIII в. Такого рода подход не означает, что регион до этой эпохи следует считать краем без книг. Известные работы крупных ученых Н.Н. Покровского, Е.К. Ромодановской и других видных специалистов позволяют говорить о достаточно активном использовании русской рукописной и не только рукописной книги далеко за Уралом⁹.

Однако важнейшей вехой в культурной жизни провинции, качественно новым этапом в истории книжной культуры стало открытие в Тобольске в 1789 г. типографии Корнильевых. Первый том "Очерков" охватывает события именно с этого времени и вплоть до 90-х гг. XIX в. Грань между первым и вторым томами на первый взгляд относительно условна — середина 90-х гг. прошлого столетия. Тем не менее, именно в эти годы происходит ряд важнейших исторических событий — в том числе повышается интенсивность эксплуатации Транссибирской магистрали, что усиливает и продвижение книги в глубь империи. Сибирь и Дальний Восток окончательно становятся подсистемой общероссийского хозяйственного механизма, тыловой базой, позволившей России более активно участвовать в жизни Азиатско-Тихоокеанского региона, что нашло отражение в развитии предприятий книжного дела и состоянии книжной культуры зауральской территории страны.

Книжное дело оказывало все более существенное влияние на местную культурную среду, способствовало удовлетворению информационных и духовных потребностей населения, распространению политических и научных идей на территории нового русского края. Его воздействие на сибиряков и дальневосточников осуществлялось через совокупность специальных социально-культурных учреждений — издательские предприятия, книготорговую сеть, библиотеки.

Динамичное развитие книжного дела явилось своего рода индикатором интенсивности культурно-исторического процесса в регионе, где сталкивались и сталкиваются жизненные интересы ряда стран и народов. Книга стала орудием и участником диалога культур Восток — Запад, свидетелем процесса взаимовлияния и противостояния европейской и азиатской культур, инструментом и доказательством освоения обширных территорий. Ее история говорит об антагонистических противоречиях внутреннего и международного характера, крупных военных и иных событиях эпохи.

Анализ обстоятельств, связанных с историей книжной культуры, невозможен без учета сложившихся в данный конкретный период реалий. Поэтому не потерял актуальности научный вывод лидеров общественно-политического движения "Сибирское областничество" — Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева — прежде всего о том, что Сибирь являлась в экономическом плане колонией царских чиновников¹⁰.

Стремление к экономической независимости сибирского края, как лекарству от социальных болезней, находилось в сочетании с движением народных масс "встречь Солнцу". Представители России немало сделали для того, чтобы освоить сибирские и дальневосточные земли, превратить Тихий океан в Средиземное море будущего и поставить Россию лицом к лицу с Соединенными Штатами¹¹. Одновременно в регионе действовали интеграционные тенденции, обусловившие неотъемлемое вхождение Азиатской России в состав империи. По сути, освоение Сибири и Дальнего Востока российским суперэтносом во многом по значению равно освоению Нового Света европейцами. Книга отражала это явление на протяжении двух столетий.

Масштабное обустройство зауральских территорий продолжалось и в годы советской власти. Однако следует сказать, что книга отражала отнюдь не только преемственность в данном процессе. Основной рубеж в области эволюции книжной культуры проходит через Октябрь 1917 г. и период гражданской войны. Более 70 лет книга в Сибири и на Дальнем Востоке служила орудием идеологической борьбы, отображала широкомасштабный опыт по усилению государственного начала во всех областях духовной жизни общества в стране, возникшей на месте Российской империи. Как и в стране в целом, в этом регионе печатное слово использовалось в интересах социальных революционеров, которые стремились привести его в самые различные стороны бытия своих сограждан, сделать важным рычагом власти над умонастроением масс.

Вместе с тем многочисленные факты свидетельствуют, что русская книга советского периода, продолжая традиции предшествующих веков, способствовала превращению государства в сверхдержаву и одновременно воссоздавала детали этого процесса.

Материалы советского периода "Очерков истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока" составят продолжение первых двух томов коллективного пятитомного труда — вторую часть из серии в трех томах. В настоящее время создана определенная историографическая и источниковая база в виде монографий, диссертаций, сборников статей и отдельных публикаций по данному периоду региональной книжной культуры. В стадии активной теоретической разработки находятся основные проблемы истории книги советского периода. Практически восстановлен книжный репертуар местных издательств и издающих учреждений. Имеются сведения государственной статистики, материалы о запрещении, изъятии и гибели книг в отдельные периоды отечественной истории, о выпуске и использовании книг и иной издательской продукции в системе учреждений ОГПУ

— НКВД — МВД. Исследованы обстоятельства, позволяющие восстановить объективную картину выпуска книг в годы создания мощной промышленной базы в Сибири в период между двумя войнами и изданий книг, иллюстрирующих превращение Дальнего Востока в сильнейший форпост государства. В недавнем прошлом в ГПНТБ СО РАН был проделан книговедческий анализ использования произведений печати в целях скорейшего достижения победы над врагом в годы Великой Отечественной войны¹².

В третьем (1917—1930), четвертом (1930—1962) и пятом (1963—1990) томах "Очерков" предполагается осветить региональную историю книгоиздания, книгораспространения и использования книги в годы создания социалистического государства и существования Советского Союза.

В настоящее время в ГПНТБ СО РАН разрабатывается также план-проспект работы, посвященной книжной культуре Сибири и Дальнего Востока конца XX в. — периода, наступившего после прекращения существования Советского Союза и изменения статуса Российской Федерации. Возможно, эта работа станет продолжением "Очерков". В намеченном издании авторы намереваются не только сообщить читателю конкретные факты о возникновении частных предприятий в области книгоиздания и книгораспространения, о ситуации на книжном рынке или положении библиотек, но будут стремиться к решению основной задачи историко-книжных исследований — "раскрыть социокультурную роль книги в данном обществе в данный исторический отрезок времени"¹³.

Анализ развития регионального книжного дела во многом может дополнить уже имеющиеся исследования, способствовать обновлению исторического знания, позволит избежать обедненного или тенденциозного изображения действительности, созданного в результате искаженного видения реалий дооктябрьского и последующих периодов, в том числе и на сибирско-дальневосточной территории. Дело в том, что исследования книжного дела способствуют пониманию того факта, что "общество — не абстракция, а объединение живых людей из плоти и крови, с их интересами, потребностями, мыслями и эмоциями"¹⁴.

Хозяйственная и общественная деятельность, политические и социальные институты, развитие культуры, религиозная жизнь находят в контексте исторического исследования, посвященного книжному делу, специфическое преломление и позволяют выявить формы человеческой активности, индивидуального и коллективного поведения в Сибири и на Дальнем Востоке в таких областях, как создание книжной продукции, ее распространение и использование людьми в конкретных исторических обстоятельствах. Следовательно, они являются необходимым инструментом, способствующим познанию исторической истины.

В монографии процесс эволюции книжного дела на периферии рассматривается с учетом стимулирующей для печати роли "культурных гнезд" — центров, которые, по мнению Н.К. Пиксанова, являются "рассадниками культуры"¹⁵. Культурные гнезда ("культурные узлы" по Н.В. Здобнову) — основные очаги географического развития книжного дела. Они представляют собой, как правило, город с достаточно высокой экономической активностью, зачастую являющийся и административным центром края, района, области. Такого рода центр располагает определенной социальной инфраструктурой: учреждениями и предприятиями, влияющими на интеллектуальную жизнь данного города и окружающей местности. В роли культурного гнезда может выступить и группа городов, расположенных в одном регионе. Обязательными условиями существования культурных гнезд должны быть взаимовлияние и взаимодействие литературных сил, представителей искусства, развитие просвещения и науки. Нельзя не согласиться с

Н.К. Пиксановым, указавшим на три постоянных признака данного образования: "... определенный круг деятелей, постоянная деятельность, выдвижение питомцев" ¹⁶. Все отмеченные обстоятельства имели и имеют место на территории Сибири и Дальнего Востока.

Монография названа "Очерками", так как авторы, стремясь к комплексному подходу в освещении всех сторон книжной культуры, оставили за пределами исследования ряд проблем, ждущих дальнейшей разработки. В первую очередь это касается рукописной и старопечатной книжности (как русской, так и бурятской, и татарской), традиции которой складывались за Уралом еще до XVIII в., но продолжали сохраняться и в исследуемый период. Эта тема имеет свою специфику, требует отдельного рассмотрения. В более глубоком изучении нуждаются и такие проблемы, как издание, распространение и влияние на местное общество религиозной книги всех вероисповеданий, возникновение и бытование книги на языках коренных народов края и некоторые другие. Эти вопросы также требуют дополнительной проработки. Что касается таких сторон местной книжной культуры, как "история библиотечного дела" и "история читателя и чтения", то обширность материала позволила обрисовать их лишь фрагментарно. Самостоятельные монографические исследования, посвященные этим проблемам, могли бы стать естественным продолжением данной темы. Предлагаемые вниманию читателей "Очерки", таким образом, не только дадут первый обобщающий свод знаний о книжной культуре Сибири и Дальнего Востока, но и позволят наметить некоторые пути дальнейшего изучения различных аспектов ее истории.

Весьма важным обстоятельством является тот факт, что предпринятое масштабное изучение книжной культуры сибирско-дальневосточного ареала имеет не только специальное книговедческое значение. Материалы исследования могут стать полезными и для разрешения другой актуальной проблемы — воссоздания обобщающей картины духовной жизни крупнейшей провинции Российского государства. Создание такого труда историками и краеведами — задача в принципе выполнимая, однако, лишь при условии объединения усилий ученых и заинтересованной поддержке со стороны административных структур.

С.А. Пайчадзе, доктор исторических наук, профессор

АВТОРЫ ПЕРВОГО ТОМА

С.А. Пайчадзе, д-р ист. наук — предисловие.

В.Н. Волкова, канд. искусствоведения — гл. I, вступление, § 1; гл. II, вступление (в соавторстве с В.А. Эрлихом), § 1, 2, 3, 5; гл. III, вступление, § 1—6; § 8 (в соавторстве с В.А. Зверевым) гл. IV, вступление, § 1—6; § 8 (в соавторстве с В.А. Зверевым), заключение.

И.А. Гузнер, канд. ист. наук — гл. I, § 2, 4.

В.А. Зверев, д-р ист. наук — гл. III, § 8; гл. IV, § 8 (в соавторстве с В.Н. Волковой).

А.Н. Маслова, канд. пед. наук — гл. II, § 7; гл. III, § 7; гл. IV, § 7.

В.А. Эрлих, канд. ист. наук — разд. История изучения. Источники; гл. I, вступление, § 1 (в соавторстве с В.Н. Волковой); § 3, 5; гл. II, вступление (в соавторстве с В.Н. Волковой); § 4, 6, 8.

В работе использованы опубликованные и неопубликованные тексты О.А. Баранова (гл. III, § 7; гл. IV, § 7); канд. ист. наук В.И. Баяндина (гл. III, § 6; гл. IV, § 6, 8); канд. ист. наук М.А. Белокрыса (гл. II, § 1, 2), А.Ф. Володковича (гл. II, § 1, 2, 5, 8); канд. ист. наук Л.С. Лукьяновой (гл. II, § 7; гл. III, § 6, 7; гл. IV, § 6, 7); д-ра ист. наук С.А. Пайчадзе (гл. III, § 1—8; гл. IV, § 1—8); канд. ист. наук Ф.М. Полищук (гл. I, § 4; гл. II, § 7; гл. III, § 7; гл. IV, § 6, 7); канд. ист. наук Т.Д. Романцовой (гл. II, § 5; гл. III, § 5); канд. филол. наук Т.Н. Соболевской (гл. I, § 1, 3); канд. ист. наук Н.К. Чернышовой (гл. II, § 4).

Справочный аппарат, приложения, иллюстрации к тому подготовлены канд. искусствоведения В.Н. Волковой и канд. ист. наук В.А. Эрлихом, именной указатель — И.Л. Захаровым.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ. ИСТОЧНИКИ

Развитие книжной культуры во времени и пространстве предопределяет объективную необходимость изучения ее проблем в региональном аспекте. Первые попытки осмысления роли региональной книжной культуры, а точнее, описания некоторых событий, связанных с развитием книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке, имели место еще в XIX столетии. В 40—50-е гг. прошлого века отдельные вопросы развития книжной торговли и круга чтения сибиряков нашли отражение в статьях Н.С. Шукина-старшего, заметке Ф. Семенова об Охотской общественной библиотеке¹ и др. Первые сведения, касающиеся истории книжного дела Сибири, были опубликованы на страницах "Тобольских губернских ведомостей" в статье за подписью Говоруна². Вопросы снабжения книгами и журналами духовной библиотеки в Якутске затронуты в статье А. Виноградова³.

Среди работ 70—80-х гг. XIX в., в какой-то мере отражающих состояние книжного дела в Сибири, следует назвать двухтомное сочинение В.И. Вагина, включающее факты распространения печати в крае; труд С.В. Максимова, раскрывающий роль книги в жизни обитателей сибирских острогов; статью В. Жмакина об издательской деятельности английских миссионеров в Забайкалье⁴, газетные публикации краеведов о работе местных типографий.

В одном из первых специальных изданий — труде А. Бахтиярова "История книги в России" (1890) приводятся некоторые сведения о провинциальном книжном деле, например, в следующих разделах: "Книжная торговля. — В каких городах России печатаются книги. — Распределение в империи книжных лавок. — Издатели, книгопродавцы и букинисты". В работе встречаются отдельные факты о распространении книг и на Дальнем Востоке⁵. В 90-х гг. XIX в. разрозненные статистические данные о местной печати и книжном деле появляются в работах Н.И. Гродекова, Л.Н. Павленкова. Причем Л.Н. Павленков сделал попытку анализа печатной продукции в провинции⁶.

В начале 90-х гг. XIX в. выходят два крупных произведения, уделивших большое внимание развитию местного книгоиздания, — труд Н.М. Ядринцева "Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении" и книга А.И. Дмитриева-Мамонова "Начало печати в Сибири". Н.М. Ядринцев в специальном разделе помимо характеристики состояния просвещения и науки в крае, подробных сведений о первых изданиях губернских ведомостей и частных газет дает серьезный анализ состояния местной печати и книгоиздания 50—80-х гг. XIX в., рассматривает деятельность отдельных библиотек. Автор отмечает слабость и неразвитость печати и издательского дела в Сибири⁷. Работа А.И. Дмитриева-Мамонова посвящена началу сибирского книгопечатания. Это первое в дореволюционной историографии региона монографическое исследование. Автор характеризует деятельность в конце XVIII в. Тобольской типографии Корнилевых, кроме того, приводит подробную опись произведений, вошедших в журнал "Иртыш, превращающийся в Ипокрену"⁸.

В конце XIX — начале XX в. в печати появился ряд публикаций, посвященных сибирскому просветителю П.И. Макушину, деятельности его книжных магазинов в регионе и основанию газеты "Томский листок" в 1874 г.⁹ К числу первых относятся сведения о становлении и функционировании очагов провинциального

книжного дела в России, опубликованные в популярной обобщающей работе С.Ф. Либровича "История книги в России" (1913)¹⁰. Среди работ начала XX в., отражающих в какой-то степени развитие книжного дела, можно назвать обстоятельную статью В.Д. Виленского о якутских памятных книжках. Разного рода сведения содержатся в книгах, посвященных сибирским музеям и отделам Императорского Русского географического общества (ИРГО), Томскому университету. Опыт книжной торговли в провинциальных городах освещен в работе Н.П. Черенина¹¹.

Таким образом, очевидно, что уже в дореволюционный период были приняты первые попытки в области изучения книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Этот этап можно охарактеризовать как период первоначального накопления материалов и отдельных попыток осмысления некоторых сюжетов из развития книжного дела Сибири и Дальнего Востока в XVIII—XIX вв.

В период революции, гражданской войны и в 20-е гг. вопросы изучения книжного дела региона XVIII—XIX вв. не привлекали внимания исследователей. Лишь на рубеже 20—30-х гг. происходит первое обобщение накопленных знаний по истории книжного дела Сибири конца XVIII—XIX вв., которое нашло отражение в статьях по книговедению в Сибирской советской энциклопедии (1929—1937. Т. 1—4). В 1927 г. вышла работа М.Н. Куфаева "История книги в XIX веке". Здесь не только были помещены интересные сведения об издательской деятельности в Сибири, но и отмечено, что в книжном деле конца XIX в. возрастает роль культурных и торгово-промышленных центров провинции¹².

Годом позже вышла работа Н.К. Пиксанова, наиболее четко определявшая понятие "культурное гнездо"¹³. Этой точки зрения в свое время придерживались А.И. Дмитриев-Мамонов, Н.М. Ядринцев, после Н.К. Пиксанова — Н.В. Здобнов, М.В. Муратов, Е.Д. Петряев, хотя сами авторы и не использовали в работах данный термин. Например, Н.В. Здобнов отмечал, что в экономических центрах создаются "крупные рынки литературного сырья", а на периферии разветвление книжного дела наблюдается по линии "культурных узлов". Представляет интерес для нас и книга М.В. Муратова, содержащая некоторые сведения о сибирском книжном деле¹⁴.

В 40—50-х гг. XX в. исследования касались в основном Восточной Сибири. Так, отдельные сведения о книжном деле Бурятии конца XVIII — середины XIX в. содержатся в книге Ф.А. Кудрявцева¹⁵. Большое значение имела работа М.К. Азадовского, вышедшая в 40-х гг. и освещавшая книжно-культурные процессы в Восточной Сибири¹⁶. Множество сведений об издательской деятельности в Забайкалье, о накоплении книжных богатств, расширении круга читателей, создателях книг приведено в работах Е.Д. Петряева 50—60-х гг.¹⁷

Некоторое внимание вопросам провинциальной книжной культуры, в том числе и на востоке страны, уделено в фундаментальном для того времени книговедческом труде — "400 лет русского книгопечатания". В разделах, написанных С.Е. Поливановским и Е.И. Рубинштейн, приводятся сведения о деятельности типографии Корнильевых, возникновении книгопечатания в Восточной Сибири, выходе "Енисейского альманаха на 1828 год", распространении книги¹⁸. О деятельности П.П. Сумарокова в Тобольске (XVIII в.) упоминается в монографии Н.Г. Малыхина¹⁹. Среди работ этого периода особо следует назвать статью А.В. Блюма²⁰, раскрывающую причины появления книгоиздания в русской провинции. Автор отметил слабую разработанность истории местной книги в России.

Эта же мысль подчеркивалась и на первом рабочем совещании по истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири и на Дальнем Востоке,

проведенном Государственной публичной научно-технической библиотекой СО АН СССР в конце 60-х гг. В статье Я.Г. Ханинсона, помещенной в сборнике ГПНТБ СО АН СССР, говорилось о неудовлетворительной работе по изучению книжного дела в регионе²¹. Здесь обращают на себя внимание также статьи В.В. Баторова, Е.Г. Хребтовой, В.С. Манассеина, А.Г. Боннер²².

В первой половине 70-х гг. положение несколько меняется. В науку о книге приходит когорта исследователей, целенаправленно интересующихся книжной культурой дореволюционного периода Сибири и Дальнего Востока. В статье С.А. Пайчадзе (1973) определены основные направления книговедческих исследований на Дальнем Востоке²³. В. Павлов пишет об истоках книгоиздания в Сибири²⁴. Этот же вопрос освещается в работе В.Г. Уткова. Автор коснулся также судьбы библиотеки Г.В. Юдина, просветительской и книготорговой деятельности П.И. Макушина²⁵. Позднее деятельность П.И. Макушина получила освещение в работах Т.П. Сталевой и В.П. Бойко²⁶. В.П. Соколова освещает библиографическую деятельность ИРГО, связанную с изучением истории и этнографии Сибири и Дальнего Востока²⁷. Данные работы, безусловно, послужили базой для дальнейших изысканий. Статья Т.И. Садохиной свидетельствует о формировании интереса к истории книжной культуры Дальнего Востока. Истории развития библиотечного дела на Алтае была посвящена работа Г.Г. Николаевой; отдельным аспектам развития тобольского "культурного гнезда" — статья З.Н. Трусовой²⁸.

Более интенсивно развивается книговедение в этот период и в целом по России. Различным сторонам отечественной книжной культуры в 70-х — середине 80-х гг. посвящены труды К.И. Абрамова, И.Е. Баренбаума, А.А. Говорова, А.С. Мильникова и других исследователей²⁹. Данные работы, безусловно, послужили базой для дальнейших изысканий. В конце 70-х — начале 80-х гг. история изучения провинциального книжного дела России начинает привлекать внимание научных сотрудников Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне РНБ) в Санкт-Петербурге. Особое внимание уделяется книжному делу второй половины XIX в. Результатом этих плодотворных усилий стал выход серии сборников и трех томов коллективной монографии³⁰.

В начале 80-х гг. С.А. Пайчадзе указывает на закономерность обращения книговедов к региональным аспектам книжного дела³¹. В 1983 г. в Хабаровске выходит его монография "Книга Дальнего Востока. Очерк истории"³².

Со второй половины 80-х гг. стало реальным планомерное изучение книжного дела дореволюционного периода и в Сибири. Этому способствовало создание в 1987 г. при ГПНТБ СО РАН отдела (ныне сектора) книговедения, который начал работу по координации усилий сибирских и дальневосточных специалистов по данной проблеме. Тогда же при библиотеке была открыта аспирантура по книговедению. Тематика историко-книжных исследований значительно расширилась. По инициативе сектора стали выпускаться сборники научных трудов, материалы Всесоюзной (Новосибирск, 1989) и региональных (Макушинские чтения 1988, 1991, 1994 и 1997 гг.) конференций³³. Была подготовлена теоретическая база для дальнейших историко-книжных исследований. Вышел ряд обобщающих работ^{34, 35}, опубликованы монографии С.А. Пайчадзе и В.Н. Волковой³⁶. В 1991 г. выпущен план-проспект двухтомной коллективной монографии по истории книжного дела Сибири и Дальнего Востока дореволюционного периода³⁷.

К настоящему времени опубликовано более 300 работ по истории книжного дела региона конца XVIII—XIX вв., среди авторов которых: В.Н. Алексеев, М.А. Белокрыс, А.П. Бердников, А.Г. Боннер, В.Н. Волкова, А.Ф. Володкович, И.А. Гузнер, Е.И. Дергачева-Скоп, В.А. Зверев, Л.С. Лукьянова, Е.И. Матханова,

Н.П. Матханова, С.А. Пайчадзе, Н.Н. Покровский, Ф.М. Полищук, Л.П. Рощевская, Л.А. Ситников, Т.Н. Соболевская, И.В. Филаткина, М.Р. Филимонов, Р.И. Цуприк, Н.К. Чернышова, В.А. Эрлих и др.

Вопросам зарождения местного книгоиздания в Сибири, связанного с деятельностью Тобольской типографии купцов Корнильевых, посвящены кандидатская диссертация и публикации Т.Н. Соболевской³⁸. Исследованы предпосылки появления в Западной Сибири местного книгоиздания, дан анализ книжной продукции Тобольской типографии, рассмотрена деятельность отдельных представителей литературных и издательских кругов города. Работы М.А. Белокрыса³⁹ посвящены начальным шагам книгопечатания в Восточной Сибири — истории появления первой типографии в Иркутске. Современным исследователям удалось опровергнуть мнение о том, что после прекращения деятельности Тобольской типографии Корнильевых книгопечатание в Сибири возродилось лишь в середине XIX в.⁴⁰ Отмечен рост числа сибирских типографий и в первой половине XIX в., рассмотрены причины их создания и характер деятельности⁴¹.

Наиболее интенсивно вопросы сибирского и дальневосточного книгоиздания во второй половине XIX в. изучались в последнее десятилетие. В монографиях В.Н. Волковой и С.А. Пайчадзе⁴² воссоздана целостная картина развития этой отрасли книжного дела, прослежена ее тесная связь с экономическими преобразованиями в крае. В.Н. Волковой приведена статистика сибирских и дальневосточных изданий 50—90-х гг. XIX в.; С.А. Пайчадзе отмечено появление на Дальнем Востоке в 60-х гг. XIX в. первых типографий и произведений местной печати.

Значительное число современных исследователей интересуется различными сторонами книгопроизводства за Уралом: деятельностью наиболее крупных издательских центров, важнейших организаций, учреждений, частных предпринимателей, выпускавших книги, характеристикой самих изданий⁴³. Возрос интерес ученых и к проблемам книгоиздания на языках народов Сибири и Дальнего Востока — это работы Р.Б. Ажеевой, В.Н. Волковой, Е.П. Гуляевой, С.Б. Дугаровой, Б.И. Пивоварова, И.В. Филаткиной⁴⁴. Вопросы книгораспространения конца XVIII в. освещаются в работах И.А. Гузнер, С.А. Пайчадзе, Л.А. Ситникова и др.⁴⁵ Авторы приходят к выводу, что рост потребности в книге был вызван социально-экономическим развитием региона, а ее появление создало возможности для формирования в Сибири просвещенного и демократического читателя. На Дальнем Востоке, по мнению С.А. Пайчадзе, коренные народы региона впервые познакомились с книгой через русских землепроходцев, путешественников и ученых. Вопросы книгораспространения в Сибири и на Дальнем Востоке в первой половине XIX в. получили освещение в работах А.Ф. Володковича, В.И. Косых, С.А. Пайчадзе, И.В. Филаткиной, Н.К. Чернышовой⁴⁶.

Продолжают разрабатываться вопросы, связанные с распространением книги на востоке страны во второй половине XIX в.⁴⁷ Внимание исследователей привлекло распространение печатных изданий в крестьянской среде. Отмечен факт развития обмена научными изданиями между учреждениями, рассмотрены причины медленного продвижения книги к читателю.

При изучении книгораспространения на Дальнем Востоке были рассмотрены такие вопросы, как контроль за поступлением литературы, отсутствие книжных магазинов, роль научных обществ, ученых, мореплавателей, путешественников, миссионеров в пропаганде книги⁴⁸.

Распространению книги за Уралом способствовало развитие библиотечного дела. В своих работах авторы освещают деятельность первых библиотек Барнаула, Иркутска, Тобольска и других городов; рассматривают вопросы комплектова-

ния их фондов, экономическое положение, состав читателей и т.п.⁴⁹ Так, в работе Ф.М. Полищук приведен историографический обзор развития библиотек Иркутска.

Значительное внимание уделялось деятельности общественных, ведомственных, учебных и частных библиотек Сибири и Дальнего Востока. Воссоздана картина становления и развития публичных библиотек в Томске, Иркутске, Красноярске⁵⁰, дана характеристика библиотек декабристов в Читинском и Петровском острогах, личных библиотек декабристов, ссыльных поляков, некоторых жителей Сибири⁵¹. Ряд работ посвящен истории книжных собраний и коллекций⁵².

История библиотек Сибири и Дальнего Востока нашла отражение и во многих других работах: была освещена деятельность библиотек Тобольска, Тюмени, Якутска; отмечена роль библиотек Западной Сибири, созданных духовенством, в становлении светского образования⁵³. Ряд работ посвящен библиотекам Томска, прежде всего библиотеке Томского университета. Внимание исследователей привлекла история первой бесплатной в России городской народной библиотеки, организованной по инициативе П.И. Макушина, кроме того, проявлен интерес к созданию и существованию личных библиотек Г.С. Батенькова, М.Н. Бакунина, М.В. Сурина⁵⁴. Большое внимание исследователи уделяли библиотекам Иркутска: истории библиотек Иркутской гимназии, городской публичной, Восточно-Сибирского отделения Русского технического общества и ВСОИРГО; судьбам частных библиотек М.А. Богданова, С.С. Попова и М.П. Шестунова⁵⁵. Библиотеки Забайкалья — Нерчинска, Верхнеудинска (Улан-Удэ), Читы, Кяхты, библиотеки политзаключенных на Каре⁵⁶ — также оказались в поле зрения ученых. Кроме того, отмечено открытие публичных, ведомственных и учебных библиотек в различных городах Дальнего Востока. Особое внимание уделено библиотеке Общества изучения Амурского края во Владивостоке⁵⁷.

Круг вопросов, связанных с читательскими интересами сибиряков конца XVIII в., освещен во многих работах исторического и литературоведческого характера, однако специально им занимались и книговеды⁵⁸. Исследователи обратили внимание на связь читательских интересов с развитием общественной жизни, важную роль личных библиотек, наметившийся поворот в чтении от клерикальной литературы к светской.

При изучении читательских интересов сибиряков первой половины XIX в. авторы⁵⁹ уделяли внимание в основном воссозданию читательских интересов определенных слоев общества (по материалам личных дневников), развитию книжных интересов социальных "низов", выявлению круга чтения детей младшего возраста, подростков и юношества, а также декабристов и их семей, сибирских краеведов и ученых и т.д.

Касаясь интересов сибирского читателя второй половины XIX в., исследователи⁶⁰ обращали внимание на социальный состав населения, политизацию читательских пристрастий, особенно среди разночинцев, изучали круг чтения крестьян. Было отмечено проявление интереса жителей Сибири к сочинениям местных писателей, произведениям на местные темы. Ряд работ посвящен кругу чтения горожан. Следует назвать статьи о читательских интересах ссыльных декабристов и краеведов Сибири, таких как М.В. Сурин, Н.А. Абрамов, Д.Л. Кузнецов, Н.А. Костров⁶¹ и др. В ряде работ освещались читательские потребности в районах Дальнего Востока. Однако специально рассмотрены книжные фонды лишь немногих личных библиотек, выявлены читательские пристрастия Ф.Ф. Буссе, круг чтения морских офицеров⁶².

В целом, говоря о степени изученности различных аспектов книжного дела Сибири и Дальнего Востока конца XVIII—XIX вв., важно отметить, что накопленный за многие десятилетия материал позволяет выйти на определенный уровень обобщения основных итогов эволюции книжной культуры в восточной части России; способствует этому и источниковая обеспеченность проблемы.

Среди основных источников по истории книги можно выделить семь групп: 1) сами издания; 2) библиографические материалы; 3) статистические данные, касающиеся печатной продукции; 4) печатные документальные и повествовательные источники (законодательные акты, распоряжения, документы государственных ведомств, научных организаций и обществ, издательств, мемуары и т.п.); 5) архивные материалы; 6) материалы периодической печати; 7) специальные исследования по истории книги и сопредельных дисциплин (журналистики, цензуры, литературы, общей истории, истории общественной мысли, науки и культуры)⁶³.

Книги являются важнейшим источником, без которого в принципе невозможно создание достоверной картины книжной культуры эпохи. В этой связи необходимо рассмотрение всей совокупности изданий, подготовленных и опубликованных в регионе. Причем большую ценность представляют записи и пометы на книгах.

Ценные сведения по книжному делу содержат разные справочники, в частности, памятные книжки, календари, путеводители и спутники по Сибири, отдельным ее губерниям и городам. Здесь также фиксируются данные об открытии новых типографий и литографий, книжных лавок и магазинов и т.д.

Отдельные интересные моменты из истории издания и распространения книги в Сибири запечатлены в "хронологических перечнях" событий. Из них наибольшую ценность для книговедов представляет "Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032—1882 гг." И.В. Щеглова (Иркутск, 1883; Сургут, 1993), "Иркутская летопись. 1857—1880 гг." (Иркутск, 1914) и "Летопись города Иркутска. 1881—1901 гг." (Иркутск, 1993), составленные Н.С. Романовым.

Возможность всестороннего анализа — главное условие, от которого зависят глубина и объективность обобщения историко-книжного материала. Просмотр изданий *de visu* позволяет получить сведения о месте (город, улица, дом) и времени издания, именах издателя, цензора. Большим подспорьем оказываются имеющиеся на полях книг пометы, сделанные владельцами изданий, штампы общественных и личных библиотек и т.д. Важным источником являются также всевозможные рекламные объявления издательств, типографий, книготорговцев, помещенные в справочниках и газетах, на обложках книг, отдельных листках. В них приводятся сведения о полиграфических возможностях типографий, о готовящихся к выпуску книгах, вышедших изданиях и местах их продажи.

Большим подспорьем в поиске местных изданий для авторов "Очерков" стали многочисленные библиографические пособия краеведческого характера XIX—XX вв., в первую очередь "Сибирская библиография" В.И. Межова (СПб., 1903, т. 1—3), "Материалы для библиографии Сибири" С.Н. Мамеева (Тобольск, 1893—1896) и многие другие работы⁶⁴. Однако к самым надежным источникам, позволившим восстановить издательскую продукцию региона, принадлежат печатные каталоги местных библиотек и книготорговых фирм второй половины XIX — начала XX в.⁶⁵ Они помогли исследователям не только обнаружить неизвестные произведения местной печати, но и расширить представления об их распространении на территории края, обращении в книготорговой сети, степени популярно-

сти различных работ; в отдельных случаях давали сведения о тиражах и стоимости изданий. Высветили они и другой интересный аспект из истории местной книги. Многие работы сибирских и дальневосточных авторов обращались в читательской среде своего времени в двух формах — в виде статьи в составе газеты или продолжающегося издания и в виде отдельно напечатанного оттиска. В библиографических указателях XIX—XX вв. эти материалы представлены чаще всего в форме аналитической росписи статей, а в каталогах библиотек и книжных магазинов — в качестве самостоятельных работ⁶⁶.

Созданию I тома "Очерков..." предшествовал большой подготовительный этап, связанный с выпуском библиографических указателей по изучаемому периоду. Одним из первых был напечатан "Указатель библиографических пособий по Сибири и Дальнему Востоку (XIX в. — 1968 г.)", включавший разделы: "История книги, библиотечного дела и библиографии Сибири и Дальнего Востока", "История местных периодических изданий", "Указатели изданий местных музеев" и др. С 1977 по 1984 г. в ГПНТБ СО РАН издавался ежегодник "Книга, библиотечное дело и библиография Сибири", который в последующие годы получил продолжение как пятигодичник. Дореволюционному периоду в указателе посвящен ряд разделов, связанных с изданием, распространением и использованием книги в регионе⁶⁷.

В ГПНТБ СО РАН был выпущен указатель "История библиотечного дела и библиографии в Сибири и на Дальнем Востоке"⁶⁸, в котором собрана вся литература по данной теме за 1789—1975 гг. Готовится к печати подобный указатель по истории книгоиздания и книгораспространения в регионе. Все эти библиографические пособия, изданные или подготовленные к печати, ведут учет текущей литературы по теме, предоставляя тем самым надежную информационную базу для книговедов.

На протяжении 80—90-х гг. в ГПНТБ СО РАН велась кропотливая работа по созданию репертуара и сводного каталога сибирских и дальневосточных изданий конца XVIII — начала XX в. Был определен круг источников для воссоздания местного книжного репертуара, разработана методика поисковой работы и выявления материалов в крупнейших книгохранилищах Москвы, Санкт-Петербурга, городов Сибири и Дальнего Востока⁶⁹.

Многолетние поиски сибирских и дальневосточных дореволюционных изданий привели к формированию в ГПНТБ СО РАН картотек, насчитывающих более 6 тысяч названий произведений печати конца XVIII—XIX вв. По собранным материалам готовится к печати "Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги. XVIII в. — 1917 г." Рабочий вариант "Каталога" и картотека уже сейчас дают возможность проводить статистический и тематический анализ книжной продукции региона конца XVIII—XIX вв. Это основной фундамент, на котором строилась работа. В 1989 г. в Новосибирске вышел подготовленный ранее "Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Сибири и Дальнего Востока. 1789—1980".

Важной группой источников при изучении регионального книжного дела стали различные печатные документы эпохи: обзоры губерний (всеподданнейшие отчеты губернаторов), журналы, протоколы заседаний, отчеты местных управленческих, научных и культурно-просветительных учреждений, циркуляры и приказы местных органов власти. Важная особенность подобной отчетности — высокая точность данных (дата открытия, описание инструментария и оборудования типографий, фиксация источников комплектования библиотек и т.д.). Материал книговедческого характера также содержится в делопроизводственной

документации (губернские отчеты и подготовительные материалы к ним, в том числе статистические данные; отчеты научных и просветительных обществ, полиграфических заведений, книжных магазинов и т.д.; официальная переписка — предписания, распоряжения, циркуляры, запросы, рапорты, донесения чиновников всех рангов).

Наиболее результативным оказывается просмотр фондов губернских, областных, окружных управлений и статистических комитетов, где имеются данные о существовавших на территории края типографиях и литографиях, прошения граждан и разрешения (или запреты) властей на открытие новых полиграфических заведений, описи имущества типографий и литографий и сведения о приобретении нового оборудования.

При исследовании книжного дела конца XVIII — начала XIX в. большое значение имеют описи книг учебных заведений, казенных и частных книжных собраний, документы, раскрывающие сведения о приобретении, распределении, использовании произведений печати в регионе; дела о мерах по информированию населения об издательских новинках, судебно-следственные дела, где имеются сведения о конфискации книг ⁷⁰.

Для первой половины XIX в. наиболее подробные описания отдельных фактов книжного дела можно почерпнуть из переписки учреждений с губернской администрацией, а последней — с органами Министерства внутренних дел (МВД) и др. Рапорты, донесения о работе типографий и библиотек иногда составляли целые тома переписки.

К повествовательным источникам относятся мемуары, дневники и письма государственных, общественных и революционных деятелей, представителей науки, культуры, искусства, духовенства, армии, путешественников, краеведов, местных литераторов и т.п. Наибольшее значение для нашей темы приобретают воспоминания и письма политических ссыльных и общественных деятелей (А.А. Бестужева, А.Ф. Бриггена, В.И. Штейнгеля, И.Д. Якушкина, Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, И.И. Попова, Д.А. Клеменца, Н.А. Чарушина, С.Л. Чудновского и др.) ⁷¹. Опубликованные материалы частной переписки и мемуары содержат сведения об открытии и деятельности библиотек, создают живую картину социальной и культурной среды, формирующей книжные потребности, свидетельствуют о кропотливой работе сибирской интеллигенции. Нередко повествуют они и о конкретных фактах сибирского книгоиздания, книгораспространения и круга чтения как сибиряков, так и приезжающих в Сибирь иностранцев.

Важным источником для изучения книжного дела Сибири и Дальнего Востока конца XVIII—XIX вв. послужили материалы центральных и, особенно, местных архивов. В первую очередь среди центральных архивов следует отметить Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (РГИА) с его фондами Главного управления по делам печати (ф. 776) и Главного управления цензуры (ф. 772).

В местных архивных фондах попадаются дела, целиком посвященные книжным вопросам: выпуску отдельных изданий, биографическим сведениям о деятелях книги, работавших в указанный период. Исключительную ценность представляют архивные дела по спорному или наследуемому имуществу, включающие описи книг.

Среди материалов ГАНО следует отметить фонд Д-13 о материалах Сузунской горной конторы за 1765—1898 гг. В составе фонда находится 107 дел, часть из которых содержит информацию о работе типографии Колываново-Воскресенских заводов в Барнауле. К источникам, имеющим важное значение для

исследования книжного дела Сибири и Дальнего Востока, относятся фонды 701 "Главное управление Восточной Сибири. Управление внутренних дел" и 702 "Канцелярия Приамурского генерал-губернатора" (РГИА ДВ), а также фонды 704 "Канцелярия военного губернатора Амурской области", 87 "Канцелярия военного губернатора Сахалинской области" (РГИА ДВ). В этих фондах имеются материалы о книжной торговле в различных населенных пунктах, работе типографий и т.п.⁷²

Среди разнообразных документов по управлению губерниями в сибирских и дальневосточных архивах встречаются инструкции и циркулярные предписания центральных органов власти, регламентирующие издательскую деятельность на местах, а также материалы по их выполнению. Например, ТФ ГАТюМО сохранил документы, связанные с зарождением в Сибири первых памятных книжек, НАРБ хранит "Инструкцию чиновникам для надзора за типографиями, литографиями и другими подобными заведениями" (1862) и др.⁷³ В фондах ГААК интерес представляют дела трех фондов: Канцелярии (ф. 1), Алтайского горного правления (ф. 2) и Гуляевых (ф. 163). ГААК содержит материалы по истории библиотечного дела на Алтае, в частности, о состоянии библиотеки Колывано-Воскресенских заводов. Особый интерес вызывает фонд Канцелярии томского губернатора (ф. 3, 1806—1919, 342 ед. хр.). Одно из дел (№ 2651) содержит сведения о типографиях сибирских городов, входивших в состав Томской губернии⁷⁴.

Однако таких "книговедческих" дел в сибирских архивах мало. Поэтому отдельные сведения по крупницам добывались в архивах органов центрального и местного управления, различных государственных учреждений культуры, просвещения и искусства. Среди них прежде всего следует отметить Российский государственный исторический архив (РГИА, ф. 91, 733, 1290), а также Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Архив РАН, архивы Санкт-Петербургского отделения Института российской истории РАН, Института востоковедения РАН, Российский государственный архив древних актов (РГАДА), Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, ф. 109). Разнообразная книговедческая информация содержится в государственных архивах Алтайского (ГААК, ф. 169) и Красноярского (ГАКК, ф. 164, 595, 796, 805) краев, Государственном архиве Республики Алтай (ГАРА), Иркутской (ГАИО, ф. 31, 293), Новосибирской (ГАНО, ф. Д-13), Омской (ГАОО, ф. 2, 3), Томской (ГАТО, ф. 3, 70, 85, 234), Тюменской (ГАТюМО) и Читинской (ГАЧО, ф. 10, 31, 152) областей; Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТюМО, ф. 152, 156), Национальном архиве Республики Бурятия (НАРБ, ф. 2, 56, 84, 261); государственных архивах Амурской (ГАОО) и Магаданской (ГАМО) областей; Приморского (ГАПК) и Хабаровского (ГАХК) краев; Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ, ф. 1, 77, 87), Национальном архиве Республики Саха (Якутия) (НАРС(Я), ф. 276).

Исследователями привлекались многочисленные материалы (в том числе и библиографические) из архивов и рукописных отделов Института русской литературы (РО ИРЛИ, ф. 583), Российской национальной библиотеки (РНБ), Российской государственной библиотеки (РГБ), Центральной военно-морской библиотеки в Санкт-Петербурге, ГПНТБ СО РАН, библиотек Владивостокского, Томского и Иркутского университетов, Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, Хабаровской и Приморской краевых библиотек, Амурской, Камчатской, Сахалинской, Красноярской, Читинской, Новосибир-

ской, Омской, Свердловской, Томской и Тюменской областных научных библиотек, библиотеки Иркутского краеведческого музея, Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия); фондов Дальневосточного литературного музея (Хабаровск).

Ценные материалы об издательской деятельности местных научных обществ содержатся в архивных фондах Восточно-Сибирского и Западно-Сибирского отделов Русского географического общества, Общества любителей исследования Алтая. Особо следует отметить фонды 293 (ВСОРГО) в ГАИО, ф. 86 (ЗСОРГО) в ГАОО, ф. 81 в ГААК. Документы этих фондов дают подробные сведения о механизме зарождения издательских планов у обществ, о работе с авторами, финансовой стороне издательского процесса, типографских проблемах, определении оптимальных тиражей книг, поисках путей их реализации. Здесь же приводятся списки отечественных и зарубежных обществ, пожелавших обмениваться изданиями с сибирскими научными обществами⁷⁵.

Богатейший опыт собирательской, исследовательской и практической работы отражен в архивных фондах П.И. Макушина, Г.В. Юдина, С.И. и Н.С. Гуляевых, И.И. Попова и др. Особое место по насыщенности книговедческими материалами занимает фонд Нита Степановича Романова (ГАИО, ф. 480). Помимо сведений о публичных библиотеках и книжных магазинах Иркутска, букинистической торговле, личных книжных собраниях иркутян Н.С. Романов приводит данные об организации в Иркутске губернских ведомостей, дает списки типографий и литографий Иркутска за 1865—1927 гг., перечень памятных книжек, адрес-календарей и других справочников Сибири второй половины XIX в.

К важнейшим источникам изучения книжной культуры принадлежит периодическая печать. На страницах местных газет "Сибирь", "Сибирская газета", "Амур", "Восточное обозрение" и других изданий можно встретить материалы о том или ином издании, о деятельности типографий, литографий, книжных магазинов (иногда в виде фельетонов на конкурирующие учреждения), статьи об организациях, занимавшихся издательской и книгораспространительской деятельностью.

Ценным источником для воссоздания общей картины развития книжной культуры Сибири и Дальнего Востока указанного периода являются исследования по истории и смежным дисциплинам. Большим подспорьем при написании тома стали работы по истории Сибири и России, истории литературы, журналистики, истории общественной мысли, науки и культуры. Прежде всего среди обобщающих коллективных трудов следует назвать такие работы, как "История Сибири" (т. 2—3) и "Очерки русской литературы Сибири" (т. 1). Среди монографических исследований особое значение имеют труды М.К. Азадовского, Л.Е. Коптелова, А.Н. Копылова, Г.Ф. Кунгурова, Л.С. Любимова, Н.А. Миненко, Е.Д. Петряева, Н.К. Пиксанова, Н.Н. Покровского, В.Г. Мирзоева, Н.С. Романова, Е.К. Ромодановской, Л.П. Рощевской, Н.М. Ядринцева и др.

Все эти материалы создали прочную основу для исследования истории местной книги в восточной части страны и дали возможность получить достаточно полную картину книжной культуры Сибири и Дальнего Востока конца XVIII—XIX вв.

Глава 1

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА 80—90-х ГОДОВ XVIII ВЕКА

Развитие книжной культуры на территории России было тесно связано с глубокими изменениями, происходившими в области экономики, политики, культуры. Вторая половина XVIII в. для страны — это период окончательного становления политической системы самодержавия с его бюрократией и элементами просвещенного абсолютизма. С 60—80-ми гг. XVIII в. связан качественно новый этап отечественной культуры — процесс активного формирования ее национальной основы, который охватывал еще крайне малый круг людей, имел слишком узкую базу¹.

Развитие общества, происходящие в стране модернизационные процессы способствовали росту образования, распространению просветительской идеологии Запада. Под влиянием идей Просвещения усилилось влияние светской литературы. Осознание того, что книга есть "детище "новой русской культуры" и одновременно главный ее строительный материал"², выдвигало книжное дело на одно из ведущих мест в сфере духовного становления общества, стимулировало его дальнейшее развитие. К концу XVIII в. в России резко возросло число выпускаемых книг: с 1761 по 1800 г. вышло в свет свыше 7800 изданий, т.е. в 5 раз больше, чем за предыдущие 60 лет³. Расширился и диапазон распространения печатного слова.

На развитие книжной культуры российской провинции, и Сибири в частности, наибольшее влияние оказали реформы 70—80-х гг. в системе местного управления, школьная реформа 1782—1786 гг.

В 1775 г. в целях унификации административного устройства страны и укрепления властных структур было принято "Учреждение для управления губерний Всероссийской империи". В начале 80-х гг. Сибирь делилась на три наместничества — Тобольское, Кольванское и Иркутское. В 1796 г., после ликвидации наместничеств, в Сибири были учреждены две губернии — Тобольская и Иркутская. Губернии делились на области, области — на уезды⁴.

Создание наместничеств вызвало приток в Сибирь большого числа чиновников из Центральной России. Часть из них несла с собой идеи просветительства. Например, тобольский наместник А.В. Алябьев, по словам исследователя Сибири М.М. Громько, представлял собой "лучший вариант просвещенного вельможи екатерининского времени"⁵. Областная реформа усилила власть местной администрации, которая обладала наибольшими возможностями повлиять на культурную ситуацию в крае.

Огромная роль чиновничества во всех сферах государственной деятельности, обусловленная характером российского самодержавия XVIII в., особенно резко проявлялась в Сибири, где отсутствовали дворянское землевладение и крепостничество. Такое удвоение функций открывало для сибирских чиновников практически безграничные возможности как для управления, так и для произвола⁶.

Заметное влияние на развитие книжной культуры Сибири оказала школьная реформа 80-х гг., предусматривавшая открытие в губернских центрах четырехклассных Главных, а в уездных — двухклассных Малых народных училищ. Благодаря реформе значительно расширилась сеть общеобразовательных учебных заведений в провинции, увеличилось число грамотных, а следовательно, читающих людей.

Исключительную роль в становлении провинциальной книжной культуры, в частности, развитии местного книгопечатания, сыграли указы 70— 80-х гг., позволявшие заводить типографии. Указ от 24 января 1773 г. разрешал для облегчения канцелярского делопроизводства организовывать полиграфические предприятия при губернских правлениях. "Указ о вольных типографиях" от 15 января 1783 г. давал возможность частным лицам открывать типографии во всех городах России и печатать в них книги на русском и иностранных языках. Печатный станок приравнивался к "прочим фабрикам и рукоделиям". Государственная монополия на книгоиздание разрушалась.

Оба указа дали толчок для появления типографий в ряде провинциальных городов (в том числе и в Сибири), способствовали расширению выпускаемых книг, их более активному обращению в читательской среде.

Вместе с тем отношение русского самодержавия к распространению книжного знания было противоречивым и сложным, вслед за разрешительными были приняты ограничительные и запретительные указы. В 1786 г. введена духовная цензура, препятствовавшая, в частности, распространению работ французских просветителей. В 1787 г. Екатериной II подписан указ "О запрещении в продажу всех книг, до святости касающихся", обращенный прежде всего против деятельности Н.И. Новикова и "Типографической компании". В 1796 г. вышел указ "Об ограничении свободы книгопечатания, ввоза иностранных книг и об упразднении частных типографий". В 1798 г. во всех русских портах были организованы цензурные учреждения, производившие досмотр ввозимых в Россию книг, а в 1800 г. ввоз иностранных книг был вовсе запрещен⁷. Таким образом, развитие книжного дела в восточной части страны, как и в России в целом, подвергалось жестким и разнонаправленным воздействиям центра.

Наряду с общероссийскими социально-экономическими и культурными процессами, влиявшими на эволюцию книжной культуры, за Уралом действовали и специфические местные факторы, сопровождавшие вовлечение края в систему формирующегося общероссийского рынка.

Развитие городов, торговли, местных производств и ремесел усиливало потребность в квалифицированной рабочей силе, вызывало у отдельных групп населения интерес к профессиональным знаниям, например, в области медицины, геодезии, техники, военного дела, восточных языков и т.д. Это стимулировало открытие новых учебных заведений. В конце века в Сибири возникло большое количество гарнизонных, геодезических, горных, навигацких, медицинских, казачьих, пограничных и других школ. В Барнауле начало работать Горное училище, в Омске на базе гарнизонной школы открылось "Азиатское училище" для подготовки переводчиков с татарского, монгольского и маньчжурского языков. Заметную роль в культурной жизни Тобольска и Иркутска стали играть Главные народные училища. В 80-х гг. XVIII в. в Сибири действовали две духовные семинарии (Тобольская и Иркутская), широкая сеть духовных школ⁸. К концу века в Сибири и на Дальнем Востоке насчитывалось около 30 духовных и более 30 светских (гражданских и военных) учебных заведений⁹.

Обогащалась культурная жизнь, прежде всего, главных административных и хозяйственных центров края — Тобольска, Иркутска, Барнаула, Омска. Возникли первые литературные кружки, для избранной публики организовывались музыкальные вечера, в домах знатных людей появились произведения светской живописи, усилилась деятельность любительских театров, открылись первые музеи. Свообразным центром книжной культуры стали Колывано-Воскресенские заводы.

Большую роль в деле вовлечения азиатской части России в сферу политической, экономической и культурной жизни России сыграли научные экспедиции второй половины XVIII в. — П.С. Палласа, И.Г. Гмелина, И.П. Фалька, И.И. Георги и др. Материалы экспедиций получили отражение в ряде книг, напечатанных в конце XVIII — начале XIX в.¹⁰ Чаще всего они первоначально издавались на западно-европейских языках за рубежом и в России (Москве и Петербурге), затем, как переиздания, — на русском. Эти работы усиливали интерес Центральной России и зарубежных стран к восточным окраинам страны, способствовали формированию местных научных сил.

Сдвиги, происходившие в административной, экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока последней трети XVIII в., определяли и изменения в книжном деле. Рост числа учебных заведений и количества грамотных усиливал потребность жителей края в книге, способствовал созданию учебных и публичных библиотек, расширению читательских интересов, смещению их в сторону светской жизни. Все более широкая вовлеченность Сибири в общероссийский экономический и культурный процесс, необходимость хозяйственного освоения края, постепенная модернизация общественного уклада требовали расширения административно-управленческой, просветительской, исследовательской деятельности, объединения местных творческих сил. А это в свою очередь рождало потребность в заведении типографий, организации местного книгопечатания.

1. НАЧАЛО КНИГОПЕЧАТАНИЯ В СИБИРИ

Создание типографий в Иркутске и Тобольске

Как уже отмечалось, указы 70—80-х гг. XVIII в., связанные с организацией в России типографского дела, открывали широкие возможности для устройства в провинциальных городах страны полиграфических предприятий. Для заведения частной типографии, согласно указу 1783 г., необходимо было лишь сообщить об этом в местную управу благочиния и предоставить ей на утверждение список книг, подготовленных к публикации¹¹. До конца XVIII в. в стране было открыто 26 провинциальных типографий, большая их часть возникла при губернских управлениях. В четырех городах — Костроме, Тамбове, Тобольске и Ярославле — открылись "вольные" типографии¹².

За Уралом условия для заведения типографского дела и книгопечатания в 80-х гг. XVIII в. сложились в Тобольске и Иркутске — центрах сибирских наместничеств, а затем губерний, крупнейших городах, обладавших серьезным литературным и научным потенциалом. Эти города имели равные возможности для организации типографий и книгоиздания. Богатый торгово-промышленный Иркутск, расположенный на пересечении важных транспортных магистралей, даже в чем-то превосходил Тобольск. И тем не менее звание первопечатной столицы Сибири

принадлежит именно Тобольску, хотя появление первой типографии на востоке России связано с Иркутском.

Замысел основать в Иркутске типографию принадлежал главе вновь созданного Иркутского наместничества генерал-поручику И.В. Якоби, который в 1783 г. появился в городе с большой свитой чиновников. Вскоре после приезда И.В. Якоби "выписал" из Петербурга знатока печатного дела М.П. Петрова, который до этого служил в ряде солидных столичных полиграфических предприятий. В 1784 г. М.П. Петров уже числился в должности переплетчика при Приказе общественного призрения¹³. В 1785 г., как отмечалось в летописи П. Пежемского и В. Кротова, в Иркутск были привезены "типографские приборы со всеми принадлежностями, на два станка: один из них стоил казне 678 р., второй — 1005 р. 15 к. ассигн[ациями]. Эти станки послужили основанием типографии, принадлежащей ныне Иркутскому губернскому правлению"¹⁴.

На этом заканчивается четко фиксируемая документами начальная история Иркутской типографии. Известно, что печатник М.П. Петров прослужил в Иркутске 44 года и получал неоднократные благодарности за исполнение дел "с надлежащим усердием и ревностью"¹⁵. Отмечаемые рядом исследователей избитость и частичная утеря шрифтов Иркутской типографии начала XIX в., казалось бы, свидетельствовали об интенсивной работе предприятия¹⁶. В то же время до сих пор не обнаружено ни одного вещественного подтверждения деятельности типографии в XVIII в. Неизвестна дата начала печатания и появления первых оттисков. Несомненны значительные перерывы в работе предприятия. Уже в 1793 г. Иркутская почтовая контора была вынуждена обращаться в Тобольскую типографию с просьбой о напечатании необходимых ей бланков¹⁷. В 1804 г. сибирский генерал-губернатор И.О. Селифонтов писал министру просвещения, что приготовленные для типографии "инструменты остаются без всякого употребления и некоторые из них от долговременного лежания пришли уже в негодность"¹⁸.

Поиски первых образцов иркутского печатного станка продолжаются. По утверждению специалистов, мы вправе рассчитывать на встречу с иркутскими первопечатными изданиями конца XVIII столетия¹⁹. Однако уже сейчас ясно, что Иркутск как центр книгопечатания не проявился в XVIII в. достаточно ярко и значительно уступает в этом плане Тобольску. Именно в Тобольске сложилось уникальное сочетание всех необходимых для развития издательского дела условий — наличие предприимчивого и культурного купца — создателя "вольной" типографии, значительных литературных сил, активной и заинтересованной поддержки со стороны местной администрации. В отличие от Иркутска, ставшего центром крупной торговой буржуазии, Тобольск в своем развитии опирался сначала на духовенство, а с конца XVIII в. — на дворянское чиновничество. Именно в этом, по мнению М.К. Азадовского, заключалось своеобразие "тобольского типа культуры"²⁰. Эта специфика, по-видимому, в значительной мере определила и успехи раннего тобольского издательского центра, связанного с именем купцов Корнильевых.

Семья Корнильевых проживала в Тобольске с XVIII в. Я.Г. Корнильев был известен как видный представитель тобольского купечества. Пятеро его сыновей играли значительную роль в жизни города. Один из них — Василий Яковлевич — владел крупным капиталом, в конце века избирался городским головой, был тесно связан с администрацией наместничества. В 1778 г. В.Я. Корнильев приобрел у купцов Медведевых половину бумажной фабрики близ Тобольска, в 1783 г. купил и вторую ее половину²¹. Новый владелец укрепил мануфактуру, подумывал о расширении дела. 31 января 1789 г. В.Я. Корнильев подал в Тобольскую управу

благочиния "объявление" о том, что он заводит "типографию своим коштом, на которой желает производить на первый случай печатание книг на русском диалекте гражданскими литерами, а впредь стараться будет и на разных иностранных"²². В подтверждение своих намерений В.Я. Корнильев представил управе рукопись перевода английской повести "Училище любви...", сделанного по его поручению П.П. Сумароковым.

Первоначально типография находилась в селе Аремзянском. Местная администрация предполагала использовать типографию и для своих канцелярских нужд. 2 апреля 1789 г. тобольский губернатор А.В. Алябьев заключил с В.Я. Корнильевым контракт на печатание указов и служебных бумаг для наместнического правления. Губернское правление намеревалось взять на себя и переплет необходимых изданий, а затем и их распространение²³.

Возможные препятствия для нового начинания В.Я. Корнильев усматривал прежде всего со стороны духовных властей, неоднократно проявлявших нетерпимость по отношению к различным "крамольным" книгам. Именно поэтому первые печатные оттиски Тобольской типографии были адресованы не губернатору А.В. Алябьеву, а высшим духовным чинам Тобольска — епископу Варлааму и архимандриту Иакинфу. На одном из оттисков значилось "Его Высокопреосвященству Варлааму Епископу Тобольскому и Сибирскому... Содержатель новозаводимой в Сибири типографии тобольский купец и фабрикант Василий Корнильев сей лист подносит февраля 6 дня 1789 года". Ниже шло 20 стихотворных строк. Второй листок от 21 февраля 1789 г. сообщал об освящении типографии главой Долматовского монастыря архимандритом Иакинфом. Оба оттиска были полны "всенижайших изъявлений почтения и благодарности", содержали просьбу благословить новое дело.

Проблема цензорских полномочий решалась Тобольской управой благочиния совместно с епископом Варлаамом. "Освидетельствование" книг, подготовленных к печати, было возложено на ректора Тобольской духовной семинарии архимандрита Геннадия, труды духовного содержания должен был просматривать сам епископ Варлаам. К началу апреля 1789 г. предварительная цензура в лице архимандрита Геннадия и управы благочиния дала разрешение на печатание книги "Училище любви". Впоследствии все книги Тобольской типографии подвергались предварительной цензуре лишь гражданского начальства.

5 апреля 1789 г. состоялось официальное открытие первой "вольной" типографии в Сибири, которую В.Я. Корнильев к этому времени перевел из с. Аремзянского на свое подворье в Тобольск. Тобольское наместническое правление выпустило печатный указ, извещавший об этом важном событии. Указ был разослан во все присутственные места и учреждения²⁴.

С самого начала работы типографии в ее делах принимал активное участие сын владельца — Дмитрий Васильевич. В одном из документов 1789 г. сообщалось, что часть типографских дел и расчетов В.Я. Корнильев доверяет "сыну своему родному, тобольскому купцу Дмитрию Корнильеву". В материалах Приказа общественного призрения за 1793 г. Дмитрий Васильевич, так же как и отец, назывался "купцом и фабрикантом"²⁵. Однако на титульных листах всех изданий типографии значилось имя лишь одного ее владельца — "В типографии Василия Корнильева", "В типографии, у В. Корнильева".

Полиграфические возможности Тобольской типографии в первое время были достаточно скромными. В.Я. Корнильев завел два печатных станка со всеми принадлежностями. Вообще приобретение оборудования вызвало значительные сложности, что было характерно не только для Сибири, но и для соседнего Урала.

В отличие от других провинциальных полиграфических предприятий, шрифты для Тобольской типографии отливались в собственной словолитне. Латинский шрифт был куплен позднее. Поэтому некоторое время иностранные слова набивались русскими буквами²⁶.

Полиграфическое исполнение тобольских изданий соответствовало требованиям времени. Преобладающим форматом книг был 8⁰ (1/8 доля листа), наиболее распространенный на всей территории России. Однако печатались и крупноформатные книги в 1/4 долю листа, и малоформатные — в 1/12. Титульные листы оформлялись с помощью разного рода шрифтов. Для выделения заголовков, концовок, разделов внутри текста использовались простые разделительные линии, наборные украшения в виде сочетаний цветов, звездочек, линеек. Иллюстраций тобольские издания, кроме редких случаев, не имели. Цельнобумажные переплеты книг были немymi. Использование появившихся в последней трети XVIII в. в России шрифтовых обложек и картонных переплетов еще не стало в 90-х гг. общепринятой практикой. Не было их и в Тобольской типографии, вынужденной сокращать полиграфические затраты.

Серьезные трудности вызвало отсутствие профессиональных кадров для типографской деятельности. Первым тередорному (печатному) искусству стал обучаться, по распоряжению В.Я. Корнильева, крепостной Мухин. Другие работы в типографии выполнялись фабричными мастерами.

Бумага для книгопечатания в Тобольской типографии использовалась лишь собственного производства — с водяными знаками "ФТВК" (фабрика Тобольская Василия Корнильева).

В последней трети XVIII в. в России выпускалась бумага 22 сортов, в Сибири — четырех сортов, в том числе писчая, полуалександрийская, картузная. В то время в крае работали две бумажные мануфактуры — купцов Медведевых, организованная вблизи Тобольска в 1745 г., и О. Коновалова, открытая в Туринском уезде в 1761 г. Для производства бумаги использовалось хлопчатобумажное и льняное сырье — обычное тряпье, собираемое у населения. Счет готовой бумаги шел на стопы, по весу. Одна стопа писчей бумаги состояла из 480 листов. Производственная мощность предприятия определялась количеством ролов*, приводимых в движение силой падающей воды.

В 1778 г. бумажная фабрика Медведевых (до приобретения ее В.Я. Корнильевым) имела 2 рола, на фабрике было 4 крепостных, 8 приписных, 33 вольнонаемных работника. Техническое руководство осуществлялось мастером из ссыльных. Значительную часть рабочих составляли посадские люди, высланные сюда для отработки частных долгов или казенной недоимки. Уже в 1763 г. фабрика производила в год 2000 стоп писчей, 5 стоп полуалександрийской и 20 стоп картузной бумаги.

В.Я. Корнильев расширил предприятие: построил новую плотину, вдвое увеличил число ролов, поставил 2 прессы для склеивания и прессования бумаги. В результате производство возросло более чем в два раза. Главным покупателем бумаги была казна. В.Я. Корнильев поставлял бумагу для наместнического управления, уездных присутственных мест и волостных правлений. Излишки продавались в других городах или на ярмарках, например на Ирбитской²⁷. С 1789 г. использовалась бумага и для печатания книг Тобольской типографии.

* Рол — катушка-рулон, на который наматывалась бумага.

Одна из характерных особенностей издательского дела второй половины XVIII в. — отсутствие единого издателя, распределение его функций между несколькими людьми²⁸. Проявлялась эта черта и в деятельности Тобольской типографии. Активную роль в формировании издательской политики Тобольской типографии играли сами ее владельцы — Василий и Дмитрий Корнильевы, далеко не чуждые просветительских устремлений. Д.В. Корнильев был весьма начитанным человеком, близким к кружку учителей Тобольского Главного народного училища и преподавателю Тобольской семинарии историку П.А. Слобцову, обладал серьезными знаниями в области сибирской истории, этнографии, географии. Примечательно, что часть книг была выпущена по инициативе Корнильевых и на их средства. Кроме того, в типографии были бесплатно отпечатаны четыре первых номера журнала "Иртыш, превращающийся в Ипокрену". Взяв на себя составление, финансирование и выпуск "Исторического журнала...", Д.В. Корнильев в данном случае выступал одновременно и как издатель, и как типограф.

При издании других книг купцы Корнильевы отвечали только за полиграфическую работу, о чем свидетельствует постоянное получение ими определенных сумм "за напечатание". В то же время принадлежность типографии частному лицу спасала ее от отрицательного воздействия чиновничества — печатания бесчисленных официальных документов, многочисленных од "по случаю" и т.д.; избегать этого удавалось далеко не всем провинциальным полиграфическим заведениям.

В ряде случаев местная администрация контролировала выбор книг, определение тиражей, оплату труда автора и типографа. Чаще всего участие администрации в формировании репертуара ограничивалось финансированием изданий. За счет средств Приказа общественного призрения вышли сочинения И. Петерсона, Н. Шукшина, епископа Варлаама (Петрова), печатались журналы "Иртыш, превращающийся в Ипокрену" и "Библиотека ученая". Приказом финансировались отдельные издания просветительского характера, которые имели практическую пользу, способствовали повышению кругозора населения. Выбор книг определяло в значительной степени то обстоятельство, что в ведении Приказа находились народное образование и здравоохранение.

Кроме стремления "просветить" местное население, администрация преследовала еще одну цель при финансировании книгоиздания — возможное получение прибыли. Предпринимательская деятельность Приказов в данный период всячески поощрялась, и некоторые из них активно использовали это обстоятельство.

Так, в Калуге и Симбирске Приказы общественного призрения содержали книжные лавки, Калужский приказ наряду с книгоизданием организовал библиотеку для чтения. Тобольская администрация действовала в таком же направлении. При определении цены на книги Приказ сразу же фиксировал, какая часть денег от продажи сочинения пойдет в его пользу. Так, при издании "Лечебника" И. Петерсона прибыль Приказа составила 340 р., "Экономические записки" Н. Шукшина принесли ему еще 75 р.

Плодотворной работе типографии Корнильевых способствовало и заинтересованное участие в издательском процессе главы Тобольского наместнического правления А.В. Алябьева, прибывшего в Сибирь в 1787 г. Человек высокообразованный, обладавший к тому же определенной широтой взглядов, с сочувствием отнесшийся к проезжавшему через Тобольск ссыльному А.Н. Радищеву, владелец прекрасной личной библиотеки, А.В. Алябьев многое сделал для закрепления книгоиздательского начинания на сибирской почве. Явно

при поддержке А.В. Алябьева решался вопрос о финансировании Приказом местных изданий. По его прямому указанию вышло "Краткое описание болезни" И. Петерсона. А.В. Алябьев взял на себя дополнительные хлопоты, добиваясь разрешения на издание "Словаря" Ф. Ланганса. Самое деятельное участие принял он и в подписной кампании на тобольскую периодику, обратившись при этом к правителям других наместничеств. При абсолютистской административной системе конца XVIII в. поддержка издательского дела высшей губернской властью была весьма значимой. Неформальная заинтересованность просвещенных губернаторов порой помогала провинциальным типографиям сохранить собственное лицо. Так было не только в Тобольске, но и, например, в Тамбове, Ярославле²⁹.

Активными участниками тобольского издательского процесса стали представители местной интеллигенции — учителя, юристы, врачи, военные, священники, чиновники, а также ссыльные, не только выполнявшие переводческую работу, но и успешно занимавшиеся литературным творчеством. Особая роль в становлении авторского коллектива тобольских изданий принадлежала участникам литературного кружка — учителям Тобольского Главного народного училища — Т.М. Воскресенскому, И.А. Набережнину, В.Я. Прудковскому, И.Б. Лафинову; его ученикам — И. Трунину, бухарцу А.Маметову; прокурору И.И. Бахтину, председателю палаты уголовного суда Г. Фризе; крепостному князей Голицыных поэту Н.С. Смирнову, отправленному в Сибирь солдатом, и др. Возглавлял тобольский литературный кружок поэт Панкратий Платонович Сумароков, внучатый племянник известного писателя А.П. Сумарокова, сосланный в Тобольск в 1787 г. В конце XVIII в. П.П. Сумароков был самым крупным в Сибири и признанным в России поэтом, представителем просветительского классицизма. В среде местных авторов он выделялся ярко выраженными способностями к редакторской и издательской деятельности.

До открытия типографии в Тобольске единичные контакты со столичными издателями не позволяли местным писателям и переводчикам подняться выше уровня любительских опытов, а издательской работой никто из них не занимался. В то же время многие из них были, как правило, достаточно образованными. Большинство из них получило образование в столицах. П.П. Сумароков знал несколько языков, рисовал, музицировал; по нескольким языкам знали И.И. Бахтин, Г. Фризе; Н. Смирнов учился в Московском университете. В Петербургской учительской семинарии получили образование Т.М. Воскресенский, И.А. Набережнин, В.Я. Прудковский. Московскую духовную академию закончил И.Б. Лафинов. Вице-губернатор Кольванского наместничества Н.А. Ахвердов в 1776—1779 гг. сопровождал графа А.Г. Бобринского и наследника Павла Петровича в поездках по Европе. Влияние Петербурга и Москвы сказывалось не только на культурном уровне участников тобольского книгоиздания, но и на их мировоззрении. Им были хорошо знакомы наиболее интересные философские и общественные доктрины времени, сочинения Вольтера, Руссо, Монтескье. На страницах тобольских изданий местные литераторы продолжали темы и идеи, которые волновали широкие круги российской общественности второй половины XVIII в.³⁰

Издательская продукция Тобольской типографии Корнильевых (1789—1804 гг.)

За первый и наиболее эффективный период существования типографии Корнильевых (1789—1794) в ней вышло 14 книг и 2 журнала (36 номеров). В 1804 г.,

после длительного перерыва, появились 3 тома последнего издания типографии. Таким образом, в общей сложности известно 53 тобольских издания. Помимо книг в типографии печатались деловые бумаги для местных административных учреждений³¹.

Одной из характерных черт тобольского книгоиздания, отличавших его от других печатающих провинциальных городов, было особое внимание издателей к выпуску периодики.

С сентября 1789 г. в Тобольске стал выходить первый сибирский журнал "Иртыш, превращающийся в Ипокрену"³². Это был единственный в то время провинциальный журнал в России. До него лишь в Ярославле в 1786 г. издавался "Уединенный пошехонец". "Иртыш" занял особое место в книжной продукции корнильевской типографии, стал наиболее значительным издательским предприятием тобольских литераторов. Он выпускался при Тобольском Главном народном училище на средства Приказа общественного призрения с целью "доставить учителям свойственное званию их упражнение" (так утверждалось в предисловии к первому номеру журнала). Официально редакция "Иртыша" возглавлялась на преподавателей училища — Т.М. Воскресенского, И.Б. Лафинова, В.Я. Прудковского, И.А. Набережнина. Однако его действительным инициатором и, возможно, редактором был П.П. Сумароков. Издание выходило ежемесячно в течение почти двух с половиной лет — до конца 1791 г. Всего вышло 24 книжки. "Иртыш" стал центром притяжения местной интеллигенции. Круг его сотрудников и авторов был весьма широк. Кроме П.П. Сумарокова и учителей Тобольского Главного народного училища, в нем принимали участие И.И. Бахтин, Г. Фризе, Н.С. Смирнов, И. Трунин, А. Маметов, кадет Д. Дягилев, ссыльный М.А. Пушкин, поэт Н.П. Николев. Публиковали свои работы и переводы жена П.П. Сумарокова — Софья и его сестра — Н.П. Сумарокова. Журнал не был чисто тобольским изданием, а развивался как орган обширного экономико-географического региона: в нем принимали участие представители Иркутска (Бельшев, Флоренский), Колыванского наместничества (Н.А. Ахвердов), Перми (А.Н. Гладков), крепости св. Петра (ныне г. Петропавловск в Казахстане) (неизвестный автор)³³.

Авторы издания стремились познакомить местных читателей с образцами европейской литературы, расширить их кругозор. "Просвещение разума" рассматривалось как кратчайший путь к достижению "истинного благополучия"³⁴.

Доля оригинальных произведений в журнале была невелика, в основном сотрудники издания выступали в качестве переводчиков, чаще всего с французского языка. С других языков переводились, как правило, сочинения, содержавшие "французские" идеи. Использование переводов позволяло вести пропаганду идей Просвещения устами иностранных авторов³⁵. Весьма ощутимой была перекличка оригинальных и переводческих статей с некоторыми взглядами А.Н. Радищева.

Главной мишенью критики в журнале было крепостное право. Журнал ратовал за крестьянскую собственность и освобождение селян от крепостной зависимости, ограничение власти дворянства, повышение роли третьего сословия, развитие промышленности и торговли. Идеалом "Иртыша" был просвещенный абсолютизм.

Проблема естественного права являлась одним из ведущих критериев при выборе материалов для переводов с иностранных языков. Так, с марта 1791 г. в журнале публиковался вольный перевод Г. Фризе с немецкого языка книги шотландского философа-просветителя XVIII в. лорда Генри Тома Кеймса "Очерк истории человека", озаглавленный им "Краткие исторические известия о влиянии климатов, средств пищи, правления, нравов и обычаев на национальные характе-

ры человеческие", где развивалась теория естественного права и взгляды Монтескье.

Наиболее действенными жанрами, бичующими крепостничество, которые использовались в журнале, были притча, эпиграмма, эпитафия, басня, сказка. Например, в притче И.И. Бахтина "Господин и крестьянка" разрабатывался сюжет о злобном барине-волке. Та же тема звучала в притче П.П. Сумарокова "Соловей, попугай, кошка и медведь". При критике царей использовались сочинения Вольтера — отрывки из "Разговоров о человеке", "Песнь Иоанна Плокофа, Советника Гольштинского".

Бичуя пороки общества, журнал, вместе с тем пропагандировал распространение просвещения, развитие торговли и промышленности. По мнению сотрудников и авторов журнала, эти три элемента были тесно связаны между собой. Например, купец Тимофей Воскресенский ратовал за точные науки как "нужнейшие и полезнейшие в общежитии".

В произведениях П.П. Сумарокова, И. Трунина, других авторов встречались и сибирские мотивы. Также публиковались статьи на практические темы — о выплавке медной руды, конструкциях печи и горна и т.д.

Несмотря на старания создателей и авторов, "Иртыш, превращающийся в Ипокрену" не сумел привиться на сибирской почве. Журнал выпускался тиражом в 300 экземпляров, что для XVIII в. было внушительной цифрой. Распространялся он по подписке. Получали издание не только в Сибири, но и в наместничествах Пермском, Вятском, Ярославском и др. Однако количество подписчиков уменьшалось с каждым годом. В 1789 г. было 186 подписчиков, в 1790 г. — 106. К концу 1791 г. издание прекратилось. Оно принесло большие убытки Приказу общественного призрения³⁶.

К 1790 г. относится попытка выпуска в Тобольске еще одного периодического издания — "Исторического журнала, или Собрания из разных книг любопытных известий, увеселительных повестей и анекдотов". Замысел и осуществление этого издания принадлежали Д.В. Корнильеву. В настоящее время известна лишь первая часть "Исторического журнала...", которая уже в начале XIX в. стала библиографической редкостью. По свидетельству современников, была опубликована вторая его часть, которая до сих пор не найдена. Стремление автора объединить в одной книге материалы о Сибири, сведения о различных странах и событиях, нравоучительные статьи, анекдоты и т.д. соответствовало общероссийской издательской традиции второй половины XVIII в. Это было первое издание сибиреведческого плана, хотя по своему наполнению оно выходило за рамки данного понятия. Первая часть "Исторического журнала..." включала 25 статей, из которых более половины было посвящено краю.

Для статей о Сибири, составленных Д.В. Корнильевым, характерны свободная манера изложения, самостоятельная оценка фактов и событий, разнообразие сведений. Издание открывалось статьей "О Сибири". Этнографии края были посвящены статьи "О бурятах и телеутах", "О казачестве Сибири", "О якутах и тунгусах", "О самоеди", "О остяках", "О вогуличах", "О татарах". Природным богатствам края посвящена статья "О разности земли в Сибири и о Барабинской степи"³⁷.

Другим периодическим изданием, оставившим заметный след в деятельности Тобольской типографии, был журнал "Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная, в пользу и удовольствие всякого звания читателей". Он выпускался в 1793—1794 гг. Всего вышло 12 выпусков (объемом по 13 п.л. каждый). Издателем и редактором этого журнала являлся

П.П. Сумароков. По-видимому, он пытался освоить новую издательскую форму, более соответствующую местным читательским вкусам. В отличие от "Иртыша", журнал потерял свой боевой просветительский характер, проявил большой интерес к развлекательности, анекдоту, полезным советам по домоводству и т.д.

Круг лиц, печатавшихся в "Библиотеке ученой...", был очень узким, а их публикации единичными. Так, в журнале были помещены два стихотворения И. Трунина, "Слово о пользе физики" Т. Воскресенского, два перевода Г. Фризе и один перевод И. Бахтина из Вольтера ("Об умеренности во всем"). В основном материалы готовились П.П. Сумароковым и его женой. "Исторический" отдел представляли биографии выдающихся лиц, поданные как собрание "анекдотов". Ориентация на различные читательские вкусы заставляла издателя использовать широкий спектр жанров: эссе, волшебную сказку, анекдот и т.д. Сделано было немало. Только в пяти выпусках журнала опубликовано более 700 статей, заметок, рассуждений. Основное место в издании занимали переводы. Как и предыдущие журналы, "Библиотека ученая..." прекратила существование, не встретив понимания со стороны читающей публики³⁸.

Непериодические издания, выпускаемые типографией Корнильевых, как и журналы, значительно отличались по тематике и читательскому адресу от книжной продукции других провинциальных типографий России. Отдаленность Сибири от центра страны не позволяла тобольским издателям ориентироваться на общероссийский книжный рынок, вынуждала их обращать особое внимание на интересы сибиряков³⁹. Поэтому среди тобольских изданий особое место занимали книги научно-популярного, прикладного, справочного и краеведческого характера. Из десяти наименований книг, выпущенных в Тобольске в 1789—1794 гг., четыре были переводные или перепечатанные, а шесть принадлежали перу местных авторов. В двух работах нашли отражение краеведческие проблемы. Перепечатка государственных документов, богословской литературы и изданий "по случаю" для Тобольска не была характерной. Изданные здесь книги распределялись по тематике следующим образом: официальных изданий — 1, художественной литературы — 3, книг по прикладным знаниям — 4, литературы по философии, истории, краеведению — 3⁴⁰. Первая книга, изданная в типографии Корнильевых, — "Училище любви. Аглинская повесть" (1789, 135 с.), повествующая об истории любви молодой англичанки Фанни к непостоянному графу Рогерфильду. Повесть — далеко не лучшее, но весьма типичное творение своего времени, написанное в духе откровенного подражания Ж.Ж. Руссо. Книга пользовалась популярностью и в 1791 г. была переиздана.

В числе других художественных произведений были выпущены: "Емилия. Французская повесть" в переводе Софьи Сумароковой (Тобольск, 1791, 83 с.), комедия "Благодетельство и благодарность" (б.г.).

В 1893 г. была напечатана "Ода на новый 1793 год, сочиненная Артиллерии второго канонирскому полку сержантом Иваном Труниным" (1793, 11 с.).

Научный и научно-прикладной характер изданий, вышедших в Тобольске, был обусловлен потребностями и особыми условиями хозяйственной жизни Урала и Сибири (территория нынешних Пермской и Свердловской областей относилась тогда к Сибири). Среди первых работ следует отметить историческую (хроникальная городская летопись), юридическую, сельскохозяйственную книги, два издания по ботанике и два медицинских справочника. К книгам по прикладным знаниям относятся "Краткое описание болезни, в Сибири называемой ветреною или воздушной язвою, с показанием простых и домашних врачебных средств от оной. Собранные от разных о сей болезни имеющих известий, Тобольского

наместничества правящим должность доктора, коллежским ассессором, и штаб-лекарем Иваном Петерсоном" (1790, 46 с.), "Словарь юридический, или Свод российских узаконений, по азбучному порядку. С прибавлением, против напечатанного в Университете, трех годов, а именно: 788, 789 и 790" Ф. Ланганса (1791, 210 с.), "Краткое наставление, как вспомошествовать тем, кои от насильственных или внезапных случаев приходят в такое положение, что уже мертвыми кажутся" И. Петерсона (1794, 190 с.) и "Нужнейшие экономические записки для крестьян, содержащие в себе наставления о производстве хлебопашества, и разные другие к сельской экономике принадлежащие предметы, собранные из разных экономических сочинений Николаем Шукшиным" (1794, 309 с.). Тиражи этих изданий составляли 300 экземпляров.

Книга И. Петерсона "Краткое описание болезни..." имела большое практическое значение, так как на протяжении длительного времени в Сибири и на Урале свирепствовали эпидемии сибирской язвы, уносившие жизни многих людей и животных. По сути дела, это учебник для крестьян. Здесь учитывались средства, наиболее доступные для народа, которые можно было использовать в процессе самолечения. Кроме рецептов лекарств здесь предлагалась технология их приготовления. Современники высоко оценили эту книгу. Ссылка на нее имела в работе столичных ученых "Краткое описание сибирской язвы...". В Сибири автор получил за нее гонорар, что было весьма редким явлением в издательской практике того времени. Другая книга И. Петерсона "Краткое наставление..." также была обращена к широкой публике.

"Словарь юридический...", составленный Ф. Лангансом, был перепечаткой с работы, изданной в 1788 г. в Московском университете. Этот вспомогательный справочник — указатель законов о наказаниях за ту или иную провинность. Книга набиралась очень долго, в связи с чем пришлось включить дополнение — роспись указов за 1788—1790 гг. При издании "Словаря..." возникли и цензурные затруднения. Управа отказывалась давать разрешение на его печатание, так как по указам правительствующего Сената право на выпуск законов имели лишь сенатские типографии. Губернатор А.В. Алябьев отменил запрет, разъяснив управе, что "Словарь..." не относится к данному виду публикаций. Из трех изданий "Словаря..." Ф. Ланганса, выпущенных в конце 80-х — начале 90-х гг. в Москве, Тобольске и Полоцке, сибирская книга в оформительском плане была наиболее скромной, что, видимо, соответствовало состоянию местной полиграфической базы.

В 1792 г. Д.В. Корнильев издал первую часть труда академика П.С. Палласа "Описание растений Российского государства", опубликованную впервые в Петербурге в 1786 г. (перевод В. Зуева). Книга вышла тиражом в 240 экземпляров. В отличие от петербургского издания, включавшего 124 раскрашенных гравюры, тобольская книга вышла без иллюстраций.

В 1794 г. в корнильевской типографии вышло научно-популярное издание "Слово о пользе физики, говоренное во время открытого испытания в Тобольском главном народном училище высших классов учителем Тимофеем Воскресенским. 1793 года, июля 12 дня" (25 с.). По-видимому, это была перепечатка речи, опубликованной ранее в журнале "Иртыш...". Автор брошюры горячо пропагандировал свою науку, выступал против суеверий и страха, порожденных незнанием причин физических явлений.

В краеведческой работе епископа Тобольского Варлаама (Петрова) "Краткое показание о бывших как в Тобольске, так и во всех сибирских городах, воеводах и губернаторах, и прочих чинах; и кто они имянно, и в каких городах были; и кто какой город строил. Писанное в Тобольском доме архиерейском, 1791 года" (1792,

84 с.) дана хроника главнейших, по мнению автора, фактов истории Сибири начиная с похода Ермака до 1791 г.

Книга Н. Шукшина "Нужнейшие экономические записки...", вышедшая в 1794 г., была адресована крестьянам. Она состояла из двух "отделений". В первом даны необходимые сведения об обработке земли и получении урожая, во втором — методы борьбы с сорняками, подготовки семян к севу, сведения о животноводстве и т.п. Это настоящая сельскохозяйственная энциклопедия. Экономические взгляды автора близки воззрениям физиократов — последователей французского экономиста Франсуа Кенэ. Изданием книги Н. Шукшина закончился первый период деятельности типографии Корнильевых в Тобольске⁴¹.

В середине 90-х гг. экономическое положение Корнильевых ухудшилось, а после смерти Василия Яковлевича в 1795 г. эта купеческая фамилия перестала играть видную роль в жизни Тобольска. В том же году уехал из города губернатор А.В. Алябьев, а в 1796 г. вышел указ Екатерины II о закрытии "вольных" типографий. Предприятие Корнильевых в 1797 г. перешло в ведение Тобольского губернского правления и затем неоднократно меняло свою ведомственную принадлежность. В 1804 г., после отмены Александром I запрета на частные типографии, Д.В. Корнильев попытался возобновить издательскую деятельность и почти три года содержал на свои средства Тобольскую типографию⁴². В 1804—1805 гг. с дозволения Священного Синода здесь вышло единственное издание этого периода — трехтомный трактат известного английского математика Г. Диттона "Истина благочестия христианского, доказанная воскресением Иисуса Христа, с математической точностью". Перевод осуществлялся с немецкого языка тобольским архиепископом Антонием (Знаменским). Продолжить издательскую деятельность в новых условиях Д.В. Корнильеву не удалось.

После прекращения деятельности Тобольской типографии часть литераторов (И.И. Бахтин, П.П. Сумароков, Н.С. Смирнов, И. Трунин) продолжали печататься в столичных журналах. Имена этих авторов были удостоены внимания современников. В сборниках конца XVIII — начала XIX в. они соседствуют с именами И.И. Дмитриева, Г.Р. Державина, Д.И. Фонвизина, Я.Б. Княжнина. Издательской же деятельностью в центре в последующие годы занимался лишь П.П. Сумароков.

Таким образом, сибирское и общероссийское издательское дело конца XVIII в. объединяла общность книжного репертуара. Однако в сибирском книгоиздании существовали и свои отличительные черты, объяснявшиеся ориентацией на местного читателя, отсутствием заметного воздействия столичных специалистов на издательские и литературные силы края. Культурное и интеллектуальное влияние здесь было подобно маятнику. Те тенденции, которые развивались в книжной культуре России, оказали влияние и на книгоиздание Тобольска, а работы, выпущенные здесь, явились в свою очередь определенным вкладом в общерусский книжный репертуар⁴³.

2. РУКОПИСНАЯ КНИГА

Издательская деятельность Тобольской типографии и тот массив печатной продукции, который поступал за Урал из центра, не могли полностью удовлетворить книжные запросы образованной сибирской среды. Потребность общества в книге подчас находила практический выход в создании рукописных работ. Это наиболее ярко проявилось в Восточной Сибири, не имевшей своего издательства.

Рукописные традиции за Уралом связаны давними и глубокими корнями, прежде всего, с крестьянской старообрядческой книжностью и жанром летописей. Под влиянием времени к концу XVIII в. эти традиции, сохраняя и прежние сферы бытования, трансформировались и расширялись. В рукописной книге усиливались светские элементы и черты культуры эпохи Просвещения, происходило ее сближение с печатной книгой, сфера ее распространения все чаще выходила за рамки официальной православной церкви и старообрядческой среды. Это нашло отражение в сибирских рукописных сборниках конца XVIII в. В определенной мере они сохраняли черты средневековой рукописной традиции, вместе с тем живо откликались на злобу дня, содержали выписки из книг, журналов, газет, освещавших общеполитические, экономические и местные вопросы⁴⁴.

Один из таких сборников, составленных в Иркутске, был описан Н.С. Романовым⁴⁵. Он включал 244 листа (в 4^о) и содержал ряд статей, переписанных из газет: "О Курильских островах", "О торговле в городах Европы", "Товары и пошлины на них", "Обороты Архангельского порта в 1796 г.", "О торговле в Кяхте", "Указ Иркутскому губернскому правлению о церковнослужаших", "Указ о даровании Шелихову дворянства", "Проект морской Северо-Американской К^о", "Письмо якутского купца Вас. Кожина о возвращении из Охотска", "Ода на победу под Рымником в 1799 г." и др. Под статьями стояли записи писцов: "Списана сия книга в Иркутском 1797 г. месяца ноября 1 ч.", "Получено в Иркутске февраля 11 дня 1798 г.", "Списано 1798 г. 1 ч. генваря Иркутц", "Сии тетради списаны в течение семи дней в городе Тюмени 1798 г." Содержание сборника отражало интересы и заботы иркутского купечества. Другой иркутский сборник содержал выдержки из Санкт-Петербургского журнала "Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие"⁴⁶.

Отдельные рукописные сборники носили литературный характер: включали выписки из художественных произведений, стихи, оды, повести, трактаты. Иркутским ученым В.Д. Кудрявцевым описан один из таких сборников (альбомов), хранившихся в его личной библиотеке⁴⁷. Сборник относился к концу XVIII — началу XIX в., заголовка не имел, состоял из 64 страниц текста. На внутренней стороне обложки было написано: "Стихотворения и прозаические статьи. "Бог" Державина". Большинство выписок сделано одним почерком — скорописью конца XVIII в. Принадлежность к этому периоду подтверждается и палеографическими данными. В сборник включены оды Г.Р. Державина — "Изображение Фелицы", "Видение мурзы"; стихотворение В.И. Майкова "Время", ода П.А. Словцова "К Сибири", несколько статей — "Эскиз человека", "Тень Оссиана", "Отрывок из Теофраста" и др. Переписаны "Церемониал на погребение Потемкина", "Слово надгробное" и др. Приводятся также несколько смешных историй. Наибольшее место занимали оды и стихи. Знаменательно появление в рукописном сборнике первого сибирского поэтического произведения — оды семинариста П.А. Словцова "К Сибири". Она была прочитана в Тобольске в 1782 г. на торжестве по случаю открытия наместничества и впервые напечатана в Петербургском журнале "Музы" в феврале 1796 г.⁴⁸ Ее запись в рукописном сборнике датируется мартом того же года.

Рукописные сборники, подобные зафиксированному В.Д. Кудрявцевым, свидетельствуют о крайней пестроте литературных вкусов сибиряков. Нередко они включали русские и переводные повести дидактического характера, например, "Повесть о Варлааме и Иоасафе", "Повесть о царе Агее", "Повесть о царице и львице", "Повесть о двенадцати снах царя Шахаиши (Мамера)", "Сказание о Ва-

вилонском царстве", выписки из религиозно-нравственных сборников — "Пчела", "Великое Зерцало", "Звезда Пресветлая" и др.⁴⁹ Причем в этих рукописных сборниках имена Василия Великого, Зосимы и Савватия Соловецких могли соседствовать с именами Вольтера, Гомера, Руссо, Коперника. Так было, например, в одном из сборников, описанных А.П. Шаповым. В поле зрения составителя, наряду с указанными именами, попали М.В. Ломоносов, Рафаэль, А.П. Сумароков, М.М. Херасков, М.М. Щербатов и др. Рядом с заметками о философах, писателях, ученых помещались сведения о святых. После большой выдержки из книги "Новое краткое познание о всех науках" (книга вышла в 1796 г.) следовали записи сказаний, пометки о вселенских соборах, проповеди, описания чудес и т.д.⁵⁰

Такая пестрота состава сибирских рукописных сборников конца XVIII в. связана с противоречивостью самой переходной эпохи, когда новые имена и идеи уживались в сознании людей с именами носителей предшествующих идеологий.

Представителями самых разных сословий нередко использовалось "рукописное тиражирование" книг. Например, острая нужда в технических пособиях среди заводских офицеров и служащих на Кольваново-Воскресенских заводах заставила их переписывать или "делать экстракты" (своеобразные хрестоматии) из необходимых сочинений. Так поступили с книгой "Описания литейного завода и самодувных печей, заведенных славным каронским фабрикантом Гасконием"⁵¹. Подобным же образом решилась проблема нехватки издания типографии Корнильевых — "Лечебника" И. Петерсона ("Краткое описание болезни..."). Когда Тобольский приказ общественного призрения, стремясь избавиться от залежавшихся экземпляров книги, отправил указание земским судам распространить его дополнительно, земский исправник Курганского округа отказался от присланных экземпляров, так как жители уже переписали книгу от руки⁵². В Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике хранится рукописный сборник на латинском языке, относящийся к концу XVIII в. (171 л.). Он выполнен латинской и русской скорописью XVIII в. на бумаге Тобольской фабрики Корнильевых, содержит выписки из учебников, по которым велось преподавание в Тобольской духовной семинарии: "Sistema Geographia" и "Historie universalis" И. Леоновича, "De natura et indole philosophia"⁵³. В Иркутске был переписан учебник всеобщей истории, предназначенный для Главных народных училищ⁵⁴. В Сибири переписано и "Путешествие из Петербурга в Москву" А.Н. Радищева. Один из списков книги находился у кунгурского городничего Б.И. Остермейера, с которым писатель познакомился в 1790 г.⁵⁵

Таким образом, рукописные книги были неотъемлемой частью сибирской книжной культуры конца XVIII в. С одной стороны, они предваряли первые опыты местного книгоиздания и заменяли его на обширных восточных территориях, особенно лишенных печатного станка; они были, по меткому выражению Н.С. Романова, "прадедами местной периодической печати"⁵⁶. С другой стороны, они восполняли неудовлетворенные потребности сибиряков в печатном слове, производили как бы "допечатку тиража" важных для них работ.

3. РАСПРОСТРАНЕНИЕ КНИГИ: ПУТИ, СПОСОБЫ, МЕХАНИЗМЫ

Во второй половине XVIII в. начинает складываться общероссийский книжный рынок, формируются механизмы распространения печатной продукции, ко-

торые связаны прежде всего с деятельностью духовных и светских ведомств, носят регламентирующий, административный характер⁵⁷. К концу XVIII столетия за Уралом находилось уже значительное количество книг. Многие работы, в том числе рукописные, попадали в Тобольск, Иркутск и другие города в XVIII в. с переселенцами из Устюга Великого, Вологодской и Архангельской губерний⁵⁸.

Важным и традиционным центром распространения книг на востоке страны, как и во всей России, являлась церковь. В последней четверти XVIII в. литература поступала из Синода и распределялась целенаправленно через Тобольскую и Иркутскую духовные консистории как по обязательной рассылке, так и по запросам с мест.

Система распространения изданий осуществлялась следующим образом. Заказчик посылал заявку по инстанциям в Иркутск или Тобольск, откуда поступал запрос в Московскую синодальную контору. Контора давала распоряжение Московской типографской конторе по поводу отправки книг непосредственно на место. Бесплатная передача книг была исключением. Книги обычно оплачивались оптом, при поступлении их в консистории Иркутска и Тобольска. Затем деньги срочно собирались с заказчиков. Кроме религиозной литературы, по этим же каналам по инициативе с мест заказывались и книги светского содержания⁵⁹. Таким способом производилось, например, комплектование учебной и литургической литературой Камчатки. Из Московской типографской конторы по распоряжению синодальной конторы на Камчатку отправлялись книги, необходимые для обучения "камчадалских отроков"⁶⁰. Довольно часто книги привозились из центра с "оказией". Например, ряд книг в Иркутск в это время поступал через деятелей православной церкви и миссионеров.

Рассылка книг, проводимая церковью, нередко носила целенаправленный характер. Так, усиленно, порой в обязательном порядке, распространялись пособия для борьбы с расколом. Это различного рода "розыски", "обличения" и т.п. Несмотря на то, что духовенство способствовало распространению грамотности, открывало школы и училища, снабжало их литературой, нужда даже в церковной книге, например, в Тобольской епархии в последней четверти XVIII в. выражалась довольно внушительными цифрами. Согласно указу Синода от 6 августа 1795 г. задачу снабжения епархий литературой должна была выполнять Московская типографская контора, но денег на высылку книг ей не выделили. Отправка шла за счет заказчиков⁶¹.

Местные церковные власти, выделяя средства на оплату книг из своих "церковных", "монастырских", "семинарских" денег, не обязаны были платить за их провоз. Для этого привлекались купцы, которых обязывали доставлять книги. Естественно, что купцы относились к подобным просьбам со стороны церкви весьма холодно. Ярким примером такой доставки являлась попытка проведения в Тобольской епархии в жизнь указа Синода от 21 февраля 1793 г. о запрещении покупки книг в иных местах, кроме Синодальной типографии. Доставка первой партии книг (1378 экз.) тянулась долгие годы, начиная с 1795 г., и в 1800 г. еще не была осуществлена. Тобольские купцы В. Мальков и И. Лукиматушкин согласились по просьбе архиепископа Варлаама "принять из Московской типографской конторы разных книг для Тобольской епархии до 200 пудов"⁶², затем отказались от выполнения этой миссии. Переговоры с екатеринбургскими купцами Н. Денисовым и К. Казанцевым также оказались безрезультатными.

Значительная часть книг в рассматриваемый период попадала за Урал по светским административным каналам. Политика властей в данном вопросе была основана на стремлении "соблюсти государственный интерес". Отличительной

чертой административного книгораспространения была изначальная предназначенность определенных изданий конкретным категориям населения. Довольно часто применялась практика принудительного книгораспространения "сверху".

Данная тенденция ярко проявилась на Кольвано-Воскресенских заводах, куда книги в административном порядке стали поступать уже с конца 50-х гг. XVIII в. Часть их попадала в рудничные и заводские канцелярии, другие — в продажу частным лицам. Некоторое количество учебников и иной литературы раздавалось ученикам бесплатно. В 60—90-е гг. XVIII в. сюда также поступали книги, присылаемые Кабинетом. Высылка книг на заводы являлась и способом сбыта того или иного издания, и мерой, направленной на повышение квалификации служащих. Принудительно распространялись, например, сочинения И. Шлатера, М.В. Ломоносова, М. Ренованца и др.

Заказы на книги, поступавшие с мест, должны были удовлетворять образованные в Сибири центры профессиональной светской подготовки, такие как госпитальные, навигацкие и горнозаводские школы⁶³. Распространением книг занимались также Берг-коллегия, Медицинская коллегия, Главный магистрат, Синодальная типография. Новые книги поступали в Сибирь обычно с караванами. Например, когда в Москву и Санкт-Петербург с Кольвано-Воскресенских заводов отправляли золото и серебро, горные инженеры везли с собой списки книг. Обрато они везли книги, которые брали в Москве, в частности, у живущего в Немецкой слободе переплетчика Ридигера и в университетской лавке⁶⁴. Таким образом администрацией края частично решалась проблема доставки нужной литературы.

Разумеется, подбор книг, которые привозились горнозаводскими чинами из столиц в деревянные ящиках, был достаточно широк и выходил за рамки сфер и интересов горных инженеров, лекарей, заводских служителей, учителей, учеников. Об этом, например, свидетельствует перечень книг, "имеющихся при школе и чертежной" г. Барнаула от 1780 г. В нем представлена литература самых различных направлений. Документы сибирских заводов фиксируют такие формы книгораспространения, как присылка "нужнейших" книг по указам вышестоящих организаций (инстанций); приобретение подобных книг в порядке частной инициативы, обусловленной требованиями "регулярного" государства к отдельным личностям⁶⁵.

Сибиряки иногда пользовались и системой индивидуальных книжных заказов. Так, с 50-х гг. XVIII в. многие иркутские зажиточные купцы получали по подписке из центра "Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие", "Санкт-Петербургские ведомости". Выписывали иркутяне из Москвы и Санкт-Петербурга и другие книги и журналы, хотя это было весьма хлопотным делом⁶⁶.

Еще более сложно было получать по заказам книги из центра государственным служащим. Например, в 1791 г. барнаульский коллежский регистратор Речкунов через Тобольск послал заказ и деньги за книги Василия Великого "Новгородский летописец" и "Русский временник, сиречь летописец". Но ему отказали в присылке изданий, так как прежде надо было оплатить весовой сбор, а не только стоимость книг.

Во второй половине XVIII в. информация о выходящих изданиях помещалась в газетах, журналах, книгопродавческих росписях (специальных книжных реестрах), однако существенную пользу сибирякам она оказать не могла. Во-первых, не каждый мог съездить за книгами в Москву, как предлагалось, например, Синодальной типографией; во-вторых, существенным препятствием были значительные почтовые расходы. Книги гражданской печати, отраженные в реестрах,

часто имели полувековую давность (издания первой четверти XVIII в.), поэтому типографии Москвы и Санкт-Петербурга пытались их реализовать. Кроме того, реестры часто присылались в Сибирь с большим опозданием. В итоге залежавшиеся книги иногда рассылались в провинциальные города бесплатно, "с оказией"⁶⁷.

Как правило, по официальным каналам распространялись и издания Тобольской типографии Корнильевых. Активное участие в их рассылке принимала местная администрация. На местах этими вопросами занимались городничий, коменданты, земские исправники и волостные судьи. Через них Приказ общественного призрения, например, успешно продал весь тираж двух книг И. Петерсона "Краткое описание болезни..." и "Краткое наставление..." и работу Н. Шукшина "Нужнейшие экономические записки для крестьян...". Из Приказа издания рассылались по следующему принципу: комендантам и городничим в обязательном порядке — по одному экземпляру, капитан-исправникам — определенное количество книг в зависимости от числа волостей в данном округе. Последние рассылали книги по волостным судам округа⁶⁸.

Предварительная подписка производилась только на журналы "Иртыш..." и "Библиотека ученая". Особую активность здесь проявлял П.П. Сумароков, который помещал объявления о подписке в "Санкт-Петербургских ведомостях" и "Московских ведомостях". Объявления о выходе "Библиотеки ученой" и программа журнала были даны и в первых номерах самого издания. Однако наибольшая часть работы по подписке приходилась на Тобольский приказ общественного призрения и органы власти на местах. При распространении периодики чиновники отвечали не только за получение журнала из Приказа, но и за его доставку непосредственно подписчикам.

Подписка на периодические издания во многих случаях носила принудительный характер. Такая форма привела к затянувшейся на много лет тяжбе по взысканию платы с подписчиков; деньги взыскивались даже с их наследников. Трудности с оплатой возникали еще и по той причине, что подписчиком считался любой внесенный в список без предварительной оплаты. В число таких "должников" попали даже архиепископ Тобольский и Сибирский Варлаам, И. Петерсон и сам П.П. Сумароков, разбирательство по поводу долга которого заняло почти три года.

Кроме несовершенства подписной системы, возникали трудности с оплатой из-за недочетов в доставке изданий. Неполучившие книгу отказывались от уплаты, однако власти настаивали на получении денег с подписчиков. Помимо доставки книг определенным адресатам, местная администрация была обязана заниматься продажей корнильевских изданий "вольнжелающим".

Вырученные от продажи книг и журналов деньги пересылали в Тобольск, в Приказ общественного призрения; оплата почтовых расходов производилась обычно за счет общественной "крестьянской" или "купецкой и мещанской суммы".

Чиновников подключали к распространению не только вновь изданных, но и ранее разошедшихся книг. Так, через пять лет после издания сочинений И. Петерсона и Н. Шукшина появилось специальное распоряжение губернатора о распространении этих книг через земских исправников и чиновников, сопровождавших губернатора в поездках. И здесь исполнительные чиновники проявили редкую изобретательность. Например, Енисейский земский суд рассылал книги И. Петерсона со специально посланными в округ казаками, а тюменский исправник И. Угримов взыскивал деньги за книги из общественных крестьянских сумм в

волостях. Попытки организовать продажу тобольских изданий на чисто коммерческой основе терпели неудачу⁶⁹.

Изредка использовался и такой способ распространения тобольских изданий, как рассылка "подносных экземпляров", дарение. Например, по поручению А.В. Алябьева в Москву и Петербург в дар именитым особам отправили 8 комплектов "Иртыша..." за 1791 г. Журналы были посланы поэтам Г.Р. Державину, М.М. Хераскову, президенту Российской Академии наук Е.Р. Дашковой, графу Н.П. Шереметьеву, московскому губернатору П.В. Лопухину. В.Я. Корнильев подарил генерал-губернатору Сибири И.О. Селифонтову экземпляр книги Варлаама (Петрова) "Краткое показание...". По распоряжению губернатора А.В. Алябьева неразошедшиеся по подписке экземпляры журнала "Иртыш, превращающийся в Ипокрену" выдавали в качестве награды отличившимся ученикам Тобольского Главного народного училища. Таким образом была распространена треть всего тиража журнала. Награждение производилось отдельными ежемесячными выпусками⁷⁰. С помощью дарений и подношений распространялись не только тобольские издания. Так, например, получал некоторые книги начальник Нерчинских горных заводов и многие неофициальные лица.

Определенную роль в продвижении книг за Урал сыграли научные общества. Так, активную деятельность по распространению научно-практической сельскохозяйственной литературы развернуло Вольное экономическое общество (ВЭО), созданное в Петербурге в 60-х гг. XVIII в. На "Труды" ВЭО в Сибири была организована подписка. В начале 80-х гг. сюда присылался библиографический указатель статей, включенных в первые 33 части "Трудов", поступали объявления о выходе отдельных книг, например крестьянской энциклопедии "Деревенское зеркало" (1799). Подписка на "Труды" ВЭО велась как на полный комплект, так и на текущий год. На еженедельное прибавление к "Трудам" в 1788 г. в Иркутской губернии, например, подписались 33 человека, в Тобольской — 48. Подписная кампания проходила с помощью губернской администрации, которая покупала книги и журналы ВЭО в Петербурге. Все члены общества, проживавшие в Сибири, получали кроме диплома и экземпляр "Трудов"⁷¹. Занималась распространением своих изданий и Академия наук. Она неоднократно присылала книги в Иркутск.

В отдельных случаях активное продвижение книги на северо-восточные окраины России и за ее пределы было связано с целенаправленной деятельностью представителей купеческого сословия, движимых потребностью укорениться на вновь осваиваемых землях. Русская книга к концу XVIII в. по мере закрепления России на северных берегах Тихого океана, Аляске и прилегающих к ней островах Америки стала проникать и в эти места. Появление первых книг на Алеутском острове Кадьяк связано с именем иркутского купца, организатора Тихоокеанских промысловых экспедиций Г.И. Шелихова, впервые выдвинувшего идею планомерного культурного освоения северной части бассейна Тихого океана. Во время экспедиции 1783—1787 гг. "из Охотска по Восточному океану к Американским берегам" Г.И. Шелихов основал первые русские поселения на острове Кадьяк, организовал училище для местных детей, завез из Охотска необходимую для обучения литературу. В письме от 3 августа 1789 г. начальнику русского населения на острове Е. Деларову Г.И. Шелихов пообещал выслать еще книг "... учебных, горных, морских и протчих множество". Одновременно из Иркутска в Москву был отправлен приказчик для закупки книг по медицине, механике, арифметике, геометрии, тригонометрии и физике. Часть этих книг впоследствии была доставлена в Иркутск для отправки в Америку.

Немного позже, в 1794 г., на остров Кадьяк Г.И. Шелихов отправил еще одну партию книг — "классические, исторические, математические, моральные и экономические". Присланные Г.И. Шелиховым книги послужили основанием "русско-американского книжного собрания", а его просветительская деятельность, связанная с заботой о будущем русских владений в Америке, получила продолжение в работе Российско-Американской компании, основанной в 1799 г.⁷²

Значительную роль в распространении книги на востоке страны сыграла издательская и книготорговая деятельность Н.И. Новикова⁷³. Он выпустил более 1000 книг и журналов на русском и иностранных языках самого разного направления: художественных, научных (по истории, философии, экономике, политике), учебных, практических наставлений и т.п. Книжная торговля Н.И. Новикова строилась на сочетании экономических и просветительских задач. Он постоянно искал различные способы удешевления книги и завязывал деловые отношения со многими книготорговцами. Оптовым покупателям делалась скидка (15—30% вместо академических 10—14%). К концу 80-х гг. XVIII в. издания Н.И. Новикова продавались в лавках Тобольска (у купца Сергея Гунина-Котовщикова, Григория Дьяконова, Павла Мелкова) и Иркутска (в лавке вологодского купца Василия Жукова, через его поверенного иркутского мещанина Михаила Красногорова). В Иркутске Н.И. Новиков распространял также книги и через представителей масонской ложи. Благодаря энергии и предприимчивости купцов-старообрядцев книги расходились по всей Сибири. Одним из путей распространения изданий Н.И. Новикова был их вывоз на ярмарки. В Сибирь, правда, попадали немногие книги, да и представлены они были часто единичными экземплярами.

В конце 80-х гг. по всей России изымались издания Н.И. Новикова в связи с его просветительской деятельностью и участием в масонской организации. Обыск в тобольских лавках у купцов П. Мелкова, Г. Дьяконова, С. Гунина выявил их связи с арендатором типографии Московского университета, через которого новые книги регулярно поступали в город. В первую очередь конфискации подверглось сочинение И. Арндта "О истинном христианстве". В Иркутске изъятию подлежали 35 запрещенных "мистических" сочинений, изданных в типографии Н.И. Новикова и обнаруженных в лавке В. Жукова — М. Красногорова. Из находившихся здесь книг следует отметить сочинения Ф. Прокоповича "Рассуждение о присяге" (3 экз.), "Вещи и дела, о которых духовный учитель... проповедовать должен" (2 экз.), "Братские увещания к некоторым братьям и свободным каменщикам" (2 экз.), "Опыт исторического словаря о всех... непорочной жизнью прославившихся святых мужей..." (3 экз.) и т.п. Серьезных материалов против Н.И. Новикова в результате ревизии собрать не удалось. Тем не менее епископ Тобольский и Сибирский Варлаам подтвердили запрещение книги И. Арндта⁷⁴.

В последней трети XVIII в. книжных лавок как таковых за Уралом еще не существовало, но попутно с другими товарами в так называемых "продажных лавках" книги уже были. Сохранившиеся документы сообщают нам имена тех, кто торговал книгой в Сибири: ишимские мещане Герасим Шевелев и Макар Черных; тарский купец Дмитрий Пятаков; томские купцы Михаил Мыльников, Петр Шихов, Матвей Шумилов, Меноил Клемышев; тобольские купцы Сергей Неволин, Павел Мелков, Григорий Дьяконов; иркутский мещанин Михаил Красногоров (лавка вологодского купца Василия Жукова)⁷⁵. Свободная продажа книг существовала и на Кольвано-Воскресенских заводах⁷⁶. Часть тиражей тобольских изданий продавалась в типографии Корнильевых. Отсюда разошлось, например, определенное число экземпляров "Описания растений Российского государства" П.С. Палласа⁷⁷.

Большое значение имела ярмарочная торговля. Книги продавались на Иркутской ярмарке, где приобретались как для личного пользования, так и для дальнейшей перепродажи в глубь Сибири⁷⁸.

Недостатки административного и ведомственного книгораспространения, зачаточное состояние книжной торговли и ненадежность почтовой связи приводили к тому, что книги за Урал часто попадали преимущественно по каналам личных связей. Так, сохранилась переписка тобольского губернатора А.В. Алябьева с петербургским книгоиздателем и книгопродавцем Якимом Данилевским, через склад которого он регулярно пополнял свою библиотеку. При этом книги не посылались по почте, а передавались через тобольских купцов, наезжавших в Петербург. Таким же образом А.В. Алябьев снабжал книжными новинками и своих друзей⁷⁹.

На протяжении всего XVIII в. многочисленные экспедиции, занимавшиеся изучением края, везли в своем багаже издания научной и художественной литературы на русском и иностранных языках. Часть из них оседала в Сибири. Иркутского губернатора Ф.И. Соймонова научной литературой снабжал Г.Ф. Миллер. Новые сочинения из Европы на шведском, немецком, латинском языках получал в Барнауле Эрик Лаксман, переписывавшийся с И. Бекманом в Петербурге, Геттингене, Швеции; Карлом Линнеем в Упсале; Бергиусом в Стокгольме, Гаддом в Або.

Иностранные книги в конце XVIII в. поступали на восток страны либо через ведомственные каналы, либо по частной инициативе. На территории Сибири не отмечено ни одного факта торговли западно-европейскими книгами⁸⁰.

Среди случайных каналов книгораспространения за Уралом можно назвать аукционные распродажи имущества, в составе которых были и книги. Например, после смерти сторожа иркутской Троицкой церкви мещанина П. Кузнецова в 1787 г. среди выставленного на аукцион имущества были 33 печатные и 2 рукописные книги, преимущественно религиозной тематики, а также "Всемирный путешественник"⁸¹.

Таким образом, в конце XVIII в. книга за Урал попадала по различным каналам, основным из которых было административное, регламентированное, а подчас и принудительное распространение печатной продукции. Важно отметить заметное перемещение инициативы по распространению книг от клерикальных учреждений к гражданским. Книжная торговля как таковая находилась в зачаточном состоянии. Индивидуальные книжные потребности нередко удовлетворялись с помощью личных связей. В целом же способы и методы распространения книги в Сибири и на Дальнем Востоке были в основном те же, что и по всей России. Но в Сибири, в отличие от Европейской части России, еще не существовало специализированной книжной торговли, здесь не было книжных лавок. Можно также говорить о меньшем количестве изданий, поступавших на восточные территории и большей разреженности книжного пространства.

4. ФОРМИРОВАНИЕ БИБЛИОТЕЧНЫХ ФОНДОВ

Постепенное освоение сибирских и дальневосточных земель, строительство городов и острогов, организация казенной промышленности, совершенствование образовательной системы России, миссионерская деятельность русской церкви — все эти преобразования в той или иной степени оказывали на протяжении XVII—

XVIII вв. достаточно ощутимое влияние как на процесс возникновения новых библиотек, так и на состав их фондов.

Сложности с приобретением изданий и доставкой их в столь отдаленные провинции сказывались не только на регулярности пополнения библиотек, но и на качестве и объеме книжных собраний. Централизованное комплектование в условиях неразвитого книжного рынка приводило к определенной бессистемности в формировании библиотечных фондов.

В первую очередь это относится к старейшим сибирским библиотекам — книжным собраниям монастырей и церквей. История существования некоторых из них к концу века уже насчитывала около двух столетий. В этих библиотеках были сосредоточены значительные книжные богатства востока страны. Более того, монастырские книжные собрания выполняли и функции учебных библиотек, поскольку обитатели до середины XVIII в. являлись и главными просветительскими центрами Сибири — при них открывались многочисленные духовные школы, обеспечивающие грамотными кадрами гражданские и церковные учреждения края⁸².

Основная часть монастырских и церковных книжных собраний от Урала до Камчатки сначала комплектовалась централизованно через Сибирский приказ⁸³, а позже — по приказам местных церковных властей через Тобольскую и Иркутскую консистории⁸⁴.

Подобная практика пополнения библиотечных фондов сохранилась до конца XVIII в. и была вызвана не только неразвитостью книжного рынка Сибири, но и необходимостью осуществлять государственный контроль за составом библиотек в учреждениях, на которые возлагались особые идеологические функции в период колонизации новых земель. Этими чертами отмечена, например, миссионерская деятельность на территории Сибирской епархии (где жили, как отмечает А.И. Сулоцкий, "магометане, идолопоклонники, буддисты и еще того более шаманцы"⁸⁵), борьба с раскольниками и просвещение.

Сохранились сводные ведомости конца века "о потребных в епархию книгах". По ведомости 1793 г. таковыми являлись Минеи месячные — 99 экз., праздничные — 152, общие — 126, Апостолы — 95; по ведомости 1795 г. требовалось 110 названий (8636 экз.) книг⁸⁶.

Безусловно, потенциальные возможности официального способа комплектования библиотек духовного ведомства к концу века возросли за счет увеличения количества изданных богослужебных книг, расширения тематики религиозной литературы, появления рекламы книжной продукции в виде рассылаемых по епархиям реестров. В то же время проблемы с доставкой изданий (а церковные власти использовали любую оказию, в том числе обращались за помощью к Барнаульской горнозаводской администрации и к купцам) вынудили Тобольскую консисторию в 1799 г. все-таки разрешить священнослужителям покупать "потребные книги в лавках"⁸⁷.

Централизованное приобретение было не единственной формой контроля духовных властей за составом церковных и монастырских собраний. Периодически на протяжении XVIII в. епархиальными властями рассылались указы о замене или изъятии библиотечных книг⁸⁸: так, в 1799 г. на места было отправлено указание о "посылке" раскольничьих книг в консисторию⁸⁹.

Подобная регламентация деятельности сибирских монастырей в области пополнения собственных книгохранилищ способствовала в конечном итоге унификации их книжных фондов. Как показал анализ сохранившихся описей, богослужебная литература составляла более 75% фонда даже в крупных монастырях: То-

больском Знаменском (по описи 1789 г.) и Тюменском Троицком (по описи 1798 г.)⁹⁰.

За счет печатной продукции комплектовались в основном и такие обязательные составляющие монастырских библиотек, как житийная, духовно-назидательная литература и церковные полемические сочинения. В XVIII в. сибирские монастырские библиотеки особенно полно комплектовались антираскольничьей и антиеретической литературой. Например, в середине 80-х гг. тобольский епископ Варлаам заказал значительную партию "обличительной литературы" "для увещания заблудших от благочестия людей": 28 "Обличений на раскольников", 25 "Розысков", 26 "Прашиц". Эти издания представлены практически во всех монастырских книжных описях. Часть из них была направлена в духовные правления "для прочтения сомнящимся людям"⁹¹.

Несмотря на то, что пополнение библиотек рукописными книгами пресекалось церковными властями, в силу ряда объективных причин и в первую очередь из-за недостаточной экзemplарности или отсутствия в библиотеке необходимой книги оно сохранялось до конца XVIII в. Анализ библиотечных описей показал, что практически во всех монастырских фондах фиксируются нотные рукописи: "Ирмологи", "Октоихи", "Праздники на ноте". Рукописные копии для библиотек делались с антираскольничьих и антиеретических произведений: "Камня веры", "Розыска о брынской вере", "Двоесловных бесед Симеона Фессалонимийского" и др.⁹²

В целом рукописные книги составляли не более 10% фондов монастырских библиотек и в описях часто сопровождалась пометами: "изветшала", "письменные ветхие". Их поступления, судя по всему, имели случайный характер. Несомненно, одним из источников поступления рукописей были частные вклады. К сожалению, на сибирском материале определить даже с приблизительной точностью удельный вес таких источников комплектования монастырских книгохранилищ, как вклады, выморочное имущество, не представляется возможным. В то же время вкладные записи на дошедших до нас экземплярах свидетельствуют о том, что подобная практика, ограниченная местными условиями, существовала в Сибири. Она, как и в Европейской России, во многом определялась авторитетом и местоположением монастыря или церкви.

Эпоха Просвещения не повлияла на книжный репертуар монастырских библиотек: издания гражданской печати и светской тематики в фонды практически не попадали. Исключение составляли государственные законодательные документы: по описи 1789 г. в Тобольском Знаменском монастыре, например, числится "Соборное уложение гражданской печати", две книги "указные"⁹³. Тюменский Троицкий монастырь в 1798 г. имел в своих фондах издание Тобольской типографии Корнильевых "Краткое показание о бывших како в Тобольске, так и во всех Сибирских городах и острогах с начала взятия Сибирского государства воеводах и губернаторах" (1792)⁹⁴.

Можно предположить, что и обучение в монастырских школах традиционно велось по часослову и псалтыри, ибо учебные пособия в "переписи ценного казенного движимого и недвижимого имущества"⁹⁵ не включались, а передавались учителям.

Говоря о сети сибирских библиотек духовного ведомства, необходимо остановиться на истории книжного собрания Тобольского архиерейского дома, который, как полагали исследователи, "на протяжении всего XVIII в. являлся самым богатым книгохранилищем Сибири"⁹⁶.

К сожалению, описей книг Софийского дома, относящихся к XVIII в., до сих пор не обнаружено. Судя по дошедшим до нас рукописям и книгам, принадлежавшим Софийскому архиерейскому дому, его книгохранилище, несмотря на некоторые утраты во время пожаров, располагало в XVIII в. значительным собранием, призванным обеспечить выполнение основных задач, стоящих перед Сибирской митрополией⁹⁷.

В то же время сибирские митрополиты, в основном выходцы из Киевской духовной академии, в XVIII в. больше внимания уделяли комплектованию библиотеки Тобольской семинарии, поскольку особое значение придавали распространению образованности среди местного духовенства⁹⁸.

В последней трети XVIII в. под воздействием социокультурных изменений за Уралом библиотеки духовного ведомства начинают утрачивать господствующую роль в жизни общества, уступая ее светским библиотекам. В конце XVIII в. в Иркутске, например, действовало 33 библиотеки, из которых 17 были светскими.

Новым явлением в культурной жизни края стала организация в Иркутске в 1782 г. первой в Сибири и второй в России (после Тулы — в 1778 г.) публичной библиотеки. Она была основана по инициативе губернатора Ф.Н. Клички. По распоряжению Екатерины II Императорской Академии наук из казны было отпущено 3 тыс. р. для отправки в Иркутск на эту сумму книг на русском и иностранных языках. Среди высланных Академией изданий была и знаменитая французская энциклопедия Д. Дидро — Д'Аламбера в 17 томах, а также 11 томов приложения к ней. Значительная часть библиотечного фонда была приобретена на средства Ф.Н. Клички, купцов Сибиряковых, члена-корреспондента Академии наук, в то время начальника Нерчинских заводов А.М. Карамышева, английского путешественника С. Бентама, землепроходца Г.И. Шелихова, местных купцов, чиновников, мещан. Собрание включало книжные пожертвования губернатора (204 издания), других жителей Сибири. К началу 1783 г. в библиотеке было 1304 названия книг на сумму более 5 тыс. р.⁹⁹

Ф.Н. Кличкой при участии А.М. Карамышева были составлены "Правила" пользования библиотекой. Начальные параграфы их гласили: § 1. "Каждой и всякой, живущий в сей губернии, имеет право пользоваться чтением находящихся в книгохранильнице книг"; § 2. "Книгохранильница отворена для всех всякий день от утра до вечера"¹⁰⁰. Книги выдавались читателям бесплатно на два месяца, причем разрешалось продлевать срок пользования. Сохранившиеся расписки читателей свидетельствовали о том, что книги действительно выдавались жителям уездных городов и селений губернии. Их можно было даже увозить с собой в отдаленные местности. Библиотека имела форматную расстановку книг. Издания на иностранных языках стояли отдельно. Читатели могли пользоваться алфавитным каталогом.

Первой сибирской публичной библиотеке, основанной за 50 лет до выхода официального указа об организации подобных учреждений в губернских городах России, не удалось продержаться долго. После отъезда в 1783 г. в Петербург Ф.Н. Клички она потеряла своего главного покровителя. Несколько лет библиотекой заведовал А.М. Карамышев, при котором фонд пополнился значительным собранием географических карт, 600 книгами. В конце 80-х гг., после отъезда из Иркутска А.М. Карамышева, библиотека пришла в полный упадок — многие книги были потеряны, выданы без расписки, обветшали. В 1789 г. библиотека была передана в ведение Иркутского Главного народного училища¹⁰¹.

Существенное влияние на развитие библиотечного дела в Сибири (в меньшей степени на Дальнем Востоке) оказала школьная реформа 80-х гг. Устав 1786 г.,

разъясняющий цель учреждения народных училищ¹⁰², а также декрет Синода 1785 г. о введении в семинариях нового метода обучения, разработанного для общеобразовательных школ, определил важнейшие задачи и объем народного просвещения. К концу XVIII в. Сибирь уже обладала значительной сетью учебных заведений. Народное училище было открыто даже на Камчатке в Большерецком остроге¹⁰³.

В основу государственной системы образования был положен принцип его универсальности. В то же время в провинции школьных библиотек соответствующего уровня создано не было. Библиотечки, сформировавшиеся при гарнизонных, монастырских, геодезических школах, по единодушному мнению исследователей, были небольшими, с минимальным набором книг для обучения письму и основам математики¹⁰⁴. Исключение, пожалуй, составляли только госпитальные школы. Их организаторы — известный медик своего времени Н.Г. Ножевщиков, лекарь Е. Томилов (на Нерчинских заводах) — настоятельно требовали снабдить школы как пособиями для изучения латинского языка, так и специальной литературой по анатомии и хирургии¹⁰⁵.

"Комиссия об учреждении народных училищ" должна была обеспечить Главные народные училища в Сибири (Тобольское, Иркутское, Барнаульское) необходимыми для начала работы учебными пособиями, последующая финансовая поддержка училищ возлагалась на городские власти и меценатов. По-видимому, учебные книги в Главные народные училища Сибири были направлены. Прямым подтверждением этому служит продажа 218 книг "по их цене с провозом" из Санкт-Петербурга¹⁰⁶ Барнаульским народным училищем местному горному училищу в 1789 г. Иными словами, народное училище Барнаула имело не только необходимые учебники, но и книги для свободной продажи. Среди проданных изданий — учебники по арифметике, российской грамматике, географии, механике, 40% — издания религиозного содержания¹⁰⁷. Можно лишь предположить, что библиотека училища в своем фонде имела аналогичные издания.

По распоряжению генерал-губернатора Л.Т. Нагеля библиотекарь Иркутского главного народного училища Е.Ф. Флоринский привел в порядок книжное собрание училищной библиотеки (до 1789 г. — публичной библиотеки Иркутска), составил опись изданий. По описи 1800 г. в библиотеке числилось 763 сочинения (1375 томов) по истории, географии, беллетристике на русском и иностранных языках¹⁰⁸. Библиотека продолжала оставаться публичной. Ее фондами пользовались не только учащиеся, но и жители города¹⁰⁹.

Школьная реформа поставила новые задачи и перед духовными семинариями, приравняв их к средним общеобразовательным школам¹¹⁰. Книжный фонд, сложившийся к 80-м гг. XVIII в. в семинарских библиотеках, не мог обеспечить универсальности образования. Состав фондов Тобольской семинарии известен из ответа духовных властей на запрос академика И.П. Фалька: "Библиотека при семинарии невелика, в которой иные книги, принадлежащие до описанных наук (политика, риторика, философия, богословие), а иные в комментариях на Священное писание, яко то Св. Златоуста Omnia Opera на греческом и латинском диалектах, да Корнелий Алапиде, да сверх того Maxima Bibliotheca Patrum и несколько латинских и русских, також и географических"¹¹¹.

Между тем сохранившиеся фрагменты этого собрания в Тобольском музее-заповеднике и в ГПНТБ СО РАН позволяют говорить о том, что библиотека семинарии к концу XVIII в. обеспечивала "весь учебный процесс и достаточно высокий уровень внеклассного общеобразовательного внесловного чтения"¹¹². Судя по сохранившимся экземплярам, она была укомплектована учебниками,

предназначенными для средних учебных заведений нового типа. Это издания по широкому спектру наук: истории, географии, физике, естественной истории, математике¹¹³. Среди них: "Деяния Петра Великого" в 12 томах, напечатанные в типографии Н. Новикова, "Древняя история" Ш. Роллена, "Сибирская история" И. Фишера, "История о странствиях вообще" аббата Прево. До конца века продолжает пополняться и фонд иностранной литературы. Так, судя по записи на издании "Георгиков" Вергилия (Лейпциг, 1766), эта книга была приобретена для семинарской библиотеки в 1791 г.¹¹⁴ Не забывали о пополнении книжного собрания семинарии и тобольские архиепископы. Например, Преосвященный Варлаам подарил библиотеке изданное типографией Корнильева в 1792 г. "Краткое показание о бывших како в Тобольске, так и во всех Сибирских городах и острогах с начала взятия Сибирского государства воеводах и губернаторах"¹¹⁵. Подобная библиотека представляла собой серьезную основу для получения в Сибири энциклопедического образования, соответствующего веку Просвещения.

Одним из наиболее значительных книгохранилищ Восточной Сибири была библиотека Иркутской духовной семинарии, открытая в 1780 г. Ее основой стали книги, оставшиеся после смерти местных архиереев (673 названия, из которых книг печатных греческих и латинских — 551, рукописей латинских и русских — 62, рукописей китайских и монгольских — 5, латинских и китайских книг и рукописей из личной библиотеки архимандрита Феодосия Сморжевского — 55). В конце века в фонд библиотеки влилось книжное собрание иркутской русско-монгольской школы, имевшее в своем составе часословы, псалтырь, заповеди, монгольские и китайские азбуки, ряд монгольских рукописей, в том числе знаменитую "Гэсэриаду". Попали в библиотеку и книги, закупленные епископом Софронием для певческой школы при Архиерейском доме — нотные азбуки, катехизисы, учебные азбуки с катехизисом¹¹⁶. В библиотеку вошло также книжное собрание епископа Иоанна Неруновича, в свою очередь содержащее книги известного церковного деятеля Феофила Кролика; более 90% библиотеки — литература на польском, латинском и французском языках по философии и логике, риторике, праву, политике, математике и физике. Значительная часть книг библиотеки семинарии поступила от иркутских архиереев Иннокентия Кульчицкого и Ивана Миткевича. Среди сохранившихся книг много рукописей на латинском языке, в том числе отечественных, содержащих учебные курсы по поэтике и риторике¹¹⁷.

Состав семинарской библиотеки не исчерпывался только богословской литературой. Библиотека была универсальной, с хорошо укомплектованными отделами книг по различным отраслям знания. Книжный фонд имел отделы: богословие, философия, словесность, история, физика и математика, естественные науки, филология¹¹⁸.

Особое место в культурной жизни Сибири конца XVIII в. занимали библиотеки Кольвано-Воскресенских горных заводов. Начавшийся в середине XVIII в. процесс формирования системы горнозаводских библиотек продолжался и в 80—90-е гг., характеризуюсь интенсивным пополнением фондов действующих и созданием новых библиотек, ориентированных как на обеспечение учебного процесса, так и на решение широких просветительских задач, отвечающих государственной концепции просвещения.

К началу 80-х гг. фонд центральной библиотеки горнозаводского региона — Барнаульской казенной (целенаправленное пополнение которой велось по крайней мере с 1764 г.¹¹⁹) — насчитывал более 1500 томов русских и иностранных изданий разнообразной тематики, что позволяет характеризовать ее как универсальное книжное собрание, уникальное явление на территории Сибири и Дальне-

го Востока. Заслуга в создании столь современной библиотеки в полной мере принадлежит местной горнозаводской администрации, которая наряду с технической литературой заказывала и приобретала беллетристику, историческую и географическую литературу, педагогические труды и наставления¹²⁰.

Среди изданий исторической тематики можно выделить труды по истории Сибири И.Э. Фишера и Г.Ф. Миллера. Приобретаются для школьного книжного собрания "История Российская..." М.М. Щербатова, В.Н. Татищева, Ф.А. Эмина, а также многочисленные сочинения по истории различных государств (Пруссии, Дании, Китая, Венгрии и др.). В собрание Барнаульской библиотеки поступают переводные романы, изданные в 60—70-х гг. типографией Сухопутного шляхетского корпуса: "Жизнь Олимпы или приключения маркизы де***" (1765), "Сирота английская, или история Шарлоты Сумберс" (1763). В издании типографии Академии наук в Барнаульской библиотеке имеются романы: Дж. Свифта "Путешествие Гулливера" (1772—1773), Ф. Фенелона "Похождения Телемака, сына Улисова" (1767), А.Ф. Прево "Приключения маркиза Г..." (1756—1765), Г. Филдинга "Деяния господина Ианафана Вилда Великого" (1772—1773) и др. Для библиотеки приобретаются также издания Н.И. Новикова: первое в России собрание литературных, исторических и документальных памятников "Древняя Российская Вивлиофика" и "Новое расположение истории человеческого разума" Вольтера, напечатанное в типографии Артиллерийского корпуса в 1775 г. Значительно расширяется в этот период круг географической литературы, особенно широко представленной жанром научных путешествий: "Путешествие по разным провинциям Российской империи" П.С. Палласа; "Дневник, записки, путешествия академика Лепехина по разным провинциям Российского государства"; "Дневные записки капитана Рычкова"; "Описание земли "Камчатки"" С.П. Крашенинникова и др.¹²¹

В конце XVIII — начале XIX в. библиотеке передавались и продавались личные книжные собрания, многие из которых в свое время были сформированы с помощью централизованной заводской системы книжных поставок. В частности, в библиотеку поступило собрание русских и французских книг П.К. Фролова, библиотеки инженеров И.И. Черницына, Г.И. Спасского, К. Бера, священника Иоанна Кирикова и других¹²². В комплектовании библиотеки Кольвано-Воскресенских заводов участвовали несколько поколений горнозаводских служащих. Развивая концепцию В.Н. Татищева по созданию центра просвещения в провинции, у истоков формирования книжного собрания Кольвано-Воскресенских горных заводов стояли известные горные инженеры и изобретатели А.И. Порошин, И.И. Ползунов, К.Д. Фролов, И.И. Черницын, П.К. Фролов и др.

Важность постоянного знакомства горных офицеров с новейшими достижениями техники в области горнозаводского производства, обучения детей непосредственно при конторах, чертежных кабинетах поставила администрацию заводов перед необходимостью организовать при них небольшие книжные собрания, которые существовали наряду со школьными библиотеками.

В 1781 г. в Кольвано-Воскресенском горном округе работало 6 школ, в которых обучалось 800 детей. Большая школа была при Змеиногорском руднике. В середине 80-х гг. в ней, по данным известного исследователя Алтая С.И. Гуляева, училось 200 детей, зимой количество учеников доходило до 300¹²³.

Рост числа рудников в 80-е гг. и необходимость комплектовать при них книжные собрания, а также увеличение количества школьников вызывали потребность приобретать значительное количество учебной литературы.

Росписи привозимых на заводы изданий позволяют составить общее представление о характере поступавшей сюда литературы и сделать вывод о том, что предпочтение в 80-е гг. отдавалось работам учебно-воспитательной тематики. По инструкции, полученной старшим управляющим Н. Плоховым в декабре 1786 г., в Санкт-Петербурге, в Казанском народном училище ему следовало закупить только учебные книги: для обучения российскому языку — буквари, катехизисы (100 экз.), руководства к чистописанию (15 экз.), прописи (20 экз.), азбучные таблицы (25 экз.); для обучения арифметике, физике, механике (по 10 экз.). В изучении немецкого языка должны были помогать "Наставления для начинающих читать и размышлять на немецком языке" (6 экз.) и т.п.¹²⁴

Вплоть до конца XVIII в. библиотека отвечает всем запросам своего времени: она функционально была связана как с практическими задачами совершенствования производства, подготовки кадров, так и с просветительной концепцией формирования "общественного человека".

В 80-х гг. сохраняется дифференциация в комплектовании библиотечных фондов. Рассмотрим, например, как были распределены 530 экз. книг, купленных в 1784 г. К.Д. Фроловым в типографии Академии наук. Основная их часть — 350 экз. разнообразной тематики (67%) — была направлена в Барнаульскую библиотеку, 137 (25%) — на крупнейший Змеиногорский рудник¹²⁵. Причем на периферийный рудник направляется преимущественно учебно-воспитательная литература.

Наряду с концентрацией книг в центральной библиотеке, значительная часть их направляется для организации и пополнения периферийных книжных собраний, созданных при рудниках и заводах, с которыми горнозаводская администрация связывала перспективы промышленного подъема района. Это подтверждают и обнаруженные нами материалы более позднего периода¹²⁶.

В 1779 г. Кабинет Ее Императорского Величества принял решение об открытии в Барнауле небольшого горного училища. Судя по заказу начальника горных заводов Г.С. Качки от 18 февраля 1786 г. на приобретение в Санкт-Петербурге для "учрежденного горного училища" латинских азбук и грамматик, по всей вероятности, училище было открыто лишь в конце 1785 — январе — феврале 1786 г.¹²⁷ Однако планомерную подготовку специалистов в горном училище исследователи справедливо связывают с прибытием в 1789 г. на Алтай в качестве преподавателя будущего известного русского физика и педагога В.В. Петрова. В Барнаульское училище он направлялся "для обучения математике, физике, а также российскому слогу и латинскому языку"¹²⁸.

Самое активное участие принимает В.В. Петров в подборе книг для горного училища. Так, например, на заказе 1789 г., представленном в Горную экспедицию, стоят его указания купить "Собрание сочинений Ломоносова", "Правила пиитические" "в университетской книжной лавке или у господина Новикова"¹²⁹.

Состояние фондов библиотеки Горного училища наглядно представлено в таблице, составленной В.В. Петровым в июне 1789 г. для обоснования приобретения 218 экз. книг. В собрании училища были слабо представлены издания по арифметике, геометрии, механике, полностью отсутствовали книги по грамматике, географии. Недостающие издания, причем в значительном количестве экземпляров, оказалось возможным приобрести в народном училище Барнаула.

Эта таблица интересна еще тем, что дает сведения об использовании фондов учебной библиотеки. Большая часть книг была выдана в пользование учителям и учащимся. В библиотеке в момент составления таблицы оставалось всего 10 книг из 153¹³⁰. Специальными циркулярами горным офицерам предписывалось, чтобы

они "мастерам, подмастерьям и определенным ученикам по часу читали и с прилежанием показывали и руководствовали"¹³¹. Книги же, необязательные для повседневных занятий, разрешалось выдавать офицерам для прочтения под расписку. О том, что не только горные офицеры, но и другие заводские жители пользовались библиотечными фондами достаточно активно, свидетельствуют материалы о многочисленных должниках. Среди них — солдат, купец, бергмейстер; барнаульский шихтмейстер Климцов в счет погашения долга внес 19 собственных книг¹³².

Эти факты в значительной мере опровергают предположение некоторых исследователей о том, что расширение библиотечной сети русской провинции конца XVIII в. главным образом за счет ведомственных и школьных библиотек сужало круг ее потенциальных читателей¹³³. Книжные собрания Кольваново-Воскресенских заводов, и особенно Барнаульская казенная библиотека, во многом выполняли роль публичных библиотек.

В целом же развитие библиотечных собраний Алтая в конце XVIII в. шло по двум направлениям. Первое из них, продолжающее традиции 60—70-х гг., связано с формированием многопрофильных книжных фондов, ориентированных как на обеспечение учебного процесса, так и на решение просветительских задач. Второе направление диктовалось изменившимися производственно-экономическими условиями, требованиями подготовки кадров для горнозаводской промышленности края. Оно было связано с усилением учебных функций библиотек.

Таким образом, к концу XVIII в. за Уралом сформировался ряд книжных собраний, которые по праву могут быть отнесены к значительным библиотекам России своего времени. Среди них книжные коллекции Тобольской и Иркутской духовных семинарий, Барнаульской казенной библиотеки и, наконец, первой сибирской публичной библиотеки в Иркутске, принадлежавшей с 1789 г. Главному народному училищу.

5. ЧИТАТЕЛЬ И ЧТЕНИЕ

Говоря о сибирском читателе конца XVIII в., нужно иметь в виду, что общая читательская аудитория России в этот период составляла менее 1% ее жителей, а постоянно читали всего лишь несколько десятков тысяч человек. Однако процесс приобщения к книге всех сословий общества развивался динамично и коренным образом отличался от предшествующего столетия. В 70—80-е гг. XVIII в. провинциальная Россия узнала настоящий вкус к печатной светской книге. В эти годы наблюдается резкий перелом в культурной жизни провинции, что не могло не сказаться на характере и интенсивности чтения¹³⁴.

Сибирское общество по своему социальному составу было многоликим. Согласно переписи 1795 г., в Сибири насчитывалось 1200 тыс. человек. Основная часть населения проживала в сельской местности Западной Сибири¹³⁵. В городах находилось около 10% населения, достаточно пестрого по своему составу. Проиллюстрируем это на примере двух городов — Иркутска и Красноярска. По сведениям на 1769 г., в Иркутске из 1153 домов на посадских, цеховых и купцов приходилось 594 дома; на разночинцев — 180, казаков — 101, солдат и матросов — 81, церковных служителей — 57, приказных — 41, крестьян и дворян — 28. В Красноярске по данным 1795 г. насчитывалось 377 дворов с 1121 душой мужского пола. Среди них: 18 человек — духовенство, 91 — военные и чиновники, 350

— казаки, 186 — крестьяне, 80 — купцы, 365 — мещане (бывшие посадские), 31 — дворовые¹³⁶.

Создание сети Главных и Малых народных училищ и других учебных заведений заметно подняло грамотность в крае. Это видно по таким категориям населения, как дети военных, казаков, чиновников, обучение которых в школах считалось обязательным.

Потребность в практической грамотности за Уралом удовлетворялась и другим распространенным путем — обучением у частных учителей. Это касалось купцов, ремесленников, мещан; их дети быстро становились грамотными, получали минимальный запас общеобразовательных знаний. Обучение грамоте играло значительную роль и в среде сибирских старообрядцев.

Официально для просвещения крестьянства в России в конце XVIII в. не было сделано ничего, в большинстве своем оно оставалось неграмотным. Тем не менее, по мнению отдельных исследователей, грамотность русского населения Сибири, как горожан, так и крестьян, была не ниже общероссийского уровня¹³⁷.

К концу XVIII в. качественно менялся российский книжный репертуар. В круг чтения сибиряков попадают книги русских писателей XVIII в. — Г.Р. Державина, И.И. Дмитриева, В.В. Капниста, В.И. Майкова, А.П. Сумарокова; произведения западно-европейской литературы, в частности, французских просветителей — Вольтера, Дидро, Руссо; повести и романы в духе французского сентиментализма. То обстоятельство, что английская повесть "Училище любви" в Тобольской типографии Корнильевых выдержала два издания, свидетельствует о ее популярности.

Книжные интересы были свойственны представителям самых различных сословий сибиряков — дворянам, духовенству, военным, купцам, мещанам, крестьянам. Сибирское дворянство, незначительное по численности и удаленное от центра, было в основной массе служилым, а не потомственным, и, в отличие от столичного, обладало меньшими возможностями для домашнего образования и расширения круга чтения. Вместе с тем оно представляло собой одну из наиболее читающих категорий населения в регионе. Характерной особенностью читательских интересов дворян как всей России, так и Сибири являлось внимание к западно-европейской книге. Знание европейских языков было естественным для верхушки дворянской администрации, иностранцев, находившихся на военной и гражданской службе за Уралом и их потомков, ссыльных, путешественников и др. Нередко в поле зрения читателей из этой среды оказывались зарубежные издания на французском, немецком, английском, шведском, голландском, латинском и других языках.

Круг чтения сибирского дворянства в конце XVIII в. был весьма разнообразным, что связано с многоаспектной деятельностью за Уралом представителей этого сословия. Дворяне были чиновниками, учителями, инженерами, военными, иногда в одном лице совмещали несколько социальных ролей. Они составляли ядро интеллигенции края. К ним примыкали русские и иностранные путешественники и ученые, которые жили за Уралом годами, а порой и десятилетиями¹³⁸. Это были самые образованные читатели края.

К одному из наиболее читающих представителей дворянства, временно по воле судьбы жившего в Сибири, следует отнести А.Н. Радищева. Круг его читательских интересов очень обширен и связан, с одной стороны, со стремлением изучить Сибирь, а с другой — традициями, воспитанием и взглядами, сформировавшимися в период проживания в европейской части России. Об этом наглядно свидетельствует состав его библиотеки в г. Илимске, которая состояла в основном

из книг о путешествиях, в том числе и по Сибири, мемуаров и биографий государственных и политических деятелей, словарей, изданий энциклопедического характера, трудов ученых в области естественных наук, философии, истории, экономики, географии. А.Н. Радищев постоянно читал отечественные и иностранные периодические издания — "Московские ведомости", "Лондонский курьер", "Берлинский еженедельник", гамбургские газеты, французские, английские, немецкие журналы, "Политический журнал" П.А. Сохацкого, "Приятное и полезное препровождение времени" В.С. Подшивалова, "Иртыш, превращающийся в Ипокрену" и т.д.¹³⁹

Среди прочитанных А.Н. Радищевым в Тобольске в доме С. Тюкина книги были сочинения Вольтера, Ж.Ж. Руссо, М.В. Ломоносова, труды А.Ф. Бюшинга, И.А. Вагнера, Ж.Б. Лессепа, выпуски "Энциклопедического дневника" и др. В Иркутске А.Н. Радищев познакомился с описанием путешествий Г.И. Шелихова.

Собирая в Илимске материалы по истории, экономике, географии и этнографии Сибири, А.Н. Радищев проштудировал огромное количество книг, среди которых можно назвать произведения И.Г. Георги, И.Ф. Германа, И.М. Ренованца, И.П. Фалька, И.А. Гильденштедта и др. В его личной библиотеке были представлены труды П.С. Палласа, Г.В. Стеллера, мемуары маршала А.-Ж. Ришелье, книги В.Н. Татищева, Г.Ф. Миллера, А. Смита, К. Линнея и др. На ряд прочитанных книг, например, "Описание Петербурга" И.Г. Георги, "Описание России" И.Ф. Германа, "Путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири" Ж.Б. Лессепа, "Воспоминания Вагнера", сочинения Г.И. Шелихова А.Н. Радищев оставил свои критические замечания¹⁴⁰.

Значительное место в круге чтения А.Н. Радищева занимали издания Тобольской типографии Корнильевых, с большей частью которых он был хорошо знаком.

Неординарным читателем был и англичанин Сэмюэл Бентам, находившийся во второй половине 80-х гг. на военной службе в Сибири (командовал батальонами по казачьей линии вдоль Иртыша). Человек разносторонних профессиональных знаний, он совмещал службу с исследовательской деятельностью, а специальные занятия с глубоким интересом к проблемам общегуманитарного и философского плана. Многогранные читательские потребности С. Бентама сибирского периода нашли отражение в собранной им библиотеке (75 названий), включавшей книги по горному, морскому, военному делу, кораблестроению, экономике, точным и естественным наукам, истории, философии; произведения художественной литературы и др. Среди изданий, находившихся в личной библиотеке С. Бентама, особо следует отметить сочинения его брата, правоведа-философа И. Бентама, произведения Вольтера, "Английскую историю" Д. Юма, "Историю Америки" У. Робертсона, ряд философских работ, в том числе "Философско-техническую коммерцию, или философическое рассуждение искусств", "Британскую философию, или систему Ньютоновой философии, астрономии и географии" и др. Из книг о мореплавании и кораблестроении на английском языке им в Сибири были прочитаны "Философическое рассуждение о строении кораблей", "Рассуждение о сохранении здоровья во время мореплавания" и др.

Уезжая на родину в 1791 г., С. Бентам оставил свою библиотеку в Тобольске. В 1800 г. книжное собрание поступило в распоряжение Тобольского приказа общественного призрения. Дальнейшая его судьба неизвестна¹⁴¹.

Как А.Н. Радищева, так и С. Бентама по характеру книжных запросов нельзя назвать типичными представителями сибирского общества. Это были образованнейшие представители своего времени, воспитанные на традициях и новых веяниях

европейской культуры. Их пребывание в Сибири оказывало воздействие на окружающих. Круг литературного общения А.Н. Радищева с сибиряками во время его остановки в Тобольске был весьма широк. Не чуждый просветительских идей С. Бентам организовал при Кударинской крепости школу, где преподавание вел по книгам Вольтера и Руссо. Обширность и разносторонность читательских интересов этих людей усиливали саму потребность сибиряков в книге и чтении.

Солидными книжными собраниями в конце XVIII в. обладали отдельные представители высшего дворянского чиновничества. Богатой личной библиотекой владел тобольский наместник А.В. Алябьев; известен интерес к французским книгам, в том числе запрещенным во Франции изданиям просветителей, сибирских губернаторов Е.П. Кашкина и Ф.Н. Клички¹⁴². Значительное собрание книг на русском, французском и немецком языках имел начальник Нерчинских заводов (с 1775 г.), бывший прокурор Коммерц-коллегии В.В. Нарышкин. В составе его библиотеки, насчитывавшей 300 томов, были сочинения энциклопедистов, словари и описания путешествий. Большой личной библиотекой в 80-х гг. владел и другой начальник Нерчинских заводов, француз Е.Е. Барбо де Марни. Она включала важнейшие сочинения своего времени по технике и горному делу. После смерти хозяина основная часть собрания перешла в библиотеки Нерчинского завода.

Одной из особенностей книжных коллекций, формировавшихся в Забайкалье, было внимание к востоковедческим работам и восточной литературе. Наиболее интересная из таких личных библиотек в конце XVIII — начале XIX в. принадлежала переводчику и преподавателю частной школы монголоведу А.В. Игумнову. Она включала ценнейшие китайские, маньчжурские, монгольские книги и манускрипты¹⁴³.

К активным и образованным читателям Сибири конца XVIII в. принадлежали горнозаводские служащие Колывано-Воскресенских заводов, которые получали одновременно гражданский чин и воинское звание. Для совершенствования знаний горных инженеров в библиотеках имелась специальная литература. Инженеры обязаны были изучать ее в определенные дни и часы. Еще в 60-е гг. так изучали литературу о рудокопном деле И. Кузнецов, В. Беер, И. Денисов, И. Черницын, И. Ползунов. Если офицеры не проходили переаттестацию, их могли понизить в чине. В личных библиотеках служащих горнозаводских предприятий также была представлена научно-техническая книга. Например, в собрании инженера Карла Бера имелись такие русские издания, как "Дорожная география" (СПб., 1765), "Труды Вольного экономического общества", "Руководство к химии", "Металлургическая химия" и др. (всего 20 названий книг и продолжающихся изданий)¹⁴⁴.

При обучении горнозаводских служащих в качестве учебного пособия широко использовалась книга "Минералогия, или описание всякого рода руд и ископаемых на земле вещей" И.Г. Валерия, переведенная на русский язык И.А. Шлаттером (СПб., 1763), которая познакомила И.И. Ползунова с "огненными" машинами. Книги из собрания И.И. Ползунова в конце XVIII в. попали в личную библиотеку К.Д. и П.К. Фроловых. Книги М.В. Ломоносова и И.А. Шлаттера усиленно штудировались В.С. Чулковым, бывшим до 1799 г. руководителем Локтевского завода. В XVIII в. на Алтае широким спросом пользовалось издание И.М. Ренованца "Минералогические, географические и другие смешанные известия о Алтайских горах, принадлежащих к Российским владениям" (СПб., 1792). Известно, что автор этого произведения в 1779—1785 гг. работал и преподавал на Колывано-Воскресенских заводах.

Круг чтения горных инженеров, несомненно, не ограничивался изучением специальной литературы. Об этом может свидетельствовать, например, тот факт, что в 1784 г. К.Д. Фролов привез на Алтай из Петербурга такие издания, как "История" В.Н. Татищева, "Военная архитектура", "Экономический магазин" (16 т.), "Собеседник любителей русского слова", "Трудолюбивая пчела", "Известия академические" (8 т.), "Основания силы и благосостояния царств", "Статьи из энциклопедии", книги по географии, политической экономии, воспитанию детей, словари и т.п. Интенсивным спросом пользовались и книги Барнаульской библиотеки¹⁴⁵. Судя по составу ее фондов, можно предположить, что спрашивалась литература по философии, истории, географии, отечественные и переводные романы. Среди произведений художественной литературы были популярны романы А.Ф. Прево, Дж. Свифта, Ф. Фенелона, Г. Филдинга.

Одной из наиболее читающих категорий сибирского общества, наряду с дворянством, было духовенство. Отдельные его представители, особенно высших духовных званий, отличались широким кругозором; их читательские потребности выходили далеко за рамки служебных интересов. На культурные запросы городского духовенства нередко оказывали влияние просвещенные руководители епархий, а также образованные ссыльные¹⁴⁶. Нередко священнослужители в конце XVIII в. имели богатые домашние библиотеки. Так, иркутский протопресвитер Иван Миткевич обладал большим собранием старопечатных латинских книг¹⁴⁷. "Изрядную библиотеку" имел протоиерей Омской соборной Воскресенской церкви П.Ф. Федоров¹⁴⁸. Священник Владимирской церкви Иркутска Александр Шастин имел 30 книг духовного содержания и около полутора десятка — светских, в том числе: "Историю Турецкую", "Описание жития и дел принца Евгения", "Честный человек и плут", "Письма госпожи де Ламберт к сыну". У тобольского священника Федора Арефьева было более 70 изданий. Светские книги в библиотеках духовенства Иркутска, Енисейска, Селенгинска и других городов Сибири чаще всего представлены историческими произведениями, трудами древнеримских классиков, лечебниками и другими работами на русском и латинском языках. Отдельные собрания насчитывали несколько сот томов. У служителей культа Енисейской губернии особым спросом пользовались книги кирилловской печати. В то же время среди читателей книг, напечатанных гражданским шрифтом, священнослужители занимали лидирующее место¹⁴⁹.

Иногда круг чтения священнослужителей складывался под влиянием светского окружения. Так, протопопу Дементию Комарову, знакомому И.И. Ползунова еще с 60-х гг., были известны такие издания, как "Речь о явлениях воздушных" М.В. Ломоносова, произведения Квинта Курция Руфа, "Сибирская история" Г.Ф. Миллера, "Содержание ученых разговоров Академии наук". К подобным читателям можно отнести также Ф.Л. Карпинского, обучавшегося и преподававшего в Тобольской семинарии и служившего в Благовещенском соборе Тобольска (1783—1787). К сожалению, сохранившиеся записки о прочитанных книгах относятся уже к тому периоду, когда Ф.Л. Карпинский служил в Екатеринбурге¹⁵⁰. Однако можно предположить, что и в тобольский период он читал самую разнообразную литературу духовного и светского содержания — от Библии и Катехизиса до книг античных авторов и современных отечественных и зарубежных писателей.

Приведенные примеры, свидетельствующие о достаточно разнообразных книжных потребностях сибирского духовенства, относятся лишь к наиболее образованной и численно незначительной его части. Основная же масса свя-

щенников, особенно сельских, читала мало, чаще всего ограничиваясь обязательной богослужебной литературой.

Среди сибирских читателей конца XVIII в. видное место занимали представители купеческого сословия. Финансовые возможности позволяли купцам покупать книги, и сами они довольно часто были грамотными. По своей устремленности к приобретению знаний и чтению наиболее энергичные и образованные сибирские купцы не уступали дворянству. В XVIII в. закладывались основы домашних купеческих библиотек, которые не утратили своего значения и в следующем столетии. Особенно славились библиотеки иркутских купцов. Достаточно назвать, например, книжные собрания В. Лычанова, Н. Сибирякова, Ф. Щегорина. У последнего было много китайских и маньчжурских книг¹⁵¹. Большой известностью в Иркутске пользовалась домашняя библиотека владельца фаянсовой фабрики и водочного завода А.Е. Полевого (отца будущего писателя и издателя Н.А. Полевого). В семье Полевых получали многие выходившие в России журналы и газеты, читали романы С. Ричардсона и М.Ф.Д. Жанлис, книги Ж.Б. Боссюэ и Б.Б. Фонтенеля, стихи М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова, драмы А.Ф. Коцебу. Современники, правда, отмечали исключительность данной библиотеки для иркутского общества конца XVIII в.¹⁵²

По-видимому, неплохой библиотекой владел основатель Тобольской типографии В.Я. Корнильев. В Омске был известен "большой любитель, знаток и собиратель книг" купец М.С. Лобзин¹⁵³. Возникают купеческие библиотеки и в Забайкалье. Среди них можно назвать книжные собрания Крюковых и Игумновых в Кяхте, Шевелевых и Курбатовых в Верхнеудинске, Старцевых в Селенгинске. Наибольшее внимание владельцы библиотек уделяли справочникам, книгам научно-прикладного характера. Значительное место отводилось периодическим изданиям, картам.

Попадались в сибирской купеческой среде и читатели с совершенно своеобразными книжными интересами, далекими от деловой жизни. Так, енисейский купец П.О. Цыхилев проявлял большой интерес к литературе духовного содержания. Среди его книг можно назвать "Послания" Игнатия Богоносца (М., 1772), "Изложение православной веры" Иоанна Дамаскина (М., 1774), черниговское издание Нового Завета 1717 г., литературу философского плана. Отдельные купцы, например иркутянин И. Булдаков, имели рукописные сборники¹⁵⁴.

Довольно активно купечество читало первые сибирские журналы "Иртыш..." и "Библиотеку ученую..." (в Семипалатинске, Тобольске, Ялуторовске, Канске и других городах)¹⁵⁵. Возникали в этой среде и литературно-художественные кружки.

Наличие грамотных среди мещан, цеховых, ссыльных, развитие школьной сети для обучения детей городских сословий приводили к распространению чтения. Жизнь требовала знаний по вопросам экономики, промышленности, торговли, сельского хозяйства. Поэтому читались книги прикладного характера¹⁵⁶. В то же время широкое хождение имела религиозно-нравственная литература. Так, тобольские, тюменские и томские мещане были владельцами книг и рукописей, имели в своих библиотеках "Арифметику" Л.Ф. Магницкого, "Духовный регламент", "Святцы", "Учреждения для управления губерний", "Полный и всеобщий домашний лечебник, творение английского врача", "Храм моды, или Нрав поврежденный истекающего века", "Теоретическая и практическая геометрия" Д.С. Аничкова, "Плоды уединения Уильяма Пенна", "Алкивиад" А.Г. Майснера, "Способ, которым можно учиться и обучаться словесным наукам" Ш. Роллена¹⁵⁷.

Типичными в круге чтения провинциального мещанства в этот период были религиозные издания — Евангелие, Псалтырь, жития святых, наставления и т.д. Эти издания чаще других встречались в домашних библиотеках российских горожан. По-видимому, они были известны и представителям сибирского мещанства. Самым по популярности видом были лубочные издания — авантурные рыцарские романы, которые проникали в Россию, как правило, из западной литературы, затем многократно перерабатывались, адаптировались и переиздавались. Вероятно, за Уралом, как и во всей России, в среде городских сословий, предпочитавших при чтении занимательную фабулу, пользовались вниманием такие произведения, как "Повесть о Бове королевиче", "Сказка о Еруслане Лазаревиче", "Гуак, или непреоборимая верность", "Повесть о приключении английского мистера Георга" и др.¹⁵⁸

В виде "лубочной" книги в конце XVIII в. попадали в городскую среду и произведения русского фольклора, прежде всего, песенники, сборники сказок, басен и т.д.

В целом же не следует преувеличивать распространенность чтения в кругу сибирских горожан, которые в основной массе оставались неграмотными или малограмотными.

В конце XVIII в. заметно расширился круг чтения крестьянства — самой большой по численности категории населения Сибири (около 90% жителей края). Точных данных о грамотности и об имеющихся в крестьянских семьях книгах нет. Селяне обычно скрывали наличие у себя литературы, чтобы власти не смогли усмотреть недозволенное. Укоренившейся на селе традицией было также коллективное чтение, что увеличивало круг потенциальных потребителей книги.

Среди крестьян наибольшим спросом пользовались русские книги допетровской эпохи. Печатные европейские и новые русские книги имели намного меньшее значение, проникали в крестьянскую среду медленно. Главное место в репертуаре чтения занимали церковно-служебная и четья литература, жития святых, сказания о чудесах и т.д. В круг чтения сельских жителей в конце XVIII в. попадала и светская литература. Здесь имели хождение сибирские летописи, исторические и беллетристические повести. Бывали отдельные случаи, когда в крестьянской среде оказывались труды историков, например Г.Ф. Миллера¹⁵⁹. Среди памятников исторической литературы могли иметь распространение попадавшие сюда в виде переделок и извлечений (своеобразных хрестоматий) хронографы. Из назидательной литературы читали "Домострой", "Златоуст", сборник "Пчела", "Юности честное зерцало". Пользовались спросом военные повести и роман "Александрия" (об Александре Македонском), повесть о Савве Грудцыне, многочисленные переделки приключенческих романов западно-европейского происхождения¹⁶⁰.

Глубоко специфичным был круг чтения в замкнутой среде сибирских старообрядцев. Здесь книга выступала главной опорой культовой и религиозно-нравственной жизни, основой самоусовершенствования и воспитания. Специалисты отмечают "средневековый тип чтения" старообрядцев, их приверженность книжной традиции Древней Руси. В старообрядческих поселениях хранили и читали прежде всего рукописные книги и работы дониконовской печати. В одних поселениях пользовались лишь богослужебной литературой, в других круг чтения был более широким, включал произведения древнерусской литературы самых разных жанров — жития, патерики, мартирологи, догматико-полемические сочинения, послания, духовные стихи. Распространялись и читались многочисленные рукописные сборники, издания конца XVI — начала XVII в. Тимофея и Андрони-

ка Невежи, Василия Бурцова, софийского попа Никона, Иосифа Кирилова, книги московского Печатного двора. Широко читались рукописные списки известного сочинения сибирских старообрядцев XVIII в. "Родословия часовенного согласия" и др.¹⁶¹ По наблюдению исследователей, в старообрядческой среде имели хождение в рукописях русские и переводные повести дидактического характера — "Повесть о Варлааме и Иоасафе", "Повесть о царе Аггее", "Повесть о царице и львице" и др.¹⁶²

Несмотря на серьезные изменения в содержании чтения сибиряков к концу XVIII в. и расширение (по сравнению с предшествующим периодом) самого круга читающих, необходимо отметить медленность и неровность этого процесса. Светская книга, новейшая русская и европейская литература были доступны лишь узкому кругу людей — высокопоставленным слоям дворянской администрации, часто приезжей, купечеству, военным чиновникам, иностранцам, путешественникам. Широкие слои местного населения или вообще не были приобщены к книге, или пользовались традиционными видами рукописной литературы и книгами, освященными вековыми духовными традициями. Некоторая архаичность читательских вкусов основной массы местного населения, их большая, чем в Европейской России, приверженность религиозной, древнерусской литературе были связаны с особенностями социального развития за Уралом. Почти до конца XVIII в. в Сибири, не знавшей поместного дворянства, господствующее положение в общественной и культурной жизни занимало духовенство, более властно осуществляя здесь диктат церкви¹⁶³. Светская книга, определившая развитие дворянской культуры второй половины XVIII в. и занявшая прочные позиции в центре страны, за Урал проникала с трудом, и масштабы этого проникновения были несопоставимы с обширностью территории и численностью населения.

* * *

Последняя четверть XVIII в. была переломной в развитии книжной культуры Сибири и Дальнего Востока, как, впрочем, и всей российской провинции. В этот период была нарушена монополия государства на производство книг. Сибирь впервые получила возможность для собственной издательской деятельности и воспользовалась ею. Впервые из объекта книжно-культурного воздействия Сибирь превратилась в равноправного участника издательского процесса.

Тобольские издания содействовали становлению светской культуры в Сибири, были дополнительным источником информации для сибиряков. На фоне развития российского провинциального книгопечатания типография Корнильевых выделялась масштабом своей работы и просветительским характером репертуара, что делало ее значительным явлением в истории отечественного книгоиздания этого времени.

К концу XVIII в. значительно увеличилось количество книг, выпускаемых и читаемых в стране. Изменился и расширился их репертуар. Впервые за Уралом получила осязаемое распространение светская печатная книга. Вместе с ростом общеобразовательных и специальных учебных заведений здесь возросло количество читающих людей, усилилась интенсивность самого чтения, начала осознаваться его жизненная необходимость. В Сибири работает первая публичная библиотека, создаются библиотеки Главных народных училищ и других учебных заведений. Впервые церковные и монастырские книгохранилища утрачивают ведущую культурную роль в обществе, уступая место светским библиотекам.

В то же время для большинства жителей края и в конце XVIII в. книга не стала привычным атрибутом жизни. Приобщение к ней местного населения в значительной мере носило регламентированный, административный, нередко принудительный характер. Механизмы распространения книги были связаны, прежде всего, с деятельностью светских и духовных властей. Свободная книжная торговля почти отсутствовала. Книга и чтение вошли в жизнь только узкого круга людей.

Глава II

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Книжная культура Сибири и Дальнего Востока первой половины XIX в. неслла на себе ярко выраженный отпечаток времени.

Начало столетия было ознаменовано реформаторскими начинаниями Александра I. Большое внимание в них уделялось культуре и просвещению. В 1802 г. было создано Министерство народного просвещения, в 1803—1804 гг. проведена реформа учебных заведений. Специальные распоряжения Александра I освобождали книжное дело России от ряда запретов последних лет правления Екатерины II и Павла I. Так, в марте 1801 г. был вновь разрешен ввоз книг из-за границы, открыты запрещенные в конце XVIII в. частные типографии. В 1802 г. вновь было позволено создавать новые "вольные" типографии, в 1804 г. принимается первый в России цензурный устав, который, в частности, упорядочил взаимоотношения издателей с властями. В 1807 г. появился указ "Об устройении типографий при губернских правлениях"¹.

Все эти мероприятия вызвали определенное оживление в книжном деле России, однако в Сибири еще не было условий для их воплощения в жизнь.

Важными факторами для развития книжной культуры в крае послужили назначение генерал-губернатором Сибири М.М. Сперанского и проведенные им в 1822 г. реформы².

Реформы М.М. Сперанского всколыхнули общественную жизнь края. Они содействовали более свободному развитию местной торговли и предпринимательства, предоставляли определенные права коренным народам, позволяли им учиться в государственных учебных заведениях, открывать свои училища и т.д.

Значительное обновление административного аппарата и расширение его деятельности потребовали реализации в крае указа 1807 г. "Об устройении типографий при губернских правлениях". Именно с реформами М.М. Сперанского связано заведение в ряде городов Сибири типографий и литографий.

Эти преобразования всколыхнули сибирское купечество, которое вскоре не только приобрело экономическую силу, но и стало инициатором многих просветительских начинаний, выдвинуло из своей среды меценатов, собирателей крупных домашних библиотек; его представители принимали активное участие в деятельности литературных кружков, в реализации издательских замыслов.

В этот период заметно ускорилось заселение края, особенно его западных районов. С 1795 по 1852 г. количество жителей Сибири и Дальнего Востока увеличилось более чем вдвое (с 1,2 млн до 2,7 млн человек)³. Чаще всего за Урал переселялись крестьяне, но росло и число цеховых ремесленников, ссыльных поселенцев, наемных рабочих, особенно в 30—40-е гг., когда в Енисейской губернии, Забайкалье и других районах стала активно развиваться частная золотопромышленность. Рост населения приводил к расширению старых и возникновению новых городов и сел. Стали городами бывшие селения Ачинск, Канск, Минусинск, Балаганск, Верхоленск, Чита. На Дальнем Востоке в 1852 г. возник Нико-

лаевск-на-Амуре. Самыми крупными городами Сибири были Иркутск, Омск, Тобольск, Томск, Барнаул, Тюмень, Красноярск ⁴.

Развитие производительных сил края способствовало расширению торговли, экономических связей между различными его территориями и европейской частью страны. Большое значение приобретали торговля со странами Средней Азии, Монголией, Китаем, торгово-промысловая деятельность Российско-Американской компании. Оживление хозяйственно-экономической деятельности края привело к расширению культурных связей. Приобрела более разнообразные формы, чем в предшествующий период, книжная торговля. Раздвинулись территориальные рамки распространения печатного слова. Возросло влияние русской культуры (в том числе и книжной) на коренные народы Сибири и Дальнего Востока. Увеличилось число грамотных и читающих людей, способных активно использовать книжное знание.

Развитию книжной культуры за Уралом способствовали и определенные успехи народного образования. В первой половине XIX в. была создана государственная сеть взаимосвязанных общеобразовательных учебных заведений: приходские и местные уездные училища, гимназии и университеты. Самым ближайшим к Сибири университетом был Казанский. Сеть народных училищ и количество учащихся значительно выросли. Если в 1802 г. на весь обширный край приходилось два Главных и семь Малых народных училищ с 331 учеником, то в 1826 г. в Сибири было две гимназии (Тобольская и Иркутская), 20 уездных и 10 приходских училищ, где обучалось 1588 человек ⁵. Численность учащихся в гарнизонных, специальных и духовных школах не увеличивалась. В 1813 г. в Омске было организовано войсковое казачье училище, преобразованное в 1846 г. в Сибирский кадетский корпус. В 1821 г. в Тобольске открылось училище для детей почтовых служащих, в 1838 г. в Томске — гимназия. Настоятельная потребность в образованных кадрах заставила генерал-губернатора Западной Сибири П.М. Капщевича в 1823 г. ходатайствовать перед властями об открытии в крае университета.

Значительно слабее развивалось народное образование в сельской местности. Немногие приходские училища, возникшие в первой четверти XIX в. в результате школьной реформы, при преемниках М.М. Сперанского закрылись. Как и прежде, на селе широко практиковалось обучение у частных учителей.

Огромное воздействие на развитие книжной культуры Сибири оказали ссыльные декабристы ⁶. Под влиянием декабристов, а позднее петрашевцев и ссыльных поляков формировались литературные, научные, краеведческие интересы сибирской интеллигенции, расширялась ее культурно-просветительская и исследовательская деятельность. В изучении Сибири и Дальнего Востока в этот период принимали участие не только ученые Москвы и Петербурга и организованные центром экспедиции, но и местные кадры. Серию сочинений о Сибири и ее истории оставили декабристы Н.А. Бестужев, Г.С. Батеньков, В.И. Штейнгель, Д.И. Завалишин. В 1851 г. в Иркутске был организован Сибирский отдел Русского географического общества, в деятельности которого принимали участие и политические ссыльные (М.В. Петрашевский, Ф.Н. Львов).

Изменилось и само отношение россиян к азиатской части страны, чему в немалой степени способствовали и декабристы. Она стала восприниматься не только как место изгнания, но и как край богатых возможностей и большого будущего ⁷. П.А. Словцов, а за ним Н.С. Щукин, Е.А. Авдеева-Полевая и другие

сибирские историки и бытописатели выдвинули и развили идею местного патриотизма.

Одной из характерных особенностей книжной культуры стала ее децентрализация: отдельные очаги книжности возникали в самых разных уголках края. Лидерство в культурной жизни в этот период безоговорочно перешло от Тобольска к Иркутску. Возникли заметные очаги книжной культуры в Красноярске, Кяхте, Нерчинске, Селенгинске, Барнауле, Омске, Ново-Архангельске (Русская Америка) и других местах.

Книжное дело Сибири и Дальнего Востока первой половины XIX в., несмотря на вялость и заторможенность многих историко-культурных процессов, в условиях абсолютистско-крепостнической системы, окрепло, приобрело заметный динамизм, его воздействие на общество расширилось.

1. РАЗВИТИЕ ПОЛИГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА. ЦЕНТРЫ МЕСТНОГО КНИГОПЕЧАТАНИЯ

После закрытия в конце XVIII в. первой "вольной" типографии тобольских купцов Корнильевых творческое, целенаправленное и относительно регулярное издание книг и журналов в Сибири надолго прекратилось. Вся первая половина XIX в. для сибирского книгоиздания была временем накопления материально-технических (полиграфических) возможностей и культурного (авторского) потенциала. Оба эти процесса некоторое время шли параллельными путями. Вновь возникавшие типографии были слишком слабы, чтобы обеспечить местное книгоиздание. Зреющие в сибирском обществе интеллектуальные и потенциальные авторские силы свои книгоиздательские замыслы связывали прежде всего с центром. Нереализованные типографским способом по тем или иным причинам авторские и издательские замыслы воплощались в рукописные журналы, альманахи, сборники.

До конца первого десятилетия XIX в. в Сибири существовали лишь те две типографии, которые были заведены в Тобольске и Иркутске в конце XVIII в.

Предприятие купцов Корнильевых, переданное в 1797 г. в ведение Тобольского губернского правления и вскоре закрытое из-за недостатка средств, в 1800 г. было вновь открыто при Приказе общественного призрения. С 1807 г. вплоть до 1917 г. типография числилась при Тобольском губернском правлении. В самом начале XIX в. для нее было закуплено новое оборудование. Устройством типографии занимался директор школ (затем училищ) Тобольской губернии О.Ф. Ишимов⁸.

Иркутская типография, организованная в конце XVIII в., по-видимому, долгое время бездействовала. Инициатором возобновления ее работы был иркутский гражданский губернатор А.М. Корнилов, который в июле 1805 г. обратился с ходатайством в канцелярию сибирского генерал-губернатора И.Б. Пестеля о "восстановлении при исполнительной экспедиции губернского правительства типографии"⁹. О вторичном открытии типографии в сентябре 1805 г., когда было "начато печатание на 2 станках, привезенных в Иркутск в 1784 г.", сообщают П. Пежемский и В. Кротов¹⁰. Типография организационно подчинялась Приказу общественного призрения. Ее штат включал не менее пяти человек: наборщика, двух батырщиков (рабочих, накатывающих краску) и двух тередорщиков. Наборщиком долгое время служил знающий свое дело чиновник 10-го класса Чеме-

сов, бывший, по-видимому, одновременно и смотрителем типографии. Батырщики и тередорщики не были профессиональными типографами и назначались из казаков Иркутского городского полка¹¹.

Указ 1807 г. "Об устройении типографий при губернских правлениях" способствовал оживлению деятельности имеющихся заведений, особенно в Иркутске, но появления полиграфических предприятий в других городах Сибири не вызвал.

Толчком для более широкого внедрения в жизнь края типографского дела послужила реформаторская деятельность М.М. Сперанского 1819—1821 гг. Административная реформа привела к росту местного управленческого аппарата и потока ведомственной документации, подлежащей тиражированию и распространению. Наличный штат писарей и канцелярских работников не мог справиться с растущим объемом работ, и в Сибири со всей остротой встал вопрос о "бумагопечатании".

Под воздействием реформ М.М. Сперанского и нередко при его личном участии в конце 10-х — начале 20-х гг. создаются новые полиграфические предприятия в Томске, Омске, Барнауле, Красноярске, усиливается деятельность ранее существующих.

Тобольская и Иркутская типографии в эти годы частично реорганизируются и укомплектовываются новым оборудованием. В 1819 г. М.М. Сперанский содействовал получению из Москвы для Тобольской типографии необходимых инструментов и материалов. В 1821 г. из Петербурга в Тобольск "для управления типографией" был вызван наборщик Гессе¹². В конце 20-х гг. в ней работали один корректор, три наборщика и шесть учеников.

К 1819 г. относится заведение типографии в Томске. Ее появление было ускороено нареками М.М. Сперанского в адрес томского гражданского губернатора Д.В. Илличевского, не выполнившего указ 1807 г. "Об устройении типографий...". Д.В. Илличевский тут же выписал оборудование и подыскал трех человек, знакомых с печатным делом. Среди них был и первый мастер Томской типографии П. Бялковский. Типография имела три ручных печатных станка (два деревянных и один чугунный), 10 касс литер русского алфавита. В 1833 г. штат типографии составляли: корректор, типографщик, два тередорщика, четыре разборщика. По сведениям 1835 г., должность корректора исполнял титулярный советник А.Ф. Глаголев, типографщика — канцелярист Н.А. Безруков, а наборщиков — подканцеляристы братья Г. и К. Тарабыкины. Сохранялась типография "на счет сумм" губернского правления¹³.

При выделении в 1822 г. из Томской губернии Омской области встал вопрос и о типографии при Омском общем областном управлении. В 1824 г. были получены деньги "на покупку для области типографии", а с 1825 г. она уже работала¹⁴.

Во время пребывания М.М. Сперанского в Сибири было начато строительство здания типографии в Барнауле. Непосредственное участие в ее оборудовании и подборе печатников принимал начальник Колывано-Воскресенских заводов П.К. Фролов. По его распоряжению в 1820 г. рудоразборщик Д. Аркашев и писарь П. Ложников были направлены в Петербург для обучения типографскому делу. Д. Аркашев научился "набирать и печатать", а П. Ложников, кроме того, — лить буквы. С 1823 г. они числились "типографскими учениками" на Барнаульском заводе, при котором состояла типография. В помощь им назначили шестерых подростков, в том числе "из школьников". Это были дети солдат и мастеровых Змеиногорского рудника. Официально типография открылась 7 апреля 1823 г. Заведовал ею сначала горный офицер И.П. Семенов, затем горный инженер, сын известного механика П.И. Кулибин¹⁵.

Пожар 1842 г. нанес значительный ущерб Барнаульской казенной типографии, уничтожив запасы бумаги, отпечатанные материалы, деревянное оборудование, попортив металлический инвентарь. Большая часть оборудования в 1843 г. была восстановлена местными силами.

В 1823—1824 гг. в связи с образованием Енисейской губернии было заведено полиграфическое предприятие и в Красноярске. Сведения о деятельности типографии при Енисейском губернском правлении в первой половине XIX в. крайне скудны — в архивных материалах встречаются лишь упоминания о ней¹⁶. Известно, что в типографии в 20-х гг. печатались еженедельные бюллетени, которые рассылались всем служащим¹⁷. По-видимому, печатная продукция типографии в этот период в основном не выходила за рамки канцелярского "бумагопечатания".

Насущная потребность в ускорении и удешевлении делопроизводства и заведении полиграфических предприятий в первой половине XIX в. возникала не только в крупных административных центрах. Так, в августе 1829 г. управляющий Нерчинскими заводами пытался выяснить, "не возможно ли было бы с выгодой для казны ввести и здесь бумагопечатание"¹⁸. Первые сведения о "небольшой полукустарной типографии" при Нерчинском горном заводе относятся к середине 30-х гг. По утверждению Е.Д. Петряева, она принадлежала Нерчинскому горному правлению и была ведомственной¹⁹. С 1854 г. типография размещалась в здании Нерчинского окружного училища. Корректором был назначен учитель С. Пятков, заведующим — чиновник Некрасов. Типография имела не менее семи шрифтов различных гарнитур и кеглей²⁰.

На рубеже 10—20-х гг. появились за Уралом и первые литографии, вызванные к жизни печатными потребностями военного ведомства. В 1820 г. уже работала литография при штабе отдельного Сибирского корпуса в Омске, в 1823 г. — литографии того же корпуса в Тобольске²¹. В декабре 1835 г. в дополнение к литографии при штабе отдельного Сибирского корпуса в Омске была организована и военная типография²². Наборщики и печатники для нее, видимо, назначались из "нижних чинов".

С 1853 г. в Иркутске работала литография штаба войск Восточной Сибири. Приблизительно к этому же времени относится и учреждение иркутской военной типографии. Деятельность полиграфических заведений военного ведомства была связана, прежде всего, с административной активностью генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева.

Типографии и литографии, создаваемые в Сибири в первой половине XIX в., не были капиталистическими предприятиями. По существу, они представляли собой казенные мануфактуры, на которых использовались ручные станки, применялся труд вольнонаемных, приписных работников. Процесс печатания на ручных станках был дорогим и трудоемким (каждый станок требовал работы двух человек), а производительность труда оставалась крайне низкой: 300 оттисков в час. Кассы литер, как правило, редко обновлялись, имелись литеры лишь русского алфавита. Инструменты и материалы обычно закупались в Москве и Петербурге, отсюда же присылались и "типографские ученики". Все это затрудняло широкое внедрение печатного дела в хозяйственную и культурную жизнь общества.

Бумага, на которой работали сибирские полиграфические предприятия в первой половине XIX в., как и в предшествующий период, была местного производства. В это время продолжали действовать Тобольская и Туринская бумажные мануфактуры, возникшие еще в середине XVIII в. Самая крупная из них — Тобольская, принадлежавшая в конце XVIII в. купцам Корнильевым, а с 1812 г.

перешедшая во владение тобольского купца А.Г. Дьяконова и его наследников, — вырабатывала до 2000 стоп бумаги. После пожара 1824 г. мануфактура была перестроена и расширена. 20-е гг. стали временем ее наивысшего расцвета. На предприятии действовало девять ролов, четыре черпальных чана, два молота для глажения бумаги. В производстве было занято 58 работников, из них 32 — вольнонаемных. Ежегодно перерабатывалось в бумагу до 3000 пудов льняной и холщовой ветоши, производилось более 5000 стоп бумаги разных сортов.

Туринская бумажная мануфактура с 1789 по 1855 г. принадлежала семье И.А. Панаева. В 1809 г. на ней действовало четыре рольни с 11 ролами. В 1833 г. на предприятии работало 55 человек. Было выпущено 3608 стоп разной бумаги, которая продавалась в Туринске и на Ирбитской ярмарке²³.

В первой половине XIX в. писчую бумагу в Сибири вырабатывали еще два предприятия. О существовании одного из них — бумажной фабрики при Барнаульском заводе²⁴, открытой вскоре после заведения типографии, — свидетельствуют листы документов Государственного архива Алтайского края с водяным знаком "БЗ" (Барнаульский завод). Обнаруженная бумага датируется 1826 г.²⁵

Другое предприятие было открыто купцом И.Ф. Родионовым в 1832 г. вблизи Ачинска. К концу 30-х гг. Ачинская бумажная мануфактура пришла в упадок. И.Ф. Родионов пытался взамен мануфактуры с ручным отливом бумаги построить фабрику, основанную на машинном производстве (с оборудованием подобной фабрики он познакомился на выставке российских изделий в Петербурге). Осуществить это ему так и не удалось. В 1858—1859 гг. Ачинская мануфактура, где работало четыре человека, производила вручную 250 стоп бумаги в год на сумму 325 р.²⁶

К середине XIX в. выпуск писчей бумаги в Сибири сходит на нет. Местные мануфактуры, основанные на ручном производстве бумаги из тряпья, уже не могут конкурировать с капиталистическими предприятиями, использующими машины и дешевое древесное сырье. Последние же так и не привьются до конца века на сибирской земле.

2. ПЕЧАТНАЯ ПРОДУКЦИЯ СИБИРСКИХ ТИПОГРАФИЙ И ЛИТОГРАФИЙ

Типографии и литографии, заведенные при органах местного управления для облегчения канцелярского делопроизводства, на первых порах именно этим и занимались. Они размножали канцелярскую документацию — приказы, циркуляры, послужные списки и т.д., печатали обложки для архивных дел, конторские книги, различные бланки. Вначале отдельные типографии, например Барнаульская, ограничивались печатанием лишь реквизитов для бланков, основной же текст писался от руки. С середины 30-х гг. стали появляться полностью отпечатанные в Барнаульской типографии указания и распоряжения, а к концу 40-х гг. печатная продукция "типографической фабрики" составляла почти половину материалов²⁷. Так как содержание типографий, обеспечение их станками, оборудованием, материалами стоило казне немалых денег, местные власти были заинтересованы в максимальной загрузке предприятий различными внешними заказами, позволявшими получать некоторую прибыль. Так, Томская типография стала принимать заказы на печатание "разного рода бумаг для казенных присутственных мест

и партикулярных людей", для чего по губернии рассылались специальные объявления с указанием цен на типографские работы²⁸.

Принимали заказы и другие сибирские типографии. Чаще всего они выполняли мелкие акцидентные работы — печатали объявления, афиши о любительских спектаклях, визитные карточки, пригласительные билеты на балы, именины и другие семейные вечера городской знати, ярлыки, этикетки и т.д. Как можно заметить, все эти материалы не укладываются в понятие "книжной продукции". Но книгопечатание на протяжении первой половины XIX в. постепенно расширяло свои границы, шел процесс его отделения от "бумагопечатания", а "изданий" от канцелярской переписки. Составление печатных материалов в большей степени зависело от распоряжений столичной администрации, чем от местной инициативы. Но подготовка и печатание различного рода документов были шагом по пути развития местного книгоиздания. Большую часть сибирских изданий составляли перепечатки и оттиски уже опубликованных работ, так как они не требовали цензурного разрешения из Европейской России. Печатались сенатские указы, правила, наставления, положения, инструкции, руководства, подготовленные центральными и местными органами управления. Мизерными тиражами выходили "подносные" издания или написанные "на случай". По объему большую часть печатных материалов составляли листовки (работы от 1 до 4 страниц). Брошюр (от 5 до 48 страниц) и книг (свыше 48 страниц), выпущенных до учреждения в 1857 г. органов местной периодической печати — губернских ведомостей, в настоящее время известно около 20. Многие из них анонимные, без обложек, титульных листов и выходных данных. В то же время они не имеют реквизитов, обязательных для канцелярских бумаг, оформлены в виде кодекса, что дает основание относить их к "книжной продукции"²⁹. Печатание на территории Сибири развивалось крайне неравномерно, подталкиваемое бюрократической активностью тех или иных администраторов. До реформы М.М. Сперанского оно было лишь в Тобольске и Иркутске.

Первой книгой, увидевшей свет в Сибири в XIX в., стало последнее издание тобольской типографии Корнильевых — сочинение Г. Диттона "Истина благочестия христианского, доказанная воскресением Иисуса Христа...", принадлежавшее предшествующей эпохе. Вплоть до 30-х гг. типография Тобольского губернского правления не выпустила ни одной книги, занимаясь лишь канцелярским "бумагопечатанием".

История выпуска последующих сибирских книг начала XIX в. связана уже с Иркутском. О первенце иркутского печатного станка пока приходится говорить условно. Исследователи имеют достаточно оснований продолжать поиски найденных работ. Например, по свидетельству С.С. Попова, в 1805 г. Иркутской губернской типографией было выпущено "описание чудес Св. Иннокентия, напечатанное в первый раз иждивением купца Николая Семеновича Чупалова"³⁰. С.С. Попов уже в 70-х гг. XIX в. отмечал большую редкость книги. Не найдена она и сегодня. Первое известное нам издание, напечатанное в Иркутской типографии — это "Описание торжества, бывшего в Иркутске 12-го декабря 1807 года во всерадостнейший день рождения его Императорского величества при открытии каменной гражданской больницы, построенной иркутским купцом Чупаловым". Работа 1807 г. не имела выходных данных, состояла из четырех нумерованных страниц. Ее текст воспроизведен в публикации С.Р. Долговой³¹, впервые обнаружившей издание в коллекции редких книг РГАДА.

Следующие работы иркутского печатного станка появились благодаря энергичной административной деятельности гражданского губернатора

Н.И. Трескина. Его инструкции, положения, правила, проекты чаще всего возникали в связи с правительственными указами и проводимыми реформами. Некоторые из них найдены в архивах и атрибутированы, существование других подтверждается лишь косвенными свидетельствами. Так, в 1810 г. в Иркутской типографии была отпечатана брошюра "Предварительное положение о казаках, живущих в крепостях и комиссарствах Якутской области и Охотского края", в 1812 г. — "Положение о распространении хлебопашества", "Правила о разведении земляных яблок, или картофеля", "Правила об улучшении скотоводства". Соответствующим "Положением" были закреплены попытки Н.И. Трескина регламентировать деятельность аппарата управления бурятским и русским сельским населением Иркутской губернии. В 1816 г. разработана и отпечатана подробная "Инструкция начальника Камчатки", на должность которого в это время был назначен капитан 1-го ранга П.И. Рикорд.

К наиболее примечательным изданиям этого времени принадлежало "Положение об омулевом промысле на реке Селенге", подготовленное в 1816 г. под руководством путешественника, историка, верхнеудинского исправника М.М. Геденштрома. Хорошо осведомленный о хищнической ловле омуля на Байкале и в дельте Селенги, М.М. Геденштром пытался отрегулировать рыбный промысел в Забайкалье. "Положение" 1816 г., видимо, не возымело должного эффекта, и в 1818 г. в Иркутской типографии были отпечатаны в виде двухстраничного издания новые предложения М.М. Геденштрома об изменении правил рыболовства³².

В литературе прошлого века есть косвенные свидетельства о выпуске в Иркутске в 1817 г. еще одного издания — "Житие и чудеса Св. Иннокентия". О ней упоминает С.С. Попов со ссылкой на архимандрита Модеста, который видел книгу у купца Тропина. В издание вошло "Сказание о житии еже во святых отца нашего Иннокентия, 1-го епископа, Иркутского чудотворца", написанное в 1807 г. иеромонахом Иркутского Вознесенского монастыря Иеронимом, а также описание чудес святителя. Сам С.С. Попов предполагал, что книга вышла не в 1817, а в 1807 г.³³

Сразу же по прибытии в Иркутск в 1819 г. генерал-губернатора Сибири М.М. Сперанского был издан ряд документов: "Правила о свободе внутренней торговли", "Предварительные правила о почтовой гоньбе". Бурную законодательную, а вместе с ней и издательскую деятельность развил и новый иркутский гражданский губернатор И.Б. Цейдлер, назначенный взамен смещенного Н.И. Трескина. В 1821 г. он представил на утверждение М.М. Сперанского (и, видимо, напечатал) "распоряжения: о сохранении порядка в Иркутске; об усилении хлебопашества и об устранении беспорядков в содержании прислуги", "издал правила для управления Иркутским ремесленным домом" и др.³⁴

Активное участие в разработке сибирских реформ и их реализации принимал уроженец Тобольска, будущий декабрист Г.С. Батеньков, который в 1816—1821 гг. служил в Сибири. Включившись в организацию иркутской ланкастерской школы взаимного обучения, призванной готовить местные образованные кадры для реформируемого края, Г.С. Батеньков в 1820 г. подготовил учебное пособие, составленное в виде таблиц по геометрии³⁵. Таблицы были напечатаны в Иркутской губернской типографии тиражом в 50 экз. и, по словам автора, "вошли здесь в употребление и показали успех"³⁶. Пособие было послано в Санкт-Петербургское общество для учреждения в России училищ по методу взаимного обучения и, видимо, в Департамент народного просвещения.

Г.С. Батеньков принимал участие в разработке еще одного важного документа — подготовленного М.М. Сперанским "Учреждения для управления Сибирь-

ских губерний". Впервые "Учреждение" было издано в Санкт-Петербурге в 1822 г. В том же году оно было перепечатано в Иркутской губернской типографии (65 с., автор не указан). На титульном листе значилось: "В СПб печатано в Сенатской типографии, 1822 года, а с оного в Иркутской губернской того ж года". Экземпляр издания хранится в РНБ.

В 1823—1824 гг. "Учреждение для управления Сибирских губерний" было перепечатано с петербургского издания и в Барнаульской типографии. Тираж (140 экз.) был разослан по волостным правлениям. Данное издание считается первым алтайского книгопечатания³⁷.

С деятельностью М.М. Сперанского связано и первое томское издание. Это стихотворение сына местного губернатора, лицейского товарища А.С. Пушкина А.Д. Илличевского "Кант на возвращение в Томск его превосходительства сибирского генерал-губернатора и кавалера Михаила Михайловича Сперанского". Кант был сочинен А.Д. Илличевским, по-видимому, по просьбе отца, отпечатан в 1820 г. в только что организованной типографии и преподнесен М.М. Сперанскому во время его очередного приезда в Томск. Издание содержало четыре нумерованные страницы, текст размещался на двух первых. По свидетельству современников, стихи были "нестерпимо дурны", но в целом они вписывались в поток литературных восхвалений по адресу М.М. Сперанского, которые ходили в те годы по Сибири³⁸. В 1822 г. в Томской типографии было напечатано одностраничное "Краткое описание сибирской язвы", предназначенное для распространения среди населения губернии. Более весомых следов печатной деятельности Томской типографии в первой половине XIX в. не сохранилось. Печатный станок функционировал в основном в рамках канцелярского делопроизводства и заказной акциденции.

Книгопечатание Омска, в отличие от других сибирских городов, началось с литографированных изданий, тиражируемых при штабе отдельного Сибирского корпуса. Активность военной литографии была вызвана широкими военно-административными полномочиями города (центр управления Сибирским казачьим войском и обширными степными территориями казахских кочевников, а с 1822 г. и резиденция генерал-губернатора Западной Сибири), наличием единственного в Сибири военно-учебного заведения — Войскового казачьего училища.

Первым известным нам изданием, выпущенным в Омске, было литографированное руководство "Разные виды заборам, решеткам деревянным с воротами и без ворот, также каменным и деревянным домам с приложением примерной сметы и инструкции для руководства желающих строиться". Оно издано в 1820 г. по приказанию командира корпуса генерал-лейтенанта П.М. Капцевича и связано с потребностями упорядочения городской застройки. Чертил "виды" урядник Войскового казачьего училища Шевелев, рисовал воспитанник Омского военно-сиротского отделения Андреевский. В 1821 г. таким же способом была издана брошюра "Основание черчения гор по правилам математическим".

В 1822 г. в литографии отдельного Сибирского корпуса (ОСК) была напечатана книга священника А. Беликова, изданная в Москве в 1818 г., — "Катехизис, или краткое изложение православного христианского закона" (119 с.), предназначенная, по-видимому, для обеспечения учебного процесса в Войсковом училище. С этой же целью в литографии выпускались и другие материалы — наглядные пособия, эстампы, ноты.

В 1825 г. для регулирования взаимоотношений с коренным населением края П.М. Капцевич (к тому времени уже генерал-губернатор Западной Сибири) выпустил в Омской военной литографии брошюру, написанную на русском и татар-

ском языке, — "Записка о тарских оседлых инородцах" (20 с.). С организацией в 1828 г. на берегу Иртыша вблизи Омска опытного хутора Сибирского казачьего войска — первого за Уралом центра земледельческой культуры — связано еще одно издание Омской литографии ОСК. Это "Практические сведения касательно почв, пахания и посева" — наставление для казаков Сибирского линейного казачьего войска, написанное и размноженное в том же году агрономами П. Щербаковым и О. Обуховым. Издание было разослано во все полки для ознакомления с ним казаков. В последующие десятилетия деятельность Омской военной литографии ослабевает, а позднее ее функции частично переходят к типографии окружного штаба. Первое известное нам омское издание, отпечатанное типографским способом, — это шестистраничная брошюра А.И. Сулоцкого "Киргиз сибирского ведомства на поклонении св. местам русским и палестинским", вышедшая в 1853 г.

30-е — первая половина 50-х гг. XIX в. не внесли заметных изменений в характер развития сибирского книгопечатания. В отдельных городах число выпускаемых работ даже сократилось, что логично соотносится с общероссийским книгоиздательским кризисом 40—50-х гг., деятельностью "Бутурлинского комитета" и "эпохой цензурного террора". Очень мало выходило печатной продукции в Иркутске, Томске, Омске. Некоторое локальное оживление издательской практики, вызванное потребностями местной администрации, можно отметить лишь в Тобольске и Барнауле.

В 1834 г. в Тобольской губернской типографии "с дозволения начальства" были перепечатаны с петербургского издания "Вопросы к изучению полевой пехотной службы" (47 с.), в 40-х гг. — "Руководство к расчислению серебряной монеты на ассигнации и ассигнаций на серебро, с показанием ценности иностранной монеты" (37 с.), в 1852 г. выпущена брошюра "Два слова, говоренные Евлампием, архиепископом Тобольским и Сибирским, в Тобольском кафедральном соборе в 15 день августа, при вступлении, и в 22-й, по вступлении в тобольскую паству".

Ряд тобольских изданий 30—40-х гг. был связан с деятельностью декабристов. Так, в 1837 г. в Тобольске напечатаны "Стихи..." моряка-декабриста Н.А. Чижова, который был разжалован в рядовые и служил в 1-м линейном Сибирском батальоне. Стихи были написаны по приказанию генерал-губернатора Западной Сибири и командира отдельного Сибирского корпуса П.Д. Горчакова и отпечатаны в корпусной типографии³⁹. Оттиски позднее вручили наследнику цесаревичу Александру Николаевичу (будущему Александру II), посетившему Тобольск. Возможно, Н.А. Чижов надеялся привлечь внимание к положению ссыльных декабристов и "милость к падшим призывал".

В 1843 г. в Тобольской губернской типографии были напечатаны листовки-объявления для распространения среди бунтовавших крестьян трех округов Тобольской губернии. Хотя подписал их губернатор М.В. Ладыженский, настоящий их автор — декабрист В.И. Штейнгель, находившийся в Тобольске на поселении. По мнению отдельных исследователей, в этих листовках В.И. Штейнгель хотел выразить "эзоповым языком" некоторые декабристские идеи: о законности, о пресловутой царской "милости", о моральном праве народа на восстание⁴⁰.

В 30—40-х гг. возрос поток разнообразной печатной документации, а вместе с ним и издательской продукции Барнаульской казенной типографии. Среди ее изданий можно назвать "Дополнительную инструкцию Главному начальнику Алтайских горных заводов", подписанную главноуправляющим Корпусом горных инженеров Е.Ф. Канкриным и связанную с реорганизацией управления Колывано-Воскресенскими заводами (1836, 11 с.), "Мнение Государственного Совета: Вы-

писано из журналов: Департамента государственной экономики 21-го февраля и Общего собрания 11-го марта 1846 г." (1846, 5 с.), "Опыты и наблюдения о падеже рогатого скота" Г.М. Орреуса с приложением выписки из письма автора к академику Крафту. Статья военного врача Густава Орреуса, впервые опубликованная в 1784 г., в Барнауле была отпечатана в виде брошюры в 1849 г. и разослана по губернии.

Среди листовых изданий особый интерес представляют краткая инструкция для занимающихся остеологией и палеонтологией "Примечания касательно приискания костей, окаменелостей и других подобных вещей и доставления их в С.-Петербург" (1832) и четырехстраничный "Проект правил о посылке книг и журналов Барнаульской библиотеке, по другим заводам и главным рудникам Колывано-Воскресенского округа для удовлетворения потребности чтения служащих в заводах и рудниках чиновников" (1836).

С 1832 по 1849 г. в Барнаульской казенной типографии было отпечатано не менее 10 изданий. Почти все они представляли собой перепечатку петербургских документов. Тексты набраны грамотно и аккуратно, отпечатаны четко. Все это говорит о начале становления книгопечатания в административном и культурном центре горнозаводского Алтая⁴¹.

Среди материалов, напечатанных в рассматриваемые десятилетия Иркутской губернской типографией, можно назвать листовые издания 1835 г. "О следствии по убийству братского старшины Балхаева" и "О запрещении строить язы и заколы на судоходных реках"⁴². Возможно, печатной была и не найденная до сих пор работа С. Щукина "Каталог естественным и обработанным произведениям Иркутской губернии, которые могут составить предмет губернской выставки" (1831), отмеченная в указателе Л. Зубашевой⁴³.

В 50-х гг. при Управлении Генерального штаба Восточной Сибири началась работа по составлению карт Восточной Сибири, Приамурья, залива Петра Великого на русском берегу Японского моря, прилегающих пограничных районов Маньчжурии и Монголии. Часть из них использовалась в рукописном варианте, другие тиражировались в литографии штаба войск⁴⁴. К последним, например, принадлежали "Карта р. Амура на 29 л., литографирована и издана Управлением Генерального штаба в г. Иркутске", составленная Поповым (Иркутск, 1856), "Карта р. Амура, составленная по инструментальной съемке чинов Управления генерального штаба Восточной Сибири. 1858 г. Литогр. в г. Иркутске на 47 листах" и др.

Наши знания о печатной продукции Сибири первой половины XIX в. неполны. Сейчас известно более 60 местных изданий, включая листовки (табл. I). Многие из них являются как бы промежуточным звеном между "изданием" и канцелярским документом. Далекое не все печатные работы найдены и атрибутированы. Возможно, отдельные издания, названные нами первенцами местного книгопечатания, уступят место каким-то другим работам. И тем не менее уже сейчас можно говорить об определенном вкладе местного типографского производства в общественную и культурную жизнь края, создании собственных печатных работ по различным отраслям знания, формировании в ряде административных центров очагов книгопечатания.

3. РУКОПИСНАЯ КНИГА

Слабость полиграфической базы не позволяла сибирякам удовлетворять возросшие потребности в изданиях. В то же время многие события местной жизни требовали живого публичного на них отклика. Все это вызвало широкое распространение в крае рукописных книг, газет и журналов.

Стремление к просвещению побуждало отдельных сибиряков составлять своеобразные рукописные сборники, в которые заносились сведения из самых разных областей знания. В таких сборниках можно было встретить отрывки из произведений А.С. Пушкина, Сократа, Ф. Горация, К. Конфуция, В. Шекспира, Ж.Б. Боссюэ, Ж.-Б. Массильона, И.В. Гете, Ж.Ж. Руссо, Дж.Ф. Купера, Б. Франклина, О. де Бальзака и многих других писателей и ученых. Характерны и названия сборников: "Век живи и век учись", "Непостоянные часы досужества, или вспомогательные средства, служащие к просвещению и замечанию на пути жизни, извлеченные частицами из разных и лучших сочинений в течение с лишним 30-ти лет" и др. Отдельные из подобных сборников хранятся в Томском областном архиве⁴⁵.

Многие иркутяне тетрадки с выписками из книг, журналов, газет по мере их написания связывали в книжечки по несколько штук и давали желающим для прочтения. Эти тетрадки позднее были названы иркутскими рукописными сборниками. По описанию Н.С. Романова, виденные им экземпляры сборников написаны на толстой серой и синеватой бумаге довольно неразборчивым почерком, каждый из них был толщиной до 1,5 вершков. Один из сборников состоял из 588 страниц четвертушек листа и включал 59 работ.

Иркутские рукописные сборники содержали разнообразные статьи по естествознанию, истории, географии, экономике, литературе, стихотворения на русском, греческом, латинском языках, прозаические произведения: "Речь о любви к Отечеству", "Похвальные речи" Екатерине II и Александру I, стихотворения Г.Р. Державина, М.В. Ломоносова, В.В. Капниста, В.И. Майкова и других русских писателей XVIII в., переводы из "Энеиды" Вергилия и др. Ряд статей был посвящен Сибири и сопредельным странам, содержал различные сведения о России.

В рукописных сборниках помещались также тексты речей, произнесенных по разным поводам. А.П. Шапов, описывая содержание одного из иркутских сборников, отмечал речь учителя С. Бельшева, восхвалявшую современные успехи наук, искусств, просвещения, торговли. Александр I в ней назывался "вселюбезнейшим отцом народа", "скипетродержавным другом человеческого рода"⁴⁶. Восхваляя императора Александра I, автор речи, по сути, говорил о просвещенной монархии и ее задачах. Нередко появлялись в сборниках и различного рода наставления нравоучительного и воспитательного характера.

Рукописные сборники начала XIX в. создавались чаще всего в купеческой среде. Они отличались деловитостью и оптимизмом. В 30—40-х гг. традиция составления сборников и альбомов распространилась и на более широкие слои населения. М.В. Загоскин вспоминал, например, что мода на альбомы проникла и в бурсу: "И вот между нами стали появляться "любители" новых писателей, разумеется, под секретом. Почти у каждого из нас где-нибудь под подушкой хранился или песенник, или альбом с запретными стихами В.А. Жуковского и А.С. Пушкина; у иных были целые томы подобных альбомов"⁴⁷. Рукописные сборники с запретными стихами А.С. Пушкина стали в Сибири массовым явлением.

За Уралом на протяжении всей первой половины XIX в. по преимуществу в демократической среде создавались и обличительные рукописные произведения.

Так, большое количество сатирических стихов, анекдотов, карикатур распространялось в период правления иркутского губернатора Н.И. Трескина. Объектами сатиры обычно становились власть имущие — наместники, губернаторы, чиновники-бюрократы, купцы.

Своеобразным жанром сибирской рукописной публицистики стал "донос" (жалоба в Петербург на злоупотребления местных властей). "Жалобы" нередко писались с такой страстностью и мастерством, что перерастали свое конкретное назначение и превращались в произведения литературы. Они жадно читались, переписывались, распространялись, несмотря на угрозы администрации⁴⁸.

В 30—40-х гг. XIX в. в рукописно-книжном творчестве сибиряков появились и новые тенденции. В обществе все с большей силой назревала потребность в периодическом органе (газете, журнале, альманахе, сборнике), который мог бы стать трибуной определенных общественно-литературных интересов.

Первая попытка создания газеты была предпринята в Иркутске в 1827 г. в купеческой среде. Приезжий литератор М.А. Александров предложил членам литературного кружка В.Н. Баснина и С.С. Дудоровского выпускать литературную газету под названием "Ангарский вестник". Издание не состоялось. По-видимому, предложенная М.А. Александровым программа, впервые выражавшая областнические тенденции сибирской буржуазии, членам кружка показалось слишком радикальной.

В конце 20-х гг. сын енисейского губернатора Н.А. Степанов (будущий редактор-издатель сатирического журнала "Искра") задумал выпуск рукописного сатирического листка с карикатурами "Минусинский раскрыватель". Был сделан первый пробный выпуск, но продолжения не последовало⁴⁹.

Более устойчивыми оказались рукописные журнальные начинания в Иркутске в 30-х гг. XIX в. В 1830 г. преподаватель иркутской гимназии Н.И. Виноградский, сотрудничавший под псевдонимом "Заангарский сибиряк" в столичных и казанских изданиях, начал выпускать рукописный журнал "Домашний собеседник"⁵⁰. В нем помещались статьи и повести самого Н.И. Виноградского, работы его товарищей по гимназии; стихи, басни, рассказы литератора С.И. Черепанова, которые он присылал из Тунки, и другие материалы. Оценивая журнал с позиций 80-х гг. XIX в., В.И. Вагин (сам в юности один из его авторов) в статье "Сороковые годы в Иркутске" писал, что это был "бесцветный и несерьезный сборник более или менее ребяческих упражнений". Однако он признавал, что "общество интересовалось газеткой и читалась она усердно"⁵¹. Позднее сын издателя В.Н. Виноградский в своих "Записках" отмечал, что "тетрадь рукописного журнала "Домашний собеседник" служит примером, как приятно могли проводить время, с каким увлечением следили за развивающейся литературой Пушкинского периода"⁵². Журнал просуществовал до 1834 г.

В 1838 г. в Иркутске начал выпускаться первый рукописный журнал гимназистов "Вечера досуга"⁵³.

В 1840 г. появился второй иркутский ученический журнал "Звездочка". Оба журнала заполнялись образцами литературного творчества гимназистов и были вполне безобидными. Однако архиепископ Нил нашел "Звездочку" крамольной, и она была запрещена⁵⁴.

Наиболее интенсивно в 30—40-х гг. рукописная периодика развивалась в Забайкалье. Толчок литературному движению в крае был дан декабристами, кото-

рые в 1827—1830 гг. находились в Читинском остроге, а затем, до 1839 г., в казематах Петровского Завода. М.А. Бестужев писал, что "житье в Петровском Заводе — была самая цветущая эпоха стихотворений, повестей, рассказов и мемуаров"⁵⁵. Еще в Читинском остроге декабристы организовали литературное общество, председателем которого стал П.А. Муханов. На его заседаниях обсуждались научные доклады, критические статьи, художественные произведения. Был составлен литературный альманах "Зарница". Декабристы лелеяли мысль об издании альманаха в пользу "невольнозаключенных", но в сибирских условиях и в состоянии полной изоляции "государственных преступников" от российского общества такой проект осуществиться, конечно, не мог. Тем не менее литературная деятельность декабристов не осталась незамеченной, она повлияла на характер возникшей в это время в Забайкалье местной рукописной периодики.

В 1829 г. в крае появилось сразу два рукописных "издания" — журнал "Кяхтинский литературный цветник" (просуществовал до 1836 г.) и газета "Кяхтинская стрекоза". Инициатором обоих были близкий знакомый декабристов штаб-лекарь Кяхтинской таможни А.И. Орлов и видный сибирский литератор, историк и исследователь, в то время инспектор монголо-русской школы, В.П. Паршин. О содержании журнала имеется лишь упоминание И. Кириллова в статье "Поездка в Кяхту в 1834 г." "Выбор статей в журнале сем, — писал автор, — по мнению знатоков-литераторов, совершенно оправдывает приличное наименование его. Главная цель сих изданий (журнала и газеты — Ред.) будет состоять в изображении местности кяхтинской в литературном, статистическом, топографическом и этнографическом отношениях"⁵⁶. По мнению М.К. Азадовского, это был, скорее всего, не журнал, а, по традиции того времени, альманах.

О газете "Кяхтинская стрекоза" история сохранила больше свидетельств. О ней упоминалось в воспоминаниях М.А. Бестужева, в 80-х гг. XIX в. видел и читал некоторые номера И.И. Попов, экземпляры ее хранились в личном архиве С.И. Черепанова. Д.И. Завалишин называл газету "первой попыткой обсуждать явления сибирской жизни"⁵⁷.

В выпуске газеты принимал участие служащий таможни, лекарский ученик М.И. Пашковский. Он рисовал стрекозу на большом листе бумаги, а А.И. Орлов заполнял лист сатирическими стихами Ф.И. Бальдауфа, С.И. Черепанова, декабристов Н.А. Бестужева и В.Л. Давыдова, своими "юмористическими мыслями"⁵⁸. В одном из номеров была помещена острая эпиграмма В.Л. Давыдова на Николая I. Всего вышло, по-видимому, 60 номеров газеты.

По воспоминаниям современников, многие чиновники Кяхты очень боялись быть осмеянными в газете. В 1839 г. они буквально вынудили А.И. Орлова переехать в Верхнеудинск⁵⁹. Но и там он не бросил литературных занятий и в 1839—1840 гг. выпускал рукописную газету "Метляк". В.К. Кюхельбекер в одном из писем назвал ее "легкой, чисто литературной"⁶⁰. В газете принимал участие нерчинский краевед и литератор М.А. Зензинов, сотрудничали декабристы. Так, П.И. Борисов сделал рисунок для газеты (не в одном экземпляре), В.К. Кюхельбекер прислал рукопись "Баргузинской сказки"⁶¹.

В Тунке выпускал сатирическую газету, подобную "Кяхтинской стрекозе", литератор С.И. Черепанов. Экземпляры газеты он посылал декабристам и другим участникам забайкальского литературного движения⁶².

В Нерчинске в 30-е гг. XIX в. появился рукописный сборник М.А. Зензинова "Драмы и другие пьесы". В 40-х гг. начали выходить первые рукописные сатирические листки. Их выпускали М.А. Зензинов, В.П. Паршин, писатель и краевед, учитель Нерчинского уездного училища А.А. Мордвинов. Из отдельных листков

М.А. Зензинов составил рукописный "Нерчинский журнал", в котором не только освещалась местная жизнь, но и поднимались общесибирские вопросы. В 50-х гг. он стал называться "Реставрационным листком". Составители с его помощью пытались восстановить ведущее положение Нерчинска в культурной и экономической жизни, пошатнувшееся из-за перенесения в 1851 г. центра Забайкальской области в Читу. Журнал продолжал выходить (с участием других составителей) и в 60-х гг. XIX в.⁶³

Большинство сибирских рукописных "изданий" не сохранилось. Вероятно, многие из них, наиболее острые в политическом плане, были уничтожены или самими составителями, или властями. Отрывочные сведения о них можно почерпнуть из воспоминаний, писем, архивных материалов. Обобщающие данные об уцелевших и упоминаемых в источниках рукописных произведениях собраны в трудах А.П. Шапова, М.К. Азадовского, Е.Д. Петряева, Г.Ф. Кунгурова и других исследователей.

Рукописная книга сыграла заметную роль в развитии книгоиздания и периодической печати на зауральских территориях. Она содействовала творческому объединению литераторов и краеведов, стала для сибиряков школой издательского труда, способом обретения писательского и журналистского опыта. Рукописно-книжная деятельность во многом содействовала накоплению в местном обществе авторских и издательских сил, которые позволили сибирякам позднее активно включиться в общероссийский книгоиздательский процесс.

4. ФОРМИРОВАНИЕ АВТОРСКОГО КОРПУСА. ИЗДАТЕЛЬСКИЕ НАЧИНАНИЯ СИБИРЯКОВ

Отчетливо обозначившееся в первой половине XIX в. стремление местной интеллигенции к изучению собственного края, освоению его богатств совпало с заметно обострившимся вниманием к азиатской части страны со стороны центра.

Расцвет краеведения привел к тому, что уже в 1813 г. возникла идея периодического издания под названием "Собрание известий, служащих к истории и географии Сибири"⁶⁴, однако проект осуществить не удалось. Настоятельная потребность в публикации создаваемых работ и слабость местной полиграфической базы заставили сибиряков искать издательские возможности за пределами края. Впервые в это время организации и ближайшим в территориальном плане исследовательским и издательским центром, во многом определившим публикаторскую активность сибирских авторов середины второго десятилетия XIX в., стала Казань. Издательский комитет Казанского университета для Поволжья, Урала и Сибири был в то время единственным краеведческим центром⁶⁵. Отдельные казанские газеты и журналы по отношению к Сибири выполняли роль местной периодической печати⁶⁶.

Книг авторов-сибиряков в Казани первой половины XIX в. вышло немного. К ним относятся "Речь директора тобольских училищ [А.И.] Арнгольда, говоренная им при вступлении в должность" (1815) и диссертация востоковеда-буряты Д. Банзарова "Черная вера или шаманство у монголов", напечатанная в 1846 г. в "Ученых записках Казанского университета" и выпущенная самостоятельным оттиском. Статьи и материалы сибирских краеведов печатались в "Казанских известиях", "Казанском вестнике", "Прибавлении к Казанскому вестнику", "Ученых записках Казанского университета", журнале "Заволжский муравей". Из 154 си-

бирских публикаций, напечатанных в казанских периодических изданиях, 112 принадлежало "Казанским известиям" (1811—1820).

Из авторов наибольшей активностью отличались П.А. Словцов, иркутский губернский землемер А.И. Лосев, преподаватели Иркутской гимназии И.Е. Миллер и С.С. Щукин, будущий писатель И.Т. Калашников. После прекращения выпуска "Казанских известий" количество публикаций сибиряков в периодических изданиях города заметно уменьшилось. Это было связано также с выходом края из Казанского учебного округа и переориентацией пишущих сибиряков на столичные издания.

Новым этапом в развитии издательской ситуации для сибиряков-краеведов стало основание в Петербурге журнала "Сибирский вестник" (1818—1824), позднее переименованного в "Азиатский вестник" (1825—1827). Его издателем, редактором, составителем и автором более 40 статей о Сибири был историк, археолог, археограф, этнограф член-корреспондент Академии наук Г.И. Спасский. За время работы в Сибири (1804—1817) он собрал богатый материал о крае и сопредельных странах. Потребность в его публикации натолкнула ученого на мысль об издании журнала.

"Сибирский вестник" был одним из первых периодических изданий востоковедного направления в России, журналом, положившим начало сибирской научной печати⁶⁷.

Деятельное участие в создании "Сибирского вестника" принял В.В. Дмитриев, издатель петербургского журнала "Ореады", в свое время путешествовавший по Сибири. Программа издания была составлена Г.И. Спасским еще в 1806 г., план разрабатывался вместе с В.В. Дмитриевым⁶⁸.

За 1818—1824 гг. вышло 52 книги "Сибирского вестника". Тираж издания составлял 600 экз. Журнал состоял из двух отделений. В первом публиковались "описания путешествий по Сибири и странам, сопредельным с оной"; во втором — статьи о Сибири научного содержания, в том числе и переводные.

В журнале каждый материал имел свою пагинацию, поэтому произведение, печатавшееся в ряде номеров, можно было вырезать и переплести в виде отдельной книжки. Постоянных корреспондентов у журнала Г.И. Спасского было немного. Среди них самые активные сибирские авторы — П.К. Фролов и П.А. Словцов.

Большая группа публикаций "Сибирского вестника" связана с деятельностью Сибирского комитета во главе с М.М. Сперанским. Просьба Г.И. Спасского к сибирскому генерал-губернатору о содействии журналу и присылке материалов⁶⁹, видимо, совпала с пробудившимся у последнего интересом к собиранию исторических сведений о Сибири, географических и статистических описаний ее⁷⁰. М.М. Сперанский передал Г.И. Спасскому для публикации в журнале большое количество материалов, многие из которых последний использовал в своих работах.

В 1823 г. стало ясно, что "Сибирский вестник" перерос в издание, посвященное Азии в целом, и соответствовал по профилю специальному печатному органу востоковедческого характера.

С 1824 г. журнал стал называться "Азиатским вестником" и в этом качестве выходил ежемесячно вплоть до июня 1827 г. (всего было издано 29 книг). Тиражи как первого, так и второго издания расходились слабо, журнал был убыточным⁷¹. В 1827 г. "Азиатский вестник" прекратил существование.

Журналы Г.И. Спасского сыграли важную роль в деле изучения востока страны. Они осуществляли живую связь между европейской и азиатской частями

государства, пробуждали интерес к последней как в России, так и за рубежом, давали возможность сибирякам воплощать в жизнь свои авторские замыслы.

Во второй четверти XIX в. первостепенное значение в расширении публикаторских возможностей сибирских авторов приобрел журнал "Московский телеграф" (1825—1834). Его издатель Н.А. Полевой — один из ведущих журналистов 20—30-х гг., известный историк, писатель и драматург — был связан с Сибирью на протяжении почти всей жизни. Он родился и довольно долгое время жил в Иркутске, а потом поддерживал контакты с сибирскими деятелями культуры — П.А. Словцовым, Н.С. Щукиным, В.Н. Басниным и др. По словам М.К. Азадовского, "в истории познания и изучения Сибири журналу Н.А. Полевого должно быть отведено видное и почетное место"⁷².

Среди авторов-сибиряков "Московского телеграфа" прежде всего следует называть П.А. Словцова и Н.С. Щукина⁷³. В определенной мере к их числу можно отнести И. Бичурину, некоторое время проживавшего в Сибири, А. Бестужева, Я. Забелу, А. Гумбольдта и др.

На труды П.А. Словцова Н.А. Полевой поместил в журнале ряд рецензий. Публикации П.А. Словцова вместе с рецензиями журнала на книги о Сибири формировали основу сибирской платформы "Московского телеграфа".

Следующей важной вехой в накоплении редакционно-издательского опыта стал подготовленный в Красноярске "Енисейский альманах на 1828 год". После журнала "Иртыш, превращающийся в Ипокрену" он был самым крупным издательским проектом за Уралом⁷⁴.

История этого издания тесно связана с деятельностью кружка красноярской интеллигенции, сложившегося вокруг первого енисейского гражданского губернатора А.П. Степанова, не чуждого литературных занятий. Исходным импульсом к изданию альманаха послужила деятельность общества "Беседа о Енисейском крае" (1823—1827), предусматривавшего в своем уставе издание трудов общества и публикацию краеведческих материалов. Среди литераторов и поэтов — участников кружка — можно назвать И.И. Варлакова, С. Рассказова, В.И. Соколовского, председателя Енисейской палаты И.С. Пестова, начальника 1-го отделения губернского совета И.И. Коновалова, советника губернского суда И.Г. Родюкова и др.

Альманах был напечатан в Москве в 1828 г. к 200-летию основания Красноярска тиражом 160 экз. На обложке его значилось: "Красноярск, 1828". Редактором издания был известный поэт И.М. Петров. По-видимому, большую роль в выпуске альманаха сыграл губернатор А.П. Степанов. Иллюстрации к изданию, по предположению некоторых специалистов, создавал Н.А. Степанов, сын губернатора, впоследствии известный художник-карикатурист⁷⁵. Определенную роль во взаимоотношениях издателей с цензурой сыграл московский книгопродавец Ширяев⁷⁶.

В первую, прозаическую часть альманаха вошли такие произведения, как очерки "Путешествие в Кяхту из Красноярска" и "Взгляд на физическое положение Минусинского округа Енисейской губернии" А.П. Степанова, "Чикой и Хиллок" (отрывок из "Писем из Восточной Сибири" А.И. Мартоса), "Монгольские пословицы", переведенные А.В. Игумновым, "Память сердца", "Юность" И.М. Петрова. "Путешествие..." А.П. Степанова было опубликовано позднее во второй части его книги "Повести и путешествие в Маймай-чень" (СПб., 1838). Поэтический раздел альманаха включал 13 стихотворений И.М. Петрова (подписанных), четыре произведения А.К. Кузьмина (три стихотворения и отрывок из поэмы), по два стихотворения С. Рассказова, И. Амвросова, И. Козлова, И. Родю-

кова, И. Варлакова. А.П. Степанов был, по-видимому, автором четырех стихотворений (два из них подписаны), одно стихотворение опубликовал минусинский лекарь Д. Раевский. Кроме того, в альманахе были помещены ноты Попова к песне А.П. Степанова "Я лечу под парусами". Поэты "Енисейского альманаха" развивали мотивы В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова. Им было свойственно романтическое восприятие жизни, любовь к своему краю. В описании Сибири, ее конкретных примет и своеобразия, литераторы и краеведы альманаха сделали значительный шаг вперед по сравнению с авторами тобольского "Иртыша...", чем снижали симпатии не только местных, но и столичных читателей⁷⁷.

Центральная печать тепло откликнулась на появление "Енисейского альманаха", видя в нем проявление "народного духа" и роста просвещения в отдаленных уголках России⁷⁸. "Приветствуем "Енисейский альманах" как дорогого заезжего гостя и рады извинить все его недостатки в уважение дальней дороги и того, что он первое литературное явление с берегов Енисея", — писал рецензент "Московского телеграфа"⁷⁹. Заметил издание красноярцев и "Московский вестник": "Приятное явление в нашей словесности! <...> Утешительно думать, что образованные сыны России по всем странам ее разносят дары просвещения! Приятно слышать, как на гордые песни муз столичных откликаются тихие звуки из отдаленных краев нашего любезного отечества!"⁸⁰

Литераторы Красноярска предприняли попытку издать еще один выпуск альманаха. Это было связано с последним этапом существования кружка вокруг А.П. Степанова, а именно — с кругом молодых красноярцев, создавших в 1829 г. общество "Красноярская литературная беседа" в составе Н.А. Степанова (сын А.П. Степанова), И.М. Петрова, В.И. Соколовского и И.Г. Краснопольского. Президентом общества был избран Н.А. Степанов⁸¹.

По уставу общества каждый из его членов должен был предоставлять "Беседе" не менее четырех работ в месяц. Предусматривались также написание рецензий на произведения товарищей и "критические разборы на пьесы выходящих журналов"⁸². Общество не было сугубо литературным. Так, врач И.Г. Краснопольский собирался писать для него "статьи ученые".

Занятия литературой вылились в идею издания второго "Енисейского альманаха". И.М. Петров и до создания "Беседы" намеревался продолжать выпуск произведений сибирских литераторов. Однако дело затянулось, и, по-видимому, руководство изданием перешло от И.М. Петрова к Н.А. Степанову. В альманахе предполагалось включить главы из романа В.И. Соколовского, стихи поэтов-сибиряков и близких к членам "Беседы" декабристов (например, стихотворение В.Ф. Раевского "Послание к К...ву"). Из столичных литераторов к участию в альманахе пытались привлечь поэта Л.А. Якубовича, друга Н.А. Степанова, и преподавателя Московского университетского благородного пансиона поэта и издателя журнала "Галатея" С.Е. Раича⁸³.

Второй выпуск альманаха так и не увидел свет. Два выпуска "Енисейского альманаха", насколько можно судить, отражали две тенденции в культурном развитии Сибири. Первый продемонстрировал стремление сибиряков сказать новое слово о своей родине, второй скорее ориентировался на столичную европейскую культуру. Однако оба они свидетельствовали о существовании значительного книжно-культурного потенциала, накопленного провинцией.

Гордость за свою родину — Сибирь нашла отражение и в сборнике "Прозаические сочинения учащихся Иркутской гимназии", подготовленном под руководством преподавателя русского языка гимназии И. Поликсеньева и опубликованном в Петербурге в 1836 г. Издание интересно тем, что написано гимназистами,

выходцами из семей интеллигенции (Н. Виноградский), купечества (А. Медников, А. Болдаков, Н. Кузнецов), духовенства (Серебренников). Сборник родился под влиянием Н.А. Полевого, привлечшего внимание русского читателя к Сибири, и его центральной темой была Сибирь, о которой писавшие отзывались восторженно. Большинство сочинений написано под влиянием романтизма⁸⁴. Литературные опыты гимназистов не отличались художественным совершенством, и тем не менее выпуск сборника был примечательным явлением местной культурной жизни, говорил о возросшем интересе сибиряков к издательской практике.

Начало XIX в., особенно 20—30-е гг., отмечено изданием в центре страны ряда книг, написанных сибиряками. Значительным явлением местной книжной культуры стал выпуск работы А.П. Степанова "Енисейская губерния" (СПб., 1835, ч. 1—2). Книга отличалась широтой освещения социально-экономической жизни Сибири, ее истории, этнографии, природной среды. "Енисейская губерния" была создана с учетом широкого круга сибиреведческих публикаций. Включала она и результаты краеведческих изысканий красноярского кружка, сложившегося вокруг А.П. Степанова в 20-х гг. Таким образом, в определенной мере книгу можно считать и итогом многолетней коллективной деятельности сибирской интеллигенции⁸⁵.

Из работ научного характера наибольшего внимания заслуживает двухтомное сочинение П.А. Словцова "Историческое обозрение Сибири" — самое значительное произведение известного историка и публициста. К работе над книгой П.А. Словцов приступил, когда ему было более 60 лет, по выходе в отставку (работал визитатором сибирских училищ), и продолжал ее в течение 12 лет вплоть до своей смерти в 1843 г. Первый том был издан тиражом 300 экз. в 1838 г. в Москве в типографии А. Семевского при Императорской медико-хирургической академии на средства автора. Второй том вышел в 1844 г. в Петербурге в типографии Крайя, с которой П.А. Словцов незадолго до смерти успел заключить контракт⁸⁶.

"Историческое обозрение Сибири" — это не только рассказ о прошлом восточных окраин России, но и плод раздумий целого поколения, взгляд на прошлое, настоящее и будущее края с точки зрения развивающегося буржуазного общества.

Современники не сумели по достоинству оценить труд П.А. Словцова, увидеть новизну его исторической концепции. Они усматривали в работе прежде всего частные недостатки, обвиняя автора в сухости изложения материала, отсутствии этнографических данных, неправильности периодизации сибирской истории. Задетый критическими выпадами, П.А. Словцов выписал весь тираж первой книги к себе в Тобольск. Исчезнув из обращения, сочинение вскоре было забыто⁸⁷.

В 80-х гг. XIX в. книга П.А. Словцова получила свое второе рождение. В 1886 г. она была переиздана в Петербурге и провозглашена энциклопедией восточного края, "настойною книгою всякого будущего исследователя прошлого Сибири"⁸⁸.

Издавались в столицах и беллетристические произведения, написанные сибирскими авторами. Так, в 1834 г. в Петербурге вышла сказка 19-летнего сибиряка П.П. Ершова "Конек—Горбунок", выдержавшая еще при жизни автора несколько изданий. Там же были напечатаны романы И.Т. Калашникова "Дочь купца Жолобова" (1831), "Камчадалка" (1833), повесть "Изгнанники" (1834) и др.; произведения Н.С. Щукина "Посельщик" (1834), "Ангарские пороги. Сибирская быль" (1835),

"Поездка в Якутск" (1844) и др. В Москве вышли сборники стихов И.М. Петрова (1833) и Е.Л. Милькеева (1843).

Активное участие авторов-сибиряков в общерусской периодической печати, выпуск в центре их книг свидетельствовали о немалых изменениях, происходивших на протяжении первой половины XIX в. в развитии книжной культуры края, готовности и способности сибирской интеллигенции своим творческим трудом участвовать в российском и местном книгоиздательском процессе.

5. КНИГА НА ЯЗЫКАХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

С первой половиной XIX в. связано появление книг на языках коренных народов Сибири и Дальнего Востока. По национальному составу аборигенное население зауральских территорий представляло собой пеструю картину племен и народностей тюркской, монгольской, финно-угорской, тунгусо-маньчжурской, самодийской и иных языковых групп. Большая часть из них вошла в состав России уже в конце XVI—XVIII вв. В 1852 г. коренное население края составляло 583 тыс. человек⁸⁹. К наиболее многочисленным народностям принадлежали буряты, якуты, алтайцы, казахи.

Российская колонизация застала местные, в основном кочевые и полукочевые, племена и народности в стадии феодального и патриархально-родового уклада. Большая часть национальных языков была бесписьменной. Исключение составляли восточные буряты, усвоившие вместе с ламаизмом старомонгольскую письменность, и тюрки-магометане (часть татар, казахов), заимствовавшие арабскую графику.

Необходимость хозяйственного, культурного, да и просто бытового общения, а также управления разноязычными народностями азиатской части империи требовала со стороны русского населения и царской администрации определенных усилий и конкретных мер по укреплению межнациональных контактов. Одновременно с этим усиливалась потребность в научном изучении быта, верований, языков местных народностей, ознакомления с ними России и Западной Европы.

В XVIII — первой половине XIX в. экспедиции Императорской академии наук и Русского географического общества вели интенсивное изучение сибирских и дальневосточных территорий. В трудах Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, И.И. Биллингса, М.А. Кастрена, А. Эрмана, О.Н. Бётлингга, материалах многочисленных экспедиций содержались сведения о языках коренных народностей, приводились словари местных языков, записи фольклорных текстов с переводом их на русский язык. Часть из этих материалов печаталась в приложениях к трудам экспедиций, многие остались в рукописях. Среди опубликованных работ наибольшую ценность представляли двухтомный труд П.С. Палласа "Сравнительные словари всех языков и наречий" (СПб., 1787—1789), первая научная грамматика якутского языка "Ueber die Sprache der Jakuten" ("О языке якутов") О.Н. Бётлингга (СПб., 1848—1851), "Опыт грамматики бурятского языка" М.А. Кастрена (СПб., 1857, на нем. яз.), многочисленные монголоведческие исследования О.М. Ковалевского, опубликованные в Казани, и многие другие.

Все эти работы не являются в полном смысле слова частью книжной культуры местных народов. Однако они сыграли важную роль в создании письменности

народов Сибири и Дальнего Востока, научно обоснованного алфавита, соответствующего строю конкретного языка.

В результате общения русскоязычного населения с коренными народностями края, приобщения последних к русской и разработанной на основе русского алфавита национальной письменности создается обширная рукописная литература (языковые словари, записи устных рассказов, переписка русских исследователей с грамотными представителями коренных народностей на их языке, переводы текстов с одного языка на другой и т.д.). Все это способствует накоплению того "культурного слоя", который необходим для возникновения и функционирования национальной книги⁹⁰.

Если исследователи-лингвисты и этнографы закладывали научную основу для создания письменности народов Сибири и Дальнего Востока, то православные миссионеры, выполнявшие начиная с XVII в. задачу христианизации аборигенного населения, были первопроходцами в деле создания произведений печати на национальных языках, предназначенных для самих коренных жителей края.

Миссионеры шли на Восток вместе с первыми русскими землепроходцами и поселенцами, выполняя важный государственный заказ — сделать местного жителя "русским человеком по вере, языку и образу жизни"⁹¹, воспитать его "в духе православия, самодержавия и русской народности"⁹². Империи необходимо было также оградить народы Сибири и Дальнего Востока от монгольского и тюркского влияния, укрепить свои позиции в приграничных районах. На фоне этих широких общеполитических задач Русская православная миссия и проводила свою кропотливую работу по просвещению коренных народностей, орудием которого должно было стать печатное слово. В первые периоды миссионерской деятельности (XVII—XVIII вв.) необходимых изданий еще не было. Миссионеры несли коренным жителям края "слово Христово" на русском языке, одновременно пытаясь обучить их русскому языку и грамоте. Очень скоро миссионерская проповедь на русском языке зашла в тупик, и возникла необходимость перевода основных догматов веры, священных и богослужебных книг на языки просвещаемых народностей. За эту работу и принялись миссионеры, жившие в самых разных уголках Сибири. В первой половине XIX в. был создан довольно солидный запас рукописей духовно-нравственной литературы на языках сибирских народностей, а также грамматик и азбук, предназначенных для обучения "инородцев" первоначальной грамоте. В это же время появляются и первые печатные издания на языках коренных жителей края.

В 1801—1804 гг. в Петербурге издается ряд учебников и словарей для обучения татар Тобольской губернии. Они были составлены священником Софийского собора и учителем татарского языка Главного народного училища Тобольска И.И. Гигановым⁹³. Грамматика И.И. Гиганова стала первой в России, да и в Европе в целом, грамматикой татарского языка, к тому же написанной на местном, сибирском наречии⁹⁴. Она получила высокую оценку в столичной печати. Один из учебников — "Букварь татарского и арабского письма, с приложением слов со знаками, показывающими их выговор", изданный Российской академией наук в 1802 г., был составлен под руководством И.И. Гиганова представителем сибирских татар, учителем Тобольского народного училища Ният-Бакою Атнометовым. Букварь стал кратким руководством для русских по изучению тюркских языков с учетом особенностей разговорного языка сибирских татар. В то же время он был ценным пособием для сибирских татар, казахов и других тюркоязычных народов Сибири по изучению ими русского языка⁹⁵.

В 1812 г. по инициативе Александра I создается Российское библейское общество*, призванное распространять книги Священного писания на языках народов страны. В разных городах возникают отделения этого общества, в том числе в Иркутске, Тобольске, Томске. Тобольское отделение, организованное в 1817 г., пытается собственными силами сделать переводы Нового Завета для народностей Тобольского Севера, например хантов и манси. Иркутское отделение, основанное в 1819 г., становится инициатором ряда миссионерских работ.

Еще до создания отделения, в 1812 г., церковные власти Иркутска выпустили в местной губернской типографии первую книгу на якутском языке — "Молитвы, Символ В[еры] и Заповеди Б[ожьи]. (Начатки вероучения)". В 1819 г. в той же типографии напечатан "Сокращенный Катехизис для учения юношества закону христианскому, переведенный на якутский язык, с приложением на переди таблицы для складов и чтения гражданской печати". Все экземпляры книги были отправлены в Якутск и оттуда разосланы по церквам. При этом священникам вменялось в обязанность не только снабдить прихожан книгами, но и добиться "ревностной охоты" обучаться чтению. Первое издание "Катехизиса" быстро разошлось. В 1821 г. вышло второе издание. Оно включало в себя два параллельных текста — на якутском и русском языках. Алфавит для якутской части, составленный священником Олекминской Спасской церкви Г.Я. Поповым, был далек от совершенства, так как не учитывал специфических звуков якутского языка⁹⁶. В том же году в Иркутской губернской типографии была отпечатана тиражом в 100 экз. "Молитва Господня. Символ веры и десять заповедей закона Божия" (10 с.), переведенная якутскими миссионерами на чукотский язык. Названные издания принадлежат к самым ранним из известных нам сегодня книг на языках сибирских народностей, созданных на местной полиграфической базе.

На протяжении первой половины XIX в. переводческая и книгопечатная деятельность православной миссии не ослабевала. Этому способствовали и распоряжения светских и духовных властей по "инородческому вопросу". Так, в 1822 г. был издан "Устав об управлении инородцев", по которому последним предоставлялось право обучать детей в правительственных учебных заведениях и открывать собственные с преподаванием на родном языке. В 1833 г. Синод принял указ "о совершении богослужения на инородческих языках".

Все это требовало создания учебников для обучения местным языкам и книг для первоначального "духовного чтения". Вскоре встал вопрос и о совершенствовании методики переводов священных книг на языки коренных народностей, так как предыдущий опыт показал полную несостоятельность дословных их переводов, совершенно не соответствующих конкретному складу мышления и языка местных "языческих" народностей.

Начиная с 30-х гг. XIX в. богослужебные и первоначальные учебные книги на языках различных народностей Российской империи, преимущественно восточной ее части, печатались в Петербургской и частично Московской синодальных типографиях. В этот период переводческие и издательские начинания для сибирских и дальневосточных народностей связаны прежде всего с деятельностью миссионера и ученого-этнографа И.Е. Вениаминова (впоследствии митрополита Московского Иннокентия).

По окончании Иркутской духовной семинарии он был отправлен в 1824 г. в качестве миссионера на Алеутские острова. Изучив алеутский и лисьевский язы-

* В 1826 г. общество было распушено по настоянию наиболее реакционных слоев духовенства.

ки, он перевел на них ряд книг Священного писания, молитвы, составил букварь и грамматику алеутского языка, русско-колошский словарь. В создании национальной письменности, алфавита и переводе священных текстов принимали участие и сами алеуты, оказавшиеся чрезвычайно восприимчивыми к усвоению навыков чтения и письма. Так, серьезную помощь И.Е. Вениаминову в разработке письменности и переводческом труде оказывали алеут И. Паньков-тоен Тигалды (остров Креницына), свободно владевший русским языком и грамотой еще до появления миссионера, креол Я. Нецветов, окончивший Иркутскую духовную семинарию и переведивший священные тексты (Евангелие, Катехизис, части из Нового Завета) на ахтинский диалект алеутского языка.

Первой книгой на алеутском языке был Катехизис, переведенный И.Е. Вениаминовым при участии И. Панькова и изданный в Петербурге в 1832 г. в количестве 400 экз. Для него пришлось отлить специальный шрифт.

В 1836 г. в Москве в типографии Синода был отпечатан "Алеутский букварь", впоследствии выдержавший несколько изданий. В 1840 г. там же вышло на алеутском языке Евангелие от Матфея. В церкви Вознесения на Уналашке до сих пор хранится первое издание Евангелия, подготовленное И.Е. Вениаминовым. Книга имеет богатое серебряное покрытие, украшенное миниатюрными иконами на эмалевых вставках. Страницы издания хранят пометы миссионера, сделанные для чтения годового цикла служб.

Петербургская типография Академии наук выпустила в свет одобренный Академией труд И.Е. Вениаминова "Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка" — единственную в то время обстоятельную работу по языкам народностей Дальнего Востока. Она была частично переведена во Франции и Германии. Известно и сочинение И.Е. Вениаминова на алеутском языке — "Указание пути в царствие небесное", вышедшее в Москве в 1842 г.⁹⁷

В "Каталоге русского отдела Международной выставки печатного дела и графики в Лейпциге" (СПб., 1914, с. 45) был представлен и ряд других изданий на алеутском языке, относящихся к 40-м гг., — "Начатки христианского учения" (СПб., 1840 и 1847), "Алеутско-кадьякский букварь" (1848), "От Матфея Святое Благовествование" (1848). По-видимому, и эти работы имеют прямое отношение к деятельности И.Е. Вениаминова.

С именем И.Е. Вениаминова связаны и миссионерские издания 40—50-х гг. на якутском языке. Он сам перевел на якутский язык ряд религиозно-нравственных книг, а также содействовал широкой переводческой деятельности местных священников. Так, сделанный по предложению И.Е. Вениаминова священником якутской Николаевской церкви М. Ощепковым перевод Катехизиса был в 1844 г. напечатан в Синодальной типографии Петербурга ("Краткий катехизис на русском и якутском языках"). Якутский текст воспроизведен славянскими литерами с дополнительными знаками.

К 40-м гг. XIX в. относится и первое литературное произведение, созданное на якутском языке. Оно связано с работой О.Н. Бётлингга над академическим трудом по якутской грамматике. Встретившись в Петербурге с А.Я. Уваровским (по матери якутом, уроженцем Жиганска) он попросил последнего написать на якутском языке воспоминания о своей жизни и обычаях местного населения. Так в 1846 г. появилась рукопись "Воспоминаний", которая вместе с другими текстами А.Я. Уваровского вошла в книгу О.Н. Бётлингга "О языке якутов". "Воспоминания" А.Я. Уваровского, написанные просто и образно, раскрывали художественные возможности якутского языка, закладывали основы национальной литературы⁹⁸.

В первой половине XIX в. создается письменность и первые рукописные произведения на алтайском языке. Они связаны с деятельностью основателя Алтайской духовной миссии, архимандрита Макария (Глухарева). За время своего пребывания в крае (1830—1844) Макарий изучил алтайский язык и его наречия, составил словарь на три тысячи слов, разработал на основе русского алтайский алфавит. Он первым перевел на алтайский язык избранные места из книг Ветхого Завета, краткую священную историю, почти все Евангелия, избранные места из Деяний святых апостолов Иоанна Богослова, многие псалмы. Все эти работы не были напечатаны. Многие рукописи, по-видимому, погибли в пожаре 1886 г., когда сгорел Бийский архиерейский дом и архив Алтайской духовной миссии. Но деятельность архимандрита Макария по переводу и подготовке к изданию книг на алтайском языке не пропала даром. Многие его переводы в несколько измененном виде были напечатаны в 60-х гг. XIX в.⁹⁹

Более сложно и многоаспектно формировалась книжная культура у бурят, восточная часть которых издавна пользовалась старомонгольской письменностью и привозной литературой на монгольском и тибетском языках. Собственное книгоиздание на территории Бурятии зародилось, по-видимому, в самом начале XIX столетия. В рукописном отделе БНЦ СО РАН хранится несколько старопечатных изданий на монгольском языке, которые по ряду признаков имеют местное происхождение. На первых порах печатание производилось в Гусиноозерском, Цонгольском и других забайкальских дацанах с матриц-баров, завезенных из Монголии, но вскоре буряты и сами освоили традиционную восточную технику печати. Изготовлением ксилографических досок (баров) занимались не только ламы-профессионалы, но и ремесленники, резчики по дереву и металлу, владевшие тибетской или монгольской грамотой. Отгиски производились, как правило, на русской бумаге. Многие бурятские ксилографы не имели выходных данных. К тому же с одних и тех же досок тексты по мере необходимости допечатывались на протяжении десятилетий. Все это затрудняет датировку значительной части работ.

Среди первых изданий, упоминаемых в архивных источниках, можно назвать книгу "Дага еке-уин qorin nigen murgue", напечатанную красной краской в Гусиноозерском дацане. Она была включена в реестр книг на монгольском языке, составленный в 1820 г. по запросу М.М. Сперанского¹⁰⁰. Находившийся в конце 20-х — начале 30-х гг. среди забайкальских бурят востоковед О.М. Ковалевский отмечал, что буряты неоднократно выполняли его заказы на печатание книг. Так, в типографии Цонгольского дацана по его просьбе была отпечатана на монгольском языке книга "Кганджурун джирукэну хорьянкгуй" ("Сущность Ганджура")¹⁰¹. Кроме того, для Казанской университетской библиотеки О.М. Ковалевский выслал "две книги на деревянных досках, напечатанных ламами при Цонгольском дацане, как образец искусства бурят"¹⁰². Сведения о книгопечатании у бурят встречаются в записках английских миссионеров, бурятском сборнике "степных законов" 1841 г., путевых заметках путешественников¹⁰³.

Помимо ламаизма и связанной с ним книжной культуры, к бурятам в первой половине XIX в. начали проникать и догматы христианской веры. Они пришли с запада, и их носителями были члены различных христианских духовных организаций. Академик-ориенталист Яков (Исаак) Иванович Шмидт, казначей и штатный переводчик Российского библейского общества, в 1832 г. в Петербурге опубликовал на немецком и русском языках первую отечественную "Граматику монгольского языка". В 1835 г. вышла и "Грамматика монгольского языка" право-

славного миссионера, иркутского священника и преподавателя А.А. Бобровникова. Обе книги стали первыми учебниками, по которым обучали бурят грамоте.

Академику Я.И. Шмидту принадлежит и первый в России полный перевод Библии на монгольский язык, сделанный по поручению Библейского общества. В работе принимали участие два хоринских бурята: Бадма Моршунаев и Номто Унагаев. В 1827 г. труд был завершен. В библиотеке Иркутского областного краеведческого музея сохранилось три экземпляра "Деяний апостолов", напечатанных в Петербурге в 1820 г. По своему оформлению книги напоминали буддийские издания — имели длинные узкие страницы, перелистываемые от конца к началу. По замыслу исполнителей такая форма должна была приблизить книги христианского вероучения к восприятию читателей-бурят. Однако, по свидетельству современников, издание без комментариев воспринималось с трудом и в большей степени вошло в научный оборот, чем в читательский.

Следующий перевод Священного писания на монгольский язык принадлежал членам Сибирской миссии Лондонского миссионерского общества.

Переводческая и издательская деятельность английских миссионеров в Забайкалье — примечательная страница истории культурных связей Запада и Востока. Поселившись в Восточной Сибири в 1817 г., члены Лондонского миссионерского общества — Р. Юилль, В. Сван и Э. Сталлибрасс — в 1834—1835 гг. организовали близ Селенгинска и в Ходоне типографии для печатания религиозных и учебных книг на монгольском языке. Наборщиками были буряты: Б. Купчиков, Д. Цойзобов, Г. Абагуев, которыми руководил опытный печатник Дж. Аберкромби¹⁰⁴. Для отливки тибетского шрифта по заказу Р. Юилля местный кузнец выковал железные матрицы. Об изготовлении монгольского шрифта Юилль договорился с Петербургом, где уже печаталась "Грамматика монгольского языка" Я.И. Шмидта. Все типографские работы (отливка литер, набор и печатание, переплет книг) производились бурятами — учениками миссионеров. Бумагу для типографии привозили из Астрахани, со складов шотландской закрытой миссии, и из Петербурга.

Миссионеры изучили монгольский язык и перевели на него книги Священного писания, составили монгольский словарь и монгольскую азбуку для бурят (автор последней — Р. Юилль). В Селенгинской типографии в 1834 г. были изданы начальные главы Ветхого Завета, включавшие все Пятикнижие Моисея, переведенное на монгольский язык Э. Сталлибрассом. Книга отпечатана тиражом в 500 экз. и переплетена в европейской традиции. Известно, что за границей сейчас находится три экземпляра этого издания — в Британской библиотеке Лондона, Бодлеанской библиотеке Оксфордского университета и Королевской библиотеке Стокгольма¹⁰⁵. Редчайший экземпляр книги с автографом Дж. Аберкромби хранится в библиотеке Иркутского областного краеведческого музея. С 1836 г. книги английских миссионеров печатались в Ходоне. Э. Сталлибрасс и В. Сван внесли в переводы некоторые изменения, улучшили шрифты. В 1838—1839 гг. здесь были отпечатаны отдельные части Священного писания (2 книги Царств, книга Эздры, книга Иова, Псалтырь и др.). Последним ходонским изданием стал Ветхий Завет, выпущенный в 1840 г. В отличие от предыдущих, это издание имело очень богатый переплет. Вся книга была отпечатана с оттисков 1837—1839 гг.

В 1840 г. русское правительство запретило деятельность английской миссии в Забайкалье, видя в ней зачатки британской экспансии на Дальнем Востоке. После отъезда англичан из Ходона последнее издание Ветхого Завета попало в Петербург, где частично осело в Лондонской миссии. Остальные экземпляры оказались в Англии. В Лондоне, по настоятельной просьбе бывших забайкальских

миссионеров, печатание уже готового перевода Библии продолжилось. В 1846 г. в типографии Уильяма Ватсона вышел Новый Завет. Так как сибирские шрифты вместе со станком были проданы на месте, книга печаталась маньчжурским шрифтом, которым располагало Британское библейское общество. Издание Нового Завета предназначалось для распространения в Бурятии, Монголии и Тибете.

По свидетельству знатоков бурят-монгольского языка, переводы английских миссионеров были наиболее удачными из всех существовавших ранее, так как сочетали в себе благородство книжного монгольского языка, необходимое для перевода Священного писания, и доступность бурятского разговорного. Однако эти книги не получили распространения в сугубо ламаистской среде забайкальских бурят. По словам православных миссионеров 60-х гг. XIX в., "ламы истребили все, что ни распространяли в народе английские миссионеры"¹⁰⁶.

В отличие от восточных, западные буряты, среди которых ламаизм не получил достаточного распространения, монгольской письменностью не владели. Грамотность и книга шли к ним теми же миссионерскими путями, что и к другим бесписьменным народам Сибири. Их просвещение было связано, прежде всего, с развитием русской школы. Для успешной работы бурятских училищ в Иркутской губернии большое значение имели учебники, соответствующие языковым потребностям учащихся. Первым попытался использовать русский алфавит для печатания книг на бурятском языке учитель Балаганского училища Я.А. Болдонов. В 30-х гг. он перевел на бурятский язык "Наставление для прививания предохранительной оспы", книжку для детей "Золотая азбука", "Правила для учащихся в народных училищах". Последняя работа была издана в Казани в 1843 г. Монгольский текст был воспроизведен кириллицей. В 1844 г. Я.А. Болдонов прислал в Казань переводы Священной истории на монгольский и бурятский языки. Переводы рассматривались востоковедом О.М. Ковалевским, но не были приняты. В 1849 г. в типографии Казанского университета был напечатан перевод на монгольский язык Ветхого и Нового Заветов самого О.М. Ковалевского. Издание, выпущенное тиражом 1200 экз., предназначалось бурятам Иркутской губернии (1160 экз. было отправлено в Иркутскую дирекцию народных училищ, остальные — в Министерство народного просвещения). По свидетельству Иркутской дирекции, за три последующих года не было продано ни одной книги "по неимению желающих на приобретение их из бурят"¹⁰⁷. Дальнейшая работа по созданию букварей, грамматик, богослужебных христианских книг для западных бурят происходит уже во второй половине XIX в.

6. ПУТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КНИГИ. КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ

Насыщение культурного пространства России книжной продукцией в первой половине XIX в. происходило значительно интенсивнее, чем в предшествующий период. Этому в немалой степени способствовала деятельность В.А. Плавильщикова, И.П. и И.И. Глазуновых, И.В. Сленина, Я.А. Исакова, и особенно А.Ф. Смирдина. Если в начале XIX в., после прекращения издательской и книготорговой деятельности Н.И. Новикова, усилилась роль иностранных книгопродавцов, то после Отечественной войны 1812 г. положение изменилось. Уже в 30-х гг. в России существовало более 100 частных книжных лавок¹⁰⁸.

В восточной части страны стационарная книжная торговля продолжала оставаться в зачаточном состоянии, однако и здесь можно отметить определенный ее рост. Специализированных книжных магазинов еще не существовало, но, по свидетельству литератора М. Александрова, в Иркутске в 20-х гг. на мелочном базаре продавались газеты, периодические издания прошлых лет и разные книги. Нечто вроде книжной лавки пополам с читальным залом в 50-х гг. было у купца Окулова. Лавкой пользовалась образованная часть иркутян, иногда сюда заходил и генерал-губернатор Н.Н. Муравьев. Позже, в 1857 г., это же книжное собрание продавалось в магазине китайских товаров купца Ефимова, в доме, где раньше был магазин Окулова¹⁰⁹.

Частная торговля книгами в 50-х гг. существовала и в Томске. По воспоминаниям Н.М. Ядринцева, книги продавались в лавке П.И. Хлебникова вместе с дегтем, чаем, карандашами и пр. Помимо купеческих лавок и магазинов, пунктами книжной торговли выступали общественные и публичные библиотеки, канцелярские учреждения и конторы. При фундаментальных библиотеках учебных заведений существовали так называемые "продажные библиотеки", где можно было купить учебники и некоторые другие книги¹¹⁰.

Практиковалась также покупка книг для учреждений у частных лиц, несмотря на то что это было запрещено указом 1818 г. Ряд училищ снабжались книгами через дирекцию из "продажных библиотек" и "магазинов"¹¹¹.

Наиболее заметная инициатива по организации книжной торговли в Восточной Сибири принадлежала Сибирскому отделу Императорского Русского географического общества (СОИРГО), созданному в Иркутске в 1851 г. При непосредственной помощи его членов в 1852 г. в Иркутске появился первый книжный магазин. Еще до его открытия члены общества закупили книг на сумму более 500 р. Кроме того, передовая часть сибирской интеллигенции жертвовала создаваемой при СОИРГО библиотеке научные и научно-популярные издания, отмечая, что книги, которые не понадобятся отделу, можно продать. Вскоре при Сибирском отделе РГО началась торговля книгами. Создание такого книжного склада (магазина) послужило толчком к дальнейшему развитию всей книжной торговли в Восточной Сибири¹¹².

В первой половине XIX в. за Уралом использовались три нестационарные формы книжной торговли: мелочная, ярмарочная и почтово-посылочная. У торговцев мелочным товаром ("мелочников") наряду с нитками, иглками, зеркальцами можно было купить "разные азбуки, оракулы и песенники". Эти торговцы, которых называли офенями, довольно часто проникали в Сибирь из-за Урала и добирались до Забайкалья¹¹³.

Кроме того, лубочные издания, сборники стихов поэтов из народа, псалтыри и часословы можно было купить на Ирбитской, Нижегородской (позднее — Макарьевской), а также на ряде сибирских ярмарок. Прежде всего эти книги приобретали купцы, ездившие сюда со своими товарами. Основная масса сибиряков покупала книги только на местных ярмарках, где их выбор был ограничен. Например, в 1817—1820 гг. на ярмарке в Верхнеудинске торговал лишь один купец Дмитрий Сутягин, да и то лишь часословами. На Ирбитской и Нижегородской ярмарках можно было увидеть литературу по общественным наукам, в том числе и запрещенную, например произведения А.И. Герцена¹¹⁴.

Приобретались книги и на дому у продавцов как в городах, так и в деревнях. В крестьянской среде можно было купить и рукописные сочинения¹¹⁵.

Одной из распространенных форм нестационарной книжной торговли оставалась подписка и выписка печатной продукции. Кроме книг выписывали газеты,

журналы, ноты и т.п. Учреждения Алтайских и Нерчинских заводов и рудников, как и в XVIII в., отправляли заказы на необходимые им книги с "золотыми" и "серебряными" караванами в Петербург, где закупку и привоз изданий в Сибирь осуществляли горные офицеры, которые сопровождали караваны¹¹⁶. Уже в начале XIX в. представители купечества, чиновники и городские мещане Сибири выписывали различные книги и журналы из столичных магазинов и даже из-за границы. В 1818 г. они организовали "Компанию для выписки периодических изданий и книг". Подобные читательские группы существовали в Киренске, Якутске, Верхнеудинске, Нерчинске, Кяхте. Особенно широко это дело было поставлено в Кяхте. Здесь местные купцы и чиновники выписывали большую часть современных им сборников, журналов и газет¹¹⁷. На выходящие непериодические издания использовалась предварительная подписка. Так, в начале сборника "Прозаические сочинения учеников Иркутской гимназии", изданного в Петербурге в 1836 г., был опубликован список "Имена особ, благоволивших подписаться на книгу..." В списке значилось 170 человек — представителей всех социальных слоев. Подписчиками были не только жители Иркутска, но и Тельминской фабрики, Александровского завода, Кяхты, Нерчинска, Киренска, Омска, Нижнеудинска, Верхнеудинска, Якутска¹¹⁸.

В начале XIX в. жители Сибири выписывали главным образом периодику — газету "Московские ведомости", журналы "Вестник Европы", "Сын Отечества". Эти же издания получали присутственные места и владельцы частных библиотек (семья Полевых, Ф. Дудоровский, М. Бажанов, братья Трапезниковы, В.Н. Баснин и др.¹¹⁹ Во второй четверти XIX в. периодические издания получали многие жители губернских центров (в основном чиновники), в уездных городах их было значительно меньше. В то же время подписчиков на газеты можно было встретить даже среди крестьян и казаков¹²⁰.

Первые известные нам сведения о массовой подписке на книгу относятся ко времени выхода в свет "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина. В числе подписчиков на нее были чиновники, купцы, мещане, представители духовенства, крестьяне. О выходе издания было объявлено в конце 1817 г. в "Сыне Отечества", а 1 февраля 1818 г. этот журнал объявил о продаже "Истории" в Петербурге. Огромный для того времени тираж — 3000 экз. — был реализован меньше чем за месяц. Купцы, приобретавшие это издание, часто везли его для перепродажи в провинцию, в том числе и в Сибирь. Любопытный факт отмечает Н.М. Карамзин в письме к В.Н. Каразину от 27 февраля 1818 г.: "Вообразите, что в числе сибирских субскрибентов (подписчиков. — Ред.) были крестьяне и солдаты отставные"¹²¹. Только в Иркутск к декабрю 1817 г. было выписано 50 экз. сочинения. Значительное количество крестьян-подписчиков на это издание отмечается и в современной исследовательской литературе¹²².

Архивы сохранили документы о выписке сибирскими чиновниками книг из столичных магазинов и издательств. Инженерами Алтайского горного округа и чиновниками Томского губернского управления в 1839 г. была, например, оформлена подписка на петербургские издания — многотомный "Военно-энциклопедический лексикон", альманах "Сто русских литераторов", журнал "Модные картинки", иллюстрации которого изготовлялись в Париже¹²³.

Сибиряки подписывались на произведения А.А. Бестужева-Марлинского, А.С. Пушкина. Подписка на "Собрание сочинений А.С. Пушкина" была проведена даже в далеком Охотске¹²⁴.

В течение первой половины XIX в. постоянно возрастало число тех, кто подписывался на книги и периодические издания добровольно, а не в принудитель-

ном порядке, как это было в конце прошлого столетия. Тем не менее распространение печатной продукции "сверху" по административным каналам и в этот период продолжало широко использоваться. Механизмы книгораспространения, как и прежде, зависели от степени социального развития местного общества¹²⁵. Обычно губернские и областные правления посылали в нижестоящие инстанции — волостные и городские управы, степные думы, полицейские участки, заводские канцелярии, штабы военных организаций, исполнительные экспедиции и т.д. — распоряжения об обязательной выписке определенных изданий и высылке за них денег в типографию или в губернское казначейство. Так, в 1834 г. издатель Г.К. Фридебург, желая как можно шире распространить работу "Российский царственный дом Романовых", получившую одобрительные отзывы царя и Ученого комитета, обратился за содействием к генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву. Последний дал указание подписаться на это издание всем гражданским губернаторам и градоначальникам региона¹²⁶.

По сравнению с XVIII в. в первой половине XIX в. новым явлением становится приглашение к подписке. В переписке по этому поводу появляются либеральные формулировки, типа "не пожелает ли кто купить помянутые книги". Заказы на издания принимались через почтовые конторы, адресовались в редакции, экспедиции, лично авторам. При рассылке религиозной литературы церковными властями действовал сходный механизм книгораспространения. Деньги за проданные книги направлялись в духовную консисторию. Правда, издания раскупались неохотно.

По административным каналам распространялась, как правило, и печатная продукция сибирских типографий и литографий.

Правительство и местная администрация прилагали усилия для распространения по селам составленных в Петербурге и сибирских губернских центрах рекомендаций и справочников: о первой помощи при несчастных случаях, о целебных свойствах трав, о способах лечения сибирской язвы и детских болезнях. Наряду с платным регламентированным книгораспространением существовало и бесплатное¹²⁷.

Значительную роль в распространении книги за Уралом в первой половине XIX в. играли различные ведомства. Например, снабжение пособиями учебных заведений осуществлялось Главным правлением училищ, в которое директора направляли списки необходимых изданий. Однако при незначительных ассигнованиях правительства на нужды просвещения даже гимназии Сибири испытывали недостаток в учебниках. Особенно это касалось училищ и школ, находящихся в ведении Министерства народного просвещения¹²⁸.

Бесплатным регламентированным книгораспространением занимались в России и некоторые научные и просветительные общества, в сферу деятельности которых попадала и восточная часть страны. Если в крае не было отделов или филиалов этих обществ, то их издания распространялись по административным каналам. Например, Штаб корпуса горных инженеров через Алтайское горное правление рассылал по Сибири экземпляры журнала "Сельское чтение" (выпускался в свет обществом русских литераторов). Так же рассылались по восточным губерниям и отдельные издания Вольного экономического общества (ВЭО). В 1852 г., например, Совет ВЭО, откликаясь на просьбу генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, решил высылать бесплатно свои труды и журналы для только что учрежденного Забайкальского казачьего войска. Издания по сельскому хозяйству попадали за Урал и из Московского общества сельского хозяйства (МОСХ). Это было связано с тем, что вопрос о состоянии сельского

хозяйства был очень важен для общества. В 20—50-х гг. в России возникает около 20 периферийных обществ по сельскому хозяйству, в том числе и в Сибири. МОСХ рассылало издания не только учреждениям, но и индивидуальным подписчикам. Литература проникала даже на Камчатку¹²⁹. Распространением книг Священного писания на различных языках народов Сибири, России и мира занималось Российское библейское общество, организованное в 1812 г. Тобольский филиал этого общества на первых порах выписывал из его Комитета Библии на тех языках, которые могли использоваться в губернии, — финском, татарском, еврейском, греческом, шведском. Одновременно предпринимались попытки распространения и собственных переводов частей Нового Завета на языки коренных народностей Тобольского Севера. С 20-х гг. по Сибири и Дальнему Востоку рассылались отпечатанные в Иркутске молитвы на чукотском языке, "Поучительные слова" архиепископа Филарета и составленная архиепископом Вениамином "Новая скрижаль" в четырех книгах. Молитвы на чукотском языке распространялись русскими проповедниками. "Поучительные слова" Филарета были присланы из Синода членам Тобольской духовной консистории, настоятелю Тюменского монастыря, томскому и енисейскому архимандритам, а также церковным служителям в крупные города Сибири. Духовные правления обязаны были сделать заявку и оплатить почтовые расходы. Точно так же распространялась книга "Новая скрижаль", но здесь инициативу проявила сама Тобольская духовная консистория. Однако нередко церковные власти даже инициативу на местах превращали в принудительные действия и вымогали деньги у подчиненных им церквей. Таким образом они решали еще одну задачу — освобождались от залежавшейся литературы¹³⁰.

С 1819 по 1840 г. среди забайкальских бурят в Селенгинском и Хоринском ведомствах активно распространяли богословскую христианскую литературу, изданную на монгольском и бурятском языках, английские миссионеры¹³¹.

Среди других форм проникновения книги за Урал следует отметить их покупку на аукционах, привоз специалистами из Европейской России по личной инициативе, обмен научными изданиями. Иногда на аукционах по распродаже имущества продавали и книги. Например, по указу Нерчинского горного правления от 19 октября 1849 г. в Нерчинском заводе "с аукционного торга" были проданы книги умершего в Акатуе декабриста М.С. Лунина. Эту библиотеку приобрел ученик декабристов поручик В.Ф. Янчуровский¹³².

Порой книжная торговля приобретала форму незаконного промысла. Так, в 1841 г. при проведении инвентаризации Томской публичной библиотеки выяснилось, что "убыль" литературы составила 45 книг и 13 периодических изданий. Оказалось, что поселенец Власов торговал на базаре и библиотечными книгами¹³³.

Сибиряки — учащиеся Земледельческой школы Московского общества сельского хозяйства, завершившие учебу, привозили с собой на родину книги по сельскому хозяйству, в том числе издания МОСХ¹³⁴.

Личное нерегламентированное книгораспространение противостояло в Сибири административно-принудительному и особенно получило развитие со второй четверти XIX в. Этому способствовало поселение за Уралом ссыльных декабристов, поляков — участников восстания 1830—1831 гг., петрашевцев. Благодаря им, а также либерально настроенным чиновникам из местной администрации, ученым, педагогам в Сибирь проникала литература по различным отраслям науки и по наиболее злободневным общественно-политическим проблемам, в том числе и запрещенные книги.

Исследователям, жившим в первой половине XIX в. в Сибири (например, Г.С. Карелину, П.А. Словцову, Н.С. Турчанинову и многим другим), довольно часто отправляли экземпляры своих трудов русские и зарубежные коллеги. П.А. Словцову, по его просьбе, а иногда и по собственной инициативе значительную часть книг из центра присылал И.Т. Калашников. Порой П.А. Словцов просил его высылать книжные каталоги, в том числе и французские. Ознакомившись с ними, он обращался к И.Т. Калашникову с просьбой о покупке выбранных изданий. Кроме И.Т. Калашникова для П.А. Словцова книги покупали и другие сибиряки, жившие в столичных городах¹³⁵.

Довольно часто проникновение на восток страны иноязычных изданий было связано с посещением края иностранцами, служившими здесь, путешествовавшими или попавшими за Урал в результате ссылки, миссионерской деятельности и т.д. Они получали книги, журналы, газеты на родном языке от знакомых или соотечественников, пользовались книгами, оставленными их предшественниками. Как правило, эти издания со временем становились достоянием сибиряков.

Порой книги, попадавшие в Сибирь в малом количестве, распространялись посредством переписывания. Это было характерно для крестьянской и городской среды (городских низов и представителей интеллигенции), так как обходилось дешевле, чем покупка книг, к тому же нужные работы не всегда можно было приобрести. В первой половине XIX в. распространялись среди сибиряков рукописные газеты и журналы, создаваемые в крае¹³⁶.

Одним из источников книгораспространения были личные (частные) книжные собрания, владельцы которых обычно предоставляли свои книги для чтения друзьям и знакомым.

В 20—30-х гг. декабристы, находясь в Петровском каземате, организовали свою газетно-журнальную артель, которая выписывала все русские и около 20 иностранных периодических изданий. Выходя на поселение, они увозили часть книг с собой. Например, И.Д. Якушкин повез в Ялуторовск около ста книг, которые в дальнейшем стали основой библиотеки ссыльных революционеров Западной Сибири. Позже, на поселении в Туринске, декабристы создали книжную артель, подобную той, что была в Петровском каземате. Обмен литературой совершался как внутри поселений, так и между ними. Часть изданий декабристы получали из Европейской России на свое имя, а часть — на имя друзей (например, Н.А. Балакшина, С.Я. Знаменского). Активно снабжали литературой декабристов их родственники: И.А. Фонвизин, Н.И. Пущин, И.Н. Шереметева — теща И.Д. Якушкина и его сыновья, И.Р. Малиновский — брат А.Е. Розена, дочери А.Ф. Бриггена, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский. Первый номер "Полярной Звезды" в 1855 г. был привезен в Сибирь Е.И. Якушкиным, сыном декабриста И.Д. Якушкина, откомандированным сюда по делам службы¹³⁷. В значительном количестве (до 150 томов за один раз) новые книги поступали из Петербурга (например, к М.А. Фонвизину в Курган, Нарышкиным от Е.М. Голицыной). Часть литературы декабристы получали от своих товарищей из Восточной Сибири¹³⁸.

Братья Никита и Александр Муравьевы еще в период пребывания в каземате имели большую библиотеку, пополнявшуюся их матерью Екатериной Федоровной из ее богатейшего московского собрания. Выйдя на поселение в с. Урик под Иркутском, они перевезли книги с собой. Следует также отметить, что журналы и сочинения русских писателей попадали в сибирские библиотеки декабристов довольно скоро после их выхода в свет.

В первые же месяцы после получения декабристами в Петровском Заводе книг они становились доступными местному населению. После выхода

на поселение декабристы дарили книги своим "союзникам" — людям, разделявшим их взгляды или им сочувствовавшим, своим сибирским ученикам — русским, бурятам. Часть книг они пожертвовали в фонды местных библиотек (в Кургане — А.Ф. Бригген, в Иркутске — С.П. Трубецкой, С.Г. Волконский и т.д.). Бурятскую молодежь, учившуюся в русско-монгольской школе в Кяхте, переведенной затем в Селенгинск, в 30—40-х гг. снабжали книгами декабристы М.А. Бестужев и А.А. Бестужев-Марлинский¹³⁹.

Декабристы, предпочитавшие обмениваться книгами или дарить их, иногда все же их продавали. Например, в 1844 г. В.К. Кюхельбекер, получив разрешение на переезд из Акши в Курган, попросил декабриста А.В. Поджио распространить среди иркутских знакомых как бы по подписке часть книг. За 10 книг было выручено 50 р.¹⁴⁰

Распространялась среди декабристов и рукописная литература. Уже в 1837 г. они нелегально получили список рукописи В.И. Даля, очевидца предсмертных дней А.С. Пушкина. Это произведение имело хождение среди друзей декабристов. С середины XIX в. в рукописях ходили по рукам сатирические стихи, драмы, трагедии, комедии, водевили (например, "Золотая пшеничка" в четырех действиях, сатирическое стихотворение "Губернатор Носович", "Ода на отъезд графа Муравьева из Иркутска" и т.п.)¹⁴¹.

Своеобразной формой распространения рукописных книг в Сибири являлась переводческая деятельность. И.И. Пущин и В.И. Штейнгель, например, находясь на каторге в Забайкалье, перевели две части "Записок Франклина", Н.А. Бестужев и М.А. Фонвизин перевели в Сибири отдельные главы книги А. Токвиля "О демократии в Америке". Перу А.Ф. Бриггена принадлежит перевод "Записок о Галльской войне" Г.Ю. Цезаря, "Заговор Катилины" Г.К. Саллюстия, "Диалоги" Диогена¹⁴². Эти переводы пользовались огромным спросом среди декабристов и распространялись в их среде.

Польские повстанцы, попавшие в Сибирь, общаясь с декабристами (во время их следования по этапам и на поселениях), получали от последних книги. Юстиниан Руциньский отмечал: "...кроме того, снабдили нас значительным количеством книг весьма серьезного содержания, которые были для нас подлинно полезной умственной пищей". Каспер Машковский свидетельствует о том же: "...как могли, снабжали одеждой, продуктами, а также превосходными книгами"¹⁴³.

Проникали книги и к петрашевцам. Например, Ф.М. Достоевский, находясь в 1850—1854 гг. в Омском остроге, имел Библию, присланную ему братом из Петербурга (ее, правда, вскоре украл один из арестантов). Передавали Ф.М. Достоевскому здесь журналы и книги ссыльные гардемарины, исполнявшие часто обязанности караульных начальников, старший врач госпиталя Троицкий, адъютант корпусного инженера генерала Борисовского К. Иванов. От брата из Петербурга Ф.М. Достоевский получал книги и позже, в 1854—1856 гг., находясь в Семипалатинске, где нес службу¹⁴⁴.

На Дальнем Востоке распространение книг в основном происходило по тем же каналам, что и в конце XVIII в.: с помощью различных экспедиций, например Амурской экспедиции Г.И. Невельского (1849—1855 гг.); через почту, книгонош-евангелистов, различного рода административные учреждения, как светские, так и церковные. Точно так же книга попадала в этот период и к аборигенам Дальнего Востока. Но здесь ведущую роль играли административные пути книгораспространения¹⁴⁵.

В первой половине XIX в. продолжали активно развиваться культурные связи с Русской Америкой. На кораблях первой отечественной кругосветной экспе-

диции 1803—1806 гг. уполномоченный от Российско-Американской компании (РАК) Н.П. Резанов доставил в русские колонии, наряду с другими необходимыми предметами, и книги. Издания собирались главным образом с помощью пожертвований, в которых принимали участие видные политические и культурные деятели России — графы Н.П. Румянцев, П.А. Строганов, адмирал В.П. Чичагов, министр юстиции и писатель И.И. Дмитриев, близкий друг Александра I Н.Н. Новосильцев и др. Посылались "Труды" Вольного экономического общества, учебники и учебные пособия на разных языках, чертежи судов, карты. "Реестр книгам, от императорской Академии наук в Америку посылаемых" включал 48 названий книг в 213 томах, в их числе: истории — российская, римская, Америки; основы минералогии, ремесел, азбуки, буквари; домашний лечебник, французский лексикон, книги М.В. Ломоносова, С.П. Крашенинникова, Д. Дефо и многие другие. Митрополит Амвросий отправил 44 наименования книг для церковной службы¹⁴⁶.

Главное правление Российско-Американской компании в Санкт-Петербурге и в дальнейшем продолжало снабжать книгами русские поселения Америки. Особенно большие заслуги в этом принадлежали К.Т. Хлебникову — правителю Ново-Архангельской конторы, а затем одному из директоров РАК. Заметную роль в распространении изданий в Русской Америке играли будущие декабристы. Архивные документы хранят список "Периодические издания 1825 г., отправленные через Охотск по почте, марта 27 дня 1825 г.", подписанный правителем канцелярии Главного правления РАК К.Ф. Рылеевым. Среди изданий — ряд газет и журналов, "Свод русских узаконений по части военной и судной", "Думы" К.Ф. Рылеева и др.

В целом же, по справедливому замечанию лейтенанта Л.А. Загоскина, относящемуся к 1840 г., Ново-Архангельск — столица российских владений в Америке — в культурном отношении находится "ближе к Петербургу, чем большая часть наших провинциальных городов"¹⁴⁷.

Таким образом, по сравнению со второй половиной XVIII в. система книгораспространения за Уралом кардинально не изменилась, наметились лишь некоторые черты ее либерализации и демократизации. Местная (стационарная) книжная торговля развивалась крайне медленно. Преобладающей формой книжной торговли по-прежнему оставалась почтово-посылочная. Накопление, перераспределение и использование книжных богатств резко увеличилось в связи с появлением в крае политических ссыльных.

7. БИБЛИОТЕКИ КАК ОЧАГИ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

В первой половине XIX в. библиотечное дело развивалось интенсивнее, чем в предшествующий период. В связи с реформой народного просвещения и созданием сети гражданских учебных заведений на востоке страны значительно выросло количество учебных заведений и учащихся в них. Увеличилось и число библиотек при учебных заведениях. Они создавались на основе уставов учебных заведений (1803 г.) и состояли из фундаментальных, способствовавших образованию преподавателей и повышению их профессиональных знаний, и ученических, обеспечивавших учащихся учебниками и книгами для внеклассного чтения. В 1805 г. было преобразовано в гимназию Главное народное училище в Иркутске, в ведении которого находилась первая публичная библиотека Иркутска. К этому году фонд библиотеки составил 1108 названий книг в 2407 томах на русском, китайском, греческом, немецком, французском, маньчжурском языках. До

1820 г. библиотека Иркутской мужской гимназии сохраняла публичный характер, ею пользовались бесплатно не только учащиеся, но и жители города. Из-за слабого контроля за выдачей и возвращением книг директор гимназии П.А. Словцов в конце 1820 г. запретил пользоваться библиотекой всем, кроме преподавателей и учащихся, и настоял на введении должности библиотекаря с жалованием 250 р. в год. Одновременно П.А. Словцов составил специальную инструкцию для библиотекаря, где были предусмотрены строгие меры взыскания за утраченные и испорченные книги.

Библиотека росла, обогащалась ценными изданиями, преимущественно за счет тех 250 р. в год, которые отпускались Главным правлением училищ на приобретение новых книг и пособий, а также благодаря денежным и книжным пожертвованиям.

Основное внимание при комплектовании книжного фонда библиотеки уделялось филологическому, историческому, физико-математическому и естественно-историческому отделам. Большим спросом среди преподавателей и учащихся пользовались журналы.

Особое место в библиотеке отводилось так называемому "азиатскому" отделу. Его первоначальным ядром послужили книги на китайском и маньчжурском языках, которые преподнес в 1802 г. в дар народному училищу из своей домашней библиотеки иркутский купец Ф. Щегорин. Учитывая интересы читателей восточной окраины России, относительную близость Китая и Монголии, "азиатский" отдел комплектовали наиболее ценными изданиями по востоковедению. В первой четверти XIX в. М.М. Сперанский передал в Иркутскую гимназию 800 томов книг на монгольском языке (19 сочинений в нескольких экземплярах). К началу 1828 г. "азиатский" отдел имел 46 сочинений на китайском, японском, татарском и маньчжурском языках, в том числе значительное количество многотомных. В целом фонд библиотеки составил 1500 томов. Число книг увеличивалось и в последующие годы, притом достаточно интенсивно. Так, в 1863 г. фонд библиотеки насчитывал 2109 названий книг в 5280 томах¹⁴⁸.

В 30—40-х гг. XIX в. в Иркутске возникли первые школы для девочек: Сиропитательный дом Е. Медведниковой и Девичий институт Восточной Сибири (средние учебные заведения). При них были библиотеки. К началу 1850 г. библиотека Девичьего института имела 200 названий книг в 703 томах. Общие расходы на библиотеку были определены в 1000 р. Книги приобретались в Петербурге у книгопродавца Я. Исакова.

В 1810 г. было преобразовано в гимназию тобольское Главное народное училище. К 1800 г. большую часть фондов его библиотеки составляли буквари, сокращенные катехизисы и другие подобные издания. За последующие десятилетия библиотека существенно выросла и расширилась тематически (к концу 1837 г. она имела 853 экз. книг). Наряду с учебной литературой появилось и книжное собрание фундаментальной библиотеки. Заведовал библиотекой П.П. Ершов.

Стараниями П.П. Ершова и благодаря книжным пожертвованиям частных лиц (среди которых был и историк П.А. Словцов, завещавший свое книжное собрание этой библиотеке) в последующие годы библиотека увеличивается, улучшается ее книжный фонд. К 1860 г. в нем 2158 экземпляров книг в 5269 томах; библиотекой пользуются 18 чиновников и преподавателей, 190 учащихся.

В 1836 г. при Тобольской гимназии была основана пансионерская библиотека, средства для комплектования которой выделила попечительница гимназии жена генерал-губернатора П.Д. Горчакова. Было выписано несколько журналов, пользующихся популярностью. Библиотека составлялась на суммы пансиона и из

книг, пожертвованных "любителями просвещения", и была небольшая. В 1856 г. начала формироваться библиотека при тобольской Мариинской женской школе, преобразованная из девичьего приходского училища.

Библиотеки при учебных заведениях Томской губернии были значительно беднее тобольских.

В 1808—1862 гг. существовала библиотека при Якутском уездном училище, фонд которой в 1861 г. насчитывал 1002 наименования книг и журналов. Маленькие библиотечки имели Якутская мужская прогимназия и Якутская духовная консистория.

В целом можно с достаточной степенью уверенности сказать, что во второй четверти XIX в. библиотеки имели все уездные и приходские училища края.

Из библиотек учебных заведений, принадлежавших военному ведомству, необходимо отметить библиотеку Сибирского кадетского корпуса в Омске. По свидетельству современников, в конце 40-х гг. он далеко превосходил обычные средние учебные заведения подобного типа, был действительно рассадником знаний. Библиотека корпуса была основана в 1814 г., и на первых порах в ней преобладали книги религиозно-нравственного и исторического содержания. Однако к середине века ее собрание стало крупнейшим в Западной Сибири. Оно насчитывало 3096 названий книг в 7911 томах¹⁴⁹. Библиотека делилась на фундаментальную и ученическую и удовлетворяла требованиям учебных программ. Кадеты почти не имели доступа к фундаментальной библиотеке и в основном вынуждены были довольствоваться ученической, составляемой "почти исключительно из биографий русских генералов и описаний разных войн"¹⁵⁰.

Библиотеками учебных заведений пользовались, как правило, лишь учащиеся и преподаватели. Книги из ведомственных библиотек могли получить чаще всего только служащие учреждений, при которых находились библиотеки.

Снабжение учебными пособиями школ и училищ (особенно принадлежавших Министерству народного просвещения) было крайне недостаточным. Иногда школьники вообще не обучались "за неимением книг" — как, например, в Гижигинской казачьей школе; по той же причине "почасту предмет или два, — отмечали современники, — пропускаются из числа годовых уроков". Сравнительно лучше снабжались учебные заведения других ведомств (в частности горного), а также тех, в функционировании которых было заинтересовано купечество (например Училище китайского языка в Кяхте и др.)¹⁵¹.

Стройную систему обучения и просвещения в России создает духовное ведомство еще в XVIII в. Начальной ступенью этой системы были школы грамотности, дававшие навыки чтения, письма, начального счета, что определяло основу комплектования их библиотек. Они содержались на местные средства церковью и родителей учащихся.

Церковно-приходские школы (ЦПШ) имели небольшие библиотеки; они комплектовались централизованно из книжного склада Училищного совета Синода, затем из платных и бесплатных книжных складов при училищных советах епархий. Обязанности по созданию библиотеки возлагались на заведующего ЦПШ, как правило священника. Он отвечал за учет и ведение каталога, обязан был следить за комплектованием фонда синодальными изданиями, изымать попадавшие в ЦПШ книжки частных издателей.

В начале XIX в. расширилась сеть библиотек духовного ведомства. Этому способствовало реформирование преподавания в церковных школах и училищах, значительное увеличение числа учебных заведений, особенно низших — уездных и приходских училищ.

Наиболее значительными книгохранилищами являлись библиотеки Тобольской и Иркутской духовных семинарий. Основанные в XVIII в., они имели не только богословскую литературу, но и книги по различным отраслям знаний. Основными источниками пополнения библиотек являлись: Духовное ведомство, Московская типографская контора, Главное управление училищ. Кроме отечественной в большом количестве приобреталась иностранная литература; выписывались периодические издания. Например, в 1809 г. в библиотеку Тобольской духовной семинарии поступали "Московские ведомости", "Новости русской литературы", "Вестник Европы", "Политический журнал" (Гамбург) на немецком языке¹⁵². Ценные издания поступали по вкладам (завещаниям) и в дар. Так, в 1830 г. в библиотеку Иркутской духовной семинарии было передано несколько десятков книг XVI—XVII вв. на латинском языке из Португальской иезуитской миссии в Пекине, после того как миссия была расформирована. В 1846 г. в нее же перешло Урикское собрание декабриста М.С. Лунина¹⁵³. Фонды библиотек вбирали в себя личные собрания многих сибирских епископов и митрополитов.

К одной из лучших семинарских библиотек России "как по числу книг, так и по внутреннему их достоинству"¹⁵⁴ современники относили библиотеку Тобольской семинарии. На 1853 г. в ней насчитывалось 3551 название в 6164 томах, а за 100 лет существования (1748—1848) в нее поступило 2735 названий в 4752 томах. В литературе подробно описан состав библиотеки. Ее комплектование, по свидетельству А.И. Сулоцкого, проводилось за счет пожертвований, приобретения некоторых частных библиотек и выписки книг у столичных книгопродавцов. В числе жертвователей были бывший ректор Тобольской семинарии архимандрит Евфимий, советник губернского правления Г.А. Варлаков, Вольное экономическое общество, Синод; из Петербургской академии в дар прислал книги митрополит Амвросий. Библиотека приобрела частные собрания советника губернского правления С.М. Семенова, губернского прокурора Д.И. Францева, профессора семинарии М.А. Смоленского и др.¹⁵⁵

Обязанности библиотекарей семинарии возлагались на преподавателей. В течение 10 лет до 1847 г. библиотекарем Тобольской семинарии состоял А.И. Сулоцкий, церковный историк и краевед. Одновременно он выполнял обязанности библиотекаря тобольского Софийского собора. А.И. Сулоцкий составил подробное описание церковных библиотек Тобольска и Омска, и в частности библиотеки Тобольской семинарии.

Библиотеки семинарий в первой половине XIX столетия сыграли заметную роль в просвещении и образовании, а также становлении светского образования за Уралом. Именно выпускники семинарий обеспечивали состав учительских кадров большинства новых учебных заведений Сибири и Дальнего Востока XIX в., готовили миссионеров из детей коренных народов.

С 1843 г. в епархиях Западной Сибири для дочерей духовенства открывались средние женские учебные заведения — епархиальные училища. При Тобольском женском епархиальном училище имела библиотека для чтения. Она пополнялась учебниками и периодическими изданиями за счет Синодального и Епархиального училищных Советов.

Все воспитанницы училища пользовались книгами бесплатно, а проходящие — с правом вернуть их за 2/3 покупной стоимости. В библиотеке-читальне в достаточном количестве имелись учебники по всем предметам училищного курса, которые выдавались по одному экземпляру на двух учениц, географические и исторические карты, атласы и другие пособия по географии, арифметике, геометрии. Книгами для внеклассного чтения могли пользоваться только по рекомендации

преподавателя. Анализ фонда библиотек свидетельствует об очевидном уклоне в сторону гуманитарного образования.

В первой половине XIX в. расширяется сеть ведомственных библиотек. Создаются библиотеки при "присутственных местах", лазаретах и аптеках, экспедициях и даже при "градской полиции". Все они снабжаются книгами по соответствующим ведомственным каналам. Продолжают действовать библиотеки, созданные в предшествующий период. Крупнейшая среди них — Барнаульская казенная библиотека Кольвано-Воскресенских горных заводов. В начале века ее фонд насчитывал более 7000 томов на русском, немецком, французском, латинском и других языках. В систематическом каталоге, охватывающем 1810—1850 гг., значились сочинения Ж.Ж. Руссо, Ф. Бэкона, В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, Н.М. Карамзина. Художественная литература была представлена произведениями Г.Р. Державина, Н.А. Некрасова, И.В. Гете, Д. Дефо. Среди периодических изданий — "Отечественные записки", "Современник", "Сибирский сборник", "Труды Вольного экономического общества" и др.¹⁵⁶

Среди читателей библиотеки было много техников, инженеров, изобретателей: П.К. Фролов, В.В. Петров, М.С. Лаулин, С.В. Литвинов и др.

Структура обслуживания производства диктовала систему размещения библиотек: управление Кольвано-Воскресенских заводов с Барнаульской казенной библиотекой и заводы и рудники с их библиотеками на периферии. Библиотеки были организованы в Зеленогорске, на Локтевском, Павловском, Сузунском, Томском, Гавриловском, Кольванском заводах. По свидетельству П.К. Фролова, руководившего библиотекой с 1801 по 1803 г., состояние заводских библиотек оставляло желать лучшего. Хранившиеся при заводских и рудничных конторах книги плохо учитывались, библиотека не имела каталога. Большой урон библиотеке наносила плохо организованная система выдачи книг, читатели не возвращали прочитанное, делали отметки в книгах, вырывали листы.

В связи с этим в начале XIX в. на Кольвано-Воскресенских заводах проводится реорганизация библиотечного дела. С 1805 г. в Барнаул начинают свозиться книги из периферийных библиотек Кольвано-Воскресенских заводов. В заводских библиотеках остается лишь самая необходимая литература¹⁵⁷. В 1808 г. была проведена инвентаризация фонда Барнаульской казенной библиотеки. П.К. Фролов ввел свою систему учета книг, сохранившуюся до 1830 г.¹⁵⁸ Постепенно на эту систему перешли все библиотеки Кольвано-Воскресенских заводов. П.К. Фролов разделил библиотеку на две части, "неподвижную" (фундаментальную — "для чтения") и "классическую" (учебную); кроме того, "неподвижная" часть фонда делилась на 33 отдела. Ведомости о книгах Барнаульской библиотеки, составленные П.К. Фроловым в 1809 г., позволяют увидеть структуру фондов "сводной" библиотеки и убедиться в их универсальности¹⁵⁹. Стоимость фонда определялась в 11 114 р. 45 к. Одновременно П.К. Фролов пишет правила пользования библиотекой и наставления библиотекаря.

В 1836 г. горный начальник Алтайских заводов составил "Проект правил о посылке книг и журналов Барнаульской библиотеке...", к нему прилагались списки русских и иностранных сочинений и периодических изданий, которые могли быть полезны библиотеке¹⁶⁰. Этот документ стал первым руководством по межбиблиотечному абонементу не только на Алтае, но и во всей Сибири.

В первой половине XIX в. за Уралом появилось несколько официальных и неофициальных обществ и кружков, при которых, в свою очередь, создавались библиотеки. Возникавшие общества и кружки нередко становились своеобразными клубами книголюбов, а создаваемые при них библиотеки — центрами пропа-

ганды литературы и чтения. Так, в 1820 г. основали библиотеку члены нерчинского кружка — молодые преподаватели уездного училища. В нее выписывались "целые груды журналов". Среди участников кружка поддерживался "обычай собираться друг у друга для чтения"¹⁶¹.

В 30-х гг. в Сибири появились первые польские библиотеки. Одну из них основал в Тобольске ссыльный поляк П. Мошинский, с 1834 г. ею занимался О. Петрашкевич. Библиотека Мошинского — Петрашкевича служила нескольким поколениям ссыльных.

В Восточной Сибири появление первой польской библиотеки связано с именами А. Бопре, П. Боровского, К. Машковского и Т. Чапского. Они составили Товарищество "Огул выгнаньцув" ("Общество изгнанников"), которое впоследствии стало объединять польских ссыльных всего Забайкалья. Из присылаемых вспомоществований и заработков поселенцев часть отчислялась в кассу "Огула". Частично деньги расходовались на приобретение книг, выписку газет и журналов. Благодаря стараниям К. Машковского в 40-х гг. в Нерчинском Заводе возникла библиотека, состоявшая из 3000 томов. Часть библиотеки "Огула" по мере необходимости выделялась для пользования ссыльными других рудников. Возникли библиотеки в Александровском Заводе, Култукке и других местах, ставшие своеобразными филиалами нерчинской библиотеки. В них была представлена художественная, справочная, учебная литература, периодические издания, книги по философии, социологии, истории на польском, русском, английском, французском языках. Публичный характер носила знаменитая библиотека декабристов в Петровском Заводе¹⁶².

Значительную ценность представляла библиотека Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Она начала функционировать в Иркутске одновременно с открытием отдела в ноябре 1851 г. и предназначалась в помощь исследователям края. С первых лет существования библиотеки большое внимание уделялось правильному комплектованию книжного фонда. Книги приобретались по заранее обдуманному плану.

В адрес библиотеки поступали многочисленные денежные и книжные пожертвования. Например, в 1852 г. владелец большой частной библиотеки купец С.С. Попов подарил отделу 1360 томов книг, выписал на 115 р. различных сочинений научного содержания, дал 200 р. на дальнейшую выписку литературы. К концу 1854 г. в библиотеке числилось 742 тома книг, 102 свитка, 20 этнографических рисунков, 45 карт. Библиотека состояла преимущественно из литературы по истории и географии восточной части страны на русском и иностранных языках. Она имела три каталога: общий (инвентарный), систематический, алфавитный.

Как и в предшествующий период, за Уралом продолжали действовать библиотеки духовного ведомства — при епархиях, монастырях, церквях. Существенную роль в культурной жизни Томска играла библиотека Томского мужского Богородице-Алексеевского монастыря, превратившегося в XIX в. в один из самых авторитетных монастырей Томского края. Богатую библиотеку имел Долматовский монастырь¹⁶³.

Большой библиотекой располагал Тобольский Софийский собор. По описанию А.И. Сулоцкого, "в ней книг до 286 номеров и между ними богословских 110, церковно-служебных 137, исторических 20, канонических 3, языкознательных 3 и 15 не принадлежавших к духовному просвещению"¹⁶⁴. В библиотеке имелись архиерейские грамоты, царские рескрипты. Почти исключительно из книг духовного содержания состояла библиотека Омского Воскресенского собора.

Воспользоваться книжными собраниями заведений духовного ведомства (монастырей, церквей, семинарий) было сложно. Не случайно действительный статский советник Шиллинг, отправляясь в Сибирь, заручился разрешением обер-прокурора Синода заниматься в епархиальных библиотеках по сибирскому тракту. Возможности горожан пользоваться книгами церковных библиотек зависели от позиций местных священнослужителей, которые иногда бывали благосклонны к читателям и разрешали пользоваться книгами лицам разного сословия.

В связи с ростом грамотности населения неуклонно увеличивалась его потребность в книге и чтении, а следовательно, и заведении публичных библиотек. Наиболее благоприятные возможности для этого в провинциальных городах России появлялись тогда, когда политические изменения в стране совпадали с инициативой местной общественности или, точнее говоря, отдельных ее представителей из среды дворян, чиновников, купцов, интеллигенции.

Таким периодом явилось десятилетие 1829—1839 гг., когда идея создания губернских публичных библиотек стала очевидной и начала воплощаться в жизнь. Вместе с тем библиотеки, появившиеся в 30-х гг., в какой-то мере опережали свое время и не могли иметь достаточно многочисленного, подготовленного и грамотного читателя¹⁶⁵. Инициатива в развитии библиотек исходила подчас от конкретных людей, осознающих потребности развивающегося общества.

Интересно, что наиболее ранние опыты организации в Сибири и на Дальнем Востоке публичных библиотек были связаны с самыми отдаленными северо-восточными окраинами — Русской Америкой и Камчаткой.

Начальные шаги по организации библиотек в российских колониях Америки принадлежали основателю первых русских поселений Г.И. Шелихову. В начале XIX в. сменивший его директор Российско-Американской компании (РАК) Н.П. Резанов упорядочил и расширил имевшееся книжное собрание и создал в центральном поселении Русской Америки на о. Кадьяк своеобразный "культурный центр", библиотеку-музей, напомилавшую "Иркутскую книгохранительницу". Основу этой библиотеки составили книги, доставленные в 1806 г. из Петербурга первой русской кругосветной экспедицией. После перенесения в 1808 г. столицы Русской Америки в Ново-Архангельск на о. Ситха туда же переместилась и библиотека. (Богатая библиотека сохранилась и на о. Кадьяк.) По описанию К.Т. Хлебникова, библиотека в Ново-Архангельске состояла из "более тысячи двухсот номеров книг, которые считаются в 7 1/2 тыс. р. В числе коих более 600 на русском, до 300 на французском, 130 на немецком, 35 на английском, 30 на латинском и остальные на шведском, голландском, испанском и итальянском языках"¹⁶⁶. В библиотеке имелось хорошее собрание мореходных карт, атласов, лучшие газеты и журналы, выходившие в Петербурге и Москве. Библиотека была открыта для пользования всем желающим. Книги выдавались в самые отдаленные поселки Русской Америки.

Интересен также пример создания библиотеки на Камчатке.

В конце 1827 г. начальник Камчатки А.В. Голенищев направил в Министрство внутренних дел свои предложения об "устройстве сего края" и о заведении там казенной библиотеки для организации культурного досуга чиновников. Эти предложения были рассмотрены Сибирским комитетом, а затем Николаем I. Было признано "заведение библиотеки на Камчатке полезным". Знаменитым филологом-славистом, академиком А.Х. Востоковым, хранителем рукописного отдела публичной библиотеки в Петербурге, были составлены "правила для устройства казенной библиотеки в Камчатке и роспись сочинениям, могущим войти в состав оной библиотеки". В них говорилось о помещении для библиотеки,

библиотекаре и его обязанностях, правилах для посетителей библиотеки, правилах выдачи книг. В реестр, составленный А.Х. Востоковым, вошли 162 названия книг, которые должна иметь библиотека. В список были включены книги по статистике, бухгалтерии, философии и педагогике, естественной истории и изящной словесности. Было рекомендовано много книг, интересных для жителей Дальнего Востока, описание путешествий и т.д.¹⁶⁷ Неизвестно, попал ли составленный А.Х. Востоковым документ на Камчатку, но библиотека там была открыта в 1828 г.

По сведениям 1829 г., в Петропавловской гавани имелась "порядочная библиотека из книг, принадлежащих морскому и духовному ведомствам"¹⁶⁸.

В Охотске в 1823 г. при мореходном училище была собрана библиотека, состоявшая из 344 томов. В 1830 г. офицеры Охотской флотилии основали общественную библиотеку, содержавшуюся на вычеты 10% из жалования. К 1850 г. фонд библиотеки насчитывал 2151 том. Выписывались все лучшие русские газеты и журналы, иностранные газеты. В 1850—1852 гг. с переносом административного центра в Петропавловск-Камчатский сюда была перемещена и библиотека. В 1853 г. собрание пострадало от пожара и сократилось до 1200 томов. Одновременно в городе действовала библиотека Петропавловского морского училища, содержавшая в основном учебную литературу. В 1853 г. она насчитывала 240 томов. В 1855 г. фонды обеих петропавловских библиотек были перевезены в новый военно-административный центр России на Тихом океане — Николаевск-на-Амуре¹⁶⁹.

Идея создания сети публичных библиотек в губернских центрах России принадлежала Вольному экономическому обществу, от лица которого известный государственный деятель адмирал Н.С. Мордвинов обратился в апреле 1830 г. к правительству Николая I с соответствующим предложением. Необходимость открытия библиотек в провинции обосновывалась прежде всего той пользой, которую они могли принести народному просвещению, развитию науки и промышленности¹⁷⁰.

Во всех губернских городах России предполагалось открыть 52 публичные библиотеки, причем оговаривалось, что государство не выделяет на их содержание и комплектование фонда денежные средства. В число губернских городов вошли и административные центры Сибири.

Учреждение библиотек и контроль за их работой с 1831 по 1834 г. были возложены на Министерство народного просвещения, которое первое время пыталось содействовать развитию библиотечного дела. Самая существенная его поддержка выразилась в организации пожертвований — сначала частных лиц, потом различных учреждений и обществ — в пользу создаваемых библиотек, а также бесплатной рассылки книг. В губернских городах, по циркулярному предписанию 1830 г., местные власти сами должны были изыскать средства на строительство библиотечных зданий, приобретение книг и обеспечение работы библиотек. Тобольский гражданский губернатор отклонил данное предписание, мотивируя свое решение отсутствием в городе дворянства и малочисленностью купечества, "для коего не настало еще время учредить библиотеку"¹⁷¹. Однако не во всех случаях эта бюрократическая затея оканчивалась неудачей. Деятельность городской общественности в ряде мест позволила осуществить задуманное.

В Томске в 1830—1832 гг. были предприняты подготовительные меры по устройству публичной библиотеки. Городская дума уступила под библиотеку часть занимаемого ею дома. Были привлечены общественные средства и пожертвования. 26 августа 1833 г. состоялось открытие Томской публичной библиотеки. Ее попечителями стали директор училищ Томской губернии И. Новотроицкий и

начальник III отделения общего губернского правления В. Беляев. Библиотечная работа выполнялась на общественных началах.

Первые годы своего существования публичная библиотека была заметным явлением в общественной жизни Томска, пользовалась вниманием горожан. Наибольшее число читателей было в 1836 г. — 51 человек, в основном — мелкие чиновники, канцелярские служащие, мещане и крестьяне (72,2%). Затем интерес горожан к библиотеке падает, число читателей уменьшается в 1840 и 1841 гг. до 9 и 10 читателей соответственно. Начиная с 1838 г. библиотека лишилась и добровольной материальной поддержки горожан, что подтверждает падение интереса к ней. Это было вызвано прежде всего тем, что библиотека являлась платной, а большинство читателей принадлежало к демократической среде, на которой особенно ощутимо сказался рост цен в результате золотопромышленного бума в Томске, начавшегося с конца 30-х гг. Количество читателей уменьшается и за счет учащихся, которым, по-видимому, было запрещено посещать библиотеку. Свою роль в сокращении количества читателей сыграли и существенные недостатки в работе самой библиотеки: небрежное хранение книг и журналов, хищение литературы, а главное, прекращение в конце 30 — начале 40-х гг. поступления книжных новинок¹⁷². В конце 50-х гг. большинство жителей не знали о существовании библиотеки. Из достаточно массовой и авторитетной она превратилась в библиотеку, почти целиком обслуживающую чиновников учебного ведомства. Библиотека практически прекратила свое существование в 1859 г., когда в доме, где она размещалась, произошел пожар. В отчете Томского гражданского губернатора за 1860 г. о ней было сказано: "Публичная библиотека города Томска в весьма плохом состоянии и никто ею не пользуется"¹⁷³.

В Иркутске "предписание о заведении библиотек" было получено в сентябре 1830 г. Губернатор предъявил его небольшому обществу любителей полезных знаний, состоявшему из чиновников и купечества, которое незадолго до этого составило клуб с целью коллективной выписки и чтения отечественных периодических изданий¹⁷⁴. Но открытие публичной библиотеки состоялось лишь в 1835 г. Заведовал ею бывший директор местной мужской гимназии С.С. Щукин. В книжном фонде было собрано все, что считалось лучшим в литературе. Образованные иркутяне активно посещали библиотеку, хотя постоянный контингент читателей был невелик. Основными абонентами являлись учащиеся и чиновники. Первое время дела в библиотеке шли неплохо, но начиная с 40-х гг. она постепенно приходит в упадок. Содержалась библиотека за счет городского бюджета. Средств отпускалось немного; местные власти не придавали библиотеке никакого значения. Все это безусловно сказалось на судьбе публичной иркутской библиотеки. В 1856 г. она прекратила свою деятельность. Имея в книжном собрании 958 названий книг, в начале 60-х гг. она вошла в состав новой публичной библиотеки, открытой в Иркутске 27 (13) марта 1861 г.¹⁷⁵

Идея учреждения общественной библиотеки в Красноярске и первые шаги по ее созданию в 20-х гг. XIX в. принадлежали первому енисейскому гражданскому губернатору А.П. Степанову. У жителей Красноярска мысль о создании библиотеки вызвала сочувствие. Для библиотеки начало строиться одноэтажное каменное здание.

В 1838 г. при енисейском гражданском губернаторе В.И. Копылове библиотека получила разрешение от Министерства народного просвещения называться публичной. В.И. Копылов договорился с редакциями некоторых официальных изданий о бесплатной присылке этих изданий в библиотеку. Кроме того, он добился разрешения на внесение в смету городских доходов и расходов определен-

ных ассигнований на содержание библиотеки, а также предложил частным лицам содействовать ее развитию путем денежных и книжных пожертвований. Фонды библиотеки быстро росли. Только в 1838 г. красноярцы пожертвовали в нее 188 названий книг в 394 томах. В 1840 г. фонд библиотеки содержал 771 название книг, в 1841 г. — 826 названий¹⁷⁶.

Публичная библиотека в Красноярске была торжественно открыта 1 июня 1839 г. Попечителями были назначены председатель Енисейского губернского правления Н.С. Турчанинов и советник губернского суда И.Г. Родюков. На содержание библиотеки от Красноярского городского общества была установлена сумма в 200 р., что в первые годы давало возможность выписывать необходимую литературу. Затем поступление из местного бюджета уменьшилось и совсем прекратилось. Число читателей библиотеки было невелико: в 1839 г. — 15 человек, в 1840 г. — 20 человек. Причины этого попечители видели как в отсутствии средств для приобретения научной литературы, так и в малочисленности образованных людей.

Книжные фонды Красноярской, как и других губернских публичных библиотек, пополнялись за счет бесплатного получения сочинений Вольного экономического общества, журналов Министерств внутренних дел и народного просвещения, "Горного журнала", изданий Академии наук, Московского общества сельского хозяйства, Санкт-Петербургского минералогического общества и др. Кроме этого, в Красноярской публичной библиотеке имелись за разные годы "Московский вестник", "Современник", "Литературные прибавления к Русскому инвалиду", "Библиотека для чтения". Сравнительно полно была представлена переводная и русская художественная литература, краеведческие издания 20—30-х гг.

В 1848 г. красноярские золотопромышленники принесли в дар публичной библиотеке 112 сочинений в 425 томах (по свидетельству В. Ловягина, "все лучшее, выходившее в то время")¹⁷⁷, что существенно обогатило ее фонды. Создание Красноярской библиотеки было одним из закончившихся удачей опытов по созданию сети библиотек в губернских городах России. Несмотря на сложное материальное положение, Красноярская библиотека благодаря устойчивой культурной традиции в городе функционировала на протяжении десятилетий.

В первой половине XIX в. в губернских и уездных городах возникают частные публичные библиотеки, игравшие важную роль в общественной жизни¹⁷⁸. Наиболее известная первая частная библиотека в Иркутске принадлежала купцу М.А. Болдакову — большому любителю чтения. Она была открыта для публики в 1840 г. Ко дню открытия в ней было 4572 книги на русском языке и 256 — на иностранных. Библиотека имела значительное количество читателей, но не для всех доступная плата уменьшала число подписчиков. Литература для библиотеки поступала из Москвы и Петербурга, что стоило недешево. Выписывались журналы и газеты, беллетристика, а также исторические книги и описания путешествий. Читались больше всего журналы. Библиотека действовала более 10 лет. В 1851 г. из-за убытков, не покрываемых высокой подписной платой за чтение, она была продана иркутскому купцу С.С. Попову, который сделал многое для улучшения ее деятельности. Он выписывал для библиотеки иностранные журналы, ценные издания по географии, истории, беллетристику. Библиотека имела 40 подписчиков, в основном мелких чиновников и лавочников. Однако дороговизна подписки привела через полтора года к прекращению деятельности библиотеки. Значительная часть книг из нее была подарена С.С. Поповым научной библиотеке Сибирского отдела РГО, а остальные проданы¹⁷⁹.

В 1848 г. в Якутске учитель Ворожейкин создал компанию для выписки книг и журналов, которые после прочтения поступали в местное уездное училище. В течение 13 лет училище получило таким путем 1002 экз. книг и журналов на сумму 1560 р. В компании ежегодно участвовали 25—30 человек. В 50-х гг. Ворожейкин уехал из Якутска в Нерчинск, где организовал подобную же библиотеку. Для широкой публики библиотека была закрыта. Фонд ее был не очень богатый. Отсутствовали сочинения многих известных отечественных и зарубежных классиков.

30-е гг. XIX в. были "определяющими" для большинства библиотек губернских центров. Открытые в 30-х гг. библиотеки делают попытки укрепиться, однако последующие два десятилетия были для них весьма неблагоприятны.

Отсутствие постоянных источников финансирования и недостаточная подготовленность городского общества неблагоприятно сказались на судьбе первых публичных библиотек. Как писал К.Н. Дерунов, "шумиха с открытием губернских публичных библиотек была оживлена снаружи, но мертва практическими результатами"¹⁸⁰. Осознание их как возможных центров общественной жизни еще не пришло. Многие публичные библиотеки губернских городов в 40—50-х гг. вообще не работали, а возобновление их деятельности началось только в 60-х гг.

Тем не менее библиотечное дело в первой половине XIX в. получило за Уралом определенное развитие. Обществом была осознана необходимость создания публичных библиотек, сделаны первые попытки их организации. Значительно увеличилось количество учебных заведений и библиотек при них, выросли их фонды. При этом училищные библиотеки обслуживали, как правило, всех приходящих и нуждающихся в книгах. Книжные собрания формировались также при отдельных обществах, учреждениях, кружках. Вместе с тем приобщение местного населения к книге с помощью библиотек было еще очень слабым. Об этом свидетельствовало постепенное затухание деятельности первых публичных библиотек, малый доступ к библиотечным фондам основной массы жителей края.

8. ЧИТАТЕЛЬ И ЧТЕНИЕ

В первой половине XIX в. за Уралом, как и во всей России, шел медленный и неровный процесс приобщения населения к книге и чтению.

К 1852 г. в Сибири и на Дальнем Востоке, как уже упоминалось, проживало немногим более 2,7 млн человек, причем основная часть — в сельской местности Западной Сибири¹⁸¹. Социальный состав городского населения был неоднороден. Его характерные черты можно проиллюстрировать отдельными примерами. В Иркутске, например, к концу первой четверти XIX в. на долю военных приходилось 36,5% мужского населения, мещане составляли 31%, чиновники — 7,59, духовенство — 3,18, крестьяне — 2,41, купцы — 2,02, прочие сословия — 18,1%. В Красноярске к 1820 г. военные составляли 22,46% мужского населения, мещане — 50,08, чиновники — 1,33, духовенство — 1,9, крестьяне — 7,51, купцы — 5,01, прочие сословия — 11,7%¹⁸².

Грамотность, являвшаяся важным фактором пробуждения интереса к чтению, на протяжении всего периода медленно повышалась. За первую четверть века количество учащихся в общеобразовательных школах края возросло в 4,2 раза. Многие сибиряки обучались грамоте вне школ и довольно часто скрывали умение писать и читать от властей. Процент грамотности среди различных категорий населения был неодинаковым. Достаточно высоким он был среди си-

бирских казаков (по данным 1812 г. — 12,5%), а из 43 офицеров только один не знал грамоты¹⁸³. Вероятно, процент грамотности в Сибири приближался к общероссийскому уровню. В России же, по данным 1826 г., грамотным было 3—4% населения¹⁸⁴.

Образованный читатель за Уралом составлял очень незначительную часть жителей края. Высшее либо незаконченное высшее образование имели не более 100—200 человек. Как и у представителей аналогичной группы в центре России, в данном кругу населения, прежде всего дворянства (в основном приезжего), чтение становится массовым¹⁸⁵.

Среди образованных читателей были чиновники Томского, Енисейского, Иркутского губернских управлений, инженеры Алтайского горного округа, учителя, офицеры армии и флота, представители высшего духовенства и купечества, политические ссыльные. Многие из них в то же время были писателями, учеными, краеведами.

Пестрота социального состава этой группы читателей, разносторонность ее деятельности обусловили и разнообразный круг чтения. Большое внимание интеллигенции, духовенства и чиновничества привлекали издания по отечественной и всеобщей истории, литература мемуарного характера. В ходу были книги по философии, истории религии, социально-экономическим и техническим, естественным наукам, медицине, сельскому хозяйству. Изучались труды античных авторов, произведения Н.М. Карамзина, Н.А. Полевого, К.А. Гельвеция, И. Канта, К. Риттера, М.В. Ломоносова и т.д.¹⁸⁶

Конечно, далеко не вся нужная литература доходила до Сибири. Специализированная книжная торговля еще не была налажена. Публичные библиотеки еще только возникали, личными библиотеками располагали немногие. Но процесс создания домашних библиотек ширился. Часть чиновников (как гражданских, так и военных), приезжая на службу, привозила с собой значительные книжные собрания (например, И.А. Вельяминов, В. Берг, Л.П. Коллет и др.). Хорошие библиотеки были и у местных книголюбов (например, у Корнильевых, И.П. Менделеева, родителей Н.М. Ядринцева и Н.А. Полевого, тобольского архиепископа Афанасия и др.)¹⁸⁷.

Очень разнообразным был круг читательских интересов в области художественной литературы. Внимание привлекали русские писатели и поэты, зарубежные классики. Среди наиболее популярных можно назвать А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, А.А. Бестужева-Марлинского, Ч. Диккенса, Гомера, Плутарха, В. Гюго, А. Дюма, В. Шекспира и многих других. Интенсивно читали периодические издания. Среди них особой популярностью пользовались журналы "Сын Отечества", "Русский вестник", "Современник", "Отечественные записки", "Журнал Министерства народного просвещения" и другие, газеты "Московские ведомости", "Санкт-Петербургские ведомости", "Северная пчела", "Душеполезный собеседник" и т.д.¹⁸⁸

Круг читательских интересов мог меняться в зависимости от рода занятий. Это неплохо прослеживается и на составе личных библиотек, хотя принцип их формирования не всегда зависел от круга чтения собирателя. Например, П.А. Словцов, работая над "Историческим обозрением Сибири", усиленно читал "Историю русского народа" Н.А. Полевого, "Историю государства Российского" Н.М. Карамзина и другие книги, составляя на них критические замечания. Будучи преподавателем, он много читал произведений современных ему исследователей по античной истории, а также труды самих античных авторов¹⁸⁹.

Наиболее читающими среди образованных слоев населения были декабристы. Попав по воле судьбы в Сибирь, имея богатейший запас знаний по самым различным направлениям науки, техники, искусства, политики, они сумели привезти в этот край около полумиллиона книг, которыми не только пользовались сами, но и предоставляли такую возможность окружающим их людям. Общеизвестно, что декабристы оказали сильное влияние на формирование мировоззрения отдельных представителей местного общества, многое сделали для изучения Сибири и Дальнего Востока, воспитали целую плеяду грамотных и образованных людей. Ряд их питомцев (Д. Банзаров, М.С. Знаменский, К.Н. Высоцкий, купцы Н.А. и А.А. Белоголовые, братья В. и С. Боткины, В.Д. Старцев, А.П. Першин, П.П. Ершов, А.М. Лушников, И.С. Елин, дети самих декабристов и многие другие) в дальнейшем оказали значительное влияние на развитие культуры в крае.

Читательские интересы декабристов были чрезвычайно широкими: история и общественные дисциплины, точные и естественные науки, военное дело, экономика, отечественная и мировая художественная литература и т.д. Их круг чтения достаточно подробно освещался в книговедческих работах.

Находясь на рудниках Сибири, декабристы создали "каторжную академию", где читали лекции и писали рефераты на самые разные темы. Эти традиции были продолжены и на поселении. Воспитанные на мировоззрении западноевропейских просветителей XVIII в., они живо интересовались литературой по истории и философии, трудами античных авторов. Зная порой по несколько иностранных языков, декабристы читали большую часть литературы в подлинниках — на латыни, греческом, французском, немецком, английском и других языках.

Выбор такого рода произведений, как труды о "царях" и "героях" и их деяниях (например, "Сравнительные жизнеописания" Плутарха) был не случаен. Декабристы хотели понять, а затем и развивали в своих работах мысль о вреде тирании. В то же время они пытались найти и обосновать идеальную (с их точки зрения) форму правления. Книги по истории древнего мира использовались ими как идеологическое оружие в политической борьбе. Декабристы высоко ценили республиканский строй, преклонялись перед героями-тираноборцами, с точки зрения политических задач современности, изучали причины возвышения и упадка античных государств. Наиболее серьезно древней историей занимался М.С. Лунин¹⁹⁰.

Эти же тенденции наблюдались и при чтении трудов по истории средневековья и нового времени. Большим спросом пользовались обобщающие труды по истории государств Европы и Америки, революций в Англии и Франции, издания мемуарного характера. Некоторые декабристы (например, М.А. Фонвизин и Е.П. Оболенский) интересовались новыми учениями о социализме и коммунизме, в частности теорией Р. Оуэна. Среди изданий, пользовавшихся большой популярностью, отметим 16-томную "Историю итальянских республик" и многотомную "Историю французов" Ж.Ш.Л.С. де Сисмонди, "Историю завоевания Англии норманнами" и "Письма о французской истории" О. Тьерри, "Историю Византийской империи" (в 16 т.) Ш. Лебо, "Старый порядок и революция" А. Токвиля, "Мои темницы" С. Пеллико (особенно близкую по духу декабристам), 10-томную "Историю французской революции от 1789 года до 18 брюмера" и "Историю консульства и империи" (в 21 т.) А. Тьера; работы о Наполеоне, Ш.М. Талейране, Бисмарке, Мюрате и других политических деятелях¹⁹¹.

Большим интересом пользовались отечественные и переводные издания, посвященные истории России, особенно периода XVII—XVIII вв., истории Сибири. Внимательно читались произведения лучших отечественных историков конца

XVIII — первой половины XIX в. — Н.М. Карамзина, Н.А. Полевого, Н.Г. Устрялова, С.М. Соловьева, К.Д. Кавелина, М.П. Погодина и других, а также западно-европейских — Вольтера, Ш.Монтескье, Г.Т.Ф. Рейналя, Б. де Сен-Пьера и прочих; публикации летописей, законодательных актов. Подробно изучалась книга И. Болтина "Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Лекклера" (СПб., 1788, ч. 1). В книжных собраниях многих декабристов была "История государства Российского" Н.М. Карамзина, изучение которой помогало в их научных изысканиях. Например, это нашло отражение в статье М.А. Фонвизина "Обозрение проявлений политической жизни в России" (1847). "История России" П.И. Левека ставилась М.А. Фонвизиным даже выше "Истории..." Н.М. Карамзина. Карамзинской формуле "история народа принадлежит царю" декабристы противопоставили свою формулировку. Н.М. Муравьев утверждал, что "история принадлежит народу". Высоко оценивая литературные достоинства "Истории..." Н.М. Карамзина, декабристы приветствовали ввод в научный оборот документальных источников, которые против воли автора убедительно доказывали деспотическую сущность крепостного строя и самодержавия.

Дворянские революционеры оказались и первыми историками декабристского движения. Занимаясь этими вопросами, пытаясь понять причины неудачи восстания, они читали работы французских историков и литераторов Ж. Ансло, Д. де Сен-Мора; положительно оценивали работу Ж.А. Шницлера "История России при императорах Александре и Николае", проштудировали серию работ, посвященных опыту революционного и демократического движения в прошлом. Являясь до восстания офицерами армии и флота, исследователями, многие из них интересовались историей военного искусства и флота. Среди прочитанных ими в Сибири книг можно отметить такие, как "Свод русских узаконений по части военной и судной", 5-томную "Историю войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г." Д.А. Милютина, положившую начало изучению военной истории в России, "Опыт военной истории Суворова" И.Ф. Антига.

Большой интерес вызывала литература по философии, истории религии, этике, эстетике, педагогике, естественным наукам, медицине, сельскому хозяйству. Это обуславливалось широким спектром деятельности декабристов: обучение детей, пропаганда своих идей, изучение природы края, разработка и осуществление программы краеведческой деятельности, лечение людей и животных, создание технических новшеств. Чтение книг позволяло затем на практике совершенствовать свои навыки. Некоторые декабристы (Н.М. Муравьев, Г.С. Батеньков, И.Д. Якушкин и др.) серьезно занимались разработкой теоретических и исторических вопросов естествознания. Одной из сторон просветительской деятельности декабристов было приобщение местного населения к знаниям. В.Ф. Раевский, например, находясь на поселении, организовал две школы, занимался сельским хозяйством и знакомил местных жителей с лучшими способами ведения земледелия, животноводства и т.п. Декабристы снабжали окружавших их людей книгами, приучая их к чтению, плоды которого они использовали на практике в сельском хозяйстве и при лечении людей и животных. Декабристы также занимались и переводом учебников.

Из работ по философии декабристы читали произведения Б. Спинозы, И. Канта, И.Г. Фихте, Вольтера, Ж.Ж. Руссо, И. Бентама, К.А. Гельвеция, Г.В.Ф. Гегеля, Ф.В.Й. Шеллинга, А.И. Герцена и др. Из богословской литературы следует отметить чтение Библии и Евангелий, знакомство с "Историей церкви" и "Нравами израильтян" К. Флери, многотомным собранием "Деяний святых" ("Акта санкториум") и другими произведениями. "Деяния святых" особенно подробно

изучал М.С. Лунин, имевший практически все тома. Из трудов по естественно-техническим дисциплинам следует назвать "Трактат о небесной механике" П.С. Палласа, "Курс математики" Франкера, "Три учебных ботаники", "Энтомологию" Г. Фишера, "Зоологию" Дюмерилья, "Медико-хирургический лексикон" (12 т.), "Журнал практической медицины и хирургии" и др. Значительным спросом пользовались книги по географии, гидрологии, о путешествиях. Читались произведения С.П. Крашенинникова, М.М. Геденштрома, К. Риттера, А. Гумбольдта, "Морской сборник", сочинения всех известных древних географов¹⁹².

В области художественной литературы интересы декабристов были необычайно широкими. Их привлекали произведения античных авторов, современных писателей и поэтов России, Англии, Франции, Германии, Америки.

Наиболее читаемыми были произведения А.Н. Радищева, М.Ю. Лермонтова ("Герой нашего времени", "Маскарад"), Н.В. Гоголя ("Тарас Бульба", "Ревизор"), Е.А. Баратынского, К.Ф. Рыльева (особенно "Думы"), А.А. Бестужева-Марлинского, Н.А. Полевого и многих других отечественных авторов; всевозможные сборники и альманахи, например, "Северные цветы", "Полярная звезда", "Сто русских литераторов". Подлинным культом в среде декабристов было окружено имя А.С. Пушкина, его произведения "Руслан и Людмила", "Египетские ночи", "Каменный гость", "Бахчисарайский фонтан", "Евгений Онегин", "Цыганы", "Граф Нулин" любили все. Из зарубежных писателей и поэтов декабристы наиболее ценили Гомера, В. Гюго, Э. Сю, А. Дюма, А. Виньи, О. Бальзака, В. Шекспира, Г. Гейне и многих других¹⁹³. Очень сильным оставался интерес к французской книге, которая играла для них роль посредника между русской и мировой литературами.

Читательским спросом пользовались практически все периодические издания (газеты и журналы), попадавшие в Сибирь, как на русском, так и на европейских языках. Уже в Петровском Заводе сложилась система организации чтения книг и журналов, становившихся общим достоянием тюремной библиотеки. На чтение газеты выделялось два часа, на чтение журнала — два дня. Затем номер передавался товарищу, означенному в списке. Газетно-журнальная артель существовала отдельно от книжной. Аналогичные специальные артели для чтения книг и журналов были впоследствии созданы в Туринске, куда вышла на поселение часть декабристов.

Среди периодических изданий на русском языке активно читались "Москвитянин", "Московский телеграф", "Отечественные записки", "Колокол", "Полярная звезда", "Вестник РГО", "Современник", "Политическая газета", "Московские ведомости", "Библиотека для чтения" и многие другие; из зарубежных изданий — "Debats", "La Presse", "La Russie", "Allgemeine Zeitung", "Die Gegenwart", "Illustrierte Zeitung", "Illustrazion", "The Word". Вероятно, читались и другие зарубежные периодические издания.

Интересовали декабристов и произведения местных исследователей и писателей, труды о Сибири. Изучались работы П.А. Словцова, в частности "Историческое обозрение Сибири", "Прогулки вокруг Тобольска", "Письма о Восточной Сибири" А.И. Мартоса, "Енисейская губерния" А.П. Степанова, "Описание Сибирского царства" Г.Ф. Миллера, работы М.М. Геденштрома, П.С. Палласа, М. Семивского, статьи краеведов. Из первоисточников внимание привлекала "Сибирская летопись" И. Черепанова, "Летописец сибирский". Несомненно, популярностью пользовались художественные произведения сибиряков. Среди них — "Сохатый" Н.А. Полевого, "Изгнанники", "Камчадалка", "Дочь купца Жолобова"

И.Т. Калашникова; поэтические и прозаические произведения П.П. Ершова, Ф.И. Бальдауфа, Н.И. Бобылева и других сибирских литераторов¹⁹⁴.

Таким образом, в лице декабристов Сибирь получила самых высокообразованных, разносторонних и целеустремленных читателей России, которые в условиях каторги и ссылки сумели сохранить этот статус. Влияние декабрист-читателей на книжные потребности окружающего их общества было очень значительным и давало о себе знать на протяжении многих последующих десятилетий. Особенно благотворно оно сказывалось на чтении детей и подростков.

Книжные интересы детей были неоднозначны и зависели от того, в какой среде последние воспитывались. Специальных книг для детского чтения в это время практически не было. Исключение составляли лишь работы типа "Чтение для детей из Священной истории" А. Дараган-Балугьяновской, "Священная история для детей, выбранная из Ветхого и Нового Завета Анною Зоонтаг", "Русская азбука для маленьких детей, составленная г. Вороновою" и т.п. Собственно детскими книгами считались те же взрослые, но обязательно с иллюстрациями. Круг чтения учащихся училищ и гимназий порой ограничивался местным учебным начальством. К тому же большинство учащихся предпочитало не читать, а слушать¹⁹⁵.

Декабристы очень внимательно относились к чтению детей — своих и воспитанников. Отбор литературы был целенаправленным, вплоть до составления специальных программ (например, программа чтения М.С. Лунина для его ученика Михаила Волконского). Предпочтение здесь отдавалось сочинениям французских и английских писателей, в основном на языке оригинала. Произведений русских писателей было мало. А.Ф. Бригген, наоборот, большое внимание уделял чтению дочерьми произведений А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, Н.В. Гоголя, А.С. Грибоедова. Сочинения этих писателей, а также Г.Р. Державина, И.А. Крылова, К.Н. Батюшкова, В.А. Озерова читала дочь Н.М. Муравьева, Софья. Дети декабристов были знакомы с произведениями античных авторов, сочинениями отечественных историков, в частности Н.М. Карамзина и И.К. Кайданикова. Декабристы оказали влияние и на бурятскую молодежь, учившуюся в русско-монгольской школе. Известно, что здесь читались "Айвенго" В. Скотта, произведения А.А. Бестужева-Марлинского¹⁹⁶.

Дети образованных сибиряков нередко читали книги из личных собраний своих родителей, друзей, учителей, библиотек учебных заведений, монастырей. Спектр интересов здесь был достаточно широким. Например, Н.М. Ядринцев еще до поступления в гимназию был знаком со стихами А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова. Сказками А.С. Пушкина, да и сказками вообще, увлекался в детстве будущий сибирский поэт П.П. Ершов. Известный русский историк Н.А. Полевой еще мальчиком в Иркутске, в библиотеке своего отца А.Е. Полевого, прочитал огромное количество французских романов, сочинения М.В. Ломоносова, Н.М. Карамзина, М.М. Хераскова, А.П. Сумарокова, путешествия Джорджа Ансона и Джеймса Кука; был знаком с журналами "Московский Меркурий", "Вестник Европы" и др. Отдельные учащиеся, например Ч.Ч. Валиханов, Г.Н. Потанин, через личные библиотеки доставали самую разнообразную литературу, были знакомы со многими работами по истории, философии и другим наукам. В их кругу читали "Всеобщее путешествие вокруг света" Ж.С.С. Дюмон-Дюрвиля, "Историю государства Российского" Н.М. Карамзина, "Жизнь Наполеона Бонапарта" В. Скотта; произведения А. Дюма, Д. Дефо, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Э. Сю, Ч. Диккенса; "Отечественные записки", "Современник", "Библиотеку для чтения", "Сын Отечества" и др.¹⁹⁷

Читатели средних и низших слоев городского населения были весьма разнообразны по своему социальному составу (городская буржуазия, ремесленники, мещане, учащиеся дети, средние слои духовенства и др.). В этой среде пользовались вниманием книги самого разного содержания и характера. Большое влияние на формирование читательских вкусов данной группы населения, особенно детей, оказывали декабристы и интеллигенция.

Среди нарождающейся городской буржуазии, ремесленников успехом пользовались издания прикладного, практического характера — по экономике, торговле, сельскому хозяйству. Некоторые казаки знакомились с "Земледельческим журналом", издаваемым МОСХ, чтобы получить первоначальные агрономические навыки по созданию общественного хлебопашества. Отдельные чиновники (в частности, комиссар Богородской волости И.С. Берестов, оставивший свои записи) читали "Историю государства Российского" Н.М. Карамзина. Большое значение в кругу чтения этой категории населения приобретала периодика. Особым спросом пользовались "Сын Отечества" и "Северная пчела"¹⁹⁸.

Наиболее популярной была художественная литература. Читали произведения отечественной и зарубежной классики. Большое внимание привлекали авантурные романы, особенно произведение М. Комарова "Обстоятельное и верное описание жизни мошенника и вора Ваньки Каина и французского мошенника Картуша". Ему также принадлежала обработка рукописной "Повести о приключении английского милорда Георга". Широким спросом пользовалась лубочная литература, например, такие произведения, как "Повесть о Францеле Венециане", различного рода сборники. Читались также сатирические стихи, пьесы и другие произведения, распространявшиеся в рукописях. Среди них: драма "Золотая пшеничка" — сатира на иркутских купцов Трапезниковых, стихотворение "Губернатор Носович", "Ода на отъезд графа Муравьева из Иркутска" и др.¹⁹⁹

В первой половине XIX в. потребность в чтении среди мещан была еще очень слабой, особенно в уездных городах. В то же время основную массу читателей в открывавшихся публичных библиотеках нередко составляли именно мещане. Так, в Томске, по данным 1835 г., среди читателей публичной библиотеки на долю мещан приходилось 20%.

Круг чтения городских низов был разнородным. Много зависело от уровня грамотности. У мастеровых он был выше, чем у приписных крестьян; читательские интересы мастеровых и рудокопов Алтая обнаруживают сходство с таковыми у крестьян и мещан. Лицам, служившим по найму, читать приходилось урывками, часто тайком от хозяев. Относительно широким был круг чтения у некоторых казаков, отличавшихся достаточно высокой образованностью. У ссыльных и каторжных Сибири интерес к книге определялся потребностями, которые были у них на воле. Иногда власти выдавали арестантам книги для чтения (в основном религиозного содержания), рассматривая последние как средство для нравственного исправления²⁰⁰.

Крестьяне составляли около 80—90% населения Сибири. Учитывая данные исследователей о доле грамотных в первой половине XIX в. в этой сфере примерно на уровне 1%, можно предполагать, что грамотных в Сибири среди крестьян было около 13—15 тыс. человек. К середине века в связи с ростом населения их число увеличилось. Потенциальных читателей среди крестьян при этом могло оказаться несколько тысяч человек. Довольно много крестьянских читателей было среди "семейских" старообрядцев²⁰¹.

Доминирующее положение в репертуаре чтения крестьян при всей неоднородности их состава занимала книга религиозного содержания и лубочная лите-

ратура. По-прежнему преобладали "церковные" и "назидательные" книги — Четьи-Минеи, Библия, Евангелия, прологи, жития. Читали также Кормчую и Степенную книги, "Апокалипсис" Иоанна Богослова и др. В основном это были рукописные сочинения, часто переписанные с печатных. В сибирской старообрядческой среде продолжало храниться, передаваться по наследству и читаться множество произведений древней письменности и печати, служебных и четьих книг дониконовского периода, сборников или "тетрадей выписок" из полемических сочинений, решений Соборов и т.д. О составе старообрядческих книжных собраний первой половины XIX в. в определенной мере можно судить по археографическим находкам нашего времени. Например, в старообрядческих районах Томской области археографами были найдены такие образцы древней книжности, как Торжественник начала XIX в., Цветники, Львовский Апостол Ивана Федорова, Псалтырь В. Бурцева, из рукописных книг — Хронограф III редакции XVII в. с добавлениями, Киево-Печерский патерик XVI в., отрывки русских сочинений XI в. и др.²⁰² Читались оригинальные сочинения сибирских писателей-старообрядцев, например, Артемия Лазарева. Последний часто устраивал коллективные читки и руководил дискуссиями по поводу прочитанного.

Крестьяне интересовались и книгой полусветского характера, и новой светской литературой. Среди сочинений полусветского характера можно отметить "Христианскую топографию" (сочинение византийского монаха VI в. Козьмы Индикоплова о его путешествии в Индию), "Житие Василия Мангазейского". Отдельные представители сибирского крестьянства были знакомы с "Историей государства Российского" Н.М. Карамзина, трудами Г.Ф. Миллера, Сибирскими летописями, "Кратким показанием о бывших как в Тобольске, так и во всех сибирских городах воеводах и губернаторах..." Варлаама (Петрова), выпущенным в типографии Корнильевых, изданиями Вольного экономического общества. Некоторые крестьяне (например, П.В. Ядрихинский) выписывали и читали "Земледельческую газету", издаваемую МОСХ, иногда читали "Земледельческий журнал", "Сельское чтение"²⁰³. Известно, что староста с. Ключевского на Камчатке имел книги по сельскому хозяйству. В кругу чтения крестьян все чаще оказывалась лубочная литература, источниками которой были фольклор, сказки, песни, русский и западно-европейский приключенческий роман.

Таким образом, можно отметить усиление интереса крестьян, как и сибиряков в целом, к светской литературе, тенденцию перехода от чтения религиозной и рукописной книги к светской и печатной. В то же время вкусы жителей Сибири и Дальнего Востока были разнохарактерными и во многом зависели от местных общественно-культурных событий, уровня грамотности и рода занятий, социального положения конкретного человека.

Читательские интересы высших кругов чиновничества, купечества, духовенства за Уралом были не ниже общероссийского уровня. Круг чтения низших городских слоев населения и крестьянства отличался определенной стабильностью, при этом наблюдалось перемещение интереса к ряду жанров и типов изданий светской книги (например, лубочной) из одних социальных кругов в другие — из высших в низшие.

* * *

В книжной культуре Сибири и Дальнего Востока на протяжении рассмотренного периода медленно, но неуклонно происходило развитие всех ее компонентов, усиливалось воздействие книги на жизнь общества.

Первая половина XIX в. внесла много нового в развитие книгоиздания на востоке страны. Расширился круг авторов и редакторов-составителей, реализующих свои издательские замыслы на внесибирской полиграфической базе и в рукописном варианте на сибирской территории. Выросло число публикаций местных авторов в общероссийской периодике. Появились первые книги на языках коренных народов Сибири и Дальнего Востока. Все это свидетельствовало о готовности зарождавшейся сибирской интеллигенции включиться в общероссийский издательский процесс, поддержать собственное книгоиздание.

Во всех крупных административных центрах стали возникать полиграфические предприятия и формироваться очаги книгопечатания. Уступая во многом изданиям Тобольской типографии Корнильевых (например, в качестве и творческом разнообразии), продукция местного печатного станка первой половины XIX в. выигрывала связью с реальной жизнью края. В то же время слабые полиграфические возможности новых книгопечатных центров Сибири еще не позволяли им добиться значительных результатов, закладывались лишь основы местного книгопроизводства.

Помимо Тобольска и Иркутска — известных с XVIII в. очагов книжности — за Уралом появились и другие центры книгопечатания и книгораспространения — Томск, Омск, Красноярск, Барнаул, Кяхта, Нерчинск. Важными центрами книжной культуры стали места проживания декабристов. Под их влиянием в Сибири формировались кадры будущих авторов, редакторов и издателей, воспитывалось в сибиряках умение максимально использовать книгу в исследованиях, хозяйственно-прикладных, культурно-просветительских целях. Отзвуки декабристских книжно-культурных традиций жили не в одном поколении сибиряков.

Жизненные реалии обусловили распространение грамотности и образования, способствовали увеличению книжных потоков, поступающих за Урал, расширили каналы продвижения книги к читателям края. Общество осознало необходимость создания публичных библиотек, был сделан ряд практических шагов в этом направлении. Книга становилась доступной все большему числу людей. Церковная литература все больше уступала место светской.

Вместе с тем можно говорить лишь о начальной стадии всех наметившихся в книжной культуре края процессов. В социально-экономических условиях российского абсолютизма и крепостничества они не могли развернуться в полной мере, а малочисленность грамотных людей тормозила продвижение книги в широкие народные массы. Чтение и в этот период продолжало оставаться в значительной степени занятием элитарных слоев общества. Первая половина XIX в. подготовила условия и предпосылки для более решительного и широкого развития книжной культуры на востоке страны в последующие десятилетия.

Глава III

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА КОНЦА 50-х — 70-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Вторая половина XIX в. для книжной культуры Сибири и Дальнего Востока была временем коренных, глубинных преобразований. Эти перемены связаны не только с заметным увеличением числа выпускаемых изданий, а также учреждений, занимающихся изготовлением, распространением, хранением и пропагандой книги (типографий, литографий, книжных магазинов, лавок, библиотек, читален и т.д.), но и с ростом влияния печатного слова на широкий круг людей, повышением роли книги и чтения в культурной жизни края.

Подъем всех отраслей книжного дела во второй половине XIX в. имел под собой глубокие социально-экономические корни. Начало нового периода невозможно обозначить какой-то конкретной "рубежной" датой. Он вызревал на волне широкого общественного подъема конца 50-х — начала 60-х гг., революционно-демократического и либерального реформаторского движения, направленного на переустройство уклада российской жизни.

Устремленность всех слоев общества к преодолению феодальных пут, сковывавших его развитие, разработка и внедрение на протяжении 60-х гг. многоплановых буржуазно-либеральных реформ (крестьянской, земской, школьной, судебной, печати, университетской и др.) усиливали потребность в активных, по-современному образованных людях, необходимость в повсеместном распространении через печать и книгу новых идей, общеобразовательных знаний, распоряжений центральных органов власти и местной администрации, информации о сырьевых и хозяйственных возможностях губерний и уездов России, о практических навыках предпринимательства и многого другого. Усилилась и потребность в книге самого пробуждающегося общества.

Помимо ключевой крестьянской реформы, отменявшей крепостное право (1861 г.), расчистившей путь для быстрого продвижения России по капиталистическому пути, на книжную культуру Сибири и Дальнего Востока, как и страны в целом, оказали влияние прежде всего реформы местного самоуправления, школьная, цензурная.

Действие земской реформы 1864 г. в XIX в. не распространялось на Сибирь и Дальний Восток, однако реорганизация местного самоуправления, усиление его роли коснулись и этих регионов. Создание в конце 50-х гг. губернских статистических комитетов, привлечение к работе в местных органах управления (или по их программам) наиболее образованных людей (учителей, врачей, чиновников, священнослужителей, политссыльных) способствовали объединению интеллектуальных сил общества вокруг идеи изучения и освоения края, что в свою очередь обуславливало потребность в собственном печатном слове.

Школьной реформой 1864 г. ("Положение о начальных народных училищах") впервые признавалась необходимость начального народного образования, устанавливалась определенная система организации народных школ¹. Реформа способствовала улучшению качества преподавания, количественному росту народных

училищ, созданию сети воскресных школ для распространения грамотности и первоначальных знаний среди взрослого населения, что опять-таки не могло не привести к росту спроса на книжную продукцию.

Утвержденные в 1865 г. так называемые "Временные правила о печати"², которые действовали с некоторыми изменениями на протяжении всей второй половины XIX в., положили конец "эпохе цензурного террора" Николая I. По словам министра внутренних дел П.А. Валуева, новый закон в определенных пределах освобождал печатное слово "от стеснительного, докучливого и часто нерассудительного вмешательства цензуры" и в то же время определял "форму и меру ответственности за нарушение этих пределов"³.

По закону 1865 г. в провинциальных городах без предварительной цензуры на основании разрешения местных властей могли выходить официальные издания, материалы ведомств и учреждений, труды университетов, научных обществ, а также печататься чертежи, планы, карты. Давалось разрешение и на выпуск частных периодических изданий (правда, с предварительной цензурой и после тщательной проверки благонадежности предполагаемых редакторов и издателей)⁴.

Освобождение книги и периодической печати от цензурных притеснений было весьма относительным и тем не менее открывало пути для более широкого развития гласности, расширения издательской деятельности как в центре, так и на периферии. Российская провинция энергично использовала открывшиеся перед ней возможности в области книгоиздания. Как писал О.Г. Ласунский, "эпоха либеральной гласности вызвала особое оживление печати. Книжное дело оказалось в центре духовной жизни провинции... После многолетнего спокойствия, царившего в этой области, наступило время кипучей деятельности"⁵.

С 1855 по 1881 г. количество выпущенных в российской провинции изданий выросло в 13 раз (со 185 книг в 1855 г. до 2401 в 1881 г.) и составило не менее трети всех вышедших за это время работ⁶. Резкий количественный скачок в области книгопечатания, лишь несколько сдвинутый по времени к 60-м гг., отмечается и за Уралом.

Реформы, осуществленные правительством "сверху", воплотили лишь незначительную часть преобразовательных идей, которыми жило русское общество. Книжное дело России, как и отечественная культура в целом, питалось прежде всего тем духовным потенциалом, который вызвал их к жизни. Окраску всей интеллектуальной атмосферы того времени дали идеалы революционной демократии и народничества.

В Сибири идеи революционной демократии в 60-е гг. нашли воплощение в просветительной программе движения "областников". "Областничество" как идейное течение (да и сам термин) оформилось несколько позже, в 70—80-х гг., когда движение приобрело либерально-народнический характер. Однако именно в 60-х гг. главными идеологами "областничества" Н.М. Ядринцевым и Г.Н. Потаниным были сформулированы основные задачи культурного развития Сибири: создание сибирского университета, обеспечение экономики местными квалифицированными кадрами, создание школ и библиотек, книжных магазинов и типографий, развитие собственной печати и журналистики, реорганизация народного образования, распространение просвещения на женщин и аборигенов Сибири⁷. Эта программа давала живительный импульс для развития инициативы в области книжного дела.

Большое влияние на развитие книжной культуры за Уралом оказали политические ссыльные. Во второй половине XIX в. в Сибирь было отправлено око-

ло двух тысяч участников революционного движения⁸ — революционные демократы, народники (самая большая по численности и культурной значимости группа). По преимуществу это были представители интеллигенции — литераторы, учителя, врачи, студенты, инженеры. По словам народника С.А. Жебунева, "революционные деятели незаметно для самих себя превращались в местных культурных работников, правда, особого типа"⁹.

Важная роль в развитии книжной культуры Сибири принадлежала купечеству*. Лучшие представители этого класса своей материальной поддержкой содействовали формированию местной периодической печати и книгоиздания, финансировали публикации трудов о крае, участвовали в создании типографий, литографий, книжных магазинов, публичных библиотек и т.д.

В 60—70-х гг. становление всех отраслей книжного дела происходит в условиях набирающей темпы модернизации общества. Отмена крепостного права коснулась лишь незначительной части сибирского населения и тем не менее решительно содействовала развитию сельского хозяйства и промышленности. В середине XIX в. шло активное формирование территорий и национального состава восточных окраин России. В 50-х гг. к Восточно-Сибирскому генерал-губернаторству присоединяются новые земли, на которых были образованы Амурская, Приморская области и Уссурийский край. По мере развития русской колонизации на Дальнем Востоке возникают и быстро растут новые города — Чита (1851 г.), пос. Хабаровка (1858 г., с 1880 г. — Хабаровск), Благовещенск (1858 г.), Владивосток (1860 г.). Укрепляется стратегическое и хозяйственное значение восточных территорий. Происходит активное воздействие русской культуры на население вновь осваиваемых районов. Природные богатства Сибири и Дальнего Востока сильнее, чем в прежние времена, притягивают сюда предпринимчивых, энергичных промышленников и купцов. Расширяются торговые связи, изменяется социальный состав населения, прежде всего городского. В культурной жизни края все большее значение приобретают разночинцы, выходцы из среды мелких чиновников, купцов и духовенства. Впервые можно говорить о появлении интеллигенции как особого социального слоя.

Консолидация всех интеллектуальных сил общества (представителей администрации, просвещенного купечества, местной интеллигенции, политических ссыльных) вокруг идеи освоения края стала одной из главных причин тех серьезных изменений, которые произошли в книжной культуре Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX в.

Модернизация общества влекла за собой появление большого числа учреждений и организаций, расширение деятельности местного управленческого аппарата, торгово-промышленных и банковских предприятий. Увеличивались масштабы делопроизводства, что требовало активизации типографских работ. В то же время широкое вовлечение различных слоев населения в общественную жизнь, растущая потребность в изучении истории, географии, быта населяющих зауральские территории народов, в освоении природных богатств края вызывали необходимость развития местной периодической печати и книгоиздания. Все это в конце 50-х — 70-е гг. XIX в. создало за Уралом реальную почву для становления издательского дела как закономерного и относительно стабильного процесса.

* На Дальнем Востоке местная буржуазия, заинтересованная в развитии книжного дела, в последние два десятилетия XIX в. лишь формировалась.

1. РАЗВИТИЕ ПОЛИГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

В конце 50-х — 70-е гг. XIX в. на обширных зауральских территориях укрепляются и переоснащаются старые губернские типографии, возникают казенные типографии в ряде областных городов, военных и административных центров, появляются первые частные типографии и литографии. Однако, несмотря на определенный рост полиграфического производства, оно продолжает оставаться крайне слабым. Организация полиграфических заведений на востоке страны была сопряжена со значительно большими трудностями, чем в Европейской России. Трудоемкость доставки оборудования и материалов делала предприятия достаточно дорогими, а медленность социального, культурного, экономического развития разбросанных по огромной территории и плохо связанных между собой городов не способствовала успешному развитию дела.

По сведениям статистики, в 1868 г. по всему краю насчитывалось 19 типографий и 4 литографии (для сравнения: на Кавказе в те же годы было 28 типографий и 12 литографий, в Царстве Польском — 66 и 54, в остальной России, без Петербурга и Москвы, — 224 и 155)¹⁰.

Кроме казенных типографий, работавших в Иркутске, Тобольске, Томске, Красноярске, Барнауле, Омске в первой половине XIX в., на протяжении 50—70-х гг. в Сибири организуется еще более 20 полиграфических заведений. Среди них — литография (1858) и типография (1865) Н.Н. Синицына, типография штаба Восточно-Сибирского военного округа (1863) в Иркутске, Общественная типография (1860) в Кяхте, Якутская типография (1861), типография Забайкальского казачьего войска (начало 60-х гг.) в Чите, литография (1867) и типография (1869) К.Н. Высоцкого в Тюмени, типография А.Г. Калининой (1876) и типография Ф.С. Декова (1877) в Тобольске, типолитография В.В. Михайлова и П.И. Макушина (1876) в Томске, частные типографии Гуляевых (1876) в Барнауле, М.Д. Бутина (1876) в Нерчинске и др. В 60-х гг., вскоре после образования Амурской и Приморской областей в составе Восточной Сибири, возникают первые казенные типографии в их административных центрах — Благовещенске и Николаевске-на-Амуре¹¹.

В 1860 г. губернатор Амурской области генерал-майор Г.В. Буссе добился разрешения на создание в Благовещенске газеты "Друг Манджур". В навигацию 1862 г. по Амуру в город доставили печатный станок и несколько пудов различных шрифтов. Однако отсутствие наборщика и печатника не позволило первому полиграфическому предприятию края приступить к практической деятельности¹². В 1868 г. типография действовала при гражданской канцелярии области, но печатала лишь объявления и бланки.

Вторая дальневосточная типография была создана в Николаевске-на-Амуре. По инициативе адмирала Н.В. Казакевича, военного губернатора Приморской области, здесь в 1865—1866 гг. издавалась газета "Восточное Поморье". В 1873—1874 гг. главный порт Сибирской флотилии из Николаевска перебазировался во Владивосток. Каких-либо сведений о выпуске изданий за последующие 14 лет в названных городах не обнаружено. Вероятно, на новой базе флота типография военно-морского ведомства приступила к деятельности уже после создания Владивостокского военного губернаторства.

Количество работающих и вновь возникающих полиграфических заведений может служить лишь косвенным показателем развития книгопечатания. Множество мелких типографий и литографий Сибири не оставило после себя в

книжном деле каких-либо заметных следов, ограничивая свою деятельность печатанием всевозможных бланков, счетов, чеков, афиш, объявлений, прейскурантов, ярлыков, этикеток, поздравительных и пригласительных писем, конторских книг и т.д.

Развитие книгопечатания в значительно большей степени зависело не от количества полиграфических предприятий, а от их мощности, технической оснащенности, наличия квалифицированных наборщиков, печатников и т.д. Техническое оснащение сибирских типографий в 60—70-х гг. было весьма скудное, часто полукустарное. Первые шрифты были крупного кегля и напоминали петровский шрифт. Иностранные шрифты, как правило, отсутствовали. В Тобольской типографии первое время иностранные слова набирались русскими буквами¹³. Н.М. Ядринцев пишет: "...кажется, "Тобольские губернские ведомости" не имели вначале шрифта и ставили вместо одной буквы другую"¹⁴. Омская типография в конце 50-х гг. "продолжала печатать так, что оборотная сторона "становилась бугристой"¹⁵.

Об оснащенности отдельных полиграфических предприятий можно судить по донесению министру внутренних дел, оповещающему об открытии в Якутске в 1861 г. первой типографии. В нем говорится, что "в типографии этой стоят два станка, 19 заглавных и 6 мелких обыкновенных шрифтов на русском языке. Работы производятся посредством вольнонаемных пяти рабочих..."¹⁶

Сибирские типографии середины XIX в. не являлись промышленными предприятиями. Они возникали в недрах различных ведомств для удовлетворения их канцелярских нужд. Типографское и литографское оборудование заводилось в соответствии с этими ограниченными потребностями и слабыми материальными возможностями заказчиков.

Издание губернских ведомостей (1857) потребовало от типографий губернских правлений некоторого технического переоснащения. Так, губернская типография в Томске, заведенная в 1819 г. и удовлетворявшаяся тремя ручными печатными станками (два деревянных и чугунный), в 1857 г. приобретает новый станок и к существующим десяти буквенным кассам прибавляет еще пять¹⁷. Однако имеющееся оборудование к 1866 г. приходит в полный упадок. "Томские губернские ведомости" писали, что из четырех печатных станков два никуда не годились, так как служили более 45 лет, шрифты от работы на ручных станках стерлись. Кроме того, "процесс печатания на ручных станках, как показал опыт, дорог и неудобен... и производит в час лишь 300 оттисков"¹⁸. В 1867—1868 гг. происходит некоторое обновление оборудования. Из типографии Министерства внутренних дел получен шрифт. Появляется новая скоропечатная машина.

Иркутская губернская типография заводит шрифты мелкого кегля, что позволяет набирать текст более убористо, в две колонки. (Именно таким способом печатаются первые иркутские газеты "Иркутские губернские ведомости" и "Амур"). Постепенно обновляется полиграфическое оборудование, выписываются новые шрифты, бордюры, политипажи, что дает возможность исполнять более сложные и объемные типографские заказы¹⁹.

Деятельность различных сибирских обществ и организаций в 60—70-х гг., постоянно нарастающая потребность в печатной продукции стимулировали совершенствование полиграфических предприятий. Возникающие частные типографии начинали конкурировать с казенными, с большим рвением заботясь об уровне своего технического оснащения и качестве выполняемых работ. Так, частная типография Н.Н. Сеницына в Иркутске в 1872 г. имела два типографских станка и скоропечатную машину заведения "Кениг и Бауер". Образцы типографских

и литографских работ Н.Н. Синицына получили малую серебряную медаль на Иркутской сельскохозяйственной и мануфактурно-ремесленной выставке 1868 г., большую серебряную медаль на выставке 1869 г. и почетный отзыв на Всероссийской мануфактурной выставке 1870 г.²⁰ На Всероссийской выставке в Москве среди образцов промышленной продукции заводов сибирского купца М.Д. Бутина были отмечены медалями и работы его типографии в Нерчинске²¹. Частная типография М.Д. Бутина занималась в основном обслуживанием нужд фирмы, книг выпускала немного, однако полиграфический уровень ее акцидентных работ (бланки, объявления, пригласительные билеты), видимо, соответствовал российским стандартам.

Существенным тормозом в развитии книгопечатания в Сибири становятся трудности с доставкой бумаги. В этом лесном краю во второй половине XIX в. совсем не производится собственной книжной бумаги. Расцвет бумажного производства падает в Сибири на XVIII — 20-е гг. XIX в., период существования бумажных мануфактур, основанных на ручном труде и переработке тряпья. Тобольская бумажная мануфактура купца В.Я. Корнильева, как отмечалось в гл. I, обеспечивавшая собственной бумагой книгоиздательские потребности первой сибирской типографии, в 1802 г. была продана купцу А.Г. Дьяконову, а в 1861 г. перешла в руки М.Д. Плотникова. К этому времени она выпускала лишь оберточную и синюю чайную бумагу²².

Во второй половине XIX в., когда ручное производство повсеместно вытесняется машинным, а переработка тряпья заменяется древесным сырьем, в Сибири доживали свой век три бумажные мануфактуры — Тобольская, Туринская и Ачинская. Существенного значения в экономической жизни Сибири они не имели, книжной бумаги не производили.

Сибирские типографии и издатели сталкивались с большими трудностями по обеспечению себя бумагой. В Западную Сибирь бумага поступала из Европейской России сухопутным путем, в Восточную и на Дальний Восток — по морю через Владивосток и Николаевск-на-Амуре²³. Такие перевозки были весьма обременительны для зарождающегося местного книгоиздания.

2. ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВ И ОРГАНИЗАЦИЙ

Важной предпосылкой к расширению издательской деятельности в крае в конце 50-х — 70-е гг. явились два фактора: 1) возросшая потребность в печатной документации различных учреждений и обществ; 2) создание органов местной периодической печати.

Многочисленные ведомства и организации породили наиболее распространенные в этот период виды печатной продукции: обзоры, отчеты, циркуляры, протоколы, инструкции, проекты, уставы, сметы, положения и т.д. Именно здесь происходило постепенное превращение обыкновенного канцелярского документа, воспроизведенного типографским способом, в книгу — специфический продукт духовно-материального производства со своим социальным назначением и характерными признаками — обложкой и титульным листом, заглавием и выходными данными. Среди этой печатной продукции обнаруживается наибольшее число переходных, полукнижных форм, которые с трудом укладываются в современное

определение книги, но в то же время не могут игнорироваться при изучении начальных периодов провинциального издательского дела.

Процесс рождения книги можно проследить, например, по эволюции "отчетов". Так, отчеты о действиях общественного Сибирского банка в Томске за 1877 и 1878 гг. напечатаны по типу канцелярских бумаг без каких-либо признаков издания. За 1879 г. те же самые сброшюрованные листы отчетов и таблиц имели обложку и выходные данные (Томск: Типолит. В.В. Михайлова и П.И. Макушина, 1880. 20 с.). Отчеты за последующие годы печатались в разных типографиях, сохраняя в целом однотипность издательской формы, — видимо, использовался общепринятый стандарт для публикации подобных документов.

В 1857 г. во всех четырех сибирских губерниях (Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской) были основаны органы печати губернских правлений — губернские ведомости. Позднее начали выходить "Забайкальские областные ведомости" в Чите (1865), "Восточное Поморье" в Николаевске-на-Амуре (1865—1866), "Акмолинские областные ведомости" в Омске (1871). В эти же годы в Сибири возникли и первые частные газеты — иркутские "Амур" (1860—1862), "Сибирский вестник" (1864—1868), "Сибирь" (1873—1887). Все они имели четко выраженную демократическую окраску, поднимали злободневные для Сибири и Дальнего Востока вопросы, но жизнь их в большинстве случаев была недолговечна. Она или насильственно обрывалась цензурой, или угасала от недостатка подписчиков и средств.

Создавались редакции губернских и областных ведомостей, частных газет. Вокруг них формировались коллективы авторов, велась подготовка краеведческих публикаций. К отдельным номерам газет давались неперIODические "приложения", "прибавления". Наиболее интересные из газетных материалов выпускались самостоятельными отрисками в виде брошюр. Все это становилось типичной для конца 50-х — 70-х гг. XIX в. издательской продукцией местного производства. Так, в виде отрисков из "Томских губернских ведомостей" были выпущены многочисленные книги и брошюры историка, краеведа, секретаря Томского статистического комитета князя Н.А. Кострова, дававшие историко-статистические описания городов Томской губернии, освещавшие историю и этнографию края. Отрисками из различных сибирских периодических изданий были и работы протоиерея А.И. Сулоцкого, посвященные истории христианства в Сибири и сибирским церковным древностям. Отдельными изданиями они выходили в 50—70-х гг. в Омске и Тобольске.

Формирование сибирского книгоиздания происходило медленно и трудно. В 60—70-х гг. за Уралом было выпущено около 450 работ. Конечно, это на порядок больше, чем за все предыдущее пятидесятилетие, но не идет ни в какое сравнение с тем, что выходило в последующие периоды. Структура книгоиздания складывалась в основном по стандартной схеме, отражая, прежде всего, потребности многочисленных ведомств, учреждений, научных, культурно-просветительных, учебных, попечительных, благотворительных обществ, администрации²⁴.

К изданиям местных органов управления принадлежит, например, выпущенный в Тобольске в 1867 г. "Сборник циркулярных распоряжений начальника Тобольской губернии". В Иркутске выходили "Приказания по войскам Восточного Сибирского военного округа" (за 1867, 1870 и 1871 гг.), в Омске — "Приказы по войскам Западного Сибирского военного округа" (за 1875, 1878, 1880 гг.). В Тюмени казачьим отделом Главного управления Западной Сибири выпущена "Справочная книжка о Сибирском казачьем войске", составленная Ф.Н. Усовым (1873) и т.д.

К активно издающим организациям Сибири относились местные — губернские и областные — статистические комитеты, развернувшие свою работу в конце 50-х — начале 60-х гг., а с 1863 г. официально приступившие к издательской деятельности. В их непосредственные обязанности входило ежегодное составление "обзоров... губерний (приложений к Всеподданнейшим отчетам губернаторов)", а также выпуск памятных книжек и адрес-календарей. Издавались и отдельные работы самого разного содержания, "Обзоры губерний" стали выходить в виде книг с 1879—1880 гг.

Первые памятные книжки Сибири — Тобольской губернии на 1860 г., Иркутской на 1861 г., Енисейской, Забайкальской и Якутской областей на 1863 г. — не отличались разнообразием содержания, являли собой начальные шаги в области книгоиздания²⁵. Губернские правления в начале 60-х гг. не были подготовлены к издательской деятельности не только организационно, но и технически. В предисловии к "Памятной книжке для Тобольской губернии на 1860 г." редактор с сожалением говорит о том, что "типографическая роскошь невозможна у нас, где всего одна типография и где невозможно достать хорошей газетной бумаги", что "порядочное и только что приличное издание затруднительно при недостатке хороших и удобных шрифтов".

И действительно, первая тобольская памятная книжка представляет собой малоформатное, небрежно скомпонованное издание, отпечатанное грязными, избитыми шрифтами. Выделяется своим изяществом лишь обложка, выполненная на цветной глянцевой бумаге и украшенная орнаментальной рамкой. Немного лучше полиграфическое исполнение и первой иркутской памятной книжки, отпечатанной в типографии губернского правления. Памятные книжки Енисейской губернии и Якутской области вообще не могли быть изданы на местной полиграфической базе. Они вышли в Петербурге в частных типографиях И. Огризко и В. Безобразова. Памятная книжка Енисейской губернии издана не просто прилично, но даже помпезно — на качественной бумаге, с гравированными рисунками на титульном развороте, шмуцтитулами, с хорошо оформленными таблицами, картой Енисейской губернии и т.д.

Памятные книжки Енисейской губернии и Якутской области, вышедшие на три—четыре года позднее тобольской и иркутской, несколько отличаются и по содержанию. "Памятная книжка Енисейской губернии...", помимо обязательных данных (адрес-календарь, статистическое обозрение губернии, разные сведения), включала очень краткие историко-статистические материалы, например "о числе обучавшихся и кончивших курс наук в учебных заведениях Енисейской губернии в течение 10 лет, с 1853 по 1863 г.", заметки о некоторых соборах и монастырях края. "Памятная книжка Якутской области..." уже имела раздел "Материалы для истории, статистики и географии".

В 60-х гг. XIX в., помимо отмеченных изданий, вышли памятные книжки Тобольской губернии на 1861—1862 и на 1864 гг., Иркутской на 1863 и на 1865 гг., Енисейской на 1865—1866 гг. (отпечатана в Петербурге), Якутской на 1867 г., Томской на 1869 г.

В 70-х гг. Иркутский статистический комитет выпустил памятные книжки на 1870, 1873 и 1877 гг., Томский и Якутский — на 1871 г. (якутская памятная книжка опять печаталась в Петербурге), Забайкальский — на 1871 г. (издана в Иркутске) и 1876 г. (издана в Чите). Якутская памятная книжка, по словам В.Д. Виленского, "пользовалась большим успехом у читателей и имела по крайней мере два переиздания"²⁶.

Для 70-х гг. были характерны поиски новых форм ежегодных изданий, попытки выйти за рамки узко губернских интересов. В Омске, например, при Главном управлении Западной Сибири выходят адрес-календари Западной Сибири на 1875 и 1879 гг.^{*}, составленные старшим чиновником особых поручений А. Круссеровым. Они давали подробные сведения о военном, гражданском и духовном управлении Западной Сибири (центральных и местных органах власти), а также "краткие статистические обзоры" состояния Западной Сибири за определенные годы, содержавшие обстоятельный анализ всей хозяйственной жизни края, проблем и трудностей в его управлении. Пользуясь материалами губернских отчетов, печатными источниками, собственными наблюдениями, А. Круссеров проявляет в обзорах и собственную гражданскую позицию, близкую демократам-областникам, говорит о положении народа, вреде ссылки, важности народного образования и сибирского университета, принятия мер по "правильной лесной эксплуатации", утверждает мысль, что Западная Сибирь "по богатству своих естественных произведений имеет возможность занять довольно видное место в среде мануфактурной и заводской промышленности Европейской России"²⁷.

В 70-х гг. создатели памятных книжек и календарей все больше задумываются о наполнении изданий краеведческими исследовательскими материалами. Они стараются привлечь к участию в памятных книжках как можно больше людей. "Памятная книжка Томской губернии на 1871 г." содержит "Программу сведений, нужных статистическому комитету для описания Томской губернии". Однако реальные материалы, помещенные в памятных книжках Сибири в эти годы, редко выходят на исследовательский уровень. Чаще всего издания ограничиваются справочными (в том числе адрес-календарными) сведениями и кратким статистическим обзором состояния губернии на год. Последний обычно состоит из подробных статистических таблиц и небольшой пояснительной записки.

Иногда статистические комитеты выпускают отдельные труды краеведов. Так, Тобольский комитет в 1866 г. опубликовал работу Е.Н. Анучина "Материалы для уголовной статистики России. Исследование о проценте ссылаемых в Сибирь. Ч.1". В 1873 г. эта книга была переиздана в Петербурге под названием "Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827—1846 годов. Материалы для уголовной статистики России". Н.М. Ядринцев высоко ценил это статистическое исследование наболевшей сибирской проблемы²⁸. Рецензент "Отечественных записок" (1868, № 11, с. 44—46) подчеркивал радикальность выводов автора. Отдел статистики Русского географического общества наградил исследователя медалью²⁹. Томский статистический комитет в 1868 г. издал книгу Н.А. Кострова "Путешествие по Томской губернии Его Императорского Высочества государя великого князя Владимира Александровича, в июне и июле месяцах 1868 г."

В "Трудах" Акмолинского областного статистического комитета вышла работа краеведа И.Я. Словцова "Материалы по истории и статистике Омска, извлеченные из однодневной переписи 1877 г." (Омск, 1880, ч. 1—2), содержащая много таблиц и обобщений автора.

Одним из первых проявил издательскую инициативу Иркутский статистический комитет, возглавляемый Н.М. Павлиновым и Д.Д. Ларионовым. В 60—70-х гг. выходят "Записки и труды" комитета, отдельные статистические исследования: "Опыт статистического обзора заводских и фабричных производств г. Иркутска" (1868), "Статистические сведения по Иркутской губернии за 1866 г." (1868), работы

^{*} В 1881 и 1882 гг. их продолжают "Памятные книжки Западной Сибири".

секретаря комитета Д.Д. Ларионова — "Очерк экономической статистики Иркутской губернии. Статистика сельскохозяйственная" (1870), "Естественное движение населения Иркутской губернии в 1879 г." (1879), "Губернский город Иркутск. (Пожары 22-го и 24-го июня 1879 г.)" (1880), книга К.А. Элиашевича "О первых приемах физического воспитания детей у разных народностей, населяющих Иркутскую губернию" (1879) и др.

К значительным издательским центрам на востоке страны принадлежало первое научное учреждение края — Сибирский отдел Императорского Русского географического общества (СОИРГО), организованный в Иркутске в 1851 г. (с 1877 г., т.е. со времени образования Западно-Сибирского отдела в Омске, он стал называться Восточно-Сибирским)³⁰.

Отдел объединил вокруг себя крупнейшие научные силы края. В его работе активное участие принимали политические ссыльные. Деятельность Сибирского отдела охватывала исследования по истории, археологии, сельскому хозяйству. Корреспондент "Иркутских губернских ведомостей" писал: "...на наш Сибирский отдел и не следует смотреть как на специально-географическое общество, а скорее как на "общеученое общество" для Сибири. Может быть, что теперешний сибирский отдел есть зародыш, из которого впоследствии разовьется и выделится несколько ученых обществ: географическое, статистическое, археологическое, историческое, сельскохозяйственное и пр."³¹.

С 1856 г. Сибирский отдел ИРГО стал издавать "Записки". Первые пять книг, подготовленные в Иркутске, были выпущены в Петербурге (1856—1858 гг.). С 1863 г. (с шестой книги) "Записки" печатались в Иркутске, где к тому времени была оборудована типография штаба Восточно-Сибирского военного округа. Параллельно с "Записками" с 1870 г. в Иркутске выходили "Известия" Сибирского отдела ИРГО (с 1878 г. — "Известия" Восточно-Сибирского отдела ИРГО). Регулярно печатались также "Отчеты" о деятельности отдела.

Помимо продолжающихся и периодических научных изданий, Восточно-Сибирский отдел ИРГО выпускал и отдельные книги. Так, в Иркутске были изданы "Геологическое исследование в Иркутской губернии" А.Л. Чекановского (1874), "Очерк двадцатипятилетней деятельности Сибирского отдела Императорского Русского географического общества" Б.А. Милютин (1876), обширный труд учителя Иркутской гимназии Р.К. Маака, возглавлявшего в 1854—1855 гг. Вилюйскую экспедицию — "Вилюйский округ Якутской области" (1877, ч. 1). Во время иркутского пожара 1879 г. последнее издание почти полностью сгорело*.

В 1877 г. по ходатайству генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова в Омске был учрежден Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества (ЗСОИРГО). Его необходимость обуславливалась тем, что Сибирский отдел ИРГО в Иркутске охватывал своими исследованиями в основном территорию Восточной Сибири. Одним из учредителей, многолетним правителем дел и активным участником ЗСОИРГО становится генерал-лейтенант Г.Е. Катанаев — историк Сибирского казачьего войска, прослуживший в нем 42 года. С 1879 г. начинают выходить "Записки" ЗСОИРГО. Отделом опубликованы составленные Н.М. Ядринцевым "Программа исследования сельской общины в Сибири" (1879) и "Программа для описания сибирских инородцев" (1880).

В последующие десятилетия отделы и подотделы Императорского Русского географического общества стали возникать и в других губерниях и областях Си-

* В 1883—1887 гг. в Петербурге вышло второе издание книги (ч. 1—3).

бири. Часто им предшествовала деятельность местных обществ по изучению края. Первой по времени возникновения подобной организацией было "Общество исследователей Западной Сибири", созданное в Омске в 1868 г.³² Его председателем был директор Сибирского кадетского корпуса К.А. Линден. До нас дошли программные документы общества — "Устав" и "Программа", изданные в 1868 и 1869 гг., но осуществить свои замыслы ему не удалось. Впоследствии ядро этого общества послужило основой Западно-Сибирского отдела ИРГО.

К издающим организациям Сибири принадлежали также общества, объединявшие специалистов отдельных профессий. К наиболее ранним из них относилось Тобольское физико-медицинское общество, утвердившее свой устав в 1864 г. В конце 1865 или начале 1866 г. оно выпустило наставление по борьбе с распространением в Тобольской губернии холеры.

В конце 60-х — 70-е гг. XIX в. крупной издающей организацией становится Восточно-Сибирское отделение Русского технического общества, созданное в Иркутске в 1868 г. и возглавляемое общественным деятелем и журналистом, членом Совета Главного управления Восточной Сибири Б.А. Милютиным. При отделении работали комиссии горного и золотого дела, химико-техническая, строительно-механическая, сельскохозяйственная и коневодства. С 1869 по 1875 г. издавались "Известия о деятельности отделения" (вып. 1—7). Первый и последний выпуски печатались в Петербурге, остальные — в Иркутске. В 1872 г. вышли "Труды" за 1870 и 1871 гг. Обществом опубликован ряд самостоятельных работ — "Справочная книга для золотопромышленников" (1871, вып. 1—2), "Материалы к исследованию состояния коннозаводства в Восточной Сибири" (1870—1871, вып. 1—2), "Краткое наставление к разведению некоторых хозяйственных растений, примененное к местностям Восточной Сибири" Н.С. Коперницкого (1871) и др.

После отъезда Б.А. Милютина из Иркутска публикаторская деятельность Восточно-Сибирского отделения общества стала менее активной.

С 1863 г. регулярно печатало свои "Протоколы заседаний" Общество врачей Восточной Сибири (Иркутск).

3. ЧАСТНОЕ КНИГОИЗДАНИЕ. ВИДЫ И ТЕМАТИКА ВЫПУСКАЕМЫХ КНИГ

По мере развития страны на ее окраинах, в том числе в Сибири, постепенно пробивало дорогу в жизнь и частное предпринимательство в сфере книгоиздания. Первые робкие шаги самостоятельного издания книг, не связанного с деятельностью ведомств или организаций, относятся к 60-м гг. XIX в. Это была публикация работ либо на средства самих авторов, либо финансируемая меценатами. Так, нерчинские коммерсанты и золотопромышленники Н.Д. и М.Д. Бутины выпустили свою работу "Исторический очерк сношений русских с Китаем и описание пути с границы Нерчинского округа в Тянь-дзинь" (Иркутск: Тип. Н.Н. Сеницына, 1871).

Иркутский золотопромышленник, меценат, исследователь края А.М. Сибиряков издал свои "Очерки из забайкальской жизни" (Иркутск, 1878). Офицер Сибирского казачьего войска, историк-областник Ф.Н. Усов в Омске в 1879 г. выпустил свою книгу "Статистическое описание Сибирского казачьего войска", в том же году переизданную в Петербурге. Ректор Иркутской семинарии архимандрит

рит Модест опубликовал проповеди, слова и поучения Святителя Иннокентия — "О проповедничестве Св. Иннокентия, первого иркутского епископа и чудотворца" (Иркутск, 1873)³³. Неразвитость массового покупательского спроса на местную книгу в 60—70-х гг., да и в последующий период, тормозила появление издателя-профессионала. Книгоиздание могло быть лишь побочным занятием при каком-либо ином доходном деле. Так, издателями нередко становились владельцы полиграфических заведений. К ним принадлежал, например, владелец Иркутской типолитографии Н.Н. Сеницын. Из инициативных книжных начинаний Н.Н. Сеницына наибольший интерес представляют "Восточно-Сибирские календари" на 1874, 1875 и 1885 гг.³⁴ Редактором первых двух календарей был общественный деятель М.П. Шестунов. По замыслу издателей книги должны были представлять собой систематический свод разнообразных сведений по Сибири в целом или, по крайней мере, по Иркутску и Иркутской губернии. Как и во многих других издательских начинаниях, широта замыслов наталкивалась на непреодолимые препятствия при сборе материала. И тем не менее "Восточно-Сибирские календари" наполнены богатейшими сведениями о Восточной Сибири — ее природных условиях, экономической деятельности населения, врачебно-санитарном состоянии края, работе библиотек и других общественных учреждений. Встречалась в них и чисто практическая информация (о лечении тех или иных болезней, учебных заведениях, промышленных и торговых предприятиях и т.д.), и сведения из области просто "интересного".

"Восточно-Сибирские календари", в отличие от многих памятных книжек, были скомпонованы по единому издательскому замыслу. Характер включенных материалов говорит о том, что составители стремились сделать календарь-справочник и познавательным изданием, отвечающим самым разным информационным потребностям жителей Сибири. Заботились они и о внешнем облике своих книжек, что нечасто встречалось в сибирской издательской практике того времени. Типолитография Н.Н. Сеницына обеспечила изящную индивидуально выполненную обложку для календаря, а также подбор высококачественных литографированных рисунков с видами городов и портретами. По свидетельству современников, "Первый Восточно-Сибирский календарь на 1874 г." пользовался широким спросом у населения. "Восточно-Сибирские календари" по своей издательской форме и смысловому наполнению — одни из интереснейших изданий Сибири второй половины XIX в.

К неординарным явлениям сибирского книгоиздания принадлежали работы, выпущенные в Тюмени по инициативе К.Н. Высоцкого³⁵. В 1875 г. он издал в своей литографии два альбома карикатур тобольского художника и писателя М.С. Знаменского. Это сатирическая повесть в карикатурах с текстом "Моя поездка на кумыс. Клубные сонные грезы" и пародийный роман в карикатурах "Обрыв. Роман классический, картинный, отменно длинный, длинный, длинный, и сатирический, и чинный". Появление в Тюмени таких необычных для Сибири, но вполне ординарных для России издательских замыслов было неслучайно. Они зародились в среде демократической интеллигенции Тобольской губернии, где счастливо соединились судьбы художника и писателя М.С. Знаменского, сотрудничавшего в качестве карикатуриста в сатирических журналах 60-х гг. — "Искре", "Маляре", "Будильнике"; владельца собственной литографии и типографии К.Н. Высоцкого, ученика декабристов, страстного поклонника живописи; купца Г.А. Тимофеенкова, мецената, активного участника всевозможных культурных начинаний в губернии.

Оба издания явились запоздалым (по сибирским условиям) откликом на демократическую волну в российском книгоиздании 60-х гг., связанную с выпуском пародийных, шуточных изданий и альбомов карикатур с юмористическими подписями, отражавших отношение разночинной интеллигенции к различным явлениям российской действительности.

В книге-альбоме "Моя поездка на кумыс" представлены сатирические зарисовки (черно-белые штриховые иллюстрации) из жизни Тобольска, Тары, Омска с нравами их жителей, подхалимством, характерными городскими пейзажами, разрушенными избами, грязью и т.д. Походя высмеивалось и состояние отечественной прессы.

В книге М.С. Знаменского "Обрыв" дается юмористическое изображение событий романа Н.А. Гончарова с комическим текстом — собственным или в виде цитат из самого произведения. Автор высмеивает персонажи и ситуации романа, отношение Гончарова к Марку Волохову и другим героям демократического лагеря, никчемность и дворянское прекраснотворение Райского. Издание включает 57 листов с черно-белыми (в отдельных случаях подцветочными) литографиями. Свобода расположения рисунков на листе (не ограниченных рамками и размерами полей), умелое использование цвета, штриха, тона, композиции, выразительность фигур и положений — все это говорит о высоком профессиональном мастерстве художника М.С. Знаменского. Обе книги свидетельствуют и о значительных технических возможностях литографии К.Н. Высоцкого, сумевшей сохранить всю тонкость и своеобразие рисунков автора на печатном листе альбома³⁶.

В 1878 г. в типографии К.Н. Высоцкого на средства купца И.И. Игнатова было выпущено и другое интересное издание — популярные очерки А. Павлова "3000 верст по рекам Западной Сибири. Очерки и заметки из скитаний по берегам Тары, Тобола, Иртыша и Оби", выполнявшие роль дорожного путеводителя по краю. Это одна из немногих местных книг, которая была широко известна по всей Сибири и в центре. Она живо и легко написана, хорошо оформлена (на качественной бумаге, с использованием разнообразных шрифтов, виньеток, орнаментированных букв, с двухцветной литографированной картой). Книга была рассчитана на "товарный" успех и, видимо, его имела.

Как правило, с инициативой отдельных лиц или частных типографий был связан выпуск местных книг для народного чтения и учебной литературы. Их выходило крайне мало. И все же они были.

Первой работой, изданной в Сибири для народного чтения, стала беседа забайкальского учителя П.Г. Савенко "О мироздании", выпущенная в 1862 г. в Чите в типографии Забайкальского казачьего войска. Она включала основные астрономические понятия и сведения о народах разных стран. Как сообщала газета "Амур" (1862, № 32), брошюра "напечатана крупным шрифтом, на простой бумаге и стоит 15 к. Первое издание в 3 тысячи экземпляров, говорят, все разошлось уже по Забайкальской области". Вышло и второе издание этой беседы, а также ее перевод на бурятский язык, сделанный учителем А.С. Болдоновым. Брошюра служила учебным пособием для сельских школ, общий тираж составил около 8 тыс. экз.³⁷

Особенно большую потребность испытывала Сибирь в изданиях краеведческого характера, которые знакомили бы население, прежде всего детей, с родной местностью (селом, волостью, губернией). Вопрос о необходимости "пособий по родиноведению Сибири" остро ставился на первом педагогическом съезде Восточной Сибири, организованном в Иркутске в 1867 г. по инициативе Б.А. Милю-

тина. В качестве образца предлагалась напечатанная в виде приложения к "Протоколам" съезда брошюра "Описание Братской волости. Издание редакции "Сибирского вестника". Для народного чтения" (Иркутск, 1867), составленная сельским учителем Воротниковым³⁸.

Эта малопримечательная на вид брошюра была очень хорошо написана. В живой и непринужденной форме она рассказывает о возникновении Братского острога, населении волости и его занятиях, промышленности, торговле, ярмарках, характере и обычаях жителей, о природных условиях местности, животном и растительном мире, достопримечательностях, расположенных в соседних районах. Такая работа могла быть с интересом прочитана как учениками, так и взрослыми жителями селения.

Следующим опытом местного краеведческого пособия стала книга М.В. Загоскина "Иркутск и Иркутская губерния с очерком прочих губерний и областей Сибири", выпущенная в Иркутской типографии Н.Н. Сеницына в 1870 г. Это издание более четко выдержано в жанре учебника по географии и, как напечатано на последней странице текста, "составляет собственность Иркутской общественной прогимназии". Учебник был написан хорошим языком, в соответствии с задачами обучения и психологией детей. В течение двух последующих десятилетий в Сибири не вышло ни одного краеведческого пособия для народного чтения.

К ранним сибирским народным изданиям, предназначенным уже не для восполнения общеобразовательных или краеведческих знаний, а в помощь взрослому населению при решении жизненно важных практических вопросов, принадлежала брошюра "Волостной писарь". Она была подготовлена редакцией "Сибирского вестника" и напечатана в Иркутской типографии Н.Н. Сеницына в 1867 г. На пяти страницах малоформатной брошюры безымянный автор доходчиво разъясняет сельским жителям важность самим позаботиться о хорошем волостном писаре, который бы грамотно, добросовестно, со знанием законов помогал крестьянам в затруднительных случаях.

В Красноярске вышла брошюра инспектора Енисейской врачебной управы А. Бургера — "Наставления для жителей Енисейской губернии против появления и распространения разного рода повальных и заразительных болезней" (1870, 1879, 1886). "Наставления" А. Бургера написаны живо, доходчиво, простым разговорным языком. Их многократные переиздания, видимо, не случайны.

Сибирь испытывала острую потребность не только в познавательной книге для народного, и особенно детского чтения, но и в любой учебной литературе для гимназий и училищ. Первые попытки восполнить нехватку учебных пособий для гимназий предпринимаются в Иркутске. Уже в начале 60-х гг. XIX в. здесь выпускаются литографированные "Всеобщая история" (1861) и "Краткий обзор событий русской истории" (1862), составленный учителем И.А. Катаевым. В качестве учебного пособия издается брошюра И.А. Катаева "Дмитрий Донской и Куликовская битва" (1863).

Среди немногочисленных учебных пособий, вышедших в Сибири в 70-х гг. XIX в., можно назвать "Русскую азбуку" А. Павлова, изданную в Тюмени в 1873 г., учебное пособие для церковных школ и семинарий П. Громова "Уроки практического руководства для пастырей", вышедшие в Иркутске в 1873 г., литографированное "Руководство к горному искусству. Отд. 2. Горные работы" Ю. Эйхвальда, выпущенное в Барнауле в 1879 г.

Небольшую группу сибирских изданий 60—70-х гг. представляли фотоальбомы, литературные и литературно-краеведческие сборники, публикации произведений художественной литературы.

Единичные попытки издания фотоальбомов наталкивались в Сибири на слабые полиграфические возможности местных типографий, не позволявшие сделать работу на современном техническом уровне.

К подобным изданиям принадлежал, например, "Альбом Тобольских видов", отпечатанный в типографии Тобольского губернского правления в 1864 г. (текст К. Голодникова, фотографии П. Паутова). Этот альбом лишь с некоторой долей условности можно назвать изданием — он имел обложку с заголовком и выходными данными, тонкие листы с объяснительным печатным текстом, предварявшие каждую иллюстрацию, но сами иллюстрации представляли собой "живые" фотографические снимки, наклеенные на листы картона. Такая "полиграфия" в 60—70-х гг. изредка встречалась даже на страницах центральных изданий.

Во второй половине XIX в. в России большое распространение получили литературные и научно-литературные сборники и журналы, пришедшие на смену альманахам 20—40-х гг. Возникая в провинциальных городах, они концентрировали внимание общественности на проблемах развития края, объединяли вокруг себя местные творческие силы. В начале 60-х гг. сибирская интеллигенция (писатель-областник Н.С. Щукин, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин и др.) пыталась организовать издание журнала "Сибиряк", который должен был освещать самые разные вопросы местной жизни, истории, культуры, публиковать произведения художественной литературы. Главный инициатор "Сибиряка" Н.С. Щукин рассчитывал на финансовую и практическую помощь земляков, живущих в центре. В апреле 1862 г. программа журнала была одобрена министром народного просвещения А.В. Головниным, но вышедшее через три недели после этого распоряжение о временном запрещении всех вновь заявленных периодических изданий разрушило планы³⁹.

Подготовленные для журнала материалы легли в основу сборника "Сибирские рассказы", изданного Н.С. Щукиным в Иркутске в 1862 г. Это был первый литературный сборник, вышедший в Сибири. В него вошли произведения исключительно местной тематики — рассказы И.В. Федорова-Омулевского, самого Н.С. Щукина и ряда других авторов (печатавшихся в основном под псевдонимами). Несмотря на неказистый внешний вид, сборник быстро разошелся по Сибири, и издатель в предисловии к книге благодарит читателей "за сочувствие и материальную поддержку". "Несмотря на все затруднения со стороны местных и независимых от редакции обстоятельств, — пишет он, — билеты на значительное число экземпляров этой книги были раскуплены в Иркутске и других сибирских городах за несколько месяцев до выхода в свет "Сибирских рассказов"

Следующая коллективная работа сибиряков была выпущена в 1876 г. в Петербурге — научно-литературный сборник газеты "Сибирь" (т. 1). Сборник был подготовлен редакцией иркутской газеты, в которой накопился интересный литературный и исторический материал, не укладывавшийся в газетные рамки. В сборник вошли первая часть романа М.В. Загоскина "Магистр", "Некультурные расы" Г.Н. Потанина (под псевдонимом — Авесов), "Чувства Сперанского в Сибири" Н.М. Ядринцева, "Письма из Приаргунья" И.В. Багашева и многие другие работы. Продолжить выпуск сборников редакции не удалось.

В Петербурге увидело свет еще одно издательское начинание, задуманное в Сибири. В 1875—1876 гг. Б.А. Милютин, переехав из Иркутска в столицу, выпустил два тома "Сборника историко-статистических сведений о Сибири

и сопредельных ей странах". Аналогичный сборник (или журнал) он пытался издавать в 60-х гг. в Иркутске. Там же Б.А. Милютин собирался выпустить два научно-литературных сборника на основе неизданных материалов газеты "Амур". Оба начинания в сибирских условиях не увенчались успехом. Своим петербургским сборником Б.А. Милютин стремился, как он писал в предисловии к изданию, пробудить творческую активность сибирской интеллигенции, дать выход накопившемуся в крае исследовательскому и литературному материалу. Вышедшие тома финансировались иркутским купцом А.К. Трапезниковым. Сборники были построены крайне хаотично, с огромным количеством отдельных пагинаций. Казалось, редактор-издатель сделал все, чтобы затруднить доступ читателя к публикуемым работам. И тем не менее издание было полезно. В нем напечатаны материалы к библиографии Сибири, произведения В. Вагина, Н. Кострова, Н. Наумова, А. Щапова и многих других авторов, впервые увидело свет прозаическое сочинение М. Александрова "Воздушный тарантас (путевые заметки по Восточной Сибири)", написанное еще в 20-е гг. XIX в.

Произведения художественной литературы в эти годы в Сибири почти не издавались ввиду заведомой убыточности и трудоемкости предприятия, слабости полиграфической базы, цензурных затруднений. В качестве исключения можно назвать две небольшие книжки поэта, краеведа, ученого, просветителя и педагога Д.П. Давыдова. Первая из них была лишь условно сибирским изданием. Это поэма "Ширэ гуылгуху. (Волшебная скамеечка)", написанная по мотивам бурятского народного поверья. Вышла она в 1859 г. с указанием Верхнеудинска как места издания (автор в то время работал смотрителем училищ Верхнеудинского округа). Отпечатана же книга в типографии Казанского университета, что значит на обороте ее титульного листа.

В 1871 г. в Иркутске в типографии Н.Н.Синицына вышел сборник Д.П. Давыдова "Поэтические картинки". Сам автор назвал его "переложным в ямбы" "поучительным рассказом" о том, что "в памяти усталой яснее прочего мелькало"⁴⁰. Издание весьма непритязательно по внешнему виду, напечатано на дешевой серой бумаге, без каких-либо дополнительных оформительских приемов, кроме скромной орнаментальной рамки на обложке. Небольшой тираж сборника расхотелся на протяжении многих десятилетий.

За пределами сибирских издательских возможностей оставались многие произведения местных писателей.

В то же время в центре литературная Сибирь 60—70-х гг. заявила о себе достаточно весомыми именами и изданиями. В Петербурге вышла книга А.А. Черкасова "Записки охотника Восточной Сибири" (1867), роман И.В. Федорова-Омулевского "Шаг за шагом" (ч. 1—3) под заглавием "Светлов, его взгляды, характер и деятельность" (1870—1871), повесть М.С. Знаменского "Исчезнувшие люди" (в сборнике: Турбин С. и Старожил "Страна изгнания и Исчезнувшие люди. Сибирские очерки". 1872), сборник И.А. Кущевского "Маленькие рассказы, очерки, картинки и легкие наброски" (1875), упоминавшийся уже неоконченный роман М.В. Загоскина "Магистр". В 1874 г. народнический кружок чайковцев издал сборник рассказов Н.И. Наумова "Сила солому ломит", пользовавшийся особой популярностью в среде революционной молодежи.

Печатались в центре и сибиреведческие работы, иногда за счет российских научных и иных обществ, но чаще всего с помощью меценатов. Так, в Петербурге, в основном на средства бывшего иркутского золотопромышленника С.Ф. Соловьева, были изданы важнейшие труды Р.К. Маака — "Путешествие

на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в 1855 г." (1859), "Путешествие по долине р. Уссури" в двух томах (1861). В 1859 г. был выпущен альбом рисунков "К путешествию по Амуру, совершенному от Сибирского отдела Императорского Русского географического общества Р.К. Мааком" (по материалам художника Е.Е. Мейера и Р.К. Маака). В 1868 г. в Петербурге вышли путевые записки Ю.И. Кушелевского "Северный полюс и земля Ямал". Автор совершил сложнейшие путешествия по междуречью Оби и Енисея и приполярному Уралу в поисках пути соединения Енисея с Печорским морским портом. Книга богато иллюстрирована и снабжена подробной картой. Обложка, а возможно, и 15 гравюр книги выполнены тобольским художником М. Знаменским⁴¹.

Там же, в Петербурге, были напечатаны получившие широкую известность работы сибирского общественного деятеля, историка, писателя-публициста В.И. Вагина "Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг." (т. 1—2, 1872), Н.М. Ядринцева "Русская община в тюрьме и ссылке" (1872), ряд трудов Н.А. Кострова. В Москве вышло трехтомное "Описание Западной Сибири" (1862—1867) И.И. Завалишина, прожившего в сибирском изгнании почти 40 лет и вернувшегося после 1865 г. в столицу.

Книги дальневосточников из-за почти полного отсутствия местной полиграфической базы в 50—70-х гг. печатались только за пределами края. В Петербурге был, например, издан ряд трудов горного инженера, исследователя полезных ископаемых Дальнего Востока И.С. Боголюбского — "Историко-статистический очерк производительности Нерчинского горного округа в 1703—1871 гг." (1872), "Очерк Амурского края, южной части Приморской области и острова Сахалина, в геологическом и горно-промышленном отношении" (1876), "Краткий очерк Амурского края" (1876); работы ученого, общественного деятеля, чиновника в управлении дальневосточными областями Ф.Ф. Буссе — первое издание "Указателя литературы об Амурском крае" (1874), "Список слов бытового назначения некоторых кочевых народов Восточной Сибири" (1880).

Работы сибирских и дальневосточных авторов издавались не только в Петербурге и Москве. Так, в Казани были напечатаны труд основателя Минусинского местного музея, натуралиста Н.М. Мартьянова "Очерк растительности окрестностей деревни Моркваш" (1874), каталоги Тюменской публичной библиотеки А.В. Эркичева (1865) и Томской публичной библиотеки (1866), ряд религиозных изданий, в Вятке — первый каталог книг и учебных пособий Сибирского книжного магазина Михайлова и Макушина в Томске (1873).

4. РУКОПИСНАЯ КНИГА

В 50-х гг. XIX в. литературная, публицистическая, журналистская деятельность в Сибири обрели ошутимый размах. Усилилась и общественная активность граждан, жаждавших социальных и демократических перемен.

В кругах сибирской интеллигенции зарождалось множество издательских замыслов, которые по финансовым, полиграфическим, цензурным или иным условиям не могли быть реализованы в печатном виде. Часть этих замыслов воплощалась в рукописных произведениях.

В то же время авторы не всегда претендовали на печатный статус своего творчества, создавая его для себя и близких друзей. Но и в этом случае они делали "издание" — придавали ему форму газеты, журнала, сборника и смотрели на него

как на произведение печати, книгу, призванную донести до людей определенные факты, суждения, поэтические образы.

Рукописная книга, рождавшаяся в определенной общественной среде, в большей степени, чем напечатанные подцензурные работы, отражала социально-психологический и культурно-эстетический уровень этой среды, характерные для нее политические воззрения. Д.И. Завалишин, первым обративший внимание на сибирскую рукописную литературу XIX в. в своей неопубликованной статье "Литература, театр и художества в Сибири", считал рукописное творчество одним из самых ярких и показательных проявлений литературной жизни в Сибири⁴².

Исключительное влияние рукописной книги на читателей было отмечено представителями центральной власти. Барон Корф в докладе Александру II в 1855 г. отмечал, что цензурные строгости приводят к распространению рукописной литературы, для правительства гораздо более опасной, "ибо она читается с жадностью и против нее бессильны все полицейские меры"⁴³.

Создание рукописных сибирских газет и журналов нередко предшествовало появлению периодической печати. Но с возникновением в городе печатной газеты и книгоиздания рукописная книга обычно не прекращала существования. Эти две стороны сибирской книжной культуры на протяжении всей второй половины XIX в. активно дополняли друг друга, отражая различные аспекты духовной, политической жизни общества.

Во второй половине XIX в. рукописная периодика, как правило, создавалась в среде демократической интеллигенции, в кругу политических ссыльных и заключенных. Она возникала в местах, где общественно-политическая, экономическая и культурная жизнь отличалась особенной интенсивностью. В середине XIX в. таким районом продолжала оставаться Восточная Сибирь. Именно здесь и появились наиболее значительные образцы рукописных работ.

Рукописная книга конца 50-х — 70-х гг. XIX в. по своей форме и жанровым особенностям продолжала совершенствовать традиции творчества предшествующего периода. Выпускались литературные произведения, сборники познавательного характера, содержавшие перечень событий общественной и культурной жизни, выписки из различных сочинений, бытовые записки (лечебные советы, опыты из хозяйственной практики), газеты и журналы.

Жанры рукописных книг в этот период стали более разнообразными. Выходили сатирические листки, альбомы карикатур, обличительные памфлеты, сборники анекдотов, драматические произведения. Усилилась политическая острота газет и журналов, совершенствовалась их форма.

Наиболее яркий всплеск рукописной публицистики относится к середине 50-х — началу 60-х гг. XIX в., периоду генерал-губернаторского правления Н.Н. Муравьева. С одной стороны, административная деятельность этого молодого, энергичного и умного государственного деятеля внесла заметное оживление в культурную жизнь Восточной Сибири, способствовала, например, появлению первых частных органов периодической печати в Иркутске и Кяхте (газет "Амур", "Кяхтинский листок"). С другой стороны, в иркутском обществе росла отрицательная реакция на многие жесткие, подчас необоснованные, действия Н.Н. Муравьева.

По рукам ходило большое число рукописных обличительных стихов, памфлетов, сатирических од. С критикой муравьевского правления связаны и три рукописных журнала, возникших в Иркутске в 1857 г., — "Мещанин", "Козуля", "Заушаковский вестник". "Мещанин" выпускался представителями демократических кругов иркутского общества. Место выхода журнала и имена его создателей

тщательно скрывались. Содержание его говорит о высоком культурном уровне составителей. Дошедший до нас первый номер журнала состоял из 29 страниц размером в 1/4 писчего листа. Написан он был грамотно, мелким размашисто-канцелярским почерком. На обложке печатными буквами старательно выведено: "Мъщанинъ, 1.1856"⁴⁴.

По структуре и техническому оформлению рукопись являлась прототипом печатного общественно-политического, литературно-художественного журнала, включала стандартные для такого рода периодических изданий разделы: I. Место программы; II. Отдел изящной словесности; III. Отдел политики и внутренних известий; IV. Отдел путешествий; V. Отдел критики.

Представленные в каждом разделе материалы носили сугубо сатирический характер. Как правило, освещались злободневные вопросы местной жизни.

"Учено-литературный" журнал "Козуля" выпускался воспитанниками низших классов Иркутской семинарии, однако его сатирическая направленность говорит о серьезном участии взрослых в подборе материалов и составлении сборников. Специалисты предполагают, что "Козуля" могла возникнуть под влиянием и при участии М.В. Загоскина⁴⁵. Два номера журнала были найдены после смерти М.В. Загоскина в его личном архиве. Видевший их ответственный секретарь газеты "Восточное обозрение" В.С. Ефремов, писал, что "детский профиль его (журнала. — Ред.) не что иное, как остроумная маскировка"⁴⁶. В издании обличалось хищничество, своеволие и самодурство местных властей. На третьем номере журнал прекратил существование — он был запрещен официальными властями.

Журнал "Заушаковский вестник" до нашего времени не дошел. О нем можно судить лишь по косвенным свидетельствам. Так, в разделе "Критика" "Мещанина" (№ 1) был помещен обзор второго и третьего номеров журнала. "Заушаковский вестник" критиковался за отсутствие четкой общественно-политической позиции. "В наше время, — писал обозреватель, — необходимо иметь журналу знамя — ежели он хочет быть журналом не по одному названию"⁴⁷.

К иркутским рукописным "изданиям" середины XIX в. принадлежало и драматическое произведение в трех действиях "Колокольников". Рукопись неизвестного автора была написана четко и грамотно, мелким размашисто-канцелярским почерком (как и "Мещанин") на тонкой бумаге в 1/8 писчего листа, аккуратно сшита и вложена в плотную ярко-зеленую обложку. Так же как журналы "Мещанин" и "Козуля", она была найдена в личном архиве М.В. Загоскина. По рукописи нельзя установить ни точную дату, ни место "издания", однако смелый обличительный тон драмы, сибирский колорит сближают ее с традициями иркутской рукописной литературы того времени⁴⁸.

Примечательным рукописным иркутским "изданием" начала 60-х гг. XIX в. является сборник "Либералист, или собрание разных либерально-литературных произведений русских авторов". Он знаменовал собой начало выпуска нелегальных работ в Сибири, пока еще рукописных.

До нас дошел лишь один выпуск сборника, помеченный 1860—1863 гг. Он хранится в фондах Государственного архива Свердловской области. Внешний вид рукописи говорит о том, что она побывала в руках большого количества читателей. Сборник содержит 332 страницы карманного формата, на которых помещено 25 статей и 63 стихотворения из различных подпольных и запрещенных изданий: "Колокола", "Полярной звезды", "Голосов из России", "Великорусса" и др. Некоторые материалы "Либералиста" переписаны с других рукописных копий — их не было даже в нелегальной печати.

Большое место среди переписанных работ занимали статьи А.И. Герцена, В.Г. Белинского, М.П. Михайлова. Переписано с чьей-то рукописной копии и затем исправлено по публикации в "Полярной звезде" знаменитое письмо В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю. В рукопись внесены стихотворения А.С. Пушкина "Послание в Сибирь" и ответ на него А.И. Одоевского, запрещенные стихи Н.А. Добролюбова, Н. Огарева, В. Курочкина, К. Рылеева, М. Дмитриева, эпиграммы на Николая I, стихотворение А.П. Щапова "К Сибири". Многие произведения давались без указания автора.

В течение трех лет составители сборника накапливали нелегальные материалы, поступавшие в Иркутск из Лондона, Петербурга, Москвы, Казани, Нижнего Новгорода, Кяхты и других мест. Среди предполагаемых составителей-редакторов сборника исследователи называют М.В. Загоскина и Н.А. Белоголового, которые были иркутскими корреспондентами А.И. Герцена, учителя Иркутской гимназии Н.С. Щукина, товарища Н.А. Добролюбова по Петербургскому педагогическому институту⁴⁹.

По содержанию "Либералист" являлся своеобразной антологией бесцензурной революционной литературы, отражал круг интересов и политических устремлений иркутской демократической молодежи того периода.

Еще один иркутский рукописный журнал — "Обыденник" — продолжал традиции летописно-дневниковой литературы, сложившиеся в Сибири в более раннее время. Один из его номеров, относящийся к 1860 г., описан М.К. Азадовским⁵⁰. На журнале значилось, что он "выходит в числе единственного экземпляра. Дни выхода не назначаются". Журнал был предназначен для узкого круга "своих" читателей и представлял собой непритязательные, "обыденные" дневниковые записи, освещающие как незначительные события личного характера, так и факты общественного значения. Он состоял из отделов "Воспоминания", "Новости", "Смесь", "Философия" (последний содержал сатирический выпад по чьему-то адресу). Помещенная в журнале большая статья политического характера "Об администраторах Восточной Сибири. Отрывок" дает основание причислить его к образцам оппозиционно-обличительной рукописной литературы. Редактор-издатель "Обыденника" скрывал себя под псевдонимом Ангаров-Ушаковский. По предположению М.К. Азадовского, это был пожилой иркутский житель, принадлежавший к купеческой или мещанской среде, один из читателей герценовского "Колокола".

В 60—70-х гг. рукописные журналы и газеты, как правило сатирического характера, выходили не только в Иркутске, но и в других населенных пунктах Восточной Сибири. Так, в селе Каратузе Минусинского округа в 1863 г. местный литератор-самоучка, письмоводитель В. Суриков выпускал еженедельную сатирическую рукописную газету "Шаман, или Сойотская иллюстрация" (на двух листах большого формата, с карикатурами). Газета выходила в одном экземпляре, но имела широкое хождение в округе. Она соперничала с первой частной печатной сибирской газетой "Амур". Вышло около 30 номеров⁵¹.

Особенно много рукописных работ возникало в Забайкалье — старейшем культурном районе юго-восточной окраины России. Литературная жизнь Забайкалья (Нерчинска, Селенгинска, Нерчинского Завода, Кяхты) складывалась под влиянием декабристов и других политссыльных. Здесь проживало большое число активно работавших интеллигентов — учителей, врачей, исследователей-краеведов, которые стремились к созданию общественно-литературного органа гласности. В условиях Забайкалья он мог быть только рукописным.

В 60-х гг. в Нерчинске продолжал выходить рукописный юмористический журнал "Реставрационный листок", начатый в 50-х гг. М.А. Зензиновым. В 1865—1866 гг. его выпускал горный инженер П.Л. Михайлов, брат ссыльного поэта-демократа. В этот период журнал отличался наибольшей боевитостью, помещал стихи революционного содержания. "Реставрационный листок" продержался дольше всех рукописных журналов, он выходил в общей сложности более десяти лет⁵².

Под влиянием "Реставрационного листка" историк, краевед и литератор, будущий профессиональный журналист И.В. Багашев в 1866 г. начал выпускать в Нерчинском Заводе рукописный журнал "Нерчинско-Заводской наблюдатель"⁵³. Главную задачу И.В. Багашев видел в том, чтобы "содействовать сломке обветшалого и созиданию нового на выводах здравого смысла" (Нерчинско-Заводской наблюдатель, 1866, № 1, 21 мая). Журнал имел четыре отдела: общественно-исторический; литературно-художественный; фельетона ("Прокаты"); писем читателей, современных событий и хроники ("Всячина"). Давался различный материал по истории края, делались выписки из столичных газет и "Современника", связанные с Сибирью. В литературном отделе публиковались поэмы и стихи Ф.И. Бальдауфа, П.С. Кожевникова, Ф.М. Мокеева и других местных поэтов. За острую критику И.В. Багашев получал неоднократные предупреждения от властей. В январе 1868 г. на № 25 журнал прекратил существование "по не зависящим от издания причинам".

"Нерчинско-Заводской наблюдатель" выходил тетрадками большого формата, каждая от 4 до 12 листов четкого рукописного текста, размещенного в две колонки (всего около 250 страниц). Периодичность определялась "по потребностям момента". Выпускался журнал в двух-трех экземплярах, которые были зачитаны современниками до дыр.

"Нерчинско-Заводской наблюдатель" — один из интереснейших образцов дошедшей до нас рукописной бесцензурной периодики. С одной стороны, он, так же как и "Либералист", знаменовал начало в Сибири нелегальной издательской деятельности, с другой — служил подготовительным этапом для создания настоящего печатного органа.

В 1874—1875 гг. в Нерчинском Заводе возник еще один рукописный журнал — "Гоголь-моголь", который выпускал Х.Х. Кандинский (дядя художника-модерниста). После выхода нескольких номеров "Гоголь-моголь" перебазировался в Селенгинск. В журнале остроумно высмеивались "герои дня", сообщались новости местной жизни⁵⁴.

В 1876 г. в Кяхте по инициативе Х.Х. Кандинского стал выпускаться сатирический листок "Добрый час". Вышло 18 номеров. Среди авторов этой газеты был врач К.П. Козих, натуралист А.М. Ломоносов и др. Стихи писал Х.Х. Кандинский⁵⁵. В Верхнеудинске в 1878 г. выходил "Ярмарочный листок" (известно пять номеров)⁵⁶.

В 60-х гг. XIX в. в Сибири появились первые рукописные журналы и газеты, создаваемые политическими ссыльными. На новом этапе они продолжали традиции, заложенные декабристами. Участие в рукописной периодике помогало политическим ссыльным осмыслить свои революционные действия и взгляды, найти место в подневольной сибирской жизни, получить возможность общения с товарищами по судьбе.

Первые опыты политических ссыльных второй половины XIX в. в рукописной периодике принадлежали участникам польского восстания 1863 г. В 1864 г.

партия ссыльных поляков по пути из Тобольска в Томск выпускала газету "Этап". Ею же создавался и юмористический листок "Оса"⁵⁷.

Весной 1865 г. черемховская колония польских ссыльных (Иркутская губерния) выпускала рукописный общественно-политический и литературно-художественный журнал "Метеор". Его издателями были Ю.Чехович, М. Моргулец и В. Сенкевич. Журнал выходил на польском языке два раза в месяц и продавался по 2 к. за экземпляр. С № 4 в связи с увеличением числа подписчиков, а следовательно и трудов редакции, цена повысилась до 3 к. Районами распространения "Метеора" были Балаганский и Нижнеудинский округа Иркутской губернии, где размещалось большое число ссыльных поляков. С помощью журнала налаживались связи между отдельными группами ссыльных, проводилась агитационно-пропагандистская работа. Журнал был обнаружен местными властями и в том же 1865 г. на № 5 прекратил существование. В Государственном архиве Иркутской области (фонд № 24) сохранились русские переводы материалов всех пяти номеров, однако оригиналов отыскать не удалось.

В 1865—1866 гг. выпускались рукописные газеты и в других центрах размещения ссыльных поляков — деревне Лиственичной, в Забайкалье⁵⁸.

Все эти работы предваряли собой широкий поток рукописной книги, создаваемой в Сибири в 80-х — первой половине 90-х гг. многочисленными группами ссыльных народников.

5. КНИГА НА ЯЗЫКАХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В середине XIX в. с присоединением к России дальневосточных и казахских территорий в основном завершилось формирование национального состава азиатской части империи. Русские ученые и путешественники продолжали интенсивное изучение сибирских и дальневосточных народов.

В публикациях второй половины XIX в., "Записках" и "Известиях" местных отделений ИРГО, изданиях Петербурга и Москвы появилось много языковедческих работ и сборников фольклорных текстов народов азиатской части страны. К наиболее выдающимся трудам такого рода, изданным в конце 50-х — 70-е гг. XIX в., принадлежал и первый том многотомного труда В.В. Радлова "Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи" (СПб., 1866), "Полный маньчжурско-русский словарь" И.И. Захарова (СПб., 1875).

Большой вклад в изучение языков коренных народов Сибири и Дальнего Востока внесли политические ссыльные. Находясь в ссылке в среде аборигенов, многие из них в совершенстве овладели языком местных жителей. Скорейшему его усвоению служили составляемые ими рукописные языковые словари, записи различных разговорных текстов и народных преданий. В большинстве случаев эти занятия перерастали из сугубо личных в научные исследования, целенаправленный сбор фольклорного материала, углубленное изучение языка, составление его грамматики.

Во второй половине XIX в. заметно возросла переводческая и книгоиздательская активность православных миссионеров. В 50—60-х гг. она была связана, прежде всего, с деятельностью Синода и синодальных типографий Петербурга и Москвы. В 1867 г. центр миссионерской работы на Востоке переносится из сто-

лиц в Казань⁵⁹. С открытием Казанского братства святителя Гурия начинается новый этап миссионерства, поставивший дело перевода и издания книг на языках народов востока России на качественно новый уровень. В 1876 г. при братстве организуется переводческая комиссия с секциями на 20 языках восточных окраин страны. Членом и председателем ее становится Н.И. Ильминский, миссионер новой формации, страстный поборник христианской проповеди среди "инородцев" на их родных языках. Из отдаленных местностей Сибири и Дальнего Востока от разных миссий стали поступать в комиссию переводы Священного писания, житийной литературы, религиозно-нравственных поучений, молитвенников, грамматик, азбук и т.д. на алтайском, якутском, бурятском, алеутском, чукотском, хантыйском, эвенкийском, нанайском и других языках. Комиссия принимает меры к исправлению и печатанию этих переводов, стремится сделать их "по духу, а не по букве", используя живой, народный, а не книжный язык. Переводы апробируются на грамотных "природных инородцах", которые для этой цели вызывались в комиссию.

Деятельность Казанского общества св. Гурия и его комиссии в значительной степени активизировала процесс формирования миссионерского книгоиздания на национальных языках Сибири и Дальнего Востока.

На протяжении XIX в. на территории Сибири возникает и действует большое число православных духовных миссий, усилия которых направлены на распространение христианства среди определенных народностей (Алтайская, Киргизская, Обдорская, Забайкальская, Камчатская, Иркутская, Амурская, Гольдская и др.). Большинство этих миссий в той или иной мере занимались переводческой и издательской деятельностью, однако далеко не все из них имели на это силы и средства, квалифицированных священников, знающих к тому же местные языки. Кроме того, представители ряда миссий (особенно в Забайкалье) долгое время были принципиальными противниками перевода священных книг на языки коренных народов, считая, что "обрусения инородцев" легче добиться с помощью русской грамотности и русской книги. Поэтому издательская деятельность различных миссий была неоднородна по своим масштабам и качеству⁶⁰.

Наибольших успехов в книгоиздании достигла Алтайская духовная миссия⁶¹, которая на протяжении всего XIX в. имела в своем составе выдающихся миссионеров — признанных ученых, этнографов и лингвистов, в совершенстве владевших алтайским языком, активных сторонников образования на родном языке (Макарий Глухарев, В.И. Вербицкий, Макарий Невский, С.В. Ландышев и др.). Это заложило основы масштабной по тем временам переводческой и издательской деятельности миссии.

Начальный период издательской деятельности Алтайской духовной миссии относится к 60-м гг. XIX в. При содействии архимандрита Макария (Невского) в 1865 г. в Петербургской синодальной типографии были напечатаны первые книги на алтайском языке — "Земная жизнь Господа нашего Иисуса Христа", "Беседы готовящемуся к святому крещению: Об истинном Боге и истинной вере", "Евангелия воскресные (утренние), на двенадцатые праздники и страстную седмицу", "Послесловие часов" и "Исповедь". На двух последних изданиях указано, что они написаны "на татаро-калмыцком наречии алтайских инородцев". Это связано с тем, что в XIX в. северных алтайцев нередко называли татарами, а южных — калмыками⁶².

Начиная с 1865 г. благодаря появлению первых алтайских книг богослужения в миссионерских церквях Горного Алтая стали проводиться на родном языке местного населения.

Особое место среди изданий, подготовленных архимандритом Макарием (в те времена — иеромонахом) совместно с М.В. Чевалковым, занимал "Букварь для обучения детей крещеных алтайских инородцев церковному и гражданскому чтению", напечатанный в Петербургской синодальной типографии в 1868 г. Обучение по нему начиналось чтением на алтайском языке, затем делался переход к русскому, после чего давался текст на обоих языках. К букварю были приложены главнейшие молитвы и книжка для чтения с текстами из Священного писания. Благодаря предложенной методике обучение алтайских детей грамоте значительно ускорилось⁶³.

В 1869 г. в типографии Казанского университета была напечатана "Грамматика алтайского языка" — плод более чем тридцатилетней переводческой и научной деятельности алтайских миссионеров. Это — объемистый том большого формата (около 600 страниц текста и приложений), в основу которого было положено "Руководство к изучению алтайского языка", составленное В.И. Вербицким, дополненное и исправленное Н.И. Ильминским при участии Макария Невского. На обложке и титульном листе книги сведения об авторстве отсутствуют, указано лишь, что она "составлена членами Алтайской миссии". Тираж издания составлял 1200 экз.⁶⁴ В приложении к "Грамматике" были даны русско-алтайский и алтайско-русский словари. Разработанная в учебнике орфографическая система широко использовалась в позднейших изданиях миссии. Не утратила "Грамматика" своего научного значения и сегодня. Академик А.Н. Кононов отозвался о ней, как о "составившей эпоху в грамматической разработке тюркских языков", "вошедшей в золотой фонд мировой тюркологии"⁶⁵.

В 1876 г. при Алтайской миссии создается переводческая комиссия для издания на алтайском языке богослужебных и духовно-назидательных книг. Учреждается собственная цензура, что еще больше расширяет издательские возможности миссии. Появляются первые книги на алтайском языке, изданные в Томске, например "Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея", напечатанное в типографии В.В. Михайлова и П.И. Макушина в 1878 г. В 1879 г. в Казани издаются "Священная история Ветхого и Нового Завета", переложенная с татарского на алтайский язык воспитанниками миссионерского Улалинского училища, и "Воскресное всенощное бдение" с параллельными текстами на церковнославянском и алтайском языках.

Важным культурно-историческим событием в жизни алтайского народа стала публикация произведений миссионера и толмача Алтайской духовной миссии М.В. Чевалкова, выходца из племени телеутов, который первым из коренных жителей Алтая начал писать и печататься на родном языке⁶⁶. Ученик основателя миссии Макария (Глухарева), он во многом самостоятельно постиг законы алтайского и русского языков. Первым оригинальным произведением алтайской литературы стал автобиографический очерк "Жизнь Чевалкова", написанный по просьбе тюрколога В.В. Радлова в форме письма к нему. Очерк помещен в книге "Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзюнгарской степи" В.В. Радлова (СПб., 1866). М.В. Чевалков записывает и переводит на русский язык алтайские сказки, легенды, песни, пословицы, поговорки; переводит на алтайский язык жития святых, басни И.А. Крылова. Он пишет собственные басни, подражая русскому баснописцу, и статьи в стихах на темы местной жизни. В 1872 г. в Казани при поддержке проф. Н.И. Ильминского выходит первое издание "Поучительных статей в стихах на алтайском языке" М.В. Чевалкова. В 80—90-х гг. издаются и другие сборники его произведений. Стихи и басни М.В. Чевалкова соединяют в себе черты русской поэтики с традициями

устного народного творчества алтайцев. Для книжной культуры Алтая издание произведений М.В. Чевалкова — это первый и важный шаг на пути создания собственной национальной книги.

В 50-х гг. XIX в. расширяется издание книг на якутском языке. С острова Ситха из русской Америки в Якутск переводится духовная семинария. В 1855 г. по представлению архиепископа Камчатского Иннокентия (И.Е. Вениаминова) Синод учредил в Якутске Комитет из духовных лиц по переводу священных и богослужебных книг на якутский язык. Председателем Комитета стал протоиерей Дионисий (Д.В. Хитров).

Для печатания якутских переводов Дионисий был командирован в Петербург и Москву. Под его редакцией в 1857—1858 гг. в Московской синодальной типографии были отпечатаны "все книги Нового Завета, кроме Апокалипсиса; из книг Священного писания Ветхого Завета — две: Бытия и Псалтырь; из богослужебных — Служебник с Требником, Канонник, Часослов; для поучений — Указание пути в Царствие Небесное и несколько поучений на разные случаи, а для правильности чтения якутского языка — составленная протоиереем Хитровым "Азбука" и "Грамматика"⁶⁷. Тексты церковных книг были напечатаны обыкновенными славянскими буквами.

Якутские алфавиты, построенные на русской графике, существовали с начала XIX в., но единого и общепризнанного не было. Для составления грамматики Дионисий создал свой алфавит, используя алфавиты Г. Попова и О.Н. Бётлингка. По "Краткой грамматике якутского языка" Д. Хитрова велось преподавание в духовной семинарии и других учебных заведениях. На основе его алфавита было напечатано несколько церковных книг. Однако массового распространения он не получил. Наиболее популярным продолжал оставаться алфавит О.Н. Бётлингка⁶⁸.

Всего в 50-х гг. в Москве было выпущено 19 изданий на якутском языке. Создание областной типографии в 1861 г. в Якутске позволяло печатать миссионерскую литературу на месте. В 1862 г. был образован Духовный цензурный комитет для издания церковных книг на якутском языке. Согласно архивным документам, в 1864 г. в него поступили рукописные книги Пространного Катехизиса и второго тома сочинений святителя Тихона Воронежского и Елецкого, переведенные на якутский язык Петром Афанасьевым. Сын покойного переводчика Алексей Афанасьев обращается к епископу Якутскому с просьбой об издании переводов⁶⁹. К сожалению, судьба рукописей до сих пор неизвестна. Первые сохранившиеся до настоящего времени книги, изданные на якутском языке областной типографией, — это "Краткая Священная история" с параллельным текстом на русском и якутском языках (1866) и "Краткая Священная история" на якутском языке (1867), обе в переводе священника Петра Попова.

Центром по подготовке и изданию книг для малочисленных народов Тобольского Севера^{**} была Обдорская миссия, учрежденная в 1832 г. Долгое время она не имела возможности публиковать свои работы, хотя переводы на языки коренных народов Северного Приобья создавались. Так, автору словаря селькупского языка, члену Обдорской миссии протоиерею Петру Попову из-за невозможности напечатать работу пришлось за небольшую плату передать рукопись в библиотеку Академии наук⁷⁰. В 1879 г. в Казани были изданы две работы на языках абори-

* Якутско-русский букварь. М., 1858; Краткая грамматика якутского языка. М., 1858.

** К ним относятся ханты (остяки), селькупы (остяко-самоеды), манси (вогулы), ненцы (самоеды), татары.

генов Тобольского Севера — "Азбука для инородцев Нарымского края", составленная Н.П. Григоровским, и "Священная история" на селькупском языке.

На языках коренного населения Дальнего Востока можно назвать лишь отдельные издания, выпущенные в конце 50-х — 70-е гг. XIX в. Так, в 1858 г. в Московской синодальной типографии был напечатан "Тунгусский словарь", составленный миссионером протоиереем Стефаном Поповым. Это первое из известных нам изданий на эвенкийском (тунгусском) языке. В 1867 г. архимандрит Епифаний переводит грамматику тунгусского языка, составленную на немецком языке академиком М.А. Кастреном⁷¹. В 1869—1870 гг. миссионер Гольдской миссии А. Протодяконов напечатал в "Иркутских епархиальных ведомостях" "Русско-гольдский словарь"^{***}. В 1880 г. в Казани в переводе С. Попова напечатано Евангелие на эвенском языке.

Формирование бурятского книгоиздания проходило под перекрестным воздействием самых разных политических, социальных и культурных сил: направленной национальной политики местных и центральных властей, противоборства буддийского и христианского вероучений, потребности сохранения единства с монгольским миром и важности приобщения к русской государственности и культуре, а через них и к культуре европейской. В горниле всех этих противоборствующих тенденций и рождалась бурятская книга (именно бурятская, а не книга для бурят), так как в ее создании активно участвовала собственная национальная интеллигенция⁷².

По положению о ламаистском духовенстве 1853 г. дацанам не разрешалось печатать каких-либо сочинений или изображений. Духовную литературу полагалось выписывать из-за границы (Тибета, Китая, Монголии) по представлению военного губернатора Забайкальской области. Однако губернатор не возражал, чтобы буддийские священные и богослужебные книги и молитвы печатались в дацанах, так как это ограничивало связи бурятских лам с иностранным духовенством. В забайкальских дацанах переиздавали старые буддийские ксилографы, содержащие монгольский перевод древних буддийских легенд или тибетских медицинских сочинений, изготовляли новые ксилографические доски с самобытными бурятскими сочинениями — нравоучительными трактатами, стихами, хрониками, летописями, памятниками бурятского фольклора⁷³. В 1869 г. Агинский дацан выпустил каталог (горчак) своих изданий, напечатанных на монгольском языке. В 1868 и 1870 гг. подобные каталоги выпустил Цугольский дацан⁷⁴. В 1877 г. свои типографии имели 29 дацанов. В них было отпечатано 494 монгольских и тибетских издания⁷⁵. Часть книг печаталась в тайных типографиях, так как светскую литературу издавать было запрещено.

Одной из первых книг, в которой для передачи монгольской речи был использован церковно-славянский шрифт, стал Требник, изданный в Петербургской синодальной типографии в 1858 г. Его перевод на монгольский язык был сделан архиепископом Иркутским и Нерчинским Нилом и иереем из крещеных бурят Доржеевым (Николаем Ниловым). В издание была включена гравюра с изображением Василия Великого — святого, особо почитаемого бурятами наряду с Николаем Чудотворцем. Эта гравюра могла использоваться христианами вместо иконы, так как последних в миссионерском хозяйстве не хватало.

В середине XIX в. под воздействием общероссийского демократического движения происходит подъем духовной жизни и в бурятском обществе. Резко повышается тяга бурят к грамотности и просвещению, растет число школ, как

^{***} Гольды — старое наименование нанайцев.

частных при дацанах, так и приходских училищ, с преподаванием христианского вероучения. Остро встал вопрос о создании учебных книг на бурятском языке. В Иркутске организуется Комитет по учреждению школ в бурятских улусах и Комитет по переводу учебных книг на бурятский язык при Иркутской духовной семинарии (1864). В последнем принимали активное участие писатель и общественный деятель М.В. Загоскин, переводчик с бурятского и монгольского языков И.В. Шергин, инженер А.С. Усольцев, учитель Н.С. Болдонов и др.

Первыми учебниками, по которым в XIX в. буряты обучались грамоте, были грамматики монгольского языка и монгольская азбука, созданные в 30-х гг. академиком Я.И. Шмидтом, миссионером-педагогом А.А. Бобровниковым, английским миссионером Р. Юиллем.

В 1860 г. учителем Цолгинского бурятского училища Ринчином Номтоевым был составлен русско-монгольский букварь "Самоучитель, или расписная азбука с переводом на монгольский язык для учеников монголо-бурятских". Он издан в Казани в 1864 г. тиражом 400 экз. и разослан по бурятским училищам⁷⁶. "Самоучитель" включал параллельные тексты на русском и бурятском языках по следующим разделам: "Алфавит", "Слоги из двух букв", "Слова односложные", "Двухсложные слова", "Трехсложные слова", "Четырехсложные слова", "Упражнение в чтении по слогам", "Нравоучительные изречения", "Некоторые сведения из жизни природы", "Арифметические сведения".

В 1866 г. в Петербурге вышел "Русско-бурятский букварь" Н.С. Болдонова, учителя Иркутской духовной семинарии, а с 1864 г. — Балаганского бурятского училища. Н.С. Болдонов пришел к выводу, что для обучения национальному языку северобайкальских бурят удобно использовать русский алфавит с учетом специфики бурятских звуков. В предисловии к букварю Н.С. Болдонов пишет: "Северобайкальские буряты сами пришли к мысли об употреблении русских букв для изображения бурятских понятий. В последнее время не редкость встретить между этими бурятами людей, научившихся русской грамоте и потом, при помощи ее, переписывающихся между собой на своем языке русскими буквами и читающих и понимающих переведенные на бурятский язык издания, написанные по-русски. Таким образом, в этом случае мы удовлетворяем осознанной потребности самих же бурят".

По мысли Н.С. Болдонова, такой учебник должен был помочь обучению одновременно и русской, и бурятской грамоте. Букварь был составлен под влиянием "Российского букваря", изданного Синодом в 1862 г.

В 1878 г. протоиерей А.М. Орлов, миссионер, преподаватель монголо-бурятского языка Иркутской духовной семинарии, составил "Граматику монголо-бурятского разговорного языка". Печаталась она в Казани при братстве святителя Гурия. Это плод 40-летних занятий миссионера бурятским, монгольским и маньчжурским языками. Прекрасно зная литературный монгольский язык, он основал свою грамматику на устной словесности бурят, выделив при этом две различные бурятские языковые группы: селенгинскую и монгольскую.

Учителя бурятских школ, часть лам и православных миссионеров осознавали потребность не только в религиозном, но и светском образовании бурят, создании просветительной литературы на национальном языке. Подобных изданий в 60—70-х гг. XIX в. выпущено немного. Однако само движение бурятского книгоиздания в данном направлении было весьма значительным. Работал над составлением научно-популярных книг первый бурятский ученый Доржи Банзаров, написавший на бурят-монгольском языке "Всеобщую географию"⁷⁷. В 1862 г. в Иркутске в типографии штаба войск Восточной Сибири был напечатан на бурятском языке

русским шрифтом перевод учителя Н.С. Болдонова беседы преподавателя нерчинской гимназии П.Г. Савенко "О мироздании". (На русском языке работа П.Г. Савенко вышла в Чите в том же году.) Брошюра была напечатана тиражом в 1000 экз. и разослана по бурятским школам. В начале 70-х гг. преподаватель Агинского бурятского училища Ц. Онгодов перевел на бурятский язык "Родное слово" К.Д. Ушинского, а Р. Номтоев составил к нему "Словарь" на бурятском языке⁷⁸. Кроме того, Р. Номтоев написал на бурятском языке руководство по сельскому хозяйству для обучения бурят хлебопашеству"⁷⁹.

Вследствие русификаторской политики империи в 70-х гг. активная деятельность бурятских учителей по созданию книг на родном языке была приостановлена. Прекратил существование Комитет по учреждению школ в бурятских улусах, запрещено издание учебной и иной литературы на бурятском языке. Созданные рукописи так и не увидели свет. Однако запретительные меры не могли остановить формирование национальной книги.

В 70-х гг. ряд книг на монгольском и различных наречиях бурятского языка был выпущен Православным миссионерским обществом в Казани и Петербурге. В 1875 г. в Казани вышли "Огласительные беседы: учение перед принятием св. крещения". Это был научный перевод на разговорный язык забайкальских бурят, сделанный профессором В.В. Миротворцевым со слов переводчика Я.А. Чистохина. Готовился перевод и для иркутских бурят. В том же году подготовлен к изданию перевод книжки "Хлеб насущный" с объяснением молитвы Господней, символа веры и др.⁸⁰ Казанское братство святителя Гурия выпустило несколько изданий на наречии северобайкальских бурят — "Учение о святой Христовой вере, изложенное в беседах с бурятами" (1877), "Священная история Ветхого и Нового Завета" (1878), "Житие святителя Николая Мирликийского" (1879). В синодальной типографии Петербурга в 1875 г. был издан "Краткий катехизис на монгольском языке", переведенный миссионером А.М. Орловым, в 1878 г. — "Молитвослов на монгольском языке". Основной текст в последнем издании напечатан монгольской вязью, названия молитв и указания послесловий — славянскими буквами. Книга использовалась священниками при совершении церковных обрядов среди прибайкальских бурят.

В 1880 г. в Петербурге по договоренности с начальником Иркутской духовной миссии архимандритом Мелетием был переиздан монгольский перевод Нового Завета, сделанный английским миссионером в Забайкалье и впервые увидевший свет в Лондоне в 1846 г. Издание было осуществлено на средства Лондонского миссионерского общества. В 1877 г. в мастерской Петербургской Академии наук специально для этой работы были отлиты монгольские шрифты, схожие с теми, которые использовал академик Я.И. Шмидт в 1827 г. Первые страницы книги откорректированы Сталлибрасом, затем издание возглавил А. Шифнер, а после его смерти — А.М. Позднеев. Книга завершает долгую историю перевода Библии на монгольский язык представителями Лондонского миссионерского общества.

По типологии, характерным жанрам, содержанию издания на бурятском языке, как и издания на языках других коренных народов Сибири и Дальнего Востока, в основном укладываются в рамки религиозно-нравственной и учебной литературы. Однако характер выпускаемых православных книг на бурятском и монгольском языках несколько иной, чем на языках других народов восточной части страны. Если среди бесписьменных народов распространялись миссионерские издания, призванные в облегченной, адаптированной форме донести до них на-

чатки христианского вероучения, то в образованную ламаистскую бурятскую среду попадали научные переводы священных христианских книг.

Бурятская книга конца 50-х — 70-х гг. XIX в., в отличие от книги других сибирских и дальневосточных народов, с трудом прививающейся в ранее бесписьменной среде, быстро набирает силу, реализует творческий потенциал бурятской интеллигенции, становится основой дальнейшего духовного развития нации.

6. КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ И ДРУГИЕ ФОРМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПЕЧАТИ

Конец 50-х — 70-е гг. XIX в. были переломными не только для сибирского книгоиздания, но и для продвижения книги за Урал, формирования местного книжного рынка.

Если в первой половине XIX в. книжная торговля развивалась прежде всего в центре (по преимуществу в Петербурге и Москве), то в конце 50-х — 70-е гг. начинают быстро расти книготорговые предприятия и за его пределами. С 1856 по 1865 г. число книжных лавок и магазинов в российской провинции удвоилось⁸¹. В 1862 г. во всей России (кроме столиц) их было всего 43, в 1868 г. — 224, в 1874 г. — 611⁸².

Расширение книжной торговли в европейской части России во многом было связано с совершенствованием транспортной системы, увеличением сети железных дорог. Это значительно удешевляло перевозку книг и создавало базу для книготоргового предпринимательства. Способствовало расширению книжной торговли и "Положение о пошлинах на право торговли и других промыслов", утвержденное 9 февраля 1865 г., по которому провинциальные книжные магазины (наряду с учебными, лечебными учреждениями и библиотеками) не облагались пошлинами, установленными для других торговых предприятий. Это открывало дополнительные возможности для создания книжных лавок, торгующих, наряду с книгами, и другим товаром.

Жители Сибири и Дальнего Востока так же остро, как и население Европейской России, ощущали потребность в книге, однако возможности ее распространения за Уралом были значительно меньше. Железнодорожная линия дотянулась из Екатеринбурга до Тюмени лишь в 1885 г. В конце 50-х — 70-е гг., как и в начале века, книги доставлялись из Москвы на лошадях через Пермь, Екатеринбург, Тюмень. Почта двигалась от Москвы до Томска 20—25 суток, до Иркутска и дальше в зависимости от времени года — от полутора до четырех месяцев⁸³.

Еще сложнее была доставка книг в отдаленные села и деревни. Например, до открытия И.М. Сибиряковым в 1885 г. почтово-пассажирского пароходного сообщения по р. Лене почта в бассейне реки летом перевозилась на лодках. Существовали по Ленскому тракту и конные пути — санный и вьючный⁸⁴.

В отдельные дальневосточные районы, например во Владивосток, вообще нельзя было общепринятым путем переслать книгу, так как регулярная почтовая служба в крае была налажена лишь в конце века. Посылки доходили до Хабаровска, откуда с помощью, через знакомых доставлялись адресату.

Сложность и дороговизна книжных перевозок не могли сделать специальную книжную торговлю за Уралом доходным делом. И тем не менее книга постепенно укоренялась на местном рынке.

Все чаще книгу можно было встретить в лавках и ларьках, наряду с предметами бытового назначения. Ассортимент изданий, завозимых в эти торговые точки, был ограничен и случаен.

В сибирской печати того времени нередко звучали сетования на слабость или отсутствие книжной торговли в крае⁸⁵. Однако произведения печати (и не только азбуки, оракулы, лубочные издания) в крае все же продавались и покупались. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Н.М. Ядринцев, например, проезжая в 1860 г. через Тюмень, купил в сапожной лавке журналы "Современник" и "Отечественные записки" за 1859 год с романом И.А. Гончарова "Обломов"⁸⁶. М.С. Знаменский отмечал в дневнике за 1864 г., что, будучи в Омске, он во "временно устроенной лавочке" просматривал подборку номеров журнала "Звездочка"⁸⁷.

Наиболее книжным городом на востоке страны, как и в предшествующие десятилетия, оставался Иркутск. По утверждению Н.С. Романова, Иркутск имел самые благоприятные условия для притока в него книг, которые привозились столичными чиновниками, переселенцами, ссыльными, купцами и т.д. Многие из привозимых книг оседали в городе и затем в течение десятилетий продавались на базарах, у букинистов, пополняли библиотеки⁸⁸.

В Красноярске 60-х гг. книги можно было приобрести в лавках купца Чередова, в Енисейске — у купцов Г.Е. Барышенцева и М.М. Бородкина вместе с железом и галантерейными товарами. В Тюмени 60-х гг. существовала лавка купца Колмыкова, в которой книги продавались наряду с чаем⁸⁹.

Однако удовлетворить спрос сибирского населения на книгу или существенно повлиять на масштаб книгораспространения в крае такая торговля не могла. Главным ее пороком был непрофессионализм, отношение продавцов к книге исключительно как к товару, индифферентность к ее культурно-духовной ценности. Это с неизбежностью отражалось на ассортименте попадавших на прилавки изданий.

Большую основательность и культурно-просветительную направленность можно обнаружить в другой форме книжной торговли — организации книжных лавок при учебных заведениях, библиотеках, типографиях и иных учреждениях культуры. В конце 50-х — начале 60-х гг. такой способ книжной торговли стал характерным для Сибири. Так называемые "продажные библиотеки" существовали, например, при Сургутской казачьей школе, Кузнецком уездном училище, библиотеке Тобольской гимназии и др. В них продавалась учащимся и преподавателям учебная литература, различные руководства, иногда книги для внеклассного чтения. В отдельных случаях библиотека брала на себя функции распространения литературы среди населения. Так, "продажная библиотека" Сургутской казачьей школы имела в своем фонде религиозные издания⁹⁰.

Публичная библиотека С.Д. Протопопова, открытая в Иркутске в 1858 г., имела для продажи детские подарочные и другие книги, а также рисунки, гравюры, карты, ноты⁹¹. Недорогие детские книги продавались в библиотеке и в начале 50-х гг., когда она находилась в ведении М.П. Шестунова. Как писал П.А. Кропоткин, "продажа их с рук идет отлично", а самого М.П. Шестунова он характеризовал как человека знающего, который "занимается делом с любовью"⁹². Продавались книги, прежде всего учебные, и в Иркутской публичной библиотеке, открытой в 1861 г. В ней можно было купить и местные издания, например "Сибирские рассказы", изданные Н.С. Щукиным.

В Барнауле 60-х гг. в частной библиотеке С.И. Гуляева продавались "все книги, поименованные в каталоге библиотеки" (а значилось в нем 832 издания)⁹³. В

1866 г. открыл торговлю дешевыми народными книгами основатель первой частной библиотеки в Енисейске Н.В. Скорняков⁹⁴.

Из других учреждений, занимавшихся в конце 50-х — 60-е гг. книжной торговлей, можно назвать Сибирский отдел Императорского Русского географического общества, книжный склад (магазин) которого существовал с 1852 г.⁹⁵

В 1867 г. открыл в Иркутске книжную торговлю при своей типолитографии Н.Н. Синецын. В "Каталоге книгам, продающимся при литографии и типографии Синецына", выпущенном в 1869 г., содержалось 334 названия книг и журналов — в основном популярные издания и беллетристика на русском языке. Книжная торговля Н.Н. Синецына была, по-видимому, самой основательной в Сибири 60-х гг.

В начале 70-х гг. пытался организовать продажу книг (прежде всего детских, художественных, научных) в Томске учитель местной гимназии К.Я. Лохер⁹⁶. Из-за отсутствия средств его лавка, видимо, так и не была открыта.

Различные торговые и культурные учреждения Сибири в конце 50-х — 60-е гг. накопили определенный опыт книжной торговли. В продвижении книги к читателю был сделан шаг вперед по сравнению с предшествующими десятилетиями. Однако книжная торговля еще носила локальный, в значительной мере случайный характер, осуществлялась в небольших масштабах и в ограниченном числе городов (прежде всего, в Иркутске). Являясь побочным занятием для учреждений, при которых она заводилась, книжная торговля не могла обрести масштабность и системность в подборе книг и охвате населения. Такая задача была возможна лишь специальному книготорговому предприятию, организованному на профессиональной основе. В Сибири ощущалась острая потребность в подобном учреждении. В 70-х гг. XIX в. на нее откликнулся томский просветитель и предприниматель П.И. Макушин. 19 февраля 1873 г. он открыл в Томске первый Сибирский книжный магазин.

П.И. Макушин удачно сочетал в себе расчетливую деловитость с высокой гражданской потребностью просвещения народа. Организация книжного магазина была для него реализацией главного девиза жизни — "внедрение знания в окружающую темную массу", "хорошая книга пусть будет доступна всем". В тетради П.И. Макушина сохранилась запись, помеченная февралем 1873 г.: "Сегодня выставлена первая зимняя рама, и в страну ссылки и каторги, тьмы и бесправия совершился прорыв книги, неся с собой свет и знание"⁹⁷. Для организации подобного "прорыва книги" требовалась большая и кропотливая работа.

Приехав в Томск после учебы в Петербургской духовной академии и миссионерской деятельности на Алтае, П.И. Макушин не имел собственных средств для заведения книготоргового предприятия. С 5 тыс. р., полученных от томского купца В.В. Михайлова на условиях получения половины всех будущих прибылей, в декабре 1872 г. П.И. Макушин впервые отправился в Москву за книгами.

К подбору изданий для своего магазина П.И. Макушин подходил с научной основательностью. Он скрупулезно изучал книжный рынок, следил за выходом новой литературы, объявлениями в газетах, журналах, книгах, делал выписки из рецензий и заметок о новинках, рассылал заказы издательствам и книжным складам. На протяжении 20 лет он сам ежегодно ездил в Петербург и Москву для отбора литературы. Проводя целые дни в книжных магазинах, он знакомился с новыми изданиями, прислушивался к мнению покупателей. В гостинице П.И. Макушин просматривал короба и связки книг, присылаемых ему для ознакомления издателями. Литература, отобранная в столичных издательствах и книжных

складах, шла в Сибирь целыми обозами⁹⁸. В результате к началу 80-х гг. Сибирский книжный магазин В.В. Михайлова и П.И. Макушина имел около 2,5 тыс. названий книг по всем отраслям знания. Наибольшее внимание П.И. Макушин уделял детским изданиям и книгам для народного чтения и школ⁹⁹.

Большая и многоаспектная работа требовалась не только для формирования широкого ассортимента книг, но и для продвижения их к покупателю. Как признавался сам П.И. Макушин, "нелегко было привезти книгу в Сибирь, но не менее трудно было и сбыть ее здесь"¹⁰⁰. Он устраивал витрины-выставки в окна магазина, сам становился за прилавком, чтобы изучить покупательский спрос, рекомендовал книги, беседовал с покупателями.

Чтобы приучить простой народ к магазину, П.И. Макушин в 1876 г. открыл торговлю народными изданиями и календарями на базарной площади Томска. Раз в неделю, в базарный день он сам дежурил в специально устроенном киоске, рекомендовал и продавал интересующимся "занятные" книжки, а более требовательных покупателей направлял в свой магазин. Через несколько месяцев необходимость в киоске отпала.

В результате активной рекламы обороты Сибирского книжного магазина быстро росли, количество посетителей достигало 100—200 человек в день, что по тем временам составляло внушительную цифру¹⁰¹.

С самого начала Сибирский книжный магазин был задуман как книготорговое предприятие всесибирского масштаба. Большое внимание П.И. Макушин уделял обслуживанию книгами иногородних покупателей. По городам Сибири были разосланы извещения об открытии в Томске книжного магазина и условиях выписки книг по почте. Регулярно печатались и рассылались по школам и другим учреждениям печатные каталоги магазина. Издания, имевшиеся на складе, высылались по заявкам иногородних покупателей немедленно. Если же книги не оказывались, ее выписывали из Москвы или Петербурга прямо по адресу заказчика. Для оперативного выполнения этой работы П.И. Макушин содержал в Петербурге и Москве комиссионеров, которые обязаны были в трехдневный срок исполнять поручения магазина.

Чтобы наладить правильное снабжение сибирских школ учебниками и избежать затоваривания, книжный магазин ежегодно рассылал по учебным заведениям края печатные бланки с перечислением пособий, рекомендованных Министерством народного просвещения по предметам и классам. Заведующие школами отмечали на бланках необходимые книги. К концу лета учебники поступали из столиц в магазин и затем рассылались по школам¹⁰². В результате такой работы к началу 80-х гг. количество иногородних индивидуальных и коллективных покупателей приближалось к 5 тыс.¹⁰³

Пытался П.И. Макушин организовать книжную торговлю и в других населенных пунктах Сибири, однако в 70-х гг. эти попытки по разным причинам успеха не имели. Так, им была налажена развозная продажа книг по Томскому, Мариинскому и Барнаульскому округам. Впоследствии П.И. Макушин вспоминал: "С зимы 1874—75 года мой служащий с кучером уже развезжал на паре лошадей, купленных специально для этого, в громадной кошеве, нагруженной ящиками-шкафами с книгами, по городам, селам и деревням Томской губернии. Значительный сбыт книг был только в городах Барнауле и Мариинске, в селах спрашивали только сонники, оракулы и песенники, в деревнях грамотных не оказывалось, а потому не было и интересующихся какими-либо книгами. Двухлетний опыт развозной торговли не оправдал моих расчетов и, как очень убыточный, был ликвидирован"¹⁰⁴.

В эти же годы П.И. Макушин пытался организовать книжную торговлю в Красноярске и Омске. Замысел не удался из-за ненадежности партнеров, скрывшихся с выручкой от продажи книг.

В первые десятилетия существования книжная торговля в Сибири была довольно рискованным делом, поэтому опытный предприниматель П.И. Макушин подкреплял ее другими доходными предприятиями — продажей канцелярских товаров и музыкальных инструментов, организацией типографии, переплетной и линовальной мастерских.

Стремясь сделать книги максимально доступными по цене всем слоям населения, П.И. Макушин продавал их в Томске по номинальной петербургской стоимости с добавлением цены почтовой пересылки. Книготорговые обороты магазина складывались в основном из торговой скидки за оптовую покупку книг у издателей и книготорговцев, которая составляла к тому времени около 30%¹⁰⁵.

Начало книготорговой деятельности П.И. Макушина знаменовало собой новый этап в продвижении книги к жителям Сибири. Неизмеримо вырос поток книг, поступавших за Урал, расширился ассортимент ввозимых изданий, увеличились возможности заказа необходимой литературы из центра. Сам факт успешного функционирования книготоргового дела породил уверенность в осуществимости подобного начинания.

С середины 70-х гг. XIX в. стали заводить книжные магазины и лавки и другие предприниматели Сибири. Так, в Иркутске в 1875 г. открылся книжный магазин А.Я. Жигаревой (имел до 1000 книг, в основном старых изданий, был выпущен печатный каталог¹⁰⁶), в 1879 г. организовал букинистическую торговлю А.Ф. Захаров. В Омске в 1874 г. появились книжные лавки купца В. Орлова (в основном учебные пособия и художественная литература) и О.А. Александрова (1875 г.), книжный магазин подполковника М.Г. Сапожникова (с 1876 по 11 мая 1878 г. принадлежал его дочери, с 1878 г. — Сапожникову). В магазине имелись учебники на русском, французском, немецком языках, книги для чтения, обучающие игры. В 1879 г. начали торговать учебными и художественными книгами в омском мануфактурном магазине купца И.В. Шкроева. В Тобольске с 1878 г. работал один книжный магазин и книжная лавка при духовной консистории. В Тюмени в том же году организовала книжную торговлю в лавке гостиного двора частная библиотека С.П. Масловского. В Каинске в 1879 г. открылась книжная лавка купца И.В. Шкроева.

По официальной статистике к началу 80-х гг. за Уралом насчитывалось 19 книжных магазинов и лавок¹⁰⁷, которые существовали лишь в небольшом числе городов. При всей значительности перемен, происходивших в книжной торговле Сибири в конце 50-х — 70-е гг. XIX в., этого было явно недостаточно, чтобы насытить книжный рынок края.

На протяжении всего периода на востоке страны продолжали действовать и нестационарные формы книжной торговли. Самые распространенные из них — подписка на продолжающиеся издания и выписка книг из столичных издательств и магазинов. До середины XIX в. такой способ приобретения литературы был основным, однако пользоваться им из-за дороговизны книг и их пересылки могли немногие. Да и информация о выходящих изданиях была поставлена крайне слабо.

В наибольших масштабах через подписку за Урал шли газеты и журналы. В 1860 г. в Тобольской губернии, например, выписывалось 1270 экз. журналов и газет на русском и других языках (101 название)¹⁰⁸, в Иркутске — 713 экз.

(74 названия)¹⁰⁹. В 1872 г. в том же Иркутске выписывалось уже 1124 экз.¹¹⁰ Жители Тюмени в 1863 г. получали 235 экз. журналов и газет (50 названий)¹¹¹.

Однако были и города, куда периодические издания не поступали. Так, политический ссыльный Н.С. Тютчев, попавший в 1878 г. в г. Баргузин, отмечал, что в городе "получалось всего несколько экземпляров "Сибири", а из столичных газет только одна семья золотопромышленников Герасимовых выписывала "Русские ведомости" и "Отечественные записки", да военный врач — какую-то медицинскую газету"¹¹².

Чтобы выписать книгу из центра, жители края долгое время направляли заказы непосредственно в столичные книжные магазины. Для приобретения необходимых учебников, букварей, азбук, книг для чтения, журналов учителя приходских и церковно-приходских школ ежегодно рассылали сотни писем в книжные магазины Москвы и Петербурга, редакции журналов и газет, книжный склад и магазин типографии М.М. Стасюлевича, редакции журналов "Детское чтение", "Народная школа" и т.д.¹¹³

В конце 50-х — 70-е гг. различные учреждения Сибири стали брать на себя подписку на газеты и журналы и выписку из столиц книг. Одной из первых занялась этим иркутская библиотека С.Д. Протопопова, позднее — библиотека В.И. Вагина и М.П. Шестунова. Иркутской публичной библиотеке можно было выписать ноты, учебники, учебные пособия, журналы и другие периодические издания. Кроме того, эта библиотека была, по-видимому, единственным учреждением, которое в 60-х гг. снабжало книгами новые дальневосточные территории. Библиотека не взимала с заказчиков сверх цены на книги ничего, кроме расходов на пересылку¹¹⁴.

Подписаться на периодические издания и выписать книги из столиц можно было также в книжной лавке при типографии Н.Н. Сеницына, конторе редакции газеты "Сибирь", книжном магазине А.Я. Жигаревой (Иркутск), книжных лавках В. Орлова и О. Александрова (Омск), частной библиотеке Н.В. Скорнякова (Енисейск), ряде других учреждений. Большую работу в этом плане с 1873 г. проводил Сибирский книжный магазин П.И. Макушина.

Одной из форм нестационарной книжной торговли, как и в предшествующий период, продолжала оставаться разносная и мелочная торговля в сельской местности, на улицах, площадях, паромных пристанях и других публичных местах, в том числе и через офеней. Офени поставляли читателю из простонародья главным образом лубочную, религиозную литературу, азбуки. Сибирские торговцы закупали эти книги у издателей в Москве на Никольской улице или на ярмарках, чаще всего Ирбитской и Нижегородской, и затем на местах распродавали мелким разносчикам. Активными распространителями подобных изданий во многих районах российской провинции были выходцы из Владимира¹¹⁵.

Следы деятельности офеней-"владимирцев" можно обнаружить и в Сибири. Так, писатель народник С.Я. Елпатьевский, находившийся в 80-х гг. в енисейской ссылке, отмечал, что жители Красноярска, Енисейска, Томска, селений, расположенных по главному Сибирскому тракту, хорошо помнят "тип владимирского офени", который всегда имел в своем тюке-лавочке наряду с ситцами, иголками, лентами, бусами такие издания, как "Бова-Королевич", "Английский милорд", "Гуак — непреоборимая верность"¹¹⁶.

На протяжении всей второй половины XIX в. разносная книжная торговля находилась под пристальным наблюдением со стороны центральных и местных властей, видевших в ней удобный способ распространения нелегальной литературы. По "Временным правилам о печати" 1865 г. удостоверения на право рознич-

ной торговли ограничивали ее пределами конкретного уезда. Это лишало офеней свободы передвижения, создавало массу неудобств при продаже книг в других губерниях. Если учесть специфические трудности развозной книжной торговли в сибирских условиях, то можно понять, что она не могла получить за Уралом широкого распространения.

Особенно медленно все формы книжной торговли развивались на дальневосточных окраинах страны. Распространение литературы здесь носило эпизодический характер. Книги попадали на Дальний Восток из центра вместе со специалистами, военными, крестьянами-переселенцами. В большинстве случаев желающим приобрести книгу приходилось пользоваться оказией¹¹⁷. Н.П. Матвеев-Амурский писал, что в первые десятилетия заселения русскими Дальнего Востока между выходом в свет нового произведения и его появлением в крае проходили годы¹¹⁸.

Помимо свободного товарно-денежного обращения, среди населения за Уралом продолжал действовать и наиболее давний, зарекомендовавший себя еще в период феодального абсолютизма способ распространения произведений печати — административное книгораспространение "сверху". В разных случаях оно приобретало принудительный или рекомендательный характер¹¹⁹. Механизмы книгораспространения по административным каналам были те же, что и в предшествующие десятилетия. Так, в 1876 г. Троицкосавской городской управе областным правлением предписывалось выписывать: "Сенатские ведомости" с собранием узаконений и распоряжений правительства, "Иркутские губернские ведомости", "Забайкальские областные ведомости", "Правительственный вестник", "Указатель правительственных распоряжений по Министерству финансов", газету "Сибирь", журнал "Дело"¹²⁰.

Таким же образом были распространены в 1879 г. 200 экз. "Адрес-календаря Западной Сибири", выпущенного Главным управлением Западной Сибири в Омске¹²¹.

В редких случаях принудительная подписка наталкивалась на протест нижестоящих инстанций, попытку избавиться от обременительного расхода. Так, старшина Стрелочного селения доносил в Селенгинскую степную думу 27 января 1863 г. о просьбе оседлых коренных жителей селения освободить их от выписки газеты "Забайкальский листок" "при совершенной крайности в настоящее время от неурожая хлебов и трав"¹²².

В других случаях по управленческим каналам направлялись не распоряжения, а приглашения к подписке на то или иное издание. Такой механизм оповещения и подписки применялся, например, при распространении "Записок" Сибирского отдела Императорского Русского географического общества¹²³. По ведомственным каналам (через канцелярию военно-ученого комитета Главного штаба в Санкт-Петербурге) направил свою книгу "Обозрение Японского архипелага в современном его состоянии" (1871) для офицеров Сибирской флотилии полковник М.И. Венюков. Издание было прислано в канцелярию военного губернатора Приморской области, которая распределила экземпляры работы между сотрудниками¹²⁴.

Книгораспространение за Уралом развивалось по официальным каналам и благодаря культурно-воспитательной инициативе отдельных организаций. Так, Московский комитет попечительного общества о тюрьмах 7 июля 1860 г. выпустил распоряжение завести в этапах, лежащих по тракту Москва — Сибирь, "положенные при Комитете книги нравственного содержания, которыми и снабжать для чтения проходящих арестантов во время пребывания их в этих этапах"¹²⁵.

Известно, что Томским губернским попечительным о тюрьмах комитетом по данному распоряжению с 1860 г. были выписаны 650 экз. разных сочинений небольшого объема, изданных Московским комитетом, а в 1861 г. еще 500 книжек из Московской синодальной конторы и 1244 экз. разных произведений печати, полученных через книгопродавцов. Все эти книги Томский комитет распределил между уездными отделениями общества, выделив часть тюремным священникам, которые раздавали книги грамотным арестантам.

Снабжал этапы книгами и Тобольский губернский комитет попечительного о тюрьмах общества. Если арестант не желал расставаться с книгой, он мог купить ее по доступной цене (несколько копеек) у этапного начальника¹²⁶.

В 1867 г. Московский тюремный комитет выделил 3852 экз. книг и брошюр специально для арестантов, отправляемых в дальний путь (как правило, в Сибирь). Подобные случаи раздачи книг, прежде всего духовно-нравственного содержания, повторялись и в последующие годы. Заинтересованное в работе с ссыльными не русской национальности, Главное тюремное управление направляло в сибирские тюрьмы литературу на языках народов империи. Так, в 1869 г. в Омское тюремное управление был выслан ряд христианских книг на татарском, калмыцком и польском языках¹²⁷.

Занимались книгораспространением и религиозные организации. Традиционно ведущую роль играла православная церковь — монастыри, приходские храмы, духовные семинарии и училища. Иногда церкви распространяли не только религиозную литературу, но и популярные издания, содержавшие практические советы — как вести хозяйство, как лечить домашний скот и т.д. Торговля такими книгами эпизодически осуществлялась, например, в Иркутском кафедральном соборе¹²⁸.

Важную роль в деле распространения христианской литературы среди коренных народов востока страны играло Православное миссионерское общество. В 60—70-х гг. особенную активность в этом плане проявляла Алтайская духовная миссия. Учебные, духовно-нравственные и богослужебные книги на языках коренных жителей края выпускались небольшими тиражами, поэтому рассылались по миссионерским станам в весьма ограниченном количестве. Так, в 1868 г. в Иркутскую епархию было прислано 50 экз. книги "Служба во дни Господних праздников", напечатанной на монгольском языке славянскими буквами. Было решено разослать книгу по 1 экз. всем миссионерам епархии. В 1875 г. из Библейского депо Лондонского миссионерского общества в Иркутскую духовную миссию было прислано 26 экз. Нового Завета и 4 экз. Библии на монгольском языке. В "Отчете об Алтайской духовной миссии за 1871—1875 гг." отмечалось, что переводы священных, богослужебных и духовно-нравственных книг "обращаются в рукописях"¹²⁹.

К самим представителям коренного населения Сибири и Дальнего Востока издания на их языках попадали крайне редко. Записки и отчеты миссионеров бережно фиксировали каждое свидетельство проникновения книги в среду новокрещенных. Так, миссионер М. Чевалков с радостью обнаружил в глухом местечке Горного Алтая несколько грамотных алтайцев, у которых "нашелся букварь"¹³⁰. В "Памятном завещании" М. Чевалков писал, что молодым людям, приехавшим из Алагана, Башкауса, Чуры, он дарил буквари¹³¹. Книг для дальнейшего чтения у жителей подобных сел, как правило, не оказывалось.

Проникновение книги в национальную среду проходило более интенсивно у тех сибирских народов, которые до присоединения к России имели письменность и литературу на своем (или близком) языке. Так, в кругу бурят Забайкалья даца-

нами распространялось большое количество ламаистских изданий и рукописей на старомонгольском и тибетском языках. Часть из них закупалась в Китае, Монголии, Тибете¹³².

Среди сибирских татар Тобольской губернии имела хождение исламская духовная литература на татарском и древних арабском и персидском языках, распространявшаяся мечетями и мусульманскими начальными школами (медресе)¹³³. Однако и у этих народов в изучаемый период книга не имела широкого распространения из-за малого числа грамотных.

В конце 50-х — 70-е гг. XIX в. много книг, журналов, газет попадало за Урал вместе с политическими ссыльными. Усиление революционных настроений в России вызвало к жизни большое количество нелегальной литературы — изданий Вольной русской типографии А.И. Герцена в Лондоне, брошюр и прокламаций организации "Земля и воля" и др. Вся эта литература разными путями попадала и в Сибирь. Один из путей проникновения на восток изданий А.И. Герцена пролегал через Кяхту. Как писал ссыльный народоволец И.И. Попов, до 1861 г. "Полярная звезда" пересылалась через Европейскую Россию, а с 1861 г., когда началась торговля с Китаем, заграничные издания (включая, очевидно, и "Колокол") шли на Тяньцзинь, затем по русской почте через Монголию, в Маймачен, откуда поступали к купцам В.Н. Сабашникову или А.М. Лушникову. По некоторым данным, в Тяньцзинь звеном между Кяхтой и Лондоном был А.Д. Старцев. Полученные номера изданий А.И. Герцена после прочтения в Кяхте пересылались в Семеновский декабристу М.А. Бестужеву, а оттуда в Петровский Завод И.И. Горбачевскому и Б.В. Белозерову, ближайшему знакомому декабристов¹³⁴.

Особенно широко нелегальные издания распространялись в Западной Сибири, так как она была ближе к революционно-пропагандистским центрам. В первой половине 60-х гг. отделения "Земли и воли" действовали в Перми, Вятке, Поволжье. Отсюда издания этой организации направлялись в Курган, Тюмень, Тару, Томск, Мариинск и другие сибирские города. Из Тюмени прокламации "Земли и воли" посылались в Енисейск¹³⁵. Иногда нелегальные издания революционеры-пропагандисты отправляли по почте в адрес отдельных должностных лиц.

На протяжении 70-х гг. распространением нелегальной литературы среди сельского населения Сибири занимался некто Зерновицын. По сведениям Красноярского жандармского управления, в 1873 г. он разъезжал с небольшой библиотечкой по селам Енисейской губернии. В 1878 г. Зерновицын отправился в другие губернии и области Восточной Сибири¹³⁶.

Конец 70-х — начало 80-х гг. ознаменовались новым притоком в Сибирь нелегальных изданий, связанным с очередной волной политических ссыльных — народников-пропагандистов, членов первых рабочих союзов. Ссыльные активно переписывались между собой, налаживали связи с тюрьмой и товарищами, оставшимися на воле. Они получали письма со всех концов России. Вместе с письмами шли в Сибирь и посылки с книгами, газетами, журналами. Присылались и нелегальные издания, которые нередко застревали в недрах жандармских управлений. Больше всего подобной литературы оседало в Западной Сибири, где политические ссыльные продолжали заниматься, как и на свободе, нелегальной пропагандистской деятельностью. С.А. Жебунев, С.Л. Чудновский, И.Н. Чернявский, обосновавшиеся в 1878 г. в Ялуторовске, получая от родных и знакомых большое количество газет и журналов, часть их рассылали по разным краям Сибири¹³⁷.

Политические ссыльные конца 50-х — 70-х гг. XIX в. были полны революционных ожиданий и стремления противостоять режиму. Поэтому литература,

которая шла за Урал вслед за ними, была по преимуществу социально-политической, экономической, часто нелегальной. Из видов издательской продукции большое место занимали газеты, журналы, прокламации, листовки, брошюры. Запрашивались с воли и книги научного содержания, учебники, беллетристика, но в этот период они отодвигались на второй план. В 1878 г. Ф.В. Волховский разыскивал в Тюкалинске ящик книг, привезенный для него в Сибирь родственницей и задержанный полицией. Среди изданий были французские, немецкие, английские словари, учебники по истории, географии и естественным наукам, атласы, произведения Ф. Шиллера, Т. Гуда, Г. Гейне, Г.У. Лонгфелло и др. О.С. Любатович получила в Ялуторовске книги по химии, юриспруденции, социологии¹³⁸. Чаще научную литературу заказывали представители ранних революционных движений, психологически настроенные на длительные сроки пребывания в Сибири. Так, ссыльные поляки в Забайкалье создали в 60-х гг. специальную кассу для выписки книг и журналов. И. Дыбовский и Гудлевский, занимавшиеся в 70-х гг. зоологическим изучением Байкала, постоянно получали из Варшавы научные книги по специальности на польском языке¹³⁹.

Издания по самым разным отраслям знания на русском, французском, английском, немецком языках попали в Сибирь вместе с Н.Г. Чернышевским. В Александровском Заводе, где революционный демократ отбывал каторгу в 1866—1871 гг., и в вилуйской ссылке 1872—1883 гг. он собрал солидные научные библиотеки, в которых были книги по философии, политической экономии, социологии, всемирной истории, языкознанию, статистике, энциклопедические издания, русская и зарубежная периодика, сочинения К. Маркса, Ф. Лассалья, Ч. Дарвина, Н.А. Добролюбова, Г.И. Успенского, А.Н. Пыпина, Ф.И. Решетникова и др. Н.Г. Чернышевский одним из первых в Сибири получил русское издание первого тома "Капитала" К. Маркса, вышедшее в 1872 г. Книги присылали родные и знакомые Н.Г. Чернышевского. Новинки литературы и текущую периодику нередко отправляли знакомые писатели и издатели. За первые пять лет жизни в Вилуйске Н.Г. Чернышевский получил 71 посылку, большинство из которых содержало только книги, журналы, газеты. Н.Г. Чернышевский охотно делился книгами с окружающими. В Александровском Заводе его библиотекой широко пользовались политические заключенные, которым и были оставлены при переезде революционера в Якутию почти все издания. В Вилуйске Н.Г. Чернышевский раздавал книги для чтения жителям города¹⁴⁰. Богатые книжные собрания, накопленные в неволе такими незаурядными личностями, как Н.Г. Чернышевский, становились культурным достоянием Сибири, пополняли ее книжный пласт.

7. РАЗВИТИЕ СЕТИ БИБЛИОТЕК. СТАНОВЛЕНИЕ КРАЕВЕДЧЕСКОЙ БИБЛИОГРАФИИ

В конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в. в России зарождается общественное движение за открытие народных библиотек и читален, более активно развивается библиотечное дело в губернских и уездных городах страны¹⁴¹. С 1856 г. по разрешению Министерства народного просвещения начинается реорганизация библиотек уездных училищ в публичные.

В соответствии с общим характером буржуазно-либеральных реформ в стране созданы условия для развития общественной инициативы и инициативы частных лиц в деле организации народного образования и открытия библиотек. Все эти процессы можно наблюдать и за Уралом¹⁴².

В рассматриваемый период, особенно после школьной реформы, на востоке страны значительно увеличилось число начальных учебных заведений: народных училищ и церковно-приходских школ. Сведения о наличии в них библиотек весьма скудны¹⁴³.

Сеть средних учебных заведений в крае развивалась слабо. В 1868 г. открылась мужская гимназия в Красноярске, в 1870 г. — в Омске. При них были созданы фундаментальные и ученические библиотеки.

Больше внимания уделялось чтению детей, особенно в Тобольской гимназии при директоре Ф.В. Рудакове — выпускнике Казанского университета. Тогда лишь в немногих семьях были библиотеки. Фундаментальная библиотека гимназии на начало 1865 г. имела в фонде 2490 названий в 4701 томе. В ее составе было 618 книг исторического содержания, 1000 — по философии и словесности, более 1000 периодических изданий; бедны были разделы математики и естественных наук. Библиотека получала "Отечественные записки", "Русский вестник", "Православное обозрение", "Московские", "Сенатские" и "Тобольские губернские" ведомости, "Северное сияние", "Журнал Министерства народного просвещения", "Филологические записки", "Книжный вестник".

При Тобольской гимназии продолжала функционировать пансионерская библиотека. В 1859 г. в ней было 382 названия книг в 758 томах и 117 учебных пособий в 755 томах. В 1866 г. при гимназии открылась ученическая библиотека. В начале своей деятельности она имела 225 томов. Средств на ее устройство не отпускалось, литература приобреталась на выручку от спектаклей, пожертвований¹⁴⁴.

Заслуга в создании Красноярской гимназической библиотеки, как и самой гимназии, принадлежала военному губернатору Красноярска и енисейскому гражданскому губернатору П.Н. Замятнину. Фундаментальная библиотека гимназии была небольшой, пополнялась почти исключительно за счет пожертвований и нуждалась в самых необходимых сочинениях по всем предметам, преподаваемым в гимназии. В 1870 г. в ней числилось 444 названия книг в 1060 томах, в ученической — 105 названий в 175 томах¹⁴⁵.

Обращают на себя внимание библиотеки уездных училищ, многие из которых были открыты для читателей и служили как публичные. Известна библиотека Ялutorовского уездного училища, созданная еще в первой четверти XIX в., в 1862 г. была уничтожена пожаром. В 1864 г. состоялось ее открытие как публичной, она функционировала в этом качестве до августа 1868 г. Одной из старейших была библиотека Томского уездного училища¹⁴⁶.

В 1860—1861 гг. возникают публичные библиотеки при уездных училищах в Кузнецке, Каинске, Ишиме, Якутске. Фонды их насчитывали в среднем 300—500 названий книг (в 800—2000 томах). Обычные ежегодные суммы на приобретение книг составляли около 40 р. В библиотеках уездных училищ Томской области в 1863 г. насчитывалось 5156 названий книг в 11 230 томах. Их основу, как правило, составляли фундаментальные библиотеки училищ. Так, фонд библиотеки при уездном училище в Каинске к 1865 г. составил 2154 тома; наиболее активно использовался фонд периодических изданий, набор которых был традиционен для подобного типа библиотек. В 70-х гг. библиотека приходит в упадок и к концу десятилетия прекращает свое существование.

В 70-х гг. в Ачинске была организована общественная библиотека при местном уездном училище по инициативе его бывшего смотрителя И.Ф. Красикова. На деньги, собранные жителями Ачинска, приобрели периодические издания. Но круг читателей был незначителен, и, просуществовав год, библиотека закрылась.

В эти же годы появляются библиотеки реальных училищ. Первыми реальными училищами Сибири были Троицкосавское, открытое в 1876 г., Томское (1877), Тюменское (1879). Первым директором Тюменского Александровского реального училища был известный ученый и педагог, знаток Сибири И.Я. Словцов. Особое внимание он уделял созданию в училище библиотек — фундаментальной и учебной. На базе реального училища устраивались публичные лекции и народные чтения.

В 60—70-х гг. произошел некоторый сдвиг в женском образовании. Стали возникать женские гимназии и прогимназии. Так, в Ялуторовске в 1874 г. женское училище преобразовалось в прогимназию. Тут же была создана фундаментальная библиотека, по составу традиционная для подобного типа библиотек; в ней насчитывалось 16 названий по богословию, 26 — по истории и географии, 12 — по математике, 13 — по педагогике; кроме того, раздел словесности включал полные собрания и отдельные сочинения русских писателей.

В большинстве своем библиотеки женских прогимназий не были надлежащим образом укомплектованы учебно-педагогической литературой и пособиями. Приобретение книг, при ограниченности средств на покупку и трудностях с их доставкой в отдаленные места, не всегда было возможным. Вследствие этого в течение нескольких лет Киренская, Минусинская и другие прогимназии не имели собственных библиотек¹⁴⁷.

До 70-х гг. за Уралом не было ни одного специального педагогического учебного заведения. С ростом числа школ выдвинулась задача специальной подготовки учителей. Первые учительские семинарии в Сибири — Иркутская и Красноярская. Материальная база училищ была слаба, фонды библиотек невелики¹⁴⁸.

Развитие промышленности в Сибири поставило задачу распространения профессионально-технического образования. В 1873 г. реальная прогимназия в Иркутске преобразуется в техническое училище. В том же году здесь начали действовать фундаментальная и учебная библиотеки. Через 10 лет их книжный фонд составлял 720 названий в 1222 томах, из которых 2/3 находились в фундаментальной библиотеке. Здесь были собраны ценные книги универсального содержания. Наиболее значимая часть коллекции — издания XVIII в., в том числе книги, выпущенные в типографии Н.И. Новикова.

Авторитетным учебным заведением, осуществлявшим подготовку высококвалифицированных специалистов, был в середине века Сибирский кадетский корпус, реформированный в военную гимназию. В нем обучаются дети всех сословий. В указателе библиотек России Г. Геннади на 1864 г. приводятся данные о библиотеке кадетского корпуса как одной из значительных сибирских библиотек. К середине 70-х гг. ее фонд достиг 15 000 экз.

Большую роль в становлении светского образования и обеспечения востока страны учительскими кадрами сыграли библиотеки духовных семинарий. Определенное место среди учебных библиотек занимали библиотеки церквей, монастырей и духовных училищ. Фонды библиотек духовных семинарий пополнялись как за счет пожертвований частных лиц и организаций, так и на собственные средства.

В 1862 г. в библиотеке Иркутской семинарии насчитывалось 3458 названий книг, было выписано 16 названий периодических изданий в 21 экз.; из них 11 названий богословского содержания и 5 — светского.

Кроме фундаментальной, в семинарии действует учебная библиотека, состоящая из книг и журналов, приобретаемых на деньги семинарии, и полученных

в виде пожертвований. В 1862 г. в ней было 300 книг и журналов. Существенно пополнился фонд библиотеки в 1865—1866 гг. Деньги на комплектование поступали из Иркутской духовной консистории. Ею же утверждались списки книг, необходимых для библиотек семинарии.

В 1870 г. библиотека получила крупное книжное пожертвование от иркутского купца В.Н. Баснина: 389 названий книг различного содержания, среди которых многие уже тогда считались библиографической редкостью. Поскольку духовная семинария располагалась не в центре города, библиотека сохранилась во время пожара 1879 г., уничтожившего все крупные библиотеки Иркутска¹⁴⁹.

Одной из лучших семинарских библиотек России в середине века продолжала оставаться Тобольская, в конце 50-х гг. в ней насчитывалось более 6 тыс. томов. При семинарии существовала пастырская библиотека и ученическая. К 1858 г. последняя имела 332 экз. книг, приобретенных на средства учеников и полученных от дарителей.

В 1858 г. учреждается библиотека при открывшейся духовной семинарии в Томске. Ее основу составили пожертвования сибирского духовенства и некоторых томичей. Так, архиепископ Парфений подарил библиотеке 137 наименований книг на разных языках, около 100 книг пожертвовали ректор семинарии, инспектор и эконом. Крупные книжные пожертвования были сделаны томским священником А. Лавровым и протоиереем из Красноярска В. Касьяновым.

Открываются библиотеки в духовных училищах¹⁵⁰. Так, в 1862 г. была основана библиотека Иркутского мужского духовного училища, существовавшая на пожертвования священников Иркутска, наставников семинарии, училища и небольшого сбора с учащихся. В 1863 г. священник Камчатской епархии Г.М. Затопляев пожертвовал Иркутскому духовному училищу, в котором сам когда-то учился, 200 р. на приобретение книг духовно-нравственного и светского содержания, благодаря чему библиотека пополнилась 132 названиями книг и журналов по богословию, всеобщей русской и гражданской истории, литературе. Среди книг были сочинения А.В. Кольцова, К.Д. Ушинского, "Фрегат "Паллада"" И.А. Гончарова, "Хижина дяди Тома" Г. Бичер-Стоу, книги по русской истории. В целом же, как отмечалось в "Иркутских епархиальных ведомостях", библиотека находилась в тяжелом положении, и выбор книг в ней был ограничен.

В 1869 г. была открыта библиотека Благовещенского духовного училища.

Сведения об епархиальных библиотеках края скудны. Особой известностью пользовалась Томская епархиальная библиотека. В 1862 г. были открыты епархиальные библиотеки в Якутске и Красноярске; в 1871 г. существовала библиотека Тобольской епархии, библиотеки при церквях и монастырях: при Иркутском и Красноярском кафедральных соборах, Омском Воскресенском соборе, Свято-Троицком соборе в Ачинске и др.

Начиная с 70-х гг. все большая часть духовенства приходила к выводу, что церковная библиотека должна быть открыта для всех прихожан и, помимо духовных книг, пополняться "общенаучными сочинениями", поскольку многие населенные пункты не располагали ни другими читальнями и библиотеками, ни книжными магазинами.

В конце 60-х гг. на востоке страны создаются служебные и ведомственные библиотеки. Их появление вызвано повышением требований к работе чиновников губернских учреждений. Так, благодаря инициативе чиновников, служащих в Главных управлениях Западной и Восточной Сибири, в них появляются библиотеки. С 1869 г. в Томске существуют библиотеки губернского управления, казенной палаты. Все они состоят главным образом из периодических изданий, не

только официальных, но и политического, ученого и литературного содержания¹⁵¹.

В 60-х гг. существовали библиотеки губернских статистических комитетов. Так, известно, что в библиотеку Тобольского губернского статистического комитета поступали книги из Центрального статистического комитета, Археологической компании в Санкт-Петербурге, а также за счет пожертвований; в 1867—1871 гг. отмечаются значительные приобретения книг. В фонде открытой в 1866 г. библиотеки Томского статистического комитета, помимо книг по статистике, было много исторической и географической литературы, библиотека ежегодно пополнялась лучшими сочинениями.

Библиотеки военного ведомства на территории Сибири и Дальнего Востока были представлены старейшей библиотекой Сибирского кадетского корпуса (Омск), офицерскими библиотеками в Николаевске-на-Амуре, Петропавловске-Камчатском, Владивостоке.

В 1862 г. в Омске была создана библиотека Сибирского казачьего войска. Она ежегодно получала от государства на комплектование 400 р. Библиотека обслуживала главным образом офицеров и чиновников Сибирского казачьего войска. Однако в ее "Уставе" сказано, что в библиотеку могли записаться все "православные" лица как войскового сословия, так и не войскового, кто мог платить деньги за пользование книгами. Плата составляла 5 р. в год. Кроме того, взимался залог в сумме стоимости взятых книг¹⁵².

В 70-х гг. возникают библиотеки штаба Иркутского военного округа (1871) и Иркутского пехотного юнкерского училища (последняя переведена из Гельсингфорса) (1871)¹⁵³, библиотека Приамурского военного округа. Функционируют библиотеки при полицейских управлениях.

Во второй половине XIX в. расширяется деятельность научных обществ, музеев и библиотек при них. Наиболее крупными были библиотеки Сибирского отдела ИРГО, Минусинского краеведческого музея¹⁵⁴. Библиотеки служили своеобразными базами научной пропаганды, центрами, объединившими не только ученых, но и многочисленных любителей наук. Они сделались трибуной для обсуждения научных работ, оживленного обмена мнениями. Деятельность библиотек сибирских научных обществ была успешной только благодаря самоотверженному труду энтузиастов-ученых, поддержке общественности. Фонды библиотек комплектовались в основном за счет книгообмена и пожертвований.

Библиотека Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за первые десять лет существования (с 1851 г.) собрала 1403 тома книг, значительное количество журналов, рукописей. За второе десятилетие фонд возрос более чем в 2 раза и к концу 1871 г. составил 3340 томов. Производившаяся в 1873 г. впервые с момента основания библиотеки ревизия выявила тем не менее большие пробелы в комплектовании. В частности, не хватало научных изданий по этнографии, географии, статистике. После этой ревизии Сибирскому отделу было передано значительное количество ценных изданий из ИРГО, поступили пожертвования Института путей сообщения, Академии наук, ряда частных лиц. Было обращено внимание на слабое финансирование библиотеки.

Большинство периодических и продолжающихся изданий библиотека приобрела с помощью книгообмена. В 1878 г. таким путем она получила 29 изданий на русском и иностранных языках. К концу июня 1879 г. научная библиотека ВСО-ИРГО состояла из 10 227 томов книг, периодических изданий, карт, рукописей, впоследствии почти полностью погибших при пожаре Иркутска.

В 1877 г. в Минусинске молодым натуралистом и краеведом Н.М. Мартяновым при материальной поддержке местного купца Г.П. Сафьянова были основаны музей и библиотека. Библиотека с фондом 512 томов начала функционировать 1 января 1878 г. К началу 1879 г. она имела 1550 книг и 260 абонентов. В 1878 г. минусинцы расширяют ассортимент книг и периодических изданий и называют библиотеку общественной.

Заметными очагами культурной и общественной жизни за Уралом становятся публичные библиотеки, появившиеся в 50—60-х гг. XIX в. в Иркутске, Чите, Кяхте, Красноярске, Омске и других городах. Их фонды, как правило, были небольшими. Лишь немногие к концу 70-х гг. насчитывали более 5 тыс. книг (Иркутская городская публичная библиотека, публичная библиотека П.И. Макушина в Томске).

С середины 60-х гг. все общедоступные библиотеки были под надзором Министерства внутренних дел и открывались с "дозволения местного губернатора", который мог отклонить без всякого объяснения любое ходатайство. "Временные правила о печати" 1865 г. определяли не только порядок открытия библиотек, но и комплектование фондов.

В то же время появившиеся в городах разночинцы и политические ссыльные вносят в библиотечное строительство элемент общественной заинтересованности. Инициатива в этой сфере духовной жизни переходит к передовым кругам сибирской интеллигенции, представителям новой волны политической ссылки. О библиотеках говорят как о средстве "к распространению образования", "к образованию ума и чувства"¹⁵⁵. Яркий пример тому история публичной библиотеки в Иркутске.

Отсутствие в городе публичной библиотеки в 50-х гг. ощущалось читателями достаточно сильно. В конце 1857 г. известный иркутский общественный деятель М.П. Шестунов совместно с иркутским купцом С.Д. Протопоповым взяли на себя инициативу по организации частной городской публичной библиотеки. 15 февраля 1858 г. она была открыта. Уже в момент открытия библиотека имела "разнообразный выбор книг для чтения"¹⁵⁶, к концу года собрание превышало 1900 названий книг и журналов в 4700 экз.; общее количество абонентов достигло 248 человек, а книговыдача — почти 10 тыс. томов книг и 3000 номеров периодических изданий. Предприятие М.П. Шестунова оказалось достаточно жизнеспособным, что объяснялось не только энергией организатора, но и наличием культурных сил в городе¹⁵⁷.

Библиотека навлекала на себя недовольство администрации как "сборище демократов" и "якобинский клуб". Ее посещали политические ссыльные М.В. Буташевич-Петрашевский, Ф.Н. Львов, М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин. В конце 1859 г. М.П. Шестунов был арестован и выслан в Забайкалье, а библиотека закрыта местными властями. Вернувшись из ссылки в 1860 г., М.П. Шестунов продал свою библиотеку. Часть книжного собрания приобрел сибирский историк В.И. Вагин. Совместно с Шестуновым он в начале 1862 г. вновь открыл в Иркутске библиотеку для чтения. Новая коммерческая библиотека быстро завоевала симпатии иркутян. М.П. Шестунов очень серьезно занимался библиотечной работой. Литература выписывалась из Петербурга и Москвы от книгопродавцов А. Глазунова, Н. Щепкина и др. Особое внимание обращалось на полноту отделов изящной словесности, истории и естественных наук. Библиотека в известной мере консолидировала силы местной передовой общественности. Она успешно работала в 1862—1864 гг., однако в 1865 г. была закрыта, что, по-видимому, было свя-

зано с разгромом сибирских организаций "Земли и воли" в 1865 г. и усилением реакции в России середины 60-х гг.¹⁵⁸

Вопросы, связанные с отсутствием публичной библиотеки, неоднократно обсуждались общественностью Иркутска на литературных вечерах. На одном из них чиновник Б.А. Милютин изложил план устройства городской публичной библиотеки. На первоначальные расходы было собрано 600 р. В адрес организаторов начали поступать денежные и книжные пожертвования. 27 (13) марта 1861 г. публичная библиотека была открыта. Ее временно разместили в здании женского училища, распорядителем назначили чиновника А.М. Ощепкина. Книжный фонд библиотеки ко дню открытия состоял из 356 названий книг в 854 томах. Число абонентов библиотеки в первые месяцы деятельности превышало 200 человек. Начиная с 1863 г. положение библиотеки постепенно ухудшалось. Годовая подписка за чтение не окупала издержек на приобретение самых необходимых книг и периодических изданий. Учредители сочли необходимым для улучшения положения библиотеки безвозмездно передать ее в мае 1864 г. в ведение города. Таким образом, Иркутск получил городскую публичную библиотеку.

Несмотря на принятые меры, с 1864 по 1866 г. положение библиотеки продолжало оставаться крайне тяжелым. С момента ее основания сменилось четыре библиотекаря. Количество постоянных платных подписчиков не превышало в год 40—50 человек. Библиотека находилась в распоряжении лиц, не компетентных в библиотечном деле и не заинтересованных в нем. Не имея собственного помещения, она кочевала из одного здания в другое.

Для улучшения положения городской голова И.П. Катышевцев сначала арендовал, а затем в мае 1866 г. присоединил к городской частную публичную библиотеку В.И. Вагина и М.П. Шестунова, что способствовало увеличению числа абонентов¹⁵⁹. С 1867 г. заведующей библиотекой стала М.А. Гаевская, проработавшая в этой должности 41 год. Это была первая женщина, служившая в Иркутске на общественном поприще. Она происходила из известного купеческого рода Трапезниковых, окончила Восточно-Сибирский институт благородных девиц и всю жизнь посвятила библиотечному делу.

Введение в 1870 г. в Иркутске "городового положения" несколько повлияло на деятельность библиотеки. С этого времени она начала получать небольшие ежегодные субсидии на свои нужды. Ассигнования на библиотеку отпускались неравномерно. Требовались неотложные меры по улучшению ее состояния. В 1873 г. городская дума поручила М.В. Загоскину, В.И. Вагину, М.П. Шестунову проверить состояние библиотеки и составить проект ее будущего устройства.

В докладе, представленном комиссией, говорилось о необходимости выделения из городского бюджета средств для публичной библиотеки (единовременно 800 р. и ежегодно по 300 р.), важности универсального комплектования книжного фонда, рассчитанного на самые разные группы читателей. Разработанные комиссией "Правила об Иркутской городской публичной библиотеке" действовали по 1892 г.

В результате принятых мер положение дел в Иркутской городской публичной библиотеке частично улучшилось. Увеличилось количество постоянных читателей до 300 человек в 1878 г., посещаемость — 2813, книговыдача на абонементе и в читальном зале составляла 21 852 экз. книг, журналов и номеров газет.

В июне 1873 г. Иркутская городская публичная библиотека располагала книжным фондом в 2770 названий русских и иностранных книг и журналов в 8690 экз. Книги приобретались в магазинах Москвы, Риги, Петербурга. В 1878 г. библиотека получала 33 названия периодических изданий: газет — 11 названий,

русских журналов — 21 название в 26 экз., иностранных журналов — 1 название. По обязательному экземпляру бесплатно поступало три журнала: "Известия ВСОИРГО", "Труды Вольного экономического общества", "Журнал Министерства народного просвещения"¹⁶⁰.

1879 г. для Иркутской городской публичной библиотеки был чрезвычайно печальным. Во время городских пожаров 22 и 24 июня она погибла в огне. Сгорело 3366 названий книг в 9419 томах на русском и иностранных языках. Погибли редчайшие издания XVII—XVIII вв., рукописи, карты, иллюстрации. Сохранилась незначительная часть фонда, выданного на дом для чтения абонентам.

Встала нелегкая задача — восстановить книжный фонд. Через несколько дней после июньских событий заведующая библиотекой М.А. Гаевская пишет письма в редакции журналов, газет, книжные магазины, типографии, в которых просит оказать помощь, бесплатно отправить в Иркутск какие возможно книги и периодические издания.

Менее чем через неделю с момента пожара в адрес городской публичной библиотеки начали поступать денежные и книжные пожертвования от жителей Иркутска, многих городов Сибири и Европейской России: историка В.И. Вагина, М.П. Шестунова, редакции газеты "Сибирь", книжного магазина А.С. Суворина, Н.Н. Киммель в Риге и других лиц и организаций. Вновь для публики библиотека открылась 8 июля 1879 г. В последующие годы Иркутская городская публичная библиотека значительно пополнилась за счет подаренных изданий.

"Естественная смерть" публичных библиотек дореформенного периода не означала полного их исчезновения. Многие губернские библиотеки вошли в состав пореформенных библиотек, возникших в 60-х гг.¹⁶¹

Известно, что практически прекратила свое существование после пожара в 1859 г. Томская публичная библиотека. Однако в Томске наблюдался возросший интерес к чтению разных слоев населения. Увеличилась подписка на журналы и газеты среди купцов и чиновников, обычным явлением стал обмен литературой и периодикой. Поэтому острее ощущалась необходимость возобновления заброшенной библиотеки.

На устройство городской публичной общественной библиотеки жертвовали и деньги, и книги. Наставники гимназии и семинарии и выпускники высших учебных заведений в 1859 г. создали кружок, организовывали литературные вечера, выписывали для библиотеки журналы. Была составлена историческая записка о публичной библиотеке с предложениями по ее возобновлению. По проекту 1861 г. предусматривалась организация городской общественной библиотеки на средства городских доходов. Однако генерал-губернатор распорядился присоединить публичную библиотеку к фундаментальной библиотеке гимназии, в которой к этому времени фонд насчитывал 25 тыс. томов.

Библиотеку перевели в новое помещение нанимаемого гимназией дома госпожи Гуляевой, приобрели новые шкафы. Открытие ее для публики состоялось 1 января 1863 г.

Одним из организаторов, а затем заведующим библиотекой стал преподаватель гимназии, томский краевед Д.Л. Кузнецов. Фонд библиотеки расставлялся по формату книг. В обязанность библиотекаря входило ведение инвентарной книги, двух каталогов — подвижного по отделам и алфавитного.

В 1862 г. гимназия получала только три журнала. Дополнительная подписка для публичной библиотеки улучшила ее фонд. На 1 января 1863 г. он составлял 890 названий — 2172 тома. Приобретено и пожертвовано 253 названия. В 1863 г. библиотекой выписывалось 27 периодических изданий, среди них "Современ-

ник", "Отечественные записки", "Русское слово", "Вестник Русского географического общества", "Библиотека для чтения", "Книжный вестник", "Санкт-Петербургские", "Московские" и "Сенатские" ведомости и др.¹⁶²

Уже в 1863 г. в библиотеке было 189 читателей, преимущественно учащихся средних учебных заведений. Д.Л. Кузнецов с удовлетворением подчеркивал активность читателей, сообщая в отчете библиотеки, что в месяц она имеет 505 посещений, т.е. по пять посещений на одного, а это больше, чем в Самарской публичной библиотеке за год. В течение первых шести месяцев существования библиотеки Д.Л. Кузнецовым было выдано 406 экз. "Современника", 213 книг "ученого" и исторического содержания, 1063 номера различных ведомостей и газет. За первое полугодие 1863 г. зарегистрировано 3030 посещений; книговыдача составила 3664 экз.

В 1866 г. публичная библиотека была вновь передана городу, а в гимназии взамен была учреждена ученическая.

В 1870 г. в Томске П.И. Макушин организует одну из первых частных публичных библиотек в Сибири. Будучи смотрителем духовного училища и считая ненормальным отсутствие публичной библиотеки в городе с 35-тысячным населением, П.И. Макушин 1 июля 1870 г. открыл в своей квартире для знакомых из жителей Томска библиотеку с платой 10 к. в месяц. К этому времени в распоряжении П.И. Макушина было около 300 книг, которые он постепенно, начиная со студенческих лет, приобретал на свои заработки от уроков и переводов с немецкого языка.

Подписчиков было 12 человек; к концу августа уже 37, а к концу года — 79. Должность библиотекаря исполняла жена П.И. Макушина — Елизавета Иосифовна; бюджет семьи был весьма скромным и поэтому не представлялось возможным нанять специального работника.

С 1871 г. месячная плата за чтение была назначена по 20 к. за одну книгу. Ввиду ограниченности состава библиотеки одному и тому же подписчику одновременно выдавалось не более двух книг, которые читатель имел право обменивать ежедневно.

Убедившись, что начатое дело встречает сочувствие и обещает быть жизненным, П.И. Макушин подал прошение губернатору о разрешении открыть в Томске публичную библиотеку для чтения. 14 апреля 1871 г. прошение было удовлетворено. К этому времени в библиотеке находилось 583 названия книг по разным отраслям знаний.

В 1873 г. библиотека была переведена в помещение Сибирского книжного магазина П.И. Макушина. В это время она уже имела фонд в 1500 томов и обслуживала до 400 подписчиков. При библиотеке был устроен и "кабинет для чтения", в котором к услугам читателей предоставлялись столичные газеты и журналы текущего года. Здесь всегда можно было найти популярные периодические издания "Вестник Европы", "Русский вестник", "Русский архив", "Русская старина", "Семья и школа", "Детское чтение", "Семейные вечера".

В читальном зале собиралась значительная группа местной интеллигенции, обсуждая новую литературу, различные политические и общественные новости, шли разговоры и о будущем сибирском университете. Читальный зал публичной библиотеки П.И. Макушина, по его словам, "восполнял отсутствие в городе в то время каких-либо ученых обществ и кружков".

Основная цель, поставленная П.И. Макушиным при открытии библиотеки, заключалась в том, чтобы она была доступна малоимущим горожанам и в первую очередь учащимся. Вскоре появилось объявление о том, что учащиеся средних

учебных заведений и малоимущие жители Томска вносят за пользование библиотекой 5 к. в месяц. При записи в библиотеку требовался залог в 1 р. или поручительство известного библиотеке лица¹⁶³.

Два раза в неделю П.И. Макушин сам занимался выдачей книг, беседовал с учащимися о прочитанном, задавал вопросы и отвечал любознательным читателям. Первым проявил беспокойство по данному поводу директор городских училищ, член попечительного комитета библиотек, которому вменялся в обязанность надзор за читателями-учащимися. Он посчитал необходимым запретить учащимся посещение библиотеки.

Почти 30 лет библиотека П.И. Макушина была единственной публичной библиотекой города. Она славилась хорошо подобранным фондом, имела стабильный источник финансирования, могла предоставить читателям печатные каталоги. Особо была выделена литература на иностранных языках: французском, немецком, английском. Существовали музыкальное и детское отделения. Таким образом, библиотека могла удовлетворить довольно широкий спектр читательских интересов. Публичная библиотека П.И. Макушина считалась лучшей в городе, а организация ее работы послужила примером для других библиотек не только в Томске¹⁶⁴. Уже к 1878 г. в ней было 4535 названий книг в 5894 томах, выписывалось 25 названий журналов и 9 газет, было 312 подписчиков.

Публичная библиотека П.И. Макушина не являлась коммерческой. Абонементная плата не покрывала все ее нужды, и Макушин ежегодно добавлял на ее содержание более тысячи рублей из своих средств. Однако ввиду высокой стоимости абонемента возможность пользоваться ею имели далеко не все желающие.

В январе 1859 г. открылась частная библиотека для чтения в Тобольске. В ней имелось до тысячи томов и более 20 названий газет и журналов. Библиотека была платная. За чтение книг и журналов в год платили 11 р., без журналов — 9 р., на случай утери книг брался залог 2 р. В следующем году библиотека насчитывала 1467 томов русской и переводной литературы, выписывала до 10 названий газет и журналов, в ней было 48 читателей. Существовала библиотека, по видимому, недолго¹⁶⁵.

В 1863 г. в Тюмени были частные библиотеки: нечто вроде публичной библиотеки в лавке купца Калмакова, особая комната для чтения журналов и газет в благородном собрании¹⁶⁶. В 1864 г. в городе сложилась благоприятная обстановка для открытия публичной библиотеки. Инициатива ее организации принадлежала Н.М. Чукмалдину, который на страницах "Тобольских губернских ведомостей" высказал мнение о необходимости создания библиотеки.

Предполагается, что основателями библиотеки в 1864 г. были офицер-кавалерист А.В. Эркичев и титулярный советник, служащий тюменской почтовой конторы Н.А. Зерчанинов¹⁶⁷.

Н.М. Чукмалдин пожертвовал на основание библиотеки 30 названий (61 экз.) книг, 10 названий журналов и газет в годовых подписках. Среди книг были сочинения Н.В. Гоголя, В.Г. Белинского, А.Ф. Писемского, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, А.Н. Островского, 17 номеров "Современника" за 1859 и 1862 гг., 41 номер "Русского слова" за 1860 и 1863 гг., "Книжный вестник" за 1862 и 1863 гг. и т.д. Жертвуя библиотеке личное собрание, Н.М. Чукмалдин оговаривал для себя право пожизненного бесплатного пользования литературой, а также выражал желание, чтобы для учеников училища библиотека была открыта бесплатно, а для остальных читателей — за возможно меньшую цену. Предложенная Н.М. Чукмалдиным плата за пользование книгами в проекте будущей библиотеки была принята за основу.

В правилах пользования тюменской библиотекой прослеживаются явно демократические тенденции — быть читателями полагается "всем лицам обоего пола".

По печатному "Каталогу книг и периодических изданий Тюменской публичной библиотеки А.В. Эркичева", выпущенному в Казани в 1865 г., можно судить о целенаправленном подборе книг, демократическом характере комплектования фонда. Общественная библиотека включала произведения лучших русских писателей.

Исторический отдел был богат не только в количественном, но и качественном отношении. Здесь имелись: "История Российского государства с древнейших времен" (в 14 т.) С.М. Соловьева, "История государства Российского" Н.М. Карамзина, несколько книг Н.И. Костомарова; особо можно выделить "Словарь достопамятных людей, содержащий в себе жизнь и деятельность замечательных людей, полководцев, великих иерархов церкви, отличных литераторов и ученых, мужей государственных" (в 8 т.), составленный Д.Н. Бантыш-Каменским¹⁶⁸.

Большое значение придавалось комплектованию периодическими изданиями. Кроме "Современника" библиотека выписывала журналы "Искра", "Русское слово", "Русский архив", "Вокруг света" с прибавлением, "Природа и жизнь", "Эпоха", "Книжный вестник".

Высокий пятирублевый (серебром) залог значительно ограничивал состав и число читателей. По-видимому, библиотекой пользовались чаще всего духовенство и купечество, значительно реже — менее платежеспособные мещане, разночинцы, учащаяся молодежь.

Важным моментом в работе библиотеки было 13-часовое обслуживание населения в читальном зале (с 9 часов утра до 10 часов вечера), на абонементе ненамного меньше. Библиотека была известна не только тюменцам, но и в других городах Сибири — о ней упоминают Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин. В 70-х гг. книги из собрания А.В. Эркичева унаследовала библиотека клуба приказчиков. Разрешение на ее открытие было получено 16 августа 1873 г. и подтверждалось ежегодно до расформирования в 1884 г.

В судьбе общественных и публичных библиотек многое зависело от того, какие люди состояли в попечительном совете библиотеки и в городской администрации. Так, к 1860 г. относится история возникновения первой общественной публичной библиотеки в Троицкосавске (Кяхте), тесно связанная с кяхтинским градоначальником А.И. Деспотом-Зеновичем и М.П. Шестуновым. А.И. Деспот-Зенович — выпускник Московского университета, поднадзорный ссыльный, впоследствии либеральный представитель сибирской администрации. Имя М.П. Шестунова связано с историей Иркутской частной публичной библиотеки, закрытой в первой половине 1860 г. Вернувшись в Иркутск из административной ссылки в Забайкалье, М.П. Шестунов в августе 1860 г. публикует в "Иркутских губернских ведомостях" объявление о продаже своей библиотеки. События эти совпали с намерениями А.И. Деспота-Зеновича открыть в Троицкосавске публичную библиотеку. Не имея официальных средств на культурные начинания, градоначальник обращается за деньгами к старшинам торгующего в Кяхте купечества. На пожертвованные кяхтинскими купцами деньги книги библиотеки М.П. Шестунова были приобретены. Как свидетельствуют документы Кяхтинского музея, в октябре 1860 г. из Иркутска в Кяхту было отправлено 11 ящиков книг общим весом 76 пудов 45 фунтов.

По-видимому, уже в ноябре — декабре 1860 г. в Троицкосавске (резиденции кяхтинского градоначальника) общественная публичная библиотека была открыта. Как отмечал ссыльный И.И. Попов, "подбор книг, составленный самим Зеновичем, был сделан замечательно умело: культурные и общественные задачи легли в основу библиотеки"¹⁶⁹. Однако широкого общественного резонанса организованная "сверху" библиотека не получила. Хотя пользование книгами было платным, денег на ее содержание и покупку изданий не хватало. Читателей было мало. В отчете градоначальства за 1862 г. приводится следующая характеристика отношения жителей города к этому очагу культуры: "Библиотека. В 1862 г. книгами из библиотеки пользовались преимущественно учителя и немногие из чиновников, находившихся в градоначальстве (граждане мало оказывали к ней сочувствия и поддержки)"¹⁷⁰.

С переводом в конце 1862 г. А.И. Деспота-Зеновича на службу в Западную Сибирь, ликвидацией кяхтинского градоначальства, в ведении которого находилась библиотека, ее дела еще более осложнились. Библиотека переходит в собственность купеческого общества. Вскоре ее переводят в торговую слободу, чем сокращают и без того незначительное количество читателей. По разным источникам, библиотека действовала до 1865 или 1870 г., а потом закрылась. Часть книжного фонда была передана в библиотеки учебных заведений и затем попала в книгохранилище Кяхтинского музея. Какая-то часть книг могла оказаться в личных библиотеках.

Первая частная публичная библиотека в Барнауле была открыта А.С. Гуляевым. В конце 60-х гг. в ее фонде насчитывалось 832 экз. (прежде всего книги по всеобщей и российской истории, географии, богословию, учебники иностранных языков, книги для детей). Переписка А.С. Гуляева с различными издательствами за 1860—1871 гг. свидетельствовала о том, что библиотека активно пополнялась. Но большие расходы не оправдали ее содержание. В 1868 г. А.С. Гуляев продает библиотеку П.И. Макушину¹⁷¹.

Красноярская публичная библиотека, открытая в конце 30-х гг., в середине века испытывала трудности. Новые книги в ее фонды практически не поступали, интерес читателей упал. В 1865 г., после смерти бессменного библиотекаря, смотрителя Красноярского уездного училища А.И. Мошкина, деятельность библиотеки фактически прекратилась. В 1869 г. библиотека поступила в ведение статистического комитета. На собранные деньги было приобретено 34 названия книг в 59 томах и 26 названий периодических изданий за 1869—1870 гг. В 1871 г. на деньги, полученные от читателей за право пользования библиотекой, было выписано и поступило в фонд 12 названий в 78 томах. В 1872 г. в ее фондах было 2458 экз. книг и газет. В последующие годы положение библиотеки было крайне тяжелым. Из-за аварийного состояния она не раз закрывалась, а в 1873 г. вообще на длительное время прекратила работу якобы из-за отсутствия читателей.

В 70-х гг. в Красноярске делались попытки создания частных общедоступных библиотек. Подобную библиотеку в 1879 г. открыл учитель гимназии А.А. Завадский-Краснопольский. В ней, наряду с произведениями русской классической литературы, было много приключенческих и авантюрных романов, которые активно читали гимназисты¹⁷².

Во второй половине XIX в. появляются кабинеты для чтения и частные публичные библиотеки в Чите. Так, о наличии в городе кабинета для чтения сообщалось в 1861 г. в газете "Амур" (№ 11).

Первая частная библиотека в Чите была открыта в 1871 г. купцом М.М. Немеровым. Окончательно она сформировалась лишь через пять лет, когда

начали действовать разработанные для посетителей правила пользования ею. Местные жители получали литературу без залога, приезжие вносили залог в размере 3 р. и за пользование платили ежемесячно 1 р. В 1876—1883 гг. М.М. Немеров предлагал безвозмездно передать библиотеку городу, но с условием, чтобы при ней был читальный зал. Местные власти не находили для нее ни подходящего помещения, ни средств на ее содержание¹⁷³.

В 1871 г. купец Шестаков основал первую частную публичную библиотеку в Якутске. Он выписывал для читателей периодические издания, литературу научного содержания по биологии, химии, географии, математике. Приобретались литературные новинки. Библиотека приносила основателю в год до 600 р. дохода. Ее фонды состояли из 7000 книг и журналов. Эта библиотека действовала при Шестакове два года, а после его отъезда из Якутска в 1873 г. перешла в руки купца Соловьева, при котором пришла в упадок. В 1875 г. она была продана¹⁷⁴.

В Николаевске-на-Амуре в конце 50-х — 60-е гг. продолжала действовать офицерская библиотека, перемещенная в 1855 г. из Петропавловска-Камчатского. Ею заведовал подпоручик корпуса флотских офицеров Ф.К. Якимов. Николаевская офицерская библиотека получает в эти годы несколько партий книг. Начинают выписываться книги и периодические издания из Петербурга. Как показывает отчет главного командира портов Восточного океана, в 1871 г. библиотека была исключена из списков зданий Николаевска как сгоревшая при пожаре. Новое помещение для нее не строилось, так как управление флотом переводилось во Владивосток. Остатки фонда, уцелевшие при пожаре, легли в основу созданной позднее Морской библиотеки во Владивостоке.

Открываются на Дальнем Востоке по мере возникновения новых поселений и другие библиотеки. В 1859 г. создается Благовещенская общественная библиотека, в фонд которой были включены издания по различным отраслям знаний, книги на иностранных языках, подаренные городу графом Н.Н. Муравьевым-Амурским. В 1868 г. здесь насчитывается 920 томов¹⁷⁵.

В 70-х гг. начинают появляться редкие общественные библиотеки в сельской местности — при православных храмах, волостных правлениях, народных училищах. Одной из первых и весьма примечательной стала библиотека, открытая в 1875 г. по инициативе волостного писаря и учителя приходской школы И.И. Воротникова при Братском волостном правлении Нижнеудинского округа Иркутской губернии. Начало книжному фонду положили сам Воротников и учитель Маньков, которые пожертвовали 69 экз. разных книг, а затем на собранные по подписке у местных жителей деньги выписали по почте еще журналов и книг на 60 р. Годовая абонементная плата в библиотеке составляла 5 р. Пользовались книгами преимущественно священники, учителя, писари, а также торговые люди, в том числе из крестьян. Братская волостная библиотека оценивалась современниками как "блестящая, можно сказать, и не для села"¹⁷⁶. Она функционировала около 15 лет.

Деятельность публичных библиотек Сибири и Дальнего Востока не ограничивалась выдачей книг. Они часто становились подлинными культурными центрами, оказывавшими влияние на внешкольное образование жителей, формирование их читательских интересов. При отдельных публичных библиотеках (например, в Иркутске, Томске, Тобольске, Барнауле, Омске, Чите) организовывались литературные и музыкально-литературные вечера, громкие читки. Вечера были не только оригинальной формой пропаганды книги и организации досуга, но и способом собирания денег на общественные нужды. Обычными стали кружки читателей. Нередко центром, душой таких кружков были политические ссыль-

ные — В.Ф. Раевский, И.И. Горбачевский, М.А. Бестужев, М.В. Буташевич-Петрашевский. Просветительная направленность их деятельности была неразрывно связана с пропагандой книги и воспитанием читателей.

Хотя в конце 50-х — 60-е гг. произошло определенное увеличение числа библиотек (табл. IV), дальнейшие условия складывались для них неблагоприятно. В уставах общественных библиотек предполагалось, что они будут работать на основе "самоопределения и самопользования", а главным направлением их деятельности станет удовлетворение общеобразовательных запросов населения¹⁷⁷. В действительности же многие из них, существовавшие как общественные, владели довольно жалкое существование за счет благотворительных пожертвований и платы за чтение. В 70-х гг. большинство прежних публичных общественных библиотек преобразуется в городские публичные. Побудительными причинами такого преобразования чаще всего служила их материальная необеспеченность. Однако надежды библиотек, связанные с их переходом в ведение города, оправдывались далеко не всегда, так как выделяемые городом субсидии чаще всего были недостаточны для их нормальной работы¹⁷⁸.

* * *

В пореформенный период в связи с экономическим освоением Сибири и Дальнего Востока, исследовательским и экспедиционным изучением их силами научных и общественных организаций возрастает интерес к краеведческой литературе и ее библиографии. Крупнейшие библиотеки края собирают "сибирику", начинают издавать свои каталоги. В 60-х гг. сибирские издания проникают за пределы края и отражаются в каталогах крупнейших книжных магазинов России¹⁷⁹. Появляются первые библиографические указатели, созданные в Сибири и на Дальнем Востоке. Первая такая самостоятельная работа появилась в 1865 г. Это были "Материалы для сибирской библиографии" Н.С. Щукина — хронологический указатель книг по истории, географии, этнографии и статистике Сибири, — помещенные в "Памятной книжке Иркутской губернии на 1865 год". Исследователи предполагают, что указатель Н.С. Щукина составлялся по фондам библиотеки Сибирского отдела ИРГО, собравшей у себя почти все, что было издано к тому времени о крае. Указатель представлял собой полный список книг о Западной и Восточной Сибири в хронологическом порядке выхода этих книг в свет¹⁸⁰.

Несколько позже, в 1874 г. в "Известиях ИРГО" выходит первое издание "Указателя литературы об Амурском крае" Ф.Ф. Буссе. К созданию этого указателя Буссе побудило собирание литературы, посвященной Сибири, разыскание книг, статей и газетных корреспонденций о Дальнем Востоке, в процессе которого он делал библиографические заметки. Свой труд Буссе рассматривал как предварительный материал для будущих библиографических разысканий. Это первое самостоятельное пособие, посвященное Дальнему Востоку, включало литературу по истории, географии, хозяйственному развитию края, всего 522 названия. Его второе издание, вышедшее позднее, включало уже 1417 названий. Указатель был высоко оценен научной общественностью¹⁸¹.

Таким образом, в 60—70-х гг. XIX в. было положено начало региональной библиографии. Знаменательно, что обе библиографические работы готовились в Сибири, а труд Н.С. Щукина и издан был там же.

Появляются первые обзоры литературы, обобщавшие результаты научных исследований по отдельным вопросам, научным дисциплинам. К такого рода

работам относятся первая библиография по этнографии Камчатки — "Исторический обзор этнографических сведений о странах, имеющих быть исследованными Камчатской экспедицией", изданный в Петербурге в 1852 г.; "Обзор археологических изысканий по Сибири" Н.И. Попова, опубликованный в "Известиях ИРГО" в 1871 г. В последнем излагается содержание более 50 книг и статей за 1735—1860 гг. на русском и иностранных языках. Библиографические обзоры источников появляются в газетах (например, обзор Н.М. Ядринцева "Сибирь перед судом русской литературы" в "Томских губернских ведомостях" за 1865 г.).

Библиотеки региона в исследуемый период вопросами библиографии еще не занимались. В некоторых из них только начинают формироваться фонды литературы о Сибири как основа для создания "местных" отделов и их печатных каталогов. Одним из первых печатных каталогов сибирских библиотек был изданный в Казани в 1866 г. "Каталог Томской публичной библиотеки". В нем представлены книги на русском и иностранных языках. Литература о Сибири (77 названий) не выделена, но в некоторых разделах занимает значительное место. Это важнейшие работы по истории, географии, этнографии, статистике Сибири, изданные более чем за столетие¹⁸².

8. ЧИТАТЕЛЬ И ЧТЕНИЕ

Эпоха подготовки и проведения реформ, пробуждения социальной активности разных групп населения породила значительные изменения как в характере читательской аудитории, так и в содержании чтения россиян. Нарастание потребности в книге стало одним из признаков времени. Люди искали в книге идеологическую, нравственную опору, а также ответы на злободневные вопросы. Расширение в 60-х гг. по всей России сети начальных школ, рост числа обученных грамоте резко меняли характер взаимодействия книги и общества.

Изменение читательской аудитории и ее книжных потребностей было характерно для всей страны. Менялся облик читателя как столиц, так и губернских и уездных городов провинциальной России, нарождался новый читатель в сельской глубинке. Процесс формирования российского читателя был единым, хотя и обрел специфические черты в условиях различных регионов.

Говоря о сибирском и дальневосточном читателе конца 50—70-х гг. XIX в., нужно помнить об очень небольшой численности самой этой категории населения, так как основная масса сибиряков была неграмотной.

О грамотности жителей восточной части страны за эти годы нет точных данных, но такой авторитетный исследователь, как Н.М. Ядринцев, считал возможным пользоваться цифрами "Военно-статистического сборника" 1871 г., согласно которым в середине XIX в. один грамотный приходился на 664 жителя Сибири, тогда как в русских земских губерниях — на 168 человек, на окраинах Европейской России, не имевших земства, — на 471 человек¹⁸³. О меньшей грамотности населения Сибири можно судить и по новобранцам, поступавшим в войска из различных регионов страны. В 1874 г., например, среди призывников из 34 земских губерний России грамотными являлись 21,6%, из 13 неземских европейских губерний — 16,6%, из Сибири и Средней Азии — 14,2% (в целом по империи — 21,3%)¹⁸⁴.

Если исходить из этих показателей грамотности, то в Сибири и на Дальнем Востоке конца 50-х — 70-х гг. было менее 200 тыс. человек, умеющих читать, причем довольно существенная их часть владела только первоначальной грамо-

той. Используя методику расчета А.И. Рейтблата¹⁸⁵, собственно читательскую аудиторию края можно определить в 20—30 тыс. человек. Именно по отношению к этой группе людей, тонущей в мире неграмотности и бескнижья, можно разворачивать дальнейшие рассуждения о специфике местного читателя и его книжных потребностях.

Характерная черта сибирской и дальневосточной читательской аудитории — пестрота ее сословного и национального состава. Преобладающим слоем населения было крестьянство. В некоторых районах (особенно в Акмолинской, Забайкальской, Приамурской, Якутской областях, Иркутской губернии) большой процент жителей составляли казаки и другие категории военных. К 1877 г. за Уралом было также около 400 тыс. ссыльных (не считая содержащихся в тюрьмах)¹⁸⁶.

Представители коренных народов составляли весомую долю населения в Иркутской губернии, Якутской, Забайкальской, Приморской, Акмолинской областях. В городах, имевших наибольшее число читающих, как правило, преобладало русское население, но и здесь национальная палитра была весьма разнообразной. Так, в Томске, по переписи 1880 г., проживало 29 311 русских, 1990 евреев, 1037 поляков, 863 татарина, 136 немцев, 57 самоедов, 26 черкесов, 23 киргиза, 14 цыган, 77 человек других национальностей¹⁸⁷.

По сословным признакам основная масса городского населения Сибири — мещане, крестьяне, военные (табл. III). В крупных административных центрах около 10—14% составляли дворяне — как правило, чиновники губернских управлений, военного аппарата и их семьи. В отдельных городах (например, Красноярске, Иркутске) проживало много ссыльных. Незначительную часть городских жителей составляли купцы (2—3,5%), лица духовного звания (1—3%), почетные граждане (0,5—2%), которые между тем составляли весомую долю общей читательской аудитории.

Пестрота сословного и национального состава сибирского общества не породила, однако, богатого спектра читательских вкусов и интересов, основанных на национальных, семейных, сословных и иных традициях и эмоционально-психологических установках определенной среды. В отдельных случаях мы сталкиваемся с подобной читательской идентификацией, но не она являлась главной при определении характера сибирской читательской аудитории. Разреженность культурного пространства, отсутствие давних истоков дворянской и монастырской книжности, которая питала многие провинциальные культурные гнезда Европейской России, незначительность самого книжного пласта, доступного жителям края, не позволяли рядовому сибиряку индивидуализировать свои читательские потребности и интересы. В то же время относительная однородность природно-географических, историко-бытовых условий, необходимость постоянной борьбы за существование формировали в характере сибиряков определенные общие черты. Отсюда и некоторые общие свойства сибиряка-читателя — заметный прагматизм, меньшая восприимчивость к чистой красоте и изящному, заторможенность развития читательских вкусов, связанная с медленностью проникновения самой книги в толщу сибирского населения, а также внутренний демократизм интеллектуального общения, в большей степени, чем в Европейской России, разрушающий сословную иерархию. "Среди разноплеменных разноверных людей он (сибиряк) не знает, не чувствует разделительных граней — религиозных, национальных, он безгранный, внациональный, он сибиряк, он только областной", — отмечал врач и писатель-народник С.Я. Елпатьевский¹⁸⁸.

В книжных интересах образованных и современно мыслящих представителей гражданской и военной администрации из дворян, прогрессивно настроенных

купцов, политических ссыльных, разночинцев было значительно больше общего, чем различий.

Для выявления основных читательских категорий этого периода специалисты используют образовательно-сословный принцип¹⁸⁹.

Можно выделить четыре весьма условные группы сибирских и дальневосточных читателей.

1. Читатель образованный, имеющий оконченное или неоконченное высшее образование, владеющий иностранными языками, видящий в книге способ приобретения систематических знаний, выработки мировоззрения, повышения духовного, научного, профессионального, эстетического уровня.

2. Средний читательский слой. Самая многочисленная группа "полуобразованных" читателей (окончившие уездное или духовное училище, семинарию, гимназию). В зависимости от сословной принадлежности (мелкие и средние чиновники, купцы, мещане, приходские священники, офицеры невысоких чинов, учащиеся средних учебных заведений) их книжные интересы могут сильно различаться, но сохраняется общее свойство — отрывочность знаний, тяга к облегченному и занимательному чтению.

3. Читатель из городских низов населения (часть мещан, ремесленники, кустари, фабричные рабочие, прислуга, солдаты, казаки, отставные нижние чины и их семьи и др.). Чтение в этой среде носило, как правило, случайный, необязательный характер.

4. Крестьянский читатель. Крестьянство — самый многочисленный слой сибирского населения, во многом сохранивший и во второй половине XIX в. традиционные, выработанные веками формы социального поведения и миропонимания. Вместе с экономическими преобразованиями в деревне, вызванными развитием капитализма, усложнялись и дробились типы крестьянских читателей, менялись характер и стимулы их чтения. Однако психологическая, мировоззренческая общность этой читательской группы продолжала оставаться достаточно сильной.

Образованный читатель конца 50—70-х гг. XIX в. в количественном отношении составлял незначительную группу населения. Если во всей России к началу 60-х гг. насчитывалось около 20 тыс. человек с высшим образованием¹⁹⁰, то за Уралом их количество исчислялось сотнями. В культурной столице Сибири Иркутске в 1876 г. среди 650 лиц, состоявших на службе в правительственных учреждениях, лишь 94 имели высшее образование¹⁹¹. По однодневной переписи населения 1882 г. в Тобольске с высшим образованием оказалось 102 человека, из которых 17 принадлежали к ссыльным, а один содержался в тюрьме¹⁹². В 1873 г. во всей Сибири было 898 гимназистов¹⁹³, то есть тех, кто могли бы стать студентами. Естественно, что реально к высшему образованию из них пробились в лучшем случае десятки. При всей малочисленности в крае высокообразованных людей, на рубеже 50—60-х гг. на востоке страны, как и во всей России, стал нарождаться и быстро расти новый читатель. Как писал Н.В. Шелгунов, "точно чудом каким-то созданся внезапно совсем новый, небывалый читатель с общественными чувствами, с общественными мыслями и интересами, желавший думать об общественных делах, желающий научиться тому, что он хотел знать"¹⁹⁴.

В первой половине 60-х гг. в Сибирь начала возвращаться молодежь, прошедшая школу общественных движений и первых сибирских землячеств в Петербургском и Казанском университетах, воспитанная на произведениях революционных демократов, идеях народничества. Среди них — Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, Н.С. Щукин, С.С. Шашков и др. Они активно создавали вокруг себя общество единомышленников, формировали в близкой им среде читатель-

ские вкусы и потребности. Разночинцы в культурной и политической жизни Сибири с 60-х гг. стали играть все более важную роль¹⁹⁵. Это была самая подвижная, интеллектуально восприимчивая часть общества, устремленная к овладению современным уровнем знания. К ней принадлежали учителя, врачи, часть чиновников, бывшие студенты, исключенные из университетов по политическим мотивам, политические ссыльные. Они оказывали воздействие на книжные потребности не только более низкого по уровню образования читательского слоя, но и просвещенных купцов, высокообразованных, либерально настроенных чиновников сибирской администрации.

Круг чтения образованной части сибирского общества конца 50-х — 70-х гг. мало отличался от книжных интересов жителей столиц и городов Центральной России¹⁹⁶. Особенностью читателя-шестидесятника была его активная устремленность к социально-экономическим и политическим знаниям. Образованные читатели Сибири и Дальнего Востока были хорошо знакомы с произведениями А.И. Герцена, В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева, с нетерпением ожидали каждый свежий номер журналов демократического направления — "Современник", "Русское слово", "Отечественные записки", "Дело".

Сибиряки проявляли живой интерес к изданиям Вольной русской печати А.И. Герцена. Статьи из "Колокола", "Полярной звезды", сборников "Голоса из России", "За пять лет" читались не только разночинцами-демократами, но и в кружках интеллигенции с участием высших чиновников кяхтинского градоначальства, молодых купцов, оставшихся на поселении декабристов¹⁹⁷, морскими офицерами Дальнего Востока¹⁹⁸, представителями российской колониальной администрации на Аляске¹⁹⁹. Лондонские издания имел управляющий отделом казачьих войск в Совете Главного управления Восточной Сибири подполковник Б.К. Кукель. Номера, в которых печатались заметки о Сибири, обсуждались в светских салонах Иркутска. "Колокол" систематически читал генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский²⁰⁰.

Неверно было бы думать, что основная масса сибирских читателей революционно-демократических, народнических и вольных герценовских изданий разделяли радикальные взгляды их авторов.

Судя по дневникам бывшей воспитанницы Смольного института, учительницы Девичьего института Восточной Сибири В.П. Быковой, она была хорошо знакома с произведениями А.И. Герцена, Н.П. Огарева, Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева, М.А. Антоновича, но вовсе не разделяла их идей. Наибольшее сочувствие у нее вызывали И.С. Аксаков и его газета "День"²⁰¹.

Чтение революционно-демократических и народнических изданий способствовало объединению сил местного общества вокруг идей возрождения края, либерализации его административных и хозяйственных структур, распространения просвещения, грамотности, создания местной печати²⁰². Наиболее часто обсуждались в интеллигентной среде сибиряков именно те произведения, которые или непосредственно касались Сибири, или помогали решению ее проблем (например, статьи Н.В. Шелгунова "Сибирь на большой дороге", Д.И. Писарева "Наша университетская наука", появившиеся в 1863 г. в "Русском слове").

Издания, посвященные Сибири и созданные на ее территории, занимали существенное место в чтении образованных сибиряков. Материалы организованных в 1857 г. губернских ведомостей, а затем и первых частных газет были предметом обсуждений в среде местной интеллигенции. Оживленные споры развернулись вокруг вышедшего в Москве трехтомника И.И. Завалишина "Описание Западной

Сибири". С интересом читались работы Н.М. Ядринцева и С.В. Максимова (особенно "Сибирь и каторга"), публикации о русско-китайских и русско-американских отношениях, торговле с сопредельными странами.

В 60—70-х гг. в личных библиотеках сибиряков-краеведов и круге их чтения видное место занимали труды Г.Ф. Миллера, И.Э. Фишера, "Историческое обозрение Сибири" П.А. Словцова, "Статистическое обозрение Сибири" Ю.А. Гагемейстера, "Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г." В.И. Вагина, работы по сибирской истории, археологии, этнографии, церковным древностям, публикуемые в центральных научных периодических изданиях.

Наибольшим спросом в сибирской образованной среде пользовалась художественная литература. Как и во всей России, в Сибири были известны (в основном по журнальным публикациям) новинки отечественной литературы — произведения Ф.М. Достоевского, И.А. Гончарова, Н.Г. Помяловского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и других писателей. Переходил из рук в руки журнал "Современник" с романом Н.Г. Чернышевского "Что делать?". В поэзии преобладал интерес к гражданской лирике Н.А. Некрасова, Н.П. Огарева, А.Н. Плещеева, М.П. Розенгейма. Читались произведения сибирских авторов — романы И.В. Федорова-Омулевского, И.А. Кущевского, М.В. Загоскина, очерки Н.И. Наумова, "Записки охотника Восточной Сибири" А.А. Черкасова. Большое внимание привлекали к себе "Записки из мертвого дома" Ф.М. Достоевского.

Интерес сибиряков к сатирическому жанру выразился не только во внимании к журналу "Искра", произведениям М.Е. Салтыкова-Щедрина, обличительной публицистике, и к ярким проявлениям местного сатирического творчества (фельетонам Н.М. Ядринцева, карикатурам М.С. Знаменского на роман И.А. Гончарова "Обрыв" и др.).

Значительное место в круге чтения образованных сибиряков занимала зарубежная беллетристика. В их личных библиотеках нередко можно было встретить произведения Г. Гейне, И.В. Гете, Ч. Диккенса, У. Теккерея, В. Шекспира, И. Шиллера и других писателей в русских переводах и на языке оригинала.

Несмотря на живой интерес сибирской читающей публики к новым литературным направлениям и именам, их эстетические пристрастия в целом менялись несколько медленнее, чем в Центральной России. Это связано как со слабостью проникновения самих новых произведений в сибирскую среду, так и большей традиционностью местного уклада жизни. Сибиряки продолжали сохранять восприимчивость к поэтике В.А. Жуковского, Н.М. Карамзина; среди их любимых писателей продолжали оставаться А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.В. Кольцов, В.И. Майков, К.Н. Батюшков, А.А. Бестужев-Марлинский. Н.П. Матвеев-Амурский писал, что до Дальнего Востока новинки литературы доходили медленно. Попадавшие же в край журналы 60—70-х гг. "Современник", "Отечественные записки", "Вестник Европы", "Дело" и другие были достоянием очень немногих людей²⁰³.

За Уралом, как и во всей России, в 60-х гг. усилился интерес образованных слоев населения к естественно-научной литературе, философским трудам (прежде всего материалистов и социалистов-утопистов), всемирной и отечественной истории. В публичных библиотеках края можно было найти произведения А. Брэма, Ч. Дарвина, В. Гумбольдта, К. Фогта, Я. Молешотта, Д. Менделеева, исторические труды С.М. Соловьева, Н.М. Карамзина, Н.И. Костомарова, "Всемирную историю" Ф. Шлоссера в 17 томах, "Историю цивилизации" Г. Бокля, "Историю умственного развития Европы" Д. Дрэппера и другие издания, пользовавшиеся

широкой известностью в России. В личной библиотеке иркутского купца А.А. Белоголового были книги Дж. Милля "Основания политической экономии с некоторыми из них применениями к общественной философии" (СПб., 1865), В. Беджота "Естествознание и политика: Мысли о применении начал естественного подбора в наследственности к политическому обществу" (СПб., 1874). Эти книги позднее были запрещены для публичных библиотек и общественных читален²⁰⁴. Известна была в Сибири и работа И.М. Сеченова "Рефлексы головного мозга", привлекая к себе внимание образованной читающей публики. Политический ссыльный Л.Ф. Пантелеев вспоминал, что в Сибири ему "пришлось встретить людей, не только с большою вдумчивостью прочитавших "Рефлексы", но и усвоивших те идеи, к которым они логически приводили"²⁰⁵.

Популярные в те годы книги философов-материалистов и ученых-натуралистов приводили читателей к размышлениям над вопросами мировоззренческого, религиозного характера. Легко распространившийся под влиянием литературы в среде разночинно-демократической молодежи атеизм нередко встречал внутреннее сопротивление в более аристократических кругах общества. Так, упомянутая выше учительница Девичьего института Восточной Сибири В.П. Быкова с интересом читала ученых, которые высказывались в защиту религии (Г.В. Лейбниц, Ж.Б. Боссюэ) и могли противостоять "учению Фейербахов, Бюхнеров, Молешоттов, Фохтов и тому подобных лиц"²⁰⁶.

Несмотря на усиление в 60-х гг. интереса образованных сибиряков к естественно-научной и философской литературе, она редко бывала предметом дискуссий в салонах высокопоставленных горожан и кружках местной интеллигенции. Здесь чаще обсуждали новинки отечественной художественной литературы, публицистические, экономические и политические работы, так или иначе связанные с решением важных жизненных задач.

Средний читательский слой в Сибири конца 50-х — 70-х гг. лишь начал складываться. Наиболее интеллектуальная его часть смыкалась с образованными читателями, менее развитая была близка к городской низовой среде. При незначительном количестве публичных библиотек и книготорговых заведений он, как правило, был лишен возможности свободного выбора книг, и его чтение во многом носило случайный характер. Наиболее развитую группу этой читательской аудитории составляли учащиеся и молодежь, окончившая средние учебные заведения. Характер их чтения нередко складывался под воздействием образованной части общества. Этому способствовала организация во многих городах Сибири литературных вечеров, литературно-художественных чтений и кружков. Так, на литературных вечерах при Иркутской публичной библиотеке в начале 60-х гг. читались и обсуждались литературные новинки — рассказы Марко Вовчок, "Записки охотника" И.С. Тургенева, стихи Н.А. Некрасова, Н.П. Огарева и др.²⁰⁷ В доме Павлиновых иркутская молодежь читала новые журналы, ставила спектакль по пьесе А.Н. Островского "Бедность не порок"²⁰⁸. В этом кружке читали В. Шекспира, "Фауста" И.В. Гете, роман Н.Г. Чернышевского "Что делать?", журналы "Современник", "Русское слово".

Новый подход к организации учебно-воспитательного процесса в Сибирском кадетском корпусе начала 60-х гг. предполагал накопление учащимися не только профессиональных знаний и чтение ими литературы военной тематики. Забота начальства о наполнении училищных библиотек привели к расширению читательского диапазона кадетов. По воспоминанию одного из воспитанников, любимыми книгами учащихся были произведения А.С. Пушкина, Н.М. Карамзина, М.Н. Загоскина, И.И. Лажечникова, Н.В. Кукольника, О.И. Сенковского, с удо-

вольствием читалась русская классика — И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.С. Грибоедов, Н.А. Некрасов, А.Ф. Писемский, И.А. Гончаров, А.Н. Островский, Г.И. Успенский, М.Ю. Лермонтов; из книг иностранных авторов — "Одиссея" и "Илиада" Гомера, "Энеида" Вергилия, "Отелло" В. Шекспира, произведения Лопе де Вега, И.В. Гете, Г. Гейне, Дж. Байрона и др. Среди журналов и газет наибольшим вниманием пользовались "Современник", "Отечественные записки", "Вестник Европы", "Дело", "Русский вестник", "Всемирная иллюстрация", "Санкт-Петербургские ведомости", "Искра" и др.²⁰⁹

Подобный диапазон книжных интересов не был типичным для широкого круга "полуобразованных" читателей. Однако характерной чертой времени стало осознание многими из них престижности чтения. В среде чиновников, например, определенным "шиком" считалось при случае упомянуть модную литературную новинку, свежий номер журнала. М.С. Знаменский в своих дневниках писал о тобольском городничем К.Д. Кувачинском, для которого лежащий на диване номер журнала "Время" "был только поводом прихвастнуть своими якобы разнообразными познаниями в литературе"²¹⁰. Корреспондент газеты "Сибирь" отмечал, что "если посмотреть на число выписываемых Барнаулом книг, газет, журналов, особенно периодики, то здесь вы встретите почти все выходящие в России газеты и журналы, издания на немецком, французском и английском языках. Но хорошее впечатление сглаживается, когда доведется взять в руки толстый журнал у какого-нибудь подписчика. Разрезаны страницы только с беллетристикой"²¹¹.

В данной среде читателей с развитыми литературными интересами было немного. Мелкое чиновничество и купечество в эти десятилетия лишь приобщалось к регулярному чтению или просмотру газет, причем их вкусу и тщеславию, по словам Н.М. Ядринцева, более всего удовлетворял "какой-нибудь "Сын Отечества" с забористым фельетоном и скромной карикатурой"²¹², газеты "Голос", "Санкт-Петербургские ведомости", где просматривались прежде всего отдели телеграмм и распоряжений. Широким спросом пользовались иллюстрированные еженедельники.

Из художественной литературы в данной среде больше всего ценились произведения развлекательные, авантюрно-приключенческие, погружающие читателя в обстановку, далекую от повседневной реальности. Так, в 1879 г. в Минусинской городской библиотеке произведения П. дю Террайля, Г. Борна, Ч. Диккенса, Б. Ауэрбаха, Майн Рида, Э. Сю спрашивались чаще, чем Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова, Д.В. Григоровича²¹³.

В целом беллетристика преобладала в кругу чтения средних городских кругов. В то же время повсеместный рост интереса к естественно-научной и исторической литературе коснулся и этой группы населения. Например, среди 96 книг, взятых мещанином Антоновым в Иркутской библиотеке (1858 г.), были сочинения об образовании земной коры, космосе, истории Сибири, введение в философию²¹⁴. П.А. Кропоткин писал, что среди читателей частной библиотеки М.П. Шестунова начала 60-х гг. "в последнее время стали читаться еще популярные книги по части естественных наук: требование на них довольно сильно"²¹⁵.

Читатель из городских низов населения за Уралом в конце 50-х — 70-е гг. XIX в. еще не обрел весомости ни в количественном отношении, ни по разнообразию и качеству чтения. Получив начальное школьное образование, этот читатель овладел грамотой, но не получил достаточной подготовки для восприятия литературы, предназначенной для более культурных слоев населения. Обращение к книге для него не стало насущной потребностью и воспринималось как средство развлечения. Публичные библиотеки и редкие книжные магазины не были доступными

и психологически комфортными для данной категории читателей. Например, бесплатная читальня для бедноты, открытая в 1873 г. в Иркутске, через два месяца закрылась из-за отсутствия посетителей²¹⁶. Чаще всего читатели данной группы покупали книги в базарных лавочках, на ярмарках, у офеней и спрашивали, как правило, сонники, оракулы, песенники, жития святых, народные сказки, авантюрные рыцарские романы. Лубочная книга в этой среде была наиболее распространенной. Широкой популярностью пользовались повести о Бове Королевиче, Ерусалане Лазаревиче, "Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего мужа", "Гуак, или непреоборимая верность" и другие произведения, пришедшие в виде новых переделок или переизданий из предыдущих десятилетий. Потребность в чтении газет в этой среде еще только начинала формироваться.

Читательские интересы и характер чтения сельского населения определялись специфическим социально-экономическим и правовым положением крестьянства в стране и регионе в условиях подготовки и начала буржуазно-либеральных реформ, социальной структурой, ментальностью и образом жизни крестьянских "миров", уровнем и характером религиозности и грамотности, а также возможностями доступа к продуктам письменной и печатной культуры. В целом сельское сообщество было менее приобщено к чтению, чем городское население. Проводниками городской культуры в селах выступали приезжавшие сюда немногочисленные представители среднего и низового городских читательских слоев — мелкие чиновники, учителя и медицинские работники, политические ссыльные, священнослужители, но также и местные "торговые люди", "пиджаковый мир" — крестьянская протобуржуазия. Не только воздействие городских стандартов жизни (оно было еще слабым), но и развитие товарно-денежных отношений, бюрократизация системы управления крестьянством и сельским хозяйством, служба в вооруженных силах молодых мужчин и другие причины приводили к дальнейшему расширению потребности в первоначальной грамотности, в религиозно-нравственном просвещении.

В 60—70-х гг. намечилось некоторое расширение в целом небогатых возможностей удовлетворения читательского интереса: формировалась сеть официальных начальных училищ с небольшими книжными собраниями при них, самостоятельных "домашних" крестьянских школ. По трактам развозили и на ярмарках продавали популярные печатные издания, в церкви иногда раздавали нравоучительные листовки и т.д.

Общее число грамотных в деревенской среде середины XIX в., по нашей оценке, было менее 5%, при этом сама грамотность "как правило, ограничивалась элементарными навыками чтения и письма"²¹⁷. Среди казачества, а также крестьян-старообрядцев, сектантов-субботников доля грамотных была больше. В пригородных местностях, в крупных трактовых селениях тоже имелось сравнительно больше "грамотеев", и спрос на печатную продукцию был выше, чем в отдаленных деревнях.

Что касается ортодоксальных старообрядцев, то они учили детей главным образом чтению на церковно-славянском языке, осуждали в своей среде знакомство с книгами "гражданской печати" и письменными бумагами. Основными пособиями, использовавшимися у них во время учебного процесса, были Часослов и Псалтырь. Эти же книги, да еще Евангелия, молитвенники, святцы для большинства ограничивали круг чтения и в зрелом возрасте. Вообще же в старообрядческой среде находилось в обращении, по-видимому, несколько сотен наименований старинных вероучительных и богослужебных книг, рукописных и печатных

произведений иных жанров: апокрифы, жития, полемические трактаты, родословия, лечебники, в том числе и созданные самими крестьянами в Зауралье ²¹⁸.

У основной части крестьянства, находившейся в орбите влияния официальной православной церкви, преобладали традиционные мотивы обращения к книге: в ней видели сакральную ценность, искали изложения слова Божьего, правил церковной жизни, пути решения нравственных проблем. Новыми мотивами чтения становились необходимость разбираться в законодательстве и административном нормотворчестве государства, потребность в поучительном развлечении.

Знакомство с печатной продукцией в детстве для учившихся в школе крестьян тоже обычно начиналось с религиозных текстов.

Для взрослой аудитории наиболее востребуемым и доступным видом печатных изданий являлись настенные лубочные картины религиозного и светского содержания с соответствующими подписями. В домах среднего достатка и зажиточных, в общественных зданиях по стенам были расклеены типографские портреты императора и членов царствующего дома, христианских святых, изображения святых мест, библейских сюжетов, картины Страшного суда, исторические и батальные сцены, иллюстрации к известным песням и сказкам. Такие "картинные галереи" появлялись и на стенах домов новоселов по мере освоения восточных окраин России.

Определенное хождение имели и книги, причем доминировали и по количеству, и по значению в народной культуре тексты религиозного характера. В домах зажиточных и среднего достатка на специальной полочке либо на столике в красном углу под образами лежали одна-две унаследованные от предков книги. Это могли быть печатные Псалтыри и Евангелия, молитвословы, календари, жития святых, а иногда и рукописные сборники заговоров, примет и молитв на разные случаи жизни. Повсеместно хранили и переписывали "Сон Пресвятой Богородицы", "Сказание о соблюдении пятниц", верили в их чудодейственную силу.

Литература светского содержания столь широкого распространения еще не получила, но со временем ее проникновение усиливалось. Сельским "грамотеям" приходилось по вкусу лубочные книжки и брошюры, листки, продававшиеся на базарах и проезжими торговцами-офенями: сборнички и отдельные издания сказок, анекдотов, дидактических "чудесных" историй о рыцарях, купцах, колдунах и разбойниках, о любви и преступлении, песенники, сонники, описания фокусов и т.п. Серьезная по содержанию, хорошо изданная художественная, научно-популярная и специальная литература в это время проникала в крестьянскую среду лишь случайно и спорадически. Только в крупных селах можно было найти периодические издания — разрозненные номера журналов, подшивки официальных газет, выписываемых мировыми посредниками, станичными и волостными правлениями.

Домашние библиотеки в крестьянских избах были явлением очень редким. В случае необходимости иные из сельчан могли, правда, воспользоваться литературой из частных библиотечек сельских интеллигентов, политических ссыльных. Политссылка оказала некоторое влияние на повышение уровня грамотности, развитие читательских интересов части крестьянства Восточной Сибири ²¹⁹.

Общедоступные библиотеки еще не могли стать обычной частью деревенской культурно-бытовой инфраструктуры. Со временем их число понемногу увеличивалось, причем на первый план выходили библиотечки при училищах. Дети и подростки приносили домой из школы учебные книги, беллетристику и читали вслух своим домашним, часто в присутствии друзей, знакомых, соседей. Так про-

должалась сельская традиция коллективных чтот, сложившаяся еще в предшествующий период и ранее ограничивавшаяся в основном чтением религиозной литературы²²⁰. Обеспечивалось знакомство с книгой не только тех немногих, кто в деревне "знал грамоте", а более обширного круга крестьян. Однако до того времени, когда книга могла бы стать поводом для повседневного общения большинства сельчан, практической советницей в их хозяйственной деятельности (а это — основа крестьянской жизни), в большинстве других проявлений образа жизни, было еще далеко. Именно в этом смысле следует понимать слова очевидцев о том, что "грамотность в Сибири... у простолюдинов к делу не прикладывается", что крестьяне считают грамотность букваря и прописи "несогласимую со своєю трудовою жизнью"²²¹.

Оценивая читательскую аудиторию Сибири и Дальнего Востока конца 50-х — 70-х гг. XIX в. и ее книжные интересы, необходимо видеть их динамичность, непрерывность процесса вовлечения в круг читающих все новых групп населения. На востоке страны взаимодействие общества с печатным словом протекало не менее, а иногда и более интенсивно, чем в европейских губерниях России. Об этом свидетельствуют имеющиеся данные о подписке на газеты и журналы.

Периодика во второй половине XIX в. занимала лидирующее положение в чтении россиян. Книги издавались малыми тиражами, дорого стоили и были недоступны большей части населения. Новинки литературы доходили до провинции в основном в виде журнальных публикаций. Тиражи популярных периодических изданий быстро росли. По официальной статистике²²² (табл. V), в 1869 г. в Сибири и на Дальнем Востоке выписывалось 6833 экземпляра периодических изданий 83 наименований (в предыдущем году — 4585).

Как и во всей России, самое широкое распространение в крае получили официальный печатный орган "Правительственный вестник" (480 экз.) и наиболее дешевая ежедневная газета "Сын Отечества" (428 экз.). Пользовались популярностью дешевые издания универсального и религиозного содержания, предназначенные для семейного чтения, — "Странник" (414 экз.), "Воскресный досуг" (351 экз.), "Духовная беседа" (189 экз.), коммерческие еженедельники "Биржевые ведомости" (285 экз.), "Современный листок" (261 экз.). Примечательно, что до самых отдаленных уголков Сибири и Дальнего Востока доходили журналы мод "Ваза", "Модный свет", "Модный магазин", "Новый русский базар", на них подписывались более активно, чем, например, на "Земледельческую газету", "Военный сборник", "Досуг и дело", "Учитель".

Среди ежемесячных толстых журналов наибольшей популярностью пользовались "Отечественные записки" (269 экз.), "Дело" (206 экз.), меньше — "Вестник Европы" (136 экз.). До закрытия в 1866 г. одним из читаемых толстых журналов был "Современник". В 1860 г., например, он имел в Сибири 221 подписчика²²³.

Более устойчивый, чем в губерниях Центральной и Южной России, интерес сибиряков к журналам революционно-демократического направления в литературе отмечался неоднократно²²⁴. Впервые увидевший эту закономерность Н.Г. Чернышевский объяснял и причину: Сибирь практически не знала крепостного права и получала из России "постоянный прилив самого энергического и часто самого развитого населения"²²⁵. Как показывает статистика, революционно-демократические журналы чаще выписывались в тех сибирских районах, где было сосредоточено наибольшее количество политических ссыльных — Забайкальской области, Тобольской и Енисейской губерниях, Иркутске²²⁶.

Анализ такого статистического показателя читательской активности, как "число жителей, на которое приходится 1 экземпляр периодического издания", за

1869 г.²²⁷ приводит к выводу о сопоставимости общероссийских и сибирских характеристик. Сибирь и Дальний Восток в сравнении с губерниями Европейской России по этому показателю стоят далеко не на последнем месте. Самые незначительные цифры, приводимые по Европейской России (одно издание на 1166 жителей в Уфимской губернии, на 932 жителя в Самарской губернии) выигрывают лишь при сравнении с данными по Якутской области (одно издание на 1390 жителей). Тобольская и Томская губернии (одно издание на 688 и 628 жителей соответственно) сопоставимы с Вологодской, Воронежской, Казанской, Тамбовской губерниями и опережают Вятскую, Пензенскую, Рязанскую губернии. Иркутская и Енисейская губернии (одно издание на 266 и 313 жителей) сравнимы с такими развитыми губерниями, как Екатеринославская, Московская, Таврическая, Херсонская. Амурская область — в 60-х гг. XIX в. край пионерного освоения, практически еще не заселенный (в 1879 г. было около 35 тыс. жителей), но активно осваиваемый русскими первопроходцами — военными, путешественниками, инженерами, учеными — имела самые высокие по России показатели подписки на периодические издания — одно на 80—100 жителей*, уступая лишь Санкт-Петербургской губернии.

Учитывая более низкую грамотность населения азиатской части государства по сравнению с жителями Европейской России, можно сказать, что чтение образованных и социально активных слоев сибирского общества, включая насильственно оторванных от практических дел политических ссыльных, было интенсивнее, чем в западных губерниях страны.

* * *

Эпоха социально-экономических реформ конца 50-х — 60-х гг. XIX в., общенациональный подъем в стране дали мощный импульс для серьезных изменений в области книжной культуры как России в целом, так и ее азиатской части. Развивающиеся вглубь и вширь модернизационные процессы высвободили подспудно копившиеся в обществе силы, ускорили рост производства, просвещения, образования, расширили возможности многоаспектного освоения края. В этот период происходят качественные сдвиги во всех отраслях книжного дела.

Конец 50-х — 70-е гг. XIX в. были временем становления сибирского книгоиздания как развивающейся, необходимой в структуре экономики и культуры края системы. В этот период произошли большие изменения в полиграфической промышленности, увеличилось число типографий и литографий, улучшилось их техническое оснащение, возникли учреждения и организации, берущие на себя книгоиздательские функции, формировались группы и коллективы творческой интеллигенции, рождалась и становилась серьезной общественной силой местная периодическая печать. Это было время формирования ведомственной, производственной книги, зарождения научного книгоиздания, первых опытов по созданию популярной литературы, расширения книгопроизводства на языках коренных народов Сибири и Дальнего Востока.

В то же время книгоиздание за Уралом в целом еще не носило достаточно устойчивый характер. Судьба задуманных книг часто зависела от воли случая.

* Цифра приблизительна из-за отсутствия данных о количестве жителей Амурской области в 1869 г.

Слабость местной полиграфической базы по-прежнему вынуждала сибирских и дальневосточных авторов публиковаться за пределами края.

По той же причине трудно, а подчас и невозможно было организовать местные печатные органы, что порождало большое число рукописных журналов и газет.

Полнокровную жизнь на первых порах местное книгоиздание могло обрести лишь в крупных административных центрах (табл. I). Поэтому важнейшие "книгоиздательские гнезда" Сибири конца 50-х — 70-х гг. — это губернские и областные города, средоточия административной и хозяйственной жизни — Иркутск, Тобольск, Томск, Омск^{**}. Наиболее благоприятные условия для книгоиздания к середине XIX в. сложились в Иркутске. Он стал первым за Уралом центром научного книгоиздания, в нем возникли первые в Сибири второй половины столетия частные типографии и литографии, первые частные газеты, редакции которых стали инициаторами и книгоиздательских начинаний. В Иркутске ранее других городов была осознана потребность в издании книг учебного, общеобразовательного характера, научно-литературных сборников.

Выделяется Иркутск среди других сибирских городов и чисто количественными показателями книгопечатания. Если издательская продукция Тобольска, Томска, Омска в обозреваемый период не превышала 90—100 печатных единиц, то иркутских изданий нам сейчас известно более 300. По Иркутску более отчетливо, чем по другим городам Сибири, можно проследить, как постепенно на протяжении данных десятилетий возрастала роль местной книги в сибирском обществе, что дало толчок для ее более интенсивного развития в последующий период. В конце 50-х — 70-е гг. происходят качественные изменения в книгораспространении на востоке страны. Несмотря на отсутствие регулярного транспортного сообщения, острая потребность в книге приводит к расширению географии и каналов ее распространения. Впервые на территории края появляются книжные лавки и магазины. Открытие в Томске Сибирского книжного магазина П.И. Макушина знаменовало собой новый этап в продвижении книги к местному населению и формировании его читательских потребностей. Заметно развивались и другие формы книгораспространения — подписка и выписка изданий из центра, розничная распродажа книг с помощью офеней, распределение литературы различными обществами и организациями. В то же время отсутствие устойчивых традиций использования книги многими слоями населения по-прежнему сохраняло актуальность административного книгораспространения "сверху".

Реформы конца 50-х — 60-х гг. способствовали развитию за Уралом библиотечного дела, а также инициативным общественным и личным начинаниям в этой области. Появляется разветвленная сеть библиотек учебных заведений, ведомств и научных обществ. В губернских и уездных городах открываются публичные библиотеки, поддерживаемые высокопоставленными чиновниками, общественными деятелями, интеллигенцией, купечеством. В то же время библиотеки еще не имеют достаточной материальной опоры для стабильного существования, финансируются от случая к случаю. Высокая плата за пользование литературой отпугивает потенциальных читателей из средних городских слоев.

Рост грамотности населения, расширение сети библиотек и книжных магазинов, усиление самой потребности в печатном слове делают в этот период взаимо-

^{**} Омск не был губернским городом, но являлся центром Западно-Сибирского генерал-губернаторства и Сибирского казачьего войска. Губернский же город Красноярск по масштабам книгопечатания значительно отставал от этих городов.

действие книги и общества значительно более динамичным, чем в предшествующие десятилетия. Как и во всей России, за Уралом нарождается новый читатель, стремящийся использовать книжное знание в практической деятельности, обрести с его помощью определенную социальную, нравственную жизненную позицию. Большое влияние на читательские интересы сибиряков и книжную культуру в целом оказывала в этот период разночинно-демократическая интеллигенция, проникнутая просветительскими идеями "областничества", политические ссыльные. Однако общественное движение по приобщению широких слоев населения Сибири и Дальнего Востока к книге и чтению в конце 50-х — 70-е гг. XIX в. еще только разворачивалось и не всегда имело достаточно реальных возможностей для воплощения в жизнь. Многие замыслы в этой сфере смогли осуществиться лишь в последующие десятилетия.

Глава IV

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

80-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 90-х ГОДОВ XIX ВЕКА

В 80-х — первой половине 90-х гг. XIX в. за Уралом ускоряются процессы экономических, социальных, культурных преобразований, чему во многом способствовало развернувшееся в 90-х гг. строительство Сибирской железнодорожной магистрали.

В эти десятилетия происходит интенсивное освоение восточных территорий страны. Увеличивается поток переселенцев в Сибирь и на Дальний Восток. Быстро растут города — Томск, Иркутск, Омск, Тюмень, Красноярск, Бийск и другие, население которых к концу века, по сравнению с 1851 г., утраивается. За короткий исторический срок завершается процесс превращения дальневосточных окраин России в неотъемлемую составную часть государства. В 1884 г. Дальний Восток (Забайкальская, Приморская и Амурская области) выделяется из Восточной Сибири в самостоятельную территориально-административную единицу — Приамурское генерал-губернаторство с центром в Хабаровске. Усиливается роль молодых дальневосточных городов — Читы, Хабаровска, Благовещенска, Владивостока, которые становятся опорными пунктами дальнейшего освоения восточных территорий, центрами административного, военного, хозяйственного и политического управления, а в конце 80-х — 90-е гг. заметными центрами развития культуры.

Общественный подъем, охвативший Россию в конце 50-х — 60-е гг. XIX в., продолжается в Сибири и на Дальнем Востоке и в последующие десятилетия. Царствование Александра III, наступившее после убийства Александра II 1 марта 1881 г., стало для России в определенной мере эпохой пересмотра либеральных преобразований 60—70-х гг., временем контрреформ. Делаются попытки ослабить местное самоуправление, уничтожить автономию университетов, ограничить доступ в гимназии лиц "низших сословий", усилить церковно-монархическое воспитание в начальных, прежде всего сельских школах. Увеличивается число политических процессов и ссылаемых в Сибирь. В 1882 г. вводится дополнительный закон о печати, усиливающий давление цензуры. Но эти меры уже не могли воспрепятствовать движению России по капиталистическому пути. Не могли они остановить и начавшееся на рубеже 50 — 60-х гг. за Уралом мощное движение всех образованных слоев общества, направленное на освоение и преобразование края.

26 октября 1881 г. Сибирь торжественно отмечала 300-летие присоединения к России. Это событие воспринималось сибиряками не как рядовое юбилейное торжество, а как определенный рубеж, начало нового исторического этапа. "Новый период жизни Сибири может быть определен со времени юбилея 300-летия. Момент этот сопровождается некоторым подъемом духа, пробуждением сознания и имеет весьма важные следствия в самой внутренней жизни Сибири", — писал Н.М. Ядринцев¹.

В 1881 г. по случаю юбилея Сибири некоторые городские думы (например, Енисейская, Иркутская) посылали ходатайства в Министерство внутренних дел о "даровании Сибири гласного судопроизводства и той доли свободы печатного слова, которую пользуется столичная пресса"².

В 1882 г. в Петербурге выходит книга Н.М. Ядринцева "Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее"³. Автор намечает программу дальнейшего общественного развития Сибири: отмена уголовной ссылки в Сибирь, введение земской и судебной реформ, широкая гласность, улучшение положения коренных народностей края и рабочих, организация переселенческого движения, открытие сибирского университета, просвещение народа и многое другое.

Далеко не многому из намеченного Н.М. Ядринцевым суждено было сбыться, однако осознание широкими слоями общества своих задач, их гражданская активность, понимание, что "этот край мог бы при лучших условиях быть страной довольства, богатства и счастья"³, дали живительный заряд на долгие годы, стали стимулом широкого общественно-культурного движения 80—90-х гг.

Развернувшееся в Сибири "культурничество", как отмечал народоволец И.И. Попов, помешало наступлению здесь "чеховских сумерек", характерных для Европейской России 80-х гг. В своих воспоминаниях он писал, что в эти годы в Сибири дышалось легче и свободнее, чем в столицах⁴.

Именно в 80—90-е гг. за Уралом открывается наибольшее, по сравнению с предыдущим периодом, число учебных заведений, культурно-просветительных, благотворительных, научных обществ. Начиная с 1882 г. (с возникновения в Томске по инициативе П.И. Макушина "Общества попечения о начальном образовании") здесь было учреждено около 15 таких обществ. Открываются общества попечения о бедных учащих в уездных и начальных училищах, гимназиях. На протяжении изучаемого периода значительно расширилась сеть начальных школ (в частности, церковно-приходских и школ грамоты), средних учебных заведений. К 1895 г. в Сибири и на Дальнем Востоке работало 36 общеобразовательных средних школ (с прогимназиями). Появились в крае и средние специальные училища: промышленное в Иркутске, механико-техническое в Омске, мореходное в Николаевске-на-Амуре, средние медицинские школы в Омске и Иркутске, Иркутское ремесленно-воспитательное заведение Н.И. Трапезникова и др.⁵

В 1880 г. в Томске состоялась закладка здания первого сибирского университета, а в 1888 г. он был открыт (правда, в составе одного медицинского факультета).

В 80-х гг. вновь возобновляют деятельность воскресные школы в Томске, Иркутске, Кургане и других городах, возникают различные культурно-просветительные объединения — драматические и музыкальные общества, комитеты по устройству религиозно-нравственных чтений, общества трезвости и т.д.

В этот период на востоке страны широко разворачивается работа по изучению края. Создается большое число научных обществ, отделов и подотделов Императорского Русского географического общества, местных отделений Московского общества сельского хозяйства, метеорологических станций, профессиональных объединений врачей и т.д. Открываются и ведут активную научную и просветительную работу местные краеведческие музеи — в Иркутске, Минусин-

* В 1892 г. в Петербурге вышло второе издание книги Н.М. Ядринцева "Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении".

ске, Енисейске, Красноярске, Тобольске, Якутске, Барнауле, Владивостоке, Чите, Тюмени. На территории края работает большое число научных экспедиций, занимающихся природоведческими, археологическими, этнографическими, лингвистическими и иными исследованиями.

В сложившихся условиях особую общественную значимость приобретают книжное дело и периодическая печать, которые как бы аккумулируют в себе социальные, хозяйственные, культурные, научные проблемы того времени. Больших успехов в изучаемые десятилетия достигает полиграфическая промышленность края. Растет число типографий и литографий, расширяется их география, совершенствуется полиграфическое оборудование предприятий. Значительно увеличивается число учреждений и организаций, выпускающих печатную продукцию, расширяется частное книгоиздательское предпринимательство.

В 80—90-х гг. в Сибири и на Дальнем Востоке быстро растет количество общественных, публичных, учебных и ведомственных библиотек, открываются книжные магазины, лавки и книжные склады. Круг читающих значительно расширяется по сравнению с предшествующими десятилетиями. Книга распространяется среди крестьян, мещан, ремесленников, рабочих и других слоев населения.

Особую значимость приобретает печатное слово в кругах местной интеллигенции. Для них книга — средство обретения знаний и способ внедрения в жизнь результатов собственного труда.

Ощутимый вклад в развитие книжной культуры Сибири внес молодой торгово-промышленный класс. Сибирское купечество выделяло значительные средства на поддержание местной периодической печати и книгоиздания, финансировало научные экспедиции, публикации трудов о крае, участвовало в открытии типографий, литографий, книжных магазинов, публичных библиотек, обществ поощрения о начальном образовании и т.д. С развитием книжного дела неразрывно связаны имена крупнейших иркутских золотопромышленников А.М. и И.М. Сибиряковых, томского предпринимателя и просветителя П.И. Макушина, красноярцев А.П. и И.П. Кузнецовых, купца-библиофила Г.В. Юдина, тюменского купца Н.М. Чукмалдина и многих других.

На Дальнем Востоке из-за отсутствия местных кадров интеллигенции и предпринимателей наиболее серьезной организующей силой в области развития книжного дела стала администрация, прежде всего военная.

Большое влияние на развитие книжной культуры Сибири и Дальнего Востока оказывали политические ссыльные, поток которых усилился в начале 80-х — середине 90-х гг. Если в 60—70-е гг. влияние политической ссылки на жителей Сибири было революционизирующим, связанным с распространением на данной территории господствующих в Западной Европе и Европейской России левых политических и социальных идей, а также современной политической, философской, исторической, естественно-научной литературы, то в 80—90-е гг. оно становится все более культурно-созидательным, направленным на решение местных задач.

На протяжении всей второй половины XIX в., но особенно в 80—90-е гг., когда сложились реальные условия для практической деятельности, политссыльные становились неременными участниками всех "книжных" начинаний в крае. Они деятельно сотрудничали в демократических органах сибирской и дальневосточной периодической печати, статистических комитетах, местных отделах и подотделах Русского географического общества, работали в экспедициях по изучению края, становились активными тружениками, а часто и организаторами краеведческих музеев и публичных библиотек, являлись инициаторами книгоиздательских

предприятий. Книжная культура Сибири и Дальнего Востока неразрывно связана с именами Ф.В. Волховского, Д.А. Клеменца, И.И. Попова, С.Л. Чудновского, С.П. Швецова, Б.О. Пилсудского и многих других невольных жителей края. Политические ссыльные своей культурно-просветительной, научной, издательской деятельностью помогали местному населению поддерживать высокий уровень общественного самосознания.

Книжная культура Сибири и Дальнего Востока обрела значительную силу и в свою очередь стала серьезным фактором дальнейшего развития.

Серьезное значение в социально-экономической и культурной жизни края приобрела местная периодическая печать. Если конец 50-х — 70-е гг. были периодом ее становления, первых ярких, но недолговременных опытов создания частных газет, то в 80—90-х гг. сибирская периодическая печать становится неотъемлемой частью общественной жизни. Расширяется ее география. Вместо 13 газет, действовавших в крае в разное время на протяжении 60—70-х гг., теперь их более 30. Высокую популярность в крае и за его пределами приобрели — "Восточное обозрение" (Иркутск, 1888—1906 гг.), "Сибирь" (Иркутск, 1873—1887 гг.), "Сибирская газета" (Томск, 1881—1888 гг.), "Владивосток" (1883—1906 гг.). Качественно новые черты появились и в местном книгоиздании. Если начальные его этапы были тесно связаны с ведомственным делопроизводством и административным управлением, прежде всего отражая их потребности, то в 80—90-х гг. оно обретает определенное тематическое, типологическое, жанровое разнообразие, становится более гибким, более ориентированным на читательский спрос и книжный рынок. Увеличиваются тиражи изданий, их средний объем, улучшается полиграфическое исполнение.

Широкому внедрению книгопечатания в повседневную жизнь общества способствует укрепление местной полиграфической базы.

1. РАЗВИТИЕ ПОЛИГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

В 1885—1889 гг. за Уралом действовало не менее 50 типографий и литографий, в середине 90-х гг. — уже более 66. На протяжении 80—90-х гг. не только происходит количественный рост числа полиграфических заведений на территории края, но и меняется характер вновь возникающих предприятий. Если в предшествующие десятилетия закладывались материально-технические основы для развития книгопечатания, то в 80—90-х гг. широко разворачивается деятельность частных типографий и литографий, усиливающаяся к концу периода, открываются типографии в ранее "непечатающих" городах.

Продолжают активно работать все четыре губернские типографии, типография окружного штаба в Иркутске, типография Акмолинского областного правления и типография окружного штаба в Омске, областная типография в Якутске, типография Забайкальского областного правления в Чите, частные типолитография Н.Н. Синицына (с 1886 г. — типография газеты "Сибирь", с 1890 г. — типография К.И. Витковской) в Иркутске, В.В. Михайлова и П.И. Макушина в Томске, К.Н. Высоцкого (с 1887 г. — Л.К. Высоцкой) в Тюмени, типо- и литография наследников А.С. Гуляева в Барнауле, типография, хромолитография, скоропечатня А.В. Сунгуровой в Омске, типография Ф.С. Декова в Тобольске и некоторые другие предприятия, возникшие в более ранний период. Вновь открывается ряд типографий и литографий в Иркутске, Томске, Тобольске, Красноярске, Тюмени, Барнауле, Чите, Троицкосавске и других городах. Впервые появляются полиграфиче-

ские заведения в таких городах, как Енисейск, Курган, Бийск, Тара, Минусинск, Ишим, Ачинск и др.⁶

Создание в 1884 г. самостоятельного Приамурского генерал-губернаторства, породившего на территории Дальнего Востока большое число военных и гражданских ведомств, дало толчок к возникновению здесь типографий и литографий, предназначенных для нужд управления. Открываются типографии при канцеляриях военного и гражданского губернаторов Амурской области в Благовещенске, типография окружного штаба Приамурского военного округа, типолитография канцелярии Приамурского генерал-губернатора в Хабаровске, типография 1-го Восточно-Сибирского линейного батальона, типография Сибирского флотского экипажа (штаба Главного командира портов Восточного океана) во Владивостоке, типография полицейского управления на острове Сахалин (пост Александровск), типография штаба войск Южно-Уссурийского отдела, литографии при канцеляриях каждого линейного батальона.

В середине 80-х гг. во Владивостоке пытается завести собственную литографию Общество изучения Амурского края. На средства, собранные по подписке, был выписан литографический станок, "заведывание" которым взял на себя князь Л.А. Крапоткин. В 1893 г. станок был продан в рассрочку редактору и владельцу газеты "Владивосток" Н.В. Ремезову. Значительно позже, чем в остальных районах Сибири (вторая половина 80-х — 90-е гг.), появляются на Дальнем Востоке первые частные типографии — П.Г. Артамонова и К^о, Товарищества Д.О. Мокина и К^о в Благовещенске, М.А. Тыртова в Хабаровске, Н.В. Ремезова во Владивостоке⁷.

В оснащении полиграфических предприятий азиатской части страны в 80—90-х гг. происходят существенные сдвиги. По мере развития экономики и культуры, а вместе с тем и местного книгопечатания полиграфические заведения из ведомственных учреждений, удовлетворяющих внутренние канцелярские нужды, все в большей степени превращаются в промышленные предприятия, стремящиеся получить прибыль. Это требует от них повышенного внимания к техническому оснащению.

На протяжении 80—90-х гг. типографии края активно занимаются внедрением новой техники. Томская, Иркутская губернские типографии, типография Забайкальского областного правления, Тобольского епархиального братства имеют по одной скоропечатной машине, типография окружного штаба в Иркутске и Тобольская губернская типография в 1891 г. — по две.

Еще в большей степени заботятся об улучшении оборудования частные типографии. Так, типолитография газеты "Сибирь" в Иркутске в 1888 г. имеет две скоропечатные типографские машины, ручной типографский станок, одну скоропечатную литографскую машину и три литографских станка; типолитография Л.К. Высоцкой в Тюмени — одну скоропечатную машину, два прессы, два резальных станка; типография Н.А. Румянцева в Барнауле — одну скоропечатную машину фабрики "Аугсбург", два типографских станка и два литографских деревянных станка; типолитография Е.Ф. Кудрявцева в Красноярске — две большие скоропечатные машины (одна из них двухнакладная); типография Торгового дома П.А. Бадмаева и К^о в Чите — две скоропечатные машины, бостонский картопечатный станок, ручной типографский станок.

Раньше других современным оборудованием обзавелось крупнейшее полиграфическое предприятие — типолитография П.И. Макушина в Томске. Она отличалась наиболее высоким уровнем технического оснащения, в 1883—1887 гг. здесь имелось три "большого размера скоропечатные машины" и три ручных

станка⁸. На Уральской научно-промышленной выставке 1887 г. ее произведения признаны "по исполнению безупречными". "За отличные типографские работы" она награждена золотой медалью⁹.

Значительно увеличилось и количество рабочих, обслуживавших полиграфические предприятия, выросла их квалификация. Если в конце 50-х — начале 60-х гг. типографские работы выполнялись с помощью 4—5 исполнителей¹⁰, то типолитография П.И. Макушина в 1883—1887 гг. имела 40 рабочих¹¹, типография "Сибирского вестника" — 23, Томская губернская типография и типография Забайкальского областного правления — 15¹², типография Тобольского епархиального братства — 22 рабочих¹³.

При типолитографии П.И. Макушина с первых лет ее существования была организована школа наборщиков, которая поставляла обученных полиграфистов не только своему предприятию, но и типографиям других сибирских городов.

Несмотря на существенный рост полиграфического производства, Сибири и Дальнему Востоку все же не удалось преодолеть отставание от Европейской России¹⁴. Типографий и литографий на огромной территории края было значительно меньше, чем в центральных районах страны. Оснащение современным полиграфическим оборудованием тоже идет более замедленными темпами. В 80—90-х гг. здесь еще остается множество мелких типографий, работающих на ручных станках; литографии же, как правило, имеют полукустарное, устаревшее оборудование. В связи с трудностью организации полиграфических заведений на отдаленных от центра территориях далеко не все из задуманных частных типографий и литографий были созданы.

Имеющиеся типографии даже при явной их недостаточности подчас вступали в жестокую конкуренцию между собой. Невозможность обеспечить в своем городе достаточный объем печатных работ заставлял предпринимателей организовывать типографии и в других населенных пунктах. Так, в 1885 г. в Бийске создает типолитографию И.Д. Ребров — владелец полиграфического заведения в Барнауле. Организует предприятие в Ачинске инициатор красноярской типографии Е.Ф. Кудрявцев.

Возникла конкуренция между казенными и частными типографиями. На 1-м съезде русских деятелей по печатному делу (Петербург, апрель 1895 г.) отмечалось, что казенные типографии, пользуясь правом требовать от подведомственных учреждений выполнения печатных работ именно у них и имея возможность брать более дешевые заказы, находятся в привилегированном положении по сравнению с частными типографиями, ущемляют права последних¹⁵. Подобная ситуация возникает и за Уралом. Однако бедность и более слабая техническая оснащенность сибирских и дальневосточных губернских типографий даже в таком привилегированном положении не дают им преимуществ перед частными. "Конкуренция частной типографии, имеющей гораздо больше шрифтов, две скоропечатные машины и свою литографию (имеется в виду типолитография Михайлова и Макушина. — *Ред.*), положительно убила дело губернской типографии", — отмечается в представлении Томского губернского правления губернатору в 1880 г.¹⁶

В отдельных городах Сибири и Дальнего Востока взаимоотношения между казенными и частными типографиями складываются по-разному. В Томске, Иркутске, Тюмени и Барнауле большая часть книжной продукции выпускается частными типографиями. В Тобольске, Омске и Чите первенство остается за казенными предприятиями. Преобладание казенных типографий отмечается в дальневосточных городах — Хабаровске, Владивостоке, Николаевске-на-

Амуре, Александровске-на-Сахалине (исключение составляет лишь Благовещенск). Красноярск свои издательские проблемы в 80-х гг. решает за счет губернской типографии, в 90-х гг. инициатива переходит к частным. Наиболее ярко монопольное положение казенных типографий (типография губернского правления, а с 90-х гг. и типографии епархиального братства) проявляется в Тобольске — на протяжении всего XIX в. на них приходится львиная доля печатной продукции. Однако в тех случаях, когда губернскому правлению требуется особенно торжественное или изящное оформление текста, оно обращается с заказом в частные типографии (например, в типографию Ф. Декова), так как последние располагают для этого большими полиграфическими возможностями.

Таким образом, состояние полиграфической промышленности за Уралом в 80-х — первой половине 90-х гг. XIX в. нельзя оценить однозначно. Несомненно ее все ускоряющееся развитие в эти годы, техническое переоснащение производства, расширение круга "печатающих" городов. Но экономическая и культурная отсталость Сибири и Дальнего Востока, их отдаленность от центра, неразвитость вплоть до конца века транспортного сообщения затрудняют продвижение типографского станка на восток. Полиграфическим предприятиям приходится развиваться в условиях "избыточной недостаточности", когда расширение полиграфического предпринимательства сдерживается неустойчивостью и негарантированностью печатных потребностей, а возможности местного книгоиздания сужаются из-за слабости полиграфической базы.

Несбалансированность полиграфического производства и потребностей местного книгопечатания сохраняется на востоке страны на протяжении всего периода, затрудняя естественное развитие издательского дела.

Не меняется в 80—90-х гг., по сравнению с предшествующими десятилетиями, и положение с бумагоснабжением. В Сибири в эти годы существует ряд бумажных фабрик. Под Иркутском, например, работает фабрика купца Поротова. В 1886—1889 гг. недалеко от Тюмени Сибирским торговым товариществом "Ал. Щербачев и К^о" построена новая писчебумажная фабрика, оснащенная западноевропейским оборудованием¹⁷. Книжной бумаги ни та, ни другая фабрика не производят. Потребности же местных полиграфических заведений в широком ассортименте бумаги в связи с расширением книжного производства постоянно растут.

Наличие хорошей и разнообразной бумаги являлось предметом особой гордости типографий. Так, Енисейская губернская типография в рекламных объявлениях середины 90-х гг. сообщала, что имеет "большой набор газетной, писчей, альбомной, картузной, мраморной и почтовой бумаги и бристольского картона..."¹⁸. На картонных карточках 1891 г., изготовленных для Г.В. Юдина в красноярской типографии Е.Ф. Кудрявцева, значит: "Картон из Англии, привезенный через Карское море (лучшего не было)"¹⁹.

В целом же трудности бумагоснабжения Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX в. не только усложняли и удорожали книгопроизводство, но и снижали полиграфический уровень местной книги.

2. ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕДОМСТВ, ОБЩЕСТВ, МУЗЕЕВ, ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Несмотря на расширение издательского диапазона, в 80-х — первой половине 90-х гг. в книгоиздании азиатской части страны, как и всей российской провинции, продолжала преобладать ведомственная, деловая печатная продукция. По сравнению с предыдущими десятилетиями ее поток возрастает, как и число учреждений, информирующих население о своей деятельности.

Издателями ведомственных публикаций (отчетов, уставов, статистических обзоров, протоколов, циркуляров, проектов, смет и т.д.) становятся самые разные общества и организации: Тобольское общество трезвости, приюты арестантских детей в Иркутске и Красноярске, Омское общество правильной охоты, Благовещенское "Православное братство", Хабаровское благотворительное общество, Иркутский, Томский, Читинский попечительные о тюрьмах комитеты, многочисленные общества вспомоществования бедным учащимся и студентам и общества попечения о начальном образовании, Томское, Иркутское, Читинское драматические и музыкальные общества, библиотеки, лечебницы, гимназии и т.д.

Публикуемая производственная документация была проникнута глубоким уважением к статистике. Вслед за первичной годовой отчетностью появлялись итоговые отчеты за 5, 10, 15 лет, нередко сопровождавшиеся описанием истории общества или организации.

Большой объем печатной продукции выпускают многочисленные официальные органы власти — Главные управления Западной и Восточной Сибири, Приамурское генерал-губернаторство, губернские управления, городские думы и управы, штабы военных округов, канцелярии попечителей учебных округов и т.д. К подобным изданиям, например, относятся 8 томов "Сборника главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью", вышедшие в Иркутске в 1883—1884 гг.; "Сборник действующих в Тобольской губернии узаконений и распоряжений по следственной части", составленный губернским прокурором и историком К.Б. Газенвинкелем и выпущенный в 1888 г.; двухтомный "Систематический сборник законоположений о Сибирском казачьем войске", составленный полковником М.Г. Чириковым и изданный в Омске в 1893—1894 гг. В Хабаровке (позднее Хабаровск) в типографии штаба Приамурского военного округа в 1886 г. выпущены "Отчет по командировке на Командорские острова... в 1884—1885 гг." подполковника генерального штаба Н.А. Волошинова, в 1891 г. — книги подполковника генерального штаба Рогозы "Краткий очерк занятия Амурского края и развития боевых сил Приамурского военного округа" и "Краткий очерк Приамурского края. Официальное издание".

Помимо организаций, являющихся издающими в силу необходимости информировать общественность о своей работе, в Сибири и на Дальнем Востоке действуют учреждения, преследующие более широкие издательские цели. К ним принадлежат статистические комитеты, научные общества, музеи, Томский университет.

Среди губернских и областных статистических комитетов наибольшей издательской активностью в 80—90-х гг. отличаются Иркутский, Тобольский, Акмолинский (в Омске), Томский, Енисейский (в Красноярске) и Якутский. Самым распространенным видом их книжной продукции, как и в 60—70-х гг., продолжают оставаться памятные книжки и календари, однако характер наполнения справочников постепенно меняется.

В 80-е гг. реальный процесс объединения местных творческих сил вокруг статистических комитетов и издаваемых ими памятных книжек усиливается. Редакции многих памятных книжек пытаются ограничить справочный материал "крайними пределами"²⁰, чтобы издания могли служить "не только справочной

книгой в данную минуту", но и на будущее были надежными источниками знаний²¹.

В соответствии с новыми задачами начинает видоизменяться и структура памятных книжек и календарей. Некоторые из них (например, "Календарь Тобольской губернии на 1890 г." Тобольск, 1889) утрачивают характерную для этого рода изданий группировку материала по разделам и превращаются в сборники статей. Другие — выдвигают исследовательские отделы на одно из первых мест и делают их значительными по объему и смысловому наполнению ("Памятная книжка Иркутской губернии. 1881", "Памятная книжка Западной Сибири. 1882", "Памятная книжка Енисейской губернии на 1890 г." Красноярск, 1889). Третьи, не публикуя авторских статей, помещают обстоятельные аналитические обзоры статистических данных, которые дают представление о самых различных сторонах экономической и культурной жизни края ("Памятная книжка Томской губернии на 1884 г.", "Календарь Тобольской губернии на 1889 г.").

В 90-х гг. количество и разнообразие памятных книжек и календарей значительно увеличивается. Все чаще их выпускают не статистические комитеты, а иные организации или частные лица. Изменяется и характер памятных книжек: все в большей степени они наполняются коммерческой информацией, рекламой. В развитых сибирских и дальневосточных издательских центрах, где увеличилась возможность для выпуска других видов печатной продукции, например, в Томске Иркутске, Владивостоке, памятные книжки все в меньшей степени выполняют функцию научного издания и превращаются в чисто справочные книги.

Памятные книжки и календари, выпускаемые статистическими комитетами Сибири и Дальнего Востока, по задачам, структуре, содержанию как исследовательских, так и справочных отделов в процессе своего развития далеко уходят от первоначальных официальных установок, разработанных Министерством внутренних дел, отличаются определенной свободой издательского поиска. На протяжении второй половины XIX в., т. е. всего периода активного становления и развития сибирского книгоиздания, памятные книжки и календари концентрируют вокруг себя журналистские, просветительские силы местного общества, служат школой издательского опыта, откликаются на многочисленные потребности жителей края. Универсальность этого вида изданий по содержанию и читательскому назначению соответствует возможностям начальных этапов книгоиздательского процесса во многих сибирских и дальневосточных центрах, она связана с трудностями формирования здесь иных, более дифференцированных книжных форм²².

Среди отдельных изданий, выпущенных в 80-х — первой половине 90-х гг. статистическими комитетами, — историко-статистические труды, карты, списки населенных мест, работы, посвященные природоведческому, этнографическому, историко-культурным вопросам. Так, Акмолинский областной статистический комитет в 1891 г. выпустил труд А.И. Дмитриева-Мамонова "Начало печати в Сибири. Печать в Тобольском наместничестве в конце XVIII столетия", Иркутский статистический комитет — книгу "Забайкалье: Краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области" (1891); Томский статистический комитет в 1889 г. издает работу А. Васенева "От Кобдо до Ланьчеу-фу. Маршрут пути, пройденного караваном Товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова и К^о" с предисловием Г.Н. Потанина. При Енисейском статистическом комитете активно работает комитет грамотности, который в 1893—1894 гг. печатает протоколы заседаний.

Крупными издающими организациями за Уралом в исследуемый период были местные отделы Императорского Русского географического общества. Про-

должает свою деятельность самый значительный из них — Восточно-Сибирский, регулярно выпускающий "Записки" и "Известия". После 12-й книги (1886 г.) "Записки" отдела стали выходить по сериям: общей географии, статистики, этнографии — и просуществовали до 1896 г. Отдельный том "Записок" ВСОИРГО за 1889 г. составила работа ссыльного народника, публициста и ученого С.Л. Чудновского "Переселенческое дело на Алтае: (Статистико-экономический очерк)". Со свойственной ему обстоятельностью автор изучает дела и книги волостных правлений Бийского, Кузнецкого и Барнаульского округов Томской губернии, ведет самостоятельное статистическое обследование условий жизни переселенцев края, всесторонне обобщает (с цифрами, фактами, процентами, таблицами и т.д.) полученные сведения. Исследователь делает вывод о "хаотическом" состоянии переселенческого дела на Алтае, причину которого видит в "ненормальности, несправедливости и несообразности" поземельного устройства алтайских крестьян²³. Книга С.Л. Чудновского имела широкий резонанс в сибирском научном мире. Результаты его конкретных статистических выкладок нередко приводились в других работах, например в историко-статистическом сборнике "Алтай" (Томск, 1890).

В 1890 г., через 14 лет после смерти автора, в "Записках" ВСОИРГО по этнографии на средства И.М. Сибирякова была опубликована работа другого политического ссыльного, уроженца Тобольска — знаменитый труд этнографа и фольклориста И.А. Худякова "Верхоянский сборник. Якутские сказки и песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе". Его труд, по словам специалистов, является образцом научной компетентности и основательности. Историк русской этнографии А.Н. Пыпин писал, что "«Верхоянский сборник» представляет собой плод громадного труда и до сих пор стоит совершенно одиноким в своей области. Бог весть, когда найдется другой подобный исследователь, который с такою подготовкою, такою любовью и в столь обширных размерах соберет и обработает народную поэзию и якутов и тамошних русских"²⁴.

Из работ, выпущенных ВСОИРГО, большой интерес представляет труд учителя Иркутской гимназии И.В. Щеглова "Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032—1882 гг.", изданный в 1883 г. к 300-летию юбилею края. Несмотря на методические и фактографические просчеты, допущенные молодым автором при сборе и систематизации материала, его работа до сих пор остается одним из важных источников по истории Сибири.

Активную издательскую деятельность в 80—90-х гг. разворачивает второй в крае по времени создания и объему книгопечатания отдел Русского географического общества — Западно-Сибирский. В 18 книгах его "Записок", изданных до середины 90-х гг., наибольшее внимание уделялось природоведческому комплексу наук (географические, геологические, ботанические, зоологические, климатологические наблюдения в Западной Сибири). Немало работ посвящено истории, археологии, этнографии края, взаимодействию культур народов Южной Сибири и Казахстана, вопросам развития хозяйства (промыслы, мараловодство, хлебопашество), торговли, путей сообщения и т.д. Многие работы были выпущены в виде отдельных оттисков. Среди самостоятельных изданий отдела можно назвать книги П.В. Путилова "Из путевых этнографических наблюдений совместной жизни сарт и русских"; горного инженера Г.Г. Анзиминова "Петрографический очерк восточной части Кокчетавского уезда Акмолинской области". Обе работы изданы в 1887 г.

В 80-х — первой половине 90-х гг. XIX в. на востоке страны возникает целая сеть отделов и подотделов ИРГО. В 1891 г. при активном участии ссыльных народников (в частности, С.П. Швецова) в Барнауле создается Общество любителей исследования Алтая, впоследствии преобразованное в Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела ИРГО. Общество издает свой "Устав" (Барнаул, 1891) и рассылает по Алтайскому округу "Краткую программу для собирания сведений о природе и населении Алтая" (Барнаул, 1892). Членами Общества проводится перепись населения края, обследование экономического, санитарного и учебного состояния школ Алтайского округа, изучение быта переселенцев. Материалы исследований публикуются в "Алтайских сборниках", которые начинают выходить с 1894 г. (первый выпуск печатается в Томске в типографии П. Макушина тиражом 4 тыс. экз.)

В 1894 г. организуется целая система отделений ИРГО на Дальнем Востоке, вызванная потребностями интенсивного изучения края. Официальному оформлению отделений ИРГО предшествуют здесь исследовательская, коллекционная, а иногда и издательская деятельность местных краеведческих обществ и музеев. Так, в 1884 г. во Владивостоке усилиями интеллигенции создается Общество изучения Амурского края. Его инициатором и председателем становится Ф.Ф. Буссе.

Первым шагом Общества по созданию печатных трудов явились подготовка и выпуск в 1884 г. брошюры подполковника Генерального штаба И.П. Надарова "Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края". Напечатана она в типографии штаба главного командира портов Восточного океана. В брошюру вошли три сообщения, прочитанные И.П. Надаровым в Обществе изучения Амурского края и опубликованные газетой "Владивосток". Обобщая итоги своей поездки по краю, автор сделал вывод, что здесь можно принять и прокормить большое население, иметь избыток продуктов для продажи, а также успешно развивать промышленность. Брошюра была издана на частные средства, и деньги, полученные от ее реализации, пошли на издание в 1885 г. еще трех работ общества²⁵, в частности, брошюры Я.П. Семенова "Промысел морской капусты в Японском море".

Несмотря на наличие во Владивостоке нескольких типографий, уровень местной полиграфической базы не позволял выпускать здесь значительные по объему произведения. Поэтому, например, текст трех сообщений В.П. Маргаритова о его научных экспедициях был напечатан в 1886—1887 гг. объединенным отдельным выпуском в Санкт-Петербурге. Однако таблицы к изданию были нарисованы и отлитографированы князем Л.А. Крапоткиным во Владивостоке²⁶.

В 1888 г. начинают издаваться "Записки" Общества изучения Амурского края. В 1893 г. выходит второй их выпуск. Последующие тома выпускаются с годичной или двухгодичной периодичностью.

Труды членов Общества изучения Амурского края направлены на географическое изучение русского Дальнего Востока и прилегающих к нему территорий, поиск полезных ископаемых, описание быта, устного народного творчества, языков местных народов, археологических изысканий. Даются очерки экономического состояния отдельных районов, "естественно-исторические" описания земель и т.д. Во втором выпуске "Записок" опубликовано получившее широкую известность произведение А. Дьячкова "Анадырский край". Книгу чуванца А. Дьячкова, учителя из чукотского села Маркова, редактировал Ф.Ф. Буссе. Он же написал к ней предисловие.

Наряду с "Записками" общество издавало отчеты, которые выходили во Владивостоке с 1887 г.

В 80-х гг. XIX в. в Троицкосавске, Нерчинске и Чите по инициативе интеллигенции и в основном на пожертвования создаются местные краеведческие музеи, которые становятся центрами притяжения интеллектуальных сил края. Музеи располагают слишком незначительными средствами, чтобы развернуть широкую публикаторскую деятельность. Требуется организационный центр, который мог бы объединить (и частично финансировать) их разрозненные усилия. Таким центром становится Приамурский отдел ИРГО, который организуется в Хабаровске в 1894 г. по инициативе окружного военно-медицинского инспектора В.Н. Радакова и при содействии Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского. Председателем отдела становится генерал-лейтенант Н.И. Гродеков. В том же году открываются Троицкосавско-Кяхтинское и Читинское отделения Приамурского отдела ИРГО. Владивостокское Общество изучения Амурского края становится "филиальным отделением" Приамурского отдела²⁷.

Издательская деятельность Приамурского отдела ИРГО начиналась весьма активно. Уже в год организации отдела вышел в свет 1-й выпуск 1-го тома "Записок" (печатались в Петербурге). В 1895 г. были изданы 1-й том "Трудов", а также материалы "Из протоколов общего собрания членов Приамурского отдела ИРГО". Выпускались "Журналы" совета и протоколы собраний. Они были невелики по объему (от 1 до 12 страниц) и выходили в виде приложений к "Приамурским ведомостям". Как явствует из содержания отчетов, все издания печатались на "собственные средства" отдела.

Публикует свои материалы и Троицкосавское (Кяхтинское) отделение Приамурского отдела ИРГО. Отделение располагало недостаточной материальной базой, более слабым интеллектуальным потенциалом, чем Хабаровск или Владивосток. Однако уже в 90-х гг. здесь регулярно велась исследовательская работа, готовились к изданию труды членов ИРГО. В Кяхтинской общественной типографии были опубликованы, например, протокол № 1 заседания отделения от 16 сентября 1894 г. с приложением работы В.С. Моллесона "О видах бекасов в Троицкосавском округе" и протокол № 2 заседания от 28 октября 1894 г., имевший в качестве приложения работу Ю.Д. Талько-Грынцевича о "семейских" — забайкальских старообрядцах, — напечатанную в Томске. В 1894—1897 гг. издаются протоколы собраний отделения, которые печатаются в Москве, Иркутске, Томске и Кяхте.

Если научное книгоиздание Владивостока, Хабаровска и Читы тесно связано с деятельностью местных отделов ИРГО, то в административном центре Амурской области — Благовещенске — оно носило в большей мере индивидуальный, инициативный характер (возможно, и потому, что в городе не было создано научных обществ). Значительную часть выходивших здесь работ представляли самостоятельные издания, посвященные развитию в Амурской области золотопромышленности, хлебопашества, речного судоходства, описанию местных целебных вод и т.д. В частности, в 1886 г. в типографии П.Г. Артамонова и К^о была выпущена брошюра И.С. Боголюбского "Золотопромышленность в Амурской и Приморской областях с открытия россыпей до 1 января 1886 года". Ее автор — действительный член Минералогического общества и Сибирского отдела ИРГО, не раз выступавший в печати по вопросам развития горной промышленности. Среди наиболее значимых работ можно назвать и "Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей, со включением некоторых пунктов сопредельных с ним стран", напечатанный в типографии Товарищества

"Д.О. Мокин и К^о" в 1894 г. Он был составлен местным этнографом и историком А.В. Кирилловым и содержит обширные сведения по географии Дальнего Востока*. Словарь был одним из самых интересных изданий такого рода.

В 90-х гг. сеть отделов ИРГО и их отделений охватывает всю огромную территорию Сибири и Дальнего Востока, в определенной мере координирует деятельность местных краеведческих обществ и музеев. Восточно-Сибирский отдел ИРГО поддерживает тесные контакты со статистическими комитетами края (например, Иркутским, Якутским), организует совместные статистические обследования и публикации работ. Издательская продукция сибирских и дальневосточных отделов и отделений ИРГО приобретает значительно больший вес в общей структуре местного книгоиздания, чем в Европейской России.

К организациям Сибири и Дальнего Востока, выпускающим научную и деловую книгу, принадлежат также общества, объединяющие специалистов отдельных профессий. Для 80—90-х гг. характерен бурный рост числа подобных обществ. Наиболее активными из них становятся общества врачей — Общество врачей Восточной Сибири в Иркутске, Омское медицинское общество, Общество врачей Енисейской губернии в Красноярске, Забайкальское общество врачей в Чите. Все они регулярно публикуют протоколы заседаний и отчеты, наиболее важные сообщения выпускают в виде приложений к протоколам или отдельными оттисками.

Работы красноярских врачей по своему общественному звучанию нередко выходят за рамки профессионально-медицинских интересов. Так, в 1892 г. в Красноярске в качестве приложения к протоколам Общества врачей Енисейской губернии издается доклад В.М. Крутовского "Предварительные данные к вопросу о влиянии условий жизни и работы на золотых промыслах на физическое здоровье рабочих".

В 90-х гг. начинают работать сибирские отделы Московского общества сельского хозяйства. В 1891—1894 гг. Красноярский отдел издает материалы, связанные с открытием в городе в сентябре 1892 г. первой сельскохозяйственной и промышленной выставки, отчеты о заседаниях отдела, протоколы.

Значительными научно-издательскими центрами стали два сибирских музея — Минусинский местный и Тобольский губернский, основанные в 70-е гг. XIX в., но активно развернувшие свою собирательскую, исследовательскую и публикаторскую деятельность в 80—90-е гг.

Минусинский местный музей, рожденный энергией провизора и натуралиста-краеведа Н.М. Мартьянова, становится крупным очагом науки и культуры. Деятельность музея и высокий уровень его работы оказались возможны благодаря активному участию политических ссыльных — Д.А. Клеменца, князя А.А. Кропоткина, А.О. Лукашевича, П.А. Аргунова, Е.К. Яковлева, Ф.Я. Кона и др. — и серьезной материальной поддержке сибирских промышленников-меценатов — И.М. Сибирякова, А.П. и И.П. Кузнецовых, В.А. и О.А. Даниловых и др. Как говорил Г.Н. Потанин, в Сибири нельзя найти ни одного учреждения, "которое бы так всецело, так исключительно было обязано своим существованием обществу, без содействия администрации, как Мартьяновский музей"²⁸.

У музея не было ни своих средств для издательской деятельности, ни полиграфической базы. Публикация книг осуществлялась в основном за счет пожертвований, печатать работы приходилось в разных городах. И тем не менее музею удавалось выпускать книги, получавшие мировую известность. В 1881 г. в

* Ряд работ этого автора напечатан в Москве и Петербурге.

Томске был издан "Каталог и краткое описание Минусинского музея" Н.М. Мартыанова, в 1887 г. — книга "Десятилетие Минусинского музея. 1877—1887 гг.", написанная политическим ссыльным А.О. Лукашевичем (автор на книге не указан). В 1892 г. в Казани вышла книга П.А. Аргунова "Очерки сельского хозяйства Минусинского края и объяснительный каталог Музея". В 1893 г. Общество врачей Енисейской губернии издало работу Н.М. Мартыанова "Каталог народно-медицинских средств, находящихся в Минусинском музее".

Наибольшую известность не только в Европейской России, но и Западной Европе приобретает научный дебют политического ссыльного Д.А. Клеменца — "Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох" с приложением "Атласа". Первоначально текст каталога предполагалось печатать на русском и французском языках, для чего А.А. Кропоткиным был сделан французский перевод. Однако из экономии средств от иностранной части текста пришлось отказаться²⁹. Книга была издана в 1886 г. на средства И.П. Кузнецова в томской типографии "Сибирской газеты". Рисунки для "Атласа" выполнялись под наблюдением Д.А. Клеменца художником А.В. Станкевичем, фотогравюры были изготовлены в московской фототипии Шерера, Набгольца и К^о. "Издание ваше — превосходно и по ученому тексту г. Клеменца, и по отличному исполнению фотогравюры Шерера и Набгольца; а обстоятельный каталог металлических древностей музея... может с честью выдержать сравнение с лучшими изданиями этого рода у нас и за границей", — так отзываясь об издании секретарь Академии наук в письме к Н.М. Мартыанову 6 декабря 1886 г.³⁰ Приветствует издание и рецензент "Исторического вестника" (1887, май), подчеркивая превосходное качество издания текста и рисунков "Атласа": "И все это в Сибири, за тысячи верст от главных центров интеллигенции, от всяких рисовальных школ и училищ технического рисования, — факт в высшей степени утешительный"³¹.

Начиная с 1889 г., со времени организации в Минусинске собственной типографии, здесь ежегодно печатаются "Отчеты по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке", в которых, наряду с информацией о текущих делах, помещаются и научные отчеты об экскурсиях и экспедициях, совершаемых по поручению музея.

Тобольский губернский музей имел в рассматриваемый период более благоприятные условия для планомерной и целенаправленной издательской деятельности. Две типографии — Тобольского губернского правления и Тобольского епархиального братства — создают устойчивую полиграфическую базу. Относительная близость к другим культурным центрам дает определенные возможности для распространения изданий по подписке. Более стабилен и состав авторов (учителя гимназий, служащие статистического комитета, сотрудники музея). Все это позволяет музею в 1893 г. начать выпуск "Ежегодника", который просуществовал вплоть до 1919 г. (в первой половине 90-х гг. вышло 5 сборников). "Ежегодник" Тобольского губернского музея был единственным в России продолжающимся изданием, принадлежащим провинциальному музею. Инициаторами и основными авторами этого издания становится группа тобольских краеведов, членов комитета музея: редактор неофициальной части "Тобольских губернских ведомостей" Е.В. Кузнецов, заведующий библиотекой и архивом музея С.Н. Мамеев, редактор "Тобольских епархиальных ведомостей" Н.А. Городков, агроном Н.Л. Скалозубов; учитель Тобольской мужской гимназии А.А. Терновский и др. Работу по редактированию и корректуре сборников вел член-учредитель и секретарь распорядительного комитета музея политический ссыльный Л.Е. Луговский³².

Организаторы "Ежегодника" стремились придать изданию всесибирский характер, сделать его средством взаимного общения сибирских музеев, безвозмездно открыть его страницы для объявлений и различных публикаций музеев³³. "Ежегодник" Тобольского музея помещал на своих страницах отчеты и протоколы заседаний комитета музея, описания коллекций, работы по вопросам истории, археологии, этнографии, географии, промышленности, торговли, народного образования в крае. Большое внимание уделялось исследованию архивных источников, сибирской библиографии, статистике, информированию читателей о выходящих в Сибири, и особенно в Тобольске, книгах. Большинство статей "Ежегодника" выходило в виде отдельных оттисков. С самого начала комитет Тобольского губернского музея пытался создать постоянный издательский фонд, проценты с которого должны были стать основой финансирования сборников. Однако и это издание обязано своим существованием прежде всего подвижничеству его организаторов. Материальное обеспечение "Ежегодника" связано в основном с жертвованиями меценатов и постоянно находилось под угрозой срыва.

В конце 80-х гг. XIX в. крупнейшим издающим центром за Уралом становится Томский университет. Его открытие в 1888 г. превратило Томск в средоточие научных кадров, занимавшихся исследованиями в области физики, химии, ботаники, зоологии, медицины, анатомии, антропологии, геологии. Возникла острая потребность в специальных периодических научных изданиях. С 1889 г. начинают выходить "Известия" Томского университета (до 1896 г. вышло 9 томов).

В 1889 г. при университете было организовано Томское общество естествоиспытателей и врачей. Первые три года существования общества стали периодом его наиболее плодотворной деятельности. Печатались труды по археологии, антропологии Сибири, медицинским вопросам. С 1890 по 1895 г. общество издавало "Труды", часть которых (за 1889 и 1890 г.) была сброшюрована в "Известиях" Томского университета самостоятельными разделами и включена в общее оглавление томов. (Всего вышло 6 книг.) С 1892 г. издаются протоколы. Постоянные финансовые затруднения лишают общество возможности регулярного выпуска собственного научного периодического издания³⁴.

Ученые Томского университета вели обширную публикаторскую деятельность. Помимо изданий в центре, Казани и других городах, участия в зарубежной научной периодике и трудах Томского университета, они опубликовали большое количество книг и брошюр в Сибири. Местные издания томских ученых чаще всего были связаны с изучением Сибири. В большинстве случаев это оттиски работ из "Известий" Томского университета, трудов и протоколов Томского общества естествоиспытателей и врачей, "Вестника золотопромышленности". К наиболее характерным видам научных публикаций относятся отчеты о проведенных экспедициях и командировках, лекции и речи, прочитанные в университете или на заседании Общества естествоиспытателей и врачей, публичные лекции, связанные с кругом научных интересов ученых. Некоторые издания, представлявшие особый интерес для хозяйственной практики, выпускались на средства предпринимателей. Так, работа профессора С.И. Залеского "Озеро Инголь: Медико-топографо-химическое исследование" (1891) была издана на средства А.Е. Кухтерина.

Ряд работ томских ученых печатался в благотворительных целях (в пользу переселенцев, малообеспеченных студентов университета, дома общежития студентов и т.д.).

Наибольшее число публикаций принадлежало экстраординарному профессору кафедры минералогии и геологии Томского университета А.М. Зайцеву, пере-

веденному в Томск из Казанского университета в 1888 г. Известно около 25 работ А.М. Зайцева, изданных в 90-е гг. в Томске; среди них: "О золотоносных россыпях Мариинского округа, Томской губернии" (1894), "Подземные воды и значение их для населения вообще и города Томска в частности" (1894), "Значение геологических исследований для решения вопросов практической жизни. Публичная лекция" (1895), "К вопросу о местонахождениях полезных ископаемых в районе Сибирской железной дороги" (1895).

Серьезный след в сибирском научном книгоиздании оставил ординарный профессор Томского университета кафедры общей химии С.И. Залеский — выпускник медицинского факультета Варшавского университета. Доктор медицины С.И. Залеский с 1888 г. становится активным деятелем сибирской науки. Среди изданных им в Томске работ — "Исследование пригодности некоторых маловодных местностей Барнаульского и Каинского округов к заселению переселенцами из Европейской России" (1893), "К вопросу о содовом производстве в Сибири" (1893), "К вопросу о нормировании пищевого довольствия для приисковых рабочих" (1894). Ряд изданий носит культурно-просветительский характер — "Значение химии для культуры и человечества. Метод ее преподавания. Вступительная лекция при открытии курса общей химии в Имп. Томском университете 30 сентября 1888 г." (1888), "Над могилой Карла Шмидта. Речь, произнесенная в заседании Томского общества естествоиспытателей и врачей 27 апреля 1894 г." (1894).

Много сделал для сибирской науки и научного книгоиздания первый профессор и руководитель кафедры зоологии Томского университета (1889—1912 гг.) Н.Ф. Кашенко, впоследствии академик АН УССР. 24 года ученый отдал изучению животного мира Сибири. Среди напечатанных им в конце XIX в. в Томске работ — речи и лекции, прочитанные в университете и на собраниях Томского отделения Московского общества сельского хозяйства, учебные пособия для студентов, практические рекомендации, например, "Проект организации при Императорском Томском университете комитета для изучения рыболовства в Западной Сибири и объяснительная записка к нему профессора Н.Ф. Кашенко" (1891).

Наиболее значительные труды другого выдающегося ученого Томского университета — П.Н. Крылова, известного ботаника, ученого садовода, основателя Сибирского ботанического сада — принадлежат уже XX столетию. Но работая в Томске с 1885 г., он уже к концу века накапливает большой исследовательский материал, закладывает основы сибирской ботанической школы. Среди изданных в Томске в этот период работ можно назвать "Ботанический материал, собранный Г.Н. Потаниным в восточной части Семипалатинской области в 1863 и 1864 годах и свод предыдущих исследований" (1891), "Липа на предгорьях Кузнецкого Алатау" (1891), "Материалы к флоре Тобольской губернии" (1892) и др.

В числе крупных научных изданий, выпущенных учеными Томского университета в XIX в., нельзя не упомянуть труды по антропологии С.М. Чугунова, большая часть которых объединена в его многотомных "Материалах для антропологии Сибири" (1893—1905, вып. 1—15), работы А.С. Догеля "Гистологические исследования" (1893, вып. 1—2), С.И. Коржинского "Флора востока Европейской России в ее систематических и географических отношениях" (1892), А.И. Судакова "Холерная эпидемия в Томске летом 1892 г." (1894).

Несколько шире по своему тематическому диапазону научная и публикаторская деятельность В.М. Флоринского — доктора медицины, археолога и историка, председателя строительных комитетов Томского университета и Томского технологического института, попечителя университета и Западно-

Сибирского учебного округа. Издания 80—90-х гг. отражают все стороны научных и общественных интересов В.М. Флоринского. Среди напечатанных им в Томске работ много публикаций речей на различных научных заседаниях и торжественных открытиях учебных заведений, труды по археологии, медицине, истории, например, "Археологический музей Томского университета" (1888), "Заметка о происхождении слова "Сибирь"" (1889), "Общий взгляд на природу и ее силы" (1890 г.), "Границы человеческой жизни" (1891), "Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии" (1894—1897, ч. 1—2) и др.

Таким образом, сибирские издания томских ученых отразили широкий спектр их научной, прикладной, учебной и просветительской деятельности в крае. Они помогли сибирскому книгоизданию сделать серьезный шаг по пути профессионализации, более четкого разграничения научной и иных видов литературы. Однако применительно и к этому периоду можно говорить лишь о начальных стадиях развития научной книги. Причем в общем количестве изданий монографии составляли только незначительную часть, преимущество продолжало оставаться за малыми формами — оттисками статей из периодики, публикациями сообщений и речей на различных заседаниях.

Ученые Томского университета подхватили девиз нарождающейся сибирской и дальневосточной науки — всемерно содействовать задачам освоения и развития края. Поэтому университетская наука в своих местных издательских начинаниях не выходит за рамки краеведческих интересов и, за небольшим исключением, редко нацелена на исследование теоретических, общероссийских или мировых проблем.

К издающим организациям Сибири и Дальнего Востока в 80—90-х гг. XIX в. принадлежали некоторые культурно-просветительные общества, выпускавшие преимущественно книги для народа. К ним относились, например, Тобольское общество трезвости, Общество попечения о начальном образовании в Томске. Попытки издания книг для народного чтения предпринимали и другие организации — врачебные управы, статистические комитеты, музеи и т.д. У большинства этих учреждений не было ни навыков работы в данном направлении, ни больших издательских возможностей. Выпуск книг для народа не сулил им ни прибыли, ни элементарных гарантий окупаемости расходов, поэтому почти все работы отличались неприглядностью полиграфического исполнения. И тем не менее потребность в местной книге для народа от десятилетия к десятилетию усиливается, соответственно растет и число сибирских публикаций³⁵.

Темами изданий для народного чтения чаще всего были советы здравоохранительного порядка, например, как уберечь себя и скот от инфекционных заболеваний. Подобные издания выпускались во многих городах Сибири самыми разными организациями. Так, в 1890 г. Тобольская врачебная управа в качестве прибавлений к "Тобольским губернским ведомостям" опубликовала "Наставление о том, что такое сибирская язва, от чего она бывает и как предохранять и лечить лошадей и других животных (а также человека) от этой болезни" (в 1891 г. та же брошюра переиздана в Кургане). В 1892 г. Тобольский городской санитарный комитет издал брошюру "О свойстве холеры и ее проявлении; правила личной предосторожности от заболевания холерой и первоначальная помощь заболевшим до прибытия врача". Текстом ее служит перепечатка из "Правительственного вестника". Курганский комитет общественного здоровья в 1892 г. выпустил брошюру "Меры личного предохранения от холеры". В Тюмени в 1893 г. вышли

"Лекции о холере", прочитанные в Таре окружным врачом В.Е. Клячкиным. В Томске составлением "наставления для народа" "Что такое холера и как себя от нее уберечь" (1893 г.) занимался профессор университета М.Г. Курлов, а врач В. Пирусский в том же году выпустил брошюру "Какая болезнь холера, откуда она берется и как от нее остережться". В Красноярске несколько изданий выдерживает брошюру, написанная инспектором Енисейской врачебной управы А. Бургером — "Необходимые меры против чумы рогатого скота" (1884, 1886 и 1887 гг.).

Особую группу изданий для народа составляют работы Тобольского общества трезвости. В 1893—1895 гг. оно выпускает ряд брошюр, направленных на борьбу с пьянством. Среди них и перепечатки из мировой прессы: перевод с английского языка лекции Дж. Блека "Врач о спиртных напитках" (1894), извлеченной из издания Одесского общества для борьбы с пьянством; и беседы священников о пьянстве: Кокшаров П. "Письма о пьянстве", Пудовиков П. "Где гибнут миллионы денег и народное здравие?" (1893).

К издающим организациям Сибири и Дальнего Востока 80—90-х гг. относятся и религиозные учреждения — Комитет по устройству религиозно-нравственных чтений в Иркутске, Тобольский, Томский, Иркутский, Енисейский комитеты Православного миссионерского общества, Алтайская духовная миссия, Тобольское епархиальное братство св. великомученика Димитрия Солунского, Благовещенское "Православное братство". Епархиальные ведомства имели наибольшие возможности выпускать издания для народа. Это были, прежде всего, беседы, поучения, воззвания и т.д. Большое место среди них занимают "слова" священников по различным торжественным поводам — по случаю закладки или освящения храма или иного здания, перенесения иконы, в связи с очередным христианским праздником, "царским" днем и т.д.

Разнообразны по содержанию беседы и поучения сибирских священников, обращенные к прихожанам. Это и религиозно-нравственные беседы общего характера (Грамматин А. "Поучения на дни воскресные и праздничные всего года". Тобольск, 1890; Е.И. "Поучения в честь и славу Пресвятыя Богородицы". Омск, 1893), и наставления различным категориям населения — раскольникам, сектантам, обращенным в христианство представителям коренных народностей края, монахиням (Гурий (Буртасовский С.) "Православный ответ сектанту, мнящемуся быти мудрым о Христе". Благовещенск, 1891; "Беседа с сектантами, отвергающими брак". Тобольск, 1892); и обращения, направленные на разрешение каких-то житейских проблем (Иустин. "Слово к голодающим и благотворителям". Тобольск, 1891; Макарий. "Воззвание его преосвященства, преосвященнейшего Макария, епископа Томского и Семипалатинского, к обитателям города Томска о помощи пострадавшим от губительной болезни". Томск, 1892). Священниками подготовлены и многие издания Тобольского общества трезвости, о которых говорилось выше.

Среди религиозно-нравственных изданий большое место занимают жития святых и описания "чудотворных икон". К наиболее почитаемым в Сибири святым принадлежали первый иркутский епископ Иннокентий, чудотворец Симеон Верхотурский, великомученик Димитрий Солунский. Им посвящена большая часть местной житийной литературы — "Жизнь святителя и чудотворца Иннокентия, первого епископа Иркутского" (Томск, 1890), Грамматин А. "Житие, страдание и чудеса святого славного великомученика Димитрия мироточивого, Солунского чудотворца" (Тобольск, 1895), "Краткое житие праведного Симеона Верхотурского чудотворца" (Томск, 1895) и др.

К наиболее почитаемым иконам принадлежала Абалацкая икона Божией матери. С ее описанием связано много местных публикаций, несколько изданий выдержала работа А.И. Сулоцкого "Новые благодатные явления от Абалацкой иконы Божией матери", выходившая в Омске и Тобольске в 70—80-е гг. XIX в. На ту же тему выпущены брошюры в Томске и Благовещенске.

К изданиям религиозного направления для народа принадлежат и сборники духовно-нравственных песнопений, которые под названием "Лепта", "Лепта первая", "Лепта вторая" выходили в Бийске (1890) и Томске (в 90-е гг. выпущено несколько изданий).

В 90-х гг. поток религиозной литературы для народа в Сибири усиливается. Это связано с учреждением в 1890 г. в Тобольске епархиального братства святого великомученика Димитрия Солунского и открытием в 1894 г. типографии братства. Сразу же после организации типографии Тобольское епархиальное братство приступило к изданию листков религиозно-нравственного содержания. Редактором листков был помощник председателя братства, кафедральный протоиерей Никанор Грифцов, авторами — священники и преподаватели духовно-учебных заведений Тобольска.

В первые годы листки выпускались еженедельно. В течение года выходило не менее 50 номеров, что составляло в общей сложности 200 страниц. Позднее выходило ежегодно до 100 номеров и более. Цена листков была очень невысока — 50 копеек за 100 экз. Годовая подписка стоила 25 копеек. Тиражи изданий доходили до 150—400 тыс. экз. Такого размаха издательской деятельности не знала ни одна другая организация за Уралом³⁶.

Помимо духовно-нравственной литературы для народа, сибирские и дальневосточные епархии в основном с 80-х гг. издавали собственные органы печати — епархиальные ведомости — Томские (1880), Тобольские (1882), Енисейские (1884), Якутские (1887), Камчатские (1894). "Иркутские епархиальные ведомости" появились значительно раньше, в 1863 г. Религиозные учреждения Зауралья выпускали и научные труды, богословские трактаты, историко-религиозные исследования, описания соборов и монастырей, учебных заведений, переводы религиозных сочинений, учебные пособия и инструкции приходским священникам и другие работы. Так, Иркутский комитет православного миссионерского общества в 1883—1886 гг. издал 4-томные "Труды православных миссий Восточной Сибири". В Омске в 1892 г. вышло многотомное издание (ч. 1—2, разделенные на отделы и выпуски), — "Тобольская епархия", — дающее подробное географическое и историко-этнографическое описание епархии со сведениями об ее архипастырях, церквях и монастырях. Тобольское епархиальное братство в 1891 г. издало брошюры священника А. Грамматина "Иоанно-Введенский монастырь", "Историческое описание Богоявленской церкви города Тобольска", книгу "Описание празднования 150-летнего юбилея Тобольской духовной семинарии" (1893) и др. К интересным изданиям историко-религиозного и богословского плана принадлежат: книга епископа Иустина "О Боге-Спасителе и спасении мира" (Тобольск, 1890), брошюры священника, магистра богословия, профессора Томского университета Д.Н. Беликова "Старообрядческий раскол в Томской губернии (По судебным данным)" и "Чудо как принадлежность откровения (Публичная лекция)", изданные в Томске в 1894 и 1895 гг., и многие другие работы.

3. ЧАСТНОЕ КНИГОИЗДАНИЕ. ОСОБЕННОСТИ, ВИДЫ И ТЕМАТИКА ВЫПУСКАЕМЫХ КНИГ

В репертуаре книжной продукции края преобладали издания многочисленных обществ и организаций восточной части страны, прежде всего деловые и научные. Редакции частных газет, типографии, книжные магазины, отдельные лица выпускали незначительную его часть. Однако их издания были разнообразнее в видовом и тематическом плане, имели более высокие тиражи, чаще ориентировались на общероссийский уровень издательской практики. Именно они в значительной мере отражают уровень возможностей сибирского и дальневосточного книгоиздания.

Крупнейшим частным книгоиздательским и книготорговым предприятием за Уралом в 80—90-х гг. XIX в. был Сибирский книжный магазин В.В. Михайлова и П.И. Макушина в Томске. Эта торговая фирма включала в себя Сибирский книжный магазин в Томске, типолитографию, переплетное и линовальное заведения, магазин письменных, канцелярских и чертежных принадлежностей. Заказы на печатные работы принимались типолитографией В.В. Михайлова и П.И. Макушина уже в 70-х гг. Собственно издательская деятельность П.И. Макушина началась в 1881 г. с основания "Сибирской газеты". Редакция газеты поставила перед собой и книгоиздательские задачи. Так, в 1881 г. в типографии В.В. Михайлова и П.И. Макушина был напечатан "Опыт программы, выработанной редакцией "Сибирской газеты" для составления очерков сельской и городской жизни". В 1885 г. вышел первый очерк серии — "Общинное землевладение".

В том же году типография "Сибирской газеты" выпустила книгу С.Л. Чудновского "Енисейская губерния к трехсотлетнему юбилею Сибири: (Статистико-публицистические этюды)". Книга появилась в связи с объявленным Красноярской городской думой конкурсом на сочинение по истории Енисейской губернии по поводу предстоящего юбилея присоединения Сибири к России. За представленную работу С.Л. Чудновский получил премию Красноярской думы, которая передала рукопись редакции томской "Сибирской газеты" для перепечатки ее в виде бесплатного приложения к газете с предоставлением Думе определенного количества экземпляров³⁷.

Книга С.Л. Чудновского по своей структуре укладывается в рамки привычного для сибирского книгоиздания статистического обзора губернии, однако по смысловому наполнению разделов, глубине обобщения статистических материалов, аргументированности и социальной направленности выводов выходит далеко за пределы жанра.

В разделе "Преступность и тюремная часть" С.Л. Чудновский проводит мысль о том, что уголовные преступления, как правило, обуславливаются не нравственными мотивами, а "корень их в социально-экономических условиях данного общества, и вызываются они голодом, нуждой, социальной и экономической несправедливостью". "Статистика уже давно доказала, что бедность и нищета самые важные стимулы к преступлению"³⁸. Последние две главы книги, наиболее острые по социальному звучанию, — "Крестьянское самоуправление" и "Ближайшие задачи будущего" — по цензурным условиям не были напечатаны³⁹.

Книга С.Л. Чудновского по отточенности исследовательской мысли, четкости практических рекомендаций, яркости публицистического таланта принадлежит к значительным явлениям сибирского (и не только сибирского) книгоиздания.

Сибирский книжный магазин В.В. Михайлова и П.И. Макушина выпускает разнообразные книги. Среди них — научные труды, учебники и учебные пособия,

программы, справочные издания, карты, правоведческая, религиозная, краеведческая литература, беллетристика и т.д.

В фирме В.В. Михайлова и П.И. Макушина выходит большинство сибирских учебных изданий. В 80—90-х гг. выдерживает четыре издания учебник для гимназий учителя А.И. Злобина "Немые диктанты (без диктующего)". В 1886 г. выходит первая часть этой работы, которая быстро расходуется. В 1887 и 1888 гг. появляется уже второе исправленное издание книги, состоящее из двух частей (ч.1. Звуки и буквы; ч.2. Части речи). В 1893—1895 гг. выходит третье издание.

В своих работах томский учитель А.И. Злобин предлагает оригинальную методику обучения детей русскому языку, развития у них "орфографической зоркости". Учебное пособие было замечено в центре и получило положительный отзыв в "Журнале Министерства народного просвещения"⁴⁰.

Учебники А.И. Злобина постоянно допечатывались по мере продажи тиража. По своим оформительским качествам они выдержаны в строгом соответствии со стандартами гимназического учебника.

В 80-х гг. в Томске выходят и другие учебные пособия А.И. Злобина — "850 примеров для синтаксического разбора русской речи..." (1885), "Полный курс синтаксиса в систематических примерах и образцах для грамматического разбора" (1887), "Таблицы грамматического разбора" (для I, II, III и IV классов) (1888), "Стенные орфографические таблицы. Курс гимназический" (1889).

Помимо многотиражных учебников, рассчитанных на широкий круг учащихся, отдельные гимназии выпускали учебники для своего внутреннего пользования.

Деятельность Томского университета вызвала к жизни публикацию учебных университетских курсов, например: книг Н.Ф. Кащенко "Краткое руководство по зоологии, преимущественно для студентов медицины" (1891); М.Ф. Попова "Введение в курс судебной медицины" (1891). В типографии П.И. Макушина выпущено пособие Н.У. Попова "Руководство общей бухгалтерии. Первый выпуск теоретического курса" (1888).

В конце 80-х, и особенно в 90-х гг., развитие частной инициативы становится характерной чертой томского книгоиздания. Наряду с фирмой П.И. Макушина, возникли и другие издательства.

Строительство Сибирской железной дороги вызывает живой интерес к огромной зауральской территории. Появился широкий слой предпринимателей, коммерсантов, просто туристов, нуждавшихся в оперативной информации о крае. Формируется обоснованный новыми обстоятельствами социальный заказ на местную справочную книгу, который чутко улавливается издателями. В 1893 г. возникает крупное томское коммерческое книгоиздательское предприятие — "Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на ... год" Ф.П. Романова. Издание печатается в типографии П.И. Макушина. Его первые выпуски включают отрывочные сведения самого разного содержания — от описания икон, монастырей и адрес-календаря до кратких данных о промышленных, торговых и сельскохозяйственных заведениях. В процессе составительской и редакторской работы издание постепенно обретает системность в изложении материала, стройность и логичность композиции, отличается полнотой сведений. Позднее Ф.П. Романов с удовлетворением отмечал, что "сделал все возможное для приближения к давно высказанной ... цели — дать о Сибири всестороннюю справочную книгу, которую можно было бы впоследствии хотя с некоторым правом назвать "Вся Сибирь"⁴¹. Изложение материала ведется от лица единого автора-составителя, хотя за этим лицом стоит целая армия безымянных корреспон-

дентов со всей азиатской части страны. Преследует календарь и широкие коммерческие цели — служить делу пропаганды торговых и промышленных фирм края. Реклама составляет существенную часть объема книги.

С 1895 г. в Томске выходит еще один продолжающийся справочник — "Путеводитель по всей Сибири и среднеазиатским владениям России" В.А. Долгорукова.

Томску принадлежит также интересное частное издательское начинание — журнал "Художественно-этнографические рисунки Сибири", выпускавшийся в 1889—1891 гг. художником П.М. Кошаровым.

П.М. Кошаров окончил Петербургскую Академию художеств и в 1851 г. приехал в Сибирь. С тех пор более 50 лет провел в Томске. Накопление большого массива ценного изобразительного материала привело художника к мысли о его публикации. "Художественно-этнографические рисунки Сибири" выходили два раза в месяц в виде отдельных листов, содержащих черно-белые, тонированные или двухцветные литографии — зарисовки сибирской природы, населенных мест, сценки и события из жизни коренных народов Сибири, типы жилища, одежда, утварь различных этнических групп. Под рисунками помещались небольшие объяснительные тексты. Внизу на каждом листе значилось: "Редактор-издатель П. Кошаров". Подборка листов за год (24 листа), по мысли издателя, должна была составить альбом. Вторая часть альбома, выходившая с сентября 1890 г., имела название "Художественно-этнографические рисунки Западной Сибири Севера и Запада, рисованы художником Кошаровым"⁴². На некоторых листах указывалось, что рисунки сняты с фотографий путешественника А.В. Адрианова, на одном из листов имеется помета: "с вещей и рисунков путешественника И.П. Кузнецова". Листы рисунков изготовлялись в литографии П.И. Макушина, которая сумела обеспечить довольно высокое качество полиграфического исполнения. В 1891 г. издание прекратило существование, по всей видимости, не встретив достаточной финансовой поддержки подписчиков.

К инициативному книгоизданию отдельных лиц, редакций частных газет, книготорговых фирм относятся, как правило, и местные издания художественной литературы, научно-литературные и литературные сборники. Как и во всей российской провинции, издание сборников в 80—90-х гг. занимает значительное место в творческих замыслах местной интеллигенции.

К выдающимся явлениям отечественной журналистики и книгоиздания принадлежат "Сибирские сборники" Н.М. Ядринцева, выходившие в качестве приложения к газете "Восточное обозрение". Н.М. Ядринцевым научно-художественное сибиреведческое периодическое издание было задумано еще в ту пору, когда в самой Сибири его осуществить было невозможно (по цензурным и полиграфическим условиям, недостатку местных литературных сил). В 1885 г. в Петербурге издается первое приложение к "Восточному обозрению" — "Литературный сборник". С 1886 г. Н.М. Ядринцев приступает к выпуску "Сибирских сборников", которые просуществовали до 1906 г. (всего вышло 48 книг). С 1888 г. "Сибирские сборники" вместе с "Восточным обозрением" перебазируются в Иркутск. После смерти Н.М. Ядринцева в 1894 г. постоянным редактором обоих изданий становится бывший ссыльный народоволец И.И. Попов. Печатаются "Сибирские сборники" в разных полиграфических заведениях, чаще всего в Иркутской типографии К.И. Витковской.

В "Сибирских сборниках" поднимаются наиболее значительные вопросы местной жизни — положение крестьянства, рабочего класса, аборигенного населения, проблемы каторги и ссылки, народного образования и культуры в целом,

здравоохранения, переселенческого дела и многие другие. Печатаются научные и публицистические статьи, очерки, воспоминания, описания путешествий, беллетристика, критические и библиографические работы. Художественная проза и поэзия "Сибирских сборников" также связаны с жизнью края.

На страницах "Сибирских сборников" печатаются П.П. Ершов, Н.И. Наумов, К.М. Станюкович, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, Д.А. Клеменц, В.И. Вагин, В.Л. Серошевский, М.В. Загоскин, В.А. Обручев, А.П. Шапов, Э.Ю. Петри. "Сибирские сборники" занимают одно из ведущих мест в провинциальном книгоиздании 80—90-х гг. XIX в. как по своей демократической направленности, так и по значимости публикуемых материалов⁴³.

К литературным сборникам, подготовленным в Сибири, но напечатанным в центре, принадлежит первая сибирская поэтическая хрестоматия "Сибирские мотивы". Она издана на средства И.М. Сибирякова в Петербурге в 1886 г. В книгу вошли произведения сибирских поэтов — И.В. Федорова-Омулевского, В.М. Михеева, Н.М. Ядринцева и других, а также авторов, писавших о нашем крае — А.С. Пушкина, К.Ф. Рыльева, А.А. Бестужева-Марлинского, Н.А. Некрасова. Сборник получил живой отклик в печати⁴⁴.

Как бы продолжая издательскую традицию, в 1889 г. в Томске выходит еще один примечательный стихотворный сборник "Отголоски Сибири". Его редактор-составитель — ссыльный народовец Ф.В. Волховский — многое сделал для того, чтобы подборка стихов, связанных с Сибирью, отличалась максимально возможными эстетическими достоинствами и отражала поэтические настроения, близкие демократической интеллигенции, "без квасной или барабанной подкладки в патриотизме"⁴⁵. Сборник включает стихи Ф. Бальдауфа, И. Федорова-Омулевского, В. Михеева, А. Таскина, Н. Некрасова, К. Рыльева и других поэтов.

Сборник, изданный в типографии В.В. Михайлова и П.И. Макушина на средства Ю.П. Матвеевой, является одной из немногих сибирских книг того времени, выполненных с большой редакторской и полиграфической тщательностью.

Художественные произведения отдельных авторов в 80-х — первой половине 90-х гг. XIX в. за Уралом выходят довольно редко, несмотря на то, что литературное движение далекой окраинной провинции стало заметным явлением отечественной словесности. В эти годы продолжают свою деятельность М.В. Загоскин, М.С. Знаменский, Н.И. Наумов, Н.М. Ядринцев, появляются новые имена — П.Ф. Масюков, Н.П. Матвеев, В.М. Михеев. Активное участие в литературном процессе принимают политссыльные — Ф.В. Волховский, Д.А. Клеменц, В.Г. Короленко, Г.А. Мачтет, К.М. Станюкович, С.Я. Елпатьевский, В.П. Серошевский и др.

Крупные по объему и значимости произведения сибирских и дальневосточных писателей, как и в предыдущие десятилетия, продолжают издаваться в центре. В Москве выходят роман В.М. Михеева "Золотые россыпи" (1892), сборник его очерков и рассказов "Художники" (1894), поэтический сборник "Песни Сибири" (1884). Там же печатаются "Повести и рассказы" Г.А. Мачтета (1887), "Очерки Сибири" С.Я. Елпатьевского (1893). В Петербурге в 1889 г. опубликован отдельным изданием роман К.М. Станюковича "Не столь отдаленные места", печатавшийся в конце 80-х гг. на страницах "Сибирской газеты", а также "Стихотворения" П.Ф. Якубовича-Мельшина (1887), "Якутские рассказы" В.Л. Серошевского (1895) и др.⁴⁶

На местной полиграфической базе наиболее развитая система изданий художественной литературы складывается в Томске. Здесь выходят небольшие про-

заические работы сибирских авторов: сказка Н. Щукина "Клад" (1886) и его же повесть "Жизнь Ефима Чистоплюева" (1888), рассказ Вс. Сибирского (Долгорукова) "В темном царстве" (1889), повесть Я. Васкеля "Темное дело (Из рассказов сибирского стряпчего)" (1890) и др. Среди томских изданий можно встретить: сборники стихов — Вс. Сибирский "Не от скуки" (1890 и 1894 гг.), М.А. Цейнер "Стихотворения и элегии в прозе" (1894), драматические произведения — И.П. Кузнецов-Красноярский "Утро Обломова. Сцены в 1 действии. Переделан из романа И.А. Гончарова" (1892).

Было выпущено и несколько изданий для детей. Это прежде всего волшебные сказки в стихах Александры Древинг, вольные переложения известных западно-европейских сюжетов — "Кот в сапогах" (1892), "Принц-кисточка" (1893), "Спящая красавица, или Царевна-шиповник" (1893), "Мальчик с пальчик" (1894), — напечатанные в типографии П.И. Макушина. Издаются в Томске и отдельные небольшие произведения известных русских писателей. В 1888 г. выходит очерк В.Г. Короленко "Из записной книжки (Черкес)". В 1895 г. фирма П.И. Макушина выпускает рассказ Л.Н. Толстого "Хозяин и работник". Рассказ издается для народного чтения одновременно во многих провинциальных типографиях России, например в Орле, Самаре, Казани. Полиграфические свойства этих непритязательных по оформлению книжек, как правило, схожи.

Особую издательскую судьбу имела сказка народовольца Ф.В. Волховского (псевдоним Ив. Брут) "Ночь на Новый год", выпущенная в 1885 г. в Томске типографией "Сибирской газеты"⁴⁷. Сказка, бичующая пороки сибирской действительности, вышла без предварительной цензуры, так как была перепечаткой газетного варианта. Однако через 7 лет Главное управление по делам печати спохватывается и возбуждает дело о наказании виновных в публикации крамольного издания и изъятии его из обращения.

Печатаются произведения художественной литературы, в основном сборники стихов, и в других городах Сибири. В Красноярске, например, изданы "Стихотворения" В.Л. Дмитриева (1889), Е.Л. Флорианова (1892), в Иркутске — рассказ ссыльного поляка В. Серошевского "В жертву богам" (1893). Более 40 изданий художественной литературы было выпущено в Тобольске, но все они представляли собой малостраничные оттиски газетных публикаций (сказки, легенды, былины, басни, рассказы Х. Ныдро, А.К. Ордынского, О.В. Всеволодской, Е.В. Кузнецова, И.Я. Словцова и др.).

Первыми литературно-художественными изданиями, созданными на Дальнем Востоке были сборники стихов П.И. Гомзякова "На память друзьям" (Владивосток) и "Стихотворения" Ю.Г. Свидерского (Хабаровск), опубликованные в 1885 г. В Благовещенске в 1894 г. вышла книга поэта-самоучки П.Ф. Масюкова в 2-х томах "Отголоски с верховьев Амура и Забайкалья", в 1895 г. — сборник стихов казачьего офицера, выпускника Иркутского юнкерского училища Л.П. Волкова "На Амуре". В целом на местах обычно удается напечатать лишь небольшие сборники стихов, отдельные сказки, рассказы, представляющие собой, как правило, оттиски публикаций в периодической печати. Издаются они в большинстве случаев на средства самого автора или мецената, отличаются неприхотливостью и безыскусностью в оформлении, малотиражностью. Авторы и издатели выпускают их, как бы не рассчитывая на внимание широкой публики.

* * *

В 80-х — первой половине 90-х гг. XIX в. в сибирском и дальневосточном книгоиздании происходят серьезные количественные и качественные изменения. Если за все 50—70-е гг. за Уралом было напечатано более 660 изданий, то в 80-х гг. — свыше 1,5 тыс., а за первые пять лет 90-х гг. — более 2 тыс. (табл. I). Книга глубоко внедряется в повседневную жизнь общества, становясь неотъемлемой частью культурной жизни, а ее производство — устойчивой составляющей экономики региона.

Сибирь и Дальний Восток, как и вся остальная книгоиздающая провинция, вносят в общий поток российского книгоиздания прежде всего деловую книгу, связанную с потребностями развития края. В 80-х — первой половине 90-х гг. она составляла около 60% всей книжной продукции. Формируются в этот период и характерные черты местных изданий. И первое, что необходимо здесь отметить, — это неразвитость издательских форм. Основной поток неперIODических изданий составляли оттиски статей из местной периодики и приложения к ней, публикации лекций и сообщений на заседаниях различных обществ, отчеты об их деятельности и т.д. Самостоятельных работ, задуманных и выполненных именно как книжное издание, носящих на себе следы редакционно-издательского замысла и обработки, за Уралом по-прежнему выпускается немного.

Характерная черта выходящих в крае книг — их типологическая нерасчлененность. Она порождена отсутствием развитых читательских потребностей, на которые можно было бы ориентироваться при создании того или иного вида издания; широкого слоя специалистов, которым могли бы предназначаться книги; издателей-профессионалов, думающих о целевом назначении выпускаемой литературы. Большинство произведений печати несет в себе одновременно черты делового издания, научного исследования и популяризации. Так, протоколы, журналы, отчеты научных обществ включают и текущую ведомственную отчетность, и результаты научных исследований. Оттиски газетных статей содержат краеведческий исследовательский материал и выполняют популяризаторские функции. Памятные книжки и календари вбирают в себя элементы делового, научного и популярного издания.

При всей трудности выделения в самостоятельную группу научных изданий, нельзя не отметить их высокую долю в структуре сибирского и дальневосточного книгоиздания (более 20%). Это связано с приоритетностью самой общественной потребности в изучении местных условий и ресурсов, публикаторской активностью научных обществ и Томского университета. Немногочисленные представители творческой интеллигенции, которые формировали книгоиздательскую культуру края, являлись одновременно и авторами научных работ, и инициаторами их практического и хозяйственного использования, и проводниками научных и общекультурных знаний в народные массы.

Потребности всестороннего изучения края породили за Уралом тип ученого-просветителя — универсала, берущегося за изучение самых разных краеведческих вопросов. Так, И.Я. Словцов печатает в Омске, Тобольске, Томске работы по истории, археологии, естествознанию, статистике, географии. Г.Е. Катанаев издает в Омске материалы по истории, этнографии, хлебопашеству, добыче воды в безводных степях. Краевед Н.В. Кирилов выпускает в Чите и Иркутске работы по этнографии, антропологии, тибетской медицине, краевой патологии, климатологии, охотоведению Забайкалья и Дальнего Востока. Такой же широкий исследовательский диапазон характеризует В.М. Крутовского (его книги печатались в Красноярске, Иркутске, Томске), К.М. Голодникова, Е.В. Кузнецова, Л.Е. Луговского, Н.Л. Скалозубова (Тобольск) и др.

Высококвалифицированные специалисты, работающие в определенной области знания и создающие сугубо научные работы, появляются за Уралом лишь с возникновением Томского университета. К этому времени относится и более типологически четкая дифференциация изданий.

Тематически выпускаемые в Сибири и на Дальнем Востоке книги, как и во всей книгоиздающей российской провинции, прежде всего связаны с экономическими и общественно-политическими проблемами. В эту группу можно включить также финансово-экономические материалы прикладного характера, распоряжения и постановления местных органов власти, общие справочники, путеводители и т.д. Такой характер носит почти треть всех изданий. Широко представлена за Уралом печатная продукция культурно-просветительных и научных обществ, учебных заведений (отчеты, протоколы, программы, уставы, обзоры деятельности). На их долю приходится около 20% всех вышедших работ. На третьем месте (12%) — литература религиозного содержания, включающая как популярные православные религиозно-нравственные листки и брошюры, так и богословские труды и исследования на историко-религиозные темы.

Не очень большие, но весомые по значимости тематические группы местных изданий составляют работы, посвященные историческому, этнографическому, природоведческому (географическому, геологическому, ботаническому, зоологическому, метеорологическому и т.д.) изучению края. К таковым можно отнести не более 12% всех изданий (из них 4,5% — работы гуманитарного цикла).

Так же, как и в других регионах, на востоке страны на протяжении 80-х и особенно 90-х гг. устойчиво растет количество изданий по медицине и здравоохранению, промышленности, сельскому хозяйству, хотя в целом данные тематические группы занимают незначительное место в структуре местного книгоиздания (от 3 до 8%).

Самая немногочисленная группа сибирских и дальневосточных изданий — книги и брошюры по искусству, литературоведению, языкознанию, художественная литература. Вместе они составляют немногим более 4% всех выпускаемых работ. Причем большую часть этих материалов составляли отчеты, уставы, программы различных кружков и литературно-художественных мероприятий, а не самобытные творческие произведения.

Типичные тиражи сибирских и дальневосточных книг — 200—600 экз. Такими тиражами выпускаются отчеты обществ, уставы, обзоры губерний, всевозможные правила и инструкции, памятные книжки и календари. Эти же тиражи, особенно на ранних этапах развития книгопечатания, характерны и для изданий учебного и общекультурного плана. Тиражами в 350—600 экз. издаются "Известия" ВСОИРГО, "Записки" ЗСОИРГО и Приамурского отдела ИРГО, "Известия" Томского университета.

По мере развития местного книгопечатания и расширения книжной торговли тиражи изданий растут. Большими тиражами для местной книги 80-х — первой половины 90-х гг. можно считать 1—5 тыс. экз. Возможностями выпускать работы большими тиражами в наибольшей степени располагала церковь. Так, "Почечения в честь и славу Пресвятыя Богородицы" (Омск, 1893) вышли в количестве 2,8 тыс. экз., "Краткое житие праведного Симеона Верхотурского чудотворца" (Томск, 1895) — 5 тыс. экз. Рекорд по известным сегодня тиражам местных изданий принадлежит каталогу книжного магазина П.И. Макушина в Томске и Иркутске, выпущенному в 1894 г. в количестве 8 тыс. экз.

С конца 80-х гг. на первое место среди книгоиздательских центров востока страны выдвигается Томск, заставляя потесниться лидера предыдущего периода — Иркутск.

Книжная продукция Томска, по сравнению с иркутской, более разнообразна, чаще выходит за пределы сибирского книжного рынка. Именно в Томске наиболее активно развивается частная книгоиздательская инициатива. До 1917 г. Томск оставался наиболее продуктивным издающим центром Сибири и Дальнего Востока, удовлетворяющим книгопечатные потребности многих городов. За 1881—1895 гг. здесь было выпущено 896 изданий. К другим крупным издающим городам Сибири этого периода принадлежали Иркутск (819 изданий), Тобольск (672 издания), Омск (432 издания), Красноярск (285 изданий) (табл. I). Заметными центрами книгоиздания становятся Хабаровск, Владивосток, Благовещенск. Это молодые города, еще не обладающие культурными традициями, но имеющие мощный стимул роста — активную колонизационную политику Российского государства на Дальнем Востоке. За 1882—1895 гг. в них выпущено соответственно 124, 63, 46 изданий.

4. РУКОПИСНАЯ КНИГА. НЕЛЕГАЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

Несмотря на то, что местное книгоиздание и периодическая печать получили в 80-х — первой половине 90-х гг. XIX в. достаточно широкое распространение, параллельно с ними все еще продолжала существовать и рукописная книга. Это было связано прежде всего с цензурными ограничениями печатного слова, желанием интеллигенции открыто говорить о наблевшем. Кроме того, в различных культурных центрах Сибири и Дальнего Востока, не имевших своего печатного органа, но обладавших значительным литературным потенциалом, рукописные газеты и журналы становились подготовительным этапом для создания печатного издания. Зачастую этот этап так и оставался единственным реальным результатом предпринятой деятельности.

В 80—90-х гг. продолжалось активное общественное движение за создание печатного органа в Забайкалье. В 1886 г., после отказа Комитета по печати дать разрешение на издание "Нерчинского листка", И.В. Багашев начинает выпускать "смехослезную" газету "Нерчинский чудак". Заголовок газеты набирался в типографии М.Д. Бутина (И.В. Багашев работал в этой типографии), текст же оставался рукописным. В одном из писем И.В. Багашев сообщал, что "Нерчинского чудака" надо рассматривать специально с точки зрения условий существования печати в России как протест против стеснения прессы⁴⁸. В передовой статье первого номера И.В. Багашев писал о неудачах своей борьбы за право издавать газету. В хронике включались корреспонденции автора, которые он посылал в сибирские газеты и Северное телеграфное агентство. На последней странице было помещено извещение о предполагаемом выпуске трехтомного "Нерчинского сборника", который должен был включать материалы И.В. Багашева (сборник осуществлен не был). Газета появлялась вплоть до 1891 г. с разной периодичностью. В 1891 г. в типографии М.Д. Бутина был выпущен ее пробный печатный номер⁴⁹. По-видимому, с именем И.В. Багашева связан и ряд других рукописных нерчинских газет этого времени — "Нерчинский открытый листок" (1890—1891 гг., вышло 12 номеров), "Нерчинская суета" (1893 г., выпущено не менее трех номеров). Последняя газета выходила на четырех страницах в две колонки и содержала выписки о Сибири из столичных изданий и краткую "Летопись Нерчинска"⁵⁰.

Исследователи называют и другие рукописные газеты и журналы Забайкалья 80-х — первой половины 90-х гг.: "Взгляд в нечто" (1885), "Послание" (1891), вышедшие в Нерчинске, "Сумрак" (1894 г., вышло три номера, Урга-Кяхта)⁵¹, "Проблески" (1895 г., Нерчинск-Кяхта)⁵². В бумагах Г.Ц. Цыбикова сохранился журнал читинских гимназистов "Опыты" за 1891 г. Он включал небольшую статью Г.Ц. Цыбикова "История бурят" (без указания автора), заметку "О латинском и греческом языках", рассказ А. Дьячкова "Попал впросак", стихи Г.Я. Лебедева. На обложке журнала ученым сделана пометка: "Для памяти: журнал этот в VI классе более не издавался, а в VII и VIII издавался под другими названиями, как-то: "Майское утро", "Наивная затея", "Entre nous". Последний журнал выходил под редакцией Г.Ц. Цыбикова, первые — под редакцией поэта Г.Я. Лебедева"⁵³.

Из иркутских рукописных "изданий" в литературе упоминаются "Разбойник" (1888), "Семинарист" (1890, № 1—5), памфлет "Золотое дно" или "Среди тьмы", "Описание Ленского побережья" (1891)⁵⁴. В Тобольской семинарии в 1887—1888 гг. выпускались нелегальные рукописные журналы "Знание" и "Родина"⁵⁵. Большинство из этих рукописных работ до наших дней не дошло, и сведения о них весьма смутны.

По-видимому, в 80—90-х гг. XIX в. за Уралом продолжала сохраняться рукописная традиция предшествующих десятилетий — составлялись рукописные сборники учащимися учебных заведений, создавались журналы "для домашнего пользования". Но в целом рукописная журналистика этих лет все в большей степени смыкалась с нелегальной, а авторы и редакторы нелегальных рукописных "изданий" все чаще пытались перевести их в разряд печатных. Обличительные памфлеты и листовки нередко размножались с помощью копировального конторского прессы, позволяющего получить три — четыре экземпляра. С конца 80-х гг. для размножения нелегальной литературы все чаще использовался гектограф, который постепенно проникал и в среду политических ссыльных.

Рукописные и гектографированные журналы, создаваемые политическими ссыльными Сибири и Дальнего Востока в 80-х — первой половине 90-х гг., — одно из интереснейших явлений книжной культуры данного времени. Эти издания не вписывались в сибирскую книжно-рукописную традицию. Они были как бы островками нелегальной журналистики, занесенной на местную почву с Запада. Их главная задача состояла в подведении итогов определенного этапа политической борьбы, осмыслении его результатов, сборе сведений об их участниках для последующего воссоздания истории освободительного движения в России.

Создаваемые в тюрьме и ссылке газеты и журналы были естественной формой существования интеллигентов, оторванных от практических дел, способом общения их между собой и с волей, средством выработки и корректировки идейных позиций. Многие статьи и воспоминания из рукописных сборников, переписанные читателями, попадали в Европейскую Россию и там появлялись в нелегальной, а позднее и подцензурной печати. Выпускались ссыльными и просто юмористические листки и журналы, помогавшие в трудных условиях этапа, тюрьмы, ссылки сохранять жизнеспособность и душевное равновесие.

Для самой Сибири эта кипучая литературная, публицистическая и журналистская деятельность ее невольных жителей была в значительной степени инородным явлением. Но тем не менее она оставила заметный след в общественном сознании местного населения и книжной культуре края. Ограниченный круг сибирских жителей, прежде всего молодежи, имел соприкосновение с нелегальными журналами каторги и ссылки (участвуя в размножении текстов, пересылке материалов в разные концы Сибири, европейскую часть России, за

границу) и через них впитывал политические идеи, распространенные в Западной Европе и России.

Составители, редакторы и авторы периодических изданий каторги и ссылки чаще всего были зрелыми журналистами, занимавшимися литературной и нелегальной издательской деятельностью и до ареста. Свой журналистский и издательский опыт они умело использовали в работах, создаваемых за Уралом, чем обогащали сибирскую и дальневосточную книгоиздательскую практику, исподволь влияли на публицистику местных демократических газет и рукописной периодики.

До наших дней нелегальные издания политической каторги и ссылки почти не сохранились. Отрывочные и порой противоречивые сведения о них можно найти в воспоминаниях, письмах, статьях участников революционных событий или их окружения, в архивных делах жандармских управлений, статьях конца 20-х — начала 30-х гг. XX в.

Наиболее продолжительным "изданием" подобного рода был выпускавшийся на Карийской каторге в 1881—1882 гг. журнал "Кара". Он выходил объемистыми тетрадками на протяжении полутора лет каждые три — четыре месяца. Всего было выпущено пять аккуратно переписанных тетрадок. Редакторами журнала были попеременно разные лица — Н.А. Виташевский, Г.Ф. Зданович, Игнат Иванов, Ник. Позен, Н.В. Яцевич. По своему характеру "Кара" напоминала толстые столичные журналы. Главное место в нем отводилось теории и практике революционного движения, воспоминаниям о революционных событиях. В нем нашли отражение различные направления политической мысли, характерные для многочисленных групп ссыльных. Среди постоянных сотрудников "Кары" можно встретить имена известных деятелей революционного движения — Ф. Богдановича, Н.А. Виташевского, М.Р. Попова, Р.А. Стеблина-Каменского и др.

Появление журнала было важным событием в жизни политических ссыльных. Каждый его номер с нетерпением ожидался, долго обсуждался, пересылался для прочтения в женскую тюрьму. К сожалению, из всего этого материала ничего не сохранилось. При ужесточении тюремного режима карийцы пытались сохранить журналы, прятали их в разных местах, затем передали для пересылки на волю жене политссыльного В.А. Рогачевой, которая при одном из обысков их сожгла⁵⁶.

Параллельно с журналом "Кара" в тюрьме выпускалась также сатирическая газета, которая, по разным свидетельствам, называлась "Кукиш" или "Кара и кукиш". В ней помещались бытовые зарисовки из тюремной жизни, карикатуры, стихи. Особым вниманием пользовался отдел телеграмм, обыгрывавший последние новости и слухи о событиях общественной жизни. Редакторами газеты были Г. Осмоловский и В.С. Ефремов (последний в начале 90-х гг. стал одним из редакторов "Восточного обозрения").

В составлении газеты принимали участие и ссыльные поляки. В 1882 г. при обыске в их камерах среди рукописей и книг были обнаружены виньетки для "Кары" и "Кукиша", карикатуры, стихи и другие материалы для "издания"⁵⁷.

В конце 80-х гг. в среде административных ссыльных и ссыльнопоселенцев Якутии, прежде всего старшего поколения народников, разбросанных по улусам, зародилось еще одно серьезное "издательское" начинание. Обращение в кругу ссыльных большого числа статей, воспоминаний, связанных с революционным движением, привело к мысли о составлении нелегального рукописного журнала. Так появился "Улусный сборник", основным организатором

ром и редактором которого стал В.Ф. Трошанский, поселившийся в 1887 г. в одном из наследов Бутурусского улуса. Он собирал материал, переписывал тексты, писал собственные трактаты. Для обсуждения "издания" происходили частые съезды участников. Первый номер "Улусного сборника" вышел объемной тетрадь. Был собран материал еще на два подобных номера. Дело тормозилось лишь отсутствием переписчиков. О содержании журналов сохранились отрывочные сведения. Известны, например, статья самого В.Ф. Трошанского "О роли представительных учреждений в развитии революционного движения", написанная в 1878—1879 гг. в Петропавловской крепости, "Заметки для мемуаров" Э.К. Пекарского, статья П.П. Подбельского с философским обоснованием теории социализма и осуществимости его на практике⁵⁸.

Якутская трагедия 22 марта 1889 г. (кровавое подавление вооруженного протеста политссыльных в Якутске) привела к большим перемещениям групп политических ссыльных и каторжан, что послужило причиной прекращения издания журнала. В конце 1889 г. в Якутск и его округ были переведены В.Я. Яковлев-Богучарский, И.И. Майнов и др. По инициативе В.Я. Яковлева-Богучарского и под его редакцией в 1890 г. стал выходить новый рукописный журнал "Якутский сборник", продолживший традиции своего предшественника. Первый номер журнала был полностью посвящен Якутской трагедии 1889 г. По описанию Г.Ф. Кунгурова, которому удалось отыскать два номера журнала, первый выпуск "Якутского сборника" состоял из 218 страниц текста, написанного мелким, убористым почерком на бумаге размером в 1/4 писчего листа. На обложке значилось: "1890 год. Якутский сборник № 1. Посвящается памяти погибших".

Во второй сборник, описанный Г.Ф. Кунгуровым (221 страница рукописного текста на бумаге того же формата), вошло 10 корреспонденций. Разделу IV — "Лекция Кеннана в Америке" — предпослано примечание издателей: "Настоящая статья получена нами на польском языке, из какой газеты она взята, нам неизвестно". В одном из номеров сборника были помещены главы из "Истории революционного движения" Р.А. Стеблина-Каменского, статья И.И. Майнова "О саратовских кружках".

По утверждению Г.Ф. Кунгурова, "Якутский сборник" был строго периодическим рукописным органом, интересным и влиятельным, выходившим в течение ряда лет. (Есть косвенные свидетельства выпуска сборника в 1892 г.). Повидимому, из "Якутского сборника" были переписаны многие материалы, ходившие по рукам и впоследствии попавшие в печать. Так, воспоминания В.Н. Шаганова о Н.Г. Чернышевском в 1905 г. по тексту "Якутского сборника" были опубликованы В.С. Ефремовым в "Восточном обозрении", целиком рукопись была издана Э. Пекарским в Петербурге в 1907 г., а часть воспоминаний без указания автора была напечатана ранее (1900 г.) в "Русском богатстве". Многие из читателей "Якутского сборника" сделали копии воспоминаний. По одной из таких копий П. Грабовский издал в Праге "Воспоминания о Чернышевском" на украинском языке.⁵⁹

Одновременно с "Якутским сборником" в крае появилось еще одно рукописное "издание" политических ссыльных — "Виллойский сборник". Он зародился в среде поселенцев Виллойской каторги. Чтение книг, газет, журналов, научные и литературные занятия были основным содержанием жизни виллойской коммуны, в которую в 1889 г. влились и участники Якутской трагедии.

Почта с корреспонденцией приходила нерегулярно, раз в два — три месяца, доставляя порой до 60—70 номеров каждой газеты сразу. Чтобы облегчить членам коммуны ознакомление с большим массивом новых материалов, а также дать

толчок для самостоятельной творческой работы, было задумано "издание" непе-риодического "Вилуйского сборника". В редакцию его входили М.Р. Гоц и О.С. Минор, среди сотрудников были М.И. Фундаминский, К. Терешкович, А.Н. Шехтер, М. Брагинский. В сборник включались обзоры, хроника, сводные статьи, дающие представление о содержании текущей периодики.

В первый выпуск "Вилуйского сборника" вошел очерк рабочего движения на Западе, составленный М. Брагинским по газетным и журнальным материалам; подобный же обзор внутренней жизни России представлен О.С. Минором, статья М.И. Фундаминского имела социально-философский характер (попытка пере-смотреть свои прежние воззрения), статья К. Терешковича содержала критиче-скую оценку материалов, помещенных в сборнике.

Несколько месяцев спустя был выпущен второй номер "Вилуйского сборни-ка". Оба сборника, по воспоминаниям очевидцев, представляли собой довольно толстые тетрадки с разнообразным материалом, которые на долгое время давали членам коммуны пищу для обмена мнениями, толчок для дальнейших размышле-ний. На втором номере "издание" прекратилось из-за предстоящей отправки его редакторов и авторов в Нерчинскую каторгу.⁶⁰

Параллельно с нелегальными рукописными сборниками Якутии возникали издательские замыслы и в среде политических ссыльных Западной Сибири, имев-ших наиболее тесные контакты с российскими центрами революционного движе-ния. Здесь же в 80-х гг. XIX в. зарождаются и первые в Зауралье подпольные типографии; чаще, чем в других районах Сибири, нелегальная литература, кото-рая раньше могла быть только рукописной, размножалась с помощью гектографа.

Таким гектографированным (с рукописного текста) изданием кружка поли-тических ссыльных и местной интеллигенции Тобольской губернии был "Журнал политической ссылки". Его первый (и последний) номер появился в мае-июне 1888 г. в г. Туринске. Журнал был обнаружен в архивах департамента полиции, в настоящее время он хранится в Государственном архиве Российской Федера-ции⁶¹.

Инициаторами и организаторами издания были, по-видимому, туринские по-литические ссыльные К.Е. Стери, Е.П. Дзбановский, активными участниками — С.А. Жебунев, тобольский учитель И.И. Суханов, чиновник И.Е. Давконт и др. Подозревались в причастности к журналу тюменцы Н.И. Березницкий и А.Н. Парфенов. Наиболее важная роль в подготовке издания принадлежала Е.П. Дзбановскому, в руках которого сосредоточивались получаемые материалы. Издатели поставили перед собой задачу — собрать сведения обо всех политиче-ских ссыльных Сибири и Дальнего Востока 80-х гг., их местонахождении, мате-риальном положении, нуждах, фактах сопротивления властям, революционной деятельности, предшествующей ссылке. Журнал должен был стать средством объединения политических ссыльных, способом привлечения внимания общест-венности к их нуждам, справочником, дающим информацию о составе и числен-ности политической ссылки в азиатской части России.

Сбор сведений начался, видимо, с 1885 г. Корреспонденции поступали со всех концов края, что говорит о хорошо налаженных связях редакции и целой сети помощников из среды местного населения.

Сохранившийся до наших дней номер журнала включал 144 страницы фор-матом в четвертую часть листа. Он представлял собой справочное издание типа календаря, состоящее из нескольких разделов. В журнале публиковались сведения о политических ссыльных и каторжанах, мартиролог погибших в тюрьмах и ссылке в конце 70—80-х гг. Специальные разделы были посвящены ссыльным Якутской и

Забайкальской областей, Иркутской, Енисейской, Томской, Тобольской губерний, Степного края. Описание каторги, тюрем и условий жизни заключенных давалось в разделе "Кара, Сахалин, Шлиссельбург". Раздел "О препровождении политических ссыльных в места назначения" включал описание пути и протестов на этапах и в пересыльных тюрьмах.

К каждому экземпляру журнала были приложены гектографированные отдельно "Программа для собирания разного рода сведений о политической ссылке" и "Протест русской политической ссылки" с перечислением 10 пунктов, по которым ссылка обвиняла правительство. В послесловии к журналу было отмечено, что в портфеле редакции уже имеются материалы для исправления многих погрешностей настоящего выпуска и для его пополнения; кроме того, имеются сведения о протестах и столкновениях с властями в разных местах Восточной и Западной Сибири, документы и известия, относящиеся к процессам последнего времени.

Журнал был размножен в значительном количестве экземпляров (не менее 50), разослан в разные концы Сибири. Известно, например, что он был отправлен в Тобольск, Тюмень, Ялуторовск, Петропавловск, с. Тунка Иркутской губернии. При пересылке в Восточную Сибирь журнал был перехвачен полицией, участники подпольной редакции арестованы и переведены в другие места, за подозреваемыми усилен надзор⁶².

В 1887—1888 гг. кружок политических ссыльных и местной интеллигенции Тобольска (С.А. Жебунев, А.С. Суханов, М.Г. Калинин, А.Н. Парфенов и др.) выпускает ряд других нелегальных изданий. Так, с 1887 по январь 1888 г. в Тобольской типографии А.Г. Калининой была отпечатана брошюра Л.А. Тихомирова "Идеи на штыки не улавливаются" (30 экз.), двумя изданиями (по 150 и 210 экз.) вышла брошюра Н.С. Русанова (под псевдонимом Н. Тарасов) "Банкротство буржуазной науки". Текст последней предваряло предисловие И.И. Суханова (за подписью И.С.). На обложке было поставлено вымышленное место издания — Санкт-Петербург⁶³. Здесь же в 1887 г. была напечатана тиражом в 250 экз. книга А.Н. Баха "Царь-голод" (без указания автора, 52 с.). Нелегальные печатные работы выполнял студент М.Г. Калинин, сын владелицы типографии. Большинство экземпляров обоих изданий было отправлено в Казань и Петербург, часть их распространялась в Омске и Тобольской губернии. При обыске в типографии была обнаружена подготовленная к печати рукопись польского ссыльного Ф. Богдановича "Из воспоминаний узника последних лет". В рукописном виде она широко распространялась среди сибирских ссыльных⁶⁴.

Тобольский кружок С.А. Жебунева в 1887 г. имел и собственный гектограф. На нем были размножены письма из Одессы о голодном бунте и с Кариийской каторги ("Письма из тюрьмы и ссылки"), а также брошюры "Политический террор" и "Новый тип русской женщины"⁶⁵.

К немногочисленным сибирским нелегальным изданиям 80-х — первой половины 90-х гг. принадлежит также "Сказка про то, как царь Ахреян ходил богу жаловаться" А.П. Барыковой, отпечатанная на гектографе гимназистом И.А. Дорофеевым в Томске в 1894 г.⁶⁶.

Из работ, нелегально изданных в этот период в Восточной Сибири, можно назвать лишь "Русскому правительству государственных ссыльных Балаганского округа Иркутской губернии заявление", отпечатанное на гектографе с рукописного текста в Балаганске в 1889 г. (7 с. без титульного листа и обложки. Рукописный текст написан красными чернилами)⁶⁷. В конце заявления стоят подписи ссыльных В.П. Кранихфельда, П.А. Грабовского, Н.А. Ожигова, В. Иванова,

Э.Л. Улановской, С.Е. Новаковской. Текст печатался с разных оригиналов, часть из которых была переписана В.П. Кранихфельдом⁶⁸.

Заявление представляло собой официальный протест ссыльных министрам внутренних дел и юстиции и директору департамента полиции по поводу якутской бойни 22 марта 1889 г., оно распространялось как воззвание к русскому обществу. Экземпляры заявления были обнаружены в разных концах страны, например в Акмолинской области, в Харькове (где оно было в очередной раз гектографировано для распространения среди рабочих)⁶⁹.

Попытки создания нелегальных типографий и выпуска подпольных революционных материалов с конца 70-х гг. XIX в. в Сибири предпринимались неоднократно, но чаще всего пресекались полицией. У политических ссыльных во время обысков нередко находили множительную технику. Так, в 1884 г. у Яковлева в Красноярске был отобран гектограф⁷⁰. Вызывали подозрения в причастности к выпуску нелегальных изданий и отдельные частные типографии. Так, в 1880 г. на этот предмет была произведена опись имущества и взвешены шрифты в типографии подполковника А.П. Нестерова, официального издателя газеты "Сибирь" и участника иркутского народовольческого кружка. Вспыхнувший в типографии пожар уничтожил как само заведение, так и возможные улики⁷¹.

В январе 1882 г. был установлен круглосуточный надзор за типографией В.В. Михайлова и П.И. Макушина. Власти предполагали, что типография П.И. Макушина "если не печатает только в занимаемом ею помещении противоправительственных брошюр и т.п., то участвует в том своим содействием неизвестной томской типографии, через снабжение ее частью своих шрифтов и другим каким способом"⁷². Действительно, в 1881 г. Томское отделение Красного Креста Народной воли пыталось организовать в городе тайную типографию, что стало известно начальнику жандармского управления. Политические ссыльные, работавшие в редакции "Сибирской газеты" П.И. Макушина, могли использовать свое положение для печатания нелегальных изданий⁷³.

Однако широкого развития нелегальная издательская деятельность в Сибири и тем более на Дальнем Востоке в эти годы получить не могла из-за трудностей с доставкой полиграфического оборудования, в связи с огромностью зауральских расстояний и невозможностью иметь постоянные связи между отдельными группами ссыльных и революционно настроенными представителями местного населения.

5. КНИГА НА ЯЗЫКАХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В 80-х — первой половине 90-х гг. XIX в. продолжало расширяться и углубляться взаимодействие русской культуры с культурами населяющих зауральские территории народов. Этот процесс находил отражение и в книгоиздании. Отечественные исследователи продолжали изучение языков, фольклора, этнографии сибирских и дальневосточных народов. Публиковались лингвистические труды, сборники фольклорных текстов, учебные пособия и словари.

К крупным работам, появившимся в этот период, принадлежат "Опыт словаря тюркских наречий" В.В. Радлова (СПб., 1888—1906, вып. 1—20), основанный, в частности, на изучении алтайского разговорного языка; "Верхоянский сборник. Якутские сказки и песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни,

записанные в Верхоянском округе И.А. Худяковым" (Иркутск, 1890), многочисленные печатные и оставшиеся в рукописях материалы о языках народностей сибирского северо-востока, собранные в трудах Якутской (Сибиряковской) экспедиции (1894—1896 гг.), и многие другие.

В 1889 г. был завершен фундаментальный труд Э.К. Пекарского "Словарь якутского языка", начавший печататься на рубеже веков.

Большую научную ценность представляет собой капитальный лингвистический труд протоиерея В.И. Вербицкого — "Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка", изданный в Казани в 1884 г. Это плод более чем 30-летней собирательской и исследовательской работы ученого-миссионера.

Занимался В.И. Вербицкий и переводами на русский язык произведений устного народного творчества алтайцев. В 1893 г., уже после смерти миссионера, отдавая дань его подвижническому труду, этнографический отдел Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете выпустил сборник статей и исследований В.И. Вербицкого, разбросанных по самым разным периодическим изданиям, — "Алтайские инородцы". В него были включены в переводе на русский язык образцы характерных жанров устной поэзии алтайцев (сказки, песни, пословицы, загадки и т.д.).

В обозреваемый период наиболее продуктивную переводческую и издательскую деятельность на языках коренных народов Сибири продолжала вести Алтайская духовная миссия. Можно отметить не только значительное число выпущенных ею работ, но и их жанровое разнообразие. Среди изданий миссии на алтайском языке — книги Ветхого и Нового Завета, жизнеописания Христа, жития святых, беседы, третики, молитвенники, сборники песнопений, поучительные статьи и басни, азбуки и грамматики алтайского и русского языков. Издания выпускались в Казани, частных типографиях Томска и Бийска. Они печатались русским или церковно-славянским шрифтом чаще всего с надстрочными дополнительными знаками. В некоторых случаях приводились параллельные тексты на русском и алтайском языках.

Переводческая комиссия при Казанском братстве святителя Гурия, куда поступали алтайские переводы, работала в тесном сотрудничестве с алтайскими миссионерами. В начале 80-х гг. в Казанской инородческой учительской семинарии учились посланцы Алтайской миссии И.М. Штыгашев, С. Борисов, К. Уканаков, М. Ташкинов. Н.И. Ильминский при научном редактировании алтайских книг пользовался их помощью⁷⁴.

К значительным изданиям Алтайской духовной миссии принадлежало выпущенное в Казани в 1882 г. пособие "Алтайский букварь. Азбука". Оно представляло собой переработанное Н.И. Ильминским второе издание петербургского "Букваря" 1868 г. Примечание, включенное в букварь, имело особую методическую ценность. В нем были кратко описаны способы подачи детям материала, представлены отступления от фактической фонетической огласовки алтайского языка⁷⁵.

Из изданий Алтайской духовной миссии, выпущенных в этот период в Казани, можно назвать "Жития святых" в четырех выпусках (1882—1884), "Огласительное поучение готовящимся к святому крещению язычникам. На разговорном калмыцком языке" (1892) архиепископа Иркутского Вениамина. В 1881 г. в Казани выходит второй сборник произведений алтайского писателя-миссионера М.В. Чевалкова "Поучительные статьи в стихах и прозе на алтайском языке". В 1893 г. в Томске издается 3-й выпуск его произведений.

В Томске в типографии П.И. Макушина напечатан ряд миссионерских "бесед", обращенных к коренным жителям Алтая, — "Беседы к язычникам" (1885), "Беседы готовящемуся ко святому крещению. Об истинном Боге и истинной вере" (1892). Тексты даны параллельно на алтайском и русском языках. В 1892 г. издается брошюра протоиерея К. Соколова на алтайском и русском языках, посвященная основателю Алтайской миссии архимандриту Макарию (Глухареву). В 1895 г. выпускается на алтайском языке "Часослов".

Ряд изданий Алтайской духовной миссии напечатан в Бийске. Среди них — "Литургия св. Иоанна Златоустаго на церковно-славянском и алтайском языках" (1887), "Акафист св. великомученику и целителю Пантелеймону на алтайском языке", "Пение на всенощном бдении и литургии на алтайском языке, переложенные на цифирные ноты" (1889), "Требник" (1890), "Правило для готовящихся ко святому причащению на алтайском наречии" (1891).

Священниками Алтайской духовной миссии создавались многочисленные варианты переводов с учетом свойств различных местных наречий алтайского языка — на телеутском наречии, "на наречии алтайских калмыков" и т.д. — и переводы с алтайского на "кондомское наречие инородцев Кузнецкого отделения", "на наречие кузнецких и минусинских инородцев", "для черно-ануйских киргиз" и т.д. Существовали издания с параллельными переводами на разные наречия и оставленными пустыми страницами для других необходимых переводов. Многие переводы религиозно-нравственных книг остались ненапечатанными и использовались миссионерами в рукописях. Ряд изданий вышел на шорском языке, в том числе — "Священная история на шорском наречии для инородцев восточной половины Кузнецкого округа" (1883), "Указание пути в Царствие Небесное" (1884), "Шорский букварь. Для инородцев восточной половины Кузнецкого округа" (1885), выпущенные в Казани; "Беседы готовящемуся к святому крещению: Об истинном Боге и истинной вере на шорском языке" (Томск, 1890).

В работе над многими изданиями на шорском языке принимал участие воспитанник Алтайской духовной миссии, а затем Казанской учительской семинарии шорец И.М. Штыгашев. Православный миссионер, писатель, переводчик, он стал в 80—90-х гг. известным просветителем своего народа. Прекрасно владея русским литературным языком, И.М. Штыгашев написал книгу о своем путешествии по святым местам — "Путешествие алтайца в Киев, Москву, ее окрестности", изданную в Казани в 1884 г. В 1885 г. в Казани вышла еще одна работа И.М. Штыгашева — автобиографическая книга "Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайца) Ивана Матвеева Штыгашева". Она была издана иеромонахом Покровского миссионерского монастыря Иоилем, действительным членом Общества любителей духовного просвещения⁷⁶.

Переводческая и издательская деятельность Алтайской духовной миссии в среде сибирских и дальневосточных миссионеров второй половины XIX в. признавалась наиболее весомой и ставилась в пример другим миссиям⁷⁷.

Менее продуктивной была издательская деятельность Киргизской миссии, которая в 80-х гг. отпочковалась от Алтайской. Ее первые издательские начинания связаны с Казанским обществом святителя Гурия. В Казани в 80—90-х гг. были изданы на киргизском (казахском) языке — "Евангелие от Луки" (1883), "Жизнь и страдания святого великомученика Евстафия Плакиды с семейством" (1886), "Священная история Ветхого Завета" (1890), "Из книги премудрости Иисуса сына Сирахова" (1890) и др. В 90-х гг. ряд религиозных книг издан в Томске, например "Святое Евангелие от Марка на киргизском языке" (1894).

В 80—90-х гг. выходит значительное число религиозных и учебных изданий на якутском языке. В 1887 г. при духовной семинарии были учреждены "Якутские епархиальные ведомости", которые стали проводниками христианской религии. В них печатались статьи духовно-нравственного содержания, поучения, речи, представления духовных лиц, рассказывалось о распространении христианской веры среди коренного населения, ведении богослужения на якутском языке⁷⁸.

В 1892 г. для распространения переводов религиозно-нравственных книг на якутском языке и составления учебных руководств для школ было создано Якутское церковное братство во имя Христа Спасителя⁷⁹, что значительно ускорило печатание якутских изданий. В "Якутских епархиальных ведомостях" стали периодически появляться статьи по проблемам перевода религиозной литературы на якутский язык, а в приложениях и сами тексты переводов. В Якутской областной типографии выпускались молитвенники, церковные календари и другая религиозно-нравственная литература. Однако типография была плохо оборудована для печатания якутских текстов. Имелись только русские шрифты. Лишь при подготовке к печатанию "Словаря якутского языка" Э.К. Пекарского в 1894 г. Восточно-Сибирским отделением Императорского Русского географического общества в словолитне О.И. Лемана были заказаны специальные якутские литеры с надстрочными знаками⁸⁰. Не хватало у полукустарной областной типографии и мощностей. Наибольшее количество книг на якутском языке в 80-х — первой половине 90-х гг. XIX в. было издано в Казани при Братстве святителя Гурия на средства Православного миссионерского общества.

В 80-х гг. XIX в. Казанская переводческая комиссия под руководством Н.И. Ильминского переиздает основные якутские переводы религиозной литературы, непечатанные Московской Синодальной типографией в 1857—1858 гг. При этом Н.И. Ильминский не только выпускает, но и перерабатывает, и исправляет тексты переводов, делая их более доступными пониманию якутов. В 1883 г. выходят вторым изданием Божественная литургия святого Иоанна Златоуста и Требник; Канонник; Литургия св. Иоанна Златоуста и Требник; в 1887 г. — Требник.

В 90-х гг. XIX в. вновь активизировалась работа по переизданию, исправлению и печатанию якутских переводов, связанная с деятельностью в Якутской епархии епископа Мелетия. Установив связь с переводческой комиссией при Казанском братстве святителя Гурия, Мелетий в 1895 г. посылает в Казань для переиздания Евангелие от Матфея на якутском языке с печатным Четвероевангелием, "Якутско-русский букварь", краткий молитвослов, Евангелие от Иоанна и др.

Издание якутских переводов осуществлялось под руководством профессора Казанской учительской семинарии Н.Ф. Катанова. Для работы над якутскими текстами из Якутии в Казань были направлены студент Д. Кочнев, позднее студенты Н. Нифонтов из Московской академии и А. Дьяконов из университета. Под руководством Н.Ф. Катанова они переработали и значительно дополнили букварь по звуковому методу со словарем Стефана Попова, составили новую транскрипцию — так называемый "казанский алфавит". Этим алфавитом был напечатан ряд более поздних работ⁸¹. Всего за 1881—1895 гг. переводческой комиссией Казанского общества святителя Гурия было выпущено более 20 изданий на якутском языке⁸². Среди них — Канон и часы Святые Пасхи (1883, 1889), Служебник с Пасхальной службой (1883), Псалтырь с Часословом (1883), Поучение о православной христианской вере (1891), Молитвослов с приложением месяцеслова и пасхами (1895) и другие богослужебные книги.

Выходили в эти годы и учебные пособия. Среди них — "Букварь для якутов", составленный миссионером Стеф. Поповым, издававшийся в Казани в 1893 и 1895 гг., "Первоначальный учебник русского языка для якутов. Кн. I", первое издание которого вышло в Казани в 1895 г. Ряд книг на якутском языке вышел в Москве и Петербурге, например Божественная литургия. (2-е изд.), Служба на Святую Пасху (М., 1889), "Служебный переводчик: Якутско-русский словарь" А.В. Старческого (СПб., 1893).

С Казанским обществом святителя Гурия связано и большинство изданий на языках народов северо-востока — нанайском, эвенкийском, чукотском, ороченском, эвенском. Больше всего книг вышло на нанайском (гольдском) языке, что объясняется переводческой активностью миссионеров Гольдской миссии Александра и Прокопия Протодьяконовых. П. Протодьяконов составил "Гольдскую азбуку для обучения гольдских и гилякских детей по слуховому способу", напечатанную в Казани в 1884 г. В следующем году там же вышел "Толковый молитвенник", переведенный П. Протодьяконовым на нанайский язык специально для мальчиков, обучающихся в миссионерских школах. А. и П. Протодьяконовыми был переведен также на нанайский язык текст брошюры "Меры борьбы против дифтерита". Он был отпечатан в Казани в 1885 г. в количестве 800 экз.⁸³ Среди казанских изданий, вышедших на нанайском языке, можно назвать также "Объяснение главнейших праздников православной церкви" (1881 и 1888 гг.), "От Матфея святое благовествование" (1884), "Краткий катехизис" (1885), "Огласительное поучение готовящимся ко святому крещению язычникам" (1889).

В 1881 г. в Казани вышло два издания на эвенкийском языке — "Господа нашего Иисуса Христа от Матфея святое благовествование" и "Краткий катехизис, повседневные молитвы и Евангелие на святую Пасху" (оба тиражом по 600 экз.). Православным миссионерским обществом в Казани напечатан "Краткий русско-ороченский словарь", составленный миссионером А. Протодьяконовым (1888).

В 1893 г. Синодом в Петербурге был переиздан первый алеутский букварь, составленный И.Е. Вениаминовым в 1836 г. Для народностей Тобольского Севера в 80-х — первой половине 90-х гг. было выпущено незначительное число работ. Среди них — "Святое Евангелие по вогульски", изданное в Петербурге в 1882 г. В Томске в приложении к отчету об Алтайской и Киргизской миссиях за 1887 г. вышли "Материалы для ознакомления с наречием остяков Нарымского края".

Издательская деятельность на бурятском языке, широко развернувшаяся в 60-х гг. XIX в., в последующие десятилетия под нажимом запретительных мер местной администрации значительно суживается. Можно назвать лишь небольшое число работ, выпущенных для бурятского населения на их разговорном языке. Так, Казанское братство святителя Гурия в 1882 г. издает на наречии северо-байкальских бурят "Каждодневные молитвы", в 1887 г. — "Учение перед принятием святого крещения".

В 80—90-х гг. продолжается издательская деятельность на монгольском и тибетском языках в дацанах Забайкалья. В 1880 г. Министерство внутренних дел разрешило печатать в дацанах буддийские книги, чтобы ограничить нежелательные связи бурятских лам с зарубежным духовенством. Число дацанов, имеющих право на книгопечатание, было строго ограничено военным губернатором Забайкальской области. Недозволенная к печати литература изымалась вместе с печатными принадлежностями. Так, в 1887 г. при конфискации изданий типографии при Джидинском дацане были обнаружены 2441 дощечка на тибетском языке и 151 — на монгольском⁸⁴.

Архивные материалы Забайкальского областного правления 80-х — первой половины 90-х гг. XIX в. пестрят документами об изъятии книг, брошюр, типографских дощечек из типографий забайкальских дацанов, а также просьбами лам и прихожан разрешить им духовно-издательскую деятельность. В 1881 г. военный губернатор разрешил продолжить печатание буддийских священных и богослужебных книг при Цугольском дацане, в 1882 г. — при пяти дацанах Селенгинского и Баргузинского округов и двух дацанах Хоринского ведомства, а также в Гусиноозерском и Агинском дацанах. В 1884 г. разрешено печатание духовных книг еще при трех дацанах Хоринского ведомства⁸⁵.

Выпуск религиозной литературы должен был строго контролироваться как ламами, так и гражданской администрацией. Однако при незнании местными чиновниками восточных языков им было сложно вести наблюдение за выходящими изданиями. Поток их, несмотря на принимаемые властями ограничительные меры, был весьма ощутим. По отчету хамбо-ламы Д. Гомбоева за 1887 г., печатни имелись в 29 из 34 действующих дацанов Забайкалья. В них было издано около 600 книг и брошюр на тибетском и монгольском языках.

Особенно широко книгопечатание развивалось в Агинском дацане. Его литография (печатня) размещалась в специальном двухэтажном здании. Здесь же в железных ящиках хранились 47 525 ксилографических досок с текстами на тибетском и монгольском языках, а также 592 доски с рисунками и культовыми изображениями⁸⁶.

К 90-м годам сложилась достаточно развитая издательская система забайкальских дацанов.

Их книжную продукцию можно разделить на три группы:

1) обрядовые книги — молитвы, славословия, благопожелания, обрядники жертвоприношений и т.д. В крупных дацанах подобные культовые издания составляли около 70% всех выпускаемых книг, в мелких обычно печатались только они;

2) учебные книги — азбуки, словари и грамматики тибетского языка, учебные пособия для монастырских школ. Они составляли около 10% выпускаемых изданий;

3) литература популярного вероучения — сборники нравоучительных рассказов, афоризмов, жития буддийских святителей, религиозные поэмы, дидактические сочинения о рае и аде, грехах и добродетели и т.д.

Первые две группы изданий не выходили за рамки обслуживания культа и программ монастырских школ и печатались, как правило, на тибетском языке. Издания третьей группы, предназначенные для мирян, выпускались на монгольском языке. В целом же можно сказать, что в дацанах Забайкалья были напечатаны все работы по популярному вероучению буддизма, распространенные среди народов Центральной Азии. Кроме того, в них готовились и новые ксилографические доски с сочинениями и переводами бурятских авторов⁸⁷.

Российские власти пытались ослабить влияние буддийской культуры и монголо-тибетской литературы на бурятское население. В 80-х гг. в бурятских училищах Забайкальской области было запрещено преподавать монгольский язык⁸⁸, в Иркутской губернии организовывались церковно-приходские школы с преподаванием православного вероучения, изучением русского языка и русской письменности. Тем не менее и в конце XIX в. при всех дацанах Забайкальской области имелись негласные школы с преподаванием тибетского языка и ламаистского вероучения, продолжали печататься священные для буддистов и богослужебные книги.

В то же время часть бурятского общества приобщается к русскому языку и книжности. С помощью книги происходит активное взаимодействие русской и бурятской культур. Создается большой пласт переводной литературы — с монгольского на русский и с русского на монгольский и бурятский языки. В общероссийскую, а вместе с тем и европейскую культуру вносится вклад первых бурятских ученых — Д. Банзарова, Г. Гомбоева, Б. Норбоева, М. Хангалова, Р. Номтоева. Многие из них получили образование в российских высших учебных заведениях, являлись членами ВСОИРГО, печатали свои труды в сибирских и столичных научных изданиях.

Многовариантность развития бурятского книгоиздания — это результат не только внешних на него воздействий, но и внутренних противоречий, присущих самому процессу формирования национальной книги в условиях многонационального государства. На протяжении исследуемого периода неоднократно в самой бурятской среде менялось отношение к коренному для книги вопросу — на каком алфавите ее печатать.

Бурятская книга второй половины XIX в. носит на себе следы самых разных воздействий. Однако трудную проблему единого бурятского письменного языка и единой графической основы для книгопечатания в обозреваемый период решить не удалось. Поэтому книги для бурят на протяжении XIX столетия продолжали выходить чаще всего в монгольской графике на старомонгольском литературном языке и в кириллице на наречии северобайкальских бурят.

Говоря в целом о состоянии книгоиздания на языках коренных народностей Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX в., особенно до этого бесписьменных, нельзя не отметить элементарный, первоначальный уровень его развития. За этот период на языках ряда сибирских и дальневосточных народностей была создана письменность, появились зачатки грамотности, накопился определенный "книжный пласт", необходимый для дальнейшего самостоятельного развития национальной книжной культуры. Однако взаимодействие "книжного пласта", принесенного в инонациональную среду православными миссионерами, с самой народной средой протекало медленно и слабо. Это было обусловлено как особенностями среды, так и свойствами миссионерской книги.

Бесписьменные народности Сибири и Дальнего Востока находились во второй половине XIX в. на ином, по сравнению с русскими, уровне социально-экономического и культурного бытия, имели иную структуру духовной жизни, что, несомненно, тормозило развитие у них письменности, грамотности, основ книжной культуры. Миссионерская книга при своем продвижении в массы коренного населения испытывала явное "сопротивление материала". Сам дух христианского вероучения не соответствовал особенностям социального сознания большинства сибирских и дальневосточных народностей. Отсюда и огромные трудности при переводе христианских книг на их языки, тесно связанные с традиционным укладом жизни населения и мало приспособленные для выражения абстрактных религиозно-этических категорий. Сами миссионеры нередко жаловались на отсутствие в языках необходимых понятий, а протоиерей И.И. Восторгов приводит такие образцы переводов, как дух — запах, дева — девка, плоть — падаль, воплотиться — ошениться⁸⁹. Э.К. Пекарский отмечал, что переводчики церковно-славянских книг на якутский язык слишком буквально передавали содержание, "насилуя якутский язык невозможным образом"⁹⁰. Все это не могло не отчуждать миссионерскую книгу от ее гипотетического потребителя.

При всем различии условий, времени появления, инициаторов начального книгопечатания на ранее бесписьменных языках народностей восточной части страны, нельзя не отметить единообразия форм его зарождения и существования. По особенностям развития национальной культуры бесписьменные народности Сибири и Дальнего Востока в XIX в. еще не были готовы к созданию собственной книги и ее использованию. Книга пришла к ним извне, в результате присоединения к России, по инициативе православной церкви и не вписывалась в их насущные потребности. Поэтому она еще долго оставалась книгой для данной народности, а не ее собственной.

Наиболее важный показатель развития национальной книжной культуры — это создание национальной литературы, включение в процесс создания книги собственного духовного потенциала народа. Важность этого качественного скачка — от потребления книги к ее созданию — хорошо понимали алтайские миссионеры. "История свидетельствует, — отмечается в "Отчете об Алтайской духовной миссии за 1895 г." — что духовное развитие народов только тогда достигало полного своего процветания, когда развитие совершалось собственными естественными силами народа, хотя, может быть первый толчок развитию и был дан извне"⁹¹.

XIX в. выдвинул из среды коренного населения Сибири и Дальнего Востока первых национальных писателей. Это алтаец Михаил Чевалков, шорец Иван Штыгашев, якут Афанасий Уваровский, чуванец Афанасий Дьячков, многочисленные представители бурятской интеллигенции. Именно включение выходцев из самого народа в процесс создания литературы знаменовал зарождение собственно национальной книги.

В 80—90-х гг. осуществлялись первые опыты официальных, практически-прикладных и общественно-политических изданий на национальных языках. Так, в Омске с 1888 г. выпускались на казахском и русском языках "Особые прибавления" к "Акмолинским областным ведомостям", а в 1895 г. возникла с такими же параллельными текстами "Киргизская степная газета". В "Якутских областных ведомостях" на протяжении 90-х гг. XIX в. регулярно помещались переводы на якутский язык официальных распоряжений, циркуляров якутского губернатора и т.д. В прибавлениях к "Якутским областным ведомостям" за 1894 г. напечатаны на русском и якутском языках "Правила о мерах предупреждения и прекращения сибирской язвы на домашних животных" ветеринарного врача Кондакова. В Якутской областной типографии в 1881 и 1894 гг. были выпущены на чукотском языке краткие тексты присяги по случаю коронации царей.

Таким образом, в период разностороннего воздействия российского общества на жизнь коренных сибирских и дальневосточных народностей, миссионерская книга не могла ответить на насущные проблемы дня.

Труды первых представителей национальной интеллигенции по своему содержанию выходили далеко за пределы круга интересов миссионерской литературы, были началом разработки светских проблем и тем. Однако в целом формирование основ национальной книжной культуры ранее бесписьменных народностей зауральских территорий протекало в рамках миссионерского воздействия на коренное население и его христианизации.

6. КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ И ДРУГИЕ ФОРМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПЕЧАТИ

В 80—90-х гг. XIX в. поток книг за Урал по сравнению с предшествующими десятилетиями значительно вырос. Увеличение количества школ, профессиональных училищ, кружков, просветительных обществ, подъем общественной и экономической жизни расширили потребности населения в печатном слове⁹². Менялась и сама российская книга, становясь более демократичной, нацеленной на удовлетворение самых разнообразных, в том числе и производственно-хозяйственных потребностей общества. С 1887 по 1895 г. общий тираж книг, выпускаемых в России, почти удвоился⁹³.

Продвижение печатной продукции за Урал было сопряжено с теми же трудностями, что и в предшествующие десятилетия, однако в сфере книжной торговли под воздействием реальных потребностей произошли существенные изменения.

Книготорговые предприятия, их деятельность

Если в 70-х гг. XIX в. зарождается профессиональная книжная торговля в крупнейших городах Сибири — Томске, Иркутске, Тобольске, Омске, то в 80-х — первой половине 90-х гг. за Уралом происходит значительное расширение книготорговой деятельности. Так, в 1882—1883 гг. официальные источники⁹⁴ отмечали существование более 20 книготорговых точек (книжных магазинов, лавок, книжных складов) в 10 сибирских городах, а в середине 90-х гг. их уже было более 40 в 21 городе восточной части страны.

В 80-х гг. книготорговые заведения появились в Красноярске, Тюмени, Барнауле, Бийске, Енисейске, Каинске. К 1895 г. своя книжная торговля открылась в Кургане, Мариинске, Ачинске, Чите, Кяхте, Владивостоке.

Развитие книжной торговли в крае, как и полиграфического производства, не отличалось стабильностью. Жесткая конкуренция непрерывно меняла картину сибирско-дальневосточного книжного рынка. Большая часть возникавших книжных лавок через пару лет закрывалась, уступая место новым предприятиям.

Несмотря на существование в Сибири относительно большого количества книжных лавок и магазинов, о серьезной постановке книжной торговли можно, как и прежде, говорить в основном лишь по отношению к Томску и Иркутску.

На протяжении всего периода самым крупным книготорговым предприятием за Уралом продолжал оставаться Сибирский книжный магазин В.В. Михайлова и П.И. Макушина в Томске, основанный в 1873 г. К концу 80-х гг. он уже обслуживался 16 сотрудниками⁹⁵ и имел до 6 тыс. названий книг. В нем была широко представлена литература по всем отраслям знания, о чем свидетельствовали 19 разделов его печатных каталогов⁹⁶. Большое внимание уделялось правоведческим и социально-экономическим изданиям, медицинской, технической книге, беллетристике. Тщательно подбирались учебники и учебные пособия, книги для детей и народного чтения. Основную массу книг составляли петербургские и московские издания, но можно было встретить и работы, выпущенные в Варшаве, Вильно, Вятке, Киеве, Одессе, Тифлисе, Харькове, Ярославле и других городах. Значительное место занимала литература, связанная со всесторонним изучением Сибири.

В 80-х гг. Сибирский книжный магазин стал комиссионером Томского университета по приобретению отечественных изданий, Государственной типогра-

фии в Петербурге и Синодальной типографии в Москве. Это также повлияло на ассортимент распространяемой им литературы.

В 1892 г., расплатившись с В.В. Михайловым, П.И. Макушин стал единственным владельцем книжного магазина. Вскоре после этого (в 1894 г.) он получил финансовую возможность продавать книги по столичным ценам, без надбавки за пересылку⁹⁷.

Как и в 70-х гг., П.И. Макушин не ограничивал свою книготорговую деятельность Томском, стремясь продвинуть книгу в глубь Сибири. В 1891 г. он организовал книжную торговлю в продовольственной лавке на строящемся в это время Обь-Енисейском канале. В район строительства было отправлено значительное количество книг, которые охотно раскупались рабочими. Однако по предписанию Министерства внутренних дел предприятие вскоре было ликвидировано из опасения революционной пропаганды⁹⁸. В том же году П.И. Макушин распространял книги среди сельского населения с помощью некоторых свердловских книгопродавцов. Начинанием П.И. Макушина первой половины 90-х гг. была организация книжного магазина в Иркутске.

Сразу после открытия книжной торговли в Томске П.И. Макушин стал получать приглашения из Иркутска открыть подобный магазин и для Восточной Сибири. На первых порах П.И. Макушин не располагал для этого достаточными средствами и не видел надежных и профессионально грамотных людей, которые могли бы возглавить предприятие. В начале 1893 г. он отправился в Иркутск и лично оценил потребности города в солидном книготорговом заведении. 19 февраля 1893 г. разрешение на открытие в Иркутске книжного магазина было получено, и в конце июня в город прибыл большой транспорт книг из томских запасов. В Москву и Петербург были посланы заказы на книги для высылки непосредственно в Иркутск. Заведывание магазином было возложено на двоюродного брата П.И. Макушина — В.М. Посохина.

Магазин имел богатый подбор книг по всем отраслям знания. В нем продавались учебники, учебные и наглядные пособия, а также ноты, карты, глобусы, "образовательные" игры, канцелярские товары. Через книжный магазин можно было выписать все имевшиеся в нем или на складе книги на русском и иностранных языках и ноты в любой пункт Сибири, подписаться на любое периодическое издание по ценам, установленным редакциями. Выбор книг был рассчитан на самых разных покупателей — здесь продавались роскошные дорогие подарочные издания и копеечные книжки для народа⁹⁹.

Отдел народных изданий был одним из самых крупных в магазине. Здесь всегда имелись книги, выпускаемые Петербургским, Московским, Харьковским комитетами грамотности, издательством "Посредник", обществом распространения народных книг, Синодальной типографией, издания И.Д. Сытина, А.М. Калмыковой, А.С. Суворина, Ф.Ф. Павленкова и др.¹⁰⁰ Большое внимание уделялось детской литературе.

За 25 лет (с 1873 г.) через книжные магазины П.И. Макушина в Томске и Иркутске было ввезено в Сибирь и распродано несколько миллионов книг. Книжная торговля П.И. Макушина получила широкую известность в России. С ним имели дело такие крупные книгопродавцы и издатели, как И.Д. Сытин, А.Ф. Маркс, М.М. Стасюлевич, К. и И. Глазуновы и др. При книжных магазинах П.И. Макушина были открыты склады изданий многих книгопродавцов и книгоиздателей, стремившихся приблизить книги к сибирскому покупателю.

Деятельность П.И. Макушина по созданию книжных магазинов, продвижению книги в народные массы по своему содержанию и культурному значению не

укладывается в рамки обычного коммерческого предприятия. Его широкая программа борьбы с неграмотностью несла на себе печать культурного подвижничества.

Если в Томске активная книготорговая деятельность П.И. Макушина значительно сужала потенциальные возможности других предпринимателей¹⁰¹, то в Иркутске книжные магазины существовали и до фирмы П.И. Макушина и В.М. Посохина, и параллельно с ней. Это связано с богатыми книжными традициями города, а также с умением предпринимателей откликнуться на разнообразные книжные потребности иркутян. По количеству книготорговых заведений Иркутск в 80—90-х гг. значительно опережал все сибирские города. В отдельные годы здесь насчитывалось до 10 книжных магазинов и лавок¹⁰², обладавших своими специфическими чертами. В 1887 г., например, открылся магазин учебных пособий Воронина. В нем продавались не только учебники, но и другие книги, однако главное место занимали игрушки. В 1889 г. открылся книжный магазин И.М. Гавриловича (просуществовал недолго), в 1891 г. — книжный магазин А.Л. Кадес¹⁰³.

Заметную роль в культурной жизни города приобрела в эти годы букинистическая торговля. Фигура мелкого торговца-букиниста, часто полуграмотного, скупавшего за бесценок книги на "барахолках", аукционах или складах (оптом) и затем продававшего их по невысокой цене, была характерна для многих провинциальных городов России¹⁰⁴.

В Сибири же наиболее благоприятные условия для букинистической торговли сложились именно в Иркутске. По словам Н.С. Романова, "едва ли найдется в России другой город, на барахолку которого выбрасывалась бы такая масса книг, как в Иркутске"¹⁰⁵. С 80-х гг. XIX в. иркутская "барахолка" стала неким культурным центром, привлекавшим к себе как интеллектуалов города, так и книготорговцев-букинистов, скупавших книги для перепродажи.

Одним из первых иркутских заведений букинистической торговли была лавка А.Ф. Захарова, открытая в 1879 г. Вскоре она пострадала от пожара, но в 1882 г. была вновь открыта и вскоре преобразована в книжный магазин. Через год на том же месте А.Ф. Захаров построил новое двухэтажное здание, на первом этаже которого размещалась книжная торговля. Предприятие А.Ф. Захарова было организовано по типу столичных букинистических магазинов, где продавались книги как старые, так и новоизданные. Здесь имелся большой запас учебных, научных, художественных книг, изданий религиозного содержания, а также икон и картин. Иногородние покупатели могли заказать любое издание по почте. Из-за отсутствия конкуренции книги продавались по довольно высоким ценам. Как и в других подобного типа магазинах, подбор книг не отличался системностью и полнотой.

Среди других иркутских заведений букинистической торговли можно назвать лавку Фомина (открыта в 1888 г.), книжные магазины Н.А. Боженко, А. Бондаренко, Л. Карматских, Петрова (начало 90-х гг.). Особенно выделялась среди них по количеству книг и торговым оборотам букинистическая лавка выходца из крестьян Владимирской губернии Д.И. Лужина (открыта в 1891 г.)¹⁰⁶.

Помимо Томска и Иркутска, книготорговые заведения возникали и в других городах Сибири и Дальнего Востока. Наиболее основательно и стабильно книжная торговля развивалась в Омске, где продолжали действовать открытые в 70-х гг. магазины В. Орлова и О.А. Александрова.

В 80-х гг. книжный магазин О.А. Александрова перешел в руки отставного штабс-капитана, гласного городской думы А.С. Александрова. Магазин и библиотека размещались в деревянном двухэтажном доме. Магазин распола-

гал большим выбором книг, в том числе учебников, нот, имел склад педагогических игр и игрушек, производил розничную продажу газет¹⁰⁷. Стремясь привлечь внимание к своему заведению не только омичей, но и иногородних, а также сельских покупателей, А.С. Александров выпустил ряд печатных каталогов, которые раскрывали содержание наиболее значительных отделов магазина, подарочных изданий для детей и юношества, нот, книг для начальных, сельских и церковно-приходских школ¹⁰⁸. Иногородним заказчикам магазин высылал книги и ноты по столичной цене с учетом стоимости пересылки.

В Красноярске первый книжный магазин открылся в 1885 г. Он принадлежал мещанину А.Ф. Комарову, позднее гласному красноярской думы. Книжная торговля просуществовала вплоть до смерти А.Ф. Комарова в конце 1907 г.¹⁰⁹

На протяжении 80—90-х гг. продолжала действовать книжная торговля Н.В. Скорнякова в Енисейске, зародившаяся при его публичной библиотеке еще в 70-х гг. В книжной лавке продавались по преимуществу учебные, детские и народные книги¹¹⁰. В 90-х гг. в Енисейске открыла книжный склад В. Баландина. Книги здесь продавались по издательской цене, можно было встретить собрания сочинений русских классиков¹¹¹.

В Тобольске в 1886 г. открыл книжный магазин сургутский мещанин А.С. Суханов. Магазин располагал учебными и "вообще русскими книгами"¹¹².

Очень короткое время в 1893—1894 гг. в Тюмени действовал музыкальный магазин (с продажей нотных изданий), открытый А.М. Афромеевым на имя жены — С.М. Афромеевой. После смерти жены музыкальная торговля и запас нот были переданы казанскому музыкальному магазину "Восточная лира"¹¹³.

В Ачинске в 1894 г. бывшей политической ссыльной Е. Троицкой была открыта книжная лавка, просуществовавшая до 1916 г. В ней продавались в основном детские книги, учебники и учебные пособия¹¹⁴.

Сведения о многих книжных магазинах и лавках Сибири отрывочны и скудны. О некоторых из них можно встретить лишь упоминания в справочниках прошлого века или архивных материалах. Так, известно, что в Барнауле в 1881—1882 гг. действовали книжные лавки купцов С. Сбитнева и Л. Морозова¹¹⁵, в Тюмени в 1882 г. существовала книжная лавка мещанина С.П. Масловского¹¹⁶, в 1892 г. — книжные лавки екатеринбургского купца В. Иовлева и крестьянина Тульской губернии Е. Лопухова¹¹⁷. По-видимому, работа этих заведений была кратковременной.

Об отсутствии специальной книжной торговли в Барнауле сообщалось в отчете Общества попечения о начальном образовании за 1891 г.: "... в городе нет ни одного книжного магазина и спрос на книги кое-как удовлетворяется случайным предложением "колониальных" и других магазинов, где часто приходится довольствоваться устарелыми изданиями или совсем не находить нужных"¹¹⁸.

О том, насколько трудно и медленно налаживалась книжная торговля в сибирских городах, можно судить по ее становлению в Бийске. С конца 80-х гг. здесь пытался организовать книготорговое дело и, видимо, безуспешно владелец частной типографии, библиотеки и кабинета для чтения И.Д. Ребров. Открытие книжного магазина И.Д. Реброва летописцы Бийска относят к 1895 г. (именно в это время за недостатком подписчиков закрылась его библиотека)¹¹⁹. По воспоминаниям старейшего бийского краеведа Л.А. Мальцева, на базаре, вблизи пристани, был открыт киоск, где продавались газеты, календари, тетради. Велась продажа книг, главным образом учебников и лубочных изданий, и при типографии И.Д. Реброва¹²⁰.

В 1895 г. пытались открыть книжную торговлю в Бийске и другие предприниматели, например: "запасно-отпускной унтер-офицер Тобольской губернии" Д.М. Пыхтунов, бийские купцы В.Г. Пискарев и И.И. Кузнецов, о чем свидетельствовали их прошения к томским губернским властям¹²¹. Однако реальные условия для успешного развития книжной торговли в Бийске сложились лишь в начале XX в.

Особенно трудно развивалась книжная торговля на дальневосточных окраинах России. Первые книжные лавки в Забайкалье стали появляться лишь к 90-м гг. XIX в. В 1890 г. в старинном купеческом центре Кяхте (Троицкосавске) С.Я. Синицына (жена кяхтинского купца) открыла книжно-картинный склад для распространения литературы в Забайкальской области. Здесь продавались народные и детские издания, работы Петербургского комитета грамотности, "Посредника" и других издательств, учебные пособия, школьные принадлежности¹²². По сведениям очевидцев, торговля шла вполне успешно.

В 1894 г. получил разрешение на заведение в Чите лавки для продажи книг и продолжающихся изданий с кабинетом для чтения иркутский мещанин Н.А. Боженко¹²³, однако о дальнейшей судьбе его предприятия ничего неизвестно. Большую популярность в Забайкалье получила книготорговая инициатива другого иркутянина — Л. Карматских, который в начале 90-х гг. развернул развозную продажу книг. В 1895 г. он завел в Чите постоянную книжную торговлю из обычной рыночной лавочки¹²⁴.

Из молодых дальневосточных городов книжные потребности раньше всего дали о себе знать во Владивостоке. Главный российский порт на Тихом океане, средоточие сил армии и флота на востоке страны, Владивосток в то же время притягивал к себе многочисленные отечественные и иностранные компании и фирмы. Деловая предприимчивость нахлынувшего сюда капитала создавала некоторые условия и для развития книжной торговли. Первые попытки завести во Владивостоке книжную торговлю относились к середине 80-х гг. XIX в. Все возраставший спрос на печатное слово побуждал отдельных коммерсантов завозить в край вместе с другими товарами и книги, которые порой попадали в продажу без дозволения властей. Владивостокский военный губернатор в 1885 г. с тревогой отмечал, что "в магазине Сивлякова и некоторых других купцов производится торговля печатными книгами без надлежащих на то разрешений"¹²⁵. До столичного цензурного комитета доходили сведения и о бесконтрольном проникновении во Владивосток иностранных изданий¹²⁶. Все это заставляло местные власти усилить надзор за пробуждающейся книгопродавческой деятельностью.

Отдельные опыты книжной торговли, носящей, как правило, эпизодический характер, предпринимали представители различных торговых фирм. Так, в 1887 г. "доверенный временного Владивостокского 2-й гильдии купца Эрвина Кунгардта, временно Владивостокский 2-й гильдии купец И.Ив. Кустер" просил разрешения на продажу книг в связи с тем, что получил из Москвы на пароходе "Петербург" багаж учебных, художественных и иных изданий и коллекцию печатных нот¹²⁷. В том же году была разрешена продажа книг для детского чтения из магазина представителя старейшего во Владивостоке Торгового дома Кунст и Альберс¹²⁸.

Книготорговая деятельность отдельных коммерсантов приобретала относительную стабильность. Так, в 1885 г. получил разрешение держать для продажи при своем магазине разных товаров во Владивостоке "книги как учебные, так и детские и прочие" германский подданный Густав Кемн. Месяцем раньше на его имя был прислан ящик, содержащий "55 дюжин разных детских книг"¹²⁹. В магазине Г. Кемна продавались книги и в последующие годы. Его книжная торгов-

ля, как и торговля Сивлякова, зафиксирована в петербургском справочнике книготорговцев и издателей за 1897 г.¹³⁰

Предпринимались в эти годы и попытки организовать во Владивостоке специальную книжную торговлю. В ноябре 1885 г. просил разрешения открыть книжный магазин "кандидат коммерческих наук" В.Г. Руберг. Он считал себя человеком, опытным в книжном деле, работавшим "как в русских, так и иностранных магазинах около 10 лет"¹³¹. Однако реальных следов его книготорговой деятельности на Дальнем Востоке обнаружить не удастся. По-видимому, безуспешной оказалась и попытка открыть в 1887 г. во Владивостоке книжную торговлю коллежского асессора А.Д. Бемаева.

Единственным специальным книготорговым заведением, которое реально существовало на Дальнем Востоке в изучаемый период, был владивостокский магазин С.А. Зензинова. Первые сведения о нем относятся к 1887 г., когда при чайном магазине Шулынгина С.А. Зензинов открыл торговлю книгами¹³². На первых порах выбор изданий был ограничен. К середине 90-х гг. книжная торговля С.А. Зензинова превратилась в солидное самостоятельное предприятие. Покупка книг в магазине С.А. Зензинова жителям Приамурского края обходилась дешевле, чем самостоятельная их выписка из Европейской России¹³³.

Таким образом, специальная книжная торговля за Уралом в 80-х — первой половине 90-х гг. сделала весьма ощутимый шаг вперед по сравнению с предшествующим периодом. Наличие такой торговли в той или иной мере обнаруживается в большинстве городов края. Однако отсутствие железнодорожного сообщения, дороговизна книжных перевозок, неустойчивость читательского спроса основной массы населения и в эти годы были серьезным тормозом для развития книготоргового предпринимательства. Продажа изданий через книжные магазины, лавки, ларьки, особенно в районах, отдаленных от Томска и Иркутска, и теперь удовлетворяла лишь незначительную часть книжных потребностей жителей края, а в сельской местности преобладала развозная торговля случайными и лубочными изданиями.

Распространение книг обществами, организациями, политическими ссыльными

Как и в предыдущие десятилетия, в 80—90-х гг. XIX в. большую работу по распространению книги проводили различные общества и организации. В этот период значительно увеличилось количество научных и культурных учреждений, которые просвещение народа, в том числе и через книгу, считали одной из важнейших своих задач.

В ограниченных масштабах книготорговые функции продолжали брать на себя библиотеки, особенно в тех городах, где слабо развивалась специальная книжная торговля. Так, в 1887 г. был открыт книжный магазин при библиотеке Н.И. Березницкого в Тюмени. Часть книг, предназначенных для библиотеки, была выставлена на трех магазинных полках. Книжная торговля не вызывала широкого интереса городских жителей.

В 1890 г. книжная лавка для продажи книг, географических карт и прочей печатной продукции была открыта при ишимской общественной библиотеке, принадлежавшей городской управе. Устройством лавки занимался купеческий сын А.А. Кутырев. На свои средства он закупил учебники, учебные пособия, картины. Лавка обслуживала учащихся трех учебных заведений Ишима, которые остро нуждались в книгах.

Некоторые библиотеки продолжали брать на себя комиссию по выписке газет и журналов, например: библиотека И.Д. Реброва в Бийске, публичная библиотека в Минусинске, библиотека А.С. Суханова в Тобольске, библиотека И.И. Парфентьева в Красноярске.

Продолжала развиваться книжная торговля при типографиях и редакциях газет. Самым крупным заведением подобного рода оставался книжный магазин при типолитографии Н.Н. Сеницына, основанный в 1867 г. Печатный каталог магазина за 1895 г.¹³⁴ содержал более 600 изданий по основным разделам: 1) книги духовно-нравственного содержания, 2) законоведение и политико-экономические науки, 3) история, география, этнография, естествознание и медицина, 4) словесность, 5) учебные руководства и пособия, 6) смесь, справочники, хозяйство, техника, 7) книги для детей, 8) карты, 9) типолитографские работы: портреты, рисунки, поздравительные открытки, таблицы, бланки, ярлыки и т.д. В газетах "Сибирь" и "Сибирская газета" регулярно помещалась информация о новых поступлениях магазина, отмечался большой выбор детских книг, календарей, появление в продаже местных изданий.

В 1886 г. книжная торговля возникла при конторе редакции иркутской газеты "Сибирь". Магазин принимал подписку по ценам редакций на русские газеты и журналы и по ценам столичных книгопродавцов на иностранные журналы. С помощью магазина можно было выписать книги, карты, ноты. Принимались также на комиссию от издателей, книгопродавцов и частных лиц книги, карты, учебные пособия, ноты, гравюры с фотографий¹³⁵. Таким образом, склад при газете "Сибирь" обретал черты букинистического книготоргового заведения.

С Иркутском связано еще одно интересное книготорговое начинание — в 1888 г. Н.М. Ядринцев пытался организовать "Восточно-Сибирский книжный склад" при газете "Восточное обозрение". Он ставил перед собой задачу сделать книгу дешевой и доступной самой широкой читательской аудитории. Н.М. Ядринцеву было выдано свидетельство на право открытия книжной торговли с кабинетом для чтения. Задуманному начинанию не удалось полностью осуществиться. С отъездом Н.М. Ядринцева в 1889 г. из Иркутска значение книжного склада стало падать¹³⁶.

С 80-х гг. заметную роль в продвижении книги к читателю стали приобретать музеи. Первым на насущную потребность времени откликнулся основатель Минусинского местного музея Н.М. Мартьянов, много сделавший для распространения в Минусинском уезде книг издательства "Посредник" (рассказов Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова и др.). В 1885 г. в южных селах и деревнях уезда было продано 6750 изданий этой фирмы, в Абаканской волости — 650 экз., Каратузской — 230, Тесинской — 660, Шушенской — 320 экз. Главной причиной такой покупательской активности сельского населения была дешевизна книжек с картинками, которые продавались по 1,5 к. Многие книжки через агента Минусинского музея Юхнева в разных местах округа раздавались бесплатно (всего было роздано 198 экз.). Такая культурная акция музея стала возможной благодаря иркутскому золотопромышленнику и меценату И.М. Сибирякову, посылавшему Н.М. Мартьянову бесплатно издания "Посредника"¹³⁷.

Проявлял инициативу по распространению книг и Нерчинский публичный музей. В 1890 г. комитет библиотеки, созданной при музее, намечал организовать продажу в восточной части Забайкалья научно-популярных, религиозно-нравственных и иных книг по стоимости, которая бы окупала лишь расходы по выписке изданий и организации самого дела¹³⁸. С начала 90-х гг. велась книжная торговля и при Тобольском губернском музее.

Продажу литературы по определенной отрасли знания иногда предпринимали научные общества и некоторые ведомства. Например, при штабе Омского военного округа был учрежден склад изданий Главного штаба, предназначенных для продажи¹³⁹. В библиотеке Омского медицинского общества выделялись книги для продажи или обмена¹⁴⁰.

К организациям, занимавшимся распространением учебной литературы и книг для народа, принадлежал Комитет грамотности при Енисейском губернском статистическом комитете. В 1892 г. от Петербургского Комитета грамотности при Императорском Вольном экономическом обществе он получил 2219 разных книг для рассылки их в церковно-приходские школы Енисейской губернии. Кроме этих изданий Енисейский губернский статистический комитет разослал по школам еще партию книг на 1000 р., пожертвованных И.М. Сибиряковым¹⁴¹.

В конце 80-х — начале 90-х гг. в России усилилось движение интеллигенции, направленное на "оздоровление" народного чтения, борьбу с влиянием лубочной литературы. В городах и крупных селах стали создаваться книжные склады, снабжавшие школы учебниками и учебными пособиями, а местное население — дешевыми изданиями для народного чтения. В Европейской России наиболее активными посредниками между книжным рынком и потребителем выступали земства. В Сибири при отсутствии земства эту роль брали на себя общества попечения о начальном образовании.

В 80-х гг. такие общества были созданы в Томске, Омске, Барнауле, Красноярске, Тюмени, Енисейске, Минусинске и других городах. Вопрос об организации книжных складов народных изданий поднимался ими уже в конце 80-х гг., но реально мог быть решен лишь к середине 90-х гг., а кое-где лишь в самом конце века. Затруднял дело недостаток средств — ведь общества предполагали продажу книг по самой низкой, номинальной стоимости. К тому же общества сознательно отказывались от продажи самых ходовых, заведомо раскупаемых в среде сельского и низовых слоев городского населения лубочных изданий, оракулов, сонников и другой подобной литературы. Ограничивало их действия и распоряжение 1890 г., по которому складам обществ попечения о начальном образовании, как и народным библиотекам, разрешалось иметь лишь книги, внесенные в специальные каталоги, составленные Министерством народного просвещения и Синодом. В него входили в основном работы, специально выпущенные для народного чтения. Каталог включал менее 10% изданий, допущенных цензурой к обращению на книжном рынке¹⁴². Все это сковывало просветительскую инициативу интеллигенции. И тем не менее, книжные склады обществ попечения о начальном образовании сыграли свою роль в распространении книги среди широких слоев населения.

Наибольших успехов в этом деле достиг книжный склад Общества попечения о начальном образовании в Красноярске. Он был открыт в 1893 г. на средства, собранные учащимися-сибиряками в Петербурге. Молодежь прислала до 3 тыс. экз. книг, которые очень быстро разошлись. Всего на складе в 1894 г. было около 8940 книг для чтения и 251 картина, из них во время народных чтений продано 650 экз., на пароходах — 565, на базаре — 329, передано на комиссию 7127 экз. Организаторы склада распространяли литературу не только в Красноярске, но и в губернии. В 1894 г. было организовано 18 пунктов продажи (из них 8 — в Красноярском округе, 6 — в Минусинском, 3 — в Енисейском). К распространению книг привлекались комиссионеры, в основном народные учителя¹⁴³.

Своей особой просветительной активностью и демократичностью отличалась книгораспространительская деятельность Общества попечения о начальном образо-

вании в Енисейске. Благодаря финансовой поддержке В. Баландиной, дети бедных родителей уже в конце 80-х гг. получали учебники из склада общества бесплатно. В 1888 г. обществом было продано книг на 47 р. Организовывалась продажа изданий на пароходах "Гленшор" и "Св. Николай"¹⁴⁴.

В 80—90-х гг. XIX в. усилили работу с книгой не только просветительные общества, но и религиозные организации. За Уралом распространением религиозной литературы занимались церкви и монастыри, Комитет по устройству религиозно-нравственных чтений в Иркутске, Тобольское епархиальное братство св. великомученика Димитрия Солунского, Благовещенское "Православное братство" и другие организации. Дешевые и бесплатные листки и брошюры, издаваемые епархиальными ведомствами, нередко распространялись перед службой в церквях, во время занятий в вечерних школах¹⁴⁵. Так, бесплатно раздавались после воскресных религиозно-нравственных чтений при Тобольском кафедральном соборе листки Тобольского епархиального братства, выходившие с 1894 г.¹⁴⁶ В 90-х гг. существовал книжный склад при Спасском соборе мужского монастыря г. Киренска Иркутской губернии¹⁴⁷.

Расширило свою религиозно-просветительную деятельность на востоке страны и Русское общество распространения Священного писания. В начале 80-х гг. от общества были посланы за Урал книгоноши И.Т. Рудченко и С.Г. Ткачев. Только в Красноярске за восемь дней ими было продано около 1000 экз. изданий религиозного характера, в Енисейске — до 1400 экз. Много книг было распродано в окрестностях Минусинска и Ачинска среди сельских священников и прихожан. Всего за 1881—1883 гг. в Енисейской губернии обществом было продано около 4000 экз. книг¹⁴⁸. Русское общество распространения Священного писания отправляло книгонош и на Дальний Восток (пароходом через Одессу). В 1882 г. один из представителей этого общества, по сведениям А.А. Бахтиярова, распространил среди солдат, жителей и арестантов Благовещенска, острова Сахалин и иных мест края якобы около 10 тыс. экз. книг¹⁴⁹. В 80-х гг. с целью распространения по минимальным ценам книг Священного писания посещал Приамурский край член общества И.К. Голубев. Среди бедного люда, в больницах, богадельнях и тюрьмах издания, по-видимому, распространялись и бесплатно¹⁵⁰. В 90-х гг. общество организовало склады книг религиозно-нравственного содержания в сибирских книжных магазинах П.И. Макушина в Томске, Иркутске, доме книгопродавца А.И. Лукоянова в Красноярске. Многим сибирякам разрешалось торговать от этого общества по селам¹⁵¹.

Как и в предшествующие десятилетия, распространением изданий религиозно-нравственного содержания продолжали заниматься попечительные общества о тюрьмах. Известно, например, что весной 1885 г. Пермский тюремный комитет выслал в адрес Забайкальского областного попечительного о тюрьмах общества 860 экз. "Молитвенников для заключенных", изданных на средства комитета протоиереем Е. Поповым. В Нерчинский тюремный замок было отправлено 500 книг, в Читинский — 152, Верхнеудинский — 50, остальные экземпляры были переданы для раздачи арестованным в полицейские учреждения области¹⁵².

Распространением христианского вероучения, а также богослужебных и религиозно-нравственных книг на языках коренных народов Сибири и Дальнего Востока продолжало заниматься Православное миссионерское общество¹⁵³. Однако никакие, самые энергичные усилия миссионеров не могли насытить огромные пространства края с его кочующим населением ощутимым для данной среды количеством книг. Издания, выпускаемые в количестве 100, 400 и даже 1000 экз., нередко оказывались в миссионерских станах представленными

единичными экземплярами. К самим представителям коренного населения учебные и религиозные книги на их языках попадали редко, поэтому "инородческая среда", как правило, оставалась бескнижной.

Наибольшие усилия в распространении изданий на национальных языках (алтайском, шорском, казахском) прилагала Алтайская духовная миссия. Начальник миссии епископ Макарий (Невский) заботился о снабжении церквей и молитвенных домов богослужебными книгами на языке аборигенов, завел традицию дарить книги ученикам миссионерских школ, награждать книгами певчих церковных хоров¹⁵⁴.

При Алтайской духовной миссии в Бийске была организована книжная торговля. Здесь можно было купить "Граматику алтайского языка" 1869 г., "Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка" В.И. Вербицкого, богослужебные книги, жития святых и поучительные статьи на алтайском языке, "Миссионерский дорожник" и другие издания¹⁵⁵. У алтайцев чаще, чем у представителей других ранее бесписьменных народов Сибири и Дальнего Востока, можно было встретить книгу в личном пользовании.

Более тесные контакты с произведениями печати складывались у тех сибирских народов, которые имели древние книжные традиции (восточные буряты, татары). Несмотря на попытки российских властей ослабить влияние буддийской литературы на бурят Забайкалья, в их среде в 80—90-х гг. продолжали распространяться священные и богослужебные книги на тибетском и старомонгольском языках, напечатанные в дацанах и привезенные из Китая, Монголии, Тибета. В среде татар Тобольской губернии можно обнаружить отдельные очаги мусульманской книжности.

Особая роль в накоплении книжных богатств за Уралом и их распространении принадлежала политическим ссыльным. Трудно сказать, какая доля книг, вращавшихся на востоке страны, завезена была ими — по-видимому, не очень значительная. Однако можно уверенно определить содержание привозимой ими книжной продукции. Как правило, это были издания, которыми зачитывалась образованная и революционно настроенная Россия тех лет. Книги, журналы, газеты, которые формировали политическое, этическое, историческое, философское мировоззрение нового поколения.

Политические ссыльные 80-х — первой половины 90-х гг. чаще всего отправлялись в Сибирь надолго; многие из них, уже отбыв срок каторги, жили на поселении. Наличие книг для тех и других было главным условием интеллектуального выживания, поэтому забота об умственной пище становилась для них одной из важнейших. По мере возможности ссылаемые везли книги с собой. Будущим каторжанам разрешалось иметь багаж весом не более 25 фунтов, административным ссыльным — до 5 пудов. Поэтому книги, которых, по воспоминаниям Л.Г. Дейча, накапливалось немало за время сидения в Бутырках, распределялись на всех¹⁵⁶.

Переписка ссыльных с находящимися на свободе содержала многочисленные просьбы о высылке новых газет, журналов, книг, сведения о полученной литературе. Присылаемые на имя каторжан книги, особенно на иностранных языках, доставляли массу хлопот тюремным начальникам, не способным разобраться в содержании работ. Нередко полученные издания отправлялись на просмотр к губернатору, от него пересылались в Главное управление по делам печати и лишь после этого возвращались обратно в Сибирь¹⁵⁷. Но несмотря на цензурное усердие местных органов власти, нелегальная и запрещенная литература проникала в среду политических заключенных в большом количестве. Издания обычно при-

сылались на имя их знакомых или родственников, а в тюрьму передавались нелегально — расшитыми на отдельные части и страницы, вставленными в переплеты от других книг и т.д.

Иногда заключенным удавалось получать запрещенные издания непосредственно из-за границы. Так, до узников карийской каторги дошли комплекты журнала "Neue Zeit" за несколько лет, высланные книгоиздателем Дицем из Штутгардта "Его превосходительству г-ну губернатору Забайкальской области для Льва Дейча". Получили карийцы и все выпуски "Социал-демократа", издаваемого в Женеве¹⁵⁸. До заключенных вилюйской тюрьмы из Парижа изредка доходил "Temps".

Таким образом, в отдельные каторжные тюрьмы Якутии, Забайкалья и других отдаленных мест поступало большое количество отечественных и зарубежных изданий. Часть из них, благодаря сохранившимся литературным связям сибирских узников, заботам их родственников и знакомых, безвозмездно присылалась рядом издательств (например, Ф.Ф. Павленкова, Л.Ф. Пантелеева и др.), редакциями многих демократических журналов¹⁵⁹.

Большое количество периодических изданий каторжане выписывали сами, создавая для этого специальные "библиотечные" кассы. В результате политические заключенные глухих каторжных поселений оказывались порой владельцами богатейших коллективных книжных собраний, которые из года в год тщательно подбирались, пополнялись, учитывались и интенсивно использовались, а позднее становились полноправной интеллектуальной собственностью края.

Помимо тюремных книжных собраний, интеллектуальным достоянием Сибири становились и многие личные библиотеки политических ссыльных, которые они перевозили из Европейской России или собирали за время ссылки. Политические ссыльные Западной и части Восточной Сибири, имевшие тесные контакты между собой и с местным населением, помимо научных занятий, как и в предшествующий период, продолжали вести революционную пропаганду, распространяли нелегальную литературу.

После 1 марта 1881 г. и разгрома исполнительного комитета "Народной воли" в России стала создаваться в ее поддержку массовая подпольная организация "Красный крест Народной воли". В Сибири наиболее крупными отделениями этой организации были Томское, Тюменское и Иркутское. Помимо помощи заключенным и организации их побегов, "Красный крест Народной воли" ставил перед собой задачу распространения революционной литературы. Вдоль главного тракта Сибири создавалась цепочка опорных пунктов — Томск, Кольвань, Каинск, Еланское, Омск, Тюкалинск, Ишим, Ялуторовск, Тюмень, по которой должны были передаваться нелегальные издания.

В Сургуте получали большое количество газет из Петербурга, Харькова, Одессы. В Тюмени к следствию по делу о перевозке нелегальной литературы были привлечены многие местные жители — чиновник, купец, приказчик пароходовладельца, перевозчик ссыльных и другие¹⁶⁰.

В иркутскую организацию "Красный крест Народной воли" входил кружок Н.К. Неустроева. Запрещенные издания поступали сюда из Томска и Тобольска.

Таким образом, книжные интересы политических ссыльных 80-х — первой половины 90-х гг., способствовали распространению за Уралом широкого круга изданий, разнообразного по своей тематической, целевой и идейной направленности.

Распространение местных изданий

В последней четверти XIX в. в Сибири и на Дальнем Востоке накопился довольно значительный объем местной печатной продукции, издатели которой должны были находить пути ее реализации¹⁶¹. Так как наиболее распространенные виды местных изданий (работы, выпускаемые по инициативе органов управления, многочисленных просветительных, благотворительных, научных и иных обществ) не являлись ответом на конкретные читательские запросы населения, то нельзя было рассчитывать на их товарную значимость. Поэтому одним из главных механизмов продвижения местной книги к читателю была "безденежная" форма ее распространения.

Незначительная часть местных произведений печати (прежде всего, связанных с деятельностью губернских правлений и подведомственных им статистических комитетов) частично подвергалась принудительному административному книгораспространению "сверху". Так, в 1889 г. Забайкальское областное правление отправило бандидо-хамбо ламе (главе буддийского духовенства) 34 экземпляра "Памятной книжки Забайкальской области за 1882 г." Деньги же предлагалось выслать в адрес Забайкальской областной типографии¹⁶².

Большая часть изданий статистических комитетов, просветительных, научных и иных обществ распространялась путем безденежной рассылки в заинтересованные учреждения, при этом предполагался взаимный обмен печатной продукцией. Такой способ распространения изданий помогал установить связи между родственными учреждениями и обществами, наладить обмен опытом работы, пополнить библиотеки нужной литературой, известить общественность о результатах деятельности организаций. Так распространялись обзоры губерний (приложения к всеподданнейшим отчетам губернаторов), отчеты, уставы, протоколы заседаний различных учреждений и обществ, памятные книжки, адрес-календари и прочие подобные издания. Большое внимание распространению своих работ уделяли научные общества и музеи.

Взаимный обмен научными изданиями во второй половине XIX в. широко практиковался по всей России (да и в мировом масштабе тоже). Для его упорядочения была предусмотрена специальная форма печатного бланка. Соглашения о "правильном обмене изданиями" ежегодно возобновлялись.

Труды научных обществ и музеев Сибири и Дальнего Востока по договору о взаимном обмене изданиями направлялись в самые разные города империи. Среди них — Архангельск, Астрахань, Баку, Варшава, Екатеринбург, Казань, Киев, Минск, Москва, Одесса, Петербург, Симферополь, Тифлис, Харьков и др. Издания сибирских научных обществ получали такие организации, как Главная физическая обсерватория и Геологический комитет в Петербурге, Общество испытателей природы и Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве, Варшавский университет, Казанское экономическое общество, многочисленные губернские статистические комитеты и др.

Был налажен обмен изданиями и с такими научными учреждениями, как Американское философское общество в Филадельфии, Бельгийское общество астрономии и метеорологии в Брюсселе, Бельгийское королевское общество, Берлинское общество антропологии, этнографии и древней истории, Британский музей, географические общества в Перу и США, статистический комитет в Праге, университеты в Чикаго и Токио и т.д. Сибирские издания рассылались в Брюссель, Буэнос-Айрес, Вашингтон, Вену, Лейден, Лейпциг, Лондон, Манчестер, Париж, Софию, Токио, Упсалу, Чикаго и многие другие города мира¹⁶³.

При всей развитости безденежной рассылки сибирских и дальневосточных изданий, эта форма распространения местной книжной продукции была далеко не

единственной. Издающие организации и частные инициаторы книгоиздания принимали активные меры по продаже своих работ, строго рассчитывали тиражи и возможности их платного и бесплатного распространения.

Система купли-продажи местных изданий, как и книжная торговля в целом, с трудом утверждалась в Сибири и на Дальнем Востоке на протяжении всей второй половины XIX в. Первым, наиболее гарантированным способом "денежного" распространения произведений местной печати была предварительная подписка. Издающие организации оповещали сибирскую общественность о предполагаемом или выходящем издании, условиях и местах подписки и продажи через местные газеты, рекламные объявления на обложках выходящих работ и т.д. Широко использовался апробированный временем способ приглашения населения к подписке по административным каналам.

Другим способом распространения местных изданий была их продажа на комиссионных началах. В условиях слабого развития специальной книжной торговли типографии, библиотеки, музеи, статистические комитеты, духовные миссии, конторы редакций и т.д. занимались приемом местных книг на комиссию (и организацией подписки на них). Так, секретарь Якутского областного статистического комитета 27 мая 1893 г. извещал библиотеку ВСОИРГО, что им "приняты на комиссию для распродажи частью при канцелярии Комитета, частью при Музее" 25 экз. "Очерков крайнего Северо-Востока" (издание отдела). Далее он писал, что "и в будущее время при указанных учреждениях могут быть принимаемы для продажи на комиссию издания Отдела в небольшом количестве экземпляров, преимущественно касающиеся Якутской области"¹⁶⁴. По предложению ВСОИРГО изъявила готовность "взять на себя комиссионную продажу... книг" и Троицкосавская общественная библиотека¹⁶⁵. Часть экземпляров "Алтайского сборника", изданного Обществом любителей исследования Алтая в 1894 г., была передана на комиссию в Барнаульскую общественную библиотеку и Курганский склад¹⁶⁶.

Из разных печатных источников второй половины XIX в. можно узнать о том, что местные издания продавались в библиотеках ВСОИРГО и Омского медицинского общества, в типографии "Сибирской газеты", Тобольском губернском музее, при штабе Омского военного округа, в Алтайской духовной миссии и других учреждениях. В Тобольском губернском музее помещался склад местных изданий. В календарях Тобольской губернии и "Ежегодниках" музея регулярно печатались списки изданий, имеющихся на этом складе.

По мере экономического и культурного развития Сибири все большее участие в распространении местных изданий принимали книжные магазины. Отсутствие печатных каталогов у большинства из них не дает возможности определить степень этого участия, однако можно предположить, что оно не было значительным. По-видимому, книги принимались на комиссию в небольшом количестве. На обложках отдельных сибирских изданий можно встретить рекламные объявления о продаже этих изданий в книжных магазинах В.В. Михайлова и П.И. Макушина в Томске, Н.Н. Сеницына в Иркутске, О.А. Александрова в Омске, А.С. Суханова в Тобольске.

Особое место в пропаганде и распространении местных изданий занимали Сибирский книжный магазин В.В. Михайлова и П.И. Макушина в Томске и книжный магазин П.И. Макушина в Иркутске. На первых порах в Сибирский книжный магазин попадали лишь немногие случайные издания местного производства. В 80-х — первой половине 90-х гг. в магазине продавались памятные книжки и адрес-календари, выпускаемые в Омске, Иркутске, Красноярске, труды ЗСОИРГО

и ВСОИРГО, учебная, правоведческая и другая литература, издававшаяся в Томске и Иркутске. Всегда имелись в большом выборе работы ученых Томского университета.

Внимательное отношение П.И. Макушина к проблемам распространения сибирских изданий не было типичным для местной книжной торговли. Оно связано не столько с высоким уровнем организации книготоргового дела П.И. Макушина (поставленного действительно образцово), сколько с его деятельностью в качестве типографа и издателя. В магазинах были представлены, прежде всего, издания томской, а позднее и иркутской типографий самого П.И. Макушина. Они же и пропагандировались особым образом — выделялись в печатных каталогах, перечислялись отдельными списками в конце каталога. Несомненно более активно, чем в прочие магазины, сюда присылали книги на комиссию и другие сибирские и дальневосточные издатели.

К той же категории комплексного полиграфического, издательского и книготоргового предприятия принадлежало и книжное дело Н.Н. Сеницына в Иркутске. В 1885 г. в каталог книжной торговли при типолитографии Н.Н. Сеницына было включено 13 изданий (10 — иркутских и по одному из Барнаула, Томска, Якутска).

В столичную книжную торговлю сибирские и дальневосточные издания попадали весьма редко, и их подбор носил случайный характер. Например, "Каталог книг за 1891 г.", выпущенный Русским обществом книгопродавцов и издателей (СПб., 1892) включал всего четыре сибирские работы, при том, что около половины представленных в нем книг принадлежало провинциальным типографиям.

При всей случайности попадания местных изданий в книжные магазины и хранилища Европейской России, здесь можно обнаружить и некоторую закономерность. Так, чаще всего за пределами края оказывались иркутские, томские, тобольские и омские книги. По видам изданий наибольшее распространение получили памятные книжки и календари, всевозможные справочники, "Известия" ВСОИРГО и "Записки" ЗСОИРГО. С относительной методичностью собирались периодические издания — губернские и областные ведомости, частные газеты. Однако ни сколько-нибудь представительной информацией о выходивших за Уралом изданиях, ни системностью в их подборе российская книжная торговля и библиотечная сеть не обладали. Значительно более целенаправленно распространение местных изданий шло через каналы непосредственного взаимодействия издающих организаций.

7. РОЛЬ БИБЛИОТЕК В РАЗВИТИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ, НАУКИ, КУЛЬТУРЫ

В 80—90-х гг. XIX в. в Сибири и на Дальнем Востоке усилилась общественная потребность в книге и чтении, возникла необходимость в распространении культурных и технических знаний среди самых разных слоев населения. Это нашло отражение в значительном увеличении числа учебных, публичных, ведомственных и научных библиотек (табл. IV).

Библиотеки учебных заведений

Библиотеки учебных заведений составляли в начале XX в. 78% всех библиотек страны. Преобладали они и в Сибири¹⁶⁷. Пользовались библиотеками учебных заведений преимущественно учащиеся и преподаватели, иногда они обслуживали городское население, выполняя функции публичных.

Фонды библиотек учебных заведений использовались в процессе профессиональной, учебной и самообразовательной деятельности. Фундаментальные библиотеки многих учебных заведений были хорошо подобраны, содержали ценные и редкие издания, и их с полным правом можно назвать научными. Ученические библиотеки включали учебники, методические материалы, литературу для внеклассного чтения, учительские — литературу педагогической тематики, методическую по учебным предметам, однако в большинстве школ ее не хватало.

Система низших общеобразовательных учреждений в 80—90-х гг. состояла в основном из церковно-приходских школ, школ грамотности и училищ духовного ведомства; начальных одноклассных и двухклассных школ и училищ Министерства народного просвещения; существовали миссионерские школы.

В 90-х гг. темпы развития начальной школы возрастают. В 1894 г. в Сибири в начальных школах обучалось 63 749 человек, на Дальнем Востоке — 4303 человека¹⁶⁸. Школьные библиотеки создавались на основе уставов учебных заведений и находились в ведении администрации губернии. Их деятельность регламентировали "Правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними" от 15 мая 1890 г.; надзор осуществлялся Министерством народного просвещения.

В 1884 г. вышли "Правила о церковно-приходских школах", замененные более подробными в 1891 г., согласно которым комплект церковно-приходской библиотеки включал книги религиозно-нравственного, исторического, литературного, географического, бытового содержания. В 90-х гг. в России создается система централизованного снабжения ЦШ литературой, действующая и за Уралом. Количество экземпляров выписываемой литературы зависело от числа учеников и стоимости учебника, крайне скудные средства выделялись на приобретение книг для внеклассного чтения.

Библиотеки церковно-приходских школ были очень немногочисленными и скудно пополнялись книгами — в них явно не хватало изданий для внеклассного чтения, много было книг, для детей не предназначенных¹⁶⁹.

В связи с расширением школьной сети и увеличением контингента учащихся наблюдался значительный рост числа школьных библиотек. За одно десятилетие, с 1880 по 1890 г., во всех начальных и средних школах Восточной Сибири количество книг увеличилось примерно на 80 тыс. томов, или на 48% по отношению к общему числу книг, составлявшему в 1880 г. 170 357 томов¹⁷⁰. Относительно неплохо пополнялись книгами библиотеки при мужских гимназиях и прогимназиях. В 1890 г. в Восточной Сибири их фонд состоял из 21 150 томов.

Крупные книжные собрания имели библиотеки Иркутской и Тобольской гимназий; бедные фонды и значительно худшие условия хранения книг — Томская гимназия. Сравнительно "молодыми" были библиотеки Красноярской и Омской гимназий. К концу 1881 г. в фундаментальной библиотеке Красноярской гимназии насчитывался 2141 том, к январю 1883 г. — уже 3154 тома. Такое увеличение фонда объяснялось повышением платы за обучение в гимназии: дополнительные средства почти целиком шли на покупку книг¹⁷¹.

Создаются библиотеки и при женских гимназиях и прогимназиях. Библиотеки комплектуются в соответствии с учебным планом и включают учебники; фонд для внеклассного чтения был невелик. Состояние книжных фондов в прогимназиях было неудовлетворительным.

В 1890 г. в библиотеках женских гимназий и прогимназий Восточной Сибири насчитывалось: в Иркутской Хаминовской — 2051, Красноярской — 1840, Троицкосавской — 2421, Енисейской — 535, в Читинской и Нерчинской — примерно по 500 томов¹⁷². В 1895 г. фундаментальная библиотека Киренской прогимназии имела 327 томов книг на сумму 356 р.; ученическая — 264 тома на 372 р. Среди школьных книгохранилищ Иркутска выделялась библиотека 2-й женской прогимназии И.С. Хаминовой.

Открываются библиотеки при средних специальных учебных заведениях. Так, Иркутское техническое училище, преобразованное в 1889 г. в промышленное, имело богатые фундаментальную и ученическую библиотеки. Библиотека Тюменского Александровского реального училища, открытого в 1879 г., занимала особое место среди книгохранилищ учебных заведений Сибири. На комплектование фундаментальной и ученической библиотек, создаваемых при непосредственном участии директора училища И.Я. Слоцова, расходовалось более 1,5 тыс. р. из 10 тыс., выделяемых ежегодно из городских средств на содержание учебного заведения. В фондах имелось прекрасное собрание изданий по химии, механике, физике, математике на русском и иностранных языках. Для хранения книг были приобретены специальные шкафы, велась каталогизация. Инспектирующие училище выделяли его как одно из лучших учебных заведений этого рода не только в Сибири, но и во всей империи. Отмечался высокий уровень подготовки выпускников училища, которые имели право поступления в высшие учебные заведения России без вступительных экзаменов.

Новым типом учебного заведения в 80—90-х гг. стали промышленные ремесленно-технические школы и механико-технические училища для подготовки технических и торговых кадров.

В 1882 г. учреждена Троицкосавская сиропитательная ремесленная школа, при ней с 1889 г. функционировало приходское училище. Известно, что воспитанники школы брали книги для чтения из общественной библиотеки. Библиотека же школы была очень бедной, состояла преимущественно из учебников и специальных сочинений, годных скорее для изучения, чем для чтения¹⁷³.

Большинство средних специальных учебных заведений имели свои библиотеки. Заслуженной известностью пользовалась библиотека Сибирского кадетского корпуса (военной гимназии) в Омске, действовали библиотеки при кадетском корпусе в Хабаровске и юнкерском училище в Иркутске.

К сословно-профессиональным учебным заведениям причислялись духовные семинарии: Тобольская, Томская, Иркутская, Красноярская, Якутская, Благовещенская. Их библиотеки сыграли большую роль не только в подготовке священников, но и в становлении светского образования и обеспечении зауральских территорий учительскими кадрами.

Наиболее богатыми были библиотеки Тобольской, Иркутской, Томской духовных семинарий. Библиотеки обеспечивали не только весь учебный процесс, но и достаточно высокий уровень внеклассного образовательного чтения. Прекрасная библиотека была в Красноярской духовной семинарии. Ее открыл в 1894 г. епископ Акакий (в миру А.И. Заклинский); основу фонда составляли издания, переданные из библиотеки Красноярского кафедрального собора¹⁷⁴. Неплохие библиотеки с гуманитарным уклоном имели женские епархиальные духовные

училища и мужские духовные училища в Тобольске, Иркутске, Омске, Благовещенске и других городах.

В 90-х гг. в губернских и уездных городах создаются специальные педагогические библиотеки учительских семинарий. В 1892 г. в дополнение к существующим Омской, Иркутской, Красноярской открывается Читинская учительская семинария. К концу XIX в. в них обучалось около 220 человек, ежегодные выпуски составляли 60—70 человек. Фонды их библиотек были невелики. По данным 1890 г. в двух семинариях — Иркутской и Красноярской — учащихся насчитывалось 126, а книг в их библиотеках — 8522 тома¹⁷⁵. Тем не менее комплектованию фондов библиотек и формированию читательских интересов будущих педагогов в семинариях уделялось большое внимание.

Во второй половине XIX в. на востоке страны остро ощущалась потребность в специалистах высшей квалификации. Идея создания сибирского учебного и научного центра воплотилась в организации в 1888 г. Томского университета. Одновременно открылась и его библиотека. Книжный фонд библиотеки стал складываться еще до официального решения об учреждении университета. Начало ему положило родовое книжное собрание Строгановых; к нему добавились другие частные коллекции; были также получены денежные пожертвования. А.М. Сибиряков приобрел у наследников личную библиотеку В.А. Жуковского. За десять лет (1875—1885) для университета было пожертвовано и приобретено почти 70 тыс. томов книг и журналов, а к его открытию в фонде было уже свыше 96 тыс. томов. Вся деятельность по организации библиотеки, разборке и описанию фонда, изданию каталога велась ее первым библиотекарем, кандидатом истории и филологии С.К. Кузнецовым. За три года с двумя штатными помощниками им была выполнена колоссальная работа по подготовке библиотеки к открытию.

В сентябре 1888 г. библиотека приняла первых читателей — ими стали преподаватели и студенты университета. С самого начала работы встал вопрос о раздельном обслуживании читателей научной и учебной литературой. С этой целью в конце 1888 г. открылась библиотека при студенческом общежитии. Это небольшое книжное собрание существовало главным образом за счет дублетного фонда и пожертвований.

В 1892 г. были утверждены Правила пользования библиотекой, определена ее структура, включавшая фундаментальную (основной фонд и выдача книг на дом), студенческую библиотеки, читальную комнату. Правом получения книг на дом из фундаментальной библиотеки пользовались только штатные преподаватели; в читальный зал допускались только студенты, которые занимались научной работой под руководством профессора.

Поскольку начало Томскому университету положил медицинский факультет, возникла неотложная потребность в формировании книжного фонда библиотеки новой научной и учебной литературой по медицине. Уже на 1889 г. было выписано 27 названий отечественных и 60 иностранных журналов, которые использовались как в библиотеке, так и на кафедрах; через известных книготорговцев в России, а также Лейпциге, Берлине, Париже приобретались книги. Источником пополнения фонда стал книгообмен с научными учреждениями и высшими учебными заведениями. Он стал возможен после выхода "Известий" Томского университета. Количество поступлений по обмену иногда превышало 1 тыс. экз. в год.

Значительную часть книжных поступлений по-прежнему составляли личные пожертвования (собрания В.А. Манассеина, А.П. и П.А. Загорских, А.П. Вальтера, П.И. Дюкова, Ю.Т. Чудновского, В.К. Фогеля и др.).

Принимая в свои фонды огромный поток пожертвований, библиотека университета в свою очередь выделяла литературу для возникавших в Сибири книгохранилищ. В 1891 г. студентами была организована нелегальная студенческая библиотека, регулярно пополнявшаяся революционными изданиями за счет взносов землячества и просуществовавшая до первой российской революции¹⁷⁶.

Библиотека Томского университета была самым крупным и ценным книжным собранием на востоке страны, оказавшим существенное воздействие на развитие образования и науки в крае.

Библиотеки музеев, научных обществ, ведомств и организаций

В последней четверти XIX в. на территории Сибири и Дальнего Востока активно проводились краеведческие исследования, создавались музеи, научные общества, при которых возникали библиотеки. Наиболее крупные из них принадлежали Иркутскому, Минусинскому, Приенисейскому (Красноярск), Тобольскому краеведческим музеям; Восточно-Сибирскому, Западно-Сибирскому, Приамурскому отделам ИРГО.

Известно, что открытая в 1851 г. научная библиотека Сибирского отдела ИРГО в Иркутске почти полностью погибла при пожаре 1879 г. Когда встал вопрос о ее восстановлении, на специальном заседании члены отдела обратились к отечественным и зарубежным научным обществам и учреждениям с просьбой оказать помощь в бесплатном приобретении литературы. В адрес библиотеки начали поступать периодические издания и книги. В восстановлении книжного фонда деятельное участие принимали жители Иркутска. К концу 1882 г. библиотека имела 1300 названий различных изданий, 4663 экз. На свои собственные средства библиотека ВСОИРГО выписывала 10 иностранных журналов. В 1883 г. было построено новое здание для музея, куда перевели и библиотеку. Благодаря пожертвованиям и увеличению денежных ассигнований библиотека значительно пополнила свой фонд. В 1889 г. он составил около 4 тыс. названий в 10 тыс. томов на русском и иностранных языках¹⁷⁷.

Основание в 1877 г. Западно-Сибирского отдела ИРГО послужило началом формирования краеведческой библиотеки. Официально библиотека отдела была открыта в 1881 г., однако упорядочение ее фондов, организация справочного аппарата и полноценное обслуживание читателей относится к началу 90-х гг.

В 1887 г. завершилось первое десятилетие деятельности библиотеки Минусинского музея. Ее книжное собрание составило 8645 названий книг и периодических изданий — всего 11 286 томов¹⁷⁸. По ценности и редкости изданий, по составу своих фондов библиотека являлась одним из лучших музейных собраний края, ее коллекции получили известность далеко за пределами Сибири.

С 1885 по 1889 г. библиотека была бесплатной благодаря материальной поддержке сибирского купца и мецената И.М. Сибирякова, который присылал обширные подборки изданий, составленные по материалам пособия Х. Алчевской "Что читать народу". Регулярно поступали от И.М. Сибирякова дешевые книги издательства "Посредник". В свою очередь, музей мог высылать книги на два — три месяца в сельские училища и школы. Имея фонд дубликатов, библиотека безвозмездно передавала их в другие сибирские книгохранилища. Состав ее читателей был представлен в основном мещанами. В библиотеку обращались не только минусинцы, но и читатели близлежащих деревень и сел.

Минусинский музей и библиотека дали сибирскому обществу мощный толчок к развитию духовной жизни. В городах Енисейской губернии начали создаваться свои музеи и библиотеки. Дело, начатое Н.М. Мартыановым, было подхвачено местной интеллигенцией.

В 1883 г. в Енисейске был открыт краеведческий музей, а в 1884 г. первых читателей приняла публичная библиотека. Ее создатели ставили целью собрать в фондах все печатные и рукописные материалы о Енисейском уезде и Туруханском крае. В 1884 г. библиотека насчитывала 2675 томов, учтенных в рукописных каталогах. Библиотека пользовалась покровительством енисейского губернатора И.К. Педашенко, который жертвовал на ее нужды значительные суммы из личных сбережений. Поступали в библиотеку книги и от многих других жертвователей, однако фонд ее рос медленно: на 1 января 1893 г. в нем было 4178 названий книг в 6850 томах. Фонд Минусинской библиотеки к этому времени превышал 16 тыс. экз.¹⁷⁹

В 1886 г. в Нерчинске при поддержке местной интеллигенции ученый-краевед А.К. Кузнецов открыл первый в Забайкалье краеведческий музей и городскую общественную библиотеку. В 1887 г. библиотека имела 1043 названия книг в 3082 томах и 76 постоянных читателей¹⁸⁰.

Создаются библиотеки при Тобольском, Кяхтинском, Приенисейском (Красноярском) музеях, формирующихся как самостоятельные краеведческие учреждения, выполняющие научно-исследовательские и культурные функции. В 1891 г. Общество любителей исследования Алтая в Барнауле создает свою библиотеку, фонд которой к концу 90-х гг. составляет около 20 тыс. томов¹⁸¹.

Формирование фонда музейной библиотеки Тобольска, начавшейся с небольшой коллекции редких книг, приходится на конец 80-х гг. Официально библиотека Тобольского губернского музея была основана в 1890 г. Пополнению ее в значительной степени способствовала передача книг из библиотеки Тобольского губернского статистического комитета¹⁸². Собрание библиотеки пополнялось, согласно уставу музея, рукописными, печатными изданиями о Сибири, всеми произведениями печати, издаваемыми в пределах Тобольской губернии с появления в ней книгопечатания. Становление библиотеки Тобольска связано с именами местных культурных деятелей — С.Н. Мамеева, Е.В. Кузнецова, Н.Л. Скалзубова, А.А. Терновского¹⁸³.

Появляются первые научные библиотеки на дальневосточных окраинах. В 1884 г. во Владивостоке открывается первая в регионе научная библиотека Общества изучения Амурского края. В 1894 г. одновременно с созданием Приамурского отдела ИРГО в Хабаровске организуется музей и библиотека. Первоначально библиотека задумывалась как научная, однако после пожертвования представителями царствующего дома, в частности наследником престола, беллетристической и детской литературы при отделе была открыта Николаевская публичная библиотека.

Ценные дары в библиотеки Владивостока и Хабаровска поступают от Академии наук, Императорской публичной библиотеки, ИРГО; от видных чиновников, научных деятелей, издателей, среди них были А.С. Суворин, К.П. Посыет, Ф.Ф. Буссе, М.И. Венюков, Н.И. Гродеков и др.¹⁸⁴

В июле того же года было открыто Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела ИРГО. В его ведение передаются коллекции музея и книжное собрание зарождающейся научной библиотеки, вокруг музея и библиотеки группируются люди, занимавшиеся научно-исследовательской работой. Среди них политические ссыльные И.И. Попов и Н.А. Чарушин, учителя

М.И. Моллесон, М.В. Лисовский, Н.П. Левин, Э.И. Лесталь, уездный врач (впоследствии профессор Краковского университета) Ю.Д. Талько-Грынцевич. Библиотека была богатая, располагала ценными и редкими изданиями, пожертвованными учеными обществами и частными лицами¹⁸⁵.

Все отмеченные библиотеки были ограничены в средствах и не имели возможности для целенаправленного систематического пополнения фондов новой литературой, формировались в основном за счет книжных и денежных пожертвований частных лиц и организаций. Литература поступала от Академии наук, ИРГО и его отделов, Московского общества испытателей природы, Археологической комиссии и др.

Немалую роль в пополнении библиотек научных обществ и музеев играли книгообменные связи, которые расширялись и укреплялись. Так, в конце 80—90-х гг. научная библиотека ВСОИРГО обменивалась книгами с 98 учреждениями, притом с 41 иностранным; библиотека ЗСОИРГО наладила обмен с организациями в 85 городах России и 18 странах на всех континентах; библиотека Троицко-савско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО вела обмен изданиями с 72 российскими обществами и 17 зарубежными¹⁸⁶. Широкие книгообменные связи установили Тобольский и Минусинский музеи и их библиотеки. Именно библиотеки отделов ИРГО, музеев, научная библиотека Томского университета располагали наиболее крупными собраниями иностранной литературы. Особое внимание уделялось пополнению фондов материалами по сибиреведению.

Почти все библиотеки научных обществ и музеев вели библиографическую работу: составлялись печатные каталоги, собирались материалы к библиографии азиатской части страны.

Накопленные этими библиотеками фонды, как правило, использовались лишь членами научных обществ и музеев. В отношении прочих существовал целый ряд ограничений. Деятельность библиотек в основном носила замкнутый характер, количество читателей и книговыдач было невелико.

В развитие библиотечного дела 80—90-х гг. весомый вклад внесли различные общественные организации.

Специальные библиотеки создаются при Физико-медицинском обществе в Тобольске и Обществе омских врачей. Литературой они пополняются в основном за счет книжных пожертвований и приобретений на взносы членов общества. Уникальная библиотека медицинской литературы создается при Обществе врачей Енисейской губернии.

В 80-х гг. в городах Сибири и Дальнего Востока возникают общества взаимного вспоможения приказчиков, объединивших вокруг себя разнообразное слою местного населения. Открытые при них библиотеки обеспечивали литературой прежде всего членов общества и их семей, но были доступны и для остальных жителей. Следует отметить, что на них не распространялись "Временные правила" 1884 г. Они (подобно другим сословным библиотекам при дворянских, купеческих собраниях и клубах) освобождались от надзора как не имеющие характера публичных и общедоступных. Библиотеки общества открываются в Тюмени (1869), Красноярске (1881), Иркутске (1883), Владивостоке (1890). Они располагают универсальными фондами. Делами этих библиотек ведают правления и советы обществ.

Небольшие библиотеки были и при других общественных организациях. Например, в Иркутске — при Обществе для оказания пособий учащимся Восточной Сибири, при Обществе почтово-телеграфных служащих, Торгово-промышленном собрании, Музыкальном обществе, Обществе дома трудолюбия и др. Эти библиоте-

ки отчасти компенсировали отсутствие или недостаток общественных публичных библиотек.

Продолжают функционировать, как правило, небольшие служебные, ведомственные библиотеки губернских управлений, городских управ, казенных палат и других учреждений.

Действуют библиотеки при офицерских собраниях и воинских частях. Кроме известной библиотеки Сибирского казачьего войска, работают библиотеки штаба Иркутского военного округа, Иркутского юнкерского училища и др. В местностях, примыкающих к Владивостоку, библиотеками располагали главным образом воинские части. Так, в Уссурийском округе была дивизионная библиотека и 5 маленьких библиотечек при частях Уссурийского конного казачьего дивизиона¹⁸⁷.

В 80—90-х гг. значительно расширяется сеть церковных библиотек. Однако и в этот период во многих церквах библиотек не существовало, большинство из имеющихся были бедны книгами, скудны, мало пригодны, как для прихожан, так и для служителей церкви. Подавляющая часть церковных библиотек имела книжный фонд от 200 до 400 томов¹⁸⁸.

В Енисейской губернии самой богатой была библиотека Красноярского кафедрального собора. Среди епархиальных библиотек наиболее известна Томская. На 1893—1894 гг. фонд ее составлял более 3 тыс. сочинений различных авторов и периодических изданий. Из книг 19 отделов библиотеки около 50% составляла богослужебная литература; кроме того, представлены книги по философии, психологии, педагогике, географии, медицине, нотные издания церковной музыки, календари, каталоги, справочные и другие работы. Книги выдавались на дом с 9 час. утра до 5 час. вечера. Библиотека внимательно относилась к запросам читателей, при отсутствии необходимых изданий они с готовностью приобретались в короткий срок, если позволяли средства, выделяемые из взносов приходов церквей и пожертвований. В библиотеку выписывались книги из Петербургского Братства Пресвятой Богородицы, Общества распространения духовно-нравственных изданий, издания Афонского, Пантелеймоновского монастырей, Синодальной типографии. Библиотека осуществляла бесплатную выдачу книг для духовно-нравственного и назидательного чтения. Со своей задачей она успешно справлялась. Например, книговыдача в 1894 г. составляла 3930 экз.¹⁸⁹

Из уездных городов Иркутской губернии наиболее значительные церковные библиотеки находились в Киренске, где имелся мужской монастырь, собор, приходская церковь и часовня. Библиотека монастыря насчитывала в 1885 г. 1400 томов, в том числе рукописи и грамоты XVII—XIX вв. В 90-х гг. существовала библиотека при городском Спасском соборе. В Нижнеудинске библиотеки имелись при всех трех церквах, в Балаганске и Верхоянске — при двух в каждом городе. Состав церковных библиотек, за вычетом чисто служебных книг, был ориентирован прежде всего на церковнослужителей¹⁹⁰.

Публичные библиотеки

Последние десятилетия XIX в. ознаменовались интенсивным развитием за Уралом публичных библиотек, которые фактически являлись центрами распространения книжной культуры. Во многих из них были собраны значительные книжные фонды, которые впоследствии унаследовали послереволюционные публичные библиотеки. В то же время условия, в которых приходилось работать библиотекам, были трудными — на их организацию выделялись незначительные суммы, основ-

ным источником финансирования оставались добровольные пожертвования. Весьма скромной была роль местной администрации в отношении библиотек, которые появлялись, развивались и действовали в основном за счет инициативы интеллигенции. Почти все библиотечные учреждения Сибири и Дальнего Востока были платными, что характерно для российских книгохранилищ в рассматриваемый период.

Можно согласиться с утверждением К.Н. Дерунова, что, в сущности, ни у губернской библиотеки, которая была "казенным заведением", ни у общественной, которая существовала за счет благотворительности, ни у городской, работавшей на средства от городского самоуправления, достаточно благоприятных возможностей для развития фактически не было¹⁹¹.

В 1884 г. правительством были изданы так называемые "Временные правила", усилившие надзор за библиотеками. Они предписывали назначать ответственное за деятельность библиотеки лицо, право смены которого предоставлялось администрации. С этого же года стали издаваться "Алфавитные списки произведений печати, которые не должны быть допускаемы... в публичных библиотеках и общественных читальнях". Это были книги по крестьянскому вопросу, рабочему движению, истории революций и социальных учений. Они запрещались только для библиотек общественного пользования.

В 1890 г. были изданы "Правила о бесплатных народных читальнях и порядке надзора за ними", возложившие надзор за библиотеками "на одно или несколько лиц учебного или духовного ведомства", которым вменялось в обязанность следить за порядком в народных читальнях и контролировать состав их фондов. Последние должны были формироваться в строгом соответствии с министерскими каталогами книг и периодических изданий, допущенных к чтению в народных библиотеках, т.е. содержать литературу преимущественно монархического, религиозно-нравственного характера, официальные и справочные издания министерства. К середине 90-х гг. общее количество книг, разрешенных для пользования в общественных библиотеках, составляло всего 3 тыс. названий¹⁹².

Вместе с тем 80—90-е гг. можно рассматривать как благоприятный период в деятельности публичных библиотек. С этого времени ведут начало Верхнеудинская (1881), Якутская (1886), Владивостокская (1887), Барнаульская (1888), Хабаровская (1894), Читинская (1895) библиотеки. Возрождается после пожара старейшая за Уралом Иркутская городская публичная библиотека. Она получила новое помещение, расположенное в центральной части города; увеличилась до 450 р. ежегодная денежная субсидия. Существенно пополнилась библиотека за счет дарственных изданий и ценных пожертвований. Количество постоянных платных посетителей библиотеки в 80-х гг. в основном оставалось стабильным — около 300 человек. Возрастало количество посетителей, пользовавшихся книгами читального зала бесплатно. К 1891 г. книжное собрание библиотеки состояло из 14 тыс. томов книг и журналов. К середине 90-х гг. количество посетителей абонемента возросло более чем в 2 раза, а общее количество читателей достигало почти 5 тыс. Это составляло 9% населения Иркутска. Городская публичная библиотека по-прежнему оставалась малодоступной для широких кругов населения¹⁹³.

В 1882 г. происходит событие, существенно повлиявшее на библиотечную жизнь Сибири, — группа либерально-буржуазных деятелей, меценатов во главе с П.И. Макушиным создает в Томске Общество попечения о начальном образовании, действовавшее под девизом "Ни одного неграмотного". Вслед за Томском подобные общества возникают и в других городах Сибири. Наряду с училищами,

школами, общества открывают и содержат бесплатные библиотеки и кабинеты для чтения.

30 сентября 1884 г. Общество попечения о начальном образовании открывает бесплатную народную библиотеку в Томске. К концу 1885 г. она располагала книжным фондом около 1000 названий и обслуживала 440 подписчиков. Уже через три года библиотека была переведена в собственное каменное двухэтажное здание, специально построенное для нее местным купцом-хантом С.С. Валгусовым.

В Барнауле по инициативе ссыльного народовольца В.К. Штильке обществом была основана народно-школьная библиотека, которая пользовалась большой популярностью и с 1887 г. функционировала как городская общественная.

По инициативе председателя местного Общества попечения о начальном образовании А.М. Водяникова в 1889 г. открывается бесплатная народная библиотека в Омске, содержащаяся за счет средств общества, пожертвований, доходов от платных спектаклей и лекций. К своей первой годовщине библиотека имеет в фонде 1095 названий и насчитывает 965 читателей. В 1893 г. общество организует платную общественную городскую библиотеку, а народной придает статус отдела, называя ее "бесплатный отдел книг для народного чтения", обслуживающий абонентов общественной библиотеки. В марте 1895 г. общество открывает первую бесплатную библиотеку-читальню в Тюмени.

В Красноярске открытие библиотеки общества затянулось на 10 лет. Решение об организации бесплатной народной библиотеки-читальни было принято в 1886 г., открытие состоялось в 1897 г. Во Владивостоке соответствующие функции взяло на себя Общество народных чтений, созданное в 1886 г. и первым активно взявшееся за распространение книги на дальневосточной окраине России. Инициатором создания общества и бесплатного городского кабинета для чтения при нем был городской голова Владивостока И.И. Маковский. Со временем кабинет для чтения был реорганизован в городскую библиотеку¹⁹⁴.

Значительное место среди сибирских публичных библиотек занимали частные, появление которых, как правило, предшествовало открытию общественных или городских. В 1885 г. в Красноярске с перерывом менее чем в четыре месяца открылись две частные библиотеки — при книжном магазине А.Ф. Комарова и бесплатный кабинет для чтения книг, газет и журналов И.И. Парфентьева. Однако просуществовали они недолго. К середине 80-х гг. стало ясно, что Красноярск нуждается в хорошей публичной библиотеке, так как существовавшие не могли удовлетворить читательские интересы горожан. 12 февраля 1889 г. была открыта городская общественная библиотека, сразу же привлекая внимание красноярцев. К концу 1889 г. ее книжное собрание превышало 3 тыс. названий и продолжало расти за счет денежных пожертвований и книг, принесенных в дар; ее подборка журналов и газет пополнилась 33 названиями выписываемых периодических изданий. Чаще всех библиотечными услугами пользовались учащиеся школ, гимназий и чиновники¹⁹⁵.

В 1886 г. в Томске открылась частная публичная библиотека Н.И. Березницкого с кабинетом для чтения. Ее фонд составил 5 тыс. названий книг, выписывались газеты и журналы. Библиотека пользовалась большим авторитетом.

Через год, в сентябре 1887 г., Н.И. Березницкий организовал библиотеку и кабинет для чтения в Тюмени. За пользование библиотекой была установлена довольно высокая годовая плата, однако фонды ее не удовлетворяли читателей. Библиотека просуществовала немногим более года. В том же году в Тюмени частную публичную библиотеку открыл А.М. Парфенов. Он выписывал значитель-

ное количество журналов и газет, имел в фонде нелегальные издания. Библиотека действовала всего несколько месяцев и не могла оказать значительного влияния на развитие культуры города. Однако ее наличие свидетельствовало о политических интересах передовых горожан. В 1890 г. в Тюмени была организована публичная библиотека при книжном магазине М. Тимофеенковой¹⁹⁶.

В 1886 г. в Тобольске открывает при своем книжном магазине публичную библиотеку с кабинетом для чтения сургутский мещанин А.С. Суханов. На 50 подписчиков приходится 800 томов книг примерно 600 названий; выписывается 25 периодических изданий. Библиотека располагается в хорошем помещении в центре города, обслуживает всех желающих. Плата за чтение была очень низкой, что позволяло пользоваться библиотекой малоимущим читателям.

В 1891 г. по прошению того же А.С. Суханова в Тобольске учреждается народная библиотека. Располагается она при публичной библиотеке, а затем обе библиотеки переводятся во вновь выстроенное здание Народной аудитории. Основным источником финансового обеспечения ее деятельности явились пожертвования. В 1892 г. библиотека имела 627 подписчиков, более 60% из них — подростки; за год было выдано более 16 тыс. книг. Библиотека играла большую роль в приобщении горожан к чтению¹⁹⁷.

Публичные частные библиотеки открылись в Мариинске (1883 г.), Салаирском руднике Кузнецкого округа (1886 г.). В середине 80-х гг. в Енисейске работали частные библиотеки братьев Востротиных, Н.В. Скорнякова, Черемных, А.И. Кытманова.

История общественных библиотек в уездных городах свидетельствует о том, что устойчивый интерес основной массы горожан к чтению формировался медленно, но осознание его необходимости и важности уже проявилось. Об этом свидетельствует открытие публичных (общественных) библиотек. В 80—90-е гг. в уездных городах библиотеки создавались по инициативе населения, носили демократический характер и пользовались большой популярностью. В них вводилась доступная плата за чтение и не существовало никаких ограничений при пользовании.

Общественные публичные, народные библиотеки открываются в 80-х гг. в Каинске, Нерчинске, Верхнеудинске, Таре, Кургане, Киренске, Кузнецке, Ялуторовске, Томске, Колывани, Ишиме, Троицкосавске, Ачинске, Бийске, Барнауле, Петропавловске-Камчатском; в 90-х гг. — в Селенгинске, Нижнеудинске, Благовещенске, Вилюйске, Канске, Николаевске-на-Амуре, посту Александровске и поселке Корсаковском на Сахалине и др.

В 90-х гг. народные библиотеки начинают создаваться не только в городах, но и в селах Сибири. Одно из первых мест в России по развитию данного рода деятельности занимала Тобольская губерния, в которой на 1 января 1896 г. было 29 народных библиотек. Общество попечения о народной трезвости открывает в 90-х гг. библиотеки и народные читальни. Для них выписываются журналы и газеты. В 1892 г. открывается читальня в Тобольске.

Открытие библиотек и библиотек-читален в городах и уездах Сибири активно помогала интеллигенция, которая участвовала в работе библиотечных советов, комиссий, обществ; многие учителя сами работали в библиотеках. Так возникло несколько библиотек на территории Бурятии. Наиболее крупной из них была Верхнеудинская общественная библиотека, инициатором и непосредственным организатором которой стал демократически настроенный штатный смотритель местного уездного училища Н.С. Нелюбов. В ноябре 1881 г. библиотека приняла первых читателей¹⁹⁸. В 1882 г. была основана бесплатная библиотека на средства

жителей при Киренском полицейском управлении, в июне того же года она становится городской. Уже в первые месяцы в библиотеку записалось 140 подписчиков, треть которых составляла учащаяся молодежь.

В 1886 г. начала действовать публичная библиотека при местной городской управе Якутска. Правда, количество ее абонентов было небольшим, фонды неогатными, ощущался недостаток в периодических изданиях¹⁹⁹.

В одном только 1887 г. открываются общественные библиотеки в Томске, Тюмени, Ачинске, Кольвани, Ишиме, Троицкосавске (Кяхте). В Ишиме общественная библиотека с бесплатной читальней принадлежала городу и располагалась в новом здании городского общественного управления. Инициатором ее создания был местный чиновник по крестьянским делам К.П. Михайлов. В Ачинске открылась городская общественная библиотека с фондом около 1,5 тыс. томов. Заведовал ею учитель Ачинского уездного училища Д.С. Каргополов, большую помощь ему оказывал Н.М. Мартынов.

В декабре 1887 г. открылась общественная библиотека в Кяхте при содействии народовольца И.И. Попова, революционера и литератора Н.А. Чарушина и его жены, сосланных сюда после отбытия каторги на Каре; а также местных купцов-меценатов А.Я. Немчинова, А.М. Лушников, М.О. Осокина и др. Книжный фонд библиотеки при открытии состоял из 1062 названий книг в 2540 томах и более 2500 журналов. Библиотека имела собственное помещение и ежегодную субсидию 300 р., значительные приобретения книг производились за счет пожертвований. В 1894 г. фонд библиотеки увеличился до 4417 названий книг и журналов в 7860 томах; количество постоянных посетителей достигало 350 человек, причем более трети подписчиков составляли мещане, отставные нижние чины, приказчики²⁰⁰, что было характерной особенностью данной библиотеки. Подписчиками состояли иногородние читатели, и даже предлагалось пойти навстречу читателю из деревень, предоставив им некоторые преимущества перед горожанами.

В городах и поселениях Приамурья и Приморья в конце века насчитывалось уже несколько десятков библиотек: 6—7 — в Николаевске, 13 — в Хабаровске; в Благовещенске и прилегающих районах — 23 с общим фондом до 32 тыс. томов; действовала окружная библиотека в Петропавловске-Камчатском. В 90-х гг. появились библиотеки на Сахалине: в поселке Корсаковском и крупнейшая на острове (3 тыс. томов, 242 читателя) библиотека поста Александровска.

Из материалов полицейских органов (сохранившихся в РГИА ДВ) следует, что во второй половине XIX в. в Приамурье и Приморье было открыто более 70 публичных, учебных и других библиотек²⁰¹.

Социальный состав читателей, характерный для большинства публичных библиотек, — купцы, мелкие и средние чиновники, мещане, учителя, духовенство, офицеры; значительную долю, особенно в 90-х гг., составляли учащиеся.

Развитие краеведческой библиографии

В последней четверти XIX в. создается прочная база для развертывания в Сибири краеведческой библиографии. По инициативе "областников" проводились коллективные работы по библиографическому описанию Сибири в ИРГО (Петербург); с 1882 по 1887 г. — при газете "Восточное обозрение". Тогда же, в 80-х гг., подобные работы были организованы в Казани кружком студентов-сибиряков. Это библиографическое движение завершилось капитальным трехтомным трудом В.И. Межова "Сибирская библиография" (СПб., 1891—1892),

созданным по заданию и на средства уроженца Иркутска И.М. Сибирякова. "Сибирская библиография" содержала свыше 25 тыс. названий книг и журнальных статей на русском и западно-европейских языках за 300 лет — с начала книгопечатания до 1890 г.²⁰²

Большое внимание уделялось библиографии в трудах ИРГО и его местных отделов²⁰³. В библиографической деятельности отделов ИРГО можно выделить несколько главных направлений. Это, прежде всего, собирание и учет литературы о Сибири и Дальнем Востоке, попытки составить общекраеведческие указатели литературы о Сибири и ее отдельных районах, составление каталога сочинений о Сибири.

С ИРГО связаны и опыты текущей библиографии Сибири. В газете "Сибирь" печатался составленный И.В. Щегловым "Библиографический указатель книг, журналов и важнейших статей, касающихся Сибири, за 1880 год". Разрабатывались библиографии для отдельных районов Сибири и Дальнего Востока (Ф.Ф. Буссе, В.Л. Приклонский)²⁰⁴. Широкое распространение получила публикация списков и обзоров трудов членов ИРГО В.И. Вагина, Н.А. Кострова, Г.Н. Потанина и др. В тематических библиографических указателях особое внимание уделялось проблемам, связанным с географией и геологией, этнографией и фольклором. Многие из них разрабатывались видными учеными.

Немалая заслуга в развитии сибирской библиографии принадлежит краеведческим музеям. Наибольшего внимания в этом отношении заслуживает деятельность Тобольского музея. Библиографической работой в нем активно занимались С.Н. Мамеев, А.А. Терновский, Е.В. Кузнецов. Первым библиографическим изданием тобольских краеведов был систематический каталог библиотеки музея, составленный С.Н. Мамеевым и выпущенный в 1890 г.; следующий выпуск каталога был подготовлен А.А. Терновским и выпущен в 1900 г. Особое внимание было обращено на книги, имеющие отношение к Тобольской губернии и Сибири в целом. Отличительной чертой этих каталогов было то, что в них включались не только книги, но и оттиски статей из журналов и газет, иллюстративные материалы, карты.

После выхода в свет "Сибирской библиографии" В.И. Межова тобольские библиографы предприняли несколько попыток продолжить его труд. В 1893—1896 гг. выходили годовыми выпусками "Материалы для библиографии Сибири", издававшиеся отдельно, а также публиковавшиеся в "Ежегодниках Тобольского губернского музея" и "Тобольских губернских ведомостях". Это была первая попытка организовать текущую информацию о сибиреведческой литературе. Тобольскими краеведами в 90-х гг. был подготовлен ряд тематических указателей. Так, заметным событием в библиографической жизни Сибири стала составленная С.Н. Мамеевым "Библиография железнодорожного вопроса Сибири" (1895). Ряд библиографических работ исторического характера принадлежит Е.В. Кузнецову, в частности, большой интерес у современников вызвал его указатель "Библиография Ермака", включающий 300 названий книг и статей.

Одним из направлений библиографической деятельности краеведов Тобольского губернского музея в 90-х гг. была библиография местных периодических изданий, публиковавшаяся на страницах тобольских газет.

Исследователи отмечают в работе тобольских библиографов особенности, характерные для библиографической деятельности дореволюционных краеведческих музеев: отсутствие системы в организации библиографии, особенно текущей, незавершенность и случайность многих работ. Тем не менее Тобольский музей сыграл значительную роль в развитии сибирской библиографии²⁰⁵.

Библиотеками краеведческих музеев и отделов ИРГО, а также некоторыми публичными и частными библиотеками издаются в 80—90-х гг. печатные каталоги.

Наибольшего внимания заслуживают каталоги библиотек Восточно-Сибирского (Иркутск, 1889) и Западно-Сибирского (Омск, 1895) отделов ИРГО. Издаются каталоги публичных библиотек: Иркутской, Красноярской, Омской, Барнаульской, Минусинской и др. Большое место в этих каталогах занимает литература о крае. Известны печатные каталоги частных библиотек: публичной библиотеки И.И. Парфентьева в Красноярске (1886), А. Суханова в Тобольске (1886—1887), П.И. Макушина в Томске (1890), личной библиотеки В.И. Квятковского в Омске (1893) и др.²⁰⁶

Уже в 80-х гг. за Уралом поднимались вопросы, связанные с организацией библиографической деятельности. Например, в газете "Восточное обозрение" (1882, № 1, 1 апр.), отмечалось значение библиографических работ В.И. Межова, высказывалось пожелание, "чтобы все лица, занимающиеся сибирской библиографией, имели возможность общаться и, так сказать, условиться в своих работах ради общей пользы, цельности и единства трудов"²⁰⁷. В этот период начали разрабатываться и вопросы методики составления библиографических пособий краеведческого характера.

* * *

В 80—90-х гг. XIX в. библиотечное дело в регионе проходит период интенсивного развития, темпы роста количества библиотечных учреждений здесь иногда выше, чем по стране в целом.

История сибирских и дальневосточных библиотек показывает, какую важную роль в их создании играли пожертвования. Помощь нуждающимся в книге была для россиян нравственным долгом. Это ярко проявилось на примере создания практически всех книжных собраний при музеях и отделах Русского географического общества, библиотеки Томского университета, а также многих публичных и общественных библиотек.

Все проблемы, характерные тогда для российских библиотек, были присущи и зауральским — слабая материально-техническая база, отсутствие подготовленных кадров, недостаточное финансирование, ограниченные возможности удовлетворения читательских запросов. Однако определенный сдвиг в развитии библиотечного дела в Сибири и на Дальнем Востоке произошел. Созданные здесь библиотеки различных типов — научные, общественные и публичные, учебные и специальные — становятся важным фактором социальной жизни. Они создают представителям различных слоев населения определенный духовный комфорт, способствуют росту общеобразовательного и культурного уровня жителей региона²⁰⁸.

8. ЧИТАТЕЛЬ И ЧТЕНИЕ

Серьезные изменения, происходившие в жизни сибиряков на протяжении 80-х — первой половины 90-х гг. XIX в., не могли не сказаться на читательской аудитории, ее книжных интересах. В этот период значительно увеличилось количество грамотных жителей края, а вместе с ним и читателей. Если в начале 60-х гг.

в Сибири и на Дальнем Востоке было около 250 тыс. грамотных жителей и не более 20 тыс. читателей, то к концу века число грамотных увеличилось почти втрое, а читательская аудитория составляла 60—70 тыс. человек²⁰⁹.

Правда, грамотность в Сибири продолжала оставаться более низкой, чем в Европейской России. В 1897 г. за Уралом грамотными были 12,4% жителей, в Европейской части — 22,9%. На каждого сибирского читателя и в эти годы приходилось 80—90 человек, незнакомых с печатным словом. И тем не менее расширение круга читателей было весьма ощутимым. Этому способствовало и интенсивное переселенческое движение за Урал, и рост городского населения, и расширение сети начальных и средних учебных заведений, и усиление самой потребности в приобретении различного рода знаний. Быстро рос круг читателей в дальневосточных областях, где доля грамотных (около 25%) была существенно выше общесибирского уровня.

Особенно интенсивно читательские потребности менялись в городах, где грамотность населения составляла в среднем 37,8% (в крупных городах — 40—50%) (табл. II). Значительно увеличилось за Уралом и число людей с высшим и средним профессиональным образованием, для которых обращение к книге было жизненной необходимостью. По переписи населения 1897 г., из общего числа грамотных сибиряков 55 тыс. жителей имело образование выше начального, среди них около 3 тыс. училось в университетах и других вузах и еще около 3,5 тыс. окончило высшие и средние военные училища²¹⁰. Количественному росту сибирской интеллигенции способствовала и деятельность Томского университета, выпустившего к 1900 г. 335 специалистов²¹¹.

Характер чтения в среде образованных сибиряков 80—90-х гг. XIX в. уже не отличался единонаправленностью интеллектуальных и духовных устремлений, что было типично для конца 50-х — начала 60-х гг. Для сибирской и дальневосточной интеллигенции начался период кропотливой практической деятельности — гражданской, педагогической, краеведческой, культурно-просветительной, издательской и т.д. Ее читательские интересы в значительной степени дифференцировались в профессиональном, мировоззренческом, эстетическом плане. Выросло число владельцев крупных профессионально ориентированных личных библиотек. Усилилось влияние высокообразованных читательских групп на средние и малообразованные.

По интенсивности чтения особое место занимали политические ссыльные. Это самые одержимые читатели Сибири 80—90-х гг. Чем сильнее они были оторваны обстоятельствами от практических дел и культурных центров, тем больше и напряженнее читали. Так, Вилуйская и Карийская каторжные тюрьмы, где содержались большие группы народников, народолюбцев, членов рабочих союзов, превратились в своего рода научные читальные залы.

М. Брагинский, узник Вилуйской тюрьмы 90-х гг., так писал о чтении в их коммуне: "Чтению... большинство товарищей предавалось с необычайным усердием и отнюдь не для того, чтобы как-нибудь заполнить свои досуги... нет, эти занятия... отличались всеми признаками самой серьезной, настойчивой и систематической учебы... Занимающиеся спешили использовать для учебы каждую свободную минуту короткого зимнего дня"²¹².

О том, что читали политкаторжане и ссыльные Сибири 80-х — первой половины 90-х гг., можно судить по составу их личных и тюремных библиотек²¹³. Большим спросом пользовалась естественно-научная литература — книги по философии естествознания и истории науки, математике, механике, астрономии, физиологии, анатомии и т.д. Читались сочинения Г. Гельмгольца, А.И. Герцена,

Ч. Дарвина, И. Канта, Д.К. Максвелла, Д.И. Менделеева, Н.К. Михайловского, П. Прудона, И.М. Сеченова, Г. Спенсера, Н.Г. Чернышевского и многих других авторов. В письмах и воспоминаниях ссыльных неоднократно упоминались "История России" С.М. Соловьева, работы по русской истории Н.И. Костомарова, "История политической литературы XIX столетия" Ю.Г. Жуковского, "История революционного движения в России" А. Туна, "Гражданское развитие Америки" Д.В. Дрэппера, "История цивилизации в Англии" Г.Т. Бокля и др.

С середины 80-х гг. политические ссыльные интенсивно изучают новинки по теории социализма, марксистскую литературу. В их библиотеках можно встретить "Капитал" и "К критике политической экономии" К. Маркса, "Положение рабочего класса в Англии" и "Развитие социализма от утопии к науке" Ф. Энгельса, "Организацию труда" Луи Блана, "Теорию социализма" А. Шеффле, сочинения Ф. Лассаля, М.А. Бакунина, Г.В. Плеханова, П.А. Кропоткина, отрывки из "Манифеста коммунистической партии" и др.²¹⁴

Литература на французском, немецком, английском, польском языках занимала значительное место в кругу чтения политических ссыльных. Большинство из них в период неволи изучило от одного до нескольких европейских языков.

Художественная литература в читательских интересах политических ссыльных занимала одно из ведущих мест. Так, в более открытых колониях Западной Сибири, по утверждению Л.П. Рошевской, библиотеки ссыльных на две трети состояли из беллетристики и периодических изданий²¹⁵.

В поле зрения ссыльных находились произведения всех наиболее значительных русских писателей того времени, многих классиков зарубежной литературы. С наибольшим интересом читались сочинения Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Г.И. Успенского и др. Из зарубежных писателей в переписке политических ссыльных и в их воспоминаниях нередко упоминались имена Г. Гейне, И. Гете, Т. Гуда, Г. Лонгфелло, В. Шекспира, П.Б. Шелли. Попадали в Сибирь и книги Э. Золя, не допускавшиеся цензурой к обращению в тюрьмах. Ссыльным и политзаключенным Сибири были известны главнейшие литературно-художественные журналы, выходившие в стране.

Контакты политических ссыльных с жителями края, несомненно, оказывали воздействие на книжные интересы последних. В личных библиотеках сибиряков порой можно было встретить ту же нелегальную или запрещенную литературу, что и в среде политических. Однако основная область книжных интересов сибирской интеллигенции концентрировалась вокруг проблем, связанных с изучением собственного края и близлежащих территорий. На протяжении второй половины XIX в. в среде образованных купцов, священников, чиновников, учителей формировались богатейшие личные библиотеки, ядром которых становились работы сибиреведческого характера (библиотеки М.Д. Бутина, С.И. Гуляева, А.М. Орлова, И.Т. Савенкова и др.). Личная библиотека иркутского купца А.А. Белоголового, с 1867 г. проживавшего с семьей в Тяньцзине (Китай), содержала богатейшую коллекцию работ по истории и этнографии Средней Азии, Китая, Японии, Кореи, Бирмы на русском, английском, французском, китайском языках, широкую подборку изданий, связанных с Сибирью²¹⁶. Обширную библиотеку работ о Дальнем Востоке собрал краевед и библиограф Ф.Ф. Буссе. Ему были знакомы труды известных путешественников и ученых, посвященные Приамурью, Приморью, сопредельным странам Востока (М.И. Венюкова, П.П. Семенова, Г.Е. Грумм-Гржимайло, Н.М. Пржевальского, Л.И. Шренка, работы исследователей на немецком, французском, английском языках²¹⁷.

Уникальным явлением книжной культуры стала домашняя библиотека Красноярского купца Г.В. Юдина. По количеству книг собрание Г.В. Юдина было вторым после библиотеки Томского университета книгохранилищем за Уралом, а среди частных собраний, как отмечают исследователи, ему не было равных не только в России, но и за рубежом. По свидетельству современников, в домашней библиотеке Г.В. Юдина не было пропущено ни одного сколько-нибудь важного сочинения по русской истории от В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина до М.П. Погодина, С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова и В.О. Ключевского, были собраны уникальные издания и рукописи прошлых веков, революционная и нелегальная литература, почти все отечественные журналы XVIII и XIX столетий. С наибольшей тщательностью собирал Г.В. Юдин материалы о Сибири — произведения зарубежных и российских исследователей, местные издания — работы статистических комитетов и научных обществ, памятные книжки и календари, периодику, библиографические труды и т.д.²¹⁸

Будучи воплощением индивидуальной библиофильской страсти собирателя, высвечивая его личные вкусы и читательские интересы, домашняя библиотека Г.В. Юдина являлась олицетворением той культурно-созидательной энергии, которая накапливалась в Сибири на протяжении многих десятилетий.

В 80-х — первой половине 90-х гг. на востоке страны весьма интенсивно пополнялся круг читателей из средних слоев городского населения. Это происходило прежде всего за счет учащейся молодежи, находившейся под влиянием политических ссыльных. Данное обстоятельство вынуждены были признать даже представители местной власти²¹⁹.

На протяжении всего указанного периода со стороны правительства и политических ссыльных идет разнонаправленное воздействие на умы молодежи. Министерство народного просвещения предписывает инспекторам училищ строго наблюдать за чтением учащихся, печатает списки изданий, приобретение которых запрещается учебным заведениям. В то же время во всех крупных городах Сибири — Тобольске, Томске, Иркутске, Красноярске, Барнауле, Чите — создаются кружки самообразования молодежи, которые возглавляются, как правило, политическими ссыльными. Последними была разработана программа кружковых занятий и домашнего чтения, направленная на воспитание в молодежи критического отношения к официальной идеологии. За чтением беллетристики (прежде всего произведений писателей-народников) следовало изучение литературно-критических работ (Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, Д.И. Писарева), знакомство с основами социологии, психологии, философии. После общефилософской подготовки переходили к изучению законов общественного развития, книг по политической экономии, рабочему вопросу, истории революционных движений в Западной Европе и России²²⁰.

По воспоминаниям одной из участниц иркутского "читательского кружка" начала 90-х гг., бывшей гимназистки Е.А. Соловьевой, для руководства им давался объемный рукописный систематический каталог. Сама Е.А. Соловьева пользовалась лишь списком художественной литературы, по которому прочитала "Кто виноват?" А.И. Герцена, "Что делать?" Н.Г. Чернышевского, "Один в поле не воин" Ф. Шпильгагена, "Лес рубят, щепки летят" А.К. Шеллера-Михайлова и др. Книги она брала в городской библиотеке²²¹. "Былое и думы" А.И. Герцена она прочла в Женевском издании, принесенном руководителем кружка В.С. Голубевым.

Помимо кружков самообразования, в Сибири и на Дальнем Востоке широко развернулась культурно-просветительная деятельность различных обществ и учреждений, которые организовывали публичные чтения, литературные вечера.

В 80-х гг. ряд публичных чтений прошел в Томске. В них участвовали Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, профессора Томского университета²²².

В 1889 г. сильный резонанс в сибирском обществе вызвало известие о смерти М.Е. Салтыкова-Щедрина. По инициативе почитателей его творчества в Иркутском кафедральном соборе была отслужена панихида, на которую собралось, по сообщению "Восточного обозрения", около 200 человек "преимущественно из среднего класса обывателей". В том же Иркутске собранием Общества взаимного вспомоществования приказчиков было принято решение увековечить память писателя введением обычая "выдавать ежегодно полное собрание сочинений М.Е. Салтыкова-Щедрина тому из детей членов Общества, который первым окончит образование в одном из местных учебных заведений"²²³.

В 1891 г. большим литературно-музыкальным вечером отметили иркутяне 50-ю годовщину со дня гибели М.Ю. Лермонтова.

Все эти факты свидетельствуют о расширении книжных интересов среднего горожанина. Об этом же говорит и постоянно растущее количество читателей публичных библиотек (чиновников, мещан, купцов, военных, учителей, священников, ссыльных).

Самым широким спросом у горожан, как и в предшествующие десятилетия, пользовалась беллетристика. Наиболее часто в городских публичных библиотеках Сибири и Дальнего Востока спрашивали произведения Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.В. Гоголя. Столь же популярными были сочинения русских писателей второго ряда — П.Д. Боборыкина, Н.М. Карамзина, В.В. Крестовского, Н.А. Лейкина и др. Произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова не принадлежали к широко спрашиваемым. Большой популярностью у сибиряков пользовались книги зарубежных писателей — Г. Борна, Ж. Верна, Э. Габорио, В. Гюго, Ч. Диккенса, А. Додэ, Ф. Купера, М. Рида, В. Скотта, Ф. Шпильгагена, Г. Эмара и др. Приключенческими и авантюрными зарубежными романами особенно зачитывались подростки.

Определенным спросом в библиотеках Сибири и Дальнего Востока пользовались книги по истории, географии, естествознанию, технике и др. Например, в Иркутской городской публичной библиотеке в 1890 г. читатели заказывали исторические сочинения М. Вебера, С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова; произведения русских критиков В.Г. Белинского, Н.А. Полевого, книги Ч. Дарвина, Г. Льюиса и др.²²⁴

Главное место в круге чтения сибиряков занимали периодические издания, причем толстые журналы все больше вытеснялись иллюстрированными еженедельниками и газетами. Лидирующее положение по числу подписчиков, как и во всей российской провинции, занимал журнал "Нива". Среди других иллюстрированных еженедельников большой популярностью пользовались самые дешевые журналы — "Родина", "Живописное обозрение", "Всемирная иллюстрация", "Луч" и др. С 80-х гг. иллюстрированные журналы стали выпускать в виде ежемесячных бесплатных приложений ("премий") романы и повести популярных авторов и массово-востребуемые издания (исторические, "уголовные", любовные романы, сборники для детского чтения, книги по домоводству и т.д.). Это способствовало более интенсивному проникновению книги в средние слои населения²²⁵.

Из центральных газет в Сибири чаще всего выписывали "Свет", "Правительственный вестник", "Русские ведомости", "Новое время", "Сын Отечества", "Неделю", "Новости" и др. Среди толстых журналов наибольшее внимание подписчиков привлекали "Вестник Европы", "Исторический вестник", "Русская мысль",

"Русская старина", "Русский вестник", "Северный вестник", до закрытия в 1884 и 1888 гг. — "Отечественные записки" и "Дело".

Из периодических изданий выраженной профессиональной и тематической направленности наибольшее число подписчиков имели "духовные" ("Православное обозрение", "Странник", "Руководство для сельских пастырей", "Душеполезное чтение", "Русский паломник", "Церковные ведомости" и др.), для детей ("Детский отдых", "Досуг и дело", "Детское чтение", "Задушевное слово", "Игрушечка", "Родник" и др.). Офицеры, военные чиновники выписывали также "Военный сборник", "Русский инвалид", "Военно-медицинский журнал" и др. В небольшом количестве читателями выписывались медицинские, педагогические, технические журналы; основную часть подписчиков, по-видимому, составляли ведомства и учреждения.

На протяжении 80—90-х гг. в жизни сибирских горожан все большее значение приобретала местная периодическая печать. По количеству подписчиков отдельные сибирские газеты занимали почетное второе место после популярной "Нивы", а иногда и опережали ее. Так, в 1890 г. в Томске "Сибирский вестник" имел 580 подписчиков (идущая вслед за ним "Нива" — 192)²²⁶. В 80-х гг. в Красноярске сразу же после "Нивы" (87 подписчиков) следовали "Сибирская газета" (59 подписчиков), "Восточное обозрение" (35 подписчиков)²²⁷. В Барнаульском, Бийском, Кузнецком округах с их городами и в Колывани в 1889—1890 гг. выписывали 171 экз. "Нивы" (самое большое число подписчиков), 162 экз. "Сибирского вестника", 130 экз. "Томских епархиальных ведомостей", 117 экз. "Томских губернских ведомостей"²²⁸.

В целом же об интенсивности обращения сибирских горожан к периодической печати говорят и такие цифры: в 1885 г. в Иркутске один экземпляр выписываемых в городе периодических изданий приходился на 12 жителей, в Енисейске — на 13, Томске — на 15, Красноярске — на 21²²⁹.

В исследуемый период впервые в истории сибирского и дальневосточного общества к книге и чтению приобщаются низшие слои городского населения. Этому способствовали создаваемые интеллигенцией в начале 80-х гг. во многих городах общества попечения о начальном образовании. В Томске, Омске, Тюмени, Красноярске стали организовываться бесплатные народные воскресные чтения. Материалом для чтений обычно служили произведения художественной литературы, отрывки из популярных работ по истории, географии, естествознанию, медицине, религии и т.д.²³⁰

В 1886 г. было открыто Общество народных чтений во Владивостоке. Не имея собственного помещения, общество проводило лекции в учебных заведениях, казармах, музее, управе, тюрьме. По своему содержанию чтения имели религиозный, исторический и патриотический характер. На первом собрании были прочитаны отрывки из сочинения С. Рождественского "О Суворове". В 1888 г. деятельность общества почти прекратилась и возродилась вновь лишь в 1895 г.

С 1894 г. начинает работать Общество народных чтений в Хабаровске. На первом собрании была прочитана брошюра "Милость Божия над царем..." В первый год обществом было проведено 25 чтений, из них 13 — для солдат и матросов (2,5 тыс. слушателей), 12 чтений для самой широкой аудитории — рабочих, учащихся, торговцев и мелких служащих различных торговых фирм. Для привлечения большего числа слушателей чтения сопровождалось выступлениями хора учеников городского училища, игрой духового оркестра окружного штаба и т.п., перед началом чтений продавались дешевые книги²³¹.

Народные воскресные чтения собирали аудитории по 150 и более человек, давали толчок для дальнейшей самостоятельной работы с книгой. В данной социальной среде иногда выписывались дешёвые газеты, иллюстрированные и юмористические еженедельники — "Луч", "Неделя", "Будильник", "Шут" и др. Рабочие охотно читали рассказы и повести фантастического и исторического характера, "жестокие романы" Е.Н. Ахматовой, сказки, рассказы "про войну", "про русских героев", жития святых²³², в меньшей степени произведения В.Г. Короленко, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого. Лубочная литература и в этот период лишь в незначительной степени была потеснена публикациями "Посредника" и других культурных издательств. В целом же книга попадала в руки простых горожан от случая к случаю, являясь средством для отдыха и развлечения.

Среди различных слоев населения, приобщавшихся в 80—90-х гг. к чтению, были солдаты, матросы, казаки. Книги, с которыми сталкивался во время своей службы нижний чин, можно условно разделить на несколько категорий: специальная военная литература, религиозная, учебная, научно-популярная, военно-историческая, художественная, запрещенные печатные материалы.

В течение первых месяцев молодой солдат должен был изучить целый ряд уставов, наставлений, инструкций. Для обучения рекрутов широко применялась "Справочная солдатская книжка", которую выдавали грамотным солдатам, а неграмотным, которых в воинских частях было большинство, просто читали отдельные места и объясняли непонятное. Военное командование обращало внимание на то, что солдаты охотно берут "Справочную солдатскую книжку" и в свободное от службы время. Были случаи, когда солдаты предъявляли некоторые требования своему начальству, ссылаясь на этот справочник.

Религиозная литература была представлена книгами Священного писания, сочинениями о жизни и деятельности отцов церкви и почитаемых на Руси святых, изданиями по истории церкви. В список книг, с которыми обязаны были познакомиться молодые солдаты во время обучения, входил "Новый Завет". Его читали вместе со священником, объяснявшим непонятные места.

К военно-исторической литературе относились не только издания по истории русской армии или военных походов, но и многочисленные памятные книжки, отражавшие боевой путь конкретной воинской части. С 90-х гг. в казарму начинают проникать запрещенные издания, но широкий размах это явление получит лишь в начале XX в.

Военные власти внимательно следили за тем, чтобы "подведомственные им нижние чины не только не читали книг, могущих иметь вредное на них влияние, но и таких, какие не приносят пользы"²³³. В газете "Солдатская беседа" регулярно помещались рецензии на издания, рекомендуемые для чтения, давались советы, каких книг следует избегать. Полезным считался, например, "журнал для войск и народа" "Досуг и дело".

Таким образом, книга в руках нижнего чина во второй половине XIX в. чаще всего оказывалась по необходимости. Наиболее регулярно к ней обращались солдаты учебных команд и специальных воинских частей, например Сибирского жандармского округа, где требовалось систематически пополнять знания в своей области деятельности. В свободное время нижний чин редко брался за чтение, пожалуй, лишь солдаты из дворян и изгнанные из высших учебных заведений тянулись к книге или журналу, как единственному спасительному средству от серости армейской жизни. Интерес к печатному слову в солдатской среде лишь только начинал пробуждаться.

Ограниченными были читательские потребности и малообразованных обитателей сибирских тюрем. По предписанию властей, тюремные библиотеки содержали в основном литературу религиозно-нравственного содержания. Арестантам в сибирских тюрьмах, а иногда и на этапах, выдавались книги Ветхого и Нового Заветов, молитвенники, жития святых. Считалось важным, чтобы в каждой камере тюремного замка всегда находились Евангелие и молитвенник. Среди арестантов было много неграмотных, поэтому тюремная стража не препятствовала, когда грамотные устраивали громкие читки. Чаще всего эта принудительная "духовная пища" не имела должного воздействия. Так, писатель-народник П.Ф. Якубович-Мельшин, отбывавший каторгу на Каре и в Акатуе, вспоминал о судьбе Евангелий, которые раздавал грамотным арестантам Шелайской тюрьмы иностранный проповедник: "Розданные арестантам Евангелия в большинстве получили, как водится, совсем не то назначение, какое им давал проповедник, и пошли на курево и на другие, еще более низменные потребности..."²³⁴.

Тем не менее потребность в книгах и чтении у арестантов из простого народа была. Особой популярностью у них пользовались "жалостливые" произведения, раскрывающие жизнь маленького, забитого человека; различные образцы лубочной, в том числе авантюрно-приключенческой литературы. При отсутствии занимательного чтения в тюремных камерах практиковались пересказы по памяти ранее прочитанных книг²³⁵.

В 80-х — первой половине 90-х гг. главным образом благодаря становлению сети начальных училищ повысилась грамотность сельского населения восточной части страны. По данным массовых обследований сельского быта, в среднем она колебалась от 5 до 8%. Социальная и географическая дифференциация уровня грамотности усилилась. Минимальной была грамотность русской сельской бедноты, особенно в глухих районах, относительно высокой — в среде зажиточного крестьянства, у жителей крупных селений, лежащих в пригородной или притрактовой зонах. По этому показателю сохранялось преимущество старообрядцев с их почти исключительно домашним обучением над "никонианами". Образованнее собственно крестьян было казачество. К середине 90-х гг. в этой среде было до четверти лиц, "знающих русскую грамоту" (среди мужчин — более трети).

В 1886—1894 гг. администрация и научные организации впервые собрали по Сибири массовые статистические данные о сельском читателе и деревенском чтении. Судя по этим материалам, наиболее распространенным видом печатных изданий, пользовавшимся повсеместным спросом, оставались настенные картины с подписями, нередко маловразумительными. В качестве украшений их расклеивали в тех частях жилища, куда были вхожи гости. Один из руководителей широкого обследования сельского быта в Восточной Сибири Н.М. Астырев писал: "Мне пришлось побывать в нескольких десятках изб в разных концах описываемого района; в редкой избе я не находил ни одной картины, в большинстве же изб их оказывалось от двух до пяти штук, а в иных я насчитывал по десяти — двадцати и более листов"²³⁶.

Количество книжных изданий, имевших хождение в крестьянской среде, было еще очень невелико. В северо-западной части Барабы — на Спасском участке Каинского округа Томской губернии — в обследованных 3546 крестьянских дворах оказалось 1765 книг, что составляло 50 томов на 100 домохозяйств, 10 — на 100 человек населения, 185 — на 100 грамотных лиц²³⁷.

Большинство изданий книжного типа, имевших хождение в деревенской среде, по-прежнему отличалось церковным и религиозно-нравственным характером.

ром. Однако светская (гражданская) литература распространялась относительно быстрыми темпами. После того, как крестьянской семье удавалось обзавестись двумя-тремя важнейшими для православного человека "божественными" сочинениями "для спасения души", приобретали уже светские издания для развлечения, все чаще — для "любознания", удовлетворения интереса к окружающему миру, к "чуждому" миру иных людей и приключений.

Наиболее читаемой в кругу светских изданий оставалась литература из разряда сказочной, рассказы и повести из народного быта, русской истории. Значительная ее часть еще имела легковесный лубочный характер, но доходили до сибирских селений и неплохого качества "книги для народа", в том числе сочинения классиков русской и зарубежной литературы. Брали чаще всего в школьных библиотеках и читали "с доверием и любовью", но не всегда понимая содержание, "Капитанскую дочку" и стихи А.С. Пушкина, "Хижину дяди Тома" Г. Бичер-Стоу, произведения Н.В. Гоголя, П.П. Ершова, В.А. Жуковского, А.В. Кольцова, И.А. Крылова, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и иных авторов. Классику можно было найти все же гораздо реже, чем легкую беллетристику. Последняя была в ходу в 96% тех селений, где читали какую-либо светскую литературу. Книги научно-популярного содержания имели читатели в 30% селений, описания путешествий, разных стран и народов — в 23% населенных пунктов данной категории²³⁸. Определенное распространение получили издания по сельскому хозяйству. Научно-популярные книги по истории, естественным наукам хотя кое-где и имелись, но востребовались редко.

Узким являлся круг периодических изданий, к которым обращались крестьяне. По сведениям, собранным на рубеже 80—90-х гг. в 61 селении Восточной Сибири, тамошние жители выписывали 120 экз. периодики около 30 наименований²³⁹. В 1894 г. в сельской местности Сибири обращалось около 50 наименований периодических изданий, не считая сугубо специальных и листовок, выпускавшихся отдельными обществами и организациями²⁴⁰. Периодика поступала преимущественно педагогам, чиновникам и священникам, поселившимся в селе приезжим торговцам и предпринимателям, местным торгующим крестьянам, должностным лицам сельского и волостного самоуправления. На общественные средства по постановлениям сходов на нее подписывались некоторые волостные, сельские и станичные правления, начальные народные училища. Наиболее популярными были богато иллюстрированные журналы и газеты для легкого чтения: "Нива", "Родина", "Вокруг света", "Луч", "Живописное обозрение" и др. Расширялся круг читателей серьезных региональных изданий ("Восточное обозрение", "Сибирский вестник", "Енисей"), центральных газет для крестьянской аудитории — "Сельский вестник", "Сельский хозяин".

Новым моментом в истории сельского читателя можно считать организацию народных чтений, проводившихся священниками или местной интеллигенцией. Не будучи, как раньше, уже большой редкостью, такие чтения в большинстве случаев посвящались религиозно-нравственным проблемам, но порой уделялось внимание также художественной и научно-популярной литературе. Повсеместно сохранялась традиция семейного чтения, периодические издания частенько читали вслух на крестьянских и казачьих сходах, просто в избах при скоплении заинтересованных посетителей.

Крестьянство продолжало оставаться преимущественно объектом культурного воздействия властей и церкви, но далеко не всегда пассивно следовало за своими наставниками. В среде крестьян укреплялись позиции людей, стремившихся к

самостоятельности, совершенствованию своего образа жизни с учетом книжных знаний.

О том, насколько книга и чтение вошли в быт коренного населения Сибири и Дальнего Востока, можно судить по степени распространения в его среде грамотности. Если по всеобщей переписи 1897 г. грамотные за Уралом составляли 12,4% населения, то у коренных национальностей их было 9,9%. При этом необходимо отметить большой разброс показателей грамотности среди различных народов — от мизерной грамотности как на русском, так и на своих языках (0—2%) у коряков, остяков (хантов), чукчей, эскимосов, юкагиров до 7,2% грамотных у бурят, 21% у татар Тобольской губернии, 64% мужского населения и 17% женского населения у алеутов Приморской области. Русская грамотность наиболее привилась у эвенков Забайкалья, ненцев Томской губернии, якутов, проживающих в областном центре. Мало распространялась грамотность (русская и тюркская) среди казахского населения Акмолинской области, хотя по другую сторону Урала она была довольно значительной. Из ранее бесписьменных народов наибольшие успехи в овладении русской и национальной грамотой обнаруживались у алтайцев, живущих вблизи миссионерских центров: в городах Томской губернии (11,9% русская грамотность, 12,3% — национальная грамотность), что связано с активной деятельностью Алтайской духовной миссии. Грамотность на национальных языках преобладала над русской и вообще была наиболее значительна лишь у народов, имевших многовековой опыт собственной письменности и книжной культуры (восточные буряты и татары).

При всей незначительности распространения книги в среде коренных народностей зауральских территорий, в XIX в. закладывались основы их приобщения к печатному слову. Известны случаи, относящиеся к 80-м — первой половине 90-х гг., когда богатые буряты, якуты, другие "торгующие инородцы" выписывали русскую периодику — "Ниву", "Восточное обозрение", "Живописное обозрение", "Вокруг света", "Неделю", "Родину", "Русскую мысль", "Вестник Европы", "Сельский вестник", "Журнал общества трезвости" и др.²⁴¹

Наиболее богатые книжно-культурные традиции складывались у бурят Забайкалья. Монгольская письменность и монгольская книжная культура пришли к восточным бурятам еще в XVII в. При крупных монастырях (дацанах) возникали библиотеки, существовали богословские школы для изучения догматов буддийской философии. В середине XIX в. в среде грамотных бурят Забайкалья бытовало множество ламаистских изданий на старомонгольском языке — обрядники и молитвенники, дидактические книги в форме назидательных рассказов, басен, сказок, афоризмов, житейских историй²⁴². Сборники занимательных сказочных историй, притч, афоризмов пользовались популярностью у простых бурят. Их покупали для домашних библиотечек, читали или пересказывали в кругу семьи. В личных библиотеках бурятских лам можно было встретить русскую литературу о ламаизме, ученые трактаты по теософии. Правда, из-за плохого знания русского языка ламы не всегда их могли прочесть²⁴³. Отдельные очаги мусульманской книжности можно обнаружить в среде татар Тобольской губернии. К сожалению, мы очень мало знаем о чтении в замкнутой среде, складывавшейся вокруг буддийских дацанов и мусульманских мечетей и медресе. До широких масс бурятского и татарского населения культовые книги, по всей видимости, доходили в незначительном количестве. Малодоступными были и издания на русском языке, а также религиозно-нравственная литература, переводимая специально для коренных народностей православными миссионерами. Как отмечалось в отчете

Енисейского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1895 г., "грамотным инородцам читать, по большей части, было нечего"²⁴⁴.

Л.С. Личков, изучавший круг чтения населения Иркутской и Енисейской губерний в 1888—1894 гг., писал, что бывшие учащиеся инородческих училищ, живущие поблизости от учебных заведений, продолжают брать книги в школьной библиотеке, пользуясь рекомендациями учителей; им случалось знакомиться с работами естественно-научного, географического, исторического содержания, из беллетристики — с дешевыми изданиями сочинений Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Н.В. Гоголя и др. Жившие вдали от школы читали произведения лубочной литературы, которые можно было приобрести в местной лавочке, у проходящих арестантов иногда покупали по дешевке Евангелие, заказывали книги едущим в город родственникам, которые по безграмотности привозили то, что попадалось под руку. По наблюдениям того же Л.С. Личкова, чтение, имевшее некоторое распространение в кругу инородческой молодежи, в очень незначительной степени затронуло пожилых людей и стариков²⁴⁵. Корреспонденты Вольного экономического общества в 1895 г. отмечали, что буряты любят книги "с необычайным содержанием — сказки, исторические рассказы, случаи из военной жизни; книги духовного содержания иногда и читаются, но не с таким интересом"²⁴⁶.

Наиболее разветвленные и гибкие формы пропаганды книги среди коренного населения сложились в Алтайской духовной миссии. Во всех ее станах регулярно проводились воскресные внебогослужебные беседы и чтения, часто сопровождавшиеся пением; организовывались чтения по домам, практиковалось хождение чтеца, причетника или учителя по юртам алтайцев. Читались обычно различные поучительные духовно-нравственные статьи из "Странника", "Душеполезного чтения", "Народной беседы", "Мирского вестника", рассказы и повести о вреде пьянства, басни И.А. Крылова. Ученики школы пели стихи из "Лепты" о всеподданнической любви к императору.

Вниманием слушателей пользовались переведенные с русского языка или составленные на алтайском языке рассказы из Священной истории, нравственно-назидательные сочинения в прозе и стихах. Особенно популярными среди алтайцев были поучительные статьи в форме притч и разговоров М. Чевалкова. ("Разговор русского петуха с алтайским филином о превосходстве земледелия перед звериным промыслом"; "Спор чая с водкой" — о вреде пьянства; "Лягушка и Сыгырган" — о труде и праздности; "Тетеря и Курица" — о самонадеянности)²⁴⁷. Стихи и рассказы алтайца М. Чевалкова, созданные на родном языке, стали любимым чтением народа, заучивались неграмотными наизусть²⁴⁸. Живое взаимодействие печатных произведений М. Чевалкова с народной средой закладывало основы национальной книжной культуры алтайцев. В целом же книги на языках ранее бесписьменных народов Сибири и Дальнего Востока в 80-х — первой половине 90-х гг. лишь начинали оказывать влияние на культуру и социальное бытие этих народов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период, охватывающий конец XVIII и XIX столетие, — один из важных этапов в истории отечественной книги. На протяжении этого времени книга становится определяющим и наиболее универсальным явлением культуры, концентрирующим в себе основные моменты социального развития общества.

Огромность российского пространства порождает специфические черты как культуры в целом, так и ее книжной ветви, ослабляет их "вертикаль" — системообразующую иерархию ценностей и ориентаций¹. Это, в частности, приводит к асинхронности культурно-исторического развития центра и периферии. Удаленные от столиц территории с запозданием и в специфическом исполнении повторяют те процессы, которые генерируются в центре. Все это в полной мере относится к книжной культуре зауральских территорий.

На протяжении исследуемого периода в книжном деле Сибири и Дальнего Востока (производстве изданий, книжной торговле, библиотечном деле, пропаганде и потреблении книжного знания) формировались и накапливались те черты, которые были заданы политическими, экономическими и культурными условиями развития страны. Постепенное освобождение России от феодально-крепостнических пут, укрепление капиталистических форм хозяйствования и управления, становление в обществе элементов гражданского самосознания порождали фундаментальные изменения в книжной культуре как страны в целом, так и ее отдельных территорий. Широкий процесс "децентрализации духовной культуры" (термин Н.К. Пиксанова) сказывался и на развитии книжного дела.

Постепенная демократизация общества, трансформация самодержавной системы управления порождали все более стойкую потребность в книге, которая помогала людям приобщаться к достижениям современной культуры и тем самым давала им шанс на равноправное участие в гражданской жизни.

Переустройство всего экономического уклада российской жизни, нацеленность на широкое освоение природных ресурсов страны требовали все большего числа образованных людей, способных не только понять учебные программы, но и самостоятельно ориентироваться в мире неожиданных социальных ситуаций и новых технологий. Конец XVIII и XIX столетие породили в России огромную тягу к образованию и просвещению, вызвали к жизни на всем ее пространстве множество научных, учебных и просветительных учреждений, библиотек, книжных лавок и магазинов, типографий и книгоиздающих организаций, обществ по распространению грамотности и книжного знания.

Характерной чертой эпохи была устремленность к повышению уровня народного образования и просвещения как со стороны государства и его административных структур, так и со стороны образованных слоев населения — интеллигенции, дворянства, купечества. Не всегда оба эти движения, озабоченные просвещением народа, действовали единоподобно, однако само стремление общества к самоорганизации и самостоятельности было явлением знаменательным. Оно породило, в частности, большое количество инициатив по созданию публичных и народных библиотек и читален, содействовало выпуску многих

полезных книг. Особенно весомой общественной инициатива становилась в далекой от центра провинции, где финансовые возможности местного управления были весьма скромными.

Большое влияние на книжную культуру исследуемого периода оказала растущая секуляризация общества, постепенно освобождавшегося от всеобъемлющего контроля со стороны церкви. На протяжении последней четверти XVIII—XIX вв. активно менялся репертуар выпускаемых в стране книг в пользу светской литературы. Печатное слово, несущее практическое знание, помогающее ориентироваться в конкретике сегодняшнего дня, просто развлекающее для большей части грамотного населения постепенно отодвигало на второй план литературу религиозного содержания, составлявшую основу духовного бытия немногочисленных книжечеев предшествующей эпохи.

Развиваясь в русле общероссийских тенденций, книжная культура Сибири и Дальнего Востока имела и свои отличительные черты. Печатное слово за Уралом пробивало себе дорогу со значительно большими трудностями, чем в Европейской России. Огромность и малонаселенность территорий, отсутствие вплоть до середины 90-х гг. XIX в. железных дорог и каких-либо иных надежных средств сообщения, отдаленность друг от друга местных очагов культуры, немногочисленность образованных, читающих, наконец, просто грамотных людей тормозили как сами конкретные действия в области книжного дела, так и повсеместное проникновение книжной культуры в народную среду.

Одна из характерных особенностей книгопроизводства на востоке страны — относительно устойчивое внимание к рукописным формам книжного творчества. В исследуемый период появление светских рукописных сборников, журналов, газет чаще всего связано с неразвитостью местной полиграфической базы, цензурными затруднениями, попытками наладить выпуск нелегальной литературы.

Сравнение тематической структуры сибирского и дальневосточного книгоиздания с общероссийскими показателями свидетельствует о единстве книжно-культурных процессов, протекавших в разных краях страны. Об этом же свидетельствуют и тиражи местных изданий.

При всей значительности изменений, которые происходили на протяжении исследуемого периода в продвижении книги за Урал, развитии полиграфических и издающих учреждений, сети библиотек, книжных лавок, магазинов и иных форм распространения печатного слова, меньшая, по сравнению с Европейской Россией, насыщенность территории подобными заведениями, слабость книжного рынка и в конце XIX столетия оставались характерными особенностями Сибири и Дальнего Востока. В силу этого здесь приобретали важное значение и долго сохранялись архаичные, а также внеэкономические формы распространения произведений печати — принудительное ведомственное книгораспространение "сверху", система административного информирования и заказа литературы для нижестоящих инстанций, благотворительная передача и дарение книг, насыщение края изданиями, привозимыми политическими ссыльными и присылаемыми им. В образованной среде сибиряков и невольных жителей края существовало негласное правило — уезжая на запад, не увозить с собой книги. Частично поэтому на востоке страны шел непрерывный процесс перераспределения имеющегося книжного пласта.

Характер развития книжной культуры Азиатской части России в значительной степени определялся социальными, этническими, ментальными особенностями местного общества.

Нельзя не учитывать относительной молодости формирующейся здесь книжной культуры, шагнувшей за Урал вместе с первыми российскими землепроходцами. Ее укоренение на местной почве происходило значительно позже, чем в Центральной России, не имело подпитки со стороны таких мощных духовных институтов, как древние православные монастыри и дворянские усадьбы. К XIX в. книжная культура Сибири и Дальнего Востока не успела накопить устойчивых традиций. Это давало ей возможность динамично реагировать на условия места и времени, сравнительно легко меняться под их воздействием.

В то же время отдаленность от почвы, "принесенность" извне порождали в книжной культуре восточных районов страны и иное, противоположное явление — отдельные категории населения (крестьяне-переселенцы из определенных районов Центральной России в местах компактного и изолированного их проживания, старообрядцы) сохраняли в неизменном виде, как бы консервировали в своем сознании архаичные формы книжности, принесенные их предками из родных мест (сохранение древнерусской рукописной традиции, признание в старообрядческой среде прежде всего "дониконовских" вероучительных и богослужебных книг и отрицание произведений "гражданской печати", обучение детей грамоте на церковно-славянском языке и т.д.).

Такие образцы "законсервированной" древнерусской книжной традиции, сохранявшиеся за Уралом на протяжении XVIII—XIX вв. и в более поздние времена и давно утраченные в Европейской России, являли собой как бы отдельные самообитные островки местной книжной культуры. То же самое можно сказать о сохранявшихся очагах буддийской бурятской и мусульманской татарской книжности.

Большое влияние на книжную культуру Сибири и Дальнего Востока оказывала многокомпонентность, разнохарактерность этнического, сословного, религиозного состава населения, включавшего в себя значительное число коренных народностей края, русских старожилов, постоянно растущие миграционные потоки из Европейской России, контингент уголовной и политической ссылки и каторги, казацкие поселения и т.д. Все это многообразие людских судеб и социально-психологических парадигм в сочетании с объединяющим воздействием суровых климатических условий и оторванностью от центра кристаллизовало определенные черты местной книжной культуры. К ним можно, например, отнести терпимость (религиозную, национальную); ослабление сословных барьеров в использовании имеющегося книжного пласта, установку в первую очередь на "полезное" чтение, приносящее реальные результаты; слабую развитость чисто эстетических потребностей, проявляющуюся как в выборе книг, так и их восприятии и др.

Нельзя не отметить тонкости и прерывности образованного слоя сибирского и дальневосточного социума, неграмотного в своем большинстве и не ведавшего книги и на исходе XIX в. Значительная часть сибирского крестьянства, составлявшего основную массу населения, и к концу исследуемого периода жила категориями докнижной культуры (фольклор, непосредственное слово носителя духовного знания, устная передача информации) или приобщалась к печатному слову в процессе коллективных чтений.

О начальности книжно-культурных традиций можно говорить и по отношению к ранее бесписьменным коренным народам Сибири и Дальнего Востока. Именно в XIX в. закладывались основы письменности и книжного строительства, которые предопределили дальнейшую судьбу многонациональной книжной культуры края. Однако процесс овладения бесписьменными народами грамотой, навы-

ками чтения, формирование самих книжных потребностей всегда сложен и длителен. XIX век лишь обозначил начало этого пути.

При всей ограниченности проникновения книжной культуры в быт местного населения, многочисленности людей, так и не овладевших к концу XIX столетия универсальным языком современной им цивилизации, неверно было бы думать о слабости и неразвитости книжной культуры Сибири и Дальнего Востока в целом. Характерная местная особенность ее становления — более резкая, по сравнению с Европейской Россией, поляризация духовных потребностей основной (по численности) массы населения и ее образованной, подвижной, социально активной части. Интенсивность обращения к печатному слову, нацеленность на широкое использование книги для решения практически важных задач существенно отличали эту, последнюю, категорию ее жителей (интеллигенцию, просвещенных купцов и представителей администрации, высшее духовенство, политических ссыльных) от аналогичных групп населения более благополучных и благоустроенных провинций Европейской России.

Книжная культура Сибири и Дальнего Востока, как можно заметить, не была монолитным организмом, единым для всей территории края. Она развивалась по линии "культурных узлов" (термин Н.В. Здобнова), концентрировалась вокруг отдельных городов, индивидуальные черты которых — географическое положение, хозяйственный уклад, традиции, исторический фон и т.д. — накладывали отпечаток на характер книжной деятельности.

Как самостоятельная и значимая сфера общественной жизни книжная культура могла ярко заявить о себе лишь при условии, если в местном обществе обозначилась серьезная потребность в печатной продукции, сложился стабильный круг интеллигенции, способной ее производить, использовать и распространять, сформировались определенные силы (в лице администрации или меценатов), готовые этот процесс материально поддержать. Естественно, что такими книжными центрами в конце XVIII—XIX вв. могли стать лишь крупные (губернские или областные) города — средоточия административной и хозяйственной жизни. Выдвинул такие крупные центры книжной культуры, как Тобольск и Иркутск. Последний и в XIX в. продолжал оставаться "книжной столицей" Сибири, пока эта роль в конце 80-х гг. не перешла к Томску. На протяжении XIX в. ярко заявили о себе такие книжные центры, как Омск, Красноярск, Барнаул, Тюмень, Минусинск, Кяхта и др. В 90-х гг. стали быстро набирать культурный потенциал молодые дальневосточные города — Хабаровск, Благовещенск, Владивосток.

Характерная черта книгоиздания исследуемого периода — постоянное расширение его географии, включение в процесс производства книги все большего числа областных и окружных центров. Если для 60—70-х гг. можно говорить лишь о нескольких городах края как о книгоиздающих, то в 80-х — первой половине 90-х гг. 21 город Сибири и Дальнего Востока так или иначе причастен к производству книжной продукции. В некоторых из них сложилась достаточно прочная полиграфическая база, сформировался относительно широкий круг интеллигенции, способный участвовать в создании местной книги.

При всем многообразии путей развития сибирских и дальневосточных городов и формирующейся в них книжной культуры, можно обнаружить заметные различия между двумя их характерными типами, подмеченными еще Г.Н. Потаниным² — городами буржуазными и бюрократическими, или чиновничьими.

В городах, сформировавшихся по буржуазному типу (Томск, Тюмень, Барнаул, Владивосток, Благовещенск и др.) развитие книжной культуры носило, как правило, инициативный характер, было связано с деятельностью отдельных лиц, частных типографий, издателей, книготорговых фирм, общественных организаций. Ее интенсивность зависела в значительной мере от наличия в городе интеллектуальной демократической среды и богатых предпринимателей, степени их консолидации.

Книжная культура бюрократических, или чиновничьих, городов (Тобольск, Омск, Красноярск, Хабаровск, Чита и др.) существовала прежде всего в рамках определенной структуры — статистического комитета, редакции губернских ведомостей, казенной типографии, научного общества, поддерживаемого местными органами власти. Ее развитие носило по преимуществу более упорядоченный, регламентированный характер, имело ярко выраженную целевую направленность, но при этом нередко становилось менее творческим и свободным. Соединение в Иркутске сильнейших сторон обоих типов городов создавало для книжной культуры наиболее благоприятные условия.

Разумеется, подобную дифференциацию городов редко можно было наблюдать в чистом виде. Так, в чиновничьем Красноярске широко развивалось инициативное книгоиздание, а в купеческом Барнауле основные издательские силы группировались вокруг статистического комитета. Яркие начинания в области книжной культуры нередко вызывались случайным появлением в городе неординарной личности. Однако и в этом случае ее возможность проявиться, осуществить свои замыслы определялась местной культурной обстановкой, являлась для города закономерной.

Отдаленность от центра накладывала определенный отпечаток на развитие книжного дела зауральских территорий. В центральных губерниях издательская инициатива подпитывалась творческим взаимодействием с Москвой и Петербургом, участием в местных изданиях столичных и иных авторов, нередкой их помощью в устранении цензурных затруднений. Издатели центральных районов России, в сравнении с сибирскими, могли рассчитывать и на более широкий рынок сбыта книжной продукции, ее продажу через столичные торговые фирмы. Это давало издательской предприимчивости определенные гарантии и стимулировало ее развитие. Книгоизданию Сибири и Дальнего Востока приходилось опираться прежде всего на собственные силы. Отдаленность от центра здесь усугубляла цензурную волокиту и затрудняла культурные и творческие связи со столицами. Местный книжный рынок не позволял издателям быть уверенными в финансовом успехе. Все это вплоть до середины 90-х гг. XIX в. ослабляло книгоиздательскую инициативу, задерживало появление здесь издателя-профессионала, тормозило развитие полиграфического производства. Книгоиздание восточных окраин сильнее, чем провинций Европейской России, было ограничено в своих творческих замыслах и возможностях, развивалось в рамках конкретных обществ и организаций, более тесно связанное с провинциальными учреждениями, государственными органами. Независимое развитие книгоиздания Сибири и Дальнего Востока определяло самостоятельность и целеустремленность. Более остро, чем в других районах России, местная печать и книгоиздание ставили вопрос об экономической и культурной самостоятельности края, его развитии и социальном переустройстве. Именно через печать и книгу утверждались здесь идеи и принципы областничества, навыки общественного самоуправления.

Несмотря на многообразие путей формирования книжной культуры в различных городах Сибири и Дальнего Востока, нельзя не выделить и ее общую характерную особенность — действенное, целенаправленное и согласованное участие в работе всех интеллектуальных сил общества. Просвещенное купечество серьезной материальной поддержкой книгоиздания, различных каналов распространения литературы, библиотечного дела существенно смягчало финансовую беспомощность нарождающихся культурных процессов, компенсировало экономическую неэффективность книжного рынка. Включение в работу значительного круга сибирской и дальневосточной интеллигенции придавало книжному делу определенную стабильность и устойчивость, гарантировало ему жизненную значимость и некоторую широту. Живое участие в культурной деятельности политических ссыльных усиливало ее демократический характер, а сосредоточение в крае большого числа высокообразованных людей с университетским или институтским прошлым повышало ее уровень, содействовало развитию издательской предприимчивости, журналистики, книжного просветительства, закладывало основы исследовательского и редакторского профессионализма.

Политические ссыльные осуществляли интеллектуальную связь центра и периферии, выполняли роль кровеносной системы единого духовного русского организма. Характерно, что именно за Уралом бывшие революционеры в значительно большей степени переключились на культурно-созидательную деятельность, чем в каких-либо иных районах страны.

Консолидация образованных слоев сибирско-дальневосточного общества в исследуемый период во многом определила интенсивность, широту и многообразие всех форм деятельности, связанной с изданием, распространением и использованием произведений печати. Книжная культура региона обрела свое самостоятельное лицо, превратилась в серьезную движущую силу общественного развития в крае. Стала она и важной составляющей общероссийской культуры.

Примечания

ПРЕДИСЛОВИЕ

- ¹ *Баренбаум И.Е.* Предисловие // Пайчадзе С.А. Русская книга в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. — Новосибирск, 1995. — С. 8—9; *Он же.* К вопросу об универсальном определении понятия "книга" // Книга: Исслед. и материалы. — 1977. — Сб. 34. — С. 11.
- ² *Пайчадзе С.А.* Исследование региональных проблем книжного дела — закономерное следствие развития книговедения (XIX — начало XX в.) // Развитие книжной культуры Сибири XIX — начала XX в. — Новосибирск, 1982. — С. 5—6.
- ³ *Февр Л.* Бой за историю. — М., 1991. — С. 65.
- ⁴ *Блок М.* Апология истории или ремесло историка. — 2-е изд. — М., 1986. — С. 25, 27.
- ⁵ *Гумилев Л.Н.* География этноса в исторический период. — Л., 1990. — С. 33.
- ⁶ *Ванков С.Н.* Речь председателя Отдела С.Н. Ванкова // Зап. / Приамур. отд-ние ИРГО. — Т. 7, вып. 2 (юбил.). — Хабаровск, 1909. — Разд. паг. — С. 3—4.
- ⁷ *Маргаритов В.П.* Речь члена Отдела В.П. Маргаритова // Зап. / Приамур. отд-ние ИРГО. — Т. 7, вып. 2 (юбил.). — Хабаровск, 1909. — Разд. паг. — С. 7—38; *Куртеев К.К.* Речь члена Отдела К.К. Куртеева // Там же. — С. 38—55.
- ⁸ *Ильин И.А.* О России. — М.: Студия "ТРИТЭ" — "Рос. Архив", 1991. — 32 с.
- ⁹ *Покровский Н.Н.* Путешествие за редкими книгами. — 2-е изд. — М.: Книга, 1988. — 284 с.
- ¹⁰ *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. — 2-е изд. — СПб., 1892. — XVI, 720 с.
- ¹¹ *Герцен А.И.* Крещенная собственность // Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. — М., 1957. — Т. 12. — С. 110.
- ¹² *Пайчадзе С.А., Лютов С.Н., Савенко Е.Н.* Военная книга в Сибири и на Дальнем Востоке: история издания и социальные функции (1917—1945 гг.). — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. — 180 с.
- ¹³ *Шомракова И.А.* Монография по истории книги в России // Книга: Исслед. и материалы. — 1990. — Сб. 61. — С. 190.
- ¹⁴ *Гуревич А.Я.* О кризисе современной исторической науки // Вопр. истории. — 1991. — № 3. — С. 25.
- ¹⁵ *Пиксанов Н.К.* Областные культурные гнезда: Ист.-краевед. семинар. — М.; Л., 1928. — 148 с.
- ¹⁶ Там же. Областные культурные гнезда... — С. 63.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ. ИСТОЧНИКИ

- ¹ *Шукин Н.С.* Коряковская станица // Тобол. губ. ведомости. — 1858. — № 12. — С. 256—257; *Он же.* О книжном чтении в Иркутске // Сев. пчела. — 1844. — № 128; *Семенов Ф.* Охотская общественная библиотека // Вестн. ИРГО. — 1851. — Ч. 1. — С. 64; *То же* // Мор. сб. — 1851. — № 3. — С. 259.
- ² *Публичные библиотеки, книжные лавки, типографии, писчебумажные фабрики* // Тобол. губ. ведомости. — 1857. — № 34. — С. 346—349. — Подпись: Говорун.
- ³ *Виноградов А.* Духовная библиотека в Якутске // Православ. обозрение. — 1862. — № 12. — С. 151.
- ⁴ *Вагин В.И.* Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. — СПб., 1872. — Т. 1—2; *Максимов С.В.* Сибирь и каторга. — СПб., 1871. — Ч. 1—3; *Жмакин В.* Английская миссия за Байкалом (1817—1840 гг.) // Христиан. чтение. — 1881. — № 9—10. — С. 454—472.
- ⁵ *Бахтияров А.А.* История книги. — СПб., 1890. — С. 246.

- ⁶Гродеков Н.И. Об открытии Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Имп. Русского географического общества. — Иркутск; Типолит. К.И. Витковской, 1894. — 27 с.; Павленков Л.Н. Книжное дело и периодические издания в России // Ист. вестн. — 1887—1896. — Т. 32, 36, 40, 44, 48, 52, 57, 61, 66.
- ⁷Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб., 1892. — С. 650—653, 669—690.
- ⁸Дмитриев-Мамонов А.И. Начало печати в Сибири. — 3-е изд. — СПб., 1900. — 72 с.
- ⁹К двадцатипятилетию общественной деятельности Петра Ивановича Макушина в Сибири // Сиб. вестн. — 1891. — 10 марта; *Двадцатипятилетие* сибирского книжного магазина П.И. Макушина в Томске. 19 февраля, 1873—1898. — Томск, 1898. — 2,39 с.; *Двадцатипятилетие* Сибирского книжного магазина П.И. Макушина в Томске. 19 февраля 1898 г. — Томск, 1899. — 10 с.; Бах-в. Петр Иванович Макушин // Сибирский торгово-промышленный календарь. — СПб., 1911. — Отд. 2. — С. 16—20.
- ¹⁰Либрович С.Ф. История книги в России. — СПб.; М.: Изд-во т-ва М.О. Вольфа, 1913. — Ч. 1. — 224 с.
- ¹¹Виленский В.Д. Памятные книжки Якутской области: Ист.-библиогр. очерк // Сиб. арх. — 1915. — № 6. — С. 280—286; Черенин Н.П. Как открывать и вести книжную торговлю в провинции. — М.: Посредник, 1909. — 34 с.
- ¹²Куфаев М.Н. История русской книги в XIX веке. — Л., 1927. — С. 96, 119, 209—284.
- ¹³Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда: Ист.-краевед. семинар. — М.; Л., 1928. — С. 3—8, 15, 19, 30—32.
- ¹⁴Здобнов Н.В. Проблемы экономики книги: В порядке постановки вопр. (1929) // Здобнов Н.В. Избранное. — М., 1980. — С. 91; Муратов М.В. Очерк истории книгоиздательства и книготорговли. 1800—1917 гг. — М.; Л., 1931. — С. 32, 120, 144, 155 и др.
- ¹⁵Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х годов XIX в. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. — 242 с.
- ¹⁶Азадовский М.К. Очерки литературы и культуры Сибири. — Иркутск: Обл. изд-во, 1947. — Вып. 1. — 201 с.
- ¹⁷Петряев Е.Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. — Чита: Кн. изд-во, 1954. — 260 с.; *Он же*. Впереди огни: Очерк культуры прошлого Забайкалья. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. — 340 с.
- ¹⁸400 лет русского книгопечатания. 1564—1964. Т. 1. Русское книгопечатание до 1917 г. — М., 1964. — С. 207, 302, 423, 522—530.
- ¹⁹Малыхин Н.Г. Очерки по истории книгоиздательского дела в СССР. — М., 1965. — С. 135.
- ²⁰Блюм А.В. Издательская деятельность в русской провинции конца XVIII — начала XIX в.: (Основ. тематич. направления и цензурно-правовое положение) // Книга: Исслед. и материалы. — 1966. — Сб. 12. — С. 136—159.
- ²¹Ханинсон А.Г. Состояние и проблематика исследований по истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири // Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири. — Новосибирск, 1969. — С. 7—25.
- ²²Баторов В.В. У истоков книжного дела в Томске (1819—1876 гг.) // Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири. — Новосибирск, 1969. — С. 27—35; Боннер А.Г. Коллекция книг В.Н. Баснина в научной библиотеке Иркутского университета // Там же. — С. 146—154; Манассеин В.С. Книжные собрания Иркутска в XVIII и первой половине XIX столетия // Там же. — С. 114—145; Хребтова Е.Г. Прошлое и настоящее библиотеки // Там же. — С. 92—103.
- ²³Пайчадзе С.А. Некоторые вопросы истории и современного состояния книжного дела на Дальнем Востоке // Науч. б-ки Сибири и Дал. Востока. — 1973. — Вып. 17. — С. 39—54.
- ²⁴Павлов В. За кованной дверью // Урал. следопыт. — 1970. — № 6. — С. 2—13; То же. — № 7. — С. 14—35.
- ²⁵Утков В.Г. Книги и судьбы: Очерки. — М.: Книга, 1981. — 224 с.

²⁶*Бойко В.П.* К вопросу об оценке деятельности П.И. Макушина в дореволюционной и советской историографии // Макушинские чтения. — Новосибирск, 1988. — С. 8—12; *Сталева Т.П.* Сибирский просветитель Петр Макушин. — Томск: Кн. изд-во, 1986. — 192 с.

²⁷*Соколова В.П.* Русское географическое общество и библиография истории, археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока (1845—1917) // Науч. б-ки Сибири и Дал. Востока. — 1970. — Вып. 1(4). — С. 181—203.

²⁸*Николаева Г.Г.* Из истории развития библиотечного дела на Алтае (XVIII—XIX вв.) // Науч. б-ки Сибири и Дал. Востока. — 1972. — Вып. 11. — С. 53—58; *Садохина Т.И.* Ф.Ф. Буссе — краевед и первый библиограф Дальнего Востока // Там же. — С. 92—102; *Трусова З.Н.* К вопросу об идейном влиянии А.Н. Радищева на тобольских вольнодумцев // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). — Новосибирск, 1973. — С. 205—218.

²⁹*Абрамов К.И.* История библиотечного дела в СССР. — 3-е изд. — М.: Книга, 1980. — 352 с.; *Баренбаум И.Е.* История книги: Учеб. для вузов. — 2-е изд. — М.: Книга, 1984. — 248 с. — (1-е изд. в соавт. с Т.Е. Давыдовой. — М.: Книга, 1971. — 464 с.); *Говоров А.А.* История книжной торговли в СССР. — М.: Книга, 1976. — 400 с.; *Мыльников А.С.* Книга и культура // Книга и культура. — М., 1979. — С. 3—16 и др.

³⁰*Книга в России. 1861—1881 гг.* В 3-х т. — М.: Книга, 1988—1991. — Т. 1—3.

³¹*Пайчадзе С.А.* Исследование региональных проблем книжного дела — закономерное следствие развития книговедения (XIX — начало XX в.): Теория, методология, историография // Развитие книжной культуры Сибири XIX — начала XX в. — Новосибирск, 1982. — С. 5—19.

³²*Пайчадзе С.А.* Книга Дальнего Востока: Очерк истории. — Хабаровск: Хабар. кн. изд-во, 1983. — 160 с.

³³*Книжное дело Сибири и Дальнего Востока в XIX — XX вв.* — Новосибирск, 1986. — 130 с.; *Книга в Сибири (конец XVIII — начало XX в.).* — Новосибирск, 1989. — 176 с.; *Распространение книги в Сибири (конец XVIII — начало XX в.).* — Новосибирск, 1990. — 180 с.; *Книга и книжное дело Сибири: История, современность, перспективы развития.* — Новосибирск, 1989. — 252 с.; *Макушинские чтения.* — Новосибирск: Кн. изд-во, 1988. — 125 с.; *Вторые Макушинские чтения.* — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. — 238 с.; *Третьи Макушинские чтения.* — Новосибирск, 1994. — 264 с.; *Четвертые Макушинские чтения.* — Новосибирск, 1997. — 329 с.; *Вопросы регионального книговедения: Сб. науч. тр. молодых ученых.* — Новосибирск, 1996. — 238 с.

³⁴*Волкова В.Н.* Проблемы изучения истории книжного дела Сибири и Дальнего Востока конца XVIII — начала XX в. // Книга в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1989. — С. 3—16; *Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н.* Основная проблематика программы "Русская книга в дореволюционной Сибири" // Русская книга в дореволюционной Сибири: Рукописная и печатная книга на востоке страны. — Новосибирск, 1992. — С. 3—37; *Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н., Гузнер И.А.* Теоретические аспекты истории русской книги Сибири (дореволюционный период) // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. История, филология и философия. — 1990. — Вып. 3. — С. 23—29; *Эрлих В.А.* К вопросу о периодизации истории книжного дела Сибири и Дальнего Востока конца XVIII—XIX в. // Третьи Макушинские чтения. — Новосибирск, 1994. — С. 11—14.

³⁵*200 лет книгопечатания в Сибири: Очерки по истории книжного дела.* — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. — 240 с.; *Волкова В.Н.* Книжное дело Сибири и Дальнего Востока: Дореволюционный период: (Аналит. обзор) // Книжное дело Сибири и Дальнего Востока. 1985—1990 гг. — Новосибирск, 1992. — С. 9—40.

³⁶*Пайчадзе С.А.* Книжное дело на Дальнем Востоке: Дооктябрьский период. — Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1991. — 268 с.; *Волкова В.Н.* Сибирское книгоиздание второй половины XIX века. — Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1995. — 239 с.

³⁷*Книжное дело Сибири и Дальнего Востока (80-е гг. XVIII в. — октябрь 1917 г.): План-проспект монографии / Сост.: В.Н. Волкова* — Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1991. — 32 с.

³⁸*Соболевская Т.Н.* О культурных взаимоотношениях центра и провинции: (Судьбы деятелей первого книгоиздательского центра Сибири) // Книжное дело в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1991. — С. 3—13; *Она же.* Проблема издателя и деятельности тобольской типографии Корнильевых // Вторые Макушинские чтения. — Томск, 1991. — С. 27—29; *Она же.* Тобольская типография Корнильевых (конец XVIII — начало XIX в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленингр. гос. ин-т культуры. — Л., 1991. — 18 с.; *Она же.* Тобольская типография Корнильевых: Основные итоги изучения // 200 лет книгопечатания в Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 12—29.

³⁹*Белокрыс М.А.* Книгопечатание в Восточной Сибири в конце XVIII — середине XIX в. // 200 лет книгопечатания в Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 30—47; *Он же.* О начале книгопечатания в Восточной Сибири // Книжное дело Сибири и Дальнего Востока в XIX—XX вв. — Новосибирск, 1986. — С. 25—33.

⁴⁰*Белокрыс М.А.* Книгопечатание в Восточной Сибири... — С. 30—47; *Володкович А.Ф.* Книгопечатание в Западной Сибири в первой половине XIX в. // 200 лет книгопечатания в Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 47—58.

⁴¹*Дмитриенко Н.М.* Типографии старого Томска (первая половина XIX — начало XX в.) // Вторые Макушинские чтения. — Томск, 1991. — С. 29—32; *Володкович А.Ф.* Декабристы и книгопечатание в Западной Сибири (1-я половина XIX в.) // Родиноведение. — Тобольск, 1992. — Вып. 1. С.У. Ремезов и история культуры Западной Сибири. — С. 55—58.

⁴²*Волкова В.Н.* Сибирское книгоиздание... — 239 с.; *Пайчадзе С.А.* Книжное дело на Дальнем Востоке. — С. 35—103.

⁴³*Волкова В.Н.* Памятные книжки и календари как вид издания второй половины XIX в. // Книжное дело в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1991. — С. 74—87; *Она же.* Полиграфическое исполнение и художественное оформление сибирских изданий второй половины XIX в. // Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1993. — С. 14—36; *Она же.* Центры сибирского книгоиздания второй половины XIX в. // Книга: Исслед. и материалы. — 1994. — Сб. 67. — С. 140—164; *Коновалова Е.Н., Роцевская Л.П.* "Ежегодник" Тобольского губернского музея (1893—1918 гг.) // Книжное дело в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1991. — С. 152—167; *Коновалова Е.Н., Роцевская Л.П.* Книгоиздание и печать дореволюционной Тюмени (вторая половина XIX — начало XX в.) // Там же. — С. 104—117; *Берцун Л.Л.* Первые труды ученых Томского университета, изданные в типографии П.И. Макушина (80—90-е гг. XIX в.) // Вторые Макушинские чтения. — Томск, 1991. — С. 32—34; *Роцевская Л.П.* Демократическое издательство К.Н. Высоцкого // Урал. — 1986. — № 11. — С. 171—174; *Пайчадзе С.А.* Издательская деятельность Приамурского отдела Русского географического общества и его филиалов (конец XIX — начало XX в.) // Книга в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1989. — С. 79—96; *Сталева Т.В.* Сибирский просветитель Петр Макушин. — Томск: Кн. изд-во, 1986. — 192 с.; То же. — 2-е изд., перераб. и доп. — Томск, 1990. — 242 с.

⁴⁴*Ажеева Р.Б.* Из истории издательской практики христианских духовных миссий в дореволюционной Бурятии // Третьи Макушинские чтения. — Новосибирск, 1994. — С. 15—17; *Волкова В.Н.* Книга на языках коренных народов Сибири и Дальнего Востока в XIX — начале XX в. // Книга в автономных республиках, областях и округах Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1990. — С. 9—41; *Гуляева Е.П.* Малоизвестные страницы якутской книги дооктябрьского периода // Книжная культура республики Саха (Якутия). — Новосибирск, 1993. — С. 22—43; *Дугарова С.Б.* Истоки бурятской книги (1839—1917) // Региональные проблемы истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1985. — С. 64—72; *Пивоваров Б.И.* Издательская деятельность Алтайской духовной миссии // Книга в автономных республиках, областях и округах Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1990. — С. 41—61; *Филаткина И.В.* Из истории возникновения элементов книжной культуры малых народов Сибири и Дальнего Востока // Развитие книжной культуры Сибири XIX — начала XX в. — Новосибирск, 1982. — С. 93—108.

⁴⁵*Гузнер И.А.* Книжная культура горнозаводских провинций Урала и Сибири в 20—80-е годы XVIII в. (Гос. б-ки): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Урал. гос. ун-т. — Свердлов-

ловск, 1990. — 26 с.; *Пайчадзе С.А.* Книжное дело на Дальнем Востоке / ГПНТБ СО АН СССР. — Новосибирск, 1991. — 268 с.; *Ситников Л.А.* Книжные сокровища Сибири. Век XVIII: По следам старинных сибирских библиотек и их читателей. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1985. — 111 с.; *Он же.* Распространение печатной и рукописной книги в Сибири во второй половине XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / АН СССР. Сиб. отд-ние. Ин-т истории, филологии и философии. — Новосибирск, 1984. — 17 с.; *Соболевская Т.Н.* Распространение изданий тобольской типографии Корнильевых (конец XVIII в.) // Распространение книги в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1990. — С. 3—13.

⁴⁶*Володкович А.Ф.* Книгораспространение в Сибири в первой половине XIX в. // Книга в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1989. — С. 42—60; *Косых В.И.* Переводческая деятельность Иркутской духовной миссии в XIX в. // Книжное дело в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1991. — С. 58—74; *Пайчадзе С.А.* Развитие русского книжного дела на Дальнем Востоке (вторая половина XIX — начало XX в.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Иркут. гос. ун-т. — Иркутск, 1992. — 61 с.; *Филаткина И.В.* Книга малых народов Дальнего Востока: (История, современное состояние, перспективы развития): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленингр. гос. ин-т культуры. — Л., 1985. — 16 с.; *Чернышова Н.К.* Ученый в провинции (Г.С. Карелин и книжная культура Сибири 40-х гг. XIX в.) // Русская книга в дореволюционной Сибири: Рукописная и печатная книга на востоке страны. — Новосибирск, 1992. — С. 38—62.

⁴⁷*Бердников Л.П.* Книготорговля в Сибири во второй половине XIX в. // 200 лет книгопечатания в Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 87—102; *Волкова В.Н.* Пути распространения сибирской книги (вторая половина XIX в.) // Распространение книги в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1990. — С. 55—78; *Зверев В.А., Зверева К.Е.* Распространенность печатных изданий в селениях Сибири пореформенного периода (1861—1904 гг.) // Книжное дело в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1991. — С. 118—139; *Пайчадзе С.А.* Книжное дело на Дальнем Востоке... — С. 193—206.

48. *Пайчадзе С.А.* Развитие русского книжного дела... — С. 32—38; *Филаткина И.В.* Книга малых народов Дальнего Востока... — 16 с.

⁴⁹*Гузнер И.А.* Книжная культура горнозаводских провинций... — С. 23—24; *Она же.* Роль технической интеллигенции в формировании фондов библиотек горнозаводских провинций в XVIII в. // Вторые Макушинские чтения. — Томск, 1991. — С. 84—85; *Пайчадзе С.А.* Книжное дело на Дальнем Востоке... — С. 121—131; *Полищук Ф.М.* История библиотечного дела в дореволюционном Иркутске. — Иркутск, 1983. — 167 с.

⁵⁰*Куприянов А.И.* Из истории первой публичной библиотеки в Западной Сибири // Русская книга в дореволюционной Сибири: Государственные и частные библиотеки. — Новосибирск, 1987. — С. 18—26; *Полищук Ф.М.* История библиотечного дела... — С. 22—29; *Чернышова Н.К.* Красноярская губернская публичная библиотека (30—40-е годы XIX в.) // Русская книга в дореволюционной Сибири: Фонды редких книг и рукописей сибирских библиотек. — Новосибирск, 1988. — С. 16—30.

⁵¹*Белокрыс М.А.* Из истории формирования частных библиотек в Забайкалье в XVIII — первой половине XIX в. // 4-я Всесоюз. науч. конф. "Книга в России: Век Просвещения". — Л., 1990. — С. 132—134; *Володкович А.Ф.* Библиотеки ссыльных поляков в Сибири (30—50-е гг. XIX в.) // Книга и книжное дело Сибири: История, современность, перспективы развития. — Новосибирск, 1987. — С. 35—38; *Он же.* Личные библиотеки и круг чтения сословных "низов" Сибири (первая половина XIX в.) // Книжное дело в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1991. — С. 28—49; *Куприянов А.И.* О круге чтения детей и юношества в городах Сибири в первой половине XIX в. // Русская книга в дореволюционной Сибири: Книгописная деятельность и круг чтения сибиряков. — Новосибирск, 1984. — С. 43—56; *Лобанов В.В.* К истории библиотеки Г.С. Батенькова // Вторые Макушинские чтения. — Томск, 1991. — С. 131—133; *Цуприк Р.И.* Формирование библиотек декабристов в условиях каторги // Там же. — С. 105—108.

⁵²*Гузнер И.А.* Горный инженер П.К. Фролов и его библиотека // Третьи Макушинские чтения. — Новосибирск, 1994. — С. 202—204; *Чернышова Н.К.* Деятельность М.М. Спе-

ранского по собиранию коллекций книг и рукописей о Сибири // Вторые Макушинские чтения. — Томск, 1991. — С. 133—137.

⁵³*Даниленко А.В.* Книжные фонды библиотек Иркутска и пути их пополнения (вторая половина 50-х — 80-е гг. XIX в.) // Книга в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1989. — С. 74—79; *Захарова Т.В.* Из истории организации Якутской государственной городской публичной библиотеки (1886—1912) // Книжная культура республики Саха (Якутия). — Новосибирск, 1993. — С. 44—53; *Захарова Т.В., Максимова С.В.* Общедоступные библиотеки дореволюционного Якутска (80-е гг. XIX в. — 1917 г.) // Книжное дело в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1991. — С. 140—152; *Лукьянова Л.С.* Библиотека Тобольского губернского музея (вторая половина XIX — начало XX в.) // Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1993. — С. 51—60; *Она же.* Роль библиотек епархий в системе образования и просвещения населения Западной Сибири // Третьи Макушинские чтения. — Новосибирск, 1994. — С. 125—128; *Она же.* Становление библиотечного дела в Тюмени (начало 60-х — середина 90-х гг. XIX в.) // Книжное дело в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1991. — С. 88—104; *Она же.* Из истории публичных, общественных и народных библиотек Тобольской губернии (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вопросы регионального книговедения. — Новосибирск, 1996. — С. 131—142; *Она же.* Из истории библиотечного дела Тюмени: Учеб. пособие. — Тюмень, 1997. — 98 с.; *Полищук Ф.М.* Библиотеки Забайкалья во второй половине XIX в. // Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1993. — С. 36—50.

⁵⁴*Лобанов В.В.* Из истории книжных собраний Научной библиотеки Томского университета // Русская книга в дореволюционной Сибири: Читательские интересы сибиряков. — Новосибирск, 1990. — С. 48—64; *Он же.* К истории библиотеки Г.С. Батенькова // Вторые Макушинские чтения. — Томск, 1991. — С. 131—133; *Никиенко О.Г.* О бесплатной народной библиотеке в Томске (80-е гг. XIX в. — 1919 г.) // Там же. — С. 63—66; *Никитина Л.В.* Книжное собрание М.В. Сурина в фондах Научной библиотеки Томского университета // Там же. — С. 112—114; *Филимонов М.Р.* Книжная сокровищница Сибири: К 100-летию со дня открытия Научной библиотеки Томского университета. — 2-е изд. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. — 198 с.

⁵⁵*Даниленко А.В.* Книжные фонды библиотек Иркутска... — С. 74—79; *Полищук Ф.М.* История библиотечного дела... — С. 5—6, 35—69.

⁵⁶*Захарова Т.В.* Из истории организации Якутской... — С. 44—53; *Захарова Т.В., Максимова С.В.* Общедоступные библиотеки... — С. 140—152; *Максимова С.В.* Библиотеки дореволюционного Якутска (начало XIX — 1917 г.) // Вторые Макушинские чтения. — Томск, 1991. — С. 57—60; *Мошкина З.В.* Библиотека политзаключенных на Каре (70—80-е гг. XIX в.) // Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1993. — С. 60—67; *Полищук Ф.М.* Библиотеки Забайкалья во 2-й половине XIX в. ... // Там же. — С. 36—50; *Филиппова Л.А.* Сибирские дореволюционные издания в библиотеке Кяхтинского музея // Вторые Макушинские чтения. — Томск, 1991. — С. 119—121.

⁵⁷*Пайчадзе С.А.* Книжное дело на Дальнем Востоке... — С. 123—127.

⁵⁸*Алексеев В.Н.* Читательские интересы тобольского "сына боярского" второй половины XVIII в. (к постановке проблемы) // Русская книга в дореволюционной Сибири: Распространение и бытование. — Новосибирск, 1986. — С. 69—80; *Белокрыс М.А.* Из истории формирования частных библиотек... — С. 132—134; *Ситников Л.А.* Книжные сокровища Сибири. — Новосибирск, 1985. — 111 с.; *Соболевская Т.Н.* Издания типографии Корнильевых конца XVIII в. в круге чтения сибиряков // Книга и книжное дело Сибири: История, современность, перспективы развития. — Новосибирск, 1989. — С. 22—25; *Фокина О.Н.* Записи и пометы на книгах гражданской печати XVIII в. из собрания Тобольского государственного музея-заповедника // Вторые Макушинские чтения. — Томск, 1991. — С. 86—87; *Шиндина А.Б.* Записи XVIII — начала XIX в. на книгах из фондов Красноярской краевой научной библиотеки // 4-я Всесоюз. науч. конф. "Книга в России: Век Просвещения". — Л., 1990. — С. 131—132; и др.

⁵⁹*Бочанова Т.А.* О круге чтения ссыльных декабристов в Западной Сибири // Русская книга в дореволюционной Сибири: Книгописная деятельность и круг чтения сибиряков. —

Новосибирск, 1984. — С. 29—43; *Лобанов В.В.* Круг чтения Г.С. Батенькова (опыт реконструкции) // Русская книга в дореволюционной Сибири: Рукописная и печатная книга на востоке страны. — Новосибирск, 1992. — С. 63—100; *Матханова Е.И.* Круг чтения детей ссыльных декабристов (30—50-е гг. XIX в.) // Распространение книги в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1990. — С. 13—26; *Матханова Н.П.* Книга в жизни иркутской смолянки // Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1993. — С. 3—14; *Смирнова В.И.* Краевед А.И. Сулоцкий: Интересы. Библиотечные занятия // Русская книга в дореволюционной Сибири: Книгописная деятельность и круг чтения сибиряков. — Новосибирск, 1984. — С. 67—82; *Цуприк Р.И.* Круг чтения ссыльных декабристов в Сибири (история, литература) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. — февр. 1917 г.). — Л., 1985. — Вып. 9. — С. 157—176; *Чернышова Н.К.* П.А. Словцов и книга // Русская книга в дореволюционной Сибири: Читательские интересы сибиряков. — Новосибирск, 1990. — С. 27—47.

⁶⁰*Зверев В.А.* Анкета А.С. Пругавина о читателе и чтении в Сибири второй половины XIX в. // Вторые Макушинские чтения. — Томск, 1991. — С. 90—93; *Зверева К.Е., Зверев В.А.* Круг чтения крестьянства Сибири в период капитализма (80-е гг. XIX в. — 1917 г.) // Распространение книги в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1990. — С. 78—96; *Матханова Н.П.* Авторы и читатели губернских ведомостей в первые годы их издания // Книжное дело в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1991. — С. 49—58; *Она же.* Сибирский читатель-разночинец (50—60-е гг. XIX в.) // Распространение книги в Сибири (конец XVIII—начало XX в.). — Новосибирск, 1990. — С. 27—36; *Оглезнева Г.В.* Круг чтения и читательские интересы крестьян Восточной Сибири в конце XIX в. // Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1993. — С. 67—82; *Роцевская Л.П.* Чтение тобольских демократов (60-е гг. XIX в.) // Распространение книги в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1990. — С. 36—54.

⁶¹*Колосова Г.И.* Сибирский купец А.А. Белоголовый и его библиотека // Русская книга в дореволюционной Сибири: Читательские интересы сибиряков. — Новосибирск, 1990. — С. 65—76; *Никитина Л.В.* Книжное собрание библиофила М.В. Сурина в фонде отдела редких книг Научной библиотеки ТГУ // Вузовские библиотеки Западной Сибири. — 1992. — Вып. 20. Из истории книжных фондов библиотеки Томского университета. — С. 21—32; *Смирнова В.И.* О круге чтения краеведов Западной Сибири (40—60-е гг. XIX в.) // Развитие книжной культуры Сибири XIX — начала XX в. — Новосибирск, 1982. — С. 57—66.

⁶²*Жебрак Е.Е.* Из истории читателей Дальнего Востока второй половины XIX — начала XX в. // Развитие книжной культуры Сибири XIX — начала XX в. — Новосибирск, 1982. — С. 93—108.

⁶³*Баренбаум И.Е., Давыдова Т.В.* История книги. — М., 1971. — С. 19—20.

⁶⁴Подробнее см.: *Волкова В.Н.* Сибирское книгоиздание второй половины XIX в. — С. 13—15 и примечания 64 и 65 к разделу "Введение".

⁶⁵*Систематический* каталог библиотеки Тобольского губернского музея / Сост. А.А. Терновский // Ежегодник Тобол. губ. музея. — 1990. — Вып. 10. — С. 1—X, 1—352; Вып. 2 / Сост. М.В. Филиппов // Там же. — 1905. — (обл. 1906). — Т. 15. — С. I—IV, 1—135; Отд. отд. — 1905. — 135 с.; Вып. 3 / Сост. В.Я. Пигнатти // Там же. — 1915. — Т. 23. — С. I—VII, 1—358; *Каталог* Иркутской городской публичной библиотеки: Рус. изд. — Томск, 1893. — 283 с.; *Каталог* библиотеки Минусинского музея: Сиб. отд. — Красноярск, 1901. — 82 с.; *Каталог* библиотеки Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. — Иркутск, 1889. — 147 с.; *Каталог* Николаевской публичной библиотеки Приамурского отдела Русского географического общества. — Хабаровск, 1912—1913. — Вып. 1—2; *Систематический* каталог Владивостокской морской библиотеки. Ч. 1. Книги и журналы на русском языке. — Владивосток, 1915. — 606 с.; *Каталог* книжных магазинов П.И. Макушина в Томске и Иркутске. — Томск, 1902. — 331 с. и др.

⁶⁶*Волкова В.Н.* Сибирское книгоиздание второй половины XIX в. ... — С. 16.

⁶⁷*Указатель* библиографических пособий по Сибири и Дальнему Востоку (XIX в. — 1968 г.) / Сост.: А.Н. Лебедева, Г.А. Озерова, Л.С. Панкратова; ГПНТБ СО АН СССР,

ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. — Новосибирск, 1975. — 632 с.; *Книга*, библиотечное дело и библиография Сибири: Текущий указ. лит. за ... год / ГПНТБ СО АН СССР. — Новосибирск, 1977—1984; *Книга*, библиотечное дело и библиография Сибири и Дальнего Востока: Указ. лит. 1984 — 1988 г. / Сост.: В.С. Маркова и др.; ГПНТБ СО АН СССР. — Новосибирск, 1991. — 278 с.; *То же*. 1989—1993 г. / Сост.: И.Л. Захаров, В.С. Маркова, Н.Н. Речкина; ГПНТБ СО РАН. — Новосибирск, 1996. — 330 с.

⁶⁸*История* библиотечного дела и библиографии в Сибири и на Дальнем Востоке в до-октябрьский период. XIX в. — октябрь 1917 г.: Библиогр. указ. / Сост.: Л.С. Панкратова, Е.Б. Соболева; ГПНТБ СО РАН. — Новосибирск, 1992. — 208 с.

⁶⁹Волкова В.Н. Сибирское книгоиздание второй половины XIX в. — С. 12—16; *Она же*. Пути создания сводного каталога сибирской и дальневосточной дореволюционной книги // Макушинские чтения. — Новосибирск, 1988. — С. 75—79.

⁷⁰Гузнер И.А. Книжная культура горнозаводских провинций... — С. 12; *Ситников Л.А.* Распространение печатной и рукописной... — С. 9.

⁷¹См., например: *Штейнгель В.И.* Сочинения и письма. Т. 1. Записки и письма. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. — 608 с.; *Попов И.И.* Минувшее и пережитое: Воспоминания за 50 лет. — Л.: Колос, 1924. — Т. 1—2; *Литературное наследие Сибири*. Т. 4. Ядринцев Н.М. Художественные и публицистические произведения. Воспоминания. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. — 336 с.; *Чудновский С.Л.* Из давних лет: Воспоминания. — М., 1934. — 304 с.; *Клеменц Д.А.* Из прошлого: Воспоминания. — Л.: Колос, 1925. — 181 с. и др.

⁷²*Пайчадзе С.А.* Книжное дело на Дальнем Востоке... — С. 26—27.

⁷³Волкова В.Н. Сибирское книгоиздание второй половины XIX в. — С. 8—9.

⁷⁴Володкович А.В. Архивные материалы Западной Сибири XIX в. как книговедческий источник // Региональные проблемы истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1985. — С. 26—43.

⁷⁵Волкова В.Н. Сибирское книгоиздание второй половины XIX в. — С. 9—10.

ГЛАВА I

¹*Краснобаев Б.И.* Основные черты и тенденции развития русской культуры в XVIII в. // *Очерки русской культуры XVIII в.* — М., 1985. — Т. 1. — С. 10—11, 22, 35—36; *Предисловие* // Там же. — С. 5, 7.

²*Краснобаев Б.И., Черная Л.А.* Книжное дело // *Очерки русской культуры XVIII в.* — М., 1987. — Т. 2. — С. 322.

³*Здобнов Н.В.* История русской библиографии до начала XX в. — 3-е изд. — М., 1955. — С. 46.

⁴*История Сибири.* — Л., 1968. — Т. 2. — С. 309.

⁵*Громыко М.М.* Сибирские купцы Корнильевы // *Изв. СО АН СССР.* — 1972. — № 6. Сер. обществ. наук, вып. 2. — С. 25—26.

⁶*Соболевская Т.Н.* Типография Корнильевых и тобольская администрация XVIII в. // *Книга в Сибири (конец XVIII — начало XX в.).* — Новосибирск, 1989. — С. 30.

⁷*Баренбаум И.Е.* История книги. — М., 1984. — С. 54.

⁸*История Сибири.* — Т. 2. — С. 323—329.

⁹*Копылов А.Н.* Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. — Новосибирск, 1974. — С. 96.

¹⁰См., например: *Гмелин И.Г.* Путешествие г. Гмелина по России для исследования трех царств естества в 1768, 1769, 1770, 1771 и 1772 гг. — СПб., 1773—1785; *Георги И.И.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. — СПб., 1776—1779. — Ч. 1—3; *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. — СПб., 1773—1788. — Ч. 1—3; *Он же.* Описание растений Российского государства. — Тобольск, 1792. — Ч. 1; *Фальк И.П.* Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. — СПб., 1824—1825. — Т. 6—7 и др.

- ¹¹Баренбаум И.Е., Давыдова Т.Е. История книги. — М., 1971. — С. 110.
- ¹²Блюм А.В. Издательская деятельность в русской провинции конца XVIII — начала XIX в. (основные тематические направления и цензурно-правовое положение) // Книга: Исслед. и материалы. — 1966. — Сб. 12. — С. 136—140; *Соболевская Т.Н.* Типография Корнильевых и тобольская администрация... — С. 30.
- ¹³Белокрыс М.А. Книгопечатание в Восточной Сибири в конце XVIII — середине XIX в. // 200 лет книгопечатания в Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 30—47; *Он же.* О начале книгопечатания в Восточной Сибири // Книжное дело Сибири и Дальнего Востока в XIX—XX вв. — Новосибирск, 1986. — С. 25—33; *Начало печати в Иркутске (к 200-летию открытия первой губернской типографии)* // Приангарье: Годы, события, люди. — Иркутск, 1985. — С. 8—84.
- ¹⁴Пежемский П., Кротов В. Иркутская летопись. — Иркутск, 1911. — С. 115.
- ¹⁵Линьков А. Первый печатник в Восточной Сибири // Сиб. архив. — 1912. — № 6. — С. 439—441.
- ¹⁶Долгова С.Р. Иркутская книга // Сибирская археология и источниковедение. — Новосибирск, 1979. — С. 185; *Белокрыс М.А.* Книгопечатание в Восточной Сибири... — С. 34—35.
- ¹⁷ТФ ГАТюМО, ф. 355, оп. 1, д. 90, л. 1—12; *Соболевская Т.Н.* Типография Корнильевых и тобольская администрация... — С. 37.
- ¹⁸Семенников В.П. Дополнительные материалы для истории провинциальных типографий XVIII и начала XIX века и для библиографии книг, в них напечатанных // Рус. библиогр. — 1913. — № 7. — С. 68—69; *Соболевская Т.Н.* Типография Корнильевых... — С. 37.
- ¹⁹Белокрыс М.А. Книгопечатание в Восточной Сибири... — С. 35.
- ²⁰Азадовский М.К. Очерки литературы и культуры Сибири. — Иркутск, 1947. — С. 47—67.
- ²¹Утков В.Г. Сибирские первопечатники Василий и Дмитрий Корнильевы // Книга: Исслед. и материалы. — 1979. — Сб. 38. — С. 85—86; *Копылов Д.И.* Тобольская писчебумажная мануфактура в XVIII—XIX веках // Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию Тобол. ист. архит. музея-заповедника. — Свердловск, 1975. — С. 75—77.
- ²²Дмитриев-Мамонов А.И. Начало печати в Сибири. — 3-е изд. — СПб., 1900. — С. 3.
- ²³Соболевская Т.Н. Типография Корнильевых и тобольская администрация... — С. 31, 34—35.
- ²⁴Павлов В.А., Блюм А.В. Рассказы об уральских книгах. — Свердловск, 1980. — С. 14—16; *Дмитриев-Мамонов А.И.* Начало печати в Сибири... — С. 4.
- ²⁵Утков В.Г. Сибирские первопечатники... — С. 88.
- ²⁶Дмитриев-Мамонов А.И. Начало печати в Сибири. — С. 4; *Русская книга от начала письменности до 1800 г.* — М., 1924. — С. 258; *Соболевская Т.Н.* Условия возникновения первых издательских центров в Сибири и на Урале // Смышляевские чтения. — Пермь, 1992. — С. 10—12.
- ²⁷Копылов Д.И. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. — Свердловск, 1973. — С. 167—172; *Он же.* Тобольская писчебумажная мануфактура... — С. 75—85; *Утков В.Г.* Сибирские первопечатники... — С. 85—87; Бумажная фабрика // Тобольский хронограф. — Омск, 1993. — С. 80—84.
- ²⁸Кондакова Т.И. К вопросу о формировании профессии издателя в XVIII в. // Тр. / ГБЛ. — 1978. — Т. 14. — С. 185; *Соболевская Т.Н.* Проблема издателя и деятельность тобольской типографии Корнильевых // Вторые Макушинские чтения. — Томск, 1991. — С. 26—28.
- ²⁹Соболевская Т.Н. Типография Корнильевых и тобольская администрация... — С. 35—37.
- ³⁰Соболевская Т.Н. О культурных взаимоотношениях центра и провинции // Книжное дело в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1991. — С. 3—6.
- ³¹Соболевская Т.Н. Тобольская типография Корнильевых (конец XVIII — начало XIX в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1991. — С. 11—12.
- ³²Алпатов М.А. Сибирский журнал — современник французской буржуазной революции конца XVIII века // Французский ежегодник. 1961. — М., 1962. — С. 109—123;

- Войтик П.* Первый сибирский журнал // Сиб. огни. — 1964. — № 11. — С. 161—162; *Дмитриев-Мамонов А.И.* Начало печати в Сибири. — С. 5—44; *Очерки русской литературы Сибири.* — Новосибирск, 1982. — Т. 1. — С. 115—124; *Постнов Ю.С.* Русская литература Сибири первой половины XIX в. — Новосибирск, 1970. — С. 37—48; *Рожкова Т.И.* Первое периодическое издание Сибири журнал "Иртыш, превращающийся в Ипокрену": Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ленингр. гос. пед. ин-т. — Л., 1986. — 16 с.; *Сенников Г.И., Рожкова Т.И.* Загадка "Г.Ф.": (К проблеме литературного направления "Иртыша" // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Вопросы метода и стиля. — Л., 1984. — С. 129—135; *Соболевская Т.Н.* Тобольская типография Корнильевых: Основные итоги изучения // 200 лет книгопечатания в Сибири. — Новосибирск, 1988. — С. 12—29; *Трусова З.Н.* К вопросу об идейном влиянии А.Н. Радищева на тобольских вольнодумцев // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения. 1969). — Новосибирск, 1973. — С. 205—218; *Она же.* Общественно-политические тенденции журнала "Иртыш, превращающийся в Ипокрену" // Очерки литературы и критики Сибири. XVIII—XX вв. — Новосибирск, 1976. — С. 14—30; *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. — 2-е изд. — СПб., 1892. — С. 664—665.
- ³³*Утков В.Г.* Сибирские первопечатники... — С. 79—80.
- ³⁴*Соболевская Т.Н.* Истоки просветительских традиций сибирского книгопечатания и современность // Проблемы культуры в условиях Сибири и перестройки. — Кемерово, 1990. — С. 92.
- ³⁵*Соболевская Т.Н.* О культурных взаимоотношениях центра... — С. 5—6; *Рак В.Д.* Переводы в первом сибирском журнале // Очерки литературы и критики Сибири. XVIII—XX вв. — Новосибирск, 1976. — С. 31—66.
- ³⁶*Постнов Ю.С.* Русская литература Сибири... — С. 37—38.
- ³⁷*Блюм А.В.* Издательская деятельность в русской провинции... — С. 152—153; *Она же.* "Исторический журнал" Дмитрия Корнильева // Сиб. огни. — 1966. — № 4. — С. 165—167; *Очерки русской литературы Сибири.* — С. 124—126; *Утков В.Г.* Сибирские первопечатники... — С. 89—92.
- ³⁸*Дмитриев-Мамонов А.И.* Начало печати в Сибири. — С. 45—59; *Очерки русской литературы Сибири.* — С. 126—131; *Рак В.Д.* Тобольский журнал "Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей" // Проблемы жанра в литературе Сибири. — Новосибирск, 1977. — С. 5—28; *Утков В.Г.* Сибирские первопечатники... — С. 82.
- ³⁹*Соболевская Т.Н.* Тобольская типография... : Автореф. — С. 14.
- ⁴⁰*Утков В.Г.* Сибирские первопечатники... — С. 77.
- ⁴¹*Блюм А., Павлов В.* Первпечатные книги на Урале // Урал. — 1972. — № 7. — С. 153—158; *Павлов В.А., Блюм А.В.* Рассказы об уральских... — С. 16—45; *Дмитриев-Мамонов А.И.* Начало печати в Сибири. — С. 59—64; *Соболевская Т.Н.* Тобольская типография... : Автореф. — С. 13—14; *Она же.* Истоки просветительских... — С. 91; *Утков В.Г.* Сибирские первопечатники... — С. 77—78; *Семенников В.* Библиографический список книг, напечатанных в провинции со времен возникновения гражданских типографий, по 1807 г. // Рус. библиофил. — 1912. — № 2. — С. 69.
- ⁴²*Утков В.Г.* Сибирские первопечатники... — С. 95—96.
- ⁴³*Соболевская Т.Н.* О культурных взаимоотношениях... — С. 6—7.
- ⁴⁴*Ситников Л.А.* К истории книгораспространения в Сибири во второй половине XVIII в. // Становление системы библиотечного обслуживания и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1977. — С. 100; *Она же.* Распространение печатной и рукописной книги в Сибири во второй половине XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1984. — С. 14—15.
- ⁴⁵*Романов Н.С.* Периодическая печать г. Иркутска // Сиб. летопись. — 1916. — № 9—10. — С. 389—390; *Ромодановская Е.К.* О круге чтения сибиряков в XVII—XVIII вв. в связи с проблемой изучения областных литератур // Исследования по языку и фольклору. — Новосибирск, 1965. — Вып. 1. — С. 238.
- ⁴⁶*Кудрявцев Ф., Вендрих Г.* Иркутск. — Иркутск, 1971. — С. 162.
- ⁴⁷*См.: Кунгуров Г.Ф.* Сибирь и литература. — Иркутск, 1975. — С. 63—67.

- ⁴⁸ *Очерки русской литературы Сибири.* — Новосибирск, 1982. — Т. 1. — С. 150.
- ⁴⁹ *Ромодановская Е.К.* О круге чтения сибиряков... — С. 103.
- ⁵⁰ *Кунгуров Г.Ф.* Сибирь и литература. — Иркутск, 1965. — С. 32—33.
- ⁵¹ *Гузнер И.А., Ситников Л.А.* Библиотеки Кольвано-Воскресенских горных заводов в XVIII веке // Вопросы истории книжной культуры. — Новосибирск, 1975. — С. 25—26.
- ⁵² *Соболевская Т.Н.* Распространение изданий тобольской типографии Корнильевых (конец XVIII в.) // Распространение книги в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1990. — С. 9.
- ⁵³ *Ситников Л.А.* Рукописи Тобольского краеведческо-архитектурного музея-заповедника // Сибирская археология и источниковедение. — Новосибирск, 1979. — С. 113.
- ⁵⁴ *Кудрявцев Ф., Вендрих Г.* Иркутск. — С. 162.
- ⁵⁵ *Очерки русской литературы Сибири.* — Т. 1. — С. 161.
- ⁵⁶ *Романов Н.* Воспоминания // Библиофил Сибири. — Иркутск, 1988. — Вып. 1. — С. 103.
- ⁵⁷ *Полищук Ф.М.* История библиотечного дела в дореволюционном Иркутске (конец XVIII века — февраль 1917 года). — Иркутск, 1983. — С. 10.
- ⁵⁸ *Ситников Л.А.* Распространение печатной и рукописной книги в Сибири. — С. 13.
- ⁵⁹ *Ситников Л.А.* К истории книгораспространения... — С. 100—101.
- ⁶⁰ *Пайчадзе С.А.* Книжное дело на Дальнем Востоке в дооктябрьский период // История культуры Дальнего Востока СССР XVII — XX вв. Дооктябрьский период. — Владивосток, 1989. — С. 15.
- ⁶¹ *Ситников Л.А.* К истории книгораспространения... — С. 106.
- ⁶² *ГАТюМО*, ф. 156, оп. 2, 1793 г., д. 29, л. 63, 67; *Ситников Л.А.* К истории книгораспространения... — С. 106.
- ⁶³ *Ситников Л.А.* К истории книгораспространения... — С. 101, 105—107, 113.
- ⁶⁴ *Ситников Л.А.* Книжные сокровища Сибири: Век XVIII. — Новосибирск, 1985. — С. 48, 57.
- ⁶⁵ *Ситников Л.А.* Книга на заводах Урала и Сибири во второй половине XVIII в. // Революционные и прогрессивные традиции книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1979. — С. 22, 25.
- ⁶⁶ *Полищук Ф.М.* История библиотечного дела... — С. 11.
- ⁶⁷ *Ситников Л.А.* К истории книгораспространения... — С. 102—104.
- ⁶⁸ *Соболевская Т.Н.* Распространение изданий Тобольской типографии Корнильевых... — С. 5—6; *Она же.* Типография Корнильевых и тобольская администрация... — С. 34—35.
- ⁶⁹ *Соболевская Т.Н.* О распространении тобольских изданий типографии Корнильевых // Макушинские чтения. — Новосибирск, 1988. — С. 82—83; *Она же.* Распространение изданий Тобольской типографии... — С. 4—7.
- ⁷⁰ *Дмитриев-Мамонов А.И.* Начало печати в Сибири. — С. 12—13; *Соболевская Т.Н.* Распространение изданий тобольской типографии... — С. 7—9.
- ⁷¹ *Белоножко Ю.А.* К вопросу об издании Вольным экономическим обществом сельскохозяйственной литературы и ее распределении в Сибири в последней трети XVIII — начале XIX в. // Книга в России: Век Просвещения. — Л., 1990. — С. 37.
- ⁷² *Ситников Л.А.* Открывая книжную Америку: Предварительные итоги одного разыскания // Библиофил Сибири. — Иркутск, 1988. — Вып. 1. — С. 66—70; *Вишнякова Н.В.* Русская книга на территории США (конец XVIII — первая половина XIX в.) // Вопросы регионального книговедения. — Новосибирск, 1996. — С. 9—14.
- ⁷³ *Мартынов И.Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков. — М., 1981. — С. 73, 126—128; *Попов С.О.* Книгоиздательская и книготорговая деятельность Н.И. Новикова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Киев, 1951. — С. 16; *Ситников Л.А.* Распространение печатной и рукописной книги в Сибири во второй половине XVIII века: Дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1984. — С. 114—115.
- ⁷⁴ *Мартынов И.Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков... — С. 128.
- ⁷⁵ *Ситников Л.А.* К истории книгораспространения... — С. 107—108.

- ⁷⁶Гузнер И.А., Ситников Л.А. Библиотеки Кольвано-Воскресенских горных заводов в XVIII веке // Вопросы истории книжной культуры. — Новосибирск, 1975. — С. 21, 24—25.
- ⁷⁷Соболевская Т.Н. Распространение изданий тобольской типографии.... — С. 8; *Она же*. О распространении тобольских изданий... — С. 83—84.
- ⁷⁸Ситников Л.А. К истории книгораспространения... — С. 107—109.
- ⁷⁹Утков В.Г. Сибирские первопечатники... — С. 96; Ситников Л.А. К истории книгораспространения... — С. 110.
- ⁸⁰Ситников Л.А. Западно-европейская книга в Сибири во второй половине XVIII века // Книга в Сибири XVII — начала XX в. — Новосибирск, 1980. — С. 83—86; *Он же*. Книжные сокровища Сибири... — С. 59.
- ⁸¹Ситников Л.А. К истории книгораспространения... — С. 108—109.
- ⁸²См.: Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVIII — начала XIX в. — Новосибирск, 1974. — С. 53—56; Пекарский П. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. — СПб., 1862. — С. 120; Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. — Новоиколаевск, 1923. — С. 11—13.
- ⁸³О закупке книг Сибирским приказом см., например: Миллер Г.Ф. История Сибири. — М., 1958. — Т. 1. — С. 33; То же. — М.-Л., 1937. — С. 388—389, 404—405.
- ⁸⁴Ситников Л.А. К истории книгораспространения... — С. 100—101.
- ⁸⁵Сулоцкий А.И. Тобольская архиерейская школа — предшественница Тобольской семинарии // Иркут. епарх. ведомости. Прибавления. — 1875. — № 3. — С. 37.
- ⁸⁶Гузнер И.А. Библиотеки Сибири в XVII—XVIII вв. // Становление системы библиотечного обслуживания и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1977. — С. 28; Ситников Л.А. К истории книгораспространения... — С. 106.
- ⁸⁷Ситников Л.А. К истории книгораспространения... — С. 103, 107.
- ⁸⁸Гузнер И.А. Библиотеки Сибири в XVII—XVIII вв. ... — С. 27.
- ⁸⁹ТФ ГАТюМО, ф. 70, оп. 1669, д. 71, л. 3.
- ⁹⁰Гузнер И.А. Библиотеки Сибири в XVII—XVIII вв. ... — С. 30.
- ⁹¹Ситников Л.А. К истории книгораспространения... — С. 101; См. также: Книги киприловской печати XVII—XX веков Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника: Каталог / Сост. Алексеев В.Н. — Новосибирск, 1993. — С. 77.
- ⁹²Гузнер И.А. Библиотеки Сибири в XVII—XVIII вв. ... — С. 31—34.
- ⁹³ТФ ГАТюМО, ф. 70, оп. 1669, д. 51, л. 101, об. — 103.
- ⁹⁴Там же, ф. 85, оп. 1, д. 162, л. 27 об.
- ⁹⁵Так назывался документ, содержащий опись книг Тобольского Знаменского мужского монастыря.
- ⁹⁶Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири первой половины XVIII в. — Новосибирск, 1973. — С. 14.
- ⁹⁷Там же. — С. 12.
- ⁹⁸Тобольская епархия. Ч. 2. Отд. 1. Архипастыри Тобольской епархии. — Омск, 1892. — С. 82—86.
- ⁹⁹Полищук Ф.М. История библиотечного дела... — С. 17—18.
- ¹⁰⁰Там же. — С. 19.
- ¹⁰¹Там же. — С. 20—21.
- ¹⁰²Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVII—XIX веках. — СПб., 1912. — Т. 1. — С. 560.
- ¹⁰³Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. — Новосибирск, 1974. — С. 96.
- ¹⁰⁴Евсеев Е.Н. Омск в XVIII и первой половине XIX веков // Из истории Омска (1716—1719 гг.): Очерки, документы, материалы. — Омск, 1967. — С. 33—34; Сгибнев А. Навигацкие школы в Сибири. // Морской сб. — 1866. — Т. 87. — № 11. — С. 7—10; Пайчадзе С.А. Первая библиотека Дальнего Востока // Дал. Восток. — Хабаровск, 1982. — № 9. — С. 144—146.
- ¹⁰⁵Палкин Б.Н. Русские госпитальные школы. — М., 1959. — С. 20.
- ¹⁰⁶ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 519, л. 101.
- ¹⁰⁷Там же.

- ¹⁰⁸Полищук Ф.М. История библиотечного дела... — С. 18 — 21.
- ¹⁰⁹Романов Ф.М. Краткий очерк 50-летнего существования Иркутской городской публичной библиотеки (1861 — 1911). — Иркутск, 1911. — С. 1.
- ¹¹⁰В семинариях введен новый метод обучения, разработанный для общеобразовательных школ Ф.И. Янковичем. См.: *Матль И.* Ф.И. Янкович и австро-сербско-русские связи в истории народного образования в России // XVIII век. — Л., 1975. — Сб. 10. Русская литература XVIII века и ее международные связи. — С. 76—81.
- ¹¹¹Ситников Л.А. Западно-европейская книга в Сибири... — С. 83.
- ¹¹²Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Фундаментальная библиотека Тобольской семинарии конца XVIII в. и ее читатели // Вторые Макушинские чтения. — Новосибирск, 1991. — С. 82.
- ¹¹³Там же. — С. 82—83.
- ¹¹⁴ГПНТБ СО РАН, фонд редких книг и рукописей, шифр Г 77/86.
- ¹¹⁵ТИАМЗ. Библиотека, шифр 9 (с18)1/к71, инв. № 30945.
- ¹¹⁶Иркут. епарх. ведомости. — 1873. — № 23. — С. 436 — 437.
- ¹¹⁷О библиотеке Иркутской духовной семинарии см.: *Боннер А.Г.* Бесценные сокровища. — Иркутск, 1979. — С. 71—72; *Ревякина Н.В., Макарова Л.М.* Западно-европейская книга XV—XVIII вв. в библиотеках Сибири и Дальнего Востока // Вопросы истории книжной культуры. — Новосибирск, 1975. — С. 149—156; *Русские* и иностранные рукописи научной библиотеки Иркутского государственного университета / Сост. Игумнова Н.Д. — Новосибирск, 1995. — Ч. 1. — С. 242.
- ¹¹⁸Иркутские епархиальные ведомости. — 1863. — № 16. — С. 101—146; *ГАИО*, ф. 50, оп. 8, д. 54, св. 3, л. 15.
- ¹¹⁹Савельев Н.Я. Козьма Дмитриевич Фролов. — Свердловск, 1950. — С. 67—68.
- ¹²⁰Гузнер И.А. Книгообеспечение горнозаводских библиотек Сибири в 60—80-е гг. XVIII в. // Русская книга в дореволюционной Сибири: Распространение и бытование. — Новосибирск, 1986. — С. 90; *Она же.* Колывано-Воскресенские заводы — "культурное гнездо" российской провинции второй половины XVIII века // Книга и литература. — Новосибирск, 1997. — С. 63—67.
- ¹²¹Ситников Л.А. Книга на заводах Урала и Сибири во второй половине XVIII в. // Революционные и прогрессивные традиции книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1979. — С. 17—30; *Гузнер И.А.* Книгообеспечение горнозаводских библиотек Сибири... — С. 89—90.
- ¹²²Гузнер И.А., Ситников Л.А. Библиотеки Колывано-Воскресенских горных заводов... — С. 22—24.
- ¹²³А-ский С.А. (Гуляев С.А.) Заметки об учебных заведениях в Алтайском округе // Журн. для воспитания. — 1959. — Т. 5. — С. 180.
- ¹²⁴ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 365, л. 38—42.
- ¹²⁵Савельев Н.Я. Козьма Дмитриевич Фролов. — С. 67. Итоговые цифры подсчитаны нами.
- ¹²⁶Гузнер И.А., Ситников Л.А. Библиотеки Колывано-Воскресенских горных заводов... — С. 27.
- ¹²⁷ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 363, л. 109.
- ¹²⁸Смолин А.В. Из истории горно-технического образования и педагогической деятельности В.В. Петрова на Алтае во второй половине XVIII в. // Тр. науч. конф. по истории черной металлургии Кузбасса, посвящ. 140-летию Гурьев. з-да. — Кемерово, 1957. — С. 244.
- ¹²⁹ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 396, л. 56, 57—58.
- ¹³⁰ГААК, ф. 169, оп. 1, д. 519, л. 100. Итоговые цифры подсчитаны нами.
- ¹³¹Гузнер И.А., Ситников Л.А. Библиотеки Колывано-Воскресенских горных заводов... — С. 19.
- ¹³²Ситников Л.А. Книжные сокровища Сибири... — С. 62.
- ¹³³Мартынов И.Ф. Книга в русской провинции 1760—1790-х гг.: Зарождение провинциальной книжной торговли // Книга в России до середины XIX в. — Л., 1978. — С. 111.

- ¹³⁴Бендерский И.Л. Книга, библиотека и общественное сознание в России от кончины Петра Великого до восстания декабристов (1725—1825) // Книжное знание в отечественной культуре XVIII—XX веков. — М., 1994. — С. 62; Блюм А.В. Массовое чтение в русской провинции конца XVIII — первой четверти XIX в. // История русского читателя. — Л., 1973. — Вып. 1. — С. 38—39, 42.
- ¹³⁵История Сибири. — Т. 3. — С. 363.
- ¹³⁶Быкопя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П. Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII—XIX века). — Красноярск, 1990. — С. 51; Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск. — С. 65.
- ¹³⁷Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири... — С. 111; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. — Новосибирск, 1982. — С. 415—416. Миненко Н.А. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни в XVIII — первой половине XIX в. — Новосибирск, 1989. — С. 100—107.
- ¹³⁸Громыко М.М. К характеристике сибирского дворянства в XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). — М., 1973. — С. 350.
- ¹³⁹Шмаков А. Книжные интересы А.Н. Радищева // Уральский библиофил. — Челябинск, 1989. — С. 119—124.
- ¹⁴⁰Татаринцев А.Г. Радищев и Сибирь. — М., 1977. — С. 136, 256; Утков В. Путешествие в Сибирь Александра Радищева // Иркутск: Три века. Страницы жизни. — Иркутск, 1986. — С. 94—95.
- ¹⁴¹Ситников Л.А. Сэмюэл Бенгам и его сибирская библиотека // Русские библиотеки и их читатель. — Л., 1983. — С. 180—185.
- ¹⁴²Ситников Л.А. Западно-европейская книга в Сибири... — С. 87—88.
- ¹⁴³Белокрыс М.А. Из истории формирования частных библиотек в Забайкалье в XVIII — первой половине XIX в. // 4-я Всесоюз. науч. конф. "Книга в России: Век Просвещения". — Л., 1990. — С. 133—134.
- ¹⁴⁴Гузнер И.А. Книгообеспечение горнозаводских библиотек Сибири в 60—80-е гг. XVIII в. // Русская книга в дореволюционной Сибири. Распространение и бытование. — Новосибирск, 1986. — С. 83; Гузнер И.А., Ситников Л.А. Библиотеки Колывано-Воскресенских горных заводов. — С. 22—23; Савельев Н.Я. Сыны Алтая и Отечества. — Барнаул, 1985. — Ч. 1. — С. 104.
- ¹⁴⁵Гузнер И.А. Книгообеспечение горнозаводских библиотек... — С. 88—90; Гузнер И.А., Ситников Л.А. Библиотеки Колывано-Воскресенских горных заводов... — С. 22—24; Савельев Н.Я. Сыны Алтая и Отечества. — Ч. 1. — С. 105, 189, 208, 293; То же. — 1988. — Ч. 2. — С. 95, 236, 245, 316.
- ¹⁴⁶Азадовский М.К. Очерки литературы и культуры Сибири. — Иркутск, 1947. — С. 28.
- ¹⁴⁷Манассеин В.С. Книжные собрания г. Иркутска в XVIII и первой половине XIX столетия // Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири. — Новосибирск, 1969. — С. 135.
- ¹⁴⁸Копылов А.Н. Культура русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. — Новосибирск, 1968. — С. 99.
- ¹⁴⁹Ситников Л.А. Распространение печатной и рукописной книги... — С. 39—40.
- ¹⁵⁰Савельев Н.Я. Сыны Алтая и Отечества. — Т. 2. — С. 245; Ситников Л.А. Екатеринбургский книголюб конца XVIII — начала XIX столетий // Русская книга в дореволюционной Сибири: Книгописная деятельность и круг чтения сибиряков. — Новосибирск, 1984. — С. 7.
- ¹⁵¹Азадовский М.К. Очерки литературы и культуры Сибири... — С. 17; Манассеин В.С. Книжные собрания г. Иркутска... — С. 119—120.
- ¹⁵²Орлов В.С. Пути и судьбы. — М.; Л., 1963. — С. 189 — 190; Ромодановская Е.К. О круге чтения сибиряков... — С. 252.
- ¹⁵³Копылов А.Н. Культура русского населения Сибири... — С. 99.
- ¹⁵⁴Ромодановская Е.К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. — Новосибирск, 1985. — С. 173.
- ¹⁵⁵Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. — С. 113, 184.

¹⁵⁶Блюм А.В. Массовое чтение в русской провинции... — С. 51—52, 54.

¹⁵⁷Ситников Л.А. Распространение печатной и рукописной книги...: Дис. ... — С. 42—43.

¹⁵⁸Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту: Очерки истории чтения в России во второй половине XIX в. — М., 1991. — С. 143—147.

¹⁵⁹Миненко Н.А. Живая старина... — С. 107.

¹⁶⁰Бендерский И.Я. Книга, библиотека... — С. 63; Блюм А.В. Массовое чтение в русской провинции... — С. 42—44, 46; Миненко Н.А. Живая старина... — С. 106—107.

¹⁶¹Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Книжная культура старообрядцев и их четья литература: К проблеме типологии чтения // Русская книга в дореволюционной Сибири: Археография книжных памятников. — Новосибирск, 1996. — С. 9—39; Они же. Древнерусская книга и Сибирь: Некоторые вопросы бытования и функционирования // Четвертые Макушинские чтения. — Новосибирск, 1997. — С. 13—17; Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. — 2-е изд., доп. — М.: Книга, 1988. — 285 с.; Он же. Традиции и новации в духовной жизни русского старообрядчества // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. — Новосибирск, 1992. — С. 6.

¹⁶²Ромодановская Е.К. О круге чтения сибиряков... — С. 242—243.

¹⁶³Очерки русской литературы Сибири. — Т. 1. — С. 112.

ГЛАВА II

¹Баренбаум И.Е., Давыдова Т.Е. История книги. — М., 1971. — С. 137—138; Горшков Ю.А. Морфология переходных процессов в экономическом развитии книгоиздательского дела России // Книга: Исслед. и материалы. — 1996. — Сб. 73. — С. 46—47; Яковкина Н.И. Очерки русской культуры первой половины XIX в. — Л., 1989. — С. 12.

²История Сибири. — Л., 1968. — Т. 2. — С. 458—459; История Сибири. — Томск, 1987. — С. 216—218.

³История Сибири. — Т. 2. — С. 363.

⁴Там же. — С. 415.

⁵Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. — Новосибирск, 1974. — С. 99.

⁶Очерки русской литературы Сибири. — Новосибирск, 1982. — Т. 1. — С. 202.

⁷Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь: Административная политика в первой половине XIX в. — Омск, 1995. — С. 4—42.

⁸Путеводитель по государственным архивам Тюменской области. — Тюмень, 1962. — С. 135; Дмитриев-Мамонов А.И. Начало печати в Сибири. — 3-е изд. — СПб., 1900. — С. 65—66; ТФ ГАТюМО, ф. 355, оп. 1, св. 11, д. 232, л. 225, 285, 286.

⁹ГАОО, ф. 2, оп. 1, св. 6, д. 31, л. 91—91 об.

¹⁰Пежемский П., Кротов В. Иркутская летопись. — Иркутск, 1911. — С. 192.

¹¹Белокрыс М.А. Книгопечатание в Восточной Сибири в конце XVIII — середине XIX в. // 200 лет книгопечатания в Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 37—38.

¹²ГАОО, ф. 2, оп. 1, св. 87, д. 430, л. 2 об.; св. 88, д. 431, л. 38 об.

¹³Володкович А.Ф. Организация и начало деятельности первой томской типографии // Книжное дело Сибири и Дальнего Востока в XIX—XX веках. — Новосибирск, 1986. — С. 34—39.

¹⁴ГАОО, ф. 3, оп. 1, св. 29, д. 287, л. 46, 108 об.

¹⁵Володкович А.Ф. Книгопечатание в Западной Сибири в первой половине XIX в. // 200 лет книгопечатания в Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 49—50.

¹⁶РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 33, л. 63.

¹⁷Чернышова Н.К. Деятельность "Красноярской литературной беседы" по подготовке второго выпуска "Енисейского альманаха" (1828—1831 гг.) // Книга в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1989. — С. 61.

¹⁸ГААК, ф. 2, оп. 10, св. 8, д. 12, л. 242.

- ¹⁹Петряев Е.Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. — Чита, 1954. — С. 161.
- ²⁰ГАЧО, ф. 31, оп. 1, д. 1778, л. 1058; д. 2445, л. 106, 229, 242, 419, 644—645 об.
- ²¹ГАОО, ф. 3, оп. 1, св. 33, д. 296, л. 85, 88.
- ²²Ремизов А.В. Прошлое Омского края в бумагах А.Ф. Палашенкова (из недавних архивных находок) // Страницы исторического прошлого Омска (XIX — начало XX в.). — Омск, 1994. — С. 134; *Из истории Омска (1716—1917 гг.): Очерки, документальные материалы.* — Омск, 1967. — С. 39. Открытие типографии ошибочно отнесено к 1856 г.
- ²³Участкина З.В. Сибирская бумага и ее водяные знаки // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. — 1965. — № 9, вып. 3. — С. 91—94; Копылов Д.И. Тобольская писчебумажная мануфактура в XVIII—XIX веках // Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию Тобол. ист.-архит. музея-заповедника. — Свердловск, 1975. — С. 75—85.
- ²⁴О строительстве фабрики см.: Савельев Н.Я. Петр Козьмич Фролов: Жизнь и деятельность новатора русской техники XIX в. — Новосибирск, 1951. — С. 67—69.
- ²⁵В специальной литературе указаний на бумагу с водяным знаком Барнаульского завода не встречается. Атрибуция ее и датировка произведены А.Ф. Володковичем.
- ²⁶Участкина З.В. Сибирская бумага... — С. 94—95.
- ²⁷Володкович А.Ф. Архивные материалы Западной Сибири XIX в. как книговедческий источник // Региональные проблемы истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1985. — С. 27.
- ²⁸ГААК, ф. 1, оп. 2, т. II, св. 1558, д. 2739, л. 1—3 об.
- ²⁹Белокрыс М.А. Книгопечатание в Восточной Сибири... — С. 39.
- ³⁰Попов С.С. Св. Иннокентий Иркутский // Рус. паломник. — 1887. — № 25. — С. 304—306; Чернышова Н.К. Культ святителя Иннокентия Иркутского в Сибири: Книжная и рукописная традиция // Третьи Макушинские чтения. — Новосибирск, 1994. — С. 209.
- ³¹Долгова С.Р. Первая иркутская книга // Сибирская археография и источниковедение. — Новосибирск, 1979. — С. 183—186.
- ³²Белокрыс М.А. О начале книгопечатания в Восточной Сибири // Книжное дело Сибири и Дальнего Востока в XIX—XX веках. — Новосибирск, 1986. — С. 25—33; *Он же.* Книгопечатание в Восточной Сибири... — С. 31, 35—37.
- ³³Попов С.С. Св. Иннокентий Иркутский... — С. 304—306; Чернышова Н.К. Культ святителя Иннокентия... — С. 210.
- ³⁴Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. — СПб., 1872. — Т. 1. — С. 173, 246.
- ³⁵В архивных документах пособие называется "Первые начала геометрии" (ГАОО, ф. 2, оп. 1, св. 88, д. 431, л. 201 об.), в печатных источниках — "Таблицы по геометрии" (Войтик П.Д. Новый материал о Г.С. Батенькове // Сиб. огни. — 1963. — № 8. — С. 180; *Естественно-научное наследие декабристов:* Г.С. Батеньков, Н.А. Бестужев, М.А. Бестужев, К.П. Торсон. — СПб., 1995. — С. 325).
- ³⁶Батеньков Г.С. Сочинения и письма. — Иркутск, 1989. — Т. 1. — С. 146.
- ³⁷Здобнов Н. Неизвестное издание Положения о Сибири Сперанского // Книжный фронт. — 1935. — № 12. — С. 50.
- ³⁸Володкович А.Ф. Организация и начало деятельности... — С. 35—36.
- ³⁹Бухитаб Б. Козьма Прутков, П.П. Ершов и Н.А. Чижов // Омский альманах. — Омск, 1945. — Кн. 5. — С. 12—27.
- ⁴⁰Мамсик Т.С. Декабрист В.И. Штейнгель и его воззвание к сибирским крестьянам // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). — Иркутск, 1987. — Вып. 10. — С. 3—19.
- ⁴¹Володкович А.Ф. Архивные материалы Западной Сибири... — С. 26—43.
- ⁴²Белокрыс М.А. Книгопечатание в Восточной Сибири... — С. 43.
- ⁴³Зубашева Л.Е. Библиография Иркутской области: Физическая география. — Л., 1957. — С. 11. — № 70. — (Тр. / Науч. б-ка ИГУ; Вып. 13).
- ⁴⁴Волкова В.Н. Роль военнслужащих в развитии книжного дела Сибири (вторая половина XIX века) // Армия и книга. — Новосибирск, 1995. — С. 27.

- ⁴⁵ *Очерки русской литературы Сибири.* — Новосибирск, 1982. — Т. 1. — С. 184; *Кунгуров Г.Ф.* Сибирь и литература. — Иркутск, 1965. — С. 60—63.
- ⁴⁶ *Шапов А.П.* Сочинения: В 3 т. — СПб., 1908. — Т. 3. — С. 681.
- ⁴⁷ *Загоскин М.В.* Когда в Иркутске познакомились с Пушкиным // *Вост. обозрение.* — 1899. — № 110; *Кунгуров Г.Ф.* Сибирь и литература. — С. 82—83.
- ⁴⁸ *Очерки русской литературы Сибири.* — Т. 1. — С. 193.
- ⁴⁹ *Любимов Л.С.* История сибирской печати. — Иркутск, 1982. — С. 28.
- ⁵⁰ *Азадовский М.* Очерки литературы и культуры Сибири. — Иркутск, 1947. — Вып. 1. — С. 107—109; *Любимов Л.С.* История сибирской печати. — С. 29.
- ⁵¹ *Вагин В.И.* Сороковые годы в Иркутске // *Литературный сборник.* — СПб., 1885. — С. 260.
- ⁵² Цит. по: *Азадовский М.К.* Рукописные журналы в Восточной Сибири в первой половине XIX в. // *Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А.С. Орлова.* — Л., 1934. — С. 281.
- ⁵³ *Петряев Е.Д.* Вперед — огни. — Иркутск, 1968. — С. 231.
- ⁵⁴ *Любимов Л.С.* История сибирской печати. — С. 29.
- ⁵⁵ *Петряев Е.Д.* Вперед — огни. — С. 14—15.
- ⁵⁶ Статья была помещена в иркутском рукописном журнале "Звездочка". Цит. по: *Азадовский М.* Очерки литературы и культуры... — С. 108.
- ⁵⁷ Там же. — С. 108—109.
- ⁵⁸ *Петряев Е.Д.* Вперед — огни. — С. 230.
- ⁵⁹ *Любимов Л.С.* История сибирской печати. — С. 28—29.
- ⁶⁰ *Петряев Е.Д.* Вперед — огни. — С. 231.
- ⁶¹ *Бахаев В.Б.* К вопросу о культурных связях декабристов в Бурятии // *Сибирь и декабристы.* — Иркутск, 1978. — Вып. 1. — С. 84—85.
- ⁶² *Азадовский М.* Рукописные журналы в Восточной Сибири... — С. 282; *Очерки русской литературы Сибири.* — Т. 1. — С. 293.
- ⁶³ *Коптелов Л.Е.* Газета и время. — Иркутск, 1978. — С. 4.
- ⁶⁴ *Очерки русской литературы Сибири.* — Т. 1. — С. 196—197.
- ⁶⁵ *Парамонова Н.Б.* Книгоиздательская деятельность Казанского университета в первой половине XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1977. — С. 3—4, 14.
- ⁶⁶ *Чернышова Н.К.* Сибирская тема и авторы-сибиряки в изданиях Казанского университета первой половины XIX в. // *Книжное дело в Сибири (конец XVIII — начало XX в.).* — Новосибирск, 1991. — С. 14—15.
- ⁶⁷ *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири. — М., 1970. — С. 125, 134, 135.
- ⁶⁸ *Афиани В.Ю.* Публикации исторических документов в журнале Г.И. Спасского "Сибирский вестник" (1818—1824) // *Актуальные вопросы теории, методики и истории публикации исторических документов.* — М., 1988. — С. 118—129; *Скоблякова А.В.* Страны Востока в журналах "Сибирский вестник" и "Азиатский вестник" // *Взаимоотношения России с афроазиатскими странами в XIX — начале XX века.* — Иркутск, 1987. — С. 100—114; *Смирнов Б.* Григорий Иванович Спасский: (Материалы к биографии) // *Сиб. огни.* — 1927. — № 1. — С. 110—122; *Шафрановская Т.К.* Г.И. Спасский — издатель "Сибирского вестника" и "Азиатского вестника" // *Страны и народы Востока.* — М., 1976. — Вып. 18. География, этнография, история. Памяти А.В. Королева. — С. 288—294.
- ⁶⁹ ГАКК, ф. 805, оп. 1, д. 329, л. 9.
- ⁷⁰ *Вагин В.И.* Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского... — Т. 1. — С. 176; *Чернышова Н.К.* Деятельность М.М. Сперанского по собиранию коллекции книг и рукописей о Сибири // *Вторые Макушинские чтения.* — Томск, 1991. — С. 133—137.
- ⁷¹ *Очерки русской литературы Сибири.* — Т. 1. — С. 197—198.
- ⁷² *Азадовский М.К.* Очерки литературы и культуры Сибири... — С. 74.
- ⁷³ *Чернышова Н.К.* Сибирский публицист П.А. Словцов на страницах "Московского телеграфа" // *Макушинские чтения.* — Новосибирск, 1989. — С. 89—92; *Айзикова И.А.* О публикациях Н.С. Щукина в "Московском телеграфе" // *Вторые Макушинские чтения.* — Томск, 1991. — С. 137—139.

- ⁷⁴Богданова М.К. К истории создания "Енисейского альманаха на 1828 год" и "Красноярской литературной беседы" 1829 года // Енисей. — 1958. — Кн. 21. — С. 239—247; Гуревич А. Первый сибирский альманах // Там же. — 1961. — Кн. 8. — С. 157—164; Чернышова Н.К. Деятельность "Красноярской литературной беседы..." — С. 61.
- ⁷⁵Владимиров Е. Пушкин и Сибирь // Сиб. огни. — 1937. — № 1. — С. 86.
- ⁷⁶РГИА, ф. 777, оп. 1, д. 766, л. 25 об — 26; Чернышова Н.К. Деятельность "Красноярской литературной беседы" — С. 61.
- ⁷⁷Постнов Ю.С. Русская литература Сибири первой половины XIX в. — Новосибирск, 1970. — С. 98—99.
- ⁷⁸Чернышова Н.К. Красноярский кружок и русская журналистика второй половины 20-х — начала 30-х гг. XIX в. // Развитие книжной культуры Сибири XIX — начала XX в. — Новосибирск, 1982. — С. 20—25.
- ⁷⁹Московский телеграф. — 1828. — Ч. 19, кн. 3. — С. 432.
- ⁸⁰Московский вестник. — 1828. — № 3. — С. 326.
- ⁸¹Богданова М.К. К истории создания "Енисейского альманаха на 1828 год"... — С. 246—247.
- ⁸²Там же. — С. 247; Чернышова Н.К. Деятельность "Красноярской литературной беседы" — С. 65.
- ⁸³РО ИРЛИ, ф. 583, д. 28, л. 112—113 об., 146 об; 4347, XXII б, 123, л. 1; ГА РФ, ф. 109, оп. 214, д. 1, л. 1, 81 об; Бейсов П.С. Новое о Раевском // Пушкинский юбилейный сборник. — Ульяновск, 1949. — С. 342.
- ⁸⁴Азадовский М.К. Сибирские страницы. — Иркутск, 1988. — С. 115—117; Очерки русской литературы Сибири. — Т. 1. — С. 294—295; Постнов Ю.С. Русская литература Сибири... — С. 185—186.
- ⁸⁵Чернышова Н.К. Деятельность красноярского кружка по изучению края. "Енисейская губерния" А.П. Степанова (20—30-е гг. XIX в.) // Региональные проблемы истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1985. — С. 3—18.
- ⁸⁶Беспалова Л.Г. Сибирский просветитель. — Свердловск, 1973. — С. 120, 126, 138.
- ⁸⁷Мирзоев В. Историография Сибири. Первая половина XIX века. — Кемерово, 1965. — С. 110—111, 134—138.
- ⁸⁸Сибирский сборник. — СПб., 1886. — Кн. 3. — С. 166.
- ⁸⁹История Сибири. — Т. 2. — С. 363.
- ⁹⁰Волкова В.Н. Сибирское книгоиздание второй половины XIX в. — Новосибирск, 1995. — С. 140—164; Она же. Книга на языках коренных народов Сибири и Дальнего Востока в XIX — начале XX в. // Книга в автономных республиках, областях и округах Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1990. — С. 9—41.
- ⁹¹Отчет об Алтайской миссии за 1909 г. — Томск, 1910. — С. 5.
- ⁹²Якутское церковное братство во имя Христа Спасителя за IX год его существования: Отчет за 1900—1901 гг. — Якутск, 1902. — С. 3.
- ⁹³Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской Главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым, и муллами юртовскими свидетельствованная. — СПб., 1801. — 188 с.; Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской Главной школе учителем татарского языка, Софийского собора священником Иосифом Гигановым, и юртовскими муллами свидетельствованные. — СПб., 1801. — 75 с.; Букварь татарского и арабского письма, с приложением слов со знаками, показывающими их выговор, сочиненный в Тобольском Главном народном училище бухарцем Ният-Бакою Атнометовым, под руководством соборного священника Иосифа Гиганова. — СПб., 1802. — 66 с.; Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском Главном народном училище учителем татарского языка Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованный. — СПб., 1804. — 684 с.
- ⁹⁴Половинкин Н.С., Чернышов А.В. Роль Тобольской епархии в системе образования и просвещения в крае. XVIII — начало XX в. // Религия и церковь в Сибири. — Тюмень, 1991. — Вып. 2. — С. 18.

- ⁹⁵Валеев Ф.Т. Западно-сибирские татары во второй половине XIX — начале XX в.: Ист.-этногр. очерки. — Казань, 1980. — С. 211.
- ⁹⁶Сафронов Ф.Г., Иванов В.Ф. Письменность якутов. — Якутск, 1992. — С. 55.
- ⁹⁷Ляпунова Р.Г. Алеуты: Очерки этнической истории. — Л., 1987. — С. 129—134; Вишнякова Н.В. Русская книга на территории США (конец XVIII — первая половина XIX в.) // Вопросы регионального книговедения. — Новосибирск, 1996. — С. 15; Филаткина И.В. Книга малых народов Дальнего Востока: История, современное состояние, перспективы развития: Дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1985. — С. 34.
- ⁹⁸Сафронов Ф.Г., Иванов В.Ф. Письменность якутов. — С. 59—60.
- ⁹⁹Пивоваров Б.И. Издательская деятельность Алтайской духовной миссии // Книга в автономных республиках, областях и округах Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1990. — С. 42—43.
- ¹⁰⁰Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX в.: Структура и социальная роль культовой системы. — Новосибирск, 1983. — С. 74—77.
- ¹⁰¹Ким Н.В. У истоков русско-бурятских научных и культурных связей // Национальная интеллигенция и духовенство: История и современность. — Улан-Удэ, 1994. — С. 67.
- ¹⁰²Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX в. — С. 74.
- ¹⁰³Гирченко В. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX века о бурят-монголах. — Улан-Удэ, 1939. — С. 46.
- ¹⁰⁴Володкович А.Ф. Из истории книжного дела Восточной Сибири (по некоторым англоязычным источникам) // Макушинские чтения. — Новосибирск, 1988. — С. 85—89.
- ¹⁰⁵Bawden C.R. Shamans, lamas and evangelicals: The Engl. missionaries in Siberia. — London, 1985. — S. 358.
- ¹⁰⁶Забайкальская миссия: Второе и третье письмо из Посольского монастыря. — СПб., 1865. — С. 4.
- ¹⁰⁷РГИА, ф. 733, оп. 84, д. 100, л. 3; История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. — М., 1995. — С. 323.
- ¹⁰⁸Баренбаум И.Е., Давыдова Т.Е. История книги. — С. 141—162; Говоров А.А. История книжной торговли в СССР. — М., 1976. — С. 135—157.
- ¹⁰⁹Романов Н.С. Воспоминания // Библиофил Сибири. — Иркутск, 1988. — Вып. 1. — С. 110—111, 144—145.
- ¹¹⁰Володкович А.Ф. Книгораспространение в Сибири в первой половине XIX в. // Книга в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1989. — С. 47; Ядринцев Н.М. Художественные и публицистические произведения. Воспоминания. — Новосибирск, 1979. — С. 132.
- ¹¹¹Володкович А.Ф. Книгораспространение в Сибири... — С. 49; Полищук Ф.М. История библиотечного дела в дореволюционном Иркутске (конец XVIII — февраль 1917 г.). — Иркутск, 1983. — С. 22.
- ¹¹²Бердников Л.П. Кланяйтесь залам библиотечным. — Красноярск, 1995. — С. 159; Он же. Книготорговля в Сибири во второй половине XIX в. // 200 лет книгопечатания в Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 88; Кунгуров Г.Ф. Сибирь и литература. — С. 130, 132.
- ¹¹³Володкович А.Ф. Книгораспространение в Сибири... — С. 43; Динерштейн Е.А. И.Д. Сытин. — М., 1983. — С. 24.
- ¹¹⁴Володкович А.Ф. Книгораспространение в Сибири... — С. 42—43; Романов Н.С. Воспоминания. — С. 101, 103.
- ¹¹⁵Копылов А.Н. Из истории тобольского театра конца XVIII — начала XIX в. // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. — Новосибирск, 1971. — № 11, вып. 3. — С. 101.
- ¹¹⁶Володкович А.Ф. Книгораспространение в Сибири... — С. 46.
- ¹¹⁷Белокрыс М.А. Из истории формирования частных библиотек в Забайкалье в XVIII — первой половине XIX в. // 4-я Всесоюз. науч. конф. "Книга в России: Век Просвещения". — Л., 1990. — С. 133; Кунгуров Г.Ф. Сибирь и литература. — С. 132; Петряев Е.Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. — С. 146.
- ¹¹⁸Кунгуров Г.Ф. Сибирь и литература. — С. 85, 87, 124.

- ¹¹⁹Маркова И.Б. Круг чтения сибирских чиновников в первой половине XIX в. // Русская книга в дореволюционной Сибири: Книгописная деятельность и круг чтения сибиряков. — Новосибирск, 1984. — С. 61—63.
- ¹²⁰Азадовский М.К. Сибирские страницы. — С. 41—42; Куприянов А.И. Чтение и его роль в досуге горожан Западной Сибири в первой половине XIX в. // Русская книга в дореволюционной Сибири: Распространение и бытование. — Новосибирск, 1986. — С. 161—162.
- ¹²¹Афиани В.Ю., Козлов В.П. От замысла к изданию "Истории государства Российского" // Карамзин Н.М. История государства Российского: В 12 т. — М., 1989. — Т. 1. — С. 536—537.
- ¹²²Азадовский М.К. Сибирские страницы. — С. 45; Эйдельман Н.Я. Последний летописец. — М., 1983. — С. 97—98.
- ¹²³Маркова И.Б. Круг чтения сибирских чиновников... — С. 61.
- ¹²⁴Пайчадзе С.А. Книга и книжное дело Дальнего Востока // Книга: Исслед. и материалы. — 1982. — Сб. 44. — С. 141; Пушкин А.С. Выдержки из XI тома Собрания сочинений, изданного в 1841 году. — М., 1936. — С. 35.
- ¹²⁵Ситников Л.А. К истории книгораспространения в Сибири во второй половине XVIII в. // Становление системы библиотечного обслуживания и книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1977. — С. 98.
- ¹²⁶Володкович А.Ф. Книгораспространение в Сибири... — С. 45.
- ¹²⁷Там же. — С. 44—48, 52.
- ¹²⁸Копылов А.Н., Малышева М.П. Декабристы и просвещение Сибири в первой половине XIX века // Декабристы и Сибирь. — Новосибирск, 1977. — С. 54; Полищук Ф.М. История библиотечного дела... — С. 22; Володкович А.Ф. Книгораспространение в Сибири... — С. 48.
- ¹²⁹Белоножко Ю.А. Сельскохозяйственная литература в дореформенной Сибири и МОСХ // Развитие книжной культуры Сибири XIX — начала XX в. — Новосибирск, 1982. — С. 35—40, 48, 50.
- ¹³⁰Волкова В.Н. Книга на языках коренных народов... — С. 13; Володкович А.Ф. Книгораспространение в Сибири... — С. 46; Ситников Л.А. К истории книгораспространения в Сибири... — С. 104.
- ¹³¹Михайлов Т.М. Влияние ламаизма и христианства на шаманизм бурят // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.). — Л., 1979. — С. 137, 144.
- ¹³²Володкович А.Ф. Книгораспространение в Сибири... — С. 47; Цуприк Р.И. Сибирская библиотека М.С. Лунина // Книжное дело Сибири и Дальнего Востока в XIX—XX вв. — Новосибирск, 1986. — С. 22.
- ¹³³Куприянов А.И. Из истории первой публичной библиотеки в Западной Сибири // Русская книга в дореволюционной Сибири: Государственные и частные библиотеки. — Новосибирск, 1987. — С. 24.
- ¹³⁴Белоножко Ю.А. Сельскохозяйственная литература... — С. 53; Володкович А.Ф. Книгораспространение в Сибири... — С. 48.
- ¹³⁵Чернышова Н.К. Словцов и книга // Русская книга в дореволюционной Сибири: Читательские интересы сибиряков. — Новосибирск, 1990. — С. 30—31.
- ¹³⁶Азадовский М.К. Сибирские страницы. — С. 75—77; Кунгуров Г.Ф. Сибирь и литература. — С. 19—57; Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. — 2-е изд., доп. — М., 1988. — 192 с.; Ситников Л.А. К истории книгораспространения в Сибири... — С. 110—111.
- ¹³⁷Бочанова Т.А. О круге чтения ссыльных декабристов в Западной Сибири // Русская книга в дореволюционной Сибири: Книгописная деятельность и круг чтения сибиряков. — Новосибирск, 1984. — С. 29—31.
- ¹³⁸Маркова И.Б. Круг чтения сибирских чиновников... — С. 60; Матханова Е.И. Круг чтения детей ссыльных декабристов (30—50-е гг. XIX в.) // Распространение книги в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1990. — С. 20—23.

- ¹³⁹Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа от XVII в. до 60-х годов XIX в. — М.: Л., 1940. — С. 224—225; Полищук Ф.М. История библиотечного дела... — С. 15—16.
- ¹⁴⁰Декабристы-литераторы. — М., 1954. — Ч. 1. — С. 492, 494.
- ¹⁴¹Кунгуров Г.Ф. Сибирь и литература. — С. 25.
- ¹⁴²Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения. 1815—1832. — М., 1975. — С. 506; Бочанова Т.А. О круге чтения ссыльных декабристов. — С. 33.
- ¹⁴³Цит. по: Шостакович Б.С. Политические ссыльные поляки и декабристы в Сибири // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). — Иркутск, 1973. — Вып. 1. — С. 263.
- ¹⁴⁴Якушин Н.И. Достоевский в Сибири: Очерк жизни и творчества. — Кемерово, 1960. — С. 67, 71—73, 84, 137.
- ¹⁴⁵Алексеев А.И. Геннадий Иванович Невельской: (23 нояб. (5 дек.) 1813 — 17 (29) апр. 1876 г.) // Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России: 1849—1855. — Хабаровск, 1969. — С. 16—17; Пайчадзе С.А. Книжное дело Дальнего Востока (история и современность) // 200 лет книгопечатания в Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 189; Филаткина И.В. Развитие книгоиздания на языках малочисленных народностей Сибири и Дальнего Востока // Книга в автономных республиках, областях и округах Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1990. — С. 62.
- ¹⁴⁶РГИА, ф. 15, оп. 1, д. 1804, л. 125 — 126 об., 129 об. — 130; Хлебников К.Т. Русская Америка в "Записках" Кирилла Хлебникова: Ново-Архангельск. — М., 1985. — С. 176—178, 243—244; Ситников Л.А. Открывая книжную Америку // Библиофил Сибири. — Иркутск, 1988. — Вып. 1. — С. 87—88.
- ¹⁴⁷Загоскин Л.А. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842 — 1844 гг. — М., 1956. — С. 369—370.
- ¹⁴⁸Полищук Ф.М. История библиотечного дела... — С. 22—25.
- ¹⁴⁹Маргулан А. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: В 5 т. — Алма-Ата, 1961. — Т. 1. — С. 32; Смирнова В.И. Краевед А.И. Сулоцкий: Интересы. Библиотечные занятия // Русская книга в дореволюционной Сибири: Книгописная деятельность и круг чтения сибиряков. — Новосибирск, 1984. — С. 69.
- ¹⁵⁰Куприянов А.И. О круге чтения детей и юношества в городах Сибири в первой половине XIX в. // Русская книга в дореволюционной Сибири: Книгописная деятельность и круг чтения сибиряков. — Новосибирск, 1984. — С. 48.
- ¹⁵¹Володкович А.Ф. Книгораспространение в Сибири... — С. 47—49.
- ¹⁵²Лукьянова Л.С. Роль библиотек епархий в системе образования и просвещения населения Западной Сибири (XVIII—XIX вв.) // Третьи Макушинские чтения. — Новосибирск, 1994. — С. 125—128.
- ¹⁵³Цуприк Р.И. Сибирская библиотека М.С. Лунина. — С. 17—24.
- ¹⁵⁴Смирнова В.И. Краевед А.И. Сулоцкий... — С. 77.
- ¹⁵⁵Там же. — С. 78.
- ¹⁵⁶Николаева Г.Г. Из истории развития библиотечного дела на Алтае в XVIII — начале XX в. // Науч. б-ки Сибири и Дал. Востока. — 1972. — Вып. 11. — С. 55—56.
- ¹⁵⁷Гузнер И.А., Ситников Л.А. Библиотеки Кольвано-Воскресенских горных заводов в XVIII в. // Вопросы истории книжной культуры. — Новосибирск, 1975. — С. 27.
- ¹⁵⁸Савельев Н.Я. Петр Козьмич Фролов... — С. 41.
- ¹⁵⁹Гузнер И.А., Ситников Л.А. Библиотеки Кольвано-Воскресенских горных заводов... — С. 27—28; Николаева Г.Г. Из истории развития библиотечного дела... — С. 55.
- ¹⁶⁰ГАНУ, ф. Д-13, оп. 1, д. 22, л. 138.
- ¹⁶¹Петряев Е.Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья... — С. 146.
- ¹⁶²Володкович А.Ф. Библиотеки ссыльных поляков в Сибири (30—50-е гг. XIX в.) // Книга и книжное дело в Сибири: История. Современность. Перспективы развития. — Новосибирск, 1989. — С. 35—38; Цуприк Р.И. Декабристы и библиотечное дело в Сибири // Западно-Забайкальский филиал Географического общества СССР. — 1983. — Вып. 112. Проблемы краеведения. — С. 21—23.
- ¹⁶³Бахтина О.Н. Описи книг Томского мужского Богородице-Алексеевского монастыря как источник по книжной культуре Томска // Макушинские чтения. — Новосибирск,

1988. — С. 106—108; *Манькова И.Л., Шапков А.Т.* Библиотека Далматовского монастыря в XVII — первой четверти XIX в. // *Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала.* — Свердловск, 1983. — С. 47—56; *Они же.* Из истории формирования библиотеки Далматовского монастыря в XVII — XVIII вв. // *Русская книга в дореволюционной Сибири: Государственные и частные библиотеки.* — Новосибирск, 1987. — С. 53—74.

¹⁶⁴*Копылов А.Н.* Очерки культурной жизни Сибири... — С. 43—62; *Смирнова В.И.* Краевед А.И. Сулоцкий... — С. 75.

¹⁶⁵*Матвеев М.Ю.* К истории образования региональных библиотек в России (1830—1917 гг.) // *Проблемы национальных библиотек и региональных библиотечных центров.* — СПб., 1994. — Вып. 3. — С. 187—212.

¹⁶⁶*Хлебников К.Т.* Русская Америка... — С. 176.

¹⁶⁷*Попыванова Н.Д.* Участие академика А.Х. Востокова в подготовке и учреждении первой библиотеки на Камчатке (1828 г.) // *Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII — первой половине XIX в.* — Л., 1981. — С. 135—143.

¹⁶⁸Цит. по: *Сафронов Ф.Г.* Петропавловск-Камчатский (странички из истории) // *История городов Сибири досоветского периода (XVII — начало XX в.).* — Новосибирск, 1977. — С. 217—218.

¹⁶⁹*Жебрак Е.Е.* Из истории читателя Дальнего Востока второй половины XIX — начала XX в. // *Развитие книжной культуры Сибири XIX — начала XX в.* — Новосибирск, 1982. — С. 96.

¹⁷⁰*Полищук Ф.М.* История библиотечного дела... — С. 26—27.

¹⁷¹*Куприянов А.И.* Из истории первой публичной библиотеки. — С. 18, 26.

¹⁷²Там же. — С. 18—26.

¹⁷³Там же. — С. 25.

¹⁷⁴*Чернышова Н.К.* Красноярская губернская публичная библиотека (30—40-е гг. XIX в.) // *Русская книга в дореволюционной Сибири: Фонды редких книг и рукописей сибирских библиотек.* — Новосибирск, 1988. — С. 17.

¹⁷⁵*Полищук Ф.М.* История библиотечного дела... — С. 28—29.

¹⁷⁶*Бердников Л.П.* Кланяйтесь залам библиотечным... — С. 7—8.

¹⁷⁷*Чернышова Н.К.* Красноярская губернская публичная библиотека... — С. 17, 26, 27.

¹⁷⁸*Боннер А.Г.* Коллекция книг В.Н. Баснина в научной библиотеке Иркутского университета // *Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири.* — Новосибирск, 1969. — С. 146—154; *Манассеин В.С.* Книжные собрания г. Иркутска в XVIII и первой половине XIX столетия // Там же. — С. 114—145; *Володкович А.Ф.* Библиотеки ссыльных поляков... — С. 35—38; *Чернышова Н.К.* Общественная деятельность выпускников Тобольской семинарии в Красноярске: Библиотеки красноярцев // *Революционные и прогрессивные традиции книжного дела в Сибири и на Дальнем Востоке.* — Новосибирск, 1979. — С. 31—44.

¹⁷⁹*Полищук Ф.М.* История библиотечного дела... — С. 29—31.

¹⁸⁰*Матвеев М.Ю.* К истории образования региональных библиотек... — С. 192.

¹⁸¹*История Сибири.* — Т. 2. — С. 363.

¹⁸²*Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П.* Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII—XIX века). — Красноярск, 1990. — С. 51, 107; *Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А.* Иркутск: Очерки истории города. — Иркутск, 1971. — С. 65—66.

¹⁸³*Катанев Г.Е.* Западно-сибирское служилое казачество и его роль в исследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. — СПб., 1908. — Вып. 1. — С. 13; *Копылов А.Н.* Очерки культурной жизни Сибири... — С. 110.

¹⁸⁴*Рашин А.Г.* Грамотность и народное образование России в XIX — начале XX в. // *Исторические записки.* — М., 1951. — Т. 37. — С. 50—53, 56, 69.

¹⁸⁵*Рейтлат А.И.* Предыстория массового чтения в России (конец XIX — начало XX в.) // *Чтение: проблемы и разработки.* — М., 1985. — С. 96.

¹⁸⁶*Манассеин В.И.* Книжные собрания г. Иркутска... — С. 114—145; *Смирнова В.И.* Краевед А.И. Сулоцкий... — С. 67—82; *Она же.* О круге чтения краеведов Западной Сибири (40—60-е гг. XIX в.) // *Развитие книжной культуры Сибири XIX — начала XX в.* — Новосибирск, 1982. — С. 57—66; *Чернышова Н.К.* П.А. Словцов и книга. — С. 27—47;

Она же. Ученый в провинции (Г.С. Карелин и книжная культура Сибири в 40-х гг. XIX в.) // Русская книга в дореволюционной Сибири: Рукописная и печатная книга на востоке страны. — Новосибирск, 1992. — С. 38—62; *Якушин Н.И.* Достоевский в Сибири: Очерк жизни и творчества. — Кемерово, 1960. — 212 с.

¹⁸⁷*Куприянов А.И.* Русский город в первой половине XIX века: Общественный строй и культура горожан Западной Сибири. — М., 1995. — С. 75—78.

¹⁸⁸*Куприянов А.И.* Чтение и его роль в досуге горожан Западной Сибири в первой половине XIX в. // Русская книга в дореволюционной Сибири: Распространение и бытование. — Новосибирск, 1986. — С. 162—163; *Маркова И.Б.* Круг чтения сибирских чиновников... — С. 58—63; *Чернышова Н.К.* Общественная деятельность выпускников... — С. 33.

¹⁸⁹*Чернышова Н.К.* Словцов и книга. — С. 29—35.

¹⁹⁰*Бауск О.В.* Круг чтения ссыльных тобольских декабристов // Ссыльные декабристы в Сибири. — Новосибирск, 1985. — С. 117—126; *Дунаева Е.Н.* Декабристы и книга. — М., 1967. — 63 с.; *Тальская О.С.* О переводческой деятельности декабристов в Сибири // Декабристы и Сибирь. — Новосибирск, 1977. — С. 80—89; *Цуприк Р.И.* Круг чтения ссыльных декабристов в Сибири: (Историческая литература) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). — Иркутск, 1985. — Вып. 9. — С. 157—176.

¹⁹¹*Бочанова Т.А.* О круге чтения ссыльных декабристов... — С. 32—33; *Курсков Ю.В.* Занятия декабристов историей в период пребывания на забайкальской каторге // Декабристы и Сибирь. — Новосибирск, 1977. — С. 75; *Цуприк Р.И.* Круг чтения ссыльных декабристов... — С. 160—166.

¹⁹²*Бауск О.В.* Круг чтения ссыльных... — С. 119—123; *Бочанова Т.А.* О круге чтения ссыльных декабристов... — С. 31—40; *Дунаева Е.Н.* Декабристы и книга. — С. 37—38, 57; *Куликаускаене Н.В.* Книги декабристов в редком фонде библиотеки Иркутского университета // Сибирь и декабристы. — Иркутск, 1978. — Вып. 1. — С. 204—208; *Тальская О.С.* О переводческой деятельности... — С. 83—88; *Цуприк Р.И.* Круг чтения ссыльных декабристов... — С. 167—174; *Она же.* О роли книг в жизни и деятельности декабристов в условиях забайкальской ссылки // Декабристы и Сибирь. — Новосибирск, 1977. — С. 124—130; *Она же.* О роли книги в научной и краеведческой деятельности декабристов в Сибири // Ссыльные декабристы в Сибири. — Новосибирск, 1985. — С. 105—115.

¹⁹³*Бауск О.В.* Круг чтения ссыльных... — С. 123—124; *Долин А.* История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. — М., 1988. — С. 127; *Комарницкая Ж.О.* Декабристы — читатели французской книги: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1977. — С. 15—17; *Одинокое В.Г.* Роль чтения в формировании творческих принципов В.К. Кюхельбекера в период сибирской ссылки // Изв. СО АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. — 1990. — Вып. 3. — С. 43—44.

¹⁹⁴*Бочанова Т.А.* О круге чтения ссыльных декабристов... — С. 30; *Дунаева Е.Н.* Декабристы и книга. — С. 19; *Куликаускаене Н.В.* Книги декабристов... — С. 201; *Чернышова Н.К.* Краеведческие произведения красноярцев и декабристская программа развития Сибири // Ссыльные декабристы в Сибири. — Новосибирск, 1985. — С. 61—62.

¹⁹⁵*Куприянов А.И.* О круге чтения детей... — С. 43—56.

¹⁹⁶*Кудрявцев Ф.А.* История бурят-монгольского народа... — С. 226; *Матханова Е.И.* Круг чтения детей ссыльных декабристов (30—50-е гг. XIX в.). // Распространение книги в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1990. — С. 15—20.

¹⁹⁷*Азадовский М.К.* Сибирские страницы. — С. 37, 128; *Куприянов А.И.* О круге чтения детей... — С. 44—53.

¹⁹⁸*Белоножко Ю.А.* Сельскохозяйственная литература... — С. 43; *Блюм А.В.* Массовое чтение в русской провинции конца XVIII — первой четверти XIX в. // История русского читателя. — 1973. — Вып. 1. — С. 53—54; *Кунгуров Г.Ф.* Сибирь и литература. — С. 189; *Петряев Е.Д.* Исследователи и литераторы старого Забайкалья. — С. 146.

¹⁹⁹*Ансцит Т.Н.* Повесть о Францелле Венециане и ее читатели // Рукописная традиция XVI—XIX вв. на востоке России. — Новосибирск, 1983. — С. 127; *Блюм А.В.* Массовое чтение... — С. 49—54; *Кунгуров Г.Ф.* Сибирь и литература. — С. 25.

²⁰⁰*Куприянов А.И.* Русский город в первой половине XIX века... — С. 76, 79, 82; *Она же.* Чтение и его роль... — С. 155, 161.

²⁰¹*История Сибири.* — Т. 2. — С. 363; *Рашин А.Г.* Грамотность и народное образование в России... — С. 52; *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту: Очерки истории чтения в России во второй половине XIX в. — М., 1991. — С. 10, 146—147; *Беликов Д.Н.* Томский раскол. Исторический очерк от 1834 по 1880-е гг. — Томск, 1901. — С. 216.

²⁰²*Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н.* Книжная культура старообрядцев и их четья литература: К проблеме типологии чтения // *Русская книга в дореволюционной Сибири: Археография книжных памятников.* — Новосибирск, 1996. — С. 9—39; *Они же.* Древнерусская книга и Сибирь: Некоторые вопросы бытования и функционирования // *Четвертые Макушинские чтения.* — Новосибирск, 1997. — С. 13—17; *Дергачева-Скоп Е.И., Покровский Н.Н.* Задачи археографического изучения Сибири // *Пути изучения древнерусской литературы и письменности.* — Л., 1970. — С. 171—177.

²⁰³*Белоножко Ю.А.* Деятельность Вольного экономического общества по распространению сельскохозяйственных знаний в Сибири (1765—1865 гг.) // *Третьи Макушинские чтения.* — Новосибирск, 1994. — С. 20; *Она же.* Сельскохозяйственная литература... — С. 44; *Володкович А.Ф.* Личные библиотеки и круг чтения сословных "низов" Сибири (первая половина XIX в.) // *Книжное дело в Сибири (конец XVIII — начало XX в.).* — Новосибирск, 1991. — С. 28—33; *Миненко Н.А.* Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни. — Новосибирск, 1989. — С. 105—107.

ГЛАВА III

¹*Смирнов В.З.* Реформа начальной и средней школы в 60-х годах XIX в. — М., 1954. — 311 с.; *Осолков А.В.* Начальное образование в дореволюционной России (1861—1917). — М., 1982. — С. 11—23.

²*400 лет русского книгопечатания, 1564—1964.* Т. 1. Русское книгопечатание до 1917 г. — М., 1964. — С. 365.

³*Книга в России. 1861—1881.* — М., 1888. — Т.1. — С. 42.

⁴Подробнее о законодательстве о печати 60-х гг. XIX в. см.: *Книга в России.* — С. 37—47.

⁵*Ласунский О.Г.* Литературно-общественное движение в русской провинции. — Воронеж, 1985. — С. 134.

⁶*Книга в России. 1861—1881.* — М., 1990. — Т.2. — С. 171.

⁷*Шиловский М.В.* Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50-х — 60-х гг. XIX в. — Новосибирск, 1989. — 144 с.; *Они же.* Сибирское областничество во второй половине XIX — начале XX в.: Автореф. дис... д-ра ист. наук. — Новосибирск, 1992. — 34 с.

⁸*Роцевская Л.П.* Революционеры-разночинцы в западно-сибирском изгнании. — Л., 1983. — С. 148.

⁹*Жебунев С.А.* Орывки из воспоминаний // *Былое.* — 1907. — № 5. — С. 253.

¹⁰*Очерк книгопечатного дела в России // Русская библиография. Год первый (1878).* — СПб., 1879. — Вып. 2. — С. 28.

¹¹*Волкова В.Н.* Сибирское книгоиздание второй половины XIX в. — Новосибирск, 1995. — С. 51—53.; *Она же.* Сибирь // *Книга в России. 1861—1881.* — М., 1990. — Т. 2. — С. 187—188.

¹²*Пайчадзе С.А.* Книжное дело на Дальнем Востоке: Дюктябрьский период. — Новосибирск, 1991. — С. 37; *Сквирская Л.М.* Краткий очерк истории журналистики на Дальнем Востоке в XIX — начале XX в. — Владивосток, 1971. — С. 11.

¹³*Сибирская советская энциклопедия.* — Новосибирск, 1931. — Т. 2. — Стб. 212.

¹⁴[*Ядринцев Н.М.*] Начало печати в Сибири // *Литературный сборник / Изд. газ. "Вост. обозрение".* — СПб., 1885. — С. 375.

¹⁵*М.М.* Из истории распространения печати в Сибири // *Омская обл.* — 1940. — № 1. — С. 67—68.

¹⁶Цит. по: *Аргунов И.А.* Шагнущие в завтра. — Якутск, 1964. — С. 3.

- ¹⁷Баторов В.В. У истоков книжного дела в Томске (1819—1876 гг.) // Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири. — Новосибирск, 1969. — С. 27.
- ¹⁸Берестов М. Состояние Томской губернской типографии // Томск. губ. ведомости. — 1871. — № 11, 13 марта.
- ¹⁹Начало печати в Иркутске // Приангарье: Годы, события, люди. — Иркутск, 1985. — С. 82—84.
- ²⁰Иркутская летопись. 1857—1880 / Сост. Н.С. Романов. — Иркутск, 1914. — С. 236.
- ²¹Сибирь и ее дореформенные суды: Администрация по делам фирмы бр. Бутиных. — СПб., 1896. — С. 39.
- ²²Копылов Д.И. Тобольская писчебумажная мануфактура в XVIII — XIX вв. // Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию Тобол. ист.-архит. музея-заповедника. — Свердловск, 1975. — С. 75 — 85; Учаскина З.В. Сибирская бумага и ее водяные знаки // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук — 1965. — № 9, вып. 3. — С. 89—96.
- ²³ГАТО, ф. 173, оп. 1, д. 897, л. 50.; Библиофил Сибири. — Иркутск, 1988. — Вып. 1. — С. 154.
- ²⁴Волкова В.Н. Сибирское книгоиздание второй половины XIX в. — С. 61—65, 77—81; Она же. Сибирская книга второй половины XIX в. // 200 лет книгопечатания в Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 58—66.; Она же. Пути становления провинциальной книги (на материале сибирского книгоиздания второй половины XIX в.) // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX в. — СПб., 1994. — Вып. 7. — С. 161—171.
- ²⁵Волкова В.Н. Памятные книжки и календари как вид издания второй половины XIX в. // Книжное дело в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1991. — С. 74—82.
- ²⁶Виленский В.Д. Памятные книжки Якутской области // Сиб. архив. — 1915. — № 6. — С. 282.
- ²⁷Адрес-календарь Западной Сибири на 1879 г. — Омск, 1879. — Ч. 1—2. — С. 108.
- ²⁸Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб., 1892. — С. 669.
- ²⁹Роцевская Л.П. "Тобольское дело" (М.И. Михайлов, тобольское общество и доносчики) // Политические ссылки в Сибири (XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1983. — С. 96—97.
- ³⁰Обзор деятельности Восточно-Сибирского отдела за семьдесят пять лет. 1851—1926: Юбил. сб. — Иркутск, 1926. — 142 с.; Кудрявцев Ф., Вендрих Г. Иркутск: Очерки по истории города. — Иркутск, 1971. — С. 117—119.
- ³¹Иркутские губернские ведомости. — 1858. — № 19. — Часть неофиц.
- ³²Жук А.В. Западно-Сибирский отдел Русского географического общества // Археология Сибири: Историография и источники. — Омск, 1996. — С. 68—69; Плотников А.Е. Из истории создания и деятельности в Омске Западно-Сибирского отдела Русского географического общества // Страницы исторического прошлого Омска (XIX — начало XX в.). — Омск, 1994. — С. 53.
- ³³Чернышова Н.К. Культ святителя Иннокентия Иркутского в Сибири: Книжная и рукописная традиция // Третьи Макушинские чтения. — Новосибирск, 1994. — С. 211.
- ³⁴Волкова В.Н. Сибирское книгоиздание второй половины XIX в. — С. 94.; Она же. Полиграфическое исполнение и художественное оформление сибирских изданий второй половины XIX в. // Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1993. — С. 25.
- ³⁵Подробнее см.: Роцевская Л.П. Культурная жизнь и книжное дело Тюмени второй половины XIX в. // Книжное дело Сибири и Дальнего Востока в XIX—XX веках. — Новосибирск, 1986. — С. 51—63.
- ³⁶Волкова В.Н. Полиграфическое исполнение и художественное оформление... — С. 30—32.
- ³⁷Петряев Е.Д. Впереди — огни. — Иркутск, 1968. — С. 262.
- ³⁸Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. — Иркутск, 1883. — С. 632—633. В книге И.В. Щеглова автором брошюры "Описание Братской волости" назван учитель Воротников. На экземпляре брошюры, ныне принадлежащем

НБ ИГУ, а ранее Н.С. Романову, от руки написана фамилия автора — М. Шестунов. Возможно, эти разночтения послужат основанием для дальнейших книговедческих разысканий.

³⁹Матханова Н.П. Эпистолярные источники о журнальных проектах сибирских областников (60-е годы XIX в.) // Русское общество и литература позднего феодализма. — Новосибирск, 1996. — С. 136—140.

⁴⁰См.: *Очерки русской литературы Сибири*. — Новосибирск, 1982. — Т. 1. Дореволюционный период. — С. 330—336.

⁴¹Утков В.Г. Люди. Судьбы. События. — Новосибирск, 1970. — С. 107.

⁴²См.: Азадовский М. Очерки литературы и культуры Сибири. — Иркутск, 1947. — Вып. 1. — С. 115.

⁴³См.: Петряев Е.Д. Живая память. — М., 1984. — С. 113.

⁴⁴Кунгуров Г.Ф. Сибирь и литература. — Иркутск, 1975. — С. 93—100.

⁴⁵Кунгуров Г.Ф. Сибирь и литература. — Иркутск, 1975. — С. 95; *Очерки русской литературы Сибири*. — С. 354.

⁴⁶В.С.Е. [С. Ефремов] Рукописная литература (к биографии М.В. Загоскина) // Вост. обозрение. — 1904. — № 247; *Очерки русской литературы Сибири*. — С. 354.

⁴⁷Цит. по: *Очерки русской литературы Сибири*. — С. 355.

⁴⁸Кунгуров Г.Ф. Сибирь и литература. — С. 100.

⁴⁹Петряев Е.Д. Впереди — огни. — С. 231—232; Дергачев И. Живых зову // Урал. — 1962. — № 4. — С. 138—140.

⁵⁰Азадовский М. Очерки литературы и культуры Сибири. — С. 130—133.

⁵¹Там же. — С. 136; Жеребцов Б. Старая сибирская сатирическая поэзия. — Новосибирск, 1933. — С. 12—13.

⁵²Коптелов Л.Е. Газета и время. — Иркутск, 1978. — С. 4—5.

⁵³Петряев Е.Д. Впереди — огни. — С. 236—237; Коптелов Л.Е. Газета и время. — С. 7—10.

⁵⁴Петряев Е.Д. Впереди — огни. — С. 239; Коптелов Л.Е. Газета и время. — С. 11.

⁵⁵Петряев Е.Д. Впереди — огни. — С. 239.

⁵⁶Там же. — С. 229; Кунгуров Г.Ф. Сибирь и литература. — С. 91.

⁵⁷Петряев Е.Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. — Чита, 1954. — С. 238.

⁵⁸Митина Н.П. Во глубине сибирских руд: К столетию восстания польских ссыльных на Кругобайкальском тракте. — М., 1966. — С. 105—108; Коваль С.Ф. "Метеор" — рукописный журнал польских ссыльных в Сибири // Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года. — М., 1962. — С. 460—478.

⁵⁹Кудряшов Г.Е. Православное миссионерство в Среднем Поволжье: История и оценка его деятельности // История христианских народов Северного Поволжья. — Чебоксары, 1988. — С. 48—59.

⁶⁰Волкова В.Н. Книга на языках коренных народов Сибири и Дальнего Востока в XIX — начале XX в. // Книга в автономных республиках, областях и округах Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1990. — С. 9—41; Она же. Сибирское книгоиздание второй половины XIX в. — С. 140—164.

⁶¹Пивоваров Б.И. Издательская деятельность Алтайской духовной миссии // Книга в автономных республиках, областях и округах Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1990. — С. 41—61.

⁶²Там же. — С. 46.

⁶³Владимир, архимандрит. Алтайская духовная миссия: Из отчета 1870 г. // Памятная книжка Томской губернии на 1871 г. — Томск, 1871. — С. 215. Об авторстве "Букваря" см.: Пивоваров Б.И. Издательская деятельность Алтайской духовной миссии. — С. 45—46; Ашинин Ф.Д. Из истории создания грамматики алтайского языка // Вопросы изучения алтайского языка. — Горно-Алтайск, 1981. — С. 152—153.

⁶⁴Ашинин Ф.Д. Из истории создания грамматики... — С. 150—168.

⁶⁵Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. — Л., 1972. — С. 199; Тюркологический сборник. 1971 г. — М., 1972. — С. 8.

- ⁶⁶Подробнее см.: *Казагачева З.* Зарождение алтайской литературы. — Горно-Алтайск, 1972. — С. 9—19.
- ⁶⁷*Гуляева Е.П.* Малоизвестные страницы истории якутской книги дооктябрьского периода // Книжная культура Республики Саха (Якутия). — Новосибирск, 1993. — С. 25.
- ⁶⁸*Сафронов Ф.Г., Иванов В.Ф.* Письменность якутов. — Якутск, 1992. — С. 62.
- ⁶⁹*НАРС(Я)*, ф. 276, оп. 1, д. 4; *Гуляева Е.П.* Малоизвестные страницы истории якутской книги... — С. 27—28.
- ⁷⁰*ТФ ГАТюмО*, ф. 156, оп. 26, ед. хр. 433, л. 63.
- ⁷¹*Труды православных миссий Восточной Сибири.* — Иркутск, 1883. — Т. 1. — С. 423.
- ⁷²*Волкова В.Н.* Книга на языках коренных народов... — С. 28—29.
- ⁷³*Кара Д.* Книги монгольских кочевников: (Семь веков монгольской письменности.). — М., 1972. — С. 95; *Сультимов Ц.С., Заятуев Г.Н.* Бытование у бурят рукописных альманахов // Исследования по истории и культуре Монголии. — Новосибирск, 1989. — С. 149—154.
- ⁷⁴*Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX в.: Структура и социальная роль культовой системы.* — Новосибирск, 1983. — С. 75.
- ⁷⁵*Дугарова С.Б.* Истоки бурятской книги (1839—1917) // Региональные проблемы истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1985. — С. 64.
- ⁷⁶Там же. — С. 66.
- ⁷⁷Там же. — С. 64 — 65; *Кудрявцев Ф., Вендрих Г.* Иркутск. — Иркутск, 1971. — С. 193.
- ⁷⁸*Дугарова С.Б.* Истоки бурятской книги... — С. 65—67.
- ⁷⁹*Андреев В.И.* История бурятской школы (1804—1962). — Улан-Удэ, 1964. — С. 186.
- ⁸⁰*Труды православных миссий Иркутской епархии.* — Иркутск, 1885. — Т. 3. — С. 357.
- ⁸¹*Говоров Д.А.* История книжной торговли в СССР. — М., 1976. — С. 172.
- ⁸²*400 лет русского книгопечатания. 1564—1964.* — М., 1964. — Т. 1. Русское книгопечатание до 1917 г. — С. 421.
- ⁸³*Крекин Г.* Ревнитель света — П.И. Макушин: 50 лет просветительной деятельности. — Томск, 1916. — С. 12—13.
- ⁸⁴*ГАИО*, ф. 31, оп. 3, д. 317, л. 35.
- ⁸⁵Напр.: *Тобольские губернские ведомости.* — 1857. — 14 дек. — Часть неофиц.
- ⁸⁶*Литературное наследство Сибири.* — Новосибирск, 1979. — Т. 4. — С. 132—134; 1980. — Т. 5. — С. 277.
- ⁸⁷*Роцевская Л.П.* Круг чтения М.С. Знаменского // Книга и книжное дело в Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 42.
- ⁸⁸*Иркутская летопись...* — С. 15.
- ⁸⁹*Тобольские губернские ведомости.* — 1863. — № 47. — С. 410.
- ⁹⁰*Лукьянова Л.С.* Военные библиотеки Тобольской губернии // Армия и книга. — Новосибирск, 1995. — С. 153.
- ⁹¹*Иркутская летопись...* — С. 37.
- ⁹²*Кропоткин П.* Дневник. — М.; Л., 1923. — С. 6; *Бердников Л.П.* Книготорговля в Сибири во второй половине XIX в. // 200 лет книгопечатания в Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 89.
- ⁹³*К истории книжного дела в Сибири // Сибирь.* — 1881. — № 24. — Приложение.
- ⁹⁴*Бердников Л.П.* Книготорговля в Сибири... — С. 89.
- ⁹⁵Там же. — С. 88.
- ⁹⁶*Войтик П.* Первые книжные лавки в Сибири // Сиб. огни. — 1964. — № 5. — С. 165.
- ⁹⁷См.: *Сталева Т.* Сибирский просветитель Петр Макушин. — Томск, 1990. — С. 60.
- ⁹⁸Там же. — С. 73—74.
- ⁹⁹*Каталог книг и учебных пособий Сибирского книжного магазина... В.В. Михайлова и П.И. Макушина в Томске. (Магазин открыт 19 февр. 1873 г.).* — Томск: [Типолит. Михайлова и Макушина], 1882. — 135 с.

- ¹⁰⁰См.: *Двадцатипятилетие* Сибирского книжного магазина П.И. Макушина в Томске. 19 февр. 1873—1898 гг. — Томск, 1898. — С. 5.
- ¹⁰¹*Макушин П.И.* К пятидесятилетию книготорговли в Сибири. — Новониколаевск, 1923. — С. 10—11.
- ¹⁰²*Сталева Т.* Сибирский просветитель... — С. 73.
- ¹⁰³*Фельдман В.* Первый книжный магазин в Сибири // Сов. книжная торговля. — 1963. — № 2. — С. 44—45.
- ¹⁰⁴*Макушин П.И.* К пятидесятилетию книготорговли... — С. 11.
- ¹⁰⁵*Сталева Т.* Сибирский просветитель... — С. 71.
- ¹⁰⁶*Первоначальный* каталог вновь открывшегося магазина А.Я. Жигаревой в Иркутске. — Иркутск: [Тип. окр. штаба], 1874. — 55 с.
- ¹⁰⁷*Книга в России. 1861—1881.* — Т. 2. — С. 194.
- ¹⁰⁸*Завалишин И.* Описание Западной Сибири. — М., 1862. — С. 407; *М.М.* Из истории распространения печати в Сибири. — С. 67—68.
- ¹⁰⁹*Иркутская летопись.* — С. 72—73.
- ¹¹⁰Там же. — С. 283.
- ¹¹¹*Сененко С.* Из Тюмени // Тобол. губ. ведомости. — 1863. — № 47. — С. 410—413.
- ¹¹²*Тютчев Н.С.* Статьи и воспоминания. — М., 1925. — Ч.2. В ссылке и другие воспоминания. — С. 15.
- ¹¹³См. напр.: *НАРБ*, ф. 56, оп. 1, д. 505, 54 л.; д. 232, л. 5.
- ¹¹⁴*Пайчадзе С.А.* Книжное дело на Дальнем Востоке... — С. 104.
- ¹¹⁵*Книга в России. 1861-1881.* — Т. 2. — С. 143.
- ¹¹⁶*Елпатьевский С.Я.* Воспоминания за пятьдесят лет. — Уфа, 1984. — С. 173—174; *Бердников Л.П.* Книготорговля в Сибири... — С. 92.
- ¹¹⁷*Пайчадзе С.А.* Книжное дело на Дальнем Востоке... — С. 104—105.
- ¹¹⁸*Матвеев Н.* Книга и книготорговля в крае // Книга: Сб. статей, рассказов и стихотворений о книге. — Владивосток, 1919. — С. 16—17.
- ¹¹⁹*Волкова В.Н.* Пути распространения сибирской книги (вторая половина XIX в.) // Распространение книги в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1990. — С. 55—78.
- ¹²⁰*НАРБ*, ф. 261, оп. 1, д. 101, л. 1.
- ¹²¹*ГФ ГАТюмО*, ф. 152, оп. 33, ед. хр. 2507, л. 10.
- ¹²²*НАРБ*, ф. 2, оп. 1, д. 3155, л. 13—14.
- ¹²³*РГИА ДВ*, ф. 87, оп. 1, д. 994, л. 1—8.
- ¹²⁴Там же, ф. 1, оп. 1, д. 305, л. 93—94; *Пайчадзе С.А.* Книжное дело на Дальнем Востоке... — С. 105.
- ¹²⁵*ГАОО*, ф. 3, оп. 3, д. 4667, л. 1.
- ¹²⁶Там же, л. 1—2, 4—4 об, 7, 11; д. 5029, л. 114.
- ¹²⁷*ГАОО*, ф. 93, оп. 1, д. 62, л. 130 об.
- ¹²⁸*Бердников Л.П.* Книготорговля в Сибири... — С. 89.
- ¹²⁹*Волкова В.Н.* Книга на языках коренных народов... — С. 30—31.
- ¹³⁰*Отчет* об Алтайской и Киргизской миссиях Томской епархии за 1886 г. — Бийск, б.г. — С. 25.
- ¹³¹*Чевалков М.В.* Памятное завещание // Правосл. благовестник. — 1894. — № 21. — С. 223.
- ¹³²*Дугарова С.Б.* Истоки бурятской книги... — С. 64—72.
- ¹³³*Валеев Ф.Т.* Сибирские татары: культура и быт. — Казань, 1992. — С. 172—173.
- ¹³⁴*Попов И.И.* Минувшее и пережитое. Сибирь и эмиграция: Воспоминания за 50 лет. — Л., 1924. — Т. 2. — С. 40—41; *Бахаев В.Б.* Декабристы и "Кяхтинский листок" // Кяхте — 250 лет. — Улан-Удэ, 1978. — С. 94.
- ¹³⁵*Роцевская Л.П.* Революционеры-разночинцы... — С. 43 — 45.
- ¹³⁶*Бердников Л.П.* История распространения нелегальной и прогрессивной демократической литературы в Восточной Сибири в 70—90-х гг. XIX в. // Развитие книжной культуры Сибири XIX — начала XX в. — Новосибирск, 1982. — С. 82—83.

- ¹³⁷Роцевская Л.П. Революционеры-разночинцы... — С. 61—68; Чудновский С.Л. Из давних лет: Воспоминания. — М., 1954. — С. 189—191.
- ¹³⁸Роцевская Л.П. Революционеры-разночинцы... — С. 155.
- ¹³⁹Поплавская Г.И. Вклад поляков в дело изучения Байкала // Землеведение. — 1915. — № 3. — С. 89.
- ¹⁴⁰Корякина А.В. Круг чтения Н.Г. Чернышевского в Александровском заводе // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. — 1965. — № 3. — С. 119—122; Макаров И.Г. Материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе в виллойской библиотеке Н.Г. Чернышевского // Науч. б-ки Сибири и Дал. Востока. — 1973. — Вып. 18. — С. 70—90.
- ¹⁴¹Абрамов К.И. История библиотечного дела в СССР: Учеб. для библ. фак. ин-тов культуры. — 2-е изд. — М., 1970. — 352 с.; Казаринов П.К., Матвеев З.Н. Библиотеки // Сибирская советская энциклопедия. — Новосибирск, 1929. — Т. 1. — Стб. 307—332.
- ¹⁴²Панчуков А.П. История начальной и средней школы Восточной Сибири. — Улан-Удэ, 1959. — 512 с.; Шамахов Ф.Ф. Школы дореволюционного Томска // Учен. зап. / Томск. гос. пед. ин-т. — 1954. — Т. 12. — С. 5—106.
- ¹⁴³История Сибири. — Л., 1968. — Т. 3. — С. 368.
- ¹⁴⁴Корытова В.И. Из истории библиотечного дела в Тобольске // Науч. б-ки Сибири и Дал. Востока. — 1970. — Вып. 1(4). — С. 167.
- ¹⁴⁵Бердников Л.П. Кланяйтесь залам библиотечным: Краткие очерки истории библиотечного дела и книжной торговли в Енисейской губ. (1838—1916). — Красноярск, 1995. — С. 99—101.
- ¹⁴⁶Лукьянова Л.С. Из истории публичных, общественных и народных библиотек Тобольской губернии (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вопросы регионального книговедения. — Новосибирск, 1996. — С. 132.
- ¹⁴⁷Панчуков А.П. История начальной и средней школы... — С. 212.
- ¹⁴⁸История Сибири. — Т. 3. — С. 369; Панчуков А.П. История начальной и средней школы... — С. 229.
- ¹⁴⁹Боннер А.Г. Коллекция книг В.Н. Баснина в научной библиотеке Иркутского университета // Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири. — Новосибирск, 1969. — С. 146—154.
- ¹⁵⁰Лукьянова Л.С. Из истории... — С. 131—142; Она же. Роль библиотек епархий в системе образования и просвещения населения Западной Сибири (XVIII—XIX вв.) // Третьи Макушинские чтения. — Новосибирск, 1994. — С. 125—128; Роцевская Л.П. Культурная жизнь и книжное дело Тюмени... — С. 51—63.
- ¹⁵¹Баяндин В.И. Образование библиотек в главных управлениях Сибири во второй половине XIX в. // Третьи Макушинские чтения. — Новосибирск, 1994 — С. 129—131.
- ¹⁵²Хребтова Е.Г. Прошлое и настоящее библиотеки // Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири. — Новосибирск, 1969. — С. 93—94.
- ¹⁵³Полищук Ф.М. История библиотечного дела в дореволюционном Иркутске (конец XVIII — февраль 1917 г.). — Иркутск, 1983. — С. 143.
- ¹⁵⁴Николаева Г.Г. Библиотеки научных обществ и музеев в дореволюционной Сибири // Книга и книжное дело в Сибири: (К 200-летию сибирского книгопечатания). — Новосибирск, 1989. — С. 48—51.
- ¹⁵⁵Даниленко А.В. Возможности общественной инициативы в развитии библиотечного дела Сибири второй половины XIX века // Русская книга в дореволюционной Сибири: Государственные и частные библиотеки. — Новосибирск, 1987. — С. 29.
- ¹⁵⁶Даниленко А.В. Книжные фонды библиотек Иркутска и пути их пополнения (вторая половина 50-х — 80-е гг. XIX в.) // Книга в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1989. — С. 75.
- ¹⁵⁷Даниленко А.В. Возможности общественной инициативы... — С. 30; Полищук Ф.М. История библиотечного дела... — С. 33.
- ¹⁵⁸Даниленко А.В. Возможности общественной инициативы... — С. 32—33.
- ¹⁵⁹Полищук Ф.М. История библиотечного дела... — С. 45—47.
- ¹⁶⁰Там же. — С. 49—50.

- ¹⁶¹ *Матвеев М.Ю.* К истории образования региональных библиотек в России (1830—1917 гг.) // Проблемы национальных библиотек и региональных библиотечных центров. — СПб., 1994. — Вып. 3. — С. 196—197.
- ¹⁶² *Смирнова В.И.* О круге чтения краеведов Западной Сибири (40—60-е гг. XIX в.) // Развитие книжной культуры Сибири XIX — начала XX в. — Новосибирск, 1982. — С. 60—62.
- ¹⁶³ *Никиенко О.Г.* П.И. Макушин и развитие библиотечного дела в Сибири // История библиотек дореволюционной России: Становление и развитие. — СПб., 1994. — С. 88—91; *Сталева Т.* Сибирский просветитель... — С. 84—86.
- ¹⁶⁴ *Никиенко О.Г.* П.И. Макушин и развитие... — С. 88—91.
- ¹⁶⁵ *Корытова В.И.* Из истории библиотечного дела... — С. 169.
- ¹⁶⁶ *Шамахов Ф.Ф.* Школы дореволюционного Томска. — С. 56.
- ¹⁶⁷ *Памятная книжка для Тобольской губернии на 1860 г.* — Тобольск, 1860. — С. 95.
- ¹⁶⁸ *Роцевская Л.П.* Культурная жизнь и книжное дело Тюмени... — С. 56.
- ¹⁶⁹ См.: *Белокрыс М.А.* Из истории первой Кяхтинской общественной публичной библиотеки // Третьи Макушинские чтения. — Новосибирск, 1994. — С. 133.
- ¹⁷⁰ Там же. — С. 134.
- ¹⁷¹ *ГАТО*, ф.3, оп.2, д.1145, л.8 (об).
- ¹⁷² *Бердников Л.П.* Кланяйтесь залам библиотечным... — С. 9—13.
- ¹⁷³ *Полищук Ф.М.* Библиотеки Забайкалья во второй половине XIX в. // Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1993. — С. 40.
- ¹⁷⁴ *Максимова С.В.* Библиотеки дореволюционного Якутска (начало XIX в. — 1917 г.) // Вторые Макушинские чтения. — Томск, 1991. — С. 57—60.
- ¹⁷⁵ *Жебрак Е.Е.* Из истории читателя Дальнего Востока второй половины XIX — начала XX в. // Развитие книжной культуры Сибири XIX — начала XX в. — Новосибирск, 1982. — С. 96—98; *Островский Б.Г.* Адмирал Макаров. — М., 1954. — С. 11; *Пайчадзе С.А.* Книжное дело на Дальнем Востоке... — С. 123.
- ¹⁷⁶ *Корреспонденция* из Братской волости // Сибирь. — 1886. — 2 февр.; *Корреспонденция* из Братской волости // Вост. обозрение. — 1890. — 20 марта.
- ¹⁷⁷ *Дерунов К.Н.* Типичные черты в эволюции русской "общественной библиотеки" // Библиогр. изв. — 1919. — № 1/2. — С. 89—119.
- ¹⁷⁸ *Матвеев М.Ю.* К истории образования... — С. 196—197; *Дерунов К.Н.* Типичные черты в эволюции... — С. 89—119.
- ¹⁷⁹ *Волкова В.Н.* Сибирское книгоиздание второй половины XIX в. — С. 176—179.
- ¹⁸⁰ *Соколова В.П.* Русское географическое общество и библиография истории, археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока (1845—1917) // Науч. б-ки Сибири и Дал. Востока. — 1970. — Вып. 1(4). — С. 187—188.
- ¹⁸¹ *Садохина Т.Н.* Ф. Буссе — краевед и первый библиограф Дальнего Востока // Науч. б-ки Сибири и Дал. Востока. — 1972. — Вып. 11. — С. 92—102.
- ¹⁸² *Соколова В.П.* Литература по истории Сибири в печатных каталогах сибирских библиотек второй половины XIX — начала XX в. // Из истории книги, библиотечного дела, библиографии Сибири. — Новосибирск, 1969. — С. 178—179.
- ¹⁸³ *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. — СПб., 1882. — С. 384.
- ¹⁸⁴ *Богданов И.М.* Грамотность и образование в дореволюционной России и СССР. — М., 1964. — С. 53.
- ¹⁸⁵ *Рейтблат А.* От Бовы к Бальмонту: Очерки истории чтения в России во второй половине XIX в. — М., 1991. — С. 10.
- ¹⁸⁶ *Сибирь:* Ее современное состояние и ее нужды. — СПб., 1908. — С. 47.
- ¹⁸⁷ *Адрианов А.В.* Г. Томск в прошлом и настоящем. — Томск, 1890. — С. 14.
- ¹⁸⁸ *Елпатьевский С.Я.* Воспоминания... — С. 182.
- ¹⁸⁹ *Рейтблат А.* От Бовы к Бальмонту... — С. 11—28; *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике: Факты, цифры и наблюдения // Рубакин Н.А. Избранное. — М., 1975. — Т. 1. — С. 35—47; *Он же.* Среди книг // Там же. — С. 180.
- ¹⁹⁰ *Лейкина-Свирская В.Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX в. — М., 1971. — С. 70.

- ¹⁹¹Иркутская летопись. — С. 351.
- ¹⁹²Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. / Сост. А.И. Дмитриев-Мамонов, К.М. Голодников. — Тобольск, 1884. — С. 391, 393.
- ¹⁹³Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. — СПб., 1900. — Т. 29а(58). — С. 812.
- ¹⁹⁴Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.Л. Воспоминания. — М., 1967. — Т. 1. — С. 113.
- ¹⁹⁵Роцевская Л.П. Круг чтения тобольских демократов (60-е гг. XIX в.) // Распространение книги в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1990. — С. 36—54.
- ¹⁹⁶Баренбаум И.Е. "Кружковое" чтение разночинной молодежи второй половины 50-х — начала 60-х гг. XIX в. // История русского читателя. — Л., 1973. — Вып. 1. — С. 77—92; Он же. Из истории чтения разночинно-демократической молодежи второй половины 50-х — начала 60-х гг. XIX в. // Там же. — Л., 1976. — Вып. 2. — С. 29—44; Он же. Разночинно-демократический читатель в годы демократического подъема (вторая половина 50-х — начало 60-х гг. XIX в.): (К характеристике индивидуального чтения) // Там же. — Л., 1979. — Вып. 3. — С. 23—35.
- ¹⁹⁷Белокрыс М.А. Из истории книгопечатания в Кяхте во второй половине XIX — начале XX в. // Книга в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1989. — С. 99; Попов И.И. Минувшее и пережитое... — Т. 2. — С. 41.
- ¹⁹⁸Жебрак Е.Д. Из истории читателя Дальнего Востока... — С. 93 — 98.
- ¹⁹⁹Черных В.А. "Колокол" в русской Аляске: (Новый документ из заграничного архива А.И. Герцена) // Источниковедение и археография Сибири. — Новосибирск, 1977. — С. 59—63.
- ²⁰⁰Маркова И.Б. Круг чтения сибирских чиновников в первой половине XIX в. // Русская книга в дореволюционной Сибири: Книгописная деятельность и круг чтения сибиряков. — Новосибирск, 1984. — С. 60—61.
- ²⁰¹Матханова Н.П. Книга в жизни иркутской смолянки // Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1993. — С. 7.
- ²⁰²Матханова Н.П. Восприятие произведений либерального и революционно-демократического направлений в Сибири 1850—1860-х годов // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. — Новосибирск, 1990. — С. 42—47; Она же. Авторы и читатели сибирских губернских ведомостей в первые годы их издания // Книжное дело в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1991. — С. 49—58.
- ²⁰³Матвеев Н. Книга и книготорговля в крае. — С. 16—17.
- ²⁰⁴Колосова Г.И. Сибирский купец А.А. Белооголовый и его библиотека // Русская книга в дореволюционной Сибири: Читательские интересы сибиряков. — Новосибирск, 1990. — С. 73—74.
- ²⁰⁵Пантелеев Л.Ф. Из воспоминаний прошлого. — М., 1934. — С. 573.
- ²⁰⁶Матханова Н.П. Книга в жизни иркутской смолянки. — С. 7—8.
- ²⁰⁷Маркова И.Б. Круг чтения сибирских чиновников... — С. 64.
- ²⁰⁸Матханова Е.И., Матханова Н.П. Круг чтения двух поколений сибирячек из одной необычной семьи: Т.Ф. Чайковская и ее дочери // Третьи Макушинские чтения. — Новосибирск, 1994. — С. 24—26.
- ²⁰⁹Топчий А.Т. Книга в системе обучения казачества (на примере Сибирского кадетского корпуса) // Армия и книга. — Новосибирск, 1995. — С. 114.
- ²¹⁰См.: Роцевская Л.П. Круг чтения тобольских демократов... — С. 40.
- ²¹¹См.: К истории книжного дела в Сибири. — Приложение.
- ²¹²Ядринцев Н.М. Сибирь на 1 января 1865 г. // Томск. губ. ведомости. — 1865. — № 1; Ядринцев Н.М. Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов из газет "Камско-Волжское слово", "Сибирь" и "Восточное обозрение" за 1873—1884 г. — Красноярск, 1919. — С. 5.
- ²¹³Бердников А.П. Кланяйтесь залам библиотечным... — С. 37.
- ²¹⁴Матханова Н.П. Сибирский читатель-разночинец (50—60-е гг. XIX в. // Распространение книги в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1990. — С. 28.

- ²¹⁵Кропоткин П.А. Письма из Восточной Сибири. — Иркутск, 1983. — С. 55.
- ²¹⁶Гаврилова Н.И. Роль интеллигенции в модернизации общественного быта горожан Иркутской губернии второй половины XIX в. // Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII—XX вв.). — Омск, 1995. — Т. 1. — С. 170.
- ²¹⁷Миненко Н.А. Культура русских крестьян Зауралья. XVIII — первая половина XIX в. — М., 1991. — С. 134.
- ²¹⁸См.: Беликов Д.Н. Томский раскол: Исторический очерк от 1834 по 1880-е гг. — Томск, 1901. — С. 3—126; Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. — 2-е изд., доп. — М., 1988. — С. 9—282; Чудновский С.Л. Раскольники на Алтае: (Выдержки из дневника) // Сев. вестн. — 1890. — № 9. — Отд. 2. — С. 39—74.
- ²¹⁹См.: Ушакова Л.А. Культурно-просветительская роль политических ссыльных на родников в Сибири (70-е — середина 90-х гг. XIX в.). — Новосибирск, 1986. — С. 43—65.
- ²²⁰См.: Миненко Н.А. Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни в XVIII — первой половине XIX в. — Новосибирск, 1989. — С. 106 — 107.
- ²²¹Мевес И. Три года в Сибири и Амурской стране // Отеч. зап. — 1863. — Т. 148, № 5. — С. 251; В.М. Коршуновцы: (Очерк сельской жизни в Сибири) // Дело. — 1872. — № 2. — С. 150.
- ²²²Беккер К. Материалы для статистики газетного и журнального дела в России за 1869 г. // Журн. М-ва нар. просвещения. — 1871. — № 9. — С. 147—162; Табл.: с I—XLVI.
- ²²³Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. — М., 1950. — Т. 7. — С. 898.
- ²²⁴Петряев Е.Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. — Чита, 1954. — С. 167; Матханова Н.П. Сибирский читатель-разночинец. — С. 29—30; Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П. Красноярск в дореволюционном прошлом. XVII—XIX века. — Красноярск, 1990. — С. 254—255; и др.
- ²²⁵Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. — Т. 7. — С. 904.
- ²²⁶Беккер К. Материалы для статистики... — С. XXVIII.
- ²²⁷Там же. — С. XXIX—XXXI. В сравнительных таблицах К. Беккера сведения по губерниям Сибири и Дальнего Востока отсутствуют, так как он не располагал данными о количестве жителей в этой части страны. Недостающие цифры в очень приблизительном виде выявлены В.Н. Волковой. Ею же вычислено и примерное число жителей, на которое приходится 1 экз. периодического издания для этих губерний.

ГЛАВА IV

- ¹Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. — 2-е изд. — СПб., 1892. — С. 635.
- ²ЦГИА, ф.776, оп.20, д. 509, л. 1—2; Латкин Н.В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. — СПб., 1892. — С. 463.
- ³Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... — С. IX (От автора).
- ⁴Попов И.И. Минувшее и пережитое. Сибирь и эмиграция: Воспоминания за 50 лет. — Л., 1924. — Т. 1. — С. 161.
- ⁵История Сибири. — Л., 1968. — Т. 3. — С. 367—370.
- ⁶Подробнее см.: Волкова В.Н. Сибирское книгоиздание второй половины XIX века. — Новосибирск, 1995. — С. 51—60.
- ⁷Пайчадзе С.А. Книжное дело на Дальнем Востоке: Дооктябрьский период. — Новосибирск, 1991. — С. 37—40; Он же. Издательская деятельность Приамурского отдела Русского географического общества и его филиалов (конец XIX — начало XX в.) // Книга в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1989. — С. 81.
- ⁸Волкова В.Н. Сибирское книгоиздание... — С. 54—55.
- ⁹Сталева Т.В. Сибирский просветитель Петр Макушин. — Томск, 1986. — С. 72.
- ¹⁰Рощевская Л.П. Демократическое издательство К.Н. Высоцкого // Урал. — 1986. — № 11. — С. 171 — 174; Кривченко А. Старейшина дальневосточной полиграфии. — Благовещенск, 1982. — С. 5; ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 1916, л.36 — 37 об; Аргунов И.А. Шагнувшие в завтра. — Якутск, 1964. — С. 3.

- ¹¹ГАТО, ф.3, оп.2, д.1935, л.145 — 146.
- ¹²ГАТО, ф.234, оп.1, д.116, л.13; *Спутник по Сибири*. — Иркутск, 1887 (Реклама); ГАЧО, ф.10, оп.1, д.14918, л.19 об.
- ¹³Городков Н. Типография Тобольского епархиального братства // Тобол. губ. ведомости. — 1895. — № 6. — С. 113—119.
- ¹⁴Книга в России. 1861 — 1881. — М., 1990. — Т. 2. — С. 29—30. Примеч. 1.
- ¹⁵Милюидов В.И. О конкуренции между заведениями печатного дела // Труды I съезда рус. деятелей по печатному делу в С-Петербурге (2—12 апр. 1895 г.). — СПб., 1896. — С. 45—46.
- ¹⁶ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 1916, л. 12 об.
- ¹⁷Копылов Д.И. Тобольская писчебумажная мануфактура в XVIII — XIX вв. // Материалы науч. конф., посвящ. 100-летию Тобол. ист.-архит. музея-заповедника. — Свердловск, 1975. — С. 75 — 85.
- ¹⁸Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем. — Красноярск, 1897. — (Реклама).
- ¹⁹ГАКК, ф.796, оп.1, д.4629, л.3.
- ²⁰Памятная книжка Западной Сибири. 1881. — Омск, 1881. — Предисловие.
- ²¹Адрес-календарь Тобольской губернии на 1888 г. — Тобольск, 1887. — От редактора.
- ²²Подробнее см.: Волкова В.Н. Памятные книжки и календари как вид издания второй половины XIX в. // Книжное дело в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1991. — С. 74—87.
- ²³Чудновский С.Л. Переселенческое дело на Алтае. — Иркутск, 1889. — С. 113.
- ²⁴Шустерман С. Новые материалы о И.А. Худякове // Якутский архив: (Сб. ст. и документов). — Якутск, 1960. — Вып. 1. — С. 47.
- ²⁵Пайчадзе С.А. Книжное дело на Дальнем Востоке... — С. 39—40.
- ²⁶Пайчадзе С.А. Издательская деятельность Приамурского отдела... — С. 80—82.
- ²⁷Приамурские ведомости. — 1894. — № 19. — Прил. Возникновение Приамурского отдела Имп. Русского географического общества; Гродеков Н.И. Об открытии Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Имп. Русского географического общества. — Иркутск: Типолит. К.И. Витковской, 1894. — 27 с.; Краткий обзор деятельности Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Имп. Русского географического общества за первый период его существования. 1894—1897 гг. Отчет за 1897 г. — М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1898. — 39 с.
- ²⁸Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь: Ее современное состояние и ее нужды. — СПб., 1908. — С. 256.
- ²⁹Дэвлет М.А. В "Сердце Сибири" // Археология Сибири: Историография и источники. — Омск, 1996. — С. 21.
- ³⁰Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. — М., 1986. — С. 84.
- ³¹Цит. по: Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877—1902 гг.). — Казань, 1902. — С. 85.
- ³²Коновалова Е.Н., Роцевская Л.П. "Ежегодник Тобольского губернского музея" (1893—1918 гг.) // Книжное дело в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1991. — С. 152—167.
- ³³Ежегодник Тобольского губернского музея. — 1893. — Вып. 1. — От редакции; Там же. — 1894. — Вып. 2. — От редакции.
- ³⁴Краткий исторический очерк Томского университета за первые 25 лет его существования (1888—1913 гг.). — Томск: Типолит. Сиб. т-ва печат. дела, 1917. — 544 с.; Труды ученых в изданиях Томского университета за 70 лет (1889—1958): Сист. указ. к период. изд. и сб. ТГУ. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1962. — 292 с.
- ³⁵Волкова В.Н. Сибирское книгоиздание... — С. 118—122.
- ³⁶Коновалова Е.Н., Половинкин Н.С. Издательская деятельность Тобольского епархиального братства второй половины XIX — начала XX в. // Религия и церковь в Сибири. — Тюмень, 1995. — Вып. 8. — С. 66—93.

- ³⁷Чудновский С.Л. Из давних лет. Воспоминания. — М., 1934. — С. 239—240, 292—293.
- ³⁸Чудновский С.Л. Енисейская губерния к трехсотлетнему юбилею Сибири. — Томск, 1885. — С. 175, 177.
- ³⁹Чудновский С.Л. Из давних лет... — С. 292—293; *Он же*. Енисейская губерния... — От редакции "Сибирской газеты".
- ⁴⁰Отзыв приведен в кн.: *Злобин А.* Немые диктанты (без диктующего). Курс гимназического. — 3-е изд., испр. — Томск, 1893. — Ч. 1. Звуки и буквы. — С. 20.
- ⁴¹*Сибирский* торгово-промышленный и справочный календарь на 1896 г. — Томск, 1896. — От составителя.
- ⁴²Один из экземпляров издания хранится в личном архиве доктора исторических наук Л.П. Рошевой (Сыктывкар), любезно предоставившей автору сведения о нем.
- ⁴³О "Сибирских сборниках" подробнее см.: *Кондратьев Н.И.* Начало журнальной прессы в Восточной Сибири (1885—1905). — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. — 192 с.
- ⁴⁴*Живая струя* сибирской поэзии // Вост. обозрение. — 1886. — 23 янв.; Рус. мысль // 1886. — № 3. — С. 164—165; *Сибирь* и поэзия // Сибирь. — 1886. — № 18; *В.Б.* Первая сибирская хрестоматия // Сиб. огни. — 1937. — № 3. — С. 148—149; *Жеребцов Б.* Сибирский литературный календарь. — Иркутск, 1940. — С. 114—117.
- ⁴⁵*Отголоски* Сибири. — Томск, 1889. — С. VIII.
- ⁴⁶*Очерки* русской литературы Сибири. — Новосибирск, 1982. — Т. 1. Дореволюционный период. — С. 416—508.
- ⁴⁷*Блюм А.* Запрещенная книга сибирского журналиста // Сиб. огни. — 1965. — № 12. — С. 156—158.
- ⁴⁸*Коптелов Л.Е.* Забайкальская печать. — Иркутск, 1984. — С. 5.
- ⁴⁹*Петряев Е.Д.* Впереди — огни. — Иркутск, 1968. — С. 239.
- ⁵⁰Там же. — С. 241.
- ⁵¹В кн.: *Г.Ф. Кунгуров* "Сибирь и литература" (Иркутск, 1975. С. 91) местом издания названа Урга; в кн.: *Е.Д. Петряев* "Исследователи и литераторы старого Забайкалья" (Чита, 1954. — С. 170) — Кяхта.
- ⁵²В кн.: *Г.Ф. Кунгуров* "Сибирь и литература" местом издания назван Нерчинск; см.: *Петряев Е.Д.* "Исследователи и литераторы..." — Кяхта.
- ⁵³*Петряев Е.Д.* Впереди — огни. — С. 240.
- ⁵⁴*Кунгуров Г.Ф.* Сибирь и литература. — С. 91—93, 114—117.
- ⁵⁵*Лурье Г.* Еще о "Журнале политической ссылки" и о предыстории 1889 г. // Каторга и ссылка. — 1932. — № 3. — С. 149—150.
- ⁵⁶*Зильберштейн Я., Плесков В.* Тюремные журналы // Учеба и культработа в тюрьме и на каторге. — М., 1932. — С. 174—178; *Кара* и другие тюрьмы Нерчинской каторги: Сборник воспоминаний, документов и материалов. — М., 1927. — С. 296; *Виташевский Н.А.* На Каре // Голос минувшего. — 1914. — № 8. — С. 117; *Петряев Е.Д.* Впереди — огни. — С. 242; *Коптелов Л.Е.* Газета и время. — Иркутск, 1978. — С. 6.
- ⁵⁷*Зильберштейн Я., Плесков В.* Тюремные журналы... — С. 178; *Чарушин Н.А.* О далеком прошлом на Каре. — М., 1929. — С. 94; *Шестакович Б.С.* Поляки — политические ссыльные конца 70-х — начала 90-х гг. XIX в. // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. — февр. 1917 г.). — Иркутск, 1975. — Вып. 1. — С. 87.
- ⁵⁸О рукописных журналах политических ссыльных Якутии см.: *Веремеенко М.П.* "Изъят от действия...": Документы к биографии В.Ф. Трошанского // Прометей. — М., 1983. — Т. 13. — С. 4—12; *Кунгуров Г.Ф.* Сибирь и литература. — С. 105—114; *Ройзман И.Г.* Нелегальная печать в Якутской области до Февральской революции // 100 лет якутской ссылки. — М., 1934. — С. 308—336; *Брагинский М.* Политическая каторга в Якутской области // В якутской неволе. — М., 1927. — С. 103; *Костюрина М.* Молодые годы: (Арест, тюрьма, ссылка) // Каторга и ссылка. — 1926. — Кн. 24. — № 3. — С. 191—193.
- ⁵⁹*Кунгуров Г.Ф.* Сибирь и литература. — С. 105—114.
- ⁶⁰*Ройзман И.Г.* Нелегальная печать в Якутской области... — С. 316—317; *Брагинский М.* Политическая каторга... — С. 103.

⁶¹Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в.: Книги и периодические издания. — 2-е изд., доп. и перераб. — М., 1982. — Ч. 2. — С. 205.

⁶²Рощевская Л.П. Революционеры-разночинцы в западно-сибирском изгнании. — Л., 1983. — С. 97—101; Федорова В.И. Народническая ссылка Сибири в общественно-политической и идейной борьбе в России в последней четверти XIX века. — Красноярск, 1996. — С. 41—47; Лурье Г. Журнал безвременья // Каторга и ссылка. — 1931. — № 6. — С. 141—165; *Он же*. Еще о "Журнале политической ссылки"... — С. 142—166; Кузнецов Л. Журнал "Политическая ссылка" // Каторга и ссылка. — 1932. — № 3. — С. 201—202; Жербуев С.А. Отрывки из воспоминаний // Былое. — 1907. — № 5. — С. 263—264; ТФ ГАТюМО, ф.152, оп.12, 1888, д.3, л.20.

⁶³Сводный каталог русской... — Ч. 2. — С. 65; Ч. 3. — С. 28.

⁶⁴Рощевская Л.П. Революционеры-разночинцы... — С. 112; Федорова В.И. Народническая ссылка Сибири... — С. 39.

⁶⁵Рощевская Л.П. Революционеры-разночинцы... — С. 112.

⁶⁶Сводный каталог русской нелегальной... — Ч. 3. — С.4.

⁶⁷Сводный каталог русской нелегальной... — Ч. 2. — С. 68.

⁶⁸Там же.

⁶⁹Махлин Д. Якутская трагедия 1889 г. и подпольная печать // Каторга и ссылка. — 1929. — № 3. — С. 23, 28.

⁷⁰ГАКК, ф.595, оп.17, д.7119, л.5; Бердников Л.П. История распространения нелегальной и прогрессивной демократической литературы в Восточной Сибири в 70 — 90-х гг. XIX в. // Развитие книжной культуры Сибири XIX — начала XX в. — Новосибирск, 1982. — С. 86.

⁷¹Коваль С.Ф. Польские ссыльные и народнические организации в Восточной Сибири в 1879—1882 гг. // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1978. — С. 166—168.

⁷²ГАТО, ф.3, оп.25, д.13, л.1,3; Рощевская Л.П. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. — Тюмень, 1976. — С. 122.

⁷³Рощевская Л.П. История политической ссылки... — С. 122.

⁷⁴Пивоваров Б.И. Издательская деятельность Алтайской духовной миссии // Книга в автономных республиках, областях и округах Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1990. — С. 48.

⁷⁵Романцова Т.Д. Коллекция книг Православного миссионерского общества в научной библиотеке Иркутского краеведческого музея // Третьи Макушинские чтения. — Новосибирск, 1994. — С. 220—223.

⁷⁶Никонова Л.А. Православный миссионер и писатель Иван Штыгашев // Духовная и светская культура как фактор социального развития региона. — Кемерово, 1996. — С. 130—133.

⁷⁷Алексей, иеромонах. Иркутский миссионерский съезд (24 июля — 5 августа 1910 г. Дневник участника съезда). — Томск, 1910. — С. 18, 26.

⁷⁸Гуляева Е.П. "Якутские епархиальные ведомости" о переводах религиозных изданий на якутский язык // Третьи Макушинские чтения. — Новосибирск, 1994. — С. 56 — 60.

⁷⁹Якутское церковное братство во имя Христа Спасителя в 1894/5 г. — Якутск, 1895. — 63 с.

⁸⁰ГАИО, ф.293, оп.1, д. 464, л.1-1 об., 7, 8, 15-17 об, 22, 39, 43; Оконешиников Е.И. Академический словарь якутского языка Э.К. Пекарского // Развитие гуманитарных исследований в Якутии. — Новосибирск, 1981. — С. 109—115.

⁸¹Гуляева Е.П. Малоизвестные страницы истории якутской книги дооктябрьского периода // Книжная культура Республики Саха (Якутия). — Новосибирск, 1993. — С. 26—27; *Она же*. "Якутские епархиальные ведомости"... — С. 56—60.

⁸²Подсчитано по: Гуляева Е.П. Малоизвестные страницы истории... — С. 35—43.

⁸³Филаткина И.В. Книга коренных народностей Дальнего Востока (некоторые итоги и перспективы развития) // Книга и книжное дело Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 155.

⁸⁴ГАЧО, ф.10, оп.1, д.2307, л.8.

⁸⁵ГАЧО, ф.10, оп.1, д.2194, 2307, 3220.

⁸⁶Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX века: Структура и социальная роль культурной системы. — Новосибирск, 1983. — С. 74—78; Митыпова Г.С. Ацагатский дацан, 1825—1837: История, события и люди. — Улан-Удэ, 1995. — С. 15—17; Чимитдоржиев Ш.Б. Дацанские книги в Бурят-Монголии // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. — Челябинск, 1995. — Ч. 3. — С. 183—187.

⁸⁷Ламаизм в Бурятии... — С. 78—79.

⁸⁸Андреев В.И. История бурятской школы (1804—1962). — Улан-Удэ, 1964. — С. 144.

⁸⁹ГААК, ф. 164, оп. 2, св. 2, д. 16, л. 25.

⁹⁰Цит. по: Оконешиников Е.И. Э.К. Пекарский как лексикограф. — Новосибирск, 1982. — С. 18.

⁹¹Отчет об Алтайской духовной миссии за 1895 г. — Томск, 1896. — С. 7; Волкова В.Н. Книга на языках коренных народов Сибири и Дальнего Востока в XIX — начале XX в. // Книга в автономных республиках, областях и округах Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1990. — С. 36.

⁹²Подробнее о статистике книжной продукции см.: Волкова В.Н. Сибирское книгоиздание... — С. 133—136, 212—219; Статистические материалы по провинциальному книгоизданию России 1881—1895 гг. см.: Книга в России, 1881—1895. — СПб., 1997. — С. 24—25.

⁹³Муратов М.В. Книжное дело в России в XIX и XX веках. — М., Л., 1931. — С. 136—137.

⁹⁴Полный алфавитный указатель всех книжных магазинов, библиотек для чтения и музыкальных магазинов, находящихся в губерниях Российской империи. — М.: Лит. С.Ф. Рассохина, 1882. — 70 с.; Список заведениям книжной торговли, библиотекам для чтения и музыкальным магазинам, находящимся в губерниях. — СПб., 1882. — 16 с. — Отд. отд. из "Правит. вестн." — 1882. — № 167—173; Сведения о существующих в России типографиях, литографиях, металлографиях, фотографиях, а равно и местах книжной торговли, публичных библиотеках и общественных читальнях, составленные на 1 января 1894 г. — СПб.: Тип. МВД, 1895. — 78 с.; То же // Правительств. вестн. — 1894. — № 271—284; 1895. — № 26—67; и др.

⁹⁵ГАТО, ф.3, оп.2, д.1935, л.189.

⁹⁶Каталог книг и учебных пособий Сибирского книжного магазина В.В. Михайлова и П.И. Макушина в Томске. — Томск: Типолит. Михайлова и Макушина, 1882—1889; "Михайлов и Макушин" в г. Томске: Второе отделение каталога "Сибирского книжного магазина". — Томск: Типолит. П.И. Макушина, 1893. — 158 с.

⁹⁷Петр Иванович Макушин: Библиографический указатель, хроника жизни и деятельности, биография. К 150-летию со дня рождения. — Томск, 1994. — С. 22—23, 26.

⁹⁸Макушин П. К пятидесятилетию книготорговли в Сибири. — Новониколаевск, 1923. — С. 11.

⁹⁹Крекин Г. Ревнитель света — Макушин. — Томск, 1916. — С. 103; Шинкарева А.П. Издательская и книготорговая деятельность В.М. Посохина в Иркутске // Книга и книжное дело Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 51—54.

¹⁰⁰Восточное обозрение. — 1898. — № 32, 15 марта. — С. 1—2.

¹⁰¹Нам известны лишь кратковременная торговля азбуками, календарями, молитвенниками А. Кирова и А. Пугачева на толкучем рынке Томска в 1884 г. (ГАТО, ф.3, оп.2, д.2202, л.16 об.) и книжный магазин купца Е.А. Губанова, открытый на базарной площади, в каменных рядах в 1893 г. (Там же, д.3148, л.7).

¹⁰²Например, десять иркутских книготорговых заведений указывается в "Списке заведениям книжной торговли, библиотекам для чтения и музыкальным магазинам, находящимся в губерниях" // Правительств. вестн. — 1882. — № 169.

¹⁰³Романов Н. Воспоминания // Библиофил Сибири. — Иркутск, 1988. — Вып. 1. — С. 107.

¹⁰⁴Пудовина Е. История книжной торговли в России конца XIX — начала XX в. // Кн. дело. — 1994. — № 2. — С. 36—37.

- ¹⁰⁵Романов Н. Воспоминания... — С. 117.
- ¹⁰⁶Там же. — С. 106, 111—113.
- ¹⁰⁷Спутник по Сибири. — Иркутск, 1887. — Реклама; Лейфер А. Удивительная библиотека. — Омск, 1989. — С. 59.
- ¹⁰⁸Каталог книжного магазина Александра в г. Омске (для начальных, сельских и церковно-приходских школ). — Омск, 1887. — 13 с.; Каталог нотного отделения книжного магазина А.С. Александра в г. Омске. — Омск, 1890. — 139 с.; Пособие при выборе книг для подарков преимущественно для детей и для юношества: Книжный магазин А.С. Александра в г. Омске. — Омск, 1890. — 32 с.
- ¹⁰⁹Спутник по г. Красноярску. — Красноярск, 1911. — С.33; Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П. Красноярск в дореволюционном прошлом XVII — XIX вв. — Красноярск, 1990. — С. 266; Каталог библиотеки Комарова в Красноярске. — М., 1885. — 23 с.
- ¹¹⁰Спутник по Сибири. — С. 125—176 разд. паг.
- ¹¹¹Бердников Л.П. Книготорговля в Сибири во второй половине XIX в. // 200 лет книгопечатания в Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 95.
- ¹¹²Календарь Тобольской губернии на 1890 г. — Тобольск, 1889. — С. 234.
- ¹¹³Классическая гитара в России и СССР / Сост. М.С. Яблоков. — Тюмень; Екатеринбург, 1992. — Стб. 142—143.
- ¹¹⁴Бердников Л.П. Кланяйтесь залам библиотечным. — Красноярск, 1995. — С. 162.
- ¹¹⁵ГАТО, ф.3, оп.2, д.1882, л.23—23 об.
- ¹¹⁶Правительственный вестник. — 1882. — № 169.
- ¹¹⁷Календарь Тобольской губернии на 1894 г. — Тобольск, 1893. — 140 с. разд. паг.
- ¹¹⁸Общество попечения о начальном образовании в г. Барнауле за 1891 г. — Барнаул, 1892. — С. 22—23.
- ¹¹⁹50 лет советской книжной торговли в Бийске: Реклам. буклет / Авт. текста Л.А. Мальцев. — 13 нenum. л. с ил.; Летопись гор. Бийска (1709—1970). — Барнаул, 1971. — С. 8.
- ¹²⁰Мальцев Л. Книга идет к людям // Бийск. рабочий. — 1970. — 26 июня.
- ¹²¹ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 3322, л. 2, 36, 50.
- ¹²²ГАЧО, ф. 10, оп. 1, д. 2754, л. 3, 5.
- ¹²³Там же, д. 3408, л. 1—2.
- ¹²⁴Попов А.И. Город Чита: Описание, путеводитель и справочник по городу Чита, Забайкальской области и его окрестностям. — Чита, 1907. — С. 207.
- ¹²⁵РГИА ДВ, ф. 77, оп. 1, д. 539, л. 5.
- ¹²⁶РГИА (СПб), ф. 776, оп. 20, д. 751, л. 14—15.
- ¹²⁷РГИА ДВ, ф. 77, оп. 1, д. 710, л. 5.
- ¹²⁸Там же, л. 9.
- ¹²⁹Там же, д. 539, л. 1—2, 10.
- ¹³⁰Гинлейн Р.Э. Адресная книга книгопродавцов, издателей, торговцев нотами и редакций газет и журналов в России. Первый год изд. 1897—1898. — СПб., /1897/. — 317 с. разд. паг.
- ¹³¹РГИА ДВ, ф. 77, оп. 1, д. 539, л. 12; д. 710, л. 2.
- ¹³²Прик А.Е., Беляев А.Д. Владивосток и Южно-Уссурийский округ Приморской области: Путеводитель и справ. кн. с прилож. Адрес-календаря г. Владивостока и проч. — СПб., 1891. — С. 49.
- ¹³³Сибирь на Всероссийской выставке 1896 г. — Томск, 1897. — Реклама.
- ¹³⁴Каталог книг и проч., продающихся при литографии и типографии Н.Н. Сеницына, в Иркутске. — Иркутск; Типолит. Н.Н. Сеницына, 1885. — 44 с.
- ¹³⁵Спутник по Сибири. — С. 125—176 разд. паг.
- ¹³⁶Бердников Л.П. Книготорговля в Сибири... — С. 91, 93.
- ¹³⁷Бердников Л.П. История распространения нелегальной и прогрессивной демократической литературы в Восточной Сибири в 70—90-х гг. XIX в. // Развитие книжной культуры Сибири XIX — начала XX в. — Новосибирск, 1982. — С. 84; Он же. Книготорговля в Сибири... — С. 97 — 98.

- ¹³⁸ *Отчет* по Нерчинскому публичному музею и Нерчинской городской общественной библиотеке за 1889 г. — Нерчинск, 1890. — С. 52.
- ¹³⁹ *Каталог* изданий Главного штаба, имеющихся в продаже в складе этих изданий, учрежденном при штабе Омского военного округа: (К приказам по войскам Омского военного округа. 1887, № 15). — Омск, 1887. — 11 с.
- ¹⁴⁰ *Список* изданиям, имеющимся в библиотеке Омского медицинского общества и предназначенным для продажи или обмена: (Прил. к проток. Ом. мед. о-ва, 1890/91 г. № 8). — Омск, 1892. — 6 с.
- ¹⁴¹ *Протокол* № 6 заселения Комитета грамотности при Енисейском губернском статистическом комитете 18 ноября 1892 г. — Красноярск, 1892. — С. 1.
- ¹⁴² *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. — М., 1991. — С. 174.
- ¹⁴³ *Керчикер И.* Просветительные общества в Сибири // Сибирский сборник. — Иркутск, 1898. — С. 80—81; *Бердников Л.П.* Книготорговля в Сибири... — С. 94—95.
- ¹⁴⁴ *Бердников Л.П.* Кланяйтесь залам библиотечным. — С. 164.
- ¹⁴⁵ *Зверева К.Е.* Печатное слово — фактор социализации и духовного развития сельской молодежи Сибири (1861—1917 гг.) // Третьи Макушинские чтения. — Новосибирск, 1994. — С. 44.
- ¹⁴⁶ *Коновалова Е.Н.* Из истории издательской деятельности Тобольского епархиального братства (вторая половина XIX — начало XX в.) // Третьи Макушинские чтения. — Новосибирск, 1994. — С. 41.
- ¹⁴⁷ *Оглезнева Г.В.* Библиотеки уездных городов Иркутской губернии в конце XIX — начале XX в. // Третьи Макушинские чтения. — Новосибирск, 1994. — С. 136.
- ¹⁴⁸ *Енисейские* епархиальные ведомости. — 1885. — № 7. — С. 134—137; *Бердников Л.П.* Книготорговля в Сибири. — С. 93.
- ¹⁴⁹ *Бахтияров А.А.* История книги на Руси. — СПб., 1890. — С. 240—243; *Пайчадзе С.А.* Книжное дело на Дальнем Востоке... — С. 104—105.
- ¹⁵⁰ *РГИА* ДВ, ф.702, оп.3, д. 26, л. 1—1 об; *Пайчадзе С.А.* Книжное дело на Дальнем Востоке... — С. 104—105.
- ¹⁵¹ *Бердников Л.П.* Книготорговля в Сибири... — С. 94.
- ¹⁵² *ГАЧО*, ф. 152, оп. 1, д. 125, л. 1, 4.
- ¹⁵³ *Волкова В.Н.* Сибирское книгоиздание... — С. 159—164; *Она же.* Книга на языках коренных... — С. 9—41.
- ¹⁵⁴ *Пивоваров Б.И.* Издательская деятельность Алтайской... — С. 50—51.
- ¹⁵⁵ *Вторая* лепта в пользу Алтайской духовной миссии. — Бийск, 1888. — Объявления на 4-й с. обл.
- ¹⁵⁶ *Дейч Л.Г.* 16 лет в Сибири. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб., б.г. — С. 125.
- ¹⁵⁷ См., например: *ГАЧО*, ф. 10, оп. 1, д. 11 064, л. 1—2, 9—10, 12—14.
- ¹⁵⁸ *Дейч Л.Г.* 16 лет в Сибири... — С. 247.
- ¹⁵⁹ *Брагинский М.* Политическая каторга в Якутской области // В якутской неволе. — М., 1927. — С. 100, 102.
- ¹⁶⁰ *Роцевская Л.П.* История политической ссылки... — С. 118—131; *Она же.* Революционеры-разночинцы... — С. 156—157.
- ¹⁶¹ Подробнее см.: *Волкова В.Н.* Сибирское книгоиздание второй... — С. 165—179.
- ¹⁶² *НАРБ*, ф.84, оп.1, д.340, л.1.
- ¹⁶³ *Волкова В.Н.* Пути распространения сибирской книги (2-я половина XIX в.) // Распространение книги в Сибири (конец XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1990. — С. 71—73.
- ¹⁶⁴ *ГАИО*, ф.293, оп.1, д.75, л.15.
- ¹⁶⁵ Там же, л.18.
- ¹⁶⁶ *Отчет* совета Общества любителей исследования Алтая за 1895 г. — Томск, 1896. — С. 26.
- ¹⁶⁷ *Абрамов К.И.* История библиотечного дела в СССР. — М., 1970. — С. 96.
- ¹⁶⁸ *Мельников А.* Народное образование // Сибирская советская энциклопедия. — Новосибирск, 1932. — Т. 3. — Стб. 647.

- ¹⁶⁹ Лукьянова Л.С. Роль библиотек епархий в системе образования и просвещения населения Западной Сибири (XVIII—XIX вв.) // Третьи Макушинские чтения. — Новосибирск, 1994. — С. 127.
- ¹⁷⁰ Панчуков А.П. История начальной и средней школы Восточной Сибири. — Улан-Удэ, 1959. — С. 205.
- ¹⁷¹ Бердников Л.П. Кланяйтесь залам библиотечным. — С. 102.
- ¹⁷² Панчуков А.П. История начальной... — С. 212.
- ¹⁷³ Панчуков А.П. История начальной... — С. 223.
- ¹⁷⁴ Бердников Л.П. Кланяйтесь залам библиотечным. — С. 88.
- ¹⁷⁵ История Сибири... — Т. 3. — С. 369; Панчуков А.П. История начальной... — С. 229.
- ¹⁷⁶ Колосова Г.И. Личные библиотеки в отделе редких книг и рукописей научной библиотеки ТГУ // Русская книга в дореволюционной Сибири: Фонды редких книг и рукописей сибирских библиотек. — Новосибирск, 1988. — С. 32 — 36; Лукьянова Л.С. Роль библиотек учебных заведений в формировании книжной культуры Западной Сибири второй половины XIX в. // Четвертые Макушинские чтения. — Новосибирск, 1997. — С. 71; Филимонов М.Р. Книжная сокровищница Сибири. — Томск, 1988. — С. 26—35.
- ¹⁷⁷ Полищук Ф.М. История библиотечного дела в дореволюционном Иркутске: (конец XVIII — февр. 1917 г.). — Иркутск, 1983. — С. 63—67.
- ¹⁷⁸ Отчет по Минусинской общественной бесплатной библиотеке за 1885—1887 гг. // Вост. обозрение. — 1886. — № 10. — С. 11—12; 1887. — № 17. — С. 10—11; 1888. — № 16—17. — С. 4—5; 1889. — № 6. — С. 4—5; Об отчете по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за 1893 год // Вост. обозрение. — 1894. — № 51. — С. 1.
- ¹⁷⁹ Бердников Л.П. Кланяйтесь залам библиотечным. — С. 32—40.
- ¹⁸⁰ Полищук Ф.М. Библиотеки Забайкалья во второй половине XIX в. // Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1993. — С. 38—39.
- ¹⁸¹ Николаева Г.Г. Библиотеки научных обществ и музеев в дореволюционной Сибири // Книга и книжное дело в Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 49—50.
- ¹⁸² Лукьянова Л.С. Библиотека Тобольского губернского музея (вторая половина XIX — начало XX в.) // Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1993. — С. 51.
- ¹⁸³ Басаргина С.Л. Тобольский музей и развитие библиографии в Западной Сибири // Вопросы библиотечного дела, библиографии и истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1975. — С. 105—117; Бычин Б.П. Суринов В.М. Н.А. Скалозубов и книга // Русская книга в дореволюционной Сибири: Книжная деятельность и круг чтения сибиряков. — Новосибирск, 1984. — С. 92—100; Николаев В.А. Библиографы Сибири и Дальнего Востока: Биобиблиогр. словарь. — Новосибирск, 1975. — С. 70—72, 74—77, 139—140.
- ¹⁸⁴ Пайчадзе С.А. Книжное дело на Дальнем Востоке... — С. 121—129.
- ¹⁸⁵ Филиппова Л.А. Исторический очерк библиотеки Кяхтинского музея // Русская книга в дореволюционной Сибири: Читательские интересы сибиряков. — Новосибирск, 1990. — С. 85—104.
- ¹⁸⁶ Краткий обзор деятельности Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО за первый период его существования 1894—1897. Отчет за 1897 г. — М., 1898. — С. 37—39.
- ¹⁸⁷ Пайчадзе С.А. Книжное дело на Дальнем Востоке... — С. 129.
- ¹⁸⁸ Бердников Л.П. Кланяйтесь залам библиотечным. — С. 86.
- ¹⁸⁹ Лукьянова Л.С. Роль библиотек епархий... — С. 127—128.
- ¹⁹⁰ Оглезнева Г.В. Библиотеки уездных городов... — С. 136.
- ¹⁹¹ Цит. по: Матвеев М.Ю. К истории образования региональных библиотек в России (1830—1917 гг.) // Проблемы национальных библиотек и региональных библиотечных центров. — СПб., 1994. — Вып. 3. — С. 204.
- ¹⁹² Абрамов К.И. История библиотечного дела... — С. 62—66.
- ¹⁹³ Полищук Ф.М. История библиотечного дела... — С. 77—78.

- ¹⁹⁴Хисамутдинов А.А. Мир библиотеки: Приморская краевая научная библиотека им. А.М. Горького. — Владивосток, 1990. — С. 8—27.
- ¹⁹⁵Бердников Л.П. Кланяйтесь залам библиотечным. — С. 17—30; Богданович К.Б. Первая публичная бесплатная библиотека-читальня в Красноярске // Библиотечное дело, библиография и история книги в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1975. — С. 55—59.
- ¹⁹⁶Роцевская Л.П. Культурная жизнь и книжное дело Тюмени второй половины XIX в. // Книжное дело Сибири и Дальнего Востока в XIX—XX вв. — Новосибирск, 1986. — С. 57—60.
- ¹⁹⁷Корытова В.И. Из истории библиотечного дела в Тобольске // Науч. б-ки Сибири и Дал. Востока. — 1970. — Вып. 1(4). — С. 170—171.
- ¹⁹⁸Полищук Ф.М. Библиотеки Забайкалья во второй... — С. 42.
- ¹⁹⁹Захарова Т.В. Из истории организации Якутской государственной библиотеки (1886—1912 гг.) // Книжная культура Республики Саха (Якутия). — Новосибирск, 1993. — С. 46—47; Оглезнева Г.В. Библиотеки уездных городов... — С. 137.
- ²⁰⁰Полищук Ф.М. Библиотеки Забайкалья во второй... — С. 38, 43—44.
- ²⁰¹Войшилович В.А. Из истории библиотек Сахалинской области // Науч. б-ки Сибири и Дал. Востока. — 1972. — Вып. 10. — С. 149—150; Пайчадзе С.А. Книжное дело на Дальнем Востоке... — С. 129—131.
- ²⁰²Здобнов Н.В. История русской библиографии до начала XX века. — 3-е изд. — М., 1955. — С. 472—473.
- ²⁰³Соколова В.П. Русское географическое общество и библиография истории, археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока (1845—1917) // Науч. б-ки Сибири и Дал. Востока. — 1970. — Вып. 1(4). — С. 181—203.
- ²⁰⁴Буссе Ф.Ф. Указатель литературы об Амурском крае. — 2-е изд. — СПб., 1882. — 80 с.; Приклонский В.Л. Материалы для библиографии Якутской области. — Иркутск, 1893. — 83 с.
- ²⁰⁵Басаргина С.Л. Тобольский музей и развитие библиографии... — С. 105—107.
- ²⁰⁶Соколова В.П. Литература по истории Сибири в печатных каталогах сибирских библиотек второй половины XIX — начала XX в. // Из истории книги, библиотечного дела и библиографии в Сибири. — Новосибирск, 1969. — С. 169—194.
- ²⁰⁷Цит. по: Соколова В.П. Русское географическое общество... — С. 201.
- ²⁰⁸Пайчадзе С.А. Книжное дело на Дальнем Востоке... — С. 123—124, 146.
- ²⁰⁹Для выявления статистических показателей использовались: *Первая* всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Центр. стат. ком. — СПб., 1897—1905. — Вып. 2, 74, 78—81, 83; *Серебренников В.* Грамотность в Сибири по переписи 28 января 1897 года // Сиб. востр. — 1907. — № 17. — С. 15—22; № 18. — С. 15—21; *История Сибири.* — Т. 3. — С. 27, 368—369; *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). — М., Госстатиздат, 1956. — 352 с.; *Мосина И.Г.* Политическая ссылка и интеллигенция в Сибири (конец XIX — начало XX в.) // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). — Иркутск, 1985. — Вып. 9. — С. 113—114.
- ²¹⁰Серебренников В. Грамотность в Сибири... — № 17. — С. 19; № 18. — С. 19.
- ²¹¹Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX в. — М., 1971. — С. 69.
- ²¹²Брагинский М. Политическая каторга в Якутской области... — С. 99.
- ²¹³Жарков Д.С. Библиотеки политических ссылных Восточной Сибири (1890—1917 гг.) // Тр. Вост.-Сиб. биб. ин-та. — Вып. 1. — С. 176—221; Ханинсон Я.Т. Библиотека политических ссылных в Средне-Колымске (1896—1905 гг.) // Б-ки СССР. — Вып. 12. — С. 182—188; Мошкина З.В. Библиотека политзаключенных на Каре (70—80-е гг. XIX в.) // Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1993. — С. 60—67; Брагинский М. Политическая каторга в Якутской... — С. 90—109.
- ²¹⁴Андреев В.М. Распространение марксистской литературы и нелегальная деятельность ссылных революционеров-народников // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII — начало XX в.). — Новосибирск, 1975. — С. 193—194; Роцевская Л.П. Революционеры-разночинцы... — С. 111, 135—136.

- ²¹⁵*Роцевская Л.П.* Революционеры-разночинцы... — С. 157.
- ²¹⁶*Колосова Г.И.* Сибирский купец А.А. Белоголовый и его библиотека // Русская книга в дореволюционной Сибири: Читательские интересы сибиряков. — Новосибирск, 1990. — С. 65—76.
- ²¹⁷*Жебрак Е.Е.* Из истории читателя Дальнего Востока второй половины XIX — начала XX в. // Развитие книжной культуры Сибири XIX — начала XX в. — Новосибирск, 1982. — С. 100—101.
- ²¹⁸*Бакай Н.Н.* Замечательное книгохранилище в Восточной Сибири (Библиотека Г.В. Юдина). — М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1896. — 15 с.; *Почапская Н.В.* Геннадий Васильевич Юдин // Первые Юдинские чтения "Г.В. Юдин и традиции библиофильства в Сибири". — Красноярск, 1992. — Доп. вып. — С. 37—41.
- ²¹⁹*Ушакова Л.А.* Культурно-просветительская роль политических ссыльных народников в Сибири (70-е — середина 90-х гг. XIX в.). — Новосибирск, 1986. — С. 44, 58.
- ²²⁰*Роцевская Л.П.* Революционеры-разночинцы... — С. 109; *Ушакова Л.А.* Культурно-просветительская роль... — С. 59—60.
- ²²¹*Кунгуров Г.Ф.* Сибирь и литература. — Иркутск, 1975. — С. 206.
- ²²²*Адрианов А.В.* Г. Томск в прошлом и настоящем. — Томск, 1890. — С. 72—73.
- ²²³*Гольдфарб С.* Весь Иркутск: Рассказы из истории города. — Иркутск, 1992. — С. 172.
- ²²⁴*Полицук Ф.М.* История библиотечного дела... — С. 54.
- ²²⁵*Рейтлат А.* От Бовы к Бальмонту... — С. 105—107.
- ²²⁶*Адрианов А.В.* Г. Томск в прошлом... — С. 81—84.
- ²²⁷*Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П.* Красноярск в дореволюционном прошлом... — С. 268.
- ²²⁸Подсчитано по: *Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа.* — Томск, 1890. — С. 294—295.
- ²²⁹Подсчитано по: *Кунгуров Г.Ф.* Сибирь и литература. — С. 209.
- ²³⁰*Войтик П.Д.* Из истории народных чтений в Западной Сибири // Библиотечное дело, библиография и история книги в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1975. — С. 59—62.
- ²³¹*Шаванда А.Р.* Роль обществ народных чтений Дальнего Востока в развитии культуры в регионе // История культуры Дальнего Востока СССР. XVII—XX вв. Дюктябрьский период. — Владивосток, 1989. — С. 48—51.
- ²³²*Личков Л.С.* Как и что читает народ в Восточной Сибири // Рус. мысль. — 1896. — № 2. — С. 35 (2-я паг.).
- ²³³*ГАОО, ф.370, оп.2, д.8, л.125—125 об.*
- ²³⁴*Мельшин Л.* В мире отверженных: (Из записок бывшего каторжного) // Рус. богатство. — 1896. — № 1. — С. 18.
- ²³⁵*Ивашкин С.Н.* Кто и что читает в тюрьме? (Век XIX и XX) // Библиотека в контексте истории. — М., 1995. — С. 39—40.
- ²³⁶*Астырев Н.М.* На таежных прогалинах: Очерки жизни населения Восточной Сибири. — М., 1891. — С. 54.
- ²³⁷Подсчитано по: *Филимонов Е.С.* Материалы для изучения экономики и быта государственных крестьян и инородцев северо-западной Барабы, или Спасского участка Каинского округа Томской губернии. — СПб., 1892. — С. 82—83.
- ²³⁸*Личков Л.С.* Как и что читает... — С. 37.
- ²³⁹Там же. — № 1. — С. 41—44.
- ²⁴⁰Подсчитано по: *РГИА, ф. 91, оп. 3, д. 392, л. 50; д. 397, л. 116, 182; д.403, л.23; д. 937, л. 330; д. 941, л. 36—263; д. 942, л. 92—404; д. 943, л.1—381; д. 944, л. 13—329; д.945, л. 160—311.*
- ²⁴¹*История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа.* — М., 1995. — С. 301—302.

- ²⁴²*Дугарова С.Б.* Истоки бурятской книги (1839—1917) // Региональные проблемы истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке. — Новосибирск, 1985. — С. 64; *Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX века...* — С. 114.
- ²⁴³*Кирилов Н.В.* Дацаны в Забайкалье // Зап. Приам. отд. Имп. Рус. геогр. о-ва. — 1896. — Т. 1, вып. 4. — С. 134—137.
- ²⁴⁴*Отчет* Енисейского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1895 г. — Красноярск, 1896. — С. 63.
- ²⁴⁵*Личков Л.С.* Как и что читает... — С. 28—42 (2-я паг.).
- ²⁴⁶*РГИА*, ф.91, оп.3, д.401, л.212; *История Усть-Ордынского Бурятского...* — С. 303.
- ²⁴⁷*Волкова В.Н.* Сибирское книгоиздание... — С. 161—162.
- ²⁴⁸*Казагачева З.С.* У истоков алтайской литературы // Национальное наследие и современность. — Горно-Алтайск, 1984. — С. 49.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- ¹*Ерасов Б.С.* Социальная культурология. — М., 1996. — С. 490.
- ²*Волкова В.Н.* Центры сибирского книгоиздания второй половины XIX в. // Книга: Исслед. и материалы. — 1994. — Сб. 67. — С. 140—164.
- ³*Потанин Г.Н.* Города Сибири // Сибирь: Ее современное состояние и ее нужды. — СПб., 1908. — С. 234—236.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абагуев Г., 87
Аберкромби Дж., 87
Абрамов К.И., 13
Абрамов Н.А., 16
Авдеева-Полевая Е.А., 63
Адрианов А.В., 206
Ажеева Р.Б., 15
Азадовский М.К., 12, 21, 25, 75, 76, 137
Акакий, епископ, 243
Аксаков И.С., 174
Александров А.С., 230
Александров М.А., 74, 89, 132
Александров О.А., 150, 151, 230, 240
Алексеев В.Н., 14
Алчевская Х., 245
Алябьев А.В., 22, 26, 29, 34, 41, 43, 55
Амвросов И., 79
Анзимиров Г.Г., 194
Аничков Д.С., 58
Ансло Ж., 109
Ансон Дж., 112
Антиг И.Ф., 110
Антоний, архиепископ, 35
Антонович М.А., 174
Анучин Е.Н., 125
Аргунов П.А., 197
Арефьев Ф., 56
Аркашев Д., 64
Арнольд [А.И.], 77
Ардт И., 42
Артамонов П.Г., 188, 196
Астырев Н.М., 263
Ауэрбах Б., 178
Афанасьев А., 142
Афанасьев П., 142
Ахвердов Н.А., 30, 31
Ахматова Е.Н., 261

Б

Багашев И.В., 132, 137, 212
Бадмаев П.А., 189
Бажанов М., 90
Байрон Дж.Г., 177
Бакунин М.А., 161, 256
Бакунин М.Н., 16
Балакшин Н.А., 93
Баландина В., 230, 235

Бальдауф Ф.И., 75, 111, 138, 207
Бальзак О., де, 73, 111
Банзаров Д., 77, 108, 145, 224
Бантыш-Каменский Д.Н., 166
Баратынский Е.А., 110
Баренбаум И.Е., 13
Барыкова А.П., 217
Барышенцев Г.Е., 147
Баснин В.Н., 74, 78, 90, 158
Батеньков Г.С., 16, 62, 69, 110
Баторов В.В., 13
Батюшков К.Н., 79, 112, 175
Бах А.Н., 217
Бахтиаров А.А., 11, 236
Бахтин И.И., 29, 30, 31, 32, 35
Беджгот В., 176
Беер В., 55
Безобразов В., 124
Безруков Н.А., 64
Бекман И., 43
Беликов А., 70
Беликов Д.Н., 203
Белинский В.Г., 136, 166, 173, 259
Белоголовый А.А., 108, 176, 257
Белоголовый Н.А., 108, 136
Белозеров Б.В., 155
Белокрыс М.А., 14
Бельшев С., 31, 73
Беляев В., 104
Бентам И., 54, 110
Бентам С., 46, 54
Бер К., 50, 55
Берг В., 107
Бергиус, 43
Бердников А.П., 14
Березницкий Н.Г., 233
Березницкий Н.И., 216, 251
Берестов И.С., 113
Бестужев М.А., 75, 94, 154, 169
Бестужев Н.А., 62, 75, 94
Бестужев-Марлинский А.А., 19, 78, 91, 94, 107, 110, 112, 175, 207
Бётлингк О.Н., 82, 85, 142
Биллингс И.И., 82
Бисмарк О., 109
Бичер-Стоу Г., 159, 263
Бичурин И., 78
Блан Л., 256

- Блек Дж., 201
 Блюм А.В., 13
 Боборыкин П.Д., 259
 Бобринский А.Г., 30
 Бобровников А.А., 86, 144
 Бобылев Н.И., 111
 Богданов М.А., 16
 Богданович Ф., 214, 217
 Боголюбский И.С., 133, 196
 Боженко Н.А., 229, 231
 Бойко В.П., 13
 Бокль Г.Т., 176, 256
 Болдаков А., 80
 Болдаков М.А., 105
 Болдонов А.С., 130
 Болдонов Н.С., 144
 Болдонов Я.А., 88
 Болтин И., 109
 Бондаренко А., 229
 Боннер А.Г., 13, 14
 Бопре А., 101
 Борисов П.И., 76
 Борисов С., 219
 Борн Г., 178, 259
 Боровский П., 101
 Бородин М.М., 147
 Боссюэ Ж.Б., 57, 73, 176
 Боткин В., 108
 Боткин С., 108
 Брагинский М., 215, 256
 Бригген А.Ф., 19, 94, 112
 Брут И., 208
 Брэм А., 176
 Булдаков И., 57
 Бургер А., 130, 201
 Буртасовский С., 202
 Бурцев В., 114
 Бурцов В., 59
 Буссе Г.В., 120
 Буссе Ф.Ф., 16, 134, 170, 194, 195, 247, 253, 257
 Бутаевич-Петрашевский М.В., 161, 169
 Бутин М.Д., 120, 122, 128, 212, 257
 Бутин Н.Д., 128
 Быкова В.П., 174, 176
 Бэкон Ф., 99
 Бюшинг А.Ф., 53
 Бялковский П., 64
- В**
- Вагин В.И., 11, 74, 132, 133, 151, 161, 162, 163, 174, 207, 253
 Вагнер И.А., 53
- Валгусов С.С., 250
 Валерий И.Г., 55
 Валиханов Ч.Ч., 112
 Валуев П.А., 117
 Вальтер А.П., 245
 Ванков С.Н., 6
 Варлаам, епископ, 26, 28, 34, 38, 40, 41, 42, 45, 48, 114
 Варлаков Г.А., 99
 Варлаков И.И., 79
 Васенев А., 193
 Васкель Я., 208
 Ватсон У., 87
 Вебер М., 259
 Вельяминов И.А., 107
 Вениамин, архиепископ, 92, 219
 Вениаминов И.Е., 67, 68, 84, 85, 128, 142, 202, 222
 Венюков М.И., 153, 247, 257
 Вербицкий В.И., 140, 141, 219, 236
 Вергилий, 177
 Верн Ж., 259
 Виленский В.Д., 12, 125
 Виноградов А., 11
 Виноградский В.Н., 74
 Виноградский Н., 80
 Виноградский Н.И., 74
 Виньи А., 111
 Виташевский Н.А., 213, 214
 Витковская К.И., 187, 206
 Волков Л.П., 209
 Волкова В.Н., 14, 15
 Волконский М., 112
 Волконский С.Г., 94
 Володкович А.Ф., 14, 15
 Волошинов Н.А., 191
 Волховский Ф.В., 155, 187, 207, 208
 Вольтер Ф.М., 30, 31, 32, 36, 49, 53, 54, 109, 110
 Воронин, книгопродавец, 229
 Воротников И.И., 130, 169
 Воскресенский Т.М., 29, 30, 31, 32, 34
 Востоков А.Х., 102, 103
 Восторгов И.И., 225
 Востротины, братья, 251
 Всеволодская О.В., 209
 Высоцкая Л.К., 188, 189
 Высоцкий К.Н., 108, 120, 128, 129, 188
 Вяземский П.А., 94
- Г**
- Габорио Э., 259
 Гаврилович И.М., 229

- Гагемейстер Ю.А., 174
 Гадд, 43
 Гаевская М.А., 162, 163
 Газенвинкель К.Б., 191
 Гегель Г.В.-Ф., 110
 Геденштром М.М., 68, 110, 111
 Гейне Г., 111, 155, 175, 177, 257
 Гельвеций К.А., 107, 110
 Гельмгольц Г., 256
 Геннади Г., 158
 Геннадий, архимандрит, 26
 Георги И.Г., 54
 Георги И.И., 24
 Герман И.Ф., 54
 Герцен А.И., 89, 110, 136, 137, 154, 173, 174, 256, 258
 Гёте И.В., 73, 100, 175, 177, 257
 Гиганов И.И., 83
 Гильденштедт И.А., 54
 Глаголев А.Ф., 64
 Гладков А.Н., 31
 Глазунов А., 161
 Глазунов И., 228
 Глазунов И.И., 88
 Глазунов И.П., 88
 Глазунов К., 228
 Гмелин И.Г., 24
 Говоров А.А., 13
 Говорун, 11
 Гоголь Н.В., 107, 110, 112, 136, 166, 259, 263, 265
 Голенищев А.В., 102
 Голицына Е.М., 94
 Голицыны, князья, 29
 Головин А.В., 131
 Голодников К.М., 131, 210
 Голубев В.С., 258
 Голубев И.К., 236
 Гомбоев Г., 224
 Гомбоев Д., 223
 Гомер, 36, 107, 111, 177
 Гончаров И.А., 129, 147, 159, 166, 175, 177, 208
 Гораций Ф., 73
 Горбачевский И.И., 155, 169
 Городков Н.А., 198
 Горчаков П.Д., 71, 97
 Гоц М.Р., 215
 Грабовский П.А., 215, 217
 Грамматин А., 202, 203
 Грибоедов А.С., 112, 177
 Григорович Д.В., 178
 Григоровский Н.П., 143
 Грифцов Н., 203
 Гродеков Н.И., 11, 195, 247
 Громов П., 131
 Грумм-Гржимайло Г.Е., 257
 Гуд Т., 155, 257
 Гудлевский, ссыльный, 155
 Гузнер И.А., 14, 15
 Гуляев А.С., 167, 188
 Гуляев Н.С., 20, 21, 120
 Гуляев С.И., 20, 21, 50, 120, 148, 257
 Гуляева Е.П., 15, 163
 Гумбольдт А., 78, 110
 Гумбольдт В., 176
 Гунин-Котовщиков С., 42
 Гурий, святитель, 139, 140, 144, 145, 202, 219, 220, 221, 222, 223
 Гюго В., 107, 111, 259
- Д**
- д`Аламбер Д., 46
 Давконт И.Е., 216
 Давыдов В.Л., 75
 Давыдов Д.П., 132
 Даль В.И., 94
 Данилов В.А., 197
 Данилов О.А., 197
 Дараган-Балугьяновская А., 112
 Дарвин Ч., 156, 176, 256, 259
 Дашкова Е.Р., 41
 Дейч Л.Г., 237
 Деков Ф.С., 120, 188, 190
 Деларов Е., 41
 Денисов И., 55
 Денисов Н., 38
 Дергачева-Скоп Е.И., 14
 Державин Г.Р., 35, 36, 41, 52, 73, 100, 112
 Дерунов К.Н., 106, 249
 Деспот-Зенович А.И., 167
 Дефо Д., 95, 100, 112
 Дзбановский Е.П., 216
 Дидро Д., 46, 53
 Диккенс Ч., 107, 113, 175, 178, 259
 Димитрий Солунский, 235
 Димитрий Солунский, 202
 Димитрий Солунский, 202
 Дионисий, протоиерей, 142
 Диттон Г., 35, 67
 Диц, книгоиздатель, 237
 Дмитриев В.В., 77
 Дмитриев И.И., 35, 52, 95
 Дмитриев М., 136
 Дмитриев, сочинитель, 208

Дмитриев-Мамонов А.И., 11, 12, 193
Добролюбов Н.А., 136, 137, 156, 173, 258
Догель А.С., 200
Додэ А., 259
Долгова С.Р., 68
Долгоруков В.А., 206
Дорофеев И.А., 217
Достоевский Ф.М., 95, 175, 177, 178,
257, 259
Дрэппер Д.В., 176, 256
Дугарова С.Б., 15
Дудоровский С.С., 74
Дудоровский Ф., 90
Духовский С.М., 195
Дыбовский И., 155
Дьяконов А., 221
Дьяконов А.Г., 66, 122
Дьяконов Г., 42, 43
Дьячков А., 195, 212, 225
Дюков П.И., 245
Дюма А., 107, 111, 112
Дюмериль, 110
Дюмон-Дюрвиль Ж.С.С., 112
Дягилев Д., 30

Е
Е.И., 202
Елин И.С., 108
Елпатьевский С.Я., 172
Елпатьевский С.Я., 152, 208
Ершов П.П., 81, 97, 108, 111, 207, 263
Ефремов В.С., 136, 214, 215

Ж
Жанлис М.Ф.Д., 57
Жебунев С.А., 118, 155, 216, 217
Жигарева А.Я., 150, 151
Жмакин В., 11
Жуков В., 42, 43
Жуковский В.А., 74, 79, 94, 112, 175,
244, 263
Жуковский Ю.Г., 256

З
Забела Я., 78
Завадский-Краснопольский А.А., 168
Завалишин Д.И., 62, 75, 134
Завалишин И.И., 133, 174
Загорских А.П., 245
Загорских П.А., 245
Загоскин Л.А., 96
Загоскин М.В., 73, 130, 132, 133, 135,
136, 144, 162, 175, 207
Загоскин М.Н., 177
Зайцев А.М., 199

Заклинский А.И., 243
Залеский С.И., 199
Замятнин П.Н., 157
Захаров А.Ф., 150, 229
Захаров И.И., 139
Зверев В.А., 14
Зданович Г.Ф., 213
Здобнов Н.В., 8, 12, 270
Зензинов М.А., 76, 137
Зензинов С.А., 232
Зерновицын, 155
Зерчанинов Н.А., 165
Злобин А.И., 205
Знаменский М.С., 108, 128, 129, 133,
147, 175, 177, 207
Знаменский С.Я., 93
Зубашева Л., 71

И

Иакинф, архимандрит, 26
Иванов В., 217
Иванов И., 213
Иванов К., 95
Игнатий Богоносец, 57
Игнатов И.И., 129
Игумнов А.В., 55, 79
Игумновы, купцы, 57
Илличевский А.Д., 69
Илличевский Д.В., 64
Ильин И.А., 6
Ильминский Н.И., 139, 141, 219, 221
Индикоплов К., 114
Иоанн Богослов, 85, 114
Иоанн Дамаскин, 57
Иоанн Златоуст, 221
Иовлев В., 230
Иоиль, иеромонах, 220
Исаков Я.А., 88, 97
Иустин, епископ, 202, 203
Ишимов О.Ф., 63

К

Кавелин К.Д., 109
Кадес А.Л., 229
Казакевич Н.В., 120
Казанцев К., 38
Казнаков Н.Г., 126
Кайданников И.К., 112
Калашников И.Т., 77, 93, 111
Калинин М.Г., 217
Калинина А.Г., 120, 217
Калмыкова А.М., 228
Кандинский Х.Х., 138
Канкрин Е.Ф., 71

Кант И., 107, 110, 256
Капнист В.В., 52, 73
Капцевич П.М., 62, 70
Каразин В.Н., 90
Карамзин Н.М., 90, 100, 107, 108, 109,
112, 113, 114, 166, 175, 176, 177, 258,
259
Карамышев А.М., 46
Каргополов Д.С., 252
Карелин Г.С., 93
Карматских Л., 229, 231
Карпинский Ф.Л., 56
Кастрен М.А., 82, 143
Касьянов В., 159
Катаев И.А., 131
Катанаев Г.Е., 127, 210
Катанов Н.Ф., 221
Катышевцев И.П., 162
Качка Г.С., 51
Кашкин Е.П., 55
Кашченко Н.Ф., 200, 205
Квинт Курций Руф, 56
Квятковский В.И., 254
Кеймс Г.Т., 31
Кемн Г., 232
Кенэ Ф., 34
Киммель Н.Н., 163
Кириков И., 50
Кириллов А.В., 196
Кириллов И., 75
Кирилов И., 59
Кирилов Н.В., 210
Клеменц Д.А., 19, 187, 197, 207, 208
Клемышев М., 43
Кличка Ф.Н., 46, 55
Ключевский В.О., 258
Клячкин В.Е., 201
Княжнин Я.Б., 35
Ковалевский О.М., 86, 88
Кожевников П.С., 138
Козих К.П., 138
Козлов И., 79
Кокшаров П., 202
Коллет Л.П., 107
Колмыков, купец, 147
Кольцов А.В., 159, 175, 263
Комаров А.Ф., 230
Комаров Д., 56
Комаров М., 113
Кон Ф.Я., 197
Кондаков, врач, 226
Коновалов И.И., 79
Коновалова О., 27
Кононов А.Н., 141
Конфуций К., 73
Коперницкий Н.С., 127
Коптелов Л.Е., 21
Копылов А.Н., 21
Копылов В.И., 104
Коржинский С.И., 200
Корнильев В.Я., 26, 27, 57
Корнильев Д.В., 28, 32, 35
Корнильев Я.Г., 25
Короленко В.Г., 208, 261
Корф, барон, 134
Костомаров Н.И., 166, 176, 256, 258, 259
Костров Н.А., 16, 123, 125, 132, 133, 253
Косых В.И., 15
Коцебу А.Ф., 57
Кочнев Д., 221
Кошаров П.М., 206
Кранихфельд В.П., 217
Крапоткин Л.А., 188, 195
Красикова И.Ф., 157
Красногоров М., 42, 43
Краснопольский И.Г., 80
Крашенинников С.П., 49, 95, 110
Крестовский В.В., 259
Кропоткин А.А., 197
Кропоткин П.А., 148, 161, 178, 257
Кротов В., 25, 64
Круссеров А., 125
Крутовской В.М., 196, 210
Крылов И.А., 112, 141, 263, 265
Крылов П.Н., 200
Кувачинский К.Д., 177
Кудрявцев В.Д., 36
Кудрявцев Е.Ф., 189, 191
Кудрявцев Ф.А., 12
Кузнецов А.К., 246
Кузнецов А.П., 186, 197
Кузнецов Д.Л., 16, 163, 164
Кузнецов Е.В., 198, 209, 210, 246, 253,
254
Кузнецов И., 55
Кузнецов И.И., 231
Кузнецов И.П., 186, 197, 206
Кузнецов Н., 80
Кузнецов П., 43
Кузнецов С.К., 244
Кузнецов-Красноярский И.П., 208
Кузьмин А.К., 79
Кук Дж., 112
Кукель Б.К., 174
Кукольник Н.В., 177
Кулибин П.И., 65

Кульчицкий И., 49
Кунгардт Э., 232
Кунгуров Г.Ф., 21, 76, 215
Кунст и Альберс, торговый дом, 232
Купер Д.Ф., 73, 259
Купчиков Б., 87
Курбатовы, купцы, 57
Курлов М.Г., 201
Курочкин В., 136
Кустер И.И., 232
Кутырев А.А., 233
Куфаев М.Н., 12
Кушелевский Ю.И., 133
Кушевский И.А., 133, 175
Кытманов А.И., 251
Кюхельбекер В.К., 76, 94

Л

Лавров А., 159
Ладыженский М.В., 71
Лажечников И.И., 177
Лазарев А., 114
Лаксман Э., 43
Ланганс Ф., 29, 33, 34
Ландышев С.В., 140
Ларионов Д.Д., 126
Лассаль Ф., 156, 256
Ласунский О.Г., 117
Лаулин М.С., 100
Лафинов И.Б., 29, 30
Лебедев Г.Я., 212
Лебо Ш., 109
Левек П.И., 109
Левин Н.П., 247
Лейбниц Г.В., 176
Лейкин Н.А., 259
Леман О.И., 221
Леонович И., 37
Лермонтов М.Ю., 107, 110, 112, 175, 177, 259, 263
Лесков Н.С., 234
Лессепс Ж.Б., 53, 54
Лесталь Э.И., 247
Либрович С.Ф., 12
Линден К.А., 127
Линней К., 43, 54
Лисовский М.В., 247
Литвинов С.В., 100
Личков Л.С., 265
Лобзин М.С., 57
Ловягин В., 105
Ложников П., 64
Ломоносов А.М., 138

Ломоносов М.В., 36, 39, 51, 53, 55, 56, 57, 73, 95, 100, 107, 112
Лонгфелло Г.У., 155, 257
Лопе де Вега, 177
Лопухин П.В., 41
Лопухов Е., 230
Лосев А.И., 77
Лохер К.Я., 148
Луговский Л.Е., 198, 210
Лужин Д.И., 230
Лукашевич А.О., 197
Лукиматушкин И., 38
Лукоянов А.И., 236
Лукьянова Л.С., 14
Лунин М.С., 92, 98, 108, 110, 112
Лушников А.М., 108, 154, 252
Лычанов В., 57
Львов Ф.Н., 62, 161
Льюис Г., 259
Любатович О.С., 155
Любимов Л.С., 21

М

Маак Р.К., 126, 133
Магницкий Л.Ф., 58
Майков В.И., 36, 52, 73, 175
Майнов И.И., 214, 215
Майснер А.Г., 58
Макарий (Глухарев), архимандрит, 85, 140
Макарий (Глухарев), архимандрит, 220
Макарий (Невский), архимандрит, 140, 236
Макарий (Невский), архимандрит, 141
Макарий, епископ, 202
Маковский И.И., 250
Максвелл Д.К., 256
Максимов С.В., 11, 174
Макушин П.И., 12, 13, 16, 21, 120, 123, 134, 141, 148, 149, 150, 152, 161, 164, 165, 167, 183, 185, 186, 188, 189, 190, 194, 204, 205, 206, 207, 208, 211, 218, 220, 227, 228, 236, 240, 250, 254
Малиновский И.Р., 94
Мальхин Н.Г., 13
Мальков В., 38
Мальцев Л.А., 231
Мамеев С.Н., 17, 198, 246, 253
Маметов А., 29, 30
Манассеин В.А., 245
Манассеин В.С., 13
Маргаритов В.П., 195
Маркс А.Ф., 228

- Маркс К., 156, 256
 Марни Е.Е.Б., де, 55
 Мартос А.И., 79, 111
 Мартыанов Н.М., 134, 160, 197, 234, 246, 252
 Масловский С.П., 151, 230
 Массильон Ж.-Б., 73
 Матвеева Ю.П., 207
 Матвеев-Амурский Н.П., 152, 175, 207
 Матханова Е.И., 14
 Матханова Н.П., 14
 Мачтет Г.А., 208
 Машковский К., 95, 101
 Медведевы, купцы, 26, 27
 Медведникова Е., 97
 Медников А., 80
 Межев В.И., 17, 253, 254
 Мейер Е.Е., 133
 Мелетий, епископ, 221
 Мелков П., 42, 43
 Менделеев Д.И., 176, 256
 Менделеев И.П., 107
 Мессершмидт Д.Г., 82
 Миллер Г.Ф., 43, 49, 54, 56, 58, 82, 111, 114, 174
 Миллер И.Е., 77
 Милль Дж., 176
 Милькеев Е.Л., 81
 Милютин Б.А., 126, 127, 130, 132, 162
 Милютин Д.А., 110
 Миненко Н.А., 21
 Минор О.С., 215
 Мирзоев В.Г., 21
 Миротворцев В.В., 145
 Миткевич И., 49, 56
 Михайлов В.В., 120, 123, 134, 141, 149, 188, 190, 204, 207, 218, 227, 240
 Михайлов К.П., 252
 Михайлов М.П., 136
 Михайлов П.Л., 137
 Михайловский Н.К., 256
 Михеев В.М., 207
 Мокеев Ф.М., 138
 Мокин Д.О., 188, 196
 Молешотт Я., 176
 Моллесон В.С., 196
 Моллесон М.И., 247
 Монтескье Ш., 30, 31, 109
 Моргулец М., 138
 Мордвинов А.А., 76
 Мордвинов Н.С., 103
 Морозов Л., 230
 Морозов С., 193
 Моршунаев Б., 86
 Мошинский П., 100
 Мошкин А.И., 167
 Муравьев А.М., 94
 Муравьев Н.М., 94, 109, 110
 Муравьева Е.Ф., 94
 Муравьева С.Н., 112
 Муравьев-Амурский Н.Н., 65, 89, 91, 92, 94, 135, 168, 174
 Муратов М.В., 12
 Муханов П.А., 75
 Мыльников А.С., 13
 Мыльников М., 43
 Мюрат И., 109
Н
 Набережнин И.А., 29, 30
 Нагель Л.Т., 47
 Надаров И.П., 194
 Наполеон Б., 109
 Нарышкин В.В., 55, 94
 Наумов Н.И., 132, 133, 175, 207
 Невежа А., 59
 Невежа Т., 59
 Невельской Г.И., 95
 Неволин С., 43
 Некрасов Н.А., 100, 175, 176, 177, 178, 207, 259, 263
 Некрасов, чиновник, 65
 Нелюбов Н.С., 252
 Немеров М.М., 168
 Немчинов А.Я., 252
 Нерунович И., 48
 Нестеров А.П., 218
 Неустроев Н.К., 238
 Нецветов Я., 84
 Николаева Г.Г., 13
 Николев Н.П., 30
 Никон, поп, 59
 Нифонтов Н., 221
 Новаковская С.Е., 217
 Новиков Н.И., 23, 42, 48, 49, 51, 88, 158
 Новосильцев Н.Н., 95
 Новотроицкий И., 103
 Ножевщиков Н.Г., 47
 Номтоев Р., 144, 145, 224
 Норбоев Б., 224
 Ныдро Х., 209
О
 Оболенский Е.П., 109
 Обручев В.А., 207
 Обухов О., 70
 Огарев Н.П., 136, 174, 175, 176

- Огризко И., 124
 Одоевский А.И., 136
 Ожигов Н.А., 217
 Озеров В.А., 112
 Онгодов Ц., 145
 Ордынский А.К., 209
 Орлов А.И., 75
 Орлов А.М., 144, 145, 257
 Орлов В., 150, 151, 230
 Орреус Г.М., 71
 Осокин М.О., 252
 Остермейер Б.И., 37
 Островский А.Н., 166, 177
 Оуэн Р., 109
 Ощепкин А.М., 162
- П**
- Павленков Л.Н., 11
 Павленков Ф.Ф., 228, 237
 Павлинов Н.М., 126
 Павлов А., 129, 131
 Павлов В., 13
 Пайчадзе С.А., 13, 14, 15
 Паллас П.С., 24, 34, 43, 49, 54, 82, 110, 111
 Панаев. И.А., 66
 Пантелеев Л.Ф., 176, 237
 Паньков-тоен Тигалды И., 84
 Парфенов А.М., 251
 Парфенов А.Н., 216, 217
 Парфентьев И.И., 233, 250, 254
 Паршин В.П., 75, 76
 Паутов П., 131
 Пашковский М.И., 75
 Педашенко И.К., 246
 Пежемский П., 25, 64
 Пекарский Э.К., 214, 215, 219, 221, 225
 Пеллико С., 109
 Пенн У., 58
 Першин А.П., 108
 Пестель И.Б., 63
 Пестов И.С., 79
 Петерсон И., 28, 29, 33, 34, 37, 40
 Петрашевский М.В., 62
 Петрашкевич О., 101
 Петри Э.Ю., 207
 Петров В.В., 51, 100
 Петров И.М., 79, 80, 81
 Петров М.П., 25
 Петров, книготорговец, 229
 Петряев Е.Д., 12, 21, 65, 76
 Пивоваров Б.И., 15
 Пиксанов Н.К., 8, 9, 12, 21, 267
- Пилсудский Б.О., 187
 Пирусский В., 201
 Писарев Д.И., 173, 174, 258
 Писемский А.Ф., 166, 177
 Пискарев В.Г., 231
 Плавицьщиков В.А., 88
 Плеханов Г.В., 257
 Плещеев А.Н., 175
 Плотников М.Д., 122
 Плохов Н., 50
 Плутарх, 107, 108
 Погодин М.П., 109, 258
 Подбельский П.П., 214
 Поджио А.В., 94
 Подшивалов В.С., 53
 Позднеев А.М., 146
 Позен Н., 213
 Покровский Н.Н., 6, 14, 21
 Полевой А.Е., 57, 112
 Полевой Н.А., 57, 78, 80, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 259
 Ползунов И.И., 50, 55, 56
 Поливановский С.Е., 13
 Поликсеньев И., 80
 Полищук Ф.М., 14, 15
 Помяловский Н.Г., 175
 Попов Г., 142
 Попов Г.Я., 84
 Попов Е., 236
 Попов И.И., 19, 21, 75, 154, 167, 185, 187, 206, 247, 252
 Попов М.Р., 214
 Попов М.Ф., 205
 Попов Н.И., 170
 Попов Н.У., 205
 Попов П., 142
 Попов С., 143, 222
 Попов С.С., 16, 67, 101, 105, 143
 Порошин А.И., 50
 Посьет К.П., 247
 Потанин Г.Н., 7, 19, 112, 117, 131, 132, 166, 173, 193, 197, 200, 207, 253, 259, 271
 Прево А.Ф., 48, 49, 56
 Пржевальский Н.М., 257
 Приклонский В.Л., 253
 Прокопович Ф., 42
 Протодьяконов А., 143, 222
 Протодьяконов П., 222
 Протопопов С.Д., 148, 151, 161
 Прудковский В.Я., 29, 30
 Прудон П., 256
 Пудовиков П., 202

Путилов П.В., 194
Пушкин А.С., 69, 73, 74, 91, 107, 111,
112, 136, 175, 177, 207, 259, 263
Пушкин М.А., 30
Пушин И.И., 94
Пушин Н.И., 94
Пыпин А.Н., 156, 193
Пыхтунов Д.М., 231
Пятаков Д., 43
Пятков С., 65
Р
Радаков В.Н., 195
Радищев А.Н., 29, 31, 37, 53, 54, 110
Радлов В.В., 139, 141, 218
Раевский В.Ф., 80, 110, 169
Раевский Д., 79
Раич С.Е., 80
Расказов С., 79
Рафаэль С., 36
Ребров И.Д., 189, 231, 233
Резанов Н.П., 95, 102
Рейналь Г.Т.Ф., 109
Ремезов Н.В., 188
Ренованц И.М., 39, 54, 55
Решетников Ф.И., 156
Рид М., 178, 259
Рикорд П.И., 68
Риттер К., 107, 110
Ричардсон С., 57
Ришелье А.-Ж., 54
Робертсон У., 54
Рогачева В.А., 214
Рогоза, подполковник, 191
Родионов И.Ф., 66
Родюков И.Г., 79, 105
Рождественский С., 261
Розен А.Е., 94
Розенгейм М.П., 175
Роллен Ш., 48, 58
Романов Н.С., 17, 21, 36, 37, 73, 147, 229
Романов Ф.П., 205
Ромодановская Е.К., 6, 21
Рощевская Л.П., 14, 21, 257
Руберг В.Г., 232
Рубинштейн Е.И., 13
Рудченко И.Т., 235
Румянцев Н.А., 189
Румянцев Н.П., 95
Русанов Н.С., 217
Руссо Ж.Ж., 30, 33, 36, 53, 54, 73, 99, 110
Рылеев К.Ф., 96, 110, 136, 207

С
Сабашников В.Н., 154
Савенко П.Г., 129, 145
Савенков И.Т., 257
Садохина Т.И., 13
Салтыков-Щедрин М.Е., 175, 257, 259,
261
Сапожников М.Г., 150
Сафьянов Г.П., 160
Сбитнев С., 230
Сван В., 87
Свифт Дж., 49, 56
Селифонтов И.О., 25, 41
Семевский А., 81
Семенов И.П., 65
Семенов П.П., 257
Семенов С.М., 99
Семенов Ф., 11
Семенов Я.П., 194
Семивский М., 111
Сенкевич В., 138
Сенковский О.И., 177
Сен-Мор Д., де, 109
Сен-Пьер Б., де, 109
Серебренников, гимназист, 80
Серошевский В.Л., 207, 208, 209
Сеченов И.М., 176, 256
Сибирский Вс., 208
Сибиряков А.М., 128, 186, 244
Сибиряков И.М., 147, 186, 193, 197, 207,
234, 245, 253
Сибиряков Н., 57
Сибиряковы, купцы, 46
Сивляков, книгопродавец, 231
Симеон Верхотурский, 202
Синицын Н.Н., 120, 122, 128, 130, 132,
148, 151, 187, 233, 240
Синицына С.Я., 231
Сисмонди Ж.Ш.-Л.-С., де, 109
Ситников Л.А., 14, 15
Скалозубов Н.Л., 198, 210, 246
Скорняков Н.В., 148, 151, 230, 251
Скотт В., 112, 259
Сленин И.В., 88
Словцов И.Я., 125, 157, 209, 210, 243
Словцов П.А., 28, 36, 63, 77, 78, 93, 96,
97, 108, 111, 174
Смирдин А.Ф., 88
Смирнов Н., 29
Смирнов Н.С., 29, 30, 35
Смит А., 54
Смоленский М.А., 99

- Соболевская Т.Н., 14
 Соймонов Ф.И., 43
 Соколов В.П., 13
 Соколов К., 220
 Соколовский В.И., 79, 80
 Сократ, 73
 Соловьев С.М., 176
 Соловьев С.М., 109, 166, 256, 258, 259
 Соловьев С.Ф., 133
 Соловьев, купец, 168
 Соловьева Е.А., 258
 Сохацкий П.А., 53
 Спасский Г.И., 50, 77, 78
 Спенсер Г., 256
 Сперанский М.М., 61, 62, 64, 68, 69, 78, 86, 97, 133, 174
 Спиноза Б., 110
 Сталева Т.П., 13
 Сталлибрасс Э., 87, 146
 Станкевич А.В., 197
 Станюкович К.М., 207, 208
 Старцев А.Д., 154
 Старцев В.Д., 108
 Старцевы, купцы, 57
 Старческий А.В., 222
 Стасюлевич М.М., 151, 228
 Стеблин-Каменский Р.А., 214, 215
 Стеллер Г.В., 54
 Степанов А.П., 78, 79, 80, 104, 111
 Степанов Н.А., 74, 80
 Стери К.Е., 216
 Строганов П.А., 95
 Строгановы, купцы, 244
 Суворин А.С., 163, 228, 247
 Судаков А.И., 200
 Сулоцкий А.И., 44, 70, 99, 101, 123, 202
 Сумароков А.П., 36, 52, 57, 112
 Сумароков П.П., 13, 26, 29, 30, 31, 32, 35, 40
 Сумарокова Н.П., 30
 Сумарокова С., 30, 33
 Сунгурова А.В., 188
 Сурин М.В., 16
 Сутягин Д., 89
 Суханов А.С., 230, 233, 240, 251, 254
 Суханов И.И., 216, 217
 Сытин И.Д., 228
 Сю Э., 111, 113, 178
- Т**
 Талейран Ш.М., 109
 Талько-Грынцевич Ю.Д., 196, 247
 Тарабыкин Г., 64
- Тарабыкин К., 64
 Таскин А., 207
 Татищев В.Н., 49, 50, 54, 56, 100, 258
 Ташкинов М., 219
 Теккерей У., 175
 Терешкович К., 215
 Терновский А.А., 198, 246, 253
 Террайль П., дю, 178
 Тимофеенков Г.А., 129
 Тимофеенкова М., 251
 Тихомиров Л.А., 217
 Ткачев С.Г., 235
 Токвиль А., 94, 109
 Толстой Л.Н., 175, 177, 178, 208, 234, 257, 259, 261, 263, 265
 Томилов Е., 47
 Трапезников А.К., 132
 Трапезников Н.И., 185
 Трапезниковы, купцы, 90, 113
 Трескин Н.И., 68, 74
 Троицкая Е., 230
 Троцанский В.Ф., 214
 Трубецкой С.П., 94
 Трунин И., 29, 30, 31, 32, 35
 Трусова З.Н., 13
 Тун А., 256
 Турбин С., 133
 Тургенев И.С., 112, 166, 175, 176, 177, 257, 259, 263, 265
 Турчанинов Н.С., 93, 105
 Тыртов М.А., 188
 Тьер А., 109
 Тьерри О., 109
 Тюкин С., 53
 Тютчев Н.С., 151
- У**
 Уваровский А., 225
 Уваровский А.Я., 85
 Уканаков К., 219
 Улановская Э.Л., 217
 Унагаев Н., 86
 Усов Ф.Н., 124, 128
 Усольцев А.С., 144
 Успенский Г.И., 156, 177, 257
 Устрялов Н.Г., 109
 Утков В.Г., 13
 Ушинский К.Д., 145, 159
- Ф**
 Фальк И.П., 24, 48, 54
 Февр Л., 5
 Федоров И., 114
 Федоров П.Ф., 56

- Федоров-Омулевский И., 207
 Федоров-Омулевский И.В., 131, 133, 175, 207
 Фенелон Ф., 49, 56
 Феофил Кролик, 48
 Филаткина И.В., 14, 15
 Филдинг Г., 49, 56
 Филимонов М.Р., 14
 Фихте И.Г., 110
 Фишер Г., 110
 Фишер И.Э., 48, 49, 174
 Флери К., 110
 Флоренский, 31
 Флорианов Е.Л., 208
 Флоринский В.М., 200
 Флоринский Е.Ф., 47
 Фогель В.К., 245
 Фогт К., 176
 Фомин, книготорговец, 229
 Фонвизин Д.И., 35
 Фонвизин И.А., 94
 Фонвизин М.А., 94, 109
 Фонтенель Б.Б., 57
 Франкер, 110
 Франклин Б., 73
 Францев Д.И., 99
 Фридебург Г.К., 91
 Фризе Г., 29, 30, 31, 32
 Фролов К.Д., 50, 55, 56
 Фролов П.К., 50, 55, 64, 78, 100
 Фундаминский М.И., 215
- Х**
 Хамина И.С., 243
 Хангалов М., 224
 Ханинсон Я.Г., 13
 Херасков М.М., 36, 41, 57, 112
 Хитров Д., 142
 Хлебников К.Т., 95, 102
 Хлебников П.И., 89
 Хребтова Е.Г., 13
 Худяков И.А., 193
- Ц**
 Цезарь Г.Ю., 94
 Цейдлер И.Б., 68
 Цейнер М.А., 208
 Цойзобов Д., 87
 Цуприк Р.И., 14
 Цыбиков Г.Ц., 212
 Цыхилев П.О., 57
- Ч**
 Чапский Т., 101
 Чарушин Н.А., 19, 247, 252
 Чевалков М.В., 140, 141, 154, 220, 225, 265, 266
 Чекановский А.Л., 126
 Чередов, купец, 147
 Черемных, библиофил, 251
 Черенин Н.П., 12
 Черепанов И., 111
 Черепанов С.И., 74, 75
 Черкасов А.А., 133
 Черкасов А.П., 175
 Черницын И.И., 50, 55
 Черных М., 43
 Чернышевский Н.Г., 156, 173, 174, 175, 177, 181, 256, 258
 Чернышова Н.К., 14, 15
 Чернявский И.Н., 155
 Чехович Ю., 138
 Чижов Н.А., 71
 Чириков М.Г., 191
 Чистохин Я.А., 145
 Чичагов В.П., 95
 Чугунов С.М., 200
 Чудновский С.Л., 19, 155, 187, 193, 204
 Чудновский Ю.Т., 245
 Чукмалдин Н.М., 165, 166, 186
 Чулков В.С., 55
 Чупалов Н.С., 68
- Ш**
 Шастин А., 56
 Шашков С.С., 173
 Швецов С.П., 187, 194
 Шевелев Г., 42
 Шевелев, урядник, 70
 Шевелевы, купцы, 57
 Шекспир В., 73, 107, 111, 175, 177, 257
 Шелгунов Н.В., 173, 174
 Шелихов Г.И., 41, 46, 54, 102
 Шеллер-Михайлов А.К., 258
 Шелли П.Б., 257
 Шеллинг Ф.В.-Й., 110
 Шергин И.В., 144
 Шереметев И.Н., 94
 Шереметьев Н.П., 41
 Шестунов М.П., 16, 128, 148, 151, 161, 162, 163, 167, 178
 Шеффле А., 256
 Шехтер А.Н., 215
 Шиллер И., 175
 Шиллинг, статский советник, 101
 Ширяев, книгопродавец, 79
 Шифнер А., 146
 Шихов П., 43

Шкроев И.В., 151
 Шлаттер И.А., 55
 Шлоссер Ф., 176
 Шмидт Я.И., 86, 87, 144, 145
 Шницлер Ж.А., 109
 Шпильгаген Ф., 258, 259
 Шренк Л.И., 257
 Штейнгель В.И., 19, 62, 71, 94
 Штильке В.К., 250
 Штыгашев И.М., 219, 220, 225
 Шукшин Н., 28, 29, 33, 34, 40
 Шульгин, купец, 232
 Шумилов М., 43

Щ
 Щапов А.П., 36, 73, 76, 132, 136, 207
 Щеглов И.В., 17, 193, 253
 Щегорин Ф., 57, 97
 Щепкин Н., 161
 Щербатов П., 70
 Щербатов М., 49
 Щербатов М.М., 36
 Щукин Н.С., 173
 Щукин Н.С., 63, 78, 81, 131, 137, 148, 170
 Щукин Н.С., 208
 Щукин С.С., 71, 77, 104
 Щукин-старший Н.С., 11

Э
 Эйхвальд Ю., 131
 Элиашевич К.А., 126
 Эмар Г., 259
 Эмин Ф.А., 49
 Энгельс Ф., 256
 Эркичев А.В., 134, 165, 166
 Эрлих В.А., 14

Эрман А., 82

Ю
 Юдин Г.В., 13, 21, 186, 257
 Юилль Р., 87, 144
 Юм Д., 54
 Юхнев, 234

Я
 Ядринцев Н.М., 89, 112, 121, 125, 127, 147, 170, 171, 175, 184, 206
 Ядринцев Н.М., 7, 11, 12, 19, 21
 Ядринцев Н.М., 107
 Ядринцев Н.М., 117
 Ядринцев Н.М., 131
 Ядринцев Н.М., 132
 Ядринцев Н.М., 133
 Ядринцев Н.М., 166
 Ядринцев Н.М., 173
 Ядринцев Н.М., 174
 Ядринцев Н.М., 206
 Ядринцев Н.М., 207
 Ядринцев Н.М., 207
 Ядринцев Н.М., 233
 Ядринцев Н.М., 259
 Ядрихинский П.В., 114
 Якимов Ф.К., 168
 Якоби И.В., 25
 Яковлев, 218
 Яковлев Е.К., 197
 Яковлев-Богучарский В.Я., 214
 Якубович Л.А., 80
 Якубович-Мельшин П.Ф., 208, 262
 Якушкин Е.И., 94
 Якушкин И.Д., 19, 93, 94, 110
 Янчуровский В.Ф., 92
 Яцевич Н.В., 213

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БАН	— Библиотека Академии наук
ВСОИРГО	— Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества
ВЭО	— Вольное Экономическое общество
ГААК	— Государственный архив Алтайского края
ГАОО	— Государственный архив Амурской области
ГАИО	— Государственный архив Иркутской области
ГАКК	— Государственный архив Красноярского края
ГАМО	— Государственный архив Магаданской области
ГАНО	— Государственный архив Новосибирской области
ГАОО	— Государственный архив Омской области
ГАПК	— Государственный архив Приморского края
ГАРА	— Государственный архив Республики Алтай
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГАТО	— Государственный архив Томской области
ГАТюмО	— Государственный архив Тюменской области
ГАХК	— Государственный архив Хабаровского края

ГАЧО	— Государственный архив Читинской области
ГБЛ	— Государственная библиотека им. В.И. Ленина (ныне — РГБ)
ГО СССР	— Географическое общество СССР
ГПБ	— Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне — РНБ)
ГПНТБ СО АН СССР	— Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения АН СССР
ГПНТБ СО РАН	— Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук
ЗСОИРГО	— Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества
ИГУ	— Иркутский государственный университет
ИРГО	— Императорское Русское географическое общество
МВД	— Министерство внутренних дел
МОСХ	— Московское общество сельского хозяйства
НАРБ	— Национальный архив Республики Бурятия
НАРС(Я)	— Национальный архив Республики Саха (Якутия)
НБ	— Научная библиотека
ЛГИК	— Ленинградский государственный институт культуры
РАК	— Российско—Американская компания
РАН	— Российская академия наук
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ	— Российская государственная библиотека
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив
РГАВМФ	— Российский государственный архив Военно-Морского флота
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РГИА ДВ	— Российский государственный исторический архив Дальнего Востока
РНБ	— Российская национальная библиотека
РО ИРЛИ	— Рукописный отдел Института русской литературы РАН (СПб., Пушкинский Дом)
ТГУ	— Томский государственный университет
ТИАМЗ	— Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник
ТФ ГАТюмО	— Тобольский филиал Государственный архив Тюменской области

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ. ИСТОЧНИКИ.....	11
<i>ГЛАВА I. КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА 80—90-Х ГОДОВ XVIII ВЕКА</i>	21
1. Начало книгопечатания в Сибири.....	23
Создание типографий в Иркутске и Тобольске.....	23
Издательская продукция Тобольской типографии Корнильевых (1789—1804 гг.).....	28
2. Рукописная книга.....	33
3. Распространение книги: пути, способы, механизмы.....	35
4. Формирование библиотечных фондов.....	41
5. Читатель и чтение.....	49
<i>ГЛАВА II. КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА</i>	57
1. Развитие полиграфического производства. Центры местного книгопечатания.....	59
2. Печатная продукция сибирских типографий и литографий.....	62
3. Рукописная книга.....	68
4. Формирование авторского корпуса. Издательские начинания сибиряков.....	71
5. Книга на языках коренных народов Сибири и Дальнего Востока.....	76
6. Пути распространения книги. Книжная торговля.....	82
7. Библиотеки как очаги книжной культуры.....	89
8. Читатель и чтение.....	99
<i>ГЛАВА III. КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА КОНЦА 50—70-Х ГОДОВ XIX ВЕКА</i>	108
1. Развитие полиграфического производства.....	111
2. Издательская деятельность обществ и организаций.....	113
3. Частное книгоиздание. Виды и тематика выпускаемых книг.....	118
4. Рукописная книга.....	124
5. Книга на языках коренных народов Сибири и Дальнего Востока.....	129
6. Книжная торговля и другие формы распространения произведений печати.....	135
7. Развитие сети библиотек. Становление краеведческой библиографии.....	145
8. Читатель и чтение.....	158
<i>ГЛАВА IV. КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА 80-Х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 90-Х ГОДОВ XIX ВЕКА</i>	171
1. Развитие полиграфического производства.....	174
2. Издательская деятельность ведомств, обществ, музеев, Томского университета.....	177
3. Частное книгоиздание. Особенности, виды и тематика выпускаемых книг.....	189
4. Рукописная книга. Нелегальные издания.....	197
5. Книга на языках коренных народов Сибири и Дальнего Востока.....	203
6. Книжная торговля и другие формы распространения произ- ведений печати.....	211
Книготорговые предприятия, их деятельность.....	211
Распространение книг обществами, организациями, политическими ссыльными.....	216
Распространение местных изданий.....	222
7. Роль библиотек в развитии просвещения, науки, культуры.....	224
Библиотеки учебных заведений.....	225

Библиотеки музеев, научных обществ, ведомств и организаций.....	228
Публичные библиотеки.....	231
Развитие краеведческой библиографии.....	235
8. Читатель и чтение.....	237
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	248
Примечания.....	254
Приложения.....	296
Именной указатель.....	303
Список сокращений.....	314

Научное издание

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ
СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

Т. 1. Конец XVIII — середина 90-х годов XIX века

Редакторы: *Е.С. Кондратьева, В.И. Смирнова*
Верстка *Н.А. Айгаровой*
Корректор *А.В. Овечкина*

Лицензия ЛР № 020909 от 1.09.99

Подписано в печать 31.01.2000. Формат 70x100/16.
Бумага писчая. Ротапринт. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 25,4.
Уч.-изд. л. 29,6. Тираж 500 экз. Заказ № 80.

Издательство СО РАН, Новосибирск, Морской пр., 2.
Полиграфический участок ГПНТБ СО РАН, 630200, Новосибирск, ул. Восход, 15